

Екатерина Графф

ЖЕНЩИНА, ЖЕЛАВШАЯ ЛЮБИТЬ

КНИГА ВТОРАЯ

ПРОЩЕНИЕ БЕЗ ПОЩАДЫ
(MERCILESS FORGIVENESS)

Глава 1.

Десятилетие из Ада.

*«Смирительная рубашка должна соответствовать размеру безумия» -
Станислав Ежи Лец.*

Весной 2000-го года Греция раскрылась как прекрасный цветок. Февраль был щедр на бури с градом и затяжные проливные дожди. Порывистые западные ветры въжили метели из лепестков цветущего миндаля, пряча зеленые газоны под белыми покрывалами. Март одел деревья и кусты в нежную листву и поселил на ветках птиц. Апрель приголубил всех тварей первым настоящим теплом, пробудив к жизни притупившиеся за зиму чувства и ощущения. Кто-то сказал, что Греция – это любовное приключения Господа Бога с планетой Земля. Как верно сказано! Греки жили на своей земле долго, и ни разу, со времен Богов и Героев, красота их земли не подвела их, каждую весну оживая в своем бессмертии и величии. Широко улыбаясь, они с гордостью смотрели на свои лазурные моря и небеса. Эллада готовилась к Олимпийским Играм. Это была весна нового тысячелетия.

Улицы и переулки Афин были шумны и многолюдны. Мужчины торопились в свои конторы и офисы, что-то крича на ходу в миниатюрные мобильные телефоны. Женщины толпились в магазинах с выражением сосредоточенности на ухоженных лицах, а их энергичные движения выдавали уверенность в завтрашнем дне. Смеясь и толкаясь, их дети возвращались из школ шумными стаями. Старики, лениво наблюдая за уличной жизнью, передвигали тавлы под сенью старомодных кафе. Весна любила людей, поселив в их душах мир и покой. Не было слышно раздраженных криков и даже бездомных собак, разморенных солнцем и мирно спавших у дверей магазинов и кафе, никто не тревожил.

Магазины, блистая безупречно отмытыми витринами, гостеприимно распахивали двери, маня случайных прохожих и постоянных покупателей разложенными на полках товарами, скидками, предложениями и подарками.

Кофейни наполняли воздух горьковато-пряным ароматом молотого кофе, от которого голова шла кругом.

Цветочные лотки взрывались буйством соцветий и запахов. Букеты гвоздик, лилий, роз и нарциссов, завернутые в бумагу, были расставлены в огромные вазы или просто разложены на деревянных скамьях. Нарасхват, правда, шли незатейливые букетики анемонов, считавшихся символом весны и возрождения.

А греческая кухня! Прямо на тротуарах, рядом с тавернами и кафе, появились столики, покрытые разноцветными скатертями и, если прищурить глаза, то может показаться, что гениальный импрессионист расцветил все вокруг размашистыми мазками ярких красок. Бараньи отбивные, кальмары и рыба шипели на гриле, источая вместе с соком, капающим на угли, умопомрачительный аромат. Сладкий перец, огурцы, помидоры и лук быстро перемещались из плетеных корзин на разделочные доски поваров, а затем, нарезанные и обильно сдобренные оливковым маслом и душистыми специями, заполняли салатницы, тарелки и свернутые кулечками питы. Длинные стаканы с холодным пивом потели от удовольствия, а в приземистых стопочках, целуя лед, бледнело узо. Свежий воздух

возбуждал аппетит, а на раскрасневшихся лицах едоков расплывалось удовольствие от приема вкусной и обильной пищи.

Музыка, звучащая в домах, в машинах и на улицах, была полна прекрасных мелодий – певцы и певицы со звучными голосами пели о любви.

Греки, всегда свято чтившие круг семьи, продолжали любить и баловать своих детей и стариков. Драмы и болезни, знакомые каждой семье, они держали за непроницаемыми створками приветливых улыбок. Жизнь была через край и любая мысль о болезнях и смерти была нелепой – ей попросту не было места среди весеннего пробуждения.

Скоро все изменится, но той весной Греция еще жила в достатке, нормальной, незатейливой и довольной жизнью. Простой человеческой жизнью, которая так понятна и дорога каждому человеку с планеты Земля. Казалось, что люди захотели забыть и не думать о том, что они всего лишь масса тел, душ и сердец, что они – та совокупность судеб, что интересует исключительно их самих. Для сильных мира сего они являются постоянно растущим населением, что постоянно требует зарплат, пенсий, социальных выплат и поблажек. Уже совсем скоро эта масса будет брошена в водоворот испытаний, кризисов и геополитических катастроф. Что ж, хорошая жизнь всегда преходяща и, увы, неповторима. Все, что ожидает людей в будущем, всегда хуже, чем те хорошие времена, о которых всегда вспоминают старики.

Елизавета Тропинина именно так увидела греческую весну 2000-го года – романтично и жизнерадостно. Не будем судить ее строго. Это была ее первая весна в стране, которую она любила и где теперь самостоятельно вставала на ноги. Только что из ее жизни навсегда ушел ненавистный и ненужный ей человек, она обрела свободу от некоторых обстоятельств, что угрожали ее безопасности и, как все художественные и тонкие натуры, расчувствовалась, восторгаясь внешней стороной жизни просто потому, что она была красива. Вглубь событий Лиза не вникала – ей было недосуг, она продолжала зализывать нанесенные ей раны. Прислушиваясь больше к себе, она не могла уловить, чем и как живет страна на самом деле. Она перестала следить за тем, что происходит в мире и, предпочитая одиночество, покой, тишину и свои мысли, писала картины.

Ее вполне устраивала отстраненность от политики и полное одиночество. Единственное, чего ей не хватало, это серьезных разговоров образованных людей о литературе и об искусстве, ей не хватало театров, где ставят Чехова и Ибсена, не хватало длинных концертных программ, которые в Киеве, каждую осень, вывешивались на дверях Оперного театра и Консерватории.

Иногда, по вечерам, она включала телевизор. Ей было непонятно, почему с экрана галдят сразу пять или шесть человек, почему практически все телевизионное время отдано сплетням, скандалам и поразительно глупым шоу, во время которых крашенные блондинки с глубокими вырезами о ком-то злословят или кого-то прославляют. В конце 80-х, для жителей бывшей советской империи новости стали жизненно важным атрибутом. Почти семь десятков лет они были лишены возможности узнать, что творилось там, с другой стороны Железного Занавеса, им скармливали приукрашенную действительность или откровенную ложь. Они слышали и видели только то, что проходило через многоуровневую цензуру ЦК КПСС. И только с распадом советской империи, бывшие узники тоталитарной системы, которых насильно удержали за «железным занавесом», получили доступ не только к новостям без цензуры, но и к обжигающей правде. Еще совсем недавно, жадно заглатывая у себя в стране ежедневную дозу шокирующих исторических фактов, Лиза не была готова увидеть и осознать то, что исподволь уже меняло весь мир.

Довольно провинциальные греческие каналы – частные и государственные – обнажили перед ней происшедшую метаморфозу: источники массовой информации, превратились в медиазаразу, которая теперь будет не столько информировать, сколько разлагать мозги. С началом нового тысячелетия, если события, претендующие на новость, не будут случаться сами, их будут создавать; сплетня превратится в полноценную новость; фейковые новости вытеснят правду; качество сериалов и других программ и шоу понизят до нулевого уровня; на ТВ запустят политическую рекламу, таким образом, лишив избирателя права выбора; людей поведут за деньгами, узнаваемыми лицами и примитивными идеями, отучая их мыслить самостоятельно. Медиазараза станет эффективным оружием, направленным против народов. Задача будет стоять грандиозная – убить интеллектуальный всплеск 60-х и 70-х годов, перенаправить мозги молодежи на освоение технологических новинок, лишить средний класс средств существования, ошельмовать интеллектуалов и окончательно приспать мозги рабочего класса. Население испугают созданным для них мифом – «страшно быть не как все». Их научат признавать ложную правоту выдуманных авторитетов и несуществующего большинства, созданных при помощи технологий. Пройдет одно десятилетие и станет очевидно одно – медиазараза со своей задачей справилась.

В ту весну 2000 года, Лиза мало думала о том, кто такие, на самом деле, все эти политики, президенты, премьер-министры и почему они так жаждут власти. Она не знала и даже не предполагала всей глубины уже поразившей Грецию и весь мир болезни. Через каких-нибудь восемь лет гнойная рана откроется, поразив мир своим зловонием и уродливостью. Греция потеряет блеск и упадет на колени. Над ней будут смеяться. Однако все это случится еще не скоро – через целых девять лет. Люди обычно так далеко не заглядывают.

Так что же произойдет? Произойдет нечто вполне естественное – проявится результат предыдущих людских деяний, суть которых будет состоять в том, что ради больших денег попирались законы и обесценивались ценности. Абсолюты будут разрушены и вместо них появятся заполненные пустотой пространства, внутри которых будет таиться опасность для людей. Политика перестанет быть той юдолью, где жертвуют собой и служат народам, она превратится в доходное место, где можно, наплевав на обещания, данные избирателям, хорошо обогатиться. В первом десятилетии нулевых начнут рушиться устои, на котором возник, достиг своего расцвета и простоял много столетий, демократический мир. Соединенным Штатам и объединенной Европе придется пережить финансовый и экономический кризисы. Америка напечатает больше долларов, а Европа введет режим экономии. Северные страны объединенной Европы ополчатся против южных, которые будут душить удавками из кредитов, что, в свою очередь, породит невиданный популизм местных политиков. В этом десятилетии страны Европы, поддавшись диктату своего гегемона Германии, добровольно навяжут себе энергическую зависимость от России. В Европе начнет просыпаться радикализм, вызванный излишней терпимостью. Политика мультикультуризма обернется нашествием мигрантов и тихой оккупацией. Поддержав своего североатлантического союзника, некоторые страны «старой» Европы ввяжутся в войну с мусульманским миром и их начнут сотрясать беспощадные террористические акты. Придет время, и объединенная Европа будет снова стоять перед выбором – куда идти и с кем дружить.

Именно в то время, в конце 90-х – начале 2000-х, было положено начало большому и последнему политическому кризису, которое займет несколько десятилетий.

Двадцатый век вошел в историю своими кровавыми революциями и войнами, после которых настал затяжной мир, погрузивший обывателей в «мыльные пузыри» ложного благополучия. Последний год века ознаменовался огромной паникой, связанной с тем, что все компьютерные системы выйдут из строя. То, что должно было случиться, называлось Y2K. Это была ошибка или изъян, который мог вызывать проблемы при работе с датами после 31 декабря 1999 года. Ничего страшного не произошло, единственная тревога, прозвучавшая в новогоднюю ночь, донеслась с одной из атомных электростанций в Японии и оказалась, слава богу, ложной. Однако тогда прозвенел первый звонок, на который, в преддверии большого праздника по случаю нового тысячелетия, предпочли не обратить внимание. Зарыв голову в песок, жители Земли не захотели подумать о том, что с ними произойдет, если рухнет, например, система безопасности их стран, подвешенная на виртуальный крючок? Что будет, если все энергетические источники выйдут из строя? Что будет, если кто-то, ради забавы, запустит и перенаправит ядерные ракеты или очистит банковские счета? Что будет, если с помощью всемирной паутины, проникающей в каждый уголок бытия и сознания, одна страна начнет вмешиваться в избирательный процесс другой страны, манипулируя количеством голосов в пользу своего фаворита?

Ожидаемой компьютерной катастрофы не произошло, но случится то, что человечество никак не ожидало – невиданный по своему размаху террористический акт в начале десятилетия и финансовая катастрофа ближе к его концу. В России в мае 2000 года к власти придет Владимир Путин. В первое десятилетие 21 века взойдет большая и яркая звезда партийно-капиталистического Китая, а в США впервые президентом станет афро-американец. В этом же десятилетии появятся письма, в которых будет антракс – белый порошок, заражающий сибирской язвой.

Впрочем, не начать ли нам все по-порядку?

1 января 1999 года 11 стран Евросоюза ввели евро в безналичный расчет.

В 2000 году цены на топливо упадут до 2 долларов за галлон.

Потерпит крушение самолет Concord, погибнут 113 человек.

Смертники Аль-Каиды атакуют авианосец американских ВВС «Cole», будут убиты 17 матросов.

В 2001 году Джордж Буш принесет присягу после вмешательства суда, рассматривавшего возможность фальсификации результатов выборов.

Экономика США опустится в рецессию.

В том же году, 11 сентября, девятнадцать исламских террористов, угонят самолеты и врежутся в обе башни Всемирного Торгового Центра и Пентагон. В этом невиданном по своему размаху и жестокости теракте, погибнут три тысячи человек. Америка ввяжется сначала в войну в Афганистане, а затем вторгнется в Ирак, однако, со временем, и там и там потерпит фиаско. Вместо коммунизма, который не только насаждали огнем и мечом на родине пролетарской революции, но и экспортировали в другие страны, Западный мир попытается экспортировать другую идеологию – демократию или то, что в наши дни принято понимать под демократией. На этот раз новоявленные «крестоносцы», устремившись на те далекие берега, где цивилизация возникла тысячелетия тому назад, решили прикрыть фиговым листком свою, уже давно не существующую демократию, и собственные, довольно приземленные интересы – месторождения нефти. «Крестоносцы» окажутся при деньгах: на войну в Иране и в Афганистане ими будут потрачены десятки триллионов долларов. Кто-то правильно сказал, что когда политикам с большими амбициями не удается найти законного врага, они частенько выдумывают его.

В 2001 году компания «Епгон» объявит о своем банкротстве.

1 января 2002 года, в наличное обращение будет введена европейская валюта - евро.

В 2002 году Папа Римский Иоанн Павел II и Ватикан признают, наконец, случаи сексуальных домогательств и педофилии со стороны служителей церкви.

В том же году, во время катастрофы одного из самолетов на летном шоу в Украине, погибнут 83 человека, в том числе, и дети.

В том же году, 23 октября, в Москве, чеченские «террористы», входящие в «Исламский полк особого назначения» под командованием Мовсара Бараева, захватят зрителей, пришедшими на спектакль «Норд-Ост» в театральном центре на Дубровке. Требуя прекратить войну в Чечне, они будут удерживать около тысячи заложников в здании театра три дня. В результате операции по их освобождению или, лучше сказать, бездарной эвакуации, погибнут 125 человек.

В 2003 году, при входе в плотные слои атмосферы, развалится шатл «Колумбия». Погибнут все 7 членов экипажа.

В том же году произойдет грандиозный блэкаут в Канаде и США.

Болезнь Кройцфельда или «бешеных коров» достигнет США. МОЗ объявит о вирусе SARS.

Доктор Ральф Барик, профессор эпидемиологии, микробиологии и иммунологии в Университете Северной Каролины в Чапел-Хилл (UNC-Chapel Hill), является исследователем в области коронавирусов более 30 лет и имеет собственную лабораторию. Согласно статье, которая будет опубликована в UNC-Chapel Hill в 2003 году, он, к июлю того же года, успешно создаст «инфекционный клон городского штамма коронавируса SARS» в «трех ведущих лабораториях армии США в Мэриленде». Согласно отчету, который будет опубликован в «Proceedings of the National Academy of Sciences» (PNAS) в 2008 году, команде Барика удастся синтетически реконструировать вариант коронавируса SARS (CoV) летучей мыши, который вызовет эпидемию SARS в 2003 году. Его имя также свяжут со сверх разрушительной модификацией коронавируса, которая будет названа Covid19. Поскольку данные исследования будут объявлены в США незаконными, их продолжат в лаборатории города Ухань (Китай).

В 2004 году исламские террористы атакуют поезда в Мадриде, принеся в жертву более 200 человек.

В ноябре 2004 года в Украине произойдет Оранжевая революция. На главной площади столицы Украины – Киеве, протестующие установят палаточный городок и, в самый разгар морозов, будут оставаться там до тех пор, пока власть не услышит их требований. Украинцы выйдут на улицы, выступая против фальсификации результатов президентских выборов, второй тур которых пройдет 21 ноября 2004 года. По результатам второго тура, с небольшим отрывом, победит ставленник Кремля, привлеченный дважды к уголовной ответственности, Виктор Янукович. Пойдя навстречу требованию протестующих, будет назначен беспрецедентный третий тур выборов, на котором одержит победу представитель демократических сил прозападный политик Виктор Ющенко. Однако, еще будучи кандидатом в президенты, Ющенко будет отравлен диоксином, что полностью изуродует его лицо. После инаугурации он отбудет на длительное лечение за рубеж, а после возвращения, он, уже осенью 2005 года, отправит в отставку «оранжевого» премьера Юлию Тимошенко. Ее место займет проигравший президентские выборы и проклятый протестующими, ставленник Кремля, Виктор Янукович. Результаты Оранжевой революции будут сведены к нулю.

В 2005 году Северная Корея объявит о том, что у нее есть ядерное оружие.

Американские потери в Ираке, куда в 2003 году вторгнутся США, с целью свержения режима Саддама Хусейна, составят 2000 человек.

Террористы-смертники синхронно подорвут три поезда Лондонского метрополитена. Четвертый взрыв прогремит в автобусе в час-пик. Погибнут 50 человек.

Генеральная прокуратура Украины заявит о том, что 18 советских крылатых ракет, способных нести ядерные заряды, четыре года тому назад, были тайно переправлены в страны третьего мира - в частности, в Китай и Иран. Участниками этой аферы окажутся государственные служащие на высоких постах, олигархи и офицеры СБУ.

В 2006 году цена топлива будет составлять 3 доллара за галлон.

В том же году, 30 декабря, Саддама Хусейна повесят.

В 2007 году бывший премьер-министр Пакистана Беназир Пхутто будет убита террористами Аль-Каиды.

В 2007 году в США разразится ипотечный кризис.

В 2008 году цены на нефть взлетят до 147 долларов за баррель.

Биржевые показатели упадут до рекордной отметки, начиная с 1931 года.

В 2008 году разгорится мировой финансово-экономический кризис, за которым последует глобальная рецессия. По словам Джорджа Сороса, «ипотечный «мыльный пузырь» 2007 года, что разразится в США, окажется лишь спусковым механизмом, приведшим к тому, что лопнет более крупный пузырь». Причинами кризиса назовут много различных явлений, среди которых стоит отметить «пузырь» на фондовом рынке США, «пузырь» на глобальном рынке основных ресурсов – нефти, металлов, сельскохозяйственной продукции и продовольствия, а также отток капитала из США и ужесточение условий внешних заимствований.

В 2009 году президент Обама объявит о пакете государственной поддержки предприятиям в размере 275 млрд. долларов, а также о стимулирующем пакете в размере 787 млрд. долларов.

12 марта того же года, Берни Мэдофф – один из основателей биржи NASDAQ, признает, что его фонд, зарегистрированный как инвестиционная компания «Bernard L. Madoff Investment Securities», является финансовой пирамидой. Прокуроры подсчитают, что афера Мэдоффа составит 64.8 млрд. долларов, став самой большой аферой в истории Уолл-стрит. Король финансовой пирамиды Берни Мэдофф будет приговорен к 150 годам тюремного заключения, но никакие столетия в тюрьме не смогут вернуть людям потерянных денег и искалеченных судеб.

В 2009 году лидер партии «Пасок» и тогда премьер-министр Греции, Йоргос Папандреу, объявит о банкротстве Греции. Ее долг составит 126% от ВВП страны – далее скрывать такой долг станет невозможно. Старушку-Грецию поимели все политики, что оказывались у власти с конца 70-х. Стоит ли удивляться, что в результате она оказалась в интересном положении? В 2001 году Греция начнет брать кредиты на миллиарды евро в американских банках, в том числе, и у Goldman Sachs. Огромный кредит, полученный в Goldman Sachs, позволит подогнать экономические и финансовые показатели Греции до того правильного уровня, который сможет ей гарантировать присоединение к Еврозоне. Эти займы будут тщательно маскироваться под торгово-финансовые обменные операции. В частности, многомиллиардные кредиты будут проходить по документам как обмен национальными валютами между банками разных стран, выданных на определенный срок. Таким образом, Греция втайне от европейских властей получит дополнительную ликвидность, за счет чего искусственно сократит размер своего государственного долга и бюджетного дефицита. Благодаря кредиту

американского банка, местные политики кое-что подделают, кое-что подгонят и «выйдут в дамки». Когда Goldman Sachs обанкротится, греческий долг вылезет наружу. Папандреу попросит помощи у ЕС. Канцлер Ангела Меркель будет бесноваться на трибуне, забыв о том, как, после окончания Второй мировой войны, поверженной Германии был списан весь долг без остатка. Тогда страна, еще недавно бывшая державой Гитлера, начала с чистого листа. Короче говоря, общий посыл будет состоять в том, что страны из клуба под названием «ЕС», никому из своих членов помогать не собираются. Почему такое безразличие к бедам соклубника? Потому что уже существовал Маастрихтский договор или Договор о Европейском Союзе, подписанный 7 февраля 1992 года и положивший начало ЕС. Греция была одной из участниц-подписантов этого договора. Кроме остальных положений, закрепленных в нем, страны-члены ЕС не обязаны помогать стране, попавшей в беду. Она, нарушившая положения о том, что дефицит государственного бюджета не должен превышать 3 % ВВП, а государственный долг должен быть менее 60 % ВВП, сразу же станет изгоем. После полугода дебатов Греции все-таки «помогут», переписав ее долг с частных заимодавцев на МВФ и ЕС. Сразу же, после этого «акта милосердия», Греция потеряет часть своего суверенитета. Ее финансы и экономику станет контролировать так называемая «тройка» - по одному представителю от МВФ, Европейской комиссии и ЕЦБ. Десятилетняя диктатура «тройки» приведет к введению строгого режима экономии, падению уровня экономики, социальной напряженности, массовым протестам, невиданному уровню безработицы, особенно, среди молодежи, резкому падению жизненного уровня греков, а также их дискредитации, как нации. Чего только не будут говорить о греках в своих СМИ их северные «соклубники»! Лентяи, мошенники, привыкли жить за чужой счет... А ведь урок греческого банкротства, за которым последуют Италия, Испания, Португалия и Ирландия, будет состоять совсем в другом: народы не должны расплачиваться за ошибки, воровство, ложь и коррупцию своих политиков. Будут ли наказаны виновные политики? Как можно? Они же слуги народа и, поэтому неприкасаемы.

В 2009 году МОЗ объявит о пандемии, вызванной вирусом H1N1, который назовут «свиным гриппом».

Так что же станет причиной или причинами всех этих предвиденных и непредвиденных несчастий? Историческая успокоенность? Западному миру вдруг показалось, что он свободен от конфликтов и войн? Что, после победы, одержанной в борьбе с империей Зла, навсегда засияет мир во всем мире и снизойдет благодать? Нацизм был повержен союзниками, а затем, сорок пять лет спустя, была одержана победа и в «холодной войне», приведшая к распаду рассаднику коммунизма – СССР. Некоторые называли это концом истории. Они ошибались, у истории не бывает конца. История продолжится даже тогда, когда подойдет к концу очередной виток цивилизации и, на этот раз, Земля освободится от человечества.

Итак, первой причиной несчастий, кризисов и катастроф послужит успокоенность и отказ от ответственности. Желание жить не просто хорошо, а очень хорошо, породит жадность, которая приведет к созданию финансовых пирамид и токсичных финансовых продуктов. Именно она, жадность, сформирует специфическую корпоративную политику, когда сотрудники корпораций, спекулирующие деньгами и ничего не производящие, будут получать астрономические зарплаты и бонусы, а, в случае непредвиденных обстоятельств, для каждого из них будет припасен «золотой парашют». Жизнь в долг или на спекулятивные барыши, бесконечная показуха и бахвальство, отвлекут от угроз и

усыпят бдительность, что приведет к первой в этом десятилетии большой трагедии.

Осама бин Ладен организовал свою Аль-Каиду где-то между 1988 и 1990 годами. Однако не являются ли Соединенные Штаты сами пособниками создания этого террористического формирования? Ведь это американские власти вооружали и финансировали моджахедов во время интервенции советской армии в Афганистан. Американцы также сами обучили большинство из тех, кто впоследствии стал воином в армии бин Ладена. Кто же осудит американцев? Советские войска творили зверства и беззакония на афганской земле, их надо было остановить. Нет, не американской рукой, а руками местных борцов за свободу. Их надо было вооружить против советских вертолетов и танков. Так и сделали. Но вот, благодарные и дружественные борцы за свободу превратились вдруг в заклятых врагов. И не то, чтобы эти «друзья» время от времени не демонстрировали свое истинное обличье: в 1992 году, например, аль-Каида, чьей целью были американские морские пехотинцы, следовавшие в Сомали, подорвала бомбу в отеле в Йемене, где остановились пехотинцы. В 1993 году, была попытка взорвать Международный Торговый центр. Через три года бомба была заложена в «Хобар Тауэрс» в Саудовской Аравии, где погибли 19 американских летчиков. Дважды, в 1996 и 1998 годах, Осама бин Ладен объявлял священную войну с призывами уничтожить американцев, после чего Аль-Каида, 7 августа 1998 года, во время одновременной атаки, взорвала посольства США в Кении и Танзании. Триста человек были убиты, в том числе, и двенадцать американцев. В октябре 2000 года, террористы бин Ладена напали на эсминец американских ВВС «Коул» и убили 17 членов экипажа.

После всего перечисленного, разве сможет 11 сентября стать неожиданностью? И, тем не менее, для многих страшный сентябрьский день окажется полной неожиданностью. Многие будут предупреждать о вероятном террористическом акте. Почему их никто не услышит?

В течение первого десятилетия 21 века, террористические акты прогремят в Англии, Пакистане, России, Индонезии, Турции, Индии, Иордании и на Филиппинах. Мысль о том, что террористы могут убивать в любое время и в любом месте, страхом засядет в сердцах многих жителей Земли.

Если Аль-Каида и ее террористическая деятельность является ярким примером притупившейся бдительности, то финансовые скандалы, которые разразятся в первом десятилетии 21-го века, станут результатом ненасытного стремления к обогащению.

Финансовый скандал, что потрясет не только Уолл-стрит, но и все Соединенные Штаты, разразится после того, как в 2007 году лопнет ипотечный пузырь, когда кредиты на приобретение жилья, не обеспеченные гарантиями и спровоцированные дешевыми деньгами, будут раздаваться направо и налево. Падут такие гиганты как Enron и WorldCom, которые разведут у себя самую настоящую «финансовую алхимию». Обанкротятся такие всемирно известные компании, как Kmart, Circuit City, United Airlines, Lehman Brothers, GM и Chrysler.

Финансовая катастрофа, которая разразится сначала в США, быстро распространится по всему миру. А ведь «гнилое зерно», ставшее предпосылкой для этой катастрофы, было посеяно в 1999 году (ох, уж этот год...), когда был отменен банковский закон Гласа-Стиголла, принятый в США в 1933 году. Этот закон предусматривал запрет для коммерческих банков заниматься инвестициями, ограничивал права банков на операции с ценными бумагами и вводил обязательное страхование банковских вкладов. Рациональное мышление и здравый смысл были уничтожены головокружением от успехов. Что за успехи?

Большие незаработанные деньги, полученные от того, что играли на биржах, закладывая целые пенсионные фонды, от того, что продавали токсичные финансовые инструменты и радовались тому, что прибыль может быть не только реальной, но и виртуальной.

Еще одной причиной финансового скандала станут крайне размытые правила заема и кредитования. В результате, такие компании, как Bear Stearns и Lehman Brothers умудряются саккумулировать 30 долларов долга на каждый доллар капитала.

Ладно, все это дело рук человеческих. Перейдем к разрушительным актам божественного происхождения. Не только люди, но и природа продемонстрирует свою разрушительную силу в этом десятилетии.

В 2000 году в Африке проливные дожди оставят без крова более миллиона человек.

В 2003 году землетрясение в Иране убьет 26 тысяч человек.

Цунами 2004 года в юго-восточной Азии унесет жизни более 200 тысяч человек.

В 2005 году землетрясение в Кашмире заберет жизни 50 тысяч человек.

29 августа 2005 года ураган Катрина спровоцирует оползень в юго-восточной Луизиане, в результате чего более полутора тысяч людей потеряют свои жизни. Последствия этого урагана оценят в 100 млрд. долларов. О том, что уже давно надо было бы укрепить дамбы, будут говорить многие. Но зачем политикам тратить сегодня деньги на то, что завтра может и не случиться? Лучше потратить на свою кампанию, лучше одурачить своих избирателей, чем обеспечить их обезопасить.

Многие из распиаренных спортивных знаменитостей и звезд Голливуда станут главными действующими лицами допинговых и сексуальных скандалов.

В конце первого десятилетия 21-го века, человечество закусит удила понесется навстречу своей гибели. Мы знаем, как и почему погибли великие цивилизации прошлого – египетская, греческая, римская, византийская. Наша теперешняя общечеловеческая цивилизация, держится на последнем клочке земли, нависшем над пропастью. Мы растворимся в собственных достижениях и грехах. Как окажется, наши достижения, не станут благом ни для нас, ни для наших детей, ни для нашей планеты просто потому, что основой этих достижений окажется не нравственность, а нажива.

В начале нулевых политологи заговорят о том, что, после окончания «холодной» войны, причиной войн станут культура и религия. Религия, несомненно, подготовит почву для войны, ей не впервой сеять ненависть между людьми. Но вот культура, неужели и она послужит поводом для войны? Увы, культура перестанет быть препятствием на пути войны. Те, кто захотят убивать, просто обойдут культуру стороной, ее ценности и идеалы окажутся беспомощными перед пропагандой и проснувшимся в людях варварством. Однако причинами большой войны станут вода, земля, энергетические ресурсы, продукты питания и причуды свихнувшихся от абсолютной власти правителей.

Что случится из хорошего? Врачи смогут прочесть геном человека, а миллионы читателей прочтут «Гарри Поттера».

Аминь.

Дом утраченный и дом приобретенный.

Вот уже несколько месяцев Лиза жила в своей маленькой квартирке, снятой у хозяйки в Певках. Она пряталась в днях недели, как пчела прячется в лепестках душистой розы, и жизнь казалась ей не такой уж скверной штукой.

Она благодарила Бога и свою неумную душу за то, что, в конце концов, очутилась здесь, а не где-нибудь в Киеве, на Троещине. Пятнадцать лет тому назад Троещина была новым районом, некоторые даже считали его одним из лучших районов Киева. Выкрашенные в яркие цвета многоэтажки, окруженные каналом и широкими дорогами, часто показывали туристам. Туда, на левый берег Днепра, потянулась киевская интеллигенция, решившая последовать европейской традиции бежать из многолюдного и шумного центра, и селиться в благоустроенных окраинах. Переехали на Троещину и Анна с Александрой. Лиза умоляла их не менять квартиру в доме на правом берегу Днепра, окруженную вековыми тополями, на этот «марсианский пейзаж», но Александра настаивала, а Анна привыкла повиноваться капризам своей дочери с неустроенной судьбой. Александра поняла свою ошибку в первую же осень, когда по утрам, спеша на работу в школу, она не могла втиснуться в переполненные автобусы. Понадобилась всего одна зима, чтобы веселенькая краска с домов облупилась, канал превратился в болото с комарами, а по улицам в ветреную погоду кружил песок с берегов Днепра. Соседями оказались совсем не профессора и писатели, а простой, необразованный люд, приехавший из близлежащих деревень, чьи дети, маясь от дури и неизрасходованной силушки, разбили светильники в подъездах, разрисовали лифты и выломали почтовые ящики. Лиза, не выносившая уродства, старалась бывать там как можно реже.

Александра заперлась в своей комнате и редко выходила, проклиная свою поспешность и легкомыслие. Каждый раз, приезжая в Лизину квартиру на Печерске, она злилась и завидовала, считая, что дочери достается все слишком легко. Впрочем, при такой-то красоте она могла бы добиться гораздо большего, укрыв свою мать за стеной благополучия. Лиза знала, что Александра считает подвигом тот факт, что родила ее, и что ей никогда не расплатиться за то, что та произвела ее на свет. Любя себя, ее мать яростно привлекала других к участию в своей несчастной судьбе. Лиза помогала, как могла, однако класть свою жизнь на алтарь своей матери она отказалась. В квартире в центре Киева, которая, по мнению Александры, досталась ей легко и просто, сейчас живет Игнат, а она устроилась здесь, в Певках, среди сосен и птиц.

Роскошная бугенвиллия, дотянувшись своим крепким коричневым телом, свитом из нескольких стволов, до второго этажа, взрывалась салютом малиновых брызг прямо у нее на балконе. С другой стороны к балкону грациозно льнула глициния, опьяняя глаз множеством лиловых соцветий, в которых жужжали запутавшиеся насекомые. Облокотившись о косяк распахнутой настезь балконной двери, Лиза исподтишка подглядывала за таинством рождающейся заново природы. Робкая ученица, притихшая перед могуществом Создателя, она могла часами наблюдать переменчивые и переливчатые краски, которыми только весной окрашивались небеса, деревья, дома и, казалось, даже сам воздух. Стараясь объять эту красоту всеми фибрами своей души и слиться с ней, Лиза побуждала себя думать только хорошее обо всем и обо всех, даже о своем покойном муже. Ей было по-человечески жаль его, жаль, что он не увидит эту весну и не увидит больше весен вообще, но ей дышалось легче оттого, что весна 2000-го была для нее весной без Димитриса Загкоса.

Затаив дыхание, она смотрела на предзакатное небо. Ближе к горизонту разные оттенки розового и серого постепенно сгущались, превращаясь в драматическую схватку лилового и алого. Эта схватка потрясала своим напряжением, поскольку граница между цветами не была размыта, а оставаясь четкой и нетронутой. Ни алый, ни лиловый не хотели уступать и сдаваться.

Рассматривая розовое небо у себя над головой, Лиза ощутила во рту давно забытый вкус.

«Небо пахнет розовым пломбиром», - подумала она.

Когда в Измаиле наступал июнь и начиналась жара, по вечерам в саду собиралась вся семья – дедушка, отец, мама и бабушка. Лизе страшно хотелось мороженого, она крутилась вокруг взрослых, гадая, сказать или не сказать. Они, конечно, догадывались, в чем дело, и вот мама приносила плетенную неглубокую корзинку, дно которой было выстлано чистой салфеткой, и деньги. Лиза зажимала монетки в кулачке и гордо шествовала по проспекту до первого лотка с большим полосатым зонтом, где продавали мороженое. В те времена мороженое делали в больших алюминиевых бидонах без добавления красителей, ароматизаторов или консервантов. Бидоны устанавливали в деревянные лотки на колесах, заполняя пространство между ними сухим льдом. Каждый раз, когда продавщица в белом фартуке и крахмальной кружевной наколке на волосах, открывала крышку лотка, оттуда вырывался колючий белый дымок. Специальной ложкой она наполняла хрустящие вафельные стаканчики сливочным, шоколадным или розовым пломбиром. Лиза всегда покупала себе пломбир, Александра предпочитала сливочное, а Никита, Анна и Василий ели шоколадное. Продавщица аккуратно укладывала пять вафельных стаканчика с шелковыми горками сладкого лакомства в Лизину корзиночку, и она бежала домой. Идти было минут пять, но и они были для нее вечностью: ей хотелось достать свой стаканчик и начать облизывать со всех сторон сладкую розовую горку. Она не делала этого из чувства солидарности – удовольствие надо делить с теми, кого любишь. Ведь гораздо приятнее начать лакомиться мороженым, когда оно есть у всех, а не только у тебя.

Нехотя оторвавшись от созерцания пломбирного неба, Лиза оглядела свою квартиру, которую смогла снять, скопив немного денег, живя под одной крышей со своим теряющим разум мужем. Она только-только обжилась на новом месте. Потолки обшиты деревом, стены белые и на полу тоже белые керамические плиты. Все три комнаты пришлось привести в порядок, изрядно вычистив их, но зато теперь, украшенные фотографиями и картинами, они смотрелась очень неплохо. Из мебели Лиза могла осилить только небольшой диван с журнальным столиком и широченный матрас. Брошенный на пол, он занимал как раз пол спальни. Предзакатные лучи солнца коснулись двух ее любимых картин, привезенных ею из Киева: на одной был изображен букет полевых цветов в глиняной вазе, а на другой – цветущая ветвь персикового дерева. Ее собственные картины были повернуты к стене, ожидая своего часа.

Приближаясь к сорокалетнему возрасту, Лиза снова нашла и ощутила себя такой, какой она была в детстве. Лет в шестнадцать-семнадцать, торопясь повзрослеть, нам не терпится перерезать пуповину, соединяющую нас с собственным рождением и детством. Мы намеренно выбрасываем вещи, напоминающие нам о наших младенческих и детских, как тогда казалось, бесконечных годах. Путешествуя по городам и весям, пробуя себя то здесь то там, мы меняем профессии, любовников, характер, лицо и наряды, приспосабливаясь к обстоятельствам, делая хорошие дела и совершая ошибки, часто неверно оценивая себя, историю и людей. Но в определенном возрасте, подуставши и набравшись опыта, мы вдруг ощущаем неясные толчки внутри себя. Подумав и немного

поколебавшись, мы решаемся на то, чтобы впустить в себя детство, вновь связав себя с сохранившимся в нашей памяти далеким образом девчонки или мальчишки. Делаем мы это потому, что годам к сорока, наш затылок холодит первое дыхание одиночества. Еще живы родители, есть муж и дети, пусть люди родные и любимые, но все же другие, проживающие свои жизни вне нас. Соединяясь с детским образом, мы тем самым, обретаем уверенность и почву под ногами. Гораздо уютнее и не так одиноко жить с той смысленной девчушкой, что воровала соленые помидоры из чужих погребов и от страха орала песни на берегу Тихого океана. Та девочка быстро повзрослела и превратилась в теперешнюю женщину, но, когда она возвращается, разглаживаются морщины, подтягивается тело, истекает из души агрессивность и наступает гармония. Наступает избавление от одиночества. Хочется жить, не спеша, создавать и творить. Радуетесь своей мудрости и гадаешь, откуда она – от ошибок или от той девчонки с косичками, что теперь всегда рядом.

Святые воспоминания детства... Если возьмешь их с собою во взрослую жизнь, будешь спасен.

А воспоминания эти разные.

С Лизой, например, на всю жизнь остался один неприятный запах. Когда ее любимый дед Никита заболел, и Анна уехала с ним в московскую клинику, где он будет умирать, Лизу отправили к родственникам в Одессу. Была осень. Листва с деревьев давно облетела. В школу ее не определили и неприкаянная Лиза не могла найти себе занятия, тыняясь целыми днями из комнаты в комнату, которых было всего две, а оттуда – на кухню. Впервые в жизни она попала в двухкомнатную смежную хрущевку. После измайловской привольной жизни, где она была, с одной стороны вольной птицей в большом саду, а с другой – в центре внимания окружавших ее взрослых, она потерялась. Ее отправляли на несколько часов дышать свежим воздухом и она сидела на пустой детской площадке перед домом, не зная, что предпринять. Возвращаться назад, в квартиру, ей не хотелось. Там все было чужое, а, главное, там, на подоконнике в спальне, стоял Лизин враг. Врагом этим было растение, который она ненавидела. Проведя детство среди цветов, играя с ними и одушевляя их, она не могла заставить себя не то, что приблизиться, а посмотреть на этот кактус в горшке. У него были длинные колючие отростки вместо листьев, а цвел он редко, но гадко. Лизе посчастливилось увидеть его цветы, которые сами по себе были всего лишь бело-коричневыми большими ромашками. Однако воняли эти ромашки до такой степени отвратительно, что она, впервые понюхав их, содрогнулась и чуть не вырвала весь свой завтрак на подоконник, где этот цветок стоял. Сладковатый запах разлагающейся плоти был не сильный, но навязчивый и очень стойкий. Проникая внутрь, он оставался в сознании и уже нельзя было избавиться от впечатления, что где-то рядом разлагается тело мертвеца. Лиза никак не могла понять, как эти их родственники могли держать такую гадость в доме, да еще любоваться ею и с нетерпением ждать, когда она зацветет.

Цветок стал для Лизы существом одушевленным и олицетворял некоего гада, свернувшегося на подоконнике. Несмотря на это неприятное соседство, ей каждую ночь приходилось засыпать в этой комнате, где постоянно воняло мертвечиной. Под подоконником была батарея и ее тепло, как назло, усиливало нестерпимый запах гада, решившего выпустить свои вонючие цветки.

Тот период стал для Лизы преддверием и предчувствием кончины ее любимого деда. Впервые, с момента ее рождения, судьба ей показала, как живут другие люди и как может измениться ее жизнь. Ей кто-то подсунул этот цветок на подоконнике, дав ощутить запах мертвого тела, и поселил ее в двухкомнатную хрущевку, чтобы показать ей то жилище, где очень скоро будет жить она сама. Скучая за родными

ей людьми, Лиза плакала по ночам, прижимая к глазам вышитый носовой платочек, который ей дала с собой Анна. Больше у нее ничего не было из измайловской жизни. Это было ее первое одиночество, наполненное разнообразными знаками и немymi пророчествами.

После трех месяцев в этой тесной квартирке с вонючим цветком, Лизу, наконец, отвезли обратно в Измаил. Она ждала, что за ней придет Александра, но та все не ехала. Ей надо было продолжать учебу и вот, пожилая женщина, бывшая родственницей ее деда, оставила своего такого же пожилого мужа одного на хозяйстве, села с Лизой на поезд и отправилась с ней в Измаил. Ехать надо было на неудобных сидячих местах целых пятнадцать часов.

Наконец-то ее знакомый и любимый Измаил! Был уже вечер, только добрались с вокзала домой, а тут Лизу ждало еще одно открытие. Дом, ее родной дом, казался одиноким и чужим. Большой дом выглядел брошенным. Как будто бросили собаку и теперь она, еле живая, смотрит на тебя грустными глазами. Пожилая родственница открыла дверь и Лизе, первым делом, захотелось приласкать свой дом, захотелось пробежаться по коридорам и комнатам, заглянуть в большой чулан, где на полках стояли трехлитровые банки с компотами и соленьями, ей хотелось, чтобы сразу во всех семи комнатах загорелся свет, чтобы дом стал теплым и уютным. Чтобы начал свистеть чайник на плите, чтобы на столе задымился вкусный ужин, чтобы начали раздаваться веселые голоса ее деда и отца, только что пришедших с работы, чтобы был слышен спокойный говор ее бабушки, расставлявшей тарелки на столе и, чтобы зазвенел смех ее мамы, достававшей хлеб и вино из буфета. Но ничего из этого не случилось.

Брошенный дом не ожил. Батареи были холодными, а свет включили только на кухне и в двух спальнях. Родственница, не найдя ничего съестного в холодильнике, постелила Лизе широкую кровать в спальне Анны и Никиты, а сама пошла спать в спальню ее родителей. От голода и холода Лиза не могла заснуть, она ворочалась с боку на бок, как вдруг услышала, что кто-то ходит по пустому дому. Она поднялась и пошла в гостиную. Там, перед часами с боем, стояла родственница и, не отрываясь, смотрела на них. Часы громко и долго били полночь. От страха родственница вся дрожала. Лиза же была на короткой ноге с этими часами – она переводила их стрелки на час вперед во время ненавистных занятий музыкой. Не понимая, чего можно так бояться, она повернулась и ушла, оставив глупую родственницу, вырастившую вонючий цветок у себя на подоконнике, наедине с грозными часами.

Забравшись снова в холодную постель, Лиза во всех деталях стала восстанавливать в памяти свое самое любимое воспоминание. Оно всегда поднимало ей настроение, вот и сейчас оно придет к ней, обнимет ее, согреет ее и убаюкает.

Двадцать восьмого июня ее дед и отец праздновали свои дни рождения. Как ни странно, они родились в один и тот же день. Шестилетняя Лиза уже несколько дней знала секрет: вечером двадцать восьмого, они все пойдут в плавучий ресторан на Дунайской пристани. Назывался тот ресторан «Поплавок». Она также знала, что целый ресторан заказан только для них и их гостей. Анна сшила ей новое платье, Александра и сама Анна принарядились у портнихи. Вся семья приехала, когда гости уже собрались. Ресторан принадлежал Дунайскому пароходству, поэтому весь обслуживающий персонал состоял из подчиненных ее деда. Он не мог знать всех в лицо, но все его поздравляли, искренне желая ему здоровья и многих лет жизни. Было хорошо, весело, очень здорово и необыкновенно спокойно. Даже не просто спокойно, а безопасно. Лизе тогда думалось, что она находится в самом центре отары теплых и знакомых животных и что они никому

ее не отдадут, что это теплое кольцо из больших и хорошо пахнущих тел никогда не разомкнется вокруг нее. Она бегала по палубе, танцевала с отцом, а потом и с другими, пила сладкую газировку и, подружившись с официантами, объелась невероятно вкусных сладостей, которые те приносили ей прямо с кухни. Домой возвращались под утро. Машину оставили около пристани и шли пешком. Анна и Александра несли огромные охапки цветов, Василий поднял Лизу и нес ее на плечах, а Никита, которому исполнилось сорок шесть, шагал рядом и, тогда казалось, что так будет всегда.

Но так не продолжилось. Счастье долго не длится, не так ли? Совсем скоро Александра и Василий уехали на Камчатку, а Лиза осталась с Анной и Никитой, который вдруг серьезно заболел и сейчас умирает. Свернувшись клубочком в холодной постели, она не могла понять, почему у нее отняли ее привычную жизнь, ее родных и ее дом. Она не понимала, что то, что с ней происходило, называлось взрослением и что пожилая родственница, испугавшаяся часов с боем, и брошенный холодный дом, и ни одной родной души рядом – все это знаменует собой начало перехода по тому мосту, что переброшен из детства в отрочество.

Засыпая, Лиза вызвала из своей памяти еще одно воспоминание. В летнем кинотеатре, рядом с их большим домом, показывали фильм о молодом Штраусе «Большой вальс». Василий и Александра купили билеты и, несмотря на вечерний сеанс, взяли с собой Лизу. Когда фильм закончился и толпа растеклась по улицам, Василий подхватил Александру и закружил ее в вальсе. Сама она орала, как могла, мелодию вальса, который в утреннем лесу пела, размахивая огромной шляпой с белыми перьями, необыкновенной красоты актриса. Это было самое лучшее воспоминание, которое стоило взять с собой во взрослую жизнь.

Проснувшись на следующий день, голодная Лиза уловила приятный запах, доносившийся с кухни. Прямо в ночной рубашке, побежав на запах жаренных яиц и оладий, она угодила в объятия Александры. Та приехала рано утром, проделав долгий путь с Камчатки. Увидев, наконец, родного человека, Лиза стояла, заливаясь слезами. Она надеялась, что их брошенный дом теперь оживет. Увы, ее надеждам не суждено будет сбыться. Дом ненадолго оживет, а потом его отдадут чужим людям.

Александра пробыла с Лизой недолго, совсем скоро им пришлось лететь в Москву на похороны Никиты. После похорон она опять уехала на Камчатку, а Лиза с бабушкой задержались в Москве. Анна не могла покинуть нишу в стене на кладбище, где замуровали урну с прахом ее любимого Никиты. Ей казалось, что она должна быть рядом, иначе ему будет одиноко. Убитая горем и совсем потерянная, она, тем не менее, захотела устроить праздник для своей внучки. Уже довольно долгое время Анна хлопотала, чтобы получить разрешение похоронить Никиту в Москве, на Новодевичьем кладбище. Ей пришлось несколько раз ходить на прием к официальным лицам в Кремль. Там она познакомилась с одним партийным функционером, который не только помог ей с разрешением, но и продолжал писать ей поздравительные открытки еще много лет подряд. Лиза помнила его открытки – всегда самые красивые и самые большие, в толстых белых конвертах, с обратным адресом из Кремля. Этот же функционер дал Анне приглашение для Лизы на новогодний утренник в Кремле. Она идти не хотела, но пошла, чтобы доставить удовольствие своей бабушке. Анна посадила ее на указанное место, а сама встала рядом с входом в зал, прислонившись к портьеру. Зал был огромный, представление было почти сказочным – высоченная и уже наряженная елка появлялась откуда-то сверху и опускалась только по приказу Деда Мороза, но Лиза никак не могла расслабиться. Ей казалось, что она потеряла свою бабушку, что та не сможет ее найти среди такого огромного числа детей, она

нервничала и не следила за представлением. Да и потом, как можно чем-то наслаждаться, если рядом нет родного человека? Ведь надо же удовольствием делиться, а тут по обе стороны сидят какие-то чужие дети. Нет, Лизе эта новогодняя кремлевская коммуна с мишурой не понравилась. Даже, несмотря на подарки, которые все, в том числе и она, получили после представления прямо из рук Деда Мороза.

Пришло время и надо было покинуть Москву, Новодевичье кладбище и скамейку перед той нишей в стене, где был замурован прах ее деда.

Вернувшись в Измаил, Лиза помнила, как долгими зимними вечерами, они с Анной сидели на теплой кухне и ели орехи. Жарко гудела печка, Анна раскладывала орехи на горячей поверхности печки, а потом они их кололи и чистили. Они теперь жили в большом доме вдвоем. Дом изредка освещался и отапливался. Всю весну Анна много времени проводила, копаясь в саду, а летом приехала ее старшая сестра из Киева со всей своей семьей. Ее внуки – Андрей и Татьяна – были Лизиными троюродными братом и сестрой. Она любила смотреть, как Татьяна, бывшая почти на десять лет старше ее, каждый вечер прихорашивается перед зеркалом и бегаёт на танцы. Это было последним летом в этом большом доме. Хотя Антонина старалась поддержать свою младшую сестру, Анна продолжала горевать. Жизнь в нее не возвращалась.

А потом снова настала осень. Лиза ходила в школу, Анна была дома, готовила обеды и ждала свою внучку из школы. Чтобы хоть как-то отвлечься, она училась водить машину, их белую Победу с красными кожаными чехлами на сидениях. Теперь они были как все, никто их не навещал, а в праздничные дни звонок не дребезжал каждые полчаса, когда посыльные не приносили промасленные пакеты с дичью и коробки с тортами. Как только не стало Никиты, они стали никому не нужны. Друзья, что раньше никогда не пропускали шумные застолья в их доме, куда-то пропали. Их дни текли однообразно и тоскливо. Уже не вернуть тех лет, когда Василий и Никита приезжали с охоты, обвешанные дичью, когда Анна деловито ощипывала тушки, разделявала их, вымачивала в вине, а потом готовила в духовке восхитительное лакомство. Не вернуть тех дней, когда Никита и Василий приезжали с рыбалки с целым мешком камбалы, и Анна выносила примус во двор и жарила сочные куски рыбы на большой плоской сковородке, давая Лизе, с пылу с жару, самые лакомые кусочки. Пока она жарила рыбу, Никита выносил большой стол, ставил его под орехом, Александра быстро накрывала его и семья садилась ужинать. Нет, такого уже никогда не будет.

После той осени подоспел Новый год и Анна впервые не захотела наряжать елку. Лизе было непонятно, как можно праздновать Новый год без елки, ведь она же привыкла к чудесам под Новый год! Нехотя, Анна согласилась. Посадив Лизу на санки, как это делал Василий, она повезла ее через парк в Универмаг, за елочными украшениями. На базаре купили елку и вернулись домой. Как всегда, поставили елку в большой комнате и сидели там, окруженные безмолвием пустого дома. Анна купила несколько пакетиков со стеклянными бусами и, взяв суровую нитку, стала нанизывать на нее блестящие стекляшки. И вдруг руки у нее опустились и она начала плакать. Все ее тело содрогалось в рыданиях, слезы текли из глаз и Лиза, взяв ее руки, спрятала в них свое лицо. Анна обняла ее и, рыдая на плече у своей внучки, приговаривала: «Не могу, я не могу, Лиза...». В тот год впервые елка в их измаильском доме осталась ненаряженной и не было чудес. Дом все это видел, чувствовал и понимал.

Дом знал, что скоро приедет и поселится в нем грязная мамаша с целым выводком невоспитанных детей и он потеряет ту семью, что любил, и ту девочку, которая так любила его.

Анна обменяла этот дом на трехкомнатную квартиру в Киеве – ей хотелось быть поближе к своей старшей сестре Антонине. Та приютила ее в детстве и теперь Анне казалось, что рядом с ней она скорее успокоится и боль от утраты Никиты постепенно отпустит ее. Переезд занял три месяца. Анне не понравилась та квартира, что ей была предложена по обмену. Три больших отдельных комнаты были в довоенном доме почти в самом центре Киева. Вариант был хороший, просто надо было сделать ремонт. Но ремонт Анна делать не хотела и стала опять хлопотать и оббивать пороги, чтобы получить квартиру в новом доме. И вот ей досталась двухкомнатная смежная квартира в только что построенной хрущевке. Последние доделки и переделки никак не заканчивались и Лиза опять была оставлена на родственников. Теперь она жила в семье Антонины, старшей сестры своей бабушки, три поколения которой ютились в двух комнатах коммунальной квартиры. В большой комнате спала дочь Антонины со своим мужем, а сама бабушка Тони или просто ба-Тон, троюродный брат и сестра Лизы спасли в маленькой спальне. Там же спала и сама Лиза. В этой семье было гораздо приятней, чем с родственниками в Одессе, но одиночество было и было оно нестерпимо. Лиза знала, что ее мама и папа на Камчатке, но где ее бабушка? Почему она живет в семье ее сестры три месяца, а где обитает Анна? Почему они не вместе?

Наконец-то Анна появилась и забрала Лизу на новую квартиру. На улице стоял почти тридцатиградусный мороз, дом еще не отапливали, их вещи из Измаила еще не прибыли. Они включали обогреватель и спали вдвоем на одной раскладушке посреди пустой комнаты. По утрам Лиза вставала и почти целый час шла пешком несколько кварталов в незнакомую ей школу. Ни троллейбусы, ни трамваи, ни автобусы туда не ходили.

Когда прибыла мебель, стало немного теплей и веселей, однако жизнь в Киеве оказалась гораздо дороже, чем в Измаиле, и денег постоянно не хватало. Анна устроилась на работу в цветочное хозяйство одной из больниц, где и пропадала с утра до позднего вечера. Лиза была предоставлена самой себе. С тех пор, как она родилась, Анна всегда была дома, а сейчас, видно, ей хотелось утопить себя в тяжелом физическом труде, таким образом, глуша свое горе. Что делать? Лиза не обижалась на свою бабушку и не капризничала. Значит, так было надо. Только теперь она никому ничего не должна. Тот страшный период, начавшийся с болезни и последовавшей за ней смерти Никиты, когда она потеряла своего любимого деда, свой дом и свое детство, когда ее, как щенка, отдавали тем, кто соглашался ее взять, длился без малого два года. Тогда на нее мало обращали внимания, да и потом тоже.

Стоит ли беречь раны и вспоминать развод ее родителей – Александры и Василия? Да тех, что кружились в вальсе прямо на тротуаре под мелодию Штрауса из «Большого вальса». Через десять лет они делили деньги, посуду и мебель в Бакинском суде. Они таскали Лизу на заседания и требовали от нее, чтобы она приняла ту или другую сторону. Она не хотела... Разве кто-то из них думал, что она как раз сдает выпускные экзамены, что ей надо заниматься, что надо как-то выдерживать косые взгляды и сплетни, что с такой силой ударяют ей в спину в том маленьком, закрытом военном городке, где они жили? А выпускной? Это был ее долгожданный выпускной бал с ее друзьями. Всю весну портниха ей шила белое платье с букетиком фиалок у воротника, которое ей так хотелось надеть. Она так долго мечтала потанцевать со своим парнем, в которого была влюблена. Ей хотелось праздника, который она заслужила! Но нет, Александра решила, что ее дочь обойдется без выпускного, поскольку она сама не хотела снова трепать свои нервы. Ее мать, как и все остальные родители, должна была прийти на

официальную часть бала и боялась, что Василий тоже придет. Она не хотела его видеть, не хотела в присутствии всех быть разведенной, не хотела того, не хотела сего. Могла бы не ходить, посидела бы дома, но пустила бы ее, свою дочь, чтобы она хоть немного отвлеклась от кошмара последних нескольких месяцев. Нет, не пустила. Лизу посадили в поезд в тот же день, когда должен был состояться ее последний школьный праздник, и увезли из Баку в Киев.

С тех пор, как умер Никита, все опекались исключительно своими чувствами и настроениями, до нее никому не было дела. Взрослые люди вокруг Лизы, ее родители и бабушка, делали так, как было лучше и удобнее для них самих. Они носились со своими переживаниями, но никому не пришло в голову спросить ее, горюет ли она и как ей удалось пережить потерю любимого деда и дома. Куда делась та, измаильская любовь? Или тогда могли и умели любить только потому, что испытания не тревожили? А как только постучались в дверь беды, так любовь куда-то пропала...

Поэтому сейчас она никому ничего не должна.

Захмелев от мешанины из сладких и горьких воспоминаний своего детства, Лиза прошлась по небольшой гостиной, продолжением которой служила кухня. Гостиная и кухня никак не были отделены друг от друга, поэтому комната казалась просторной. Двустворчатая стеклянная дверь вела на большую веранду, заставленную горшками с цветами. Белый столик с двумя стульями в белых чехлах, был вплотную придвинут к чугунной оgrade. В гостиной, на каминной доске, она расставила старые, черно-белые фотографии своих родных, а также некоторые безделушки, присланные Игнатом из Киева.

Питая слабость к старым вещам, старым книгам и старой бижутерии, она скупала понравившиеся ей вещицы с прилавков блошиных рынков во всех странах, куда бы ни ездила. Ей казалось, что в проживших долгую жизнь вещах, есть своя история, они одухотворены и продолжают жить в доме того, кто их приобрел. Лизе нравилось приобретать и владеть. Факт приобретения рождал сознание собственности, которое приятно укоренилось в ней после бесплодных социалистических лет, когда желание чем-либо владеть считались частью вульгарного и мещанского мировоззрения.

Говорят, «твои корни». А что такое корни? Корни – это не только люди, это вещи, которые будят воспоминания и связаны с кем-либо из членов семьи или с определенным событием. Выставив фотографии, Лиза с удовольствием отметила, что перед ее глазами четыре поколения ее семьи, и она где-то посередине. Она могла существовать только с ними и среди них, слава богу, их отара все еще цела. Но смерти неизбежны, они будут неумолимо продвигать ее саму ближе к краю, за которым что?

Совсем недавно она вставила в серебряную рамку старую фотографию Анны. Первое, что бросалось в глаза, было изумительно красивое лицо Анны, а потом взгляд скользил к букету белой махровой сирени в толстой стеклянной вазе, к круглому столику с причудливой деревянной ножкой, потом к изящной лодыжке Анны в шелковом чулке, видневшейся из-под края платья. Все это – и молодость Анны, и ее красота, и вещи, ее окружавшие, без малого столетней давности, означали начало прошлого века. А сын или дочь Игната доживут до конца нынешнего. Впервые за всю историю их семьи, пережившей войну, смерти и переезды, Лизе захотелось связать поколения, таким образом, сплотив и укрепив их семью. Такой семье ничего не страшно. Хорошо, что сохранилось несколько старых фотографий, хорошо, что Анна сохранила свой кулон с большим лиловым аметистом. Это те вещи, которые можно передать следующим поколениям, рассказав истории, связанные с членами их семьи. В прошлом веке революции и

войны не давали возможности думать о вещах, сберечь их для детей. Тогда думали о том, как сберечь жизни. Сейчас же самое время не разбрасывать, а собирать камни, продолжать традиции. Лизе показалось, что и ей пора осесть и начать создавать. Вся ее предыдущая жизнь была сплошной войной: после каждого брака и каждой влюбленности, она все бросала и начинала сначала. После Алексея, после Мимиса, после Адама... Пора начать налаживать свою жизнь.

Но как? С кем?

К Лизе понемногу возвращалось желание участвовать в жизни. Ей было все равно, как к ней относились люди, оглядывались ли ей вслед мужчины. Тщеславие в ней давно умерло, она знала, кем была и кем стала, и никто из людей не был вправе ни судить, ни оценивать ее. Она не собиралась никому рассказывать о том, что ее предали, как ей было больно, и как она устала терпеть и прятать эту боль. Лиза не искала ни поддержки, ни защиты. Прервав все отношения с людьми, она сузила свой круг общения до членов своей семьи, но даже они умудрялись обвинять ее в том, что совершила не она, а Адам. Теперь она поняла, что настало время выйти к людям, показать себя, увидеть их, поговорить с ними, задуматься о планах на будущее. За новыми усилиями следуют новые надежды.

Она все еще страшилась последствий бегства Адама из Киева, тем более, что там остался Игнат, но страх постепенно отпускал и иногда она видела смешные и хорошие сны, просыпаясь вся теплая и с улыбкой. Кому рассказать, что весь прошлый год ей снился Иезуитов, страшная для нее личность, ее бывший партнер, который, по всей видимости, приложил руку к исчезновению Адама. Он преследовал и настигал ее, она просыпалась с чувством загнанности и тревоги, предчувствуя, что ее будут разыскивать и найдут, что ей не дадут спокойно жить и она не найдет такого места, где сможет укрыться.

Что он делает сейчас? Что стало с их общей фирмой? Чего он хочет? Что замышляет? Страх рождал в ней преувеличенные фантазии, ей казалось, что Иезуитову нужно непременно избавиться от нее. Лиза понятия не имела, что он сделал с Адамом, но, что бы ни сделал, она была ненужным свидетелем их опасных отношений. Пытаясь угадать его намерения, она не подозревала, что Иезуитов совсем не хочет ее смерти, а, напротив, он жаждет ее возвращения.

Вчера ей приснился сон. Она поехала в монастырь, раскинувшийся на живописных лесных холмах. Ей сказали, что это владения ее мужа, ей зналось, что это Адам. Она стала искать его, но не нашла и покинула монастырь без сожаления. Утром позвонил Джордж и ей захотелось с ним встретиться, но не так, как раньше – в таверне на отшибе, а здесь, в ее квартире. Да, она встретится с Джорджем, не загадывая, что будет потом. Скорей всего, они снова станут любовниками. Это казалось неприемлемым раньше, но абсолютно естественным сейчас. Хранить верность Адаму, который бросил ее и теперь прячется, было уже ни к чему.

В Измаиле у Лизы было поле. Этот кусочек земли, не более шести кв. метров, находился между двумя соседними садами. С одной стороны он был огорожен приземистым забором с калиткой, с другой – стенами заброшенного сарая. Этот клочок земли никогда никем не использовался, Анна никогда не сажала там цветов, с ранней весны и до самой зимы на нем росла только трава – зеленая весной, пожухлая осенью. И все же, почему, со стороны их сада, это «поле» было огорожено невысоким забором? И почему оно считалось ничейной землей? Впрочем, Лизе там разрешалось играть. Каждый раз, когда она открывала калитку и ступала на это «поле», у нее захватывало дух. На этом травянистом лоскутке, размером с большое одеяло, ее поджидали предчувствия и тайны, как-то связанные с будущим. Даже с куклами играть там не хотелось. Лиза бросала их у калитки и часами сидела неподвижно в густой траве. Ей было всегда немного

страшно на этом «поле», там присутствовала неведомая сила – таинственная и мощная. Время там текло незаметно или вовсе не текло, так что маленькая Лиза, сама того не замечая, засиживалась там до самых сумерек. Временами ей становилось уж очень жутко от тех картин, что рисовало ее воображение, в желудке у нее начинали порхать бабочки и она убегала, усилием воли заставив себя тронуться с места. Убегала в знакомый сад и в свой дом, под сень любви и заботы.

Если бы сейчас, вся огромная и опасная жизнь вокруг нее могла бы ограничиться вот таким травяным лоскутом, с которого можно было бы в любой момент убежать под надежный кров, в объятия надежных, сильных рук, как спокойно бы ей жилось!

Глава 3.

Похититель восторгов.

- Я еду! Скоро буду! – веселый и нетерпеливый голос Джорджа выдавал его с головой. Он мчался навстречу их долгожданному свиданию.

- Хорошо, я жду! – прокричала Лиза в трубку, но Джордж уже утонул в помехах и ревушем потоке машин, несущихся по проспекту Кифисиас.

Это свидание было спланировано ими заранее, оба знали, что оно не будет похожим на те редкие встречи в отдаленной таверне, где в течение восьми месяцев Джордж слушал, а Лиза изливала ему душу. Теперь у нее есть квартира, приятный уголок среди сосен, появилась возможность почувствовать себя дома. Пришла пора им обоим вспомнить о своей любви.

Внешность Джорджа Альягаса была описана нами прежде. Напомним, что он был необыкновенно хорош собой. Невысокого роста, прекрасного телосложения, с широкими плечами, узкими бедрами, изящными щиколотками и ступнями. Последние фаланги его чувствительных пальцев немного выгибались наружу, как кончики у лепестков хризантемы. В нем угадывалась благородная и старая кровь. Его предки были родом из Испании и занимались торговлей. Пару веков назад, одна из ветвей Альягасов переселилась в Грецию, в Афины, и с тех пор Альягасы из Афин считались греками.

В Джордже не было ни грубости, ни хамства. Если бы он был служителем церкви, у него было бы огромное число преданных ему прихожан и убежденных последователей, готовых верить во что угодно без особых на то усилий с его стороны. Когда он находился в хорошем расположении духа и ласково улыбался, он излучал такой покой, такое счастье и такое умиротворение, что у смотрящего на него сладко замирало сердце. Однако под его приветливостью и мягкостью угадывалось твердое ядро суровости, даже жестокости, которое в любой момент могло вырваться наружу необузданной лавой ярости. Сочетание нежности и суровости образовывало его тайну, а также формировало нрав – вспыльчивый, но отходчивый. Стоит, впрочем, упомянуть о том, что Джордж никогда не забывал обид. Нет, он не обижался сразу, он мстил, когда для мести наступало подходящее время.

Имел он еще одно поразительное свойство, которое пригодилось ему с женщинами. Как он это делал, понять невозможно, но все банальное и слащавое

превращалось в его устах в полные смысла романтические слова и строки. Самая заурадная песенка звучала, когда он был рядом, как гимн любви, который ты слышишь в последний раз, потому что, услышав его, можно было уже и не жить. Джордж любил и баловал себя. Своей фирме, занимавшейся посредничеством в торговле, он никогда не отдавал себя полностью. Его жизнь наполнилась расслабленной, но настойчивой погоней за удовольствиями. Выражение «a pleasure seeking egoist» прекрасно к нему подходило.

Лиза полюбила в нем с первого взгляда все – и лицо, и фигуру, и его крутой нрав. Его непредсказуемость, неожиданные уходы в себя, его леность, его двуличие, проявлявшееся в том, что он мог быть страстно заинтересован и, в то же время, равнодушен к одному и тому же объекту, будь то предмет или человек, завораживали. Поэтому, когда Лиза впервые увидела его в гостинице рядом с Димитрисом Загкосом, было совершенно естественным, что она тут же пленилась необычным очарованием Джорджа. Уж очень она намучилась с уродливым Мимисом, стараясь подделать себя, изменить и урезать, как, подвергая пыткам, урезали несчастных на Прокрустовом ложе. Стараясь уместиться там, куда она не умещалась, полюбить того, кого полюбить была не в силах. И, вдруг, Джордж! Тогда ей показалось, что на нее набросили сети, из которых она, как видно, не смогла выбраться по сей день. Не будем лукавить, настаивая на том, что она сразу же рассмотрела в нем душу, нет, она влюбилась в его необычайно привлекательную внешность, а также в его манеру держаться небрежно и уверенно. Гораздо позже она разобралась, что в Джорджевой душе были заполнены далеко не все пустоты, а те, что были заполнены, вмещали только его самого. Перестрадав, Лиза подметила следующее: мысли, чувства, сомнения, духовные метания оставляют отпечаток на внешности человека, иногда меняя ее до неузнаваемости. Джорджа это не касалось – он сохранял свою внешнюю форму в неизменном, то есть, наилучшем виде.

Но, если бы не Джордж, что бы она знала о любви?

Интимные отношения между мужчиной и женщиной могут быть любовью, развлечением или пыткой. Они могут служить разным целям. В той стране, где родилась Лиза, любовью не занимались и секса не было. В разговорном языке времен советской империи таких слов не было. Не было слов, значит, не было и понятий. В СССР любовью не занимались, в СССР сношались. Сношались в коммуналках, в которых обитали 12 семей и больше, а вместо стен были перегородки, сношались в общагах, в тюрьмах, в лагерях. Когда черная, грязная и остервенелая волна революционеров накатилась на Россию, а затем, и на Украину, эти самые сношения стали инструментом, используемым во время пыток. Сношениями унижали, устрашали и лишали достоинства. С помощью сексуального насилия утверждали свою власть. После Октябрьского переворота, в лагерях и тюрьмах по всей стране, женщин из интеллигентных семей насиловали начальники, чекисты, зеки и все, кому было не лень. В Кремле шло то же б...во, большевистские вожди, настаивавшие на своем высокоморальном облике строителей коммунизма, насиловали симпатичных горожанок, попадавших им на глаза. Освобождая страны Европы, советские солдаты, подстрекаемые политруками разных рангов, реализовывали свое желание отомстить за развязанную против их страны войну, на мирном населении, не брезгуя старухами и школьницами. Немок насиловали целыми батальонами, пока те не умирали. После кончины главного палача Иосифа Сталина, державшего всю страну за яйца, империя стала также подыхать. Однако в этой подыхающей, брежневской империи, тоже никто не занимался ни любовью, ни сексом. Были все те же

сношения невзрачных людей среднего рода с некоторыми отличиями в половых признаках, происходившие на скрипучих диванах в близких хрущевках.

Посему, весь любовный опыт нашей героини состоял из ее интуитивных переживаний, возникших в отрочестве, когда она наблюдала за мощным и буйным пробуждением природы на Камчатке, из книжных описаний и из непосредственного интимного общения со своим первым мужем Алексеем Галичем – неумелым и неласковым партнером.

Джордж не был баловнем судьбы, но с полной уверенностью можно сказать, что он был баловнем женщин. В то время, когда из отрока он превращался в юношу, женщины обучили его искусству любви. С тех пор, Джордж совершенствовался. Когда он был мальчиком, дед объяснил ему, что, хорошо выучив что-то одно, он сможет, через досконально им познанный предмет или явление, найти связь с другими предметами и явлениями и, таким образом, познать мир. Джордж своего деда услышал и потратил себя на то, чтобы в совершенстве познать науку любви, превратив ее в искусство. Что же сами женщины? Умные и состоятельные играли с ним и наслаждались им. Расставшись с ним, они не страдали. Имея деньги, они не воспринимали жизнь и мужчин всерьез.

Лиза же влюбилась в Джорджа до одури, вся, без остатка, решив, что повстречала мужчину своей мечты. В социалистическом питомнике большинство представителей мужского пола были «кастрированы» идеологией и условиями жизни, унижавшими их, поэтому она приняла Джорджа взаправду. Он показался ей сложной натурой. В ее стране так не любили, так не смотрели, так не обвораживали, так не шептали и не обещали райского наслаждения. В ее стране мужчины вращались по мелочам. Нет, они изменяли женам и имели любовниц, но измены происходили не на фоне заката солнца, шуршания морских волн о белый песок и брызг шампанского, а на раздолбанном диване в какой-нибудь хрущовке с унылым интерьером. На их фоне Джордж предстал перед Лизой как претендент на то, чтобы быть великим. Именно эта ее наивная и искренняя влюбленность, вознесшая его на невиданную высоту, заставила Джорджа откликнуться на настойчивые и смелые позывы ее очарованной души.

Она была уверена, что станет той первой и единственной, кто сможет обуздать его нрав. Лиза была не простой женщиной. Ее доброта, искренность, влюбчивость, гамма всех нежных чувств не могли вытеснить из нее натуру умную, храбрую и, одновременно, властную и тщеславную. Эти качества она приобрела в детстве, когда Никита брал ее в свое Управление, разрешая присутствовать на заседаниях и деловых встречах с его подчиненными. Там Лиза училась повелевать, наблюдая, как ее дед заставляет других беспрекословно уважать его и подчиняться ему. Она не выносила слабаков и неудачников. Говорят, сильные женщины любят слабых мужчин. Лиза презирала слабых мужчин, поэтому у нее не сложилось с ее первым мужем, Алексеем. В Джордже ей померещилась та сила, с которой она собиралась сразиться. Ей показалось, что ей, наконец, встретился именно тот, кто мог бросить ей вызов. Столько лет она ждала такого вызова, зная, что ей по силам любой вспыльчивый и властный характер! Джордж с самого начала сделался всем в ее жизни, не сумев затмить лишь Игната. Лиза была не прочь последовать за Джорджем на край света, но тот никуда не звал. А самым заветным и настойчивым ее желанием был ребенок, которого она мечтала родить от него.

Тогда, во время их неожиданной встречи, когда Джордж впервые приехал в Киев, она, хорошенько подумав, решила кое в чем ему признаться и кое-что предложить. Признание касалось Мимиса, специально льнувшего к ней на людях, стараясь создать впечатление, что Лиза принадлежит ему. В его взгляде и жестах

была та фамильярная нежность, с которой обращаются друг с другом любящие супруги. На самом деле, у них давно не было никаких отношений и, если на то пошло, у них вообще никогда не было никаких отношений. Когда-то, Лиза, побуждаемая обстоятельствами, пыталась полюбить его. Они даже были обручены, но недолго, всего месяц, после чего, она, не выдержав его хамства, ревности и скупости, вернула ему кольцо. К сожалению, его возраст не был отмечен ни мудростью, ни щедростью, а только неконтролируемой похотью. С Мимисом покончено навсегда, она абсолютно свободна. Именно об этом она собиралась рассказать Джорджу. Что касается предложения, то оно состояло в ее желании представлять фирму Альягаса в Украине – у нее для этого достаточно опыта и умения. Она сможет сделать так, чтобы все деловые начинания Альягаса в Украине были успешными и прибыльными.

Все это она выпалила ему скороговоркой у лифта. Другого места она не нашла, поскольку Мимис постоянно был озабочен тем, чтобы Лиза и Джордж не оставались наедине. В последний день перед отъездом, когда вся компания, включая Мимиса, завтракала в гостиничном ресторане, Джордж покончив с едой раньше других, направился в свою комнату. Извинившись, он сказал, что ему надо сделать несколько неотложных телефонных звонков. Он прекрасно понимал, что делал. Очень часто между будущими любовниками уже существует тайная связь, что-то под стать телепатии, когда они безошибочно угадывают намерения и желания друг друга. Лиза встала из-за стола и, у всех на глазах, последовала за ним к лифту. В тот момент она решала свою судьбу и другие, а, тем более, Мимис, не имели к ее будущей жизни никакого отношения. Очень скоро он покажет ей, насколько она ошибалась, но тогда ей казалось, что мир лежит у ее ног.

Когда, пересекая ресторан из конца в конец, Лиза шагала к Джорджу под любопытными взглядами тех, кто не знал ее, и осуждающими взглядами тех, кто ее знал, у нее перехватывало дыхание и останавливалось сердце от собственной удалости и хороших предчувствий. Ей вспомнилась «Кармен», опера, на которую Анна водила ее, когда ей было одиннадцать лет. Тореадора пел молодой Гуляев, а исполнять Кармен пригласили испанскую певицу. До чего же оба были хороши! Так пели, так играли, что весь зал вибрировал в такт их страстной сценической любви. Лиза тогда еще не понимала, что атмосфера зала была наэлектризована совместимостью двух исполнителей – одинаковых по уровню, бесспорно блистательных талантов и темпераментов, их молодостью и красотой. Они не просто пели – они смеялись, куражились, импровизировали, ставили толпу на колени. Как та испанская певица, победно выводившая арии своим неземным голосом, покоряя зал и предчувствуя грандиозный успех, Лиза вышагивала по длинной красной дорожке, уже зная, что завоевала мужчину своей мечты. Ей бы наряд Кармен да гребень в рыжую гриву волос, но она и без того была хороша. В ту минуту не существовало ни прошлого, ни будущего, в ту минуту важно было «сейчас», потому что в этом «сейчас» жило ее непобедимое желание обладать Джорджем Альягасом.

С тех пор прошло восемь лет. Насладившись страстью, Лиза и Джордж расстались. Он не хотел большего, он не хотел ничего, что продолжалось бы долго. Лиза, напротив, хотела привязанности и семьи. Она пыталась создать семью с Адамом, но ей не повезло. И вот теперь можно слегка удивиться и усмехнуться тому, что старая не то любовь, не то страсть опять не дает ей покоя.

Услышав, как под окнами паркуется машина, Лиза вышла на балкон и, взглянув вниз, увидела коснувшуюся асфальта ногу Джорджа с изящной лодыжкой. Затем появилась голова и вытянутая рука, в которой он держал симпатичную мягкую игрушку. Чуть не расплакавшись, Лиза побежала открывать дверь.

В какой-то момент из ее жизни исчезли все игрушки. Она уж и не помнила, когда это было. В шестнадцать, когда Александра развелась с Василием? В девятнадцать, когда она вышла замуж за Алексея? Нет, задолго до этого. В Измаильском детстве было много игрушек, особенно ей запомнился кукольный сервиз, подаренный ей Анной и Никитой на пятилетие. Блюдечки и чашечки, а также крошечный чайничек, были сделаны из настоящего фарфора и расписаны вручную. Тогда, на ее пятилетие, Василий, после долгого перерыва, напился, у Александры испортилось настроение, и гости разошлись раньше времени. Александра плакала, а Лиза крепко держала в обеих руках огромную коробку с чайным сервизом. Она испугалась того, что ее отец впервые в ее жизни напился, боялась ночи, таившей что-то не совсем определенное, но очень тревожное для их семьи и дома. В то время дом уже жил внутри нее и ей казалось, что ее новый и такой красивый кукольный сервиз добавит уюта дому и спасет его обитателей от будущих несчастий. Когда Лиза повзрослеет, она всегда будет создавать для себя и своих попутчиков дом. Неважно, будет ли это небольшая квартира, чужая квартира или вообще ничего. Вокруг нее всегда будет существовать дом, в котором она будет спасаться сама и спасать других.

Впрочем, Лиза играла чаще с цветами, чем с куклами. Роза была королевой, дельфиниум – королем, а цветочки флоксы – слугами и королевской ратью.

Игрушки исчезли из ее жизни вместе с уходом Никиты из жизни, а ведь самая последняя игрушка была подарена именно им. В Измаиле стояла ранняя осень, Никита и Анна вернулись из Москвы, где Никиту обследовали врачи. Диагноз был приговором – жить осталось всего несколько месяцев. Операция бессмысленна, потому что оперировать поздно. Все собрались в гостиной. На полу квадратами разлеглось теплое солнце. Лизу не отправили играть, она была там же, вместе с взрослыми, стояла рядом со своим Никитой, держась за его плечо. Она помнила, что именно тогда что-то начало ускользать из ее жизни, просачиваясь сквозь тонкую оболочку ее сознания. Она была не в состоянии постичь происходящего, потому что не знала, что такое смерть. Ощущая неизвестно откуда взявшуюся сухость в воздухе, колкость желтого цвета на солнечных квадратах, тягостное молчание взрослых, прерываемое редкими недоуменными возгласами, видя тонкие руки Александры, теребившие конец вязаной кофточки и мертвые глаза Анны, Лиза не могла понять, почему все так вдруг изменилось. Тогда она не могла знать, что Никиты скоро не станет, но сумела учуять смерть в комнате, где все стало вдруг сухим и колким, откуда с глубоким холодным выдохом, исчезли запахи, влага, сама жизнь. Лизе не хотелось убирать руку с дедушкиного плеча. Ей, во что бы то ни стало, нужно было сохранить с ним физический контакт. Через прикосновение она хотела передать ему свежие, нерастроченные силенки своего детства. Вдруг Никита встрепенулся. Обняв одной рукой Лизу, другой он достал из кармана брюк маленькую куколку, пупсика, которого Лиза умоляла его привезти из Москвы. У всех девчонок были пупсики, а у нее не было. Никита не забыл. Что значит смерть по сравнению с любовью?! Смерть заберет Никиту, но его любовь останется жить в Лизе навсегда, пока не придет ее черед. Так любовь продлевает жизнь после смерти. Когда Никита покинул Измаильский дом насовсем, уехав вместе с Анной умирать в московскую клинику, Лизу отправили жить по родственникам. В ее чемоданчик не положили игрушек, в нем было только все самое необходимое, собранное на скорую руку обезумевшей от горя бабушкой. Дальнейшая жизнь заставила Лизу рано повзрослеть, ей пришлось горевать самой и поддерживать Анну. Тогда было не до игрушек, а дедушкин пупсик потерялся. На Камчатке Лиза предпочитала компанию мальчишек и рискованные вылазки в сопки. Игрушки были забыты.

Джордж обнял Лизу и прошел с ней в гостиную. Осмотревшись, он заметил холсты, повернутые к стене.

- Если хочешь, я... - начала было Лиза.

- Не сейчас, потом, - Джордж не скрывал своего нетерпения, жарко целуя ее в губы, шею, волосы, толкая в спальню.

В Лизиних глазах появилось, было, удивление, но потом оно сменилось насмешкой. Насмешкой доброй, перешедшей в рассыпчатый, счастливый смех.

Она вспомнила, как он заставлял ее страдать от невыносимого наслаждения, как страдают от невыносимой боли, упиваться страстью, как муками. Ее мозг переставал соображать, переключаясь на шкалу чувств. И тогда, в тишине и невесомости, ее тело начинало парить в глубокой синеве, среди россыпи золотых звезд и полного одиночества. Испытав экстаз безумного восторга, Лиза вырывалась из пут гравитации и своего бренного тела, оказываясь там, по ту сторону знакомого, привычного и понятного.

Джордж тоже никогда не оставался в накладе. Сотворив свою тайну любви, он знал, как поучаствовать в том миге, когда на женщину снисходит подаренное им блаженство. Похититель дарованных им восторгов...

Глава 4.

Джорджу предстоит сделать выбор.

С трудом скинув оцепенение сладкой истомы, Лиза посмотрела на Джорджа. О, да, рядом с ней мог быть только он, только ему под силу приводить ее в неподдельный восторг, проводя сквозь пленительные муки. На этот раз, правда, она не разрешила себе насладиться близостью с ним до конца. Она не забылась, не улетела, как когда-то. После исчезновения Адама, Лиза не разрешала себе терять контроль над собой. Вот и сегодня, любя Джорджа, она была так близка к тому, чтобы раствориться в их общем наслаждении, но вовремя остановилась. Ей было любопытно, угадал ли он эту перемену в ней. Она повернулась и поцеловала его.

Последнее время, получая удовольствие, или радуясь чему-либо, что бывало крайне редко, она всегда испытывала одно и то же: ей виделась дыра или отверстие, а иногда туннель со светящимся выходом в конце. Она уже не существовала вне этого туннеля, а только внутри него, превратившись в мощный вихрь своих же, невероятно сильных и сладостных чувств. Это было здорово и жутко, но она боялась, что настанет момент, и эти чувства сначала возобладают над ней, а потом подчинят ее себе. Ей казалось, что, если она хоть на мгновение продлит свое удовольствие, то вылетит в этот светящийся конец трубы, испытав при этом такую силу чувств, которую не испытывала никогда. Это пугало ее. Если она позволит себе поддаться этому искушению, обратной дороги уже не будет, да и жизни не будет – ей придется постоянно искать или изобретать все более сильные чувства и изощренные переживания. Поэтому Лиза никогда не продлевала то, что была в силах прервать, оставаясь всегда немного голодной, немного неудовлетворенной, радуясь тому, что может себя контролировать. С некоторых пор, чувство власти над собою и своими удовольствиями значило для нее больше, чем сами удовольствия.

Джордж курил сигару, вытянувшись на простынях. Кажется, он ничего не заподозрил. Лизе всегда было немного грустно после хорошего. Акт любви тоже

пробуждал в ней грусть по ушедшим годам, по вчерашнему дню, по жизни, которую она когда-то прожила, но теперь никак не могла отыскать в этом мире. «Отчего Бог одарил меня красотой и талантом? И почему я не могу получить выгоду ни от того, ни от другого?» – темное облачко несвоевременных мыслей пронеслось у нее в мозгу.

- Я – никто, ты – никто. В такой ситуации не легко любить друг друга. Разве нет? – спросила Лиза.

Ее мучило сознание, что она никак не может состояться – непредвиденные обстоятельства постоянно отвлекали. Сказать по правде, Джордж тоже достиг не ахти каких высот.

- Не будь смешной.

- Разве я смешная? – усмехнулась Лиза. – Вчера я сидела на веранде и думала. Моя жизнь напоминает круг, из которого невозможно вырваться, и этот круг сжимается вокруг моей шеи, как удавка.

- Мне казалось, что твоя удавка исчезла со смертью Мимиса, - Джордж следил за вьющимся дымком от сигары.

- Думаешь, меня должна мучить совесть?

- Совесть? – переспросил Джордж.

- Я ведь помогла ему уйти. Не хотела, не думала, но так получилось...

- Все зависит от тебя. Его смерть была своевременной и закономерной. Разве не так?

- Да, он долго болел и страшно мучился, - чуть поспешно согласилась Лиза.

Ей показалось, что оба они пытаются не то согласиться с диагнозом, не то, задним числом, утвердить приговор. Угрызения совести действительно к ней подкрадывались, она иногда видела Мимиса в своих снах, он орал и брызгал слюной, обвиняя ее в том, что она недостаточно ласкова с ним. По утрам Лиза просыпалась похолодевшая от ужаса, забыв о том, что его уже нет. То, как Мимис умер, продолжало мучить ее. Жизнь-то ему была дана ему не ею, зачем же провидение сделало ее своим орудием? Джордж относится ко всему слишком просто. Это и понятно: он не был ни участником, ни свидетелем трагедии.

- Так вот о жизни, - продолжала Лиза. – Мне просто любопытно, чем все закончится?

- Будешь наблюдать, участвовать не будешь? – Джордж посмотрел на нее с недоверием и обидой.

Теперь больше, чем когда-либо, он надеялся на то, что она сделает усилие и станет кем-то. Он понятия не имел, что конкретно он от нее хотел и кем именно она должна стать. Что касается усилия, то она может попытаться, но шансы у нее невелики. Кому здесь нужна украинка? Прямо замкнутый круг какой-то.

- Что мне еще сделать? – со слезами на глазах спросила Лиза. – Мне кажется, я и так много сделала. У меня есть взрослый сын, которого я вырастила и воспитала. Я трижды была замужем, каждый из моих браков был катастрофой. Крах советской империи мог случиться только раз и это произошло у меня на глазах. Когда перестала существовать страна, в которой я выросла, и настали трудные времена, я прикрыла своих женщин от голода и нищеты. Я сумела дать Игнату хорошее образование. Расставшись с тобой, я стала успешной деловой женщиной и менее, чем за год, смогла пробить себе дорогу в круг самых богатых и влиятельных людей Киева. Впрочем, скоро я снова все потеряла. Благодаря тебе я знаю, что значит любить. – Лиза покосилась на Джорджа, но, поскольку он молчал, она продолжала. – Теперь пишу картины. Вот и все. Вся моя жизнь.

- Не мало, но надо продолжать, - мягко настаивал Джордж.

- В какую сторону? – поинтересовалась Лиза.

- Однажды я сидел в таверне у окна и увидел нечто, что никогда не забуду. Я увидел то, чего страшно боюсь. Я увидел необеспеченную старость. – Джордж выразительно посмотрел на Лизу. – Старик и его старая жена, очевидно, мучаясь от всех старческих болезней, брели рядом по улице мимо той таверны, где я обедал. Каждый из них держал в руке по авоське. У него в авоське был хлеб, у нее – туалетная бумага. – Джорджа передернуло.

Лиза молчала. Разве то, о чем он рассказал, не страшило и ее саму больше всего на свете? Разве она не просыпалась по ночам в ужасе оттого, что скоро состарится и никому не будет нужна? Каждый день она придирчиво рассматривала себя в зеркало, с испугом замечая, первые гусиные лапки вокруг глаз. Ей осталось лет пятнадцать, не больше. Потом старость. Что станет ее последней битвой и сможет ли она ее выиграть? Если бы у нее был муж, все было бы по-другому. Она была бы прикрыта статусом, его деньгами и его старостью, в конце концов. Стареть вдвоем, это не то, что стареть в одиночку. Но она осталась один на один с жизнью. Несмотря на то, что Джордж старше ее, он бросит ее, если она не сумеет превратиться в стоящую женщину.

- Пожалуй, только двух вещей я не знаю, - тихо сказала Лиза. – Я не знаю, как изо дня в день жить с любимым человеком и не бояться, что он меня предаст. Я также не знаю, как это – постоянно быть при деньгах и не бояться завтрашнего дня. И то, и другое – дурацкий страх, который останется со мной навсегда.

- Это не страх, то, чего тебе так хочется, моя дорогая, называется счастьем. Молочные реки и кисельные берега. Не настаивай на доверии, а насчет денег можешь попробовать. Помни, иметь в этой жизни все никому не позволено.

«Значит, - подумала Лиза, - он хочет, чтобы я, каким-то образом, разбогатела. Это утопия, конечно, но, ладно, пусть. Теоретически и это можно представить. Но он не советует мне верить. Если Бог пошлет на мою голову достаток и у нас с Джорджем появится возможность жить вместе, я, что, не должна буду верить ему? Конечно, не должна буду! Неужели я ничему не научилась?! Значит, хорошо иметь деньги, но жить с этими деньгами придется как волчице, постоянно озираясь по сторонам. Ну, что ж, если такова жизнь...»

- Но как попробовать, Джордж? – в Лизином голосе послышалось отчаяние. – В Киев, где я всех знаю, мне дорога заказана. Ты же понимаешь, что мне понадобится поддержка того общества, что отвергло меня. После того, что случилось с Адамом, мое имя долго трепали, а потом поставили на нем жирный крест. Ни одна живая душа не даст мне денег на то, чтобы раскрутиться. Переехав сюда, я нашла здесь пристанище и живу, не совсем на своих условиях, но живу. Но что здесь для меня? Мыть полы? Знаешь, как у некоторых философов – ничто меня не может вознести, но ничто не может и унижить... Да и потом, на мойке полов особо не разбогатеешь.

- Успокойся, никто тебя не заставляет мыть полы, – Джордж потянулся и рывком встал с кровати. – Пойдем, посмотрим твои картины.

Лиза нехотя пошевелилась. Смотреть картины сейчас было не время: она была пресыщена любовью и разговором с Джорджем, а также испугана неясными перспективами и приближающейся на всех парусах старостью. Как ее встречать, эту старость?! Похвастаться картинами она хотела раньше, как только Джордж приехал, тогда они представляли собой нечто любопытное и ценное. Нетронутое. Сейчас они перестали быть прекрасными, свободными и равноправными жителями в ее доме, превратившись в тоскливых заложников ее будущего сомнительного успеха.

- Ты ничего не понимаешь в картинах, - раздраженно огрызнулась Лиза.

Она встала и пыталась обмотаться простыней, угол которой она никак не могла правильно заткнуть.

- Не понимаю, но у меня есть вкус. Я также люблю тебя. – Джордж казался нежным и терпеливым.

- Прежде, чем ты будешь смотреть картины, хочу предупредить тебя. Я начала писать их на кухне у Мимиса, чтобы выплеснуть наболевшее и не сойти с ума. Чтобы занять себя делом. Я их писала, потому что вокруг меня не было любви. Они написаны не для продажи и, скорей всего, ничего не стоят. Некоторые, может быть, натюрморты, а так...

- Не волнуйся, я не буду судить. Мы вместе решим, какие они, твои картины.

- Хорошие! – выкрикнула Лиза и стала поворачивать холсты лицом и ставить их куда попало – на диван, стулья, кухонный стол.

Джордж молча переходил от одной картины к другой. Он никогда раньше не видел ничего подобного. Конечно, она всегда была искренна и эмоциональна, но предположить, что она так талантлива, у него не хватало ни ума, ни воображения. Ничего не соображая в технике живописи, он был захвачен тем, что увидел. А увидел он внезапно разверзшуюся перед ним вечность, откуда с ним разговаривал сам Бог...

На одной из картин он узнал Адама, у него были испуганные глаза, своими длинными чувственными пальцами он сжимал садовый нож. Джордж был поражен. Зная Адама, его мягкость и трусость, он был, тем не менее, уверен, что тот нанесет ему сейчас смертельный удар. Невольно, он отстранился. На других картинах он видел людей, которых не знал. Множество лиц, множество тел, из которых лезет некая ядовитая дрянь – эти несколько картин были сделаны в венецианском стиле, со множеством деталей и невероятной гаммой красок. Настоящие лица людей были масками, а вычурные, уродливые, глупые и тщеславные маски – людскими лицами. Эти люди, источавшие ядовитые пары, были одеты в карнавальные костюмы. Они, несомненно, представляли собою коллективный портрет общества. Но какого? Да не все ли равно? После этих жестоких и насмешливых холстов, он перешел к нескольким женским портретам, и залюбовался ими. Изображенные женщины слегка напоминали саму Лизу, но это была не Лиза. Эти женщины жили не сейчас, вероятно, это были портреты ее прабабки и бабушки. Джордж был слишком возбужден, ему хотелось заговорить с ними, из их серо-зеленых глаз лилось столько света и ума, их губы, готовые зашевелиться словами, казалось, подрагивали. Они были одухотворены настолько, что сводили с ума. На портрете одной из женщин он увидел вазочку с ландышами – ему показалось, что комната наполнилась их ароматом. Одурманенный, он подошел к небольшому холсту на кухонном столе. В сказочном лесу он увидел карлика с лицом Мимиса. Лес был сказочным потому, что был мертвым. Изогнутые, сухие сучья врезались Джорджу прямо в сердце, а полуразложившиеся туши неведомых чудовищ поражали своим натурализмом и, казалось, страшно воняли. Уродливый старик на картине был занят тем, что выкорчевывал из спекшейся земли единственный зеленый побег. Старик был зол и безжалостен. На следующем небольшом полотне была изображена незнакомая улица, скорее всего, киевская. Мрачная улица была красива: архитектура высоких зданий чередовала в себе классический и готический стили второй половины XIX века. Здания окутывали ночь, дождь и лиловый туман. Улица эта была полна бархатных тайн, темных призраков и некогда совершенных преступлений. Два сизо-черных облака имели форму глаз, из которых лились слезы.

У стены остались стоять полотна с натюрмортами. Лиза рисовала цветы и предметы. Некоторые из них были исполнены во Фламандской манере, в

приглушенных тонах, со множеством деталей. Два натюрморты с цветами дышали незнакомыми ему ароматами. Джордж мог поклясться, что на ее картинах он видел, также, воздух.

Увиденные им картины не были однозначными, изображающими лицо или предмет, или цветок. Каждая из них была аллегорией, рассказывающей свою историю, часто полную драматизма и страсти. Только что увиденные полотна Джордж мог бы прочесть, но не знал, как. Полотна женщины, что стояла перед ним, закутанная в простыню, были мощными, но в то же время, изящными и умными, что и создавало их внутреннюю напряженность. В них царили свобода и раскованность, сочетавшиеся с тонким вкусом. Vibrant paintings. Они потрясли воображение.

Джордж долго сидел молча, потом раскурил сигару и вышел на балкон. Его профиль с коротким носом и смуглый цвет кожи составили неожиданный и притягательный контраст с цветущей бугенвиллией. Лиза подумала, что надо бы написать его портрет. Этаким фавн в окружении пчелок-женщин.

- Оказывается, я тебя совсем не знал, - голос Джорджа слегка хрипел. - Не понимаю, почему ты не сказала раньше, что талантлива. Зачем же мы с тобой пытались продавать шкуры и семечки?

- Я талантлива? - удивилась Лиза. - Я не знала, что талантлива. А, даже, если так, что я потеряла? Кто бы стал покупать картины тогда, в начале девяностых, когда у нас в стране не было ни масла, ни молока, ни зубной пасты? Мне надо было кормить семью, рисовать было некогда, да и душевного порыва не было.

- Покупатели бы нашлись.

- Иностранцы?

- Допустим.

- Ну, вот пусть и покупают теперь. Теперь я для вас, греков, иностранка.

- Я попытаюсь что-нибудь организовать. Помочь. - Джордж обнял Лизу и крепко прижал к себе. Он был счастлив, его любимая женщина неожиданно превратилась в достояние.

Отстранившись от него, Лиза сказала:

- Нет, Джордж, ты не помогай. Ты люби меня, но помогать не надо. Я сама.

- Сама что? Ты же в мире искусства никого не знаешь!

- Ты тоже. И потом, ты же сам не советовал мне верить.

Теперь, когда Лиза удостоверилась в том, что ее собственное суждение о ее картинах не было ошибочным, она больше не церемонилась с Джорджем.

Сидя в машине, по дороге домой, ошеломленный Джордж обдумывал положение дел. Он нехотя признался себе, что видеть Лизу два-три раза в неделю для него недостаточно. Теперь ему хотелось большего. Видеть ее каждый день, каждый час, просыпаться и засыпать с ней, охранять ее от других. От кого именно? Она теперь самостоятельна. Он всегда потешался над Мимисом - старым ревнивцем, а вот теперь, поди ж ты, ревность стала подбираться к нему самому. Он ужаснулся тому, как Лиза с ним разговаривала, отклонив его предложение помочь. Начиналась серьезная игра и эта игра стоила свеч. Он должен стать единоправным обладателем женщины и ее картин. У него не было сомнений в том, что если захочет, она сможет найти нужных людей и продать свои картины. Ни в коем случае нельзя все пускать на самотек! Она немного зла на него за то, что раньше он не принимал ее всерьез. Но кто же мог подумать, господи?! В этой жизни никогда не знаешь. Все только начинается, а он уже увяз с головой. Талантливая любовница, и, чем черт не шутит, если все действительно пойдет хорошо, жена? Это означает скандалы дома, развод, отказ от привычного мира. Но, как говорится, без труда не вытянешь и рыбку из пруда. Золотую рыбку, к тому же.

Восемь лет назад, когда они только познакомились, Лиза была очаровательной молодой женщиной, но и только. Неумеха, наивная и искусенная одновременно, с безошибочной интуицией, она моментально в него влюбилась. Еще бы, таких как он, часто делают героями любовных романов. Его же покорила в ней, прежде всего, ее красота и искренность. Ее приятно было обучать любви. К тому же, его персона и его интересы были для нее превыше всего. Себя она скромно отодвигала на второй план и, казалось, была довольна, неярко блистая там, в густой тени любимого ею Джорджа, своей красотой и утонченностью. Впрочем, такое поведение иногда его раздражало, временами ему было скучно с ней. Пришлось учить ее выходить на свет божий из его тени, отстаивать свою точку зрения и требовать исполнения своих желаний, если, конечно, эти желания не выходили за рамки разумного. Ее желания всегда оставались скромными, самым большим и заветным было остаться с ним навсегда.

Джорджу никогда не приходила в голову мысль о том, что Лиза молчала о своих желаниях потому, что знала – он никогда их не исполнит. Ей нужна была семья и ребенок от него, только это могло сделать ее счастливой. Духи же да сумочки она могла покупать и сама. Что касалось их совместных проектов, она редко противоречила ему, даже не пытаясь доказать его неправоту, потому что в делах Джордж был не прав всегда. Именно поэтому они и разошлись. Любовная наука оказалась не сложной, в конце концов, все свелось к потрясающему сексу, который требовал все больше слез и анисовой водки для того, чтобы физическое соитие потрясло не только тело, но и душу, как раньше. Три года назад, добившись кое-чего в жизни, Лиза бросила Джорджа. Она избавилась от него, чтобы состояться в делах самой.

Именно этого он боялся и сейчас. Вообразив себе, что у нее есть будущее, она его бросит. Теперь она знает, как и что требовать от людей и от жизни. Что же ему делать? Что предложить ей? Еще не поздно, или он уже опоздал? Ах, если бы она унижалась перед ним, слезно умоляя о взаимности, все было бы легче и проще. Но она не умоляет, напротив, она соглашается или не соглашается только, когда он о чем-то просит или что-то предлагает. Итак, единственное, что он может ей предложить это – развод со своей женой, с которой он прожил без малого четверть века и которой постоянно изменял. Нельзя сказать, чтобы Лиза действительно многого требовала, она хотела, чтобы он был честен по отношению к ней, признав ее право жить с ним, то есть с мужчиной, которого она любит и который уже давно не любит свою жену. Все это звучит по-детски, конечно, но что-то надо срочно предпринять, иначе он потеряет ее. Его жизнь раскололась надвое, перед ним пролегли два пути и он должен выбирать. Да, необходимость выбора предстала перед Джорджем ясно и бесповоротно.

Глава 5.

Счастливый поворот событий.

На следующий день, рано утром, Лиза ехала в такси к Сакису. Джордж разбередил ей душу грустной историей о двух стариках и она провела бессонную ночь. Ворочаясь с боку на бок, она думала о старости, строя планы насчет того, как подготовить достойную встречу нежеланной гостье. Именно тогда в ее памяти и всплыло имя Сакиса.

Сакис был хорошим знакомым ее покойного мужа Мимиса. Пару раз он приглашал их в свой дом на ужин, один или два раза они виделись у общих знакомых. Лиза запомнила его веселым и хлебосольным хозяином. Он был женат, но с женой на людях появлялся редко. Злые языки судачили, да и сам Мимис с удовольствием сплетничал о том, что Сакис добивался развода. Кому какое дело, спросите вы, но, отними у людей, а особенно у греков, возможность посплетничать и они затоскуют. Так вот, его секретарша была его любовницей, он часто ночевал у нее, но в обществе их вместе не видели: открыто демонстрировать свою связь до получения развода он не решался. Сакису едва перевалило за пятьдесят. Он был среднего роста, с брюшком и лысоват. В его теплых, ласковых карих глазах пряталась улыбка, добрые намерения и желание понравиться. Свое небольшое состояние он нажил благодаря нескольким судам, перевозившим нефть и удобрения. Лиза понятия не имела, откуда у него эти суда, но сейчас не это было важным. Важной была ее миссия, состоявшая в том, чтобы одолжить денег. Ей нужны были деньги и связи для того, чтобы выставить свои картины, которые она надеялась продать.

Дом Сакиса напоминал некое футуристическое строение, сооруженное на небольшом участке земли в одном из пригородов Афин. Его небольшую виллу, напоминавшую вытянутый вверх скворечник, с тыльной стороны подпирали круто уходящий вверх кусок скалы. Дом имел все необходимое, включая лифт и просторную веранду, нависавшую над двориком не больше сорока шагов в диаметре. Тем не менее, во дворике был и бассейн, и уютная, вымощенная камнем площадка под раскидистым платаном, и ухоженные цветочные клумбы у входа в дом. Под раскидистой кроной древнего платана стоял деревянный стол и стулья с резными спинками. Этим ранним, апрельским утором, когда воздух в горах пьянит своей чистотой и прохладой, Сакис завтракал на своем любимом месте – за деревянным столом под платаном.

Выбравшись из такси, которое, затормозив у ограды, зависло почти вертикально, Лиза стала взбираться по ступенькам к калитке. Прислуга-филлипинка уже семеняла маленькими шажками через двор, но Сакис открыл калитку сам и проводил свою гостью к столу. Он обнял ее немного более нежно, чем того требовала необходимость.

- Присоединитесь ко мне? – он приказал служанке принести еще один прибор и чашку для кофе.

- Спасибо, разве что кофе. – Лиза села на стул и глубоко вздохнула.

Ей нравилась погода, утренний горный воздух приятно пощипывал кожу. Ее глаз радовался прозрачной, голубой воде в бассейне, разноцветным цветам, посаженным вокруг дома и кофейному чайнику из начищенного до блеска серебра, сверкавшему на голом деревянном столе. На ней самой был голубой льняной костюмчик. Ее рыжеватые волосы свободно струились по плечам, в их шелковую паутину угодило солнце. Она пила ароматный кофе, наслаждаясь моментом, недолгой греческой весной, еще не утомленной зноем растительностью. Она повернула голову и мимолетняя гармония, состоявшая из внешней красоты, из вкуса кофе и внутренней зачарованности, была нарушена. Картинка преломилась и рассыпалась. Приближался момент, когда она должна была просить почти незнакомого ей человека об одолжении. Сакис не торопил ее с разговором, с интересом наблюдая за ней. Ему было любопытно, зачем она пришла.

- Мне очень жаль, - сказал он, прерывая молчание, - что я не был на похоронах. Я был в Лондоне по делам. Мимис мог бы еще пожить.

- Зачем? – не успев подумать, слишком занятая своими мыслями, Лиза среагировала на вопрос слишком прямолинейно.

- Зачем жить? – удивился Сакис.
- Да, жить. – Отступать было поздно, надо было выкручиваться. – Мимис был болен. Почки уже несколько лет не функционировали. Он очень страдал. Часто после диализа он не мог ни есть, ни пить, ни разговаривать. Его трясло. Врачи никогда не надеялись на то, что он проживет долго.

- Да, да, конечно. Жалко, когда умирают люди. Я думаю, вам нелегко говорить о вашем муже.

- Нелегко и страшно, - призналась Лиза. Она говорила правду – ей было действительно страшно говорить о смерти Мимиса, в которой ее роль была, если не главной, то решающей.

- Ну, тогда не будем о грустном и страшном! – Сакис встал со стула и снова обнял Лизу. – Забудьте, не думайте о смерти. Рано или поздно нас всех настигнет эта дама с косой, поэтому нам, пока мы живы, надо думать о жизни. Господи, что такое смерть? Всего лишь еще одно приключение.

«Правильно, - мысленно согласилась с ним Лиза, - надо думать о жизни, но в этой жизни постоянно требуются деньги. Бедность отбирает у человека свободу. Как это странно, что некоторым людям просто не идут в руки деньги. Как Моцарту, например, или как Адаму. Моцарт был бесконечно талантлив, Адам был дураком, правда, он неплохо писал стихи, но у обоих было нежное сердце. Оба не умели ни угрожать, ни требовать, оба не были практичными, легко пасуя перед грубостью, и именно поэтому обоим постоянно приходилось кланчить деньги. Денег им давали редко и мало. Люди думают, что если человек не умеет требовать, значит, он слабак, грош ему цена, и не стоит перед таким обязываться, сдерживая обещание заплатить. Самое смешное, что оба просили денег за уже проделанную работу. Но просили робко, опасаясь рассердить, надеясь на будущее благоволение. Много ли стоила их мягкость, если, женившись, оба не могли прокормить семью? Женщин мужская доброта и нежность очень подкупает, но потом, ох, как нелегко жить только этой добротой!»

О, нет, сама Лиза не такая! Пройдя жестокую школу с Мимисом и Джорджем, она научилась требовать. Ее визит к Сакису не случаен, она собирается занять у него денег под свои картины, под свой будущий успех, однако она не будет просить, юлить и заискивать. Она выложит ему все напрямик. Картины придавали Лизе мужества, они были реальностью, ее проделанной работой, ей не надо было обманывать людей, ей просто надо было им эти картины показать. В то же время, они были прибежищем, куда она могла спрятаться от невыносимости жизни, им, и только им, она могла раскрыть свою душу. Ей стало нестерпимо жаль себя. Она пришла продавать свой талант, как Моцарт продавал свой, бесталанным, но богатым людям.

Лиза встряхнулась. Ее гордость, готовая стать настроением, не должна повлиять на ее решимость добиться своего. Ей надо убедить Сакиса в том, что он должен ей помочь. Итак, решено, она будет действовать. В душе запело, но тут же, неожиданно, опять затосковало. Непонятная апатия вдруг обессилела Лизу, стерев из ее памяти все, подготовленные за ночь, аргументы, отняв у нее нужный для убеждения кураж. Лиза поставила чашку на стол и сказала:

- Мне нужны деньги.

Сакис посмотрел на нее странным взглядом.

- Не проблема, - слегка улыбнувшись, проговорил он не очень уверенно. – Я понимаю, у вас сейчас трудные времена...

- Сакис, я приехала к вам не для того, чтобы просить на хлеб. Если бы мне не

хватало, я бы нашла, как заработать. Я пишу картины, мне нужна определенная сумма, чтобы их выставить. – Вместо проникновенного и убедительного, ее ответ прозвучал короткой и грубоватой отповедью.

Сакис с облегчением поднялся со своего резного стула и широко улыбнулся, показав сразу все свои прокуренные зубы. Ему полегчало оттого, что таких денег у него действительно не было в наличии. Отпала необходимость врать, отпала также перспектива расставаться с более скромной, но такой не лишней для него в теперешних обстоятельствах суммой.

- Сколько нужно, чтобы организовать вернисаж? – спросил он весело.

Лиза не доверяла веселости греков, которых о чем-то просишь. Чем веселее грек обещает, тем меньше надежды на то, что он свое обещание сдержит.

- Не знаю. Я не выставлялась раньше, опыта у меня нет. Думаю, что пару тысяч вполне хватит.

- Картины хорошие?

- Хорошие.

- Кто-то их видел или сама знаешь? – Сакис очень заметно перешел на «ты». Он больше не церемонился. Деньги, а, тем более, одолжения, церемоний не терпят.

- Кто-то видел. – В Лизином голосе сквозил холодок.

Сакис молчал. Взяв с фарфоровой тарелки ломтик огурца, он принялся с хрустом жевать его. Лиза уже знала наперед, что денег он не даст. Разговор вышел ничемным, без страсти, с раздражением и глупостью.

- Сакис, я бы хотела попросить вас кое о чем. Если нет денег, или, если, по какой-то причине, вы мне этих денег не можете дать, не обещайте, прошу вас. Я съела с греками не один пуд соли и прекрасно знаю весь ритуал от начала до конца.

- В чем же состоит ритуал? – с шуточной заинтересованностью спросил Сакис.

- Вы знаете, о чем я говорю. Если ты обращаешься с просьбой, греки твою просьбу воспринимают с невероятным энтузиазмом и сразу же соглашаются тебе помочь, но не сегодня, а завтра. «Созвонимся завтра» - наиболее часто употребляемая и совершенно бессмысленная фраза. Ты звонишь завтра, тебя просят позвонить послезавтра, и так неделю или две. Потом тебя начинают избегать. Потом начинаются очередные праздники, которых в Греции так много, либо наступает скорбная Пасхальная неделя, либо веселая Рождественская. До тебя, наконец, доходит, что никто свое обещание сдерживать не собирался. Между прочим, я заметила: чем больше просьба, тем с большим энтузиазмом обещают помочь. Если называть вещи своими именами, то тебя обманывают уже в тот момент, когда обещают. Вранье в Греции – целая наука, смысл жизни, каждодневная практика. Все это я поняла, когда представляла интересы греческих фирм в Украине. Почему грекам не хватает смелости отказать сразу? Хочется величия? Чтобы просящий на недолго обманулся, представив, что перед ним богатый, щедрый, а главное, порядочный человек?

Лиза была неприятно удивлена не только пустыми обещаниями, которые так любили давать греки, но и их неаккуратностью и неисполнительностью. Они приходят на встречи, когда им вздумается, опаздывая иногда на час, иногда на полдня. Предоставляемая ими информация часто не содержит ни смысла, ни аккуратности в приводимых цифрах и фактах, а, иногда, бывает просто неправдива. После некоторого времени и горького опыта, она научилась высчитывать процент правды в их обещаниях, каждый раз уменьшая эту скромную величину почти до нуля.

- Нам хочется, чтобы о нас хорошо думали, - неуверенно оправдался Сакис.

- Но как же о вас хорошо думать, если вы оказываетесь вряжами, а то и

мошенниками под конец?

- Ну, то под конец. Под конец нас не видно. А вначале, лицом к лицу, нам просто необходимо пообещать золотые горы, иначе мы уважать себя не будем. Да и потом, пообещав, можно тут же начать дивиденды собирать.

- В счет обмана? – поинтересовалась Лиза.

- В счет обещанного, - поправил ее Сакис. – Какое-то время тебя балуют вниманием, обедами и подношениями.

- Иллюзия достовернее любой реальности. Живете прямо по-Станиславскому. Театр у вас небольшой, но играете по всем правилам.

Сакис с интересом задержал взгляд на Лизе, ее последние слова неожиданно соткали в утреннем воздухе неясный образ покойного Мимиса.

- Я пришла к вам потому, - сказала Лиза, - что когда-то мы с вами провернули неплохую коммерческую операцию, оказавшуюся к тому же, моим первым деловым крещением. Помните?

- Аммиак? С Одесского портового завода? Куда вы возили меня контракт подписывать с мафиозными личностями? – Сакис рассмеялся. – Кажется, за главного у них грузин был?

- Да! Тогда вы не водили меня за нос, вы поверили в меня и я справилась.

- Мне до сих пор неловко, что я не заплатил комиссионных твоему партнеру по фирме, впоследствии ставшим твоим мужем.

- Мимису? Не мучьте себя. Мимис вознаградил себя сам с лихвой.

- Ты не любила его? – осторожно спросил Сакис.

- Нет, не любила. Нас связывала долгая взаимная ненависть. Знаете, иногда такая долгая ненависть является более весомой причиной для брака, чем любовь.

Она вспомнила, как однажды, несколько лет назад, задолго до того, как Мимис стал ее мужем, он повез ее на машине в Фивы. Тогда тоже была весна. Они несколько раз останавливались, чтобы выпить кофе или перекусить в маленьких тавернах у дороги. В Фивах время пролетело незаметно, на обратном пути надо было торопиться и Лиза, опаздывавшая на деловое свидание, погоняла его, как взмыленную лошадь. Было видно, что Мимис устал, что ему хотелось припарковаться на обочине и вздремнуть, но она была неумолима. Встречу эту она вполне могла бы пропустить, безболезненно для себя и для дела, но так уж изначально сложились их отношения, что поблажки друг другу они не давали. Особенно неумолимы оба были в ненависти. Мимис остановил машину, вышел, взял бутылку с водой и, чтобы прогнать усталость и сонливость, стал умываться, неловко наливая одной рукой холодную воду в подставленную ладонь другой. Лиза тоже вышла из машины и помогла ему умыться. Ей тогда почудилось, угадалось в нем что-то человеческое, выходящее за пределы его двух инстинктов и одного всепоглощающего желания. Перед ней был пожилой, нормальный мужчина, чья усталость была настолько трогательной, что стала казаться даже привлекательной. У Мимиса были загорелые руки, загорелая шея, а также, желание угодить ей, вовремя доставив ее до места встречи. Тогда Лизе померещилось что-то вроде симпатии к нему. И, конечно, хороши были его письма, продиктованные призраком его покойной жены. Сколько раз они заставляли Лизу верить в то, что Мимис любит ее и снова оказываться в мышеловке, сбегать из которой становилось все труднее и труднее!

- Не знал, прости. О тебе сплетничали. Наши матроны никак не могли смириться с тем, что «их» Мимис все же женился на тебе, молодой и красивой, да к тому же и иностранке. Ну что ж, плачу за твою откровенность своим признанием. Денег обещать не буду, не могу. Их просто нет, иначе дал бы. Нет потому, что я развожусь. Суда, на которых я перевожу нефть и удобрения, достались мне в виде

приданного за моей женой. Теперь, когда дело дошло до развода, она требует их назад. Я же хочу их сохранить во что бы то ни стало, иначе мне конец. Деньги будет зарабатывать нечем. Поэтому я отдаю ей все: этот дом, дачу на острове, все свои сбережения. Я люблю молодую женщину и ухожу к ней нищим!

- Ну, не совсем. На ниточках приведешь за собой, как Гулливер, отвоеванные тобой суда. – Лиза тоже перешла на «ты». Держать дистанцию уже не имело смысла.

- Да уж, без них мне крышка, - сокрушенно согласился Сакис.

- Что так? Не приняла бы?

- Кто знает? С судами-то оно лучше, вернее.

Оба рассмеялись. С их плеч свалилась тяжесть неприятного разговора. Ему не пришлось кривить душой, а ей унижаться и мучиться бесплодным ожиданием. Сакис и Лиза остались друзьями, их отношения сделались более близкими и непринужденными, чем прежде, при Мимисе.

По дороге домой, Лиза грустила. Ее план не удался. Но, почему-то, настроение ее не было плохим, а сердце было полно хороших предчувствий.

Вернувшись домой, она решила подмести веранду, на нее нападало полно сухих листьев с бугенвиллеи. Это странное растение теряло листья весной, выставляя для обозрения сильные, коричневые ветви с шипами. Прибрав сухие, жесткие, скрюченные листья, Лиза поставила кресло под сень другого растения, глицинии, мягкий, гостеприимный шатер которой, укрыл ее от любопытных глаз. Оказавшись в изумрудно-лиловом коконе, она вдыхала тонкий, сладковато-возбуждающий аромат больших соцветий. Этот аромат привлек пчел, жужжащих вокруг Лизиных рыжих волос, недоумевая, почему с этого огромного, огненного цветка они не могут собрать мед. Сквозь завесу мягкой листвы и благоухающих цветов, заглянуло предзакатное, апрельское солнце. Солнечный шар был маленький, оранжевый и ароматный, как апельсин из Нафплия.

Удобно устроившись в белом кресле с цветными подушками, она подумала о смерти. Ведь всегда, когда нестерпимо хорошо, думаешь о смерти, не правда, ли? «Неплохо бы умереть именно так, - проплыло у нее в мозгу, - посреди весны, в коконе цветущих лиловых гроздьев цветов и ласковых, любопытствующих пчел. Как старый Форсайт».

Не обращая внимания на то, что солнце стало садиться, Лиза продолжала сидеть под сенью глицинии. Подул прохладный, кусачий ветерок. Магия исчезла вместе с солнцем, растворившись в печальных мыслях. Итак, она проиграла с Сакисом, что же делать дальше? Вопрос превратил ее размышления из просто печальных в тревожные. Деньги, скопленные ею при жизни Мимиса, таяли с невероятной быстротой, новых поступлений не предвиделось. Получалось прямо-таки по-Джорджу: в одной руке авоська с хлебом, в другой – с туалетной бумагой. Лизе стало жутковато, помочь могло только чудо, но чудеса случаются сами собой, без нашего ведома.

Почему в среде творчески одаренных людей, приобретение богатства никогда не считалось талантом, а, напротив, чем-то постыдным или, в лучшем случае, слишком обыденным? Ведь приобрести это самое богатство, ох, как не просто! Может быть потому, что для того, чтобы разбогатеть нужно, с одной стороны, везение, а, с другой, надо обладать таким характером и сознанием, которые не будут тебя мучить за, мягко говоря, неразборчивость. Талант же, наоборот, должен трудиться и руками, и мозгами, и душой, и все должно быть незапятнанно чистое, иначе Бог своего избранника бросит на произвол его грехов. И, все же, почему многие гении влачили жалкое существование? Не умели зарабатывать, не имели деловой жилки? Не хотели мараться или не умели

просить? Не хватало времени на интриги, на пробивание места поближе к сиятельству, чтобы заметили, оценили? А просить надо было... Хотя, на голодный желудок творить легче: мир видится яснее и дорога к Богу расчищена.

Хорошо, например, писателю – чернила да бумага всегда стоили не дорого, а по теперешним временам можно припарковаться со своим компьютером за столиком кафе и строчить страницу за страницей. А что делать живописцу? Холсты, краски, смесители и лаки по теперешним временам целого состояния стоят. А скульптору, например, где взять денег на кусок мрамора? Вечный вопрос: как заработать, как выпросить, как достать денег, если с утра до вечера или писать картины хочется, или музыку сочинять, или мрамор долбить? У гениев, к тому же, гордости по самый краешек. Видно, гордость всегда даруется Богом в придачу к одаренности. Талант и делает человека гордым, наполняя его сознанием, что он не такой, как все, что он – другой. Избранный.

Что делать? Да что угодно: убирать квартиры, нянчить детей и стариков или давать частные уроки. Но, стоп! Это она уже проходила. Она восемь месяцев была нянькой Мимису. Лизино нутро взбунтовалось. Не для того она шесть лет в Университете над науками корпела, не для того Господь дал ей талант. Свой талант, божий дар защищать надо! Время мойки полов прошло для нее безвозвратно. Надо в жизни устраиваться по-другому. Но как? Все, ее мысли иссякли и уперлись в никуда. Хотелось всласть наплакаться, потому что себя было ужасно жаль. По ее щеке покатила первая слеза, но неожиданно зазвонил телефон. Выбравшись из изумрудного кокона, давно уже покинутого пчелами, Лиза потопала к телефону.

- Сакис. В случае, если не узнала. Хорошо, что ты дома.
- Что-то случилось? – Лизин голос прерывался немymi спазмами из-за слез.
- У меня нет. А у тебя?
- Нет, ничего. Так, размышляю о жизни.
- И что надумала?
- Ровным счетом ничего. Сакис, ты был единственной моей надеждой.
- И продолжаю ею быть. Я нашел мецената.
- Да ну? Он знает обо мне, вернее, о моих картинах? – удивилась Лиза.
- Как только узнал, так и записался в меценаты – торжественно изрек Сакис.
- Тогда это несерьезно, - кисло протянула Лиза.
- Ошибаешься, это – очень серьезно. У него денег куры не клюют, с женой он не разводится, детей у него нет. В могилу с собой свое богатство не заберет – в гробу карманов нет.
- Он согласился помочь?
- Почти. Он согласился увидеться с нами. Мы приглашены к нему на обед в субботу. Будь готова сама и прихвати пару картин на свой выбор. Я за тобой заеду. А до субботы подумай, как позаковыристей себя преподнести.

Сакис положил трубку. Лиза повеселела. Появилась надежда. Призрачная, но надежда. Неприятное заключалось в том, что ей придется самой себя продавать. Прямо как Моцарту после того, как его отец отказался поехать с ним в Вену. Но Леопольд хоть письма писал с наставлениями, а она – одна одинешенька.

По дороге к незнакомцу, согласившемуся посмотреть ее картины, Лиза старалась не раздумывать и не гадать, а верить, что судьба удивит, наконец, одним из своих благодеяний. В то же время, она гнала от себя робкие надежды, чтобы избежать последующего разочарования. Сколько раз она верила, сколько раз надеялась! Ее обманули все: отец, бросивший ее после развода с Александрой; Алексей, обещавший превратиться в сильного и надежного мужа, а вместо этого, ставший слабаком и завистником; Мимис, обокравший ее семью и предавший ее веру в порядочность; Джордж, обнадеживший ее счастливой жизнью вдвоем, а, на самом деле лгавший ей; Адам, сбежавший неизвестно куда и неизвестно почему, через полтора года после их венчания. По большому счету ее предал даже ее дед, горячо любимый Никита, умерший слишком рано... Лиза, как битая кошка, осторожничала с людьми, и, как Фома неверующий, приближаясь к ним, требовала доказательств их надежности. Теперь, впрочем, не время для обид, надо найти силы, стряхнуть оцепенение и страх, что опять ничего не выйдет, продать свой талант, пробиться и выставиться.

- О чем задумалась? – Сакис прервал ее мысли.
- Ты сказал, что он намного богаче тебя. Почему?
- Потому что у него двух вещей больше, чем у меня – кораблей и прожитых лет.
- Значит, старый? – Лиза понятия не имела, почему задала этот вопрос. Какая разница?
- В летах, но мудрый. Не волнуйся, он хороший мужик. Честный.

Ехать было довольно долго, но вот, наконец, приехали. Ворота открылись автоматически. Сакис оставил машину сразу же за воротами, у въезда на аллею, Лиза взяла холсты и они начали подниматься по пригорку к дому. В Экали дома стоят не вплотную друг к другу, как в Певках, в Экали дома дышат полной грудью. За обвитыми зарослями изгородями или белыми, массивными заборами не слышно ни соседей, ни машин на дорогах. Щебетали птицы, а в остальном, тишина была абсолютной – чистой, прохладной, текучей – ее можно было пить, как родниковую воду. Буйная апрельская поросль на пригорке была скошена, короткие колючие травинки кололи ноги. Каблочки Лизиных туфель увязали в мягкой земле. Тут и там были навалены стожки пряно пахнущей, истекающей соками, травы. Проходя мимо такого стожка, Лиза заметила безжалостно отрезанные верхушки разнообразных весенних полевых цветов. Тут были и ромашки, и дикие, пахнущие корицей, гвоздички, и дельфиниумы, и маргаритки, и колокольчики, и даже маленькие малиновые цикламены. Зачем же было все это под косилку? Кому мешало? Красота греческой весны и состоит именно в этом разноцветье, когда глаза разбегаются, а ноздри полнятся смесью запахов, так что хочется нырнуть в это разноцветное море с головой и притаиться на дне, разглядывая пчел, былинки и листики. Скошенный пригорок напоминал бритую голову узника, томящегося за чужое преступление.

Дом, стоявший на пригорке, был выстроен в стиле семидесятых из чего-то железобетонного, серого и массивного. Его накрывала плоская крыша, а часть второго этажа, служившая навесом над пустым местом, поддерживалась квадратными колоннами. Там, в тени навеса, были расставлены дачные кресла, диван с подушками и низенькие столики. Лиза решила, что это не дом, а постройка, которой явно не хватало изящества и вкуса.

На полпути к постройке, высившейся на лысом холме, окруженном соснами, Лиза и Сакис неожиданно вздрогнули и остановились. Тишина расплескалась и исчезла. Замолкли птицы. Навстречу им с громким лаем и тьяканьем, неслась

свора разномастных собак. Растерявшись, Лиза замерла и начала считать. Собак оказалось одиннадцать – в несущемся живом кубле были представлены практически все породы – от овчарки до мопса. Свора несомненно отличалась живописностью. Впереди галопировали крупные собаки, за ними, едва поспевая, но, не желая отставать, с визгливым тявканьем на всех парусах неслась более мелкая порода – спаниель, болонка, шпиц и мопс. Болонке с развевающейся длинной шерстью удавалось поспевать лучше всех, она буквально летела по воздуху.

- Я забыл предупредить, - Сакис первым пришел в себя от легкого потрясения. – Они держат собак. Вернее, его жена держит эту свору. Я, почему-то думал, что их запрут.

Лиза, любившая животных, тем не менее, спрятала холсты за спину. Уж очень развеселой была эта свора.

Навстречу им вышел хозяин, за ним семенила жена. Лиза тут же узнала его. Этот высокий, худой, костистый человек был хозяином той белоснежной яхты, куда Мимис и она были приглашены пару лет тому назад на Пасху. Мимис не знал, что надо было разуться, прежде чем ступить на отлакированные палубные доски и белоснежные пушистые ковры. Ненароком, Лиза опустила глаза, взглянув на ноги вышедшего навстречу им мужчины. Его огромные ступни были обуты в сандалии, и пятки стояли на их толстой пористой подошве, как лошадиные копыта на земле. Растроганная, она перевела взгляд с его пяток и посмотрела ему прямо в глаза. Его пятки определенно напоминали ей Дон Кихота. С какой стати ей пришло в голову сравнивать пятки? Сервантеса она читала, но не имела представления, какие у Дона Кихота пятки.

- Да мы знакомы, встречались, - сразу узнал ее «Дон Кихот». – Я – Джон, если забыла, а это моя жена – Бэба.

У него имя, у нее прозвище. Ладонь Лизы утонула в большой, теплой и сухой ладони Джона. Он смотрел на нее приветливо и немного насмешливо. Рядом суежилась низкорослая Бэба, нетерпеливо ожидая, когда на нее обратят внимание. Вертлявая и старательная, она ничего не пожалела ради себя – на подтяжки, вытяжки, силикон и ботокс было потрачено немало денег, труда и душевных сил. Она заискивала перед Лизой и Сакисом в ожидании комплиментов. Ее взгляд просил, умолял бросить ей «кость» - неискреннюю, расхожую фразу о том, как хорошо она выглядит. Получив подачку в виде комплимента, она тут же превратилась в заносчивую и капризную маленькую избалованную собачонку, чья верхняя губка часто приподнимается в злом оскале, открывая белоснежные, протезированные зубки. Бэба была в белых узких брючках, в розовой футболке с блестящей надписью на крепких, силиконовых грудях, и в пластиковых, прозрачных шлепанцах на каблуках. Ее белые с синевой волосики были завиты и уложены. Вокруг талии, между пухлыми складками упорного жира, виднелся черный пояс с липучками, к которому, прямо на животе у Бэбы, была прикреплена объемистая, туго набитая косметичка.

Джон проводил гостей в дом. Прошли прямо на кухню и сели за большой стол. Лиза рассматривала Джона, вглядываясь в его серые глаза – в них была твердость, но успела также поселиться и великая усталость. На яхте этой усталости не было заметно. Тогда в этих глазах Лиза прочла брезгливый приговор Мимису, не знавшему, как себя вести, заискивавшему, полусогнутому, незначительному человеческому экземпляру в туфлях. Она вздрогнула от воспоминаний.

- Итак, картины пишешь? А что же бизнес? Помню, Мимис хвастался, у вас с ним совместная фирма была, ты всем заправляла. Почему же теперь картины? – спросил Джон.

- Много изменилось с тех пор. Я ... , - Лиза запнулась. Ей совсем не хотелось рассказывать про Адама, про Мимиса, про то, как сбежал один, как умер другой, и как третий, Джордж, ожидает от нее великих свершений. Ей не хотелось продавать себя, а вернее, свой талант именно так, через покаянную исповедь о том, что жизнь у нее не сложилась и ее надо жалеть.

- Она была замужем. Ты знаешь? Мимис умер, - вмешался Сакис.

- Замужем? А причем тут Мимис?

- Мимис был ее мужем. – Сакис зачем-то сообщал совсем не обязательные подробности ее личной жизни.

- Замужем? За Мимисом? Зачем же? – Джон повернулся всем телом к Лизе, ожидая от нее ответа.

Бэба не очень аккуратно разливала белое вино в небольшие стаканчики и внимательно прислушивалась к разговору.

- Со времени нашего знакомства, я несколько раз побывала замужем. Меняю мужей как перчатки, а в свободное от мужей время, картины пишу. – Лиза позабытому, жестоко и желчно разозлилась. Так она злилась только на Мимиса, и после его смерти отошла, начала забывать неприятную, подчас, дикую злобу, на которую была способна.

- Да, скорей всего, это не наше дело. – Джон понял и отвернулся. Ему стало ясно: эта не выплеснет наболевшего, провоцируя пересуды и жалость к себе и, поэтому, решил переменить тему. – Но что же все-таки с делами? Уже можно торговать в бывших республиках или еще потерпеть надо?

- Про Россию не знаю, - сказала Лиза. – В Украине задавили все, что, после независимости, появилось хорошего. Продажные политики, взяточники-чиновники, дурные антинародные законы, а теперь еще и новая зависимость от России. Сырьевая на этот раз.

- В России тоже дела не ахти, - вмешался Сакис. – Один мой приятель, как только развалился СССР, наладил в России торговлю оливковым маслом. Боялся сначала, но потом развернулся. Дела пошли отлично. Продавал дорого, не церемонился, россиянам оливковое масло было в новинку. В валютных магазинах, маленькая бутылочка двадцать долларов стоила, они его как лекарство употребляли. На больших бутылках он накручивал пару сотен процентов прибыли и, все равно, раскупали.

Лиза усмехнулась, вспомнив, как Александра каждый раз просила ее привезти оливковое масло из Греции; когда у нее болело горло, она держала глоток масла во рту, а потом проглатывала. Какая гадость!

- Развернулся он хорошо, - продолжал Сакис, - наладил сбыт по всей России, на Красной площади рекламу повесил, а потом в одночасье все потерял. В тот «черный август» девяносто восьмого года, когда рубль обвалился, весь его многомиллионный бизнес накрылся, да еще и должен остался. Еле ноги унес. Вернулся в Афины, заперся в своем офисе, пить стал. Однажды не то случайно сигарету уронил, не то умысел в том был, но сгорело все – и офис, и мебель из орехового дерева и дорогая аппаратура. Сейчас сам ходит, как обугленная головешка, на человека не похож. Так что в России иностранцам по-прежнему не фартит.

- Я из-за этого «черного августа» тоже фирму потеряла, – нехотя заметила Лиза.

- Рубль пал..., - начал Джон.

- На колени, - подытожил Сакис.

- Это ничего, финансовые крахи случались всегда и везде. Россия очухается, нефти и газа на ее век хватит. Но как людям живется? Опять плохо? Зачем же

тогда, к черту, независимости добивались? Зачем от коммунистов избавились, если опять жить немогуту? – Джон спрашивал с интересом, его как будто задевало то, что происходило в России. – Зачем понадобилось ломать устоявшуюся власть? Я слышал краем уха, читал в газетах, журналах, что при социализме вам не так уж плохо жилось – простенько, но с достатком, никто не голодал. Стабильность была.

- Да, жили мы точно простенько. – Лизе стало вдруг невыносимо тоскливо. – Что касается стабильности, то она ведь бывает не только со знаком плюс, но и со знаком минус. Застой называется. Да и потом, никто от коммунистов не избавлялся, они сами на себе крест поставили. Кто из вождей верил в идею о всеобщем братстве, равенстве и свободе? Никто. Иллюзорного всеобщего равенства еще можно добиться через диктатуру и постоянный контроль, а вот братства, а, тем более, всеобщей свободы – нет, это утопия. Люди не способны на братство даже в условиях всеобщего равенства. Уж как Христос старался объяснить про братство и любовь к ближнему, но даже ему не удалось. А свобода – от кого или от чего? От каких именно угнетателей, если на смену одним, приходят другие, оружие про эту самую свободу? Красивые слова так и остались словами, недостижимой мечтой, утопией. Причем, большевики или коммунисты, как они себя именовали с 1918 года, утопили свою утопию в крови, приговорив себя вместе со своей утопией. Советская империя, построенная на фундаменте из лжи и насилия, и так слишком долго протянула. Ее добила «холодная война» с ее гонкой вооружений и цены на нефть, которые очень вовремя упали почти до нуля.

- Зачем тогда царя свергали? Ведь пошли же за коммунистами с их идеей одинакового для всех простенького бытия? – настаивал Джон.

- Народ не простенького бытия хотел, он сытой жизни хотел. Октябрьский кровавый переворот произошел в России. Это важно. С тех пор, как отменили крепостничество и до момента, когда Ленин начал свои обещания раздавать, прошло немногим более полувека. За это время векового раба из себя трудно выдавить. А рабам, как известно, хозяин нужен. Троцкий, тот, что с Лениным революцию делал, говорил, что мужицкий ум лишен размаха и синтеза, что он улавливает только элементарное. Мужики поймут только тогда, когда по ним пройдутся каменным утюгом. Ну, и прошлись.

- Но империя-то народной была? Насколько я знаю, в СССР был создан культ рабочего люда, все делалось для народа, все подчинялось его интересам. Одним словом, власть была у народа.

- Нет, власти у народа никогда не было, - ответила Лиза. – Власть была у единственной партии и у ее вождей, причем безграничная. Народ власти никогда и не требовал, он не знал, что с ней делать. Народу нужен был вождь-отец, справедливый и любящий. Когда революция началась, бедняки к Ленину потянулись, своего в нем признали, думали, что он простой, без претензий, разговаривает с ними, про рай на земле рассказывает, объясняет, что рай – это когда богатых нет, поэтому богатых надо или выгнать или вовсе истребить. Такой себе рай на крови. Владимир Ильич талантливейшим пиарщиком был, знал на какие клавиши нажимать. Правда, клавиши эти только в России музыку заиграли. Нищих и необразованных не трудно окрестить в новую веру, превратив сначала в революционную массу, а потом в палача. Неужели никому никогда не приходила в голову мысль, что большевики целый народ сделали палачом?! Сначала у народа Бога отобрали, потом растерявшийся народ поманили лживыми обещаниями. Ленин пообещал крестьянам землю, рабочим – фабрики и заводы, солдатам – мир. Коммунисты всё поровну распределят и, что самое замечательное, всего хватит на всех, потому что коммунисты могут чудеса творить почище Христа с его пятью хлебами и двумя рыбами. Народу также показали, кого именно надо убивать.

Народ стал отбирать, потому что добровольно никто свое не отдавал, а потом убивал им же ограбленных. Коммунисты, прикрываясь лозунгом «Власть народу, земля крестьянам, фабрики рабочим, а мир солдатам», окрестили народ в новую веру в кровавой купели, а потом въехали на загривках озверевшей толпы во власть, а как въехали, так с народом местами и поменялись. Теперь не народ, а вожди сделались палачами. Тогда уже не нужно было прятаться за спинами народа. Власть была взята и ее было много. Пришла очередь народа идти на плаху.

- Из огня да в полымя? – подначил Сакис.

- Да, именно так, – согласилась Лиза. – После революции, вместо рая, разверзся ад. История моей страны – непреходящий кошмар, о котором тяжело рассказывать. Тех, кто умел думать и мог понимать, красным террором задавили – или жизнь, но в полном согласии с новыми порядками, или смерть. Кому повезло в живых остаться, кровь своих соотечественников откашляли, потом замолчали и приспособились. Иногда успокаиваю себя обманом, думаю, раз такое было в прошлом, авось, в будущем не повторится.

Лизины слова, наполненные горечью и болью, прозвучали как пророчество. На кухне повисла тишина. Джон и Сакис молчали, тронутые откровенностью почти незнакомой им женщины. Даже Бэба перестала греметь дверцей от жаровни, тарелками и салатницами.

- Как же вас угораздило с этой революцией? – Джон первым прервал молчание.

- Революция, та, что произошла в России – вещь необъяснимая. Один мужик, когда революция случилась, сказал примерно так о тогдашней России: «Да, конечно, держава была специальная, даже вовсе необыкновенная, ну а теперь, по моему, окончательно впала в негодяйство».

Лиза засмеялась, стараясь поточнее перевести слово «негодяйство», а потом задумалась, стоило ли ворошить все это больное да непонятное? Ведь если потянуть за ниточку, конца не будет. Не лучше ли перевести все в шутку, поесть запеченного в жаровне барашка, которого Бэба, вон, тянет на стол, да и покончить с визитом? Но нет, ей хотелось рассказать им, как все было на самом деле. Во всяком случае, что она сама сумела понять об этой самой революции. Так долго она не разговаривала с умными людьми! Мимис не слушал, потому что не мог понять, а эти, авось, поймут.

- Столько лет прошло, - продолжала она, - толковали революцию все, кому не лень, как Библию толкуют. Сколько раз подтасовывали факты и перевирали историю! Моя семья в том кровавом перевороте не участвовала. Прадед увез жену и детей в Узбекистан, подальше от греха, деды еще маленькие были, а когда подросли, выбирать уже не приходилось, кому служить, за кого головы класть, за кого голоса отдавать.

- За Родину! За Сталина! – с наигранным воодушевлением выкрикнул Сакис.

- Во Второй мировой деды мои не за Сталина, а за свои семьи воевали.

- Значит, революция сплошным негодяйством была? – Джон, как дотошный ученик, хотел докопаться до истины. Лиза казалась ему умницей, с такой поговорить интересно. Бэба, раскладывала ножи и вилки, время от времени кидая подозрительные взгляды на своего мужа, как вдруг сама решила поучаствовать в общем разговоре:

- Конечно, негодяйством! При царе народ верующий был, а коммунисты попов погнали и церкви закрыли. – Сказав это, Бэба негодуя поджала губы, всем видом показывая, что она тоже не лыком шита и кое-что знает.

Лиза улыбнулась ей, хотела спросить, откуда ей известно про попов, но Джон опередил ее, серьезно заметив:

- Не в полах дело, Бэбека, а в том, как жили. Не велика заслуга, в церковь ходить и попам руки целовать. – При этом он выразительно посмотрел на свою жену.

- Думаю, все началось с войны, - продолжала Лиза, аккуратно подбирая слова. – С той, первой, мировой. Пришлась она некстати. Войны все некстати, а уж та совсем. В начале века Россия была не едина, тогда Россией было четыре. Одну часть России олицетворяли аристократы – царская семья, министры и двор, вторую – дворяне и интеллигенция – образованные, совестливые, стремящиеся к переменам, но слабые и безвольные, третью – городские рабочие и сельские мужики, одним словом, беднота, а четвертую – анархисты, бунтующие люди, народовольцы. Им постоянно конец света чудился, а самих себя они видели несущимися в кровавом вихре навстречу смерти.

- А армия? – спросил Сакис. – Ведь была же в России армия, на чьей стороне военные были?

- Армия тогда, в основном, мужицкой была, а весь офицерский состав – дворяне. Когда началась война, командование было уверено, что победа будет одержана быстро, но быстро не получилось. Отец царя Николая, Александр III, вошел в историю как царь-миротворец – за годы его правления Россия не участвовала ни в одной крупной войне. И, хотя он называл армию и флот самыми верными союзниками России, армия была не боевая, не было в ней ни воинского духа, ни дисциплины. После двух лет, проведенных в окопах, солдаты стали бежать с фронта, однако, боясь наказания, в деревни свои не возвращались. Они наводнили большие города. К тому времени уже несколько лет никто не собирал достаточных урожаев, поскольку мужики были на фронте, а бабам одним было не под силу справиться. В городах начались перебои с хлебом. Рабочие вышли на улицы. Воспользовавшись недовольством, большевики умело раздули пламя народного гнева. Анархисты большой масляной каплей упали в то пылмя. Когда в 1894 году умирал Александр III, Николай рыдал на плече у своего двоюродного дяди, великого князя Александра Михайловича, приговаривая: «Сандро, что я теперь буду делать? Что станет с Россией? Я еще не подготовлен быть царем. Я не могу управлять империей. Я даже не знаю, как разговаривать с министрами. Помогите мне, Сандро!» Когда умер его отец, Николаю было 26 лет, но он все еще ощущал себя юношей. Говорят, что вообще долгое время упорно отказывался от престола, но был вынужден уступить требованиям своего отца и подписать манифест о вступлении на престол. Один из дипломатов писал, что природный ум Николая был «ограничен отсутствием должного образования». Жена его, принцесса Алиса Дармштадт-Гессенская, внучка королевы Виктории, ставшая императрицей Александрой Федоровной, оказалась недалекой, чувствительной и, в то же время, самолюбивой женщиной, которая также приложила руку к гибели страны. Эта история с Распутиным – не то стыдно должно быть, не то смешно, не то горько. Своему мужу, уехавшему на фронт, подальше от позора ее отношений с этим мужиком, она слала послания, советуя перед совещанием с генералами, погладить икону или причесать волосы гребнем, подаренным «нашим другом», Распутиным, то бишь. Россия докатилась до того, что Распутин, через императрицу, и министров назначал, и страной управлял. Она писала ему: «... Тогда я желаю мне одного: заснуть навеки на твоём плече, в твоих объятиях... Я жду тебя и мучаюсь по тебе... Вовеки любящая тебя...» Долго так продолжаться не могло. С другой стороны, - усмехнулась Лиза, - если бы Николай послушал Распутина, который советовал ему в 1914 году не вступать в войну, не было бы 74 лет советской власти и ее бесчисленных жертв.

- Я читал, - сказал Сакис, - уж не знаю, правда ли это и верить ли? Ведь Ленин все затеял и организовал, да? Но приехал-то он в Россию из Германии?

- Он что, на самом деле, немец? – Бэба была удивлена, она уставилась на Лизу для подтверждения этой невероятной ее догадки.

- Нет. Наполовину он был русским, наполовину, по материнской линии, евреем. – Разочаровала Бэбу Лиза.

- Ненавижу немцев! – не унималась Бэба. – Моя мать в Мюнхене после войны уборщицей в одном доме батрачила. Как только хозяева не издевались над ней!

- Немцы, Бэбека моя, неряшливых не любят, - сдержанно заметил Джон.

Переведа взгляд на Лизу, он сказал:

- Ну, что там за история с немцами? Давай, рассказывай. Или боишься? Тут доносить некому. Разве что Бэба, за нее не ручаюсь.

Все рассмеялись, Бэба замахнулась на своего мужа деревянной ложкой, которой перемешивала салат.

- Ленин не из Германии приехал, он через Германию возвратился в Россию из Швейцарии. Да это и не так уж важно! Октябрьский переворот, который почему-то продолжают называть революцией, стал таким огромным и трагическим изменением в жизни многих народов, что детали не важны. Она была как ядерная бомба, какая разница, кто ее сбросил, если погибли десятки миллионов людей? Октябрьский переворот был как метеорит, стерший с лица земли семьи, их дома и кусок цивилизации. Оттого, что мы будем знать, откуда этот метеорит прилетел, размеры катастрофы ведь не уменьшатся. Страны больше не было. Тот переворот был страшным бедствием и, если он имел лицо Ульянова-Ленина, то для него же хуже. Такая слава ему выпала, что его набальзамированные останки до сих пор не преданы земле, а выставлены в Мавзолее, где пожираются глазами миллионов любопытствующих.

В кухне повисла тишина. Лиза продолжала:

- Нет, я не боюсь, Джон. Я давно перестала бояться. Вы правы, я родом оттуда, где боялись доносов, потому что каждую минуту могли жизнь искалечить или даже вовсе ее отобрать. Кстати, в России все это продолжается до сих пор. Советская империя пала, но система и ее методы живы. Это все равно, что дерево пало, потому что внутри труха была, но корни остались. Я благодарю Бога за то, что у меня паспорт украинский и что я родилась в Украине, а не в России. Когда я служила переводчиком в КГБ, у нас регулярно проводились так называемые политзанятия. Неважно, какой была тема занятий, надо было в обязательном порядке пропеть дифирамбы КПСС и облить грязью идеологического врага. Поскольку мне тоже приходилось в этом цирке участвовать, я часто заглядывала в библиотеку КГБ, где хранились архивы, запрещенные у нас в советские времена. Когда я читала то, что было доступно, у меня волосы становились дыбом. Почти каждый день меня спрашивали, когда я собираюсь вступить в партию – я была офицером, а для офицерского состава членство в КПСС было обязательным. Я смотрела на тех, кто меня постоянно прессовал насчет вступления в партию, и усилием воли глушила крик, готовый из меня вырваться. Сколько раз я была на волосок от того, чтобы заявить им всем о том, что они преступники, и что их Коммунистическая партия является, на самом деле, партий палачей! Слава богу, что я этого не сделала. У меня была семья, маленький ребенок. Если бы я позволила себе бросить им в лицо подобное обвинение, пострадали бы все. Я просто ушла оттуда. С трудом, но вырвалась.

- Да, не позавидуешь тому, что тебе пришлось пережить, - подытожил Джон.

- А ты продолжай, расскажи еще, - нетерпеливо предложила Бэба. – Даже я понимаю, что ты рассказываешь.

«Ну, вот и хорошо, - подумала Лиза, - день не пропал даром. Ликбез для жен судовладельцев открыли».

Глава 7.

Обед у Джона.

- Итак, - возобновила разговор Лиза, - к началу 1917 года в России сложилась взрывоопасная обстановка - война, солдаты, бегущие с фронта, рабочие в больших городах, требующие хлеба, Николай II, которого называли «бедный Ники», его жена-иностранка, ее отношения с Григорием Распутиным, который назначал и увольнял министров. Многие дворяне и почти вся российская интеллигенция хотели перемен и поддерживали идею революции, понимая, что жить дальше так невозможно.

- Почему же дворяне и интеллигенция не возглавили перемены, почему они не повели народ за собой? – спросил Сакис.

- Потому что они поддерживали некую идею революции, которая витала в воздухе. У них не было понятия о самой революции, ни плана развития страны и ее социального устройства после. У них не было организованной партии и лидеров. Могли ли такие люди встряхнуться, опомниться и совершить промышленную революцию, как в Англии или Германии, раскатав неповоротливую Россию-матушку? Теоретически могли, но момент пропустили. Проболтали момент. Лет за десять до революции в России был министр Петр Столыпин. Умнейший был человек. Так вот, одна из известнейших столыпинских реформ касалась освоения Сибири. Суть реформы состояла в том, что неимущим крестьянам из европейской части России предложили переселиться в сибирский край и начать осваивать там земли. Рабочая сила – крестьяне, капитал – деньги российских промышленников или ссуды из специальных банков. Даже специальные поезда и вагоны семейные придумали. Если бы мужика решительно пустили поднимать Сибирские земли, а потом закрепили бы эти земли за ним, вся Сибирь превратилась бы в нечто, подобное Северной Америке, которую освоили переселенцы. Сибирь бы ожила и развилась. Народ потянулся было туда, но вдруг все застопорилось. Царь Николай испугался этой идеи.

- Чего же он испугался? – удивился Джон.

- Николай боялся, что Сибирь, развившись, могла бы невзначай поглотить европейскую Россию. Это генетический страх российских царей – что кто-то разбогатеет, появятся сильные семьи, которые будут диктовать свои условия престолу. В Сибири, которая размером с Европу, это было вполне возможно. Трусливое бездействие Николая привело к роковой ошибке. Он замкнул русского мужика в европейской части России, где того ожидали война, голод и знакомая нищета. Российским умам надо было держать миллионы бывших крепостных у дел, показать им, что в Сибири на века хватит работы, а, следовательно, и хлеба, и денег, и благоустроенной жизни хватит на всех, и дай бог, беднота поняла бы, что не богатых истреблять надо, уравнивая оставшихся в живых в бедности, а самому лучше в богатые выбиться. Кроме всего остального, эта ошибка стоила жизни самому Николаю и его семье. Знаете, почему он застопорил реформу своего министра Столыпина? Потому что тот на дух не переносил Распутина и императрица не могла ему этого простить. Судьба России

зависела от капризов Александры Федоровны! По ее милости Столыпин попал в немилость, Николай отвернулся от него, а позже его убили. Единственного министра, который мог бы спасти Россию, застрелил еврей-экстремист во время представления в Киевском Оперном театре. Это было в 1911 году. Там же, в Киеве, Столыпина и похоронили. Через семь лет, в июле 1918-го, царскую семью расстреляли в доме Ипатьева в Екатеринбурге. Расстреляли те мужики, которых, вместо того, чтобы делом занять, поднимая Сибирь, предоставили самим року, и вот результат – война, революция и Ленин с разветвленной сетью партийных ячеек по всей России, немецкими деньгами и лживыми обещаниями.

- Эта история про освоение Сибири напоминает неудавшуюся американскую сказку на российской земле, - вздохнул Джон. – Американская сказка на американской земле, правда, тоже не совсем тем концом повернулась.

- А, что, революция лучше? – Бэба накинулась на своего мужа.

- Ты права, родная, революция совсем не обязательно означает нечто прогрессивное и справедливое, чаще, к сожалению, просто кровавое. После революций к власти приходят диктаторы и подонки. Все известные мне революции совершались во имя их славы и власти, а не во имя народа. Революции делаются с помощью народа, но никогда для народа. Так в чем же русская сказка, если сибирская эпопея не состоялась?

- Российская «сказка» началась в 1917-ом, - Лиза упрямо отказывалась называть все российское «русским». – В «некотором царстве, в некотором государстве» было узаконено рабство и этому радовались, как невиданному счастью. Дело в том, что дорога к Октябрьскому перевороту была вымощена еще двумя историческими событиями – Февральской революцией и отречением Николая II от трона. Большевики ко всему этому отношения не имели. В феврале 1917 года в Петрограде не хватало продовольствия, все шло на фронт, на улицы вышли недовольные люди. Однако все эти протесты и митинги не были опасными для власти. Они стали опасными, когда к протестующим присоединились солдаты местного гарнизона и кронштадтские матросы. Тогда и произошел военный мятеж, который, почему-то называют Февральской буржуазно-демократической революцией. Власть перешла к Временному правительству под руководством Керенского, а второго марта 1917-го года, последовало отречение Николая II, которое, кстати, было встречено с огромным энтузиазмом в Европе и в Соединенных Штатах.

- Люди иногда радуются переменам не от большого ума. Особенно, если эти перемены их лично не касаются. А что же Ленин делал в это время? - Сакис крутил в пальцах сигарету, ему очень хотелось выйти и покурить, но разговор был слишком интересным и он остался.

- До революции Ленин, прячась от царского правительства, уже двадцать лет провел в эмиграции. Его старший брат Александр руководил террористической фракцией партии «Народная воля». Он был одним из участников покушения на Александра III. Кажется, это было 1887 год. Полиции попало в руки письмо одного из заговорщиков и теракт был предотвращен. Арестовали пятнадцать человек, в том числе, и старшего брата Владимира Ульянова – Александра. Ленин – это псевдоним, так Владимир Ульянов назовет себя позже. Александр был казнен. Не случись этого, возможно, история была бы другой. Володя Ульянов не так бы целеустремленно топил державу в крови и, вероятно, царская семья была бы жива.

- Ну, надо же... Вот как бывает. – Бэба поджала губы, задумавшись над превратностями судьбы.

- Кстати, в Швейцарии, где он жил, Ленин тоже пытался народ на революцию поднять. В Цюрихе ему внимала кучка швейцарских левых в количестве аж 15 человек. Им Ленин пытался вдолбить, что пора начинать захватывать банки,

сельскохозяйственные угодья, почту, телеграф, вокзал, идти и отбирать имущество у людей. Швейцарцы не могли понять, зачем творить беззаконие? Ленину было 47 лет. Он был известен в узких кругах социалистов, демократов и революционеров своими письменными трудами. Больше никакой славы у него не было. Он был влюблен во француженку Инессу Арманд, ставшую на какое-то время российской революционеркой, но продолжал жить со своей женой Надей – неумной, некрасивой, но надежным партийным товарищем. Он не любил Россию и мечтал только том, чтобы разжечь пожар революции в мировом масштабе. Великих свершений на горизонте не предвиделось и он бы застрял в эмиграции на всю оставшуюся жизнь, если бы Германия не объявила войну России и не началась первая мировая война. А дальше все выстроилось так, как будто кто-то сверху все специально срежиссировал, убрав с дороги, ведущей прямо в Ад, все препятствия.

- Широкий путь, ведущий в погибель..., - тихо заметил Джон.

- Да, широкий, - согласилась Лиза. – Немцы в начале 1917-го года уже не могли воевать на два фронта, у них сил не хватало на борьбу с Россией и со странами Антанты. И вот они находят этих немного пообтрепавшихся в эмиграции российских революционеров – Ленина и его 32 соратника – и решают с их помощью подорвать, не много не мало, российскую государственность. Вообще-то, русская революция была самым успешным заговором в истории. Обе стороны быстро нашли взаимопонимание. Немцы согласились перевезти компанию заговорщиков в plombированном вагоне по своей территории в Петроград. Официальной версией их пропуска через территорию Германии был обмен немецких военнопленных на российских революционеров-эмигрантов. Истинную суть немецкой задумки передал тогдашний германский посол в Дании, кажется, его звали граф Брокдорф-Ранцау. Он писал о том, что немцы планировали создать в России наибольший хаос, поддерживая радикальные партии, в победе которых они были заинтересованы. Но наибольшую поддержку со стороны Германии получили отдельные радикальные элементы, которые, уже через три месяца, сумели сотрясти устои российской империи.

- А Ленин не боялся выглядеть предателем в глазах своего народа? – Сакис все-таки вышел покурить и оставил дверь открытой, стараясь не пропустить то, о чем говорила Лиза.

- Конечно, боялся! Очень боялся! Его поездка через территорию Германии во время войны России с Германией, была изменой Родине. Ленин опасался, что сразу же, после их прибытия на вокзал, его упрячут в Петропавловскую крепость, но этого не случилось. Чудо, вытолкнувшее Ленина из эмиграционного забвения, продолжилось на родной земле. Александр Керенский, глава Временного правительства, закрыл на все глаза. Это было невозможно объяснить! Говорят, что он убедил себя в том, что уже сам факт транспортировки Ленина и его соратников через Германию, дискредитирует этого революционера-конспиратора в глазах народа. Из Швейцарии Керенского предупреждали, что из Германии готовятся ввезти шпионов, агентов и провокаторов. Русский посланник в Берне телеграфировал в Петербург, что некоторые российские, крайне левые круги, обосновавшиеся в Цюрихе, поддерживают тесные связи с Германией, а некоторые являются просто тайными немецкими комиссарами. Как вы думаете, что, на самом деле, происходило с Керенским? Впал ли он в банальную прострацию или что-то еще было у него на уме? Причина была в том, что он боялся мятежа генерала Корнилова больше, чем восстания Владимира Ленина. Корнилов был царским офицером, после переворота, когда начнется Гражданская война, он возглавит Добровольческую армию, которая будет драться с большевиками. Сам же Керенский был эсером, то есть крайне левым, и по своему мировоззрению гораздо

ближе к большевикам, чем к своим министрам. Кроме того, он был сравнительно молод, неопытен и недалководиден. Он страшно боялся, что Корнилов отберет у него власть и введет в России диктатуру, поэтому и подыгрывал большевикам. Другими словами, Керенский предал Россию, сдав ее большевикам, оправдывая свое предательство несуществующим заговором.

- Да, пока для России не совсем фартово обстоятельства складываются, - подытожил Джон.

- Ленин напрасно боялся, - продолжала Лиза прерванный рассказ. - Вместо ареста, российские большевики покинули свое подполье и, ни от кого больше не прячась, подготовили своему вождю роскошную встречу на Финляндском вокзале в Петрограде. Представьте, площадь перед вокзалом была полна народу, урчали автомобили, на которых прибыла большевистская элита, играли сразу несколько оркестров, развивалась масса красных знамен с вышитой золотом аббревиатурой ЦК РСДРП (российская социал-демократическая рабочая партия). Были выстроены конные части, был привезен прожектор. На самом перроне поставили несколько навесов с флагами и лозунгами, играл еще один оркестр, и толпились члены ЦК с цветами, как будто девочек из варьете встречают. На все это требовалось очень много денег. Расчет был на то, что чем триумфальнее встреча, тем, возможно, меньше будут поносить Владимира Ленина, снюхавшегося с врагом России.

- Впечатляет. А откуда у большевиков такие деньги? - Сакис вернулся и присоединился ко всем за столом.

- «Откуда деньги, товарищ Ленин?», - засмеялась Лиза. - Некоторые газеты в то время пытались это выяснить, задавая этот вопрос, но они не получили ответа. Ответ нашелся позже. Итак, по прибытии в Петроград, Ленин поселился в особняке известной балерины Матильды Кшесинской и начал ту деятельность, которую обещал немцам в обмен на их деньги.

- Она, что, его любовницей была? - такую сплетню Бэба не могла пропустить.

- Нет, не была. Не тот уровень у Владимира Ульянова был. Ему слишком высоко прыгнуть пришлось бы и то, не допрыгнул бы. Кшесинская была полячкой и примой Петербургского Императорского театра. После Февральской революции и отречения Николая, ей пришлось оставить свой особняк, а летом 1917 года она вообще покинула Россию. Она вышла замуж за внука Александра II. Так что Ленин вселился в пустой особняк.

- Так что же там с большими деньгами? - напомнил Сакис.

- Германия, Сакис, оказала большевикам огромную и неоценимую помощь, не только предоставив вагон, но и дав огромные суммы для пропаганды хаоса, на который они рассчитывали. Как говорится, долг платежом красен, и Ленин сделал для Германии все, под чем подписался. Ему деньги нужны были до зарезу для антивоенной пропаганды по заказу Германии, для содержания партийного аппарата и партийных ячеек по всей стране, а также, для содержания Красной гвардии. Деньги поступали из Швеции, Дании, Швейцарии со счетов подставных фирм. Транзакции шли из многих нейтральных стран. Одним словом, денежный водопад буквально низвергался на большевиков. Приведу пример. После приезда Ленина в Петроград, в апреле 1917 года, большевики купили типографию за 250 тыс. рублей, это 125 тыс. долларов по тем временам. Листовки и пропагандистские материалы печатались без остановки. Кроме газеты «Правда» начался выпуск «Солдатской правды» и «Окопной правды» для фронтовых частей. Тиражи исчислялись шестизначными цифрами. В этой типографии печатали также фальшивые удостоверения личности.

- Да, было на что развернуться, - Сакис был впечатлен.

- Главным отмывочным пунктом, где «стирали» деньги для большевиков, был шведский банк Nya Banken, чей владелец Улоф Ашберг, после захвата власти большевиками, стал главным подручным Ленина по вывозу за рубеж награбленных у зажиточных людей ценностей, конфискованных активов частных банков и царского золотого запаса. Эти средства шли на финансирование мировой революции и на покупку оружия. Другими словами, Ленин распродал Россию во имя мировой пролетарской революции! Улофа Ашберга называли «банкиром» Ленина, он продолжал сотрудничество с большевиками и после Октябрьского переворота. Между 1921 и 1924 годами он реализовал на Западе на 50 миллионов долларов ценностей из Гохрана (Государственное учреждение по формированию Государственного фонда драгоценных металлов и драгоценных камней Российской Федерации) – на 5 млрд. в пересчете на нынешние деньги. В 1921 году он встречался в Москве с Лениным и тот предоставил новому банку Ашберга право проводить финансовые операции от имени советского правительства в Скандинавии и в Германии. Это соглашение включало также право продавать на Западе российскую нефть и другие полезные ископаемые. Одновременно ему были переданы для продажи 55 тонн российского золота и многочисленные драгоценности из Гохрана. Он сотрудничал с СССР вплоть до 1940 года. Когда, в том же году, Ашберга допросила в Париже французская полиция, он откровенно рассказал о своих связях с большевиками до и после революции. Его показания хранятся в архивах парижской префектуры. Общий объем финансовых операций Ашберга с советскими активами составил примерно 20 млрд. долларов по тогдашнему курсу!!!

- Не могу поверить своим ушам! – Сакис аж жевать перестал.

Лиза наблюдала за Джоном. Он потягивал узо из высокого стакана и слушал то, что она рассказывала. О чем он думает? Возможно о том, что в какой-то момент, все зверства и весь обман власть предержащих становятся нормой, потому что молчат народы? Молчание народов легитимизирует преступления властей, делая виновными в злодеяниях и тех, и других.

- Это еще не все. Перед Октябрьским переворотом деньги для большевиков шли и через российские банки. Был такой Парвус. Так вот, на немецкие деньги он создал в нейтральной Дании торгово-экспортную компанию, которая закупала дефицитные продукты и материалы, а средства от их продажи в России переводила на счета своего российского представителя Евгении Суменсон. У Суменсон были счета на сотни тысяч рублей в Симбирском торговом банке, в Русско-Азиатском и Азовско-Донском банках. Через свою фирму Парвус отмывал также немецкие деньги для большевиков. Через такие операции германское руководство поддержало большевиков финансово на сумму до 50 миллионов золотых марок.

- Так это немцы революцию в России сделали? – спросила Бэба. Ее ненависть к немцам находила все новые подтверждения.

- В содружестве с большевиками. Немцы платили, большевики действовали. Правда, сами большевики тоже зарабатывали, как могли – экспроприировали собственность у учреждений и у частных лиц. Их лозунг звучал так: «Грабь награбленное!» Реквизировали церковные ценности, выжимали пожертвования из русских толстосумов, таких, как Савва Морозов, Мамонтов, Коновалов. Был еще один способ – члены партии женились на богатых наследницах, выдаивали из них наследство, а потом бросали их. Иногда деньги брали у разных преступных банд за поставку оружия и кидали их. Чтобы раздобыть денег, большевики налетали на билетные кассы и поезда. Или грабили банки, в Тифлисе, например, прихватили 340 тыс. из казны. Во время ограбления отличились революционеры Камо и Коба. Коба – это партийная кличка молодого Иосифа Джугашвили, впоследствии палача

Иосифа Сталин. Кроме всего этого, в Финляндии готовились печатать фальшивые деньги.

- Это прямо как боевик какой-то! – опять не выдержала Бэба.

- У некоторых большевистских боссов были персональные счета в шведских банках. Многие до сих пор верят в аскетизм Ленина и Сталина из-за того, что в 1920-х годах был введен «партминимум» на зарплаты партийных бонз. Тем не менее, верхушка большевистской номенклатуры пользовалась невиданными привилегиями и имела негласные источники дохода.

- Неограниченная власть разлагает. Надо было не минимумы на зарплаты вводить, а ограничения на власть. – Джон поднялся и прошелся по кухне. Лиза молча наблюдала за ним, но, поскольку, остальные ждали продолжения истории о «великой» Революции, изменившей мир, она продолжала:

- В июле 1917-го года у большевиков не то голова закружилась голова от обилия денег, не то немецкое командование торопило, но они предприняли попытку сбросить Временное правительство. Попытка эта оказалась неудачной. В штаб-квартире большевиков, в особняке балерины Кшесинской, контрразведка Временного правительства нашла обличающие финансовые документы, которые были уничтожены позже, во времена СССР. И что же делает Керенский после этого большевистского путча?

- Что? – Бэба заглянула в духовку, проверила как там доходит баранья нога и, раскрасневшаяся, готова была слушать дальше.

- Глава Временного правительства Керенский обо всем знал. Об этом он поведал в своих мемуарах. Временное правительство постановило арестовать Ленина и других большевиков после июльского мятежа и объявило их в розыск, однако Керенский саботировал это решение. Он не просто проигнорировал доказательства заговора большевиков, которые контрразведка нашла в особняке Ксешинской, но и расформировал этот тот отдел контрразведки, что предоставил доказательства заговора. Но и это еще не все! Под предлогом борьбы с заговором Корнилова, он амнистировал и реабилитировал главарей провалившегося июльского мятежа, в том числе, и Троцкого. И это еще не все! Керенский перевооружил Красную гвардию большевиков, считая ее чуть ли не единственной силой, способной противостоять корниловскому мятежу. По его приказу большевики получили 40 тысяч винтовок.

- Правильно ты сказала, что как будто кто-то разум отнял у этого человека, - заметил Джон.

- Когда большевики взяли власть, Керенский бежал, переодевшись в женское платье. Ленин подписал с немцами мир, отдал им земли, согласился на все их условия и вывел Россию из войны. Впрочем, все его усилия Германии не помогли, но Россию угробили, потому что в России большевики начали гражданскую войну и террор. Октябрьский переворот и гражданская война обошлись в 25 миллионов человеческих жизней.

- А, правда, что Зимний дворец брали так, как показывают в фильмах? – спросил Сакис.

- Ты имеешь в виду фильм Эйзенштейна «Октябрь»? Нет, это не правда. Все это было ложью – массы не штурмовали дворец. Через десять лет после переворота, Эйзенштейн решил героизировать события октября 1917 года. Сам или под давлением, я не знаю. Знаменитый штурм Зимнего дворца, показанный в его фильме, проводился небольшим отрядом большевистской Красной гвардии и отрядом кронштадтских матросов. К моменту штурма, охраны в Зимнем почти не было. Казаки и юнкера стали покидать свои посты. Осталась только горстка юнкеров и участницы «Женского батальона смерти». В процессе штурма несколько

женщин были изнасилованы, одна покончила с собой. «Женский батальон смерти» сражался, между прочим, до самого конца. Общее количество погибших при штурме составило пять человек, было несколько раненных. Петроградские газеты ничего особенного в тот день не сообщали – так, несколько уличных беспорядков. Важно понять, что критическим фактором победы большевиков в Октябрьском перевороте была не поддержка петроградцев и народа вообще, а поддержка солдат гарнизона и матросов Балтфлота. Как только отгремели залпы Октябрьского кровавого переворота, начался Красный террор.

- Говорят, Красный террор – это было нечто неопишваемое. Никакое зверство не было для большевиков слишком бесчеловечным. – Джон попросил Сакиса одолжить ему сигарету и они вдвоем вышли под навес.

В это время Бэба поставила блюдо с бараньей ногой на стол и, немного подождав, стала руками отрывать сочные куски мяса от кости. Лиза не могла оторвать взгляда от ее пальцев, унизанных бриллиантовыми кольцами, по которым тек бараний жир.

Глава 8.

Комната душ.

- Рассказывать о зверствах большевиков почти невозможно, потому что невыносимо облечь в слова то, что они творили. – Лиза смотрела на сочную баранину с пылу с жару, понимая, что не сможет проглотить ни кусочка. – Но я расскажу вам кое-что, потому что в конце своего рассказа хочу задать вам один вопрос.

- Будем ли знать на него ответ... - тихо проговорил Джон.

- Думаю, что ответ знать будете, но ответить не сможете. После прихода к власти большевиков, ими был развязан «красный террор». Его осуществлял специальный орган советского государства – ВЧК, что означает Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Такое себе, революционное гестапо. Эта аббревиатура стала легендарной, ВЧК являлась предвестницей КГБ и, сегодня, ФСБ. Чрезвычайную Комиссию возглавил Дзержинский, поляк по происхождению, убивший свою сестру. После совершенного преступления он хотел податься в церковное служение, но не был принят по моральным мотивам. Он покинул Польшу и оказался в России, как раз в подходящее для таких проходимцев время. При нем ВЧК стала нервом государства и поглотила последние остатки права. В ВЧК был создан Особый отдел, находившийся в ведении полусумасшедшего Кедрова, который провел остаток жизни в психиатрической больнице как неизлечимый психопат. Кедров специализировался на малолетних «шпионах» с 8 до 14 лет. Обыкновенных мальчишек-гимназистов он объявлял шпионами и пачками доставлял в тюрьмы или расстреливал на месте. Комиссии на местах назывались ЧК и создавались повсюду. Были территориальные ЧК - губернские, уездные, городские, были ЧК железнодорожные и транспортные, были фронтовые и армейские, были даже заводские и фабричные. Спрут разбросал свои щупальца по всей стране. В одном только Киеве насчитывалось 16 различных ЧК, соревновавшихся в количестве расстрелянных и замученных. Для прикрытия своих зверств ВЧК создала себе легенду – «мы прибегаем к террору под давлением рабочего класса, это не террор ВЧК – это террор рабочего класса, который борется с врагом за свое светлое

будущее». Это было откровенное вранье! Большевики – большие любители инсценировок и знатоки подлогов, сами печатали и распространяли заявления разных групп и слоев населения, которые, якобы, требовали террора, но это была та лживая пропаганда, на которой поднялась и долго держалась большевистская власть. На самом деле, многие рабочие были не согласны с властью большевиков, они ее не хотели. В марте 1919-го года в Астрахани произошла большая забастовка рабочих. Десятитысячная мирная толпа рабочих была оцеплена матросами-пулеметчиками и утоплена в крови. Ленин еще в 1917-ом году утверждал, что социальную революцию осуществить очень просто – надо лишь уничтожить 200-300 буржуев, а Дзержинский считал, что «устрашение является могущественным средством политики». Троцкий написал целую книгу «Терроризм и коммунизм», где дал идейное обоснование терроризму. На самом деле его книга была «хвалебным гимном во славу бесчеловечности». Вся кровь, пролитая большевиками, стала вершиной мерзости их «революции».

- Ничего не скажешь, умели большевики взять власть, а, главное, знали, как удержать ее, - заметил Сакис.

- Террор начался после того, как в августе 1918 года, Фанни Каплан стреляла в Ленина и ранила его. Немного раньше был убит Урицкий, один из большевистских лидеров. Он руководил Петербургской ЧК. Тогда и начали звучать вот такие призывы: «За каждого вождя тысячи ваших голов!», «Сотнями мы будем убивать врагов!», «Пусть это будут тысячи, пусть они захлебнутся в собственной крови!», «За кровь Ленина и Урицкого пусть прольются потоки крови – больше крови, столько, сколько возможно!» Я не уверена, что эти покушения не были провокациями и не были инсценированы самими большевиками. Им нужен был повод, чтобы утопить страну в крови. Они не говорили – мы докажем несогласным свою правоту и убедим в правильности нашего пути, они говорили – мы убьем несогласных. Тех, в ком они видели врагов, не судили, их просто уничтожали.

- Не думаю, что большевики были заинтересованы убеждать или доказывать. Ведь тогда кто-то мог доказать в суде свою правоту или, хотя бы, высказать свою точку зрения. Даже тогда, когда отсутствует право, остается элементарная логика. Насколько я понимаю, большевики боялись открытых судов, потому что тогда развалилась бы их утопическая идея, а их методы вызвали бы всеобщее осуждение и неприятие. – Джон нехотя ковырял вилкой кусок баранины в своей тарелке. Видно, аппетита у него не было.

- Государственный террор узаконил также самосуд. Лацис, который был председателем ЧК в Украине, расстрелял тысячи украинцев. Он говорил, что их целью является не уничтожение отдельных лиц, а истребление буржуазии как класса. Я не помню дословно, но его высказывание звучит примерно так – не ищите на следствии доказательств того, что обвиняемый действовал делом и словом против советской власти. Первый вопрос, который вы должны ему предложить – какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определять судьбу обвиняемого. В этом смысл и сущность красного террора. То есть, не важно, что человек сделал или сказал, важно его происхождение. Его происхождение делает его «врагом народа». Вот так просто.

- Это что же, предки нашего Лациса революцию в России делали? – Бэба не могла долго без сенсаций. – Мы ж его в дом приглашали.

- Нет, «наш» Лацис был латышом, - поправила Лиза, улыбаясь совпадению имен. Фамилию Лацис носила семья крупных греческих судовладельцев.

Бэба хотела, было, поговорить о Лацисах, бывавших у них дома, но Лиза продолжала:

- Большевики восстановили гнусный обычай брать заложников. Они уничтожали своих политических противников, в том числе, издеваясь над членами их семей. Жен и детей сажали в тюрьмы и держали там до явки с повинной их мужей и отцов. Когда же те приходили, женщин и детей чаще расстреливали, чем отпускали. Об этом рассказывали работники Красного Креста. В феврале 1920 года «гуманные» большевики отменили смертную казнь. Ночь отмены казни стала «ночью большой крови». Расстрелы продолжались полным ходом в подвалах, тюрьмах и лагерях по всей стране. После отмены смертной казни, за ЧК оставили право самосуда. Большевики продержались на своей «гуманности» не долго – всего через четыре месяца смертная казнь была восстановлена. Сотни тысяч жили годами в тюрьмах, ожидая расстрела. К ним применялась практика фиктивного расстрела, когда подсудного несколько раз за ночь водили на расстрел, раздевали донага на морозе, расстреливали у него на глазах других, а затем снова возвращали в камеру. Во многих тюрьмах была такая специальная «комната душ» - комната, где расстреливали. Чтобы не было слышно криков, рты затыкали тряпками. Было и такое издевательство – говорили, что отпускали, а сами пускали пулю в затылок.

- Действительно самый настоящий террор в современном понимании этого слова. У нас, в Греции, тоже коммунисты зверствовали во время Гражданской войны. Вспоминать страшно. – Джон невольно содрогнулся.

- В библиотеке КГБ я просматривала архивы Красного Креста. Сестры милосердия были свидетелями многих зверств большевиков. Они рассказывали о том, что происходило на местах. В Крыму жертвы исчислялись десятками тысяч. Крым называли «Всероссийским кладбищем». Количество убитых варьируется там от 50 до 150 тысяч. Если латыш Лацис зверствовал в Украине, то венгр Бела Кун – в Крыму. Со своей подручной Самойловой по кличке «Землячка» они расстреливали в две смены, заставляя приговоренных рыть общие могилы. Расстрелянных укладывали штабелями – ряд мертвых на ряд раненных, или бросали трупы в старые Генуэзские колодцы. Расстреливали женщин с грудными младенцами. Расстреливали больных и раненных в лазаретах. Это была дикая бойня. В российской Вологде председателем ЧК был двадцатилетний свихнувшийся юноша. В сильные морозы он выходил и садился на льду, образовавшемся на реке. Его подручные прорубали отверстия во льду и приносили мешки. Потом выводили заключенных, раздевали их, сажали в мешки и опускали в прорубь. В Украине комендант Харьковского ЧК Саенко – «человек с мутным взглядом воспаленных глаз» был постоянно под воздействием морфия и кокаина. Во время пыток он вонзал кинжал на сантиметр в тело жертвы и поворачивал его в ране. Начинал он обычно с ног и поднимался все выше и выше. Жертва истекала кровью. Он любил снимать скальпы и «перчатки» с кистей рук. На стенах камер находили надписи о том, что, не вынеся пыток, люди подписывали оговоры на самих себя. Часто повторялась фраза Данте «Оставь надежду всяк сюда входящий». Спустя два с небольшим десятилетия, эта фраза появится над воротами концлагеря Маутхаузен. Вроде фраза расхожая, но преимственность налицо. Зверства коммунистов были унаследованы нацистами. Недаром Черчилль говорил, что фашизм был уродливым детищем коммунизма. Каков отец, таково и дитя. Существует описание человеческой бойни, устроенной в одном из киевских гаражей, где кровь, смешанная с человеческим мозгом, черепными костями и клочьями волос, достигала нескольких дюймов. Многих, после пыток, закапывали живо. Применяли также «китайскую» пытку. Приставляли к телу человека трубу, туда сажали крыс, закрывали трубу с другого конца и поджигали. Стараясь спастись, крысы вгрызались в тело человека. Эта пытка длилась часами, пока человек не умирал. Одна из сестер Киевского Красного Креста писала: «Когда я вспоминаю

лица членов ЧК, я уверена, что это были люди ненормальные. Садисты, кокаинисты – люди, лишенные образа человеческого». В России в то время была зарегистрирована особая «болезнь палачей», которая приобрела массовый характер. Давящие на психику кошмары мучили сознание сотен палачей, виновных в пролитой крови. Большевики потом от таких избавлялись.

- Как? – испуганно спросила Бэба.

- Как же еще? Расстреливая... Это называется «иерархия преступления». Тот, кто наверху, всегда избавлялся от исполнителей внизу. Причем не один раз. Как это делал Сталин со своим окружением.

- Я слышал, что Сталин застрелил свою жену? – Сакис отодвинул тарелку с нетронутой едой.

- Нет, она сама застрелилась. Она не могла жить, зная, что ее муж творил с людьми. Хотя, кто знает, что произошло на самом деле? Женщинам вообще досталось больше остальных. Большевики-коммунисты, строившие светлое будущее для обездоленных, женщин насильовали, потом отрубали им головы и опять насильовали. Женщин заставляли отдаваться начальникам ЧК, взамен обещая свободу их отцу или мужу, которые были схвачены чекистами. В тюремных клозетах женщин заставляли отмывать голыми руками экскременты. Для таких работ специально требовали «буржук». Одна политзаключенная описывала камеру, где содержали десятки женщин, где пол и стены были вымазаны толстым слоем испражнений, где невыносимо воняло и где на обед приносили суп из неочищенных конских голов с волосами, с каким-то тряпками и нечищенной картошкой. Все это называлось «социализацией женщины».

Лиза заметила, что Бэба тоже отодвинула от себя тарелку. Сама она даже не притронулась к своей еде.

- На самом деле большевики провели то, что известно как «отрицательная селекция». Вытянув наверх вот таких уродов, о которых я вам рассказала, они провели эксперимент сразу над несколькими народами. Они уничтожили образованных и совестливых, но героизировали палачей и стукачей, которых окрестили истинными революционерами. Не важно, что от них они тоже частично избавились. Дело было сделано – один класс заставили уничтожить другой класс. У всех тех палачей родились дети. Можно верить в карму и в то, что дети платят за грехи своих отцов, можно не верить, но результаты эксперимента были уже налицо в 60-х и 70-х. Мораль в общечеловеческом восприятии была уничтожена, ее место заняла партийная пропаганда. На первомайских демонстрациях тысячи граждан шагали мимо Мавзолея Ленина, приветствуя своих палачей в законе, которых система, внедренная ими, сделала легитимными. Они махали флагами палачам, стоявшим над непогребенным телом своего Зверя. Половина из того людского потока, что плыла по Красной площади, была детьми палачей, орудовавших во всех концах необъятного советского концлагеря, а вторая половина была детьми жертв. «Порядочная сволочь этот народ!» - по-моему, так сказал Эмиль Золя?

- Как это ужасно, когда богатых не любят! Но богатых же много в России было! Что же они не задавили бунтовщиков? – Бэба, вероятно, представила, как у ее мужа отбирают корабли и разволновалась. – Я вот, все свое ношу с собой. – Она выразительно показала на пузатый кошелек, прикрепленный к ремню. – Все мои драгоценности, - сказала она гордо. – Отсюда никто их у меня не экспроприрует.

Все трое, Джон, Сакис и Лиза с изумлением посмотрели на Бэбу. Ведь не простое слово выговорила!

- Теперь я хочу задать вам тот вопрос, о котором говорила вначале. Октябрьская революция вошла в историю как пример силового подавления одного класса

другим, как пример невиданной жестокости и истребления миллионов людей. По воле вождей умерщвляли миллионы. Я уверена, что не будь Октябрьского переворота, не было бы Гитлера.

- Потому что немцы помогли Ленину добраться до России? – уточнила Бэба.

- Без участия немцев Октябрьский переворот просто не совершился бы – это факт. Первое – если бы не немцы, его было бы некому совершить, потому что Ленин был в Швейцарии и не мог добраться до России. Второе – если бы не немцы, его было бы не на что совершить. Но я не это имела в виду. Революция, а, главное то, что большевики творили после нее, продемонстрировала всему миру, как надо поступать с несогласными. Не стоит тратить время на то, чтобы их убеждать в своей правоте. Их надо просто уничтожать. Между прочим, немцы выдавали большевикам сдавшихся Германской комиссии солдат Добровольческой Армии, воевавшей против большевиков. Так вот, мой вопрос звучит так – почему, прекрасно зная, что происходило в России, Запад, вместо того, чтобы организовать суд над красными палачами, стал заигрывать с Советами? На глазах всего мира был уничтожен целый класс, а российские коммунисты не только не понесли за это наказания, с этими палачами стали сотрудничать, таким образом, вымостив широкую и прямую дорогу к зверствам Гитлера.

- Дерево свободы нужно поливать время от времени кровью патриотов и тиранов, - усмехнулся Джон.

- Красный террор – не унималась Лиза, - страшная вещь была. Это был прямо-таки истерический террор. Дикая вакханалия террора. С 1917-го по 1953-ий года страна жила в состоянии постоянного государственного террора, т.е. нескончаемых убийств и арестов. В общей сложности 36 лет!

- Ну, как же! – Сакис нетерпеливо перебил Лизу. – Было за что убивать! Рабочий обрел свою мечту – «равные права для всех, привилегий никому».

- Это ты, мой дорогой, - вмешался Джон, - демократический лозунг в пример приводишь. При социализме эти самые привилегии процветали и, насколько я знаю, они и погубили социализм. Брежнев уж слишком стал выпячивать себя и своих приближенных. А народ ведь не дурак, видел и понимал, что народный вождь давно забыл о народе, себя только помнил.

- Социализм, который вы упомянули, нельзя было ни погубить, ни уничтожить, – спокойно сказала Лиза. – Его просто не было. О социализме и коммунизме кричали те, кто поднял на дыбы Россию, но их мечта не осуществилась. Согласно советским идеологам, социализм был первой стадией коммунизма, а развитый социализм, объявленный при Брежневе, стал его второй и последней стадией. До коммунизма дело так и не дошло. Идея коммунизма сама по себе утопична. Коммунизм построить нельзя. Чего стоит одно из определений коммунистического общества: «от каждого по способностям, каждому – по потребностям». Вы умные люди, сами понимаете, что станет с людьми и с нашей планетой, если мы все хоть на минуту заживем при коммунизме, то есть, будем отдавать по способностям, а получать по потребностям. Но, вернемся к социализму, суть которого определялась так: «От каждого по способностям, каждому – в соответствии с затраченным трудом». Лозунг сам по себе не плохой, он подразумевает здоровую конкуренцию, соревновательность и определяет скорее суть капитализма, а не социализма. У нас же была уравниловка! Сколько не работай, больше положенной зарплаты не получишь. И, наоборот, можешь проваландать все рабочее время, меньше установленного оклада тоже не получишь. Так уравнивали идиотов и гениев. Квинтэссенцию этой уравниловки можно было наблюдать в каком-нибудь Гастрономе, в общей очереди за колбасой.

- Но я слышал, что некоторые советские ученые были далеко не бедными людьми, - заметил Сакис.

- Да, были такие, но они или ядерную бомбу делали, или космические корабли. Их партия любила, оберегала и награждала. Так вот, вместо социализма и коммунизма, о которых мечтали и говорили наши лидеры, на самом деле, сначала был геноцид, начавшийся с революции, красного террора и гражданской войны, потом было раскулачивание и коллективизация, когда уничтожили зажиточных крестьян, организовав по всей стране колхозы и совхозы, такие себе сельскохозяйственные мини-концлагеря, где держали людей без паспортов, чтобы они не сбежали. Затем пришел черед индустриализации, то есть строек по всей стране, зачастую в диких, невыносимых условиях, унесших миллионы жизней, на которых вкалывали политзаключенные и зеки, привезенные со всех тюрем и лагерей. Затем пришла очередь Голодомора, когда Стали решил приструнить Украину, отобрав у людей хлеб и продав его за границу. Людей тогда расстреливали за то, что спрятали не тонну или килограмм зерна, а пару колосков. Потом началась Великая Отечественная война, когда солдат превратили в пушечное мясо и их трупами выстлали путь к победе. Во время Второй мировой СССР понесла потери в 42 миллиона человек – 19 миллионов военнослужащих и около 23 миллиона гражданских. Частично это были потери, частично опять геноцид. Потом наступила Хрущевская оттепель, которая свелась к разоблачению Сталина и кратковременной свободной говорильне, потом Брежневский застой на долгие годы, и, наконец, после вереницы смертей запоздавших править партийных вождей, перестройка. Где же социализм?

Лиза говорила все это раздраженно. Ей хотелось бы гордиться историей своей страны, но, разложив все по полочкам, вместо гордости выходило одно смущение. А чего ей-то смущаться? Не она расстреливала царя и его пятерых детей в подвале Ипатьевского дома, не она уничтожала подчистую крестьянские семьи, включая стариков, женщин и детей, во времена раскулачивания, не она пыталась и расстреливала в подвалах ЧК. Не она, не она, не она, и, слава богу, не ее семья!

Как хорошо, что Господь не дал ей родиться в те смутные времена, а то она, безоглядная, натворила бы бед! И как хорошо, что пришлось ей быть Никитовой внучкой, а не его матерью, например, у которой на глазах расстреляли троих сыновей и мужа, а дочь изнасиловали. Потом красноармейцы, пришедшие хлеб отбирать, прибили и ее. Тогда, во время раскулачивания только Никита и спасся. Удрал, прятался по чужим селам, батрачил, где придется. И всю свою жизнь этот смелый человек, прошедший Великую Отечественную с подвигами, боялся, что коммунисты узнают о его корнях, что он из кулаков, что трудился на земле с малолетства с отцом да братьями, что земля за труды родила им урожай на плодородной украинской земле. Узнают и накажут его и его семью...

- Боялись, вот и творили, бог знает что - заметил Джон.

- Это правильно. Кто-то сказал: «Террор – бесполезная жестокость, осуществляемая людьми, которые сами боятся». Но мне всегда было интересно поразмышлять о том, как и почему миллионы боятся одного? – спросила Лиза. – Что это за массовый ступор такой? В чем причины такого массового и абсолютно безвольного подчинения? Когда в 1941-ом году немцы оккупировали Киев, они собрали евреев по всему городу и погнали их по центральным улицам в Бабий Яр. Это был концлагерь в черте Киева, где расстреляли десятки тысяч евреев и украинцев. Но что случилось или, вернее, чего не случилось по дороге в Бабий Яр? Евреев, шагавших навстречу своей гибели, были десятки тысяч, немцев, их охранявших – несколько десятков, но ни один еврей даже не рыпнулся, не попытался бежать! Существует так называемый «арктический синдром», когда

целые поселения в состоянии необъяснимого страха или депрессии, снимаются с места и начинают двигаться в никуда. Массовые необъяснимые психозы очень интересовали большевиков, так как в основе их идеологии лежала идея управления сознанием масс. Помните, я рассказывала, что Керенский действовал как будто кто-то контролировал его мозги? Большевистское правительство финансировало подобные исследования, отправив несколько экспедиций на Тибет в оккультные секты. Они надеялись добраться до Шамбалы.

- Шамбалы? – Бэба перестала жевать. – Это где?

- Шамбала – это тайная страна, - ответила Лиза. – Говорят, она существовала когда-то в районе Тибета, но превратилась в миф. Теперь Шамбала, скорей всего, символизирует свод тайных знаний. Очень немногие ламы имеют к ним доступ. Чтобы получить доступ, человек должен обладать определенной верой, знаниями и кармой, другими словами, должен быть избранным и посвященным.

- Кем? Кем избранным и посвященным? – не унималась Бэба.

- Богами, наверное, - просто сказала Лиза.

Все замолчали. Джон очень внимательно смотрел на Лизу, стараясь разгадать эту женщину. Что еще она знает?

- Большевики, - тем временем продолжала Лиза, - яростно отвергали христианство, поклоняясь своим «богам». На шлемах буденовцев, революционной конной армии, были звезды синего цвета. Это – Тибетская атрибутика. Именно с голубых звезд ламы считывают информацию. Сталин прекратил изыскания в области оккультных наук и расстрелял ученых, кто этим занимался. Он пошел своим путем, продолжая создавать и укреплять чудовищную репрессивную машину. Сталин решил для себя проблему, установив контроль над массами через постоянный непреходящий страх. Только поколение моего сына сможет окончательно избавиться от этого страха.

- Почему же перестройка после стольких страданий не оказалась сказкой? – спросил Сакис.

- Не знаю, вроде поумнел народ, пообтерся, веры стало меньше в идею, в вождей. Повидали на своем веку и вранья, и предательства. После перестройки казалось, что с трудом, с мычанием, но вырвемся. Народ не вырвался. Сейчас поняли две вещи. Первая: у нынешнего руководства, или как принято говорить сейчас, у политической элиты, новых идей нет, вдохновения они все чаще ищут в преступлениях своих предшественников. Вторая: воруй у народа сколько хочешь, главное – вдруг не оказаться богаче самого главного. Бандиты стали олигархами, купили политиков и государственные институты, попрали право, а народ как был, так и остался обслуживающим персоналом. Вот вам еще один результат отрицательной селекции, проведенной большевиками – бандиты дорвались до власти, а у народа ума не хватает все это понять и прекратить.

- И, все-таки, мне трудно понять, - Сакис вернулся к началу разговора, - как красные смогли победить белых? Была же царская армия, генералы, дворяне, обученные и грамотные люди, союзники помогали, даже греки сражались, защищая от большевиков Херсон, Одессу и Николаев. Мужики, красные партизаны, на виду у французских эскадренных миноносцев изрубили шашками в Николаеве целую греческую бригаду.

- Добавьте, как могла победить голь, - продолжила Лиза - живущая без хлеба, без электричества, без дров, в тифу, в стране, где стояли все фабрики и заводы? А хорошо оснащенные армии Колчака, Деникина и Мамонтова бежали, не смотря на то, что их снабжали продовольствием и хлебом крестьяне и союзники?

Бэба убираала со стола. Лиза молчала, допивая вино из бокала. Она тысячу раз задавала себе этот вопрос и искала на него ответ.

- Это была борьба не столько армий, сколько идей, - помолчав, сказала она. – Красная армия и Белое движение олицетворяли разные идеи. Но, прежде, чем говорить о высоких материях, следует сказать о том, что большевики в начале гражданской войны терпели очень серьезные поражения. Было время, когда армия Колчака подступала к Москве, но Москву не отбила. Большевики обратили бегущих с фронтов первой мировой войны солдат в свою веру, таким образом, создав армию, и подготовили красных командиров. Теперь об идеях. Дворяне боролись за то, что у них отобрали, за свою Россию, но в той России беднота была загнана по углам. Я думаю, что в будущем, дворяне, вероятно, изменили бы положение этой бедноты к лучшему, изменив Россию, но тогда они опоздали. Прозевали промышленную революцию, прозевали прогресс, оказавшись слабой властью, идеалистами и эстетам. Царские министры были слишком образованы и слишком слабы, чтобы удержать грязную, невежественную и пьянствующую Россию в узде. Ленин этим воспользовался. К тому же, после двух лет непрерывной, кровавой, страшной войны с красными, дворяне устали, их силы иссякли, им показалось, что больше им не за что идти на смерть. Красные же дрались не просто за свое светлое будущее, а за всемирную идею. Они совершенно серьезно верили, что российская революция послужит началом мировой революции. Помните высказывание Троцкого? Ведь бросали человеческие жизни как хворост в топку мировой революции, не жалея. Обманутый большевиками народ умирал за счастье бедноты во всем мире, за справедливый социальный порядок. Ленин вложил в головы по большей части необразованных революционеров божественную идею о спасении мира. Смерти сотен тысяч людей были окрашены романтикой и духовностью. Конечно, никаких мировых революций не последовало, если не считать кратковременных рабочих восстаний в Германии и Венгрии. Пришлось ограничиться одной страной. Появился Советский Союз, в котором правил Сталин с большой дубинкой. Со времени Октябрьского кровавого переворота в нашей стране погибло более 80 миллионов человек. Почти девять Греций. Вот вам история моего государства.

Глава 9.

Смотрины и сватовство.

Бэба явно устала. Ее желудок был занят перевариванием барашка, а ее мозг работал с перегрузками. Полученной информации было для нее более, чем достаточно. Лиза сама чувствовала такую слабость, как после обморока. Разговор оказался не из легких. А ведь это был только первый акт пьесы под названием «Обед у Джона». Вторым актом станет демонстрация ее картин. Лиза вспомнила, что Станиславский учил, во время перегрузок, играть на ослабленных мышцах. Она, опустив голову, постаралась расслабиться. Не смогла. Ей очень хотелось крепкого кофе. Ей даже почудился запах турецкого кофе с золотой пенкой. Но Бэба и не помышляла о том, чтобы приготовить кофе, - она вопросительно поглядывала то на Джона, то на картины, повернутые к стене.

Джон встал, подошел к картинам и стал поворачивать их лицом. Он долго молчал, рассматривая то одну, то другую. Иногда он брал холст в руки и ставил его на стол, ближе к свету, потом уходил с ним в комнаты, искал правильное

освещение. В конце концов, все шесть полотен, принесенные Лизой, нашли свои места. Только после этого Джон стал смотреть их всерьез. Было видно, что картины ему нравятся, что он видит их, знает, как прочесть.

- А ты – художница! Талантливая художница! – воскликнул он.

Бэба бегала от картины к картине. Смотрела, правда, не столько на них, сколько на своего мужа. Ей было не понятно, зачем принесли картины и почему ее Джон уже имеет к ним отношение. Сакис тоже с любопытством рассматривал Лизины полотна. Ему нравилось то, что он видел, ему также было приятно, что не зря побеспокоил Джона. Кажется, приглашение на обед обернется удачей.

- Сколько же надо на выставку? – спросил Джон.

- Что? Деньги? – Бэба всполошилась. – Что за выставка?

- А, вот мы с тобой возьмем и поможем Елизавете выставиться и продать картины.

- И как же мы ей поможем? – еще пуще обеспокоилась Бэба.

- Деньгами, - ответил ее муж. Бэба развернулась и с неприязнью посмотрела на Лизу.

- А если не купят? Как деньги вернешь?

- Такие картины купят, - с уверенностью сказал Джон.

- Ну, тогда ты ничего не смыслишь в делах! – провозгласила упрямая Бэба.

Сакис аж крякнул от удивления.

- Я вот что тебе скажу, - грозно глядя на своего мужа, продолжала Бэба. – Картины ее никто не купит. А, знаешь, почему? Потому что ее никто не знает и знать не хочет. Чтобы ее картины покупали, нужно сначала продать ее саму! – Она перевела дух. – А чтобы продать ее, нужно чтобы ее лицо, - Бэба с отвращением посмотрела на застывшее Лизино лицо, - мелькало в телевизионных шоу, в журналах и появлялось на тусовках. Все это денег стоит, как ты понимаешь! Ее картины всего лишь приложение к ней.

- Ты хочешь сказать, что она должна ходить по этим кошмарным сборищам, где всякие пошлые блондинки будут лезть в ее личную жизнь?

- Да, - с удовлетворением огрызнулась Бэба, - а она должна будет отвечать на все их вопросы.

- Жалко мне тебя, Лиза, - подытожил Сакис.

Джон задумался. Потом сказал.

- Не в деньгах дело, Лиза, но Бэба права. Тебя раскрутить надо, но раскрутить правильно. Вернее, тебя надо преподнести. Я сейчас ненадолго отлучусь и позвоню кое-кому, а вы подождите меня здесь.

Сакис вышел покурить, а Бэба, оказавшись наедине с Лизой, вдруг смешалась. Она кинулась готовить кофе, поставила на середину стола, утопленную в медовом сиропе, баклаву, и стала расставлять чашечки.

Джон плотно прикрыл дверь в свой кабинет. Он думал о необычном человеке с необычной судьбой и необычным именем. Человека, которому он собирался позвонить, звали Эдмунд фон Нарвиц.

Он колебался, звонить ли? Предки фон Нарвица приехали в Грецию в свите баварского короля Оттона Фридриха Людвига фон Виттельсбаха в 1833-ом году. Френсис фон Нарвиц, крупный землевладелец, был одним из советников вновь прибывшего короля. Френсис осел в Греции, долго служил королям, сумев сохранить статус, деньги и приобрести недвижимость. Попутно, он занялся коммерцией, начав вкладывать деньги в судовладельческие компании. Когда Оттон I покинул страну в 1862-ом, следующие поколения семьи фон Нарвиц стали верой и правдой служить Глюксбургам. Эта греческая ветвь фон Нарвицей благополучно избежала темные времена зарождения фашизма в Германии и с

минимальными потерями пережила тройную германо-болгарско-итальянскую оккупацию Греции во время Второй мировой войны. Последний греческий король Константин II, сместивший правительство либерала Георгиоса Папандреу, а чуть позже, сам ставший жертвой захватившей власть военной хунты, вынужден был покинуть Грецию, дабы избежать ареста. Нарвицы и тогда не двинулись с места, уютно устроившись на своих коммерческих деньгах. В судовладельческой компании Джона, Эдмунду фон Нарвицу принадлежало несколько судов, его же собственные компании были зарегистрированы в Греции, на Кипре и в Великобритании. Если сложить все суда, которыми владел последний из фон Нарвицей, то он, без сомнения, оказался бы среди имеющих самым имеющим.

Эдмунд фон Нарвиц владел разветвленной империей, охватывавшей все предыдущие приобретения и вложения его семьи, а также его собственные разнообразные интересы и пристрастия. Он занимался коллекционированием произведений искусств, редких книг и старых домов в европейских странах. У него была ненужная ему яхта. Обширные интересы Эдмунда возникли и развились благодаря его финансовым возможностям, однако ни из своих дорогостоящих интересов, ни из своего богатства он шумихи не делал. Будучи противником всякой суеты и показушничества, он никогда не устраивал прогулок на яхте для джет-сетов или знакомых бизнесменов, никогда не приглашал их на приемы в свой огромный дом, никогда сам не участвовал в подобного рода развлечениях. Нарвиц ценил уединенную жизнь. Когда дела не отбирали слишком много времени, он читал, мечтал и размышлял. Эдмунд умел пользоваться своим разумом, потому что только разум мог отстоять его бренное тело у смерти. Он ценил свой разум, потому что правильное и четкое функционирование этого органа было не только его спасением, но и единственным удовольствием. Эдмунд фон Нарвиц был калекой.

Джон осторожно снял телефонную трубку и набрал номер. К телефону подошел дворецкий. Сказал, что господин отдыхает. Джон на минуту растерялся, он позабыл за разговорами с Лизой, что было время послеобеденной сиесты. Поговорить, тем не менее, было надо, и именно сейчас. Он знал, что Нарвиц отдыхает редко, и то, только для вида. Его постоянно мучают боли и расслабиться он не может. Джон настоял, слуга подчинился и пошел спрашивать. Через некоторое время в трубке послышался хриплый голос Нарвица.

- Только не говори мне, Джон, что все мои суда сторели.
- Еще плавают. Я по другому делу.
- Как видно, дело срочное, раз звонишь в такой час. Я слушаю.
- Речь идет о женщине, - сказал Джон.

Эдмунд долго молчал. Потом, наконец, продолжил странный разговор. В его словах звучала ирония.

- Женщина? Я непригоден для женщин. Я для них слишком стар и слишком умен.
- Эдмунд, она красива, умна и талантлива.
- Такого не бывает, - категорически отрезал фон Нарвиц.
- Бывает. Природа иногда ошибается. Ей надо помочь.
- Ну, так помоги.
- Помог бы с удовольствием, но Бэба все портит. Ты сначала выслушай. Она...
- Имя-то у нее есть? – поинтересовался Эдмунд.
- Елизавета.
- Дальше.
- Дальше не знаю. – Джон решил не упоминать про ее замужество за Мимисом. Он не был уверен, носит ли Лиза свою фамилию, или покойного Закгоса.

- Что-то на тебя не похоже, ты всегда был такой осторожный...

- Так вот, она пишет картины. Что тебе сказать? Замечательные картины. Она хочет выставиться и продать свои картины. Ей нужны деньги.

- Ну, так дай ей денег.

- Она не возьмет. Она хочет заработать свои деньги. Я бы на выставку ей дал, но Бэба вмешалась и крутится теперь над ней, как эти птицы, ну, ты знаешь.

- Стервятники?

- Стервятница. Она все испортит. Уже наговорила, черт знает чего.

- Так чего же наговорила твоя Бэба? На стервятницу она не похожа, скорее маленькая райская птичка.

- Ты что, женщин не знаешь, или притворяешься? – рассвирепел Джон. – А жало с ядом, припрятанное под белым хвостиком?

- А наша Елизавета, что, беспомощной оказалась?

- Не нужно ей все это, Эдмунд. Она умна и талантлива. Она из тех, кого Господь одарил. Не ее дело жала из задниц вытаскивать.

- Вижу, задела она тебя. Может, хитрит? Мужика в летах не трудно ведь охмурить.

- Она не охмуряет, она картины пишет! – Джон начал снова выходить из себя.

- Ты же умный мужик, что ты, как Бэба прямо, переполошился? Простоты в ней много и искренности. Она пришла и говорит: «Помогите мне, если хотите. Продадутся картины, рассчитаемся». У нас с тобой денег куры не клюют. Что, в могилу с собой заберем? Детей бог не дал. Ну, купит Бэбека еще одну бриллиантовую побрякушку себе, станет ее кошель на животе тяжелее, но кому радостней от этого? А эта женщина радость с собой приносит, ты бы видел ее картины!

- Сколько ей лет? – спросил Эдмунд.

- Около сорока, несколько лет туда-сюда, не знаю точно. Выглядит на двадцать пять.

- И умная, говоришь? – не унимался Нарвиц.

- Эдмунд, ты сегодня сам не свой. – Джон потерял терпение. – Ты встретишься с ней, поговоришь, посмотришь ее картины. Все устроишь. Деньги на аренду зала и что там еще понадобится, я дам. Пусть она только под твоим прикрытием будет, чтобы Бэба не вилась над головами.

Нарвиц молчал. Только что Джон дважды оскорбил его. Во-первых, никто ему не смеет давать указаний, устроить-не-устроить, встретиться или нет, он сам решать будет. Во-вторых, Джон предложил заплатить, что было чудовищно. Как будто он из-за денег торгуется! Артачится он не из-за денег, а из-за женщины, потому что знает: появится в его доме женщина и он потеряет рассудок, что будет непростительно и смешно в его положении.

- Скажи ей, что я позвоню. Я не я, какая разница? Ей позвонят, вот как скажи. Пусть ждет. Поговорю с ней. Посмотрю на нее. Наверняка пустышка какая-нибудь.

- Старый ты осел, Эдмунд, - Джон повесил трубку.

Фон Нарвиц долго смотрел на телефонную трубку. Если бы она, эта телефонная трубка, была бы Джоном, он бы ее придушил. «Я не старый, я – дохлый осел», - сказал он вслух. Сказал не с сожалением, а с гордостью, потому что ему, за долгие годы, проведенные в инвалидной коляске, удалось дисциплинировать свое тело и желания. Он обуздал их разумом. Тело и желания ему удалось умертвить, мозг он оставил в живых, развив его в необыкновенной красоты орган.

Женщина – это нечто, что разрушит одиночество, размечает в пух и прах, выстроенную по кирпичику и с невероятным прилежанием, его внутреннюю дисциплину. Женщина отвлечет душу от созерцания, а мозг от сосредоточенности

на собственной деятельности и безвредных внешних впечатлениях. Мертвых впечатлениях, всего лишь передразнивающих жизнь, бесконечное и бессмысленное повторение все тех же самых, изначальных впечатлений.

Временами его нутро горело от воспоминаний давным-давно испытанной им близости с женщиной - ее запаха и ощущения ее кожи. Да, он еще не забыл... Фон Нарвиц решил, что, как и прежде, в его жизни не должно быть проблесков радости.

Глава 10.

Учитель.

После некоторых раздумий и колебаний, фон Нарвиц велел своему дворецкому позвонить Лизе и, в случае, если та согласится, привезти к нему. Руперт был удивлен и раздосадован одновременно. Женщина! Впервые за столько лет! Звонить какой-то женщине! И приглашать ее в дом! И ехать за ней! И взять из гаража Bugatti Royale!

Руперт вел машину и размышлял. По национальности он был австрийцем. Эдмунд фон Нарвиц нанял его через агентство в 1986-ом году, с тех пор, он верой и правдой служил ему, сочетая обязанности дворецкого и шофера. Когда был жив отец нынешнего фон Нарвица, в доме часто собирались гости, в том числе и женщины. Было веселее, жизнь протекала разнообразнее. Тогда дом жил циклами, периодами, приливами и отливами, а, иногда, и внезапностями. Хотя, для Руперта не так важны были сами приемы, сколько подготовка к ним.

Он любил предпраздничную суету, дававшую ему возможность продемонстрировать власть над женским обслуживающим персоналом. Он с удовольствием контролировал чистку серебра, составление букетов, уборку, готовку и украшение сада. С женской прислугой он был суровым, но справедливым. Его уважали, его советы ценили. Иногда Руперт удивлялся сам себе - откуда взялась в нем эта страсть к порядку и домоведению? Отец его был мелким клерком, мать - набожной маленькой женщиной, у которой вечно были поджаты губы не то от обиды, не то от разочарования. Ей не было уютно в семье, где обитали двое мужчин из крови и плоти, ей было хорошо только в церкви, рядом с бесполом богом и небылицами. Сам Руперт женат не был. Почему, спросите вы? Ответ очень прост: потому, что он был дворецким. Этим все сказано, не правда ли? Особенно не тяготясь своим одиночеством, он считал весь этот сыр-бор, что поднимают из-за секса, преувеличенным. В то же время, он не был гомосексуалистом. Он был абсолютно нормальным дворецким.

Руперт вел машину, прислушиваясь к благородному урчанию мотора. Так урчит в животе сытого зверя. Он, Руперт, своего зверя кормил и лелеял, потому что тот был существом редким и необычайно красивым. Он с удовольствием крутил огромную баранку с четырьмя спицами, на каждой из которой помещалась клавиша клаксона. Как все роскошные французские предвоенные автомобили, Bugatti Royale имел правостороннее рулевое движение, что было необычно на дорогах Афин. В машине не было ни спидометра, ни тахометра, ни датчика уровня топлива. «Все на глаз, на то мы и ассы в своем деле», - удовлетворенно подумал Руперт. Водители других машин уступали ему дорогу, разезая рты и откровенно восхищаясь таким грандиозным антиквариатом. От этих завистливых и восхищенных взглядов, а также от устройства и поведения самого автомобиля,

Руперт уносился душой в недостижимую для простых смертных высь, жалея, что сам хозяин так ни разу и не сел за руль своего Royale, не получил удовольствия, не окрылился послушанием этого мощного, но грациозного зверя с хорошо натренированными мускулами. Именно так Руперту представлялся Royale с вздыбленной фигуркой слона на капоте, придуманной братом самого Этторе Бугатти – Рембрандтом.

Руперт прекрасно знал историю автомобиля. Знал, что таких машин было сделано в 1930-х годах всего шесть. Игрушки получились не дешевыми, одно только шасси Royale стоило дороже, чем весь Rolls-Royce. Появились они потому, что во время одного из приемов, некая бестактная дама имела наглость сказать, глядя в глаза Этторе Бугатти, что его автомобили уступают Rolls-Royce.

Приняв вызов, Бугатти придумал помпезные Bugatti Royale. Не у всех аристократов хватало смелости и денег приобрести их. Сам Этторе рассчитывал на монархов. Однако с монархами не сложилось, поскольку он нарушил монарший этикет, разболтав до времени о том, что его автомобиль собирается купить король Испании Альфонсо. Поэтому, первый Royale купил французский кутюрье Арман Эсдер, теперь этот автомобиль хранится в коллекции короля американского казино Харра. Второй купил Губерт Фостер, король птичьего молока из Англии, но после переезда в США, он продал его дилеру Бугатти в Великобритании, Джеку Лемону. Еще один был также продан, Руперт уже не помнил точно кому, но два последних автомобиля, Berlin de Voyage и Kellner, выставленные в 1932-ом, так и не нашли покупателей и долго оставались в семье Бугатти. Во время войны их предлагали по 300 фунтов стерлингов, но никто не давал таких денег. Кто бы мог подумать! За такие деньги он сам, Руперт, мог бы стать владельцем одного из Royale. Дочери Бугатти, Эбе, удалось сохранить машины от конфискации во время войны, заложив их кирпичами в загородном доме семьи в Эрменонвилле. После войны, в 1956-ом, отец его нынешнего хозяина, приобрел у Эбы Berlin de Voyage.

Моторы Royale до сих пор считаются самым большим успехом Бугатти. Единственный недостаток автомобиля, по мнению Руперта, состоял в том, что в нем не было обогревателя. Для такого города, как Афины, это не беда, скажите вы, но во время греческих влажных зим холод все же продирает до костей.

Когда Руперт подъехал к указанному в записке адресу, из окна нижнего этажа высунулась всклокоченная голова молодого человека. Рот его распахнулся от удивления, однако через несколько мгновений он пошевелился и, как лунатик, не соображая, что делает, стучаясь о косяки и спотыкаясь на ровном месте, появился на улице. Молодой человек замер рядом с женщиной, которая придерживала связанные вместе холсты. Руперт только сейчас обратил на нее внимание, догадавшись, что эта высокая, рыжеволосая женщина с огромными, серо-зелеными глазами, и есть его пассажирка. Она была одета в голубой костюмчик, сшитый из плотного льна с добавлением шелковой нити. Руперт очень любил эту ткань и заказывал свои летние сюртуки только из нее. Костюмчик сидел очень ладно на этой красивой незнакомке, юбка хоть и была узкой, но прикрывала колени, а вырез короткого пиджачка оголял ровно столько шеи, ключиц и груди, сколько нужно. Руперт очень беспокоился. Нарвиц не объяснил ему, зачем понадобилось везти в дом женщину. В голову ему лезли разные мысли, - одинокий, богатый старик, кто знает? Вдруг всякие там навязчивые желания пересилили голос разума? Но, видно, дело обстоит по-другому. Женщина милая и серьезная. Держит связанные холсты, должно быть свои картины. Если Нарвицу понадобилось пополнить свою и так обширную коллекцию, это его дело. Руперт подошел к женщине, улыбнулся ей, взял у нее холсты и, распахнув перед ней заднюю дверцу, усадил на широкое сидение, аккуратно устроив холсты рядом с

ней. Сам сел за руль и машина тронулась. Лиза помахала рукой хозяйкиному сыну, который невидящим взглядом смотрел вслед удаляющемуся Bugatti Royale.

Она с интересом рассматривала интерьер машины. Не удержавшись, провела ладонью по обитому коричневой кожей, сидению. В некоторых местах кожа была потертой, она даже заметила несколько маленьких дырочек. Руперт, не пропустив мимо внимания ее жест, заметил:

- Эта кожа, леди, стоит целого бутика со всем его барахлом. Руперт, меня зовут Руперт. Вы?

- Елизавета.

- Дальше?

Лиза задумалась. Чью фамилию назвать? Алексееву, Мимиса, Адама? Она выбрала своего отца.

- Тропинина.

- Тропинина, - с произношением он справился неплохо.

- Картины ваши?

- Мои.

- Хотите продать?

- Да, хочу.

- А не жалко? Говорят, картины, что дети, - невозможно расстаться.

Лиза промолчала. Руперт догадался, что сглупил, его вопрос был бестактным. Если люди продают картины, значит, им нужны деньги. Ему, правда, не пришло в голову, что расстаются с картинами также для того, чтобы приобрести славу. Разговор на этом иссяк.

Не отрывая ладоней от мягкой кожи сидений, она гадала, повезет ли ей на этот раз. Она не хотела больше обманываться своими же надеждами. Кто или что вселяет эти надежды, заставляя верить и предпринимать усилия? На чей счет записать разочарования и предательства? Найти бы такого человека, кто был бы независим от судьбы, кто, сумев вырваться из ее сетей и из-под ее контроля, был бы абсолютно свободен от ожиданий и надежд.

Что же касается предательства, то, разве она сама не предавала?

Лиза вспомнила свою собаку. Вскорости после переезда в Баку, Василий принес в дом золотистого щенка боксера, суку. Все обрадовались щенку, любили и возились с ним. В то время Александра читала роман Вирджинии Вульф «Миссис Даллоуэй», что дало повод назвать суку Клариссой. Василий, нужно сказать, отнесся к щенку слишком серьезно, заставив маленькую Клариссу пережить две болезненные операции по купированию ушей и хвоста. Она долго болела, прежде, чем зажили раны. Во время операции, на одном ухе повредили нерв, и с тех пор правое ухо Клариссы, вместо того, чтобы стоять торчком, как требовалось, висело кончиком вниз. На купированный хвост она долго не могла садиться, а потом привычка закрепилась, и она всегда сидела немного боком, как когда-то дамы сидели в дамских седлах. Вероятно, именно эти страдания сделали Клариссу своенравной и непослушной. Она не понимала и не любила людей, и, в какой-то момент упустила возможность, сознательно или случайно, воспринять их как свою стаю. Вероятно, это умное животное интуитивно почуяло, что вокруг нее сплоченной стаи все равно не существует, что эта стая вот-вот распадется.

Кларисса была своевольной, но очень красивой собакой. Лиза только сейчас поняла, как много общего было в их характерах. Эта дикая, необузданная любовь к свободе! Лизе тогда еще рано было рваться на свободу, она была всего лишь подростком, прибитым бесконечной важностью Александровых страданий, а Кларисса, как только подросла, норовила постоянно убежать.

Однажды, Василий и Лиза выгуливали ее на пустыре у самого моря, где толпились покосившиеся мазанки местных жителей. Два молодых азербайджанца гнали домой отару приуставших, вывалявшихся в грязи, овец. Овцы громко блеяли, обмениваясь впечатлениями за день, парни орали песни, искусно выводя восточные мелодии. Стоило Клариссе завидеть эту шумную компанию, она стрелой помчалась к отаре овец, и, врезавшись в самую ее середину, кусая овец за бурдюки, продолжала путь вместе с ними. Никакие команды, выкрикиваемые Василием, не производили на нее впечатления. Василий разъярился. Он заставил молодых парней остановить отару и своей железной рукой выудил из волнующейся, грязно-серой овечьей массы, золотистую собаку. Лиза помнила глаза Клариссы и ее, разинутую в широком, издевательском и, в то же время, счастливом оскале пасть, когда та неслась к отаре, а потом гарцевала посреди блеющих овец. Будучи тогда всего лишь подростком, Лиза, наблюдая за непослушной собакой, увидела и догадалась, что означает свобода, но стоило ли породистой собаке так радоваться своей свободе посреди грязных и тупых овец?

С тех пор, Кларисса не упускала ни одного удобного случая чтобы улизнуть. Иногда ей это удавалось. Ее искали, обходя пустыри и обшаривая закоулки. Находили и вновь водворяли в человеческую семью.

Все эти побеги были невинны до тех пор, пока у нее не началась течка. Василий, практиковавший серьезное, даже строгое к ней отношение с самого начала, мечтал иметь породистое потомство от своей Клариссы. Но этому не суждено было случиться. Обезумев от оглушительных вибраций зова природы, Кларисса, одним весенним вечером, вывернувшись из ошейника и помчалась на проспект. Там на ее пути и повстречался огромный мохнатый кобель. Этот кобель был единственной кавказкой овчаркой во всей округе и принадлежал он мяснику, торговавшему в своей лавке обветренной бараниной и синими куриными тушками. Василий нашел Клариссу, но было уже поздно. Лиза знала, что случилось потом, ей рассказали мальчишки из ее класса, ставшие свидетелем дикой сцены. Она не верила, не могла поверить, что ее отец, ее Василий, любимый герой ее детства, талантливый художник, мог позволить себе такое. Эта жестокость сибирского человека, прятая под искрой таланта и кажущейся легкостью, даже беспечностью характера, проявилась по отношению к беззащитному животному.

У Василия не было некрасивых, неизящных, дешевых или случайных вещей. Среди них был сделанный на заказ нож. Уходя на поиски Клариссы, он прихватил его с собой. Мальчишки рассказывали, что нашел Василий собаку на проспекте, рядом с черным кобелем, вившемся рядом с ней. Василий сначала молча смотрел на происходящее, потом вынул нож и одним ударом располосовал горло кобелю. Схватив, одуревшую от запаха крови Клариссу, он стал бить ее ногами в живот. Мальчишки знали Василия, но тогда не узнавали его налитых кровью, остекленевших глаз, и искаженного смертельной ненавистью лица. Прежде, чем он забил Клариссу насмерть, они вмешались. Оттащили его. Привели собаку домой. Позже пришел Василий. Не было сказано ни слова. Кларисса всю ночь выла от боли, Лиза сидела с ней на кухне и гладила ей шею. С большим трудом она выносила щенков и с большими осложнениями их родила. Три щенка были похожи на нее, один на отца – черного кавказского кобеля – родился он с черными, шелковыми кудряшками. В ту же ночь Василий утопил всех щенков в Каспийском море. Кларисса голосила несколько дней, а потом затихла, потеряв аппетит и всякое желание общаться с этой человеческой семьей. Она стала болеть. От избытка молока у нее образовались свищи. Лиза бегала к ветеринару за мазью, делала, что могла, целовала и гладила свою собаку, но ничего не помогало.

Тогда же подоспел и развод, раздел имущества и отъезд в Киев. Василий на Клариссу не претендовал. Ее бы забрать в Киев, но Александра тогда думала только о себе, живя в обнимку со своими несчастиями. Собака была для нее обузой. Лиза, обливаясь слезами, пристроила Клариссу к подруге. Позже она узнала о дальнейшей судьбе своей собаки из писем подруги.

Не прошло и недели, как Кларисса сбежала. И совсем скоро ее нашли под забором дачи, когда-то принадлежавшей семейству Тропининых, с глубокими ножевыми ранами. «Покатились глаза собачьи золотыми звездами в снег...».

Вот такая собачья судьба. Будучи щенком, сосавшим молоко у теплого живота своей матери, разве знало это живое существо, что проживет всего два с небольшим года и так страшно погибнет? Говорят, ее убил Василий. Лиза не простила ему, своему отцу, судьбы Клариссы. То, что Василий предал ее саму, не написав ни одного письма после развода с Александрой, оставив, бросив ее, свою единственную дочь, было не так больно. Смерть собаки оставила в Лизиной душе гораздо более глубокую рану. «Мы, люди сотворили такое с молчаливым беззащитным животным. Моя семья сотворила». Лизе бы взбунтоваться после развода, настоять на том, чтобы забрать собаку с собой, в Киев, но у нее силенок не хватило. Пройдя развод, с обязательным присутствием в зале суда, сдав выпускные экзамены, расставшись с любимым парнем и страдая от начавшихся тогда головных болей, она. И до сих пор, не может простить себе того предательства.

Когда она поступала на работу в органы, сотрудники штатного отдела разыскали ее отца. Один из них спросил ее, нужен ли ей его адрес, может быть, она хочет написать ему, встретиться. Лиза отказалась. С некоторых пор, Василий и бедная Кларисса, существовали в ее памяти неразрывно.

Клариссу она также не могла простить и своей матери. Как женщина могла позволить утопить щенков? Эта пассивность Александры, ее постоянное «не хочу трепать себе нервы» и «оставьте меня в покое», ее малодушие по отношению к жизни, ее неспособность любить уже давно злили Лизу.

В истории каждой семьи рано или поздно настает такой момент, когда женщина становится главной. Это случается через несколько лет после рождения детей, после того, как завершится этап превращения молодой, неопытной жены в уверенную хозяйку дома, после того, как съеден не один пуд соли под общей кровлей с мужем. Это происходит тогда, когда ее лицо уже не молодо, плечи чувствуют усталость, а руки переделали немало домашней работы. Это происходит тогда, когда ее душа узнала боль. Именно тогда женщина входит в свои права. Она становится барометром семейной крепости. Приходит время и женщина берет на себя ответственность и в этом бремени нет малых или неважных величин. Александра никогда не была такой.

«Что случилось с теми людьми, которых я знала в Измаиле? Куда делась та, измаильская любовь? – спрашивала себя Лиза. – Неужели город, время и дом служили родным мне людям не только защитой от внешних обстоятельств и невзгод, но и от них самих? Как только умер Никита, как только был продан и покинут дом, они уже не могли притворяться, они стали самими собой – слабыми, потерянными, жестокими».

Лиза плакала. Руперт с ужасом поглядывал на нее, ища отражение ее глаз в зеркале. Ему очень хотелось спросить, почему она плачет. Отчего может плакать женщина, которую шофер везет в Bugatti Royale в дом к фон Нарвицу? Чего она ожидает от этой встречи и чего боится? Руперт знал, что бояться нечего. Эдмунд фон Нарвиц был джентльменом, умным и проницательным. Другая бы радовалась, что познакомится с таким человеком, а эта, дурочка, ревет. Но, возможно, он сам невзначай обидел ее? Руперт, было, открыл рот, чтобы спросить, но автомобиль

уже шуршал тяжелыми шинами по гравию подъездной аллеи, обсаженной акациями и платанами. Через минуту Royale затормозил у парадного входа в дом. Открыв массивную дверь, он протянул Лизе руку и та вышла из машины, ступив каблучками на острый гравий.

Перед ней возвышался старинный дом, выстроенный из камня. В доме было два высоких этажа. Весь второй этаж был окружен лентой неширокого балкона. Затейливый орнамент чугунной ограды с деревянными перилами был легок и красив. К массивной и широкой двери вели семь пологих выщербленных ступеней. Вверху дверь закруглялась, как ворота в крепостных стенах, окружавшие старые города. Окна на первом этаже были также сверху закругленными. С правой стороны, над вторым этажом возвышалась небольшая башенка с решетчатыми окнами. Чуть ниже крыши, по всему периметру здания, тянулся карниз из лепных миниатюрных арок, выкрашенный в светло-серый цвет. По обе стороны двери стояли два объемных глиняных сосуда, в которых росли ухоженные, пышные кусты роз. Цветки на кустах были как капли крови, и этот яркий цвет прекрасно оживлял серый камень здания.

Вокруг дома заброшено и неаккуратно разросся старый сад. Однако Лизу, проведшую свое детство в одном из красивейших садов на юге Украины, обмануть было нельзя. Эта казавшаяся заброшенность была высочайшим мастерством искусного и опытного садовника. Среди травы и полевых цветов благоухали заросли лаванды и кусты белых левкоев. Ирисы и пионы образовывали яркие островки с неровными краями. В саду не было видно ни одного дюйма пустующей земли. Везде были растения, цветы или трава. Сад жил, дышал полной грудью, разговаривал и улыбался. Одним словом, этот сад был счастлив.

Несколько дорожек из красного кирпича вели к небольшой площадке с круглым столом, сделанного из желтоватого песчаника. Вокруг стола в беспорядке стояли деревянные простые стулья с белыми подушками на сиденьях. В дальнем конце сада синело небольшое озеро, рядом с ним был установлен шатер из белой парусины. В тени шатра были расставлены столики, несколько кресел и большой мягкий диван с подушками. С противоположной стороны сада, в зарослях лавандовых кустов, прятался колодец, закрытый массивным деревянным кругом, на котором были нагромождены горшки с цветущей геранью.

Оглядываясь по сторонам и задерживая взгляд то на колодце, то на озере, но на кустах цветущих пионов, Лиза с удивлением и радостью поняла, что, после Измаила, впервые в жизни, видит сад и дом, где с удовольствием согласилась бы не только жить, но и умереть. Да, в таком саду не страшно умереть. Цветы и птицы примут твою душу, а земля упокоит тело.

Поднимаясь по ступенькам и силясь представить человека, с которым должна была вот-вот познакомиться, Лиза волновалась. Очутившись в просторном холле, она стала оглядываться по сторонам, пыталась понять, куда идти дальше. Ей на выручку подоспел Руперт, указав на распахнутые двери в гостиную. Сделав еще несколько шагов, она оказалась перед пожилым человеком, сидевшем в кресле. В руках он держал раскрытую книгу.

* * *

После обеда, чтобы скоротать время до приезда незнакомки, Эдмунд, велев разжечь огонь в камине, занимавшем полстены, уютно устроился в кресле с томиком стихов Роберта Грейвза. На дворе было по-летнему тепло, в полдень даже жарко, но Нарвиц продолжал топить камин, поскольку толстые стены старого дома еще хранили зимнюю сырость. Он любил свое глубокое кресло подле камина

– перед тем, как поехать за незнакомкой, Руперт помог ему пересест в это кресло с опостылевшей инвалидной коляски. Он любил свою коллекцию серебряных и медных старинных чайников, собранных им по всему свету и выставленных на каминной полке. За коллекцией чайников, прислоненное к стене, приглушенной позолотой сияло огромное блюдо с арабской вязью по краям. Вдоль стен были расставлены небольшие столики с крышками из стекла. Под стеклом хранились редкие фолианты, некоторые из них были раскрыты. По другую сторону камина помещался диван с высокой, деревянной спинкой, обитый темно-зеленым бархатом с вышитыми по нему лилиями цвета терракоты. Высокая спинка дивана завершалась массивной полкой, на которой стояли два высоких, резных мраморных подсвечника на семь свечей каждый. На стене, над диваном, висело венецианское зеркало-трельяж в золотой старинной раме. Стекло местами покрылось темными разводами, напоминая паутину, и стоило бы заменить зеркала на новые, но он оставил старые, потрескавшиеся. Иногда ему казалось, что он видел лица незнакомых ему людей в этом зеркале. Выбросив старое зеркало из позолоченной рамы, он выбросил бы духов, не совсем понятную, не доказанную и многими отрицаемую форму потусторонней жизни. Он решил, что не вправе этого делать.

Пол комнаты был покрыт потертым персидским ковром – он назывался «Сад». Поверхность ковра была разделена на небольшие прямоугольники, внутри которых было выткано по цветку. Двух похожих цветов не было. Бросив беглый взгляд на дверь, Эдмунд открыл книгу и стал читать из Грейвза то, что любил:

Тайная страна.

Каждая царственная женщина владеет
Тайной страной, которая для нее
Реальной нашего бледного мира:
В полночь, когда дом затихает,
Она откладывает иглу или книгу
И, невидимая, идет по стране.
Закрыв глаза, она воздвигает
В березовой роще глухую стену,
Открывает ворота, предъявляет права.
А затем бежит, скачет верхом,
(Конь, конечно, является сам),
Путешествует, где захочет.
Повелевает траве расти,
Выманивая лилии из бутонов,
Кормит рыбок из рук.
Строит деревни, сажает рощи,
Благословляет долину ручьем,
Несущим прохладу к заливу.

Любимую я никогда не спрашивал,
Об образе правления ее королевства
О мудреной его географии,
И не крался за ней в березы.
И не сидел на железных воротах,

Всматриваясь в туман.
И, может, за это она обещала
Что, когда я умру, у меня будет дом
Рядом с ее дворцом – в лесу,
Среди колокольчиков и левкоев
И когда-нибудь мы там встретимся.

Подняв глаза от книги, Нарвиц увидел перед собой женщину с заплаканными глазами. Ему показалось, что он грезил наяву. Снова потупившись в книгу, он спрятал глаза, полные нахлынувших чувств. Мощным толчком они вытолкнули его из утробы его привычного мира. Высокая стена, воздвигнутая им вокруг собственного бытия, дабы избежать общения с людьми и соприкосновения с чувствами, лежала в руинах. В замкнутом пространстве своего дома, Эдмунд часто думал о том, что умереть совсем не сложно. Все дело в принятии решения: если ты решил умереть, ты умрешь, но все же, он колебался. Играть с мыслями о смерти – опасная затея, смерть наперсница серьезная, она всю жизнь с тобой. В то же время, исподволь и не торопясь, он готовил себя к тому, чтобы пригласить ее в свою спальню. Его жизнь теряла смысл, подчиняясь все больше одной-единственной цели – преодолению боли. Боль незаметно превратилась в живое, непредсказуемое и жестокое существо, с которым приходилось меряться силами. Боль терзала его нещадно и у Эдмунда оставалось все меньше сил на то, чтобы обмануть ее, отвлекшись чем-то другим: делами, книгами или мыслями. О женщинах у Нарвица сохранились воспоминания молодости, он помнил, как ласкал их нежную кожу, целовал их мягкие, податливые губы, но и только. Целовал, но никого из них он не любил. И ни одна из них не смотрела на него такими прекрасными заплаканными глазами.

Руперт прислонил связанные холсты к стене и вышел, затворив за собой дверь.

Фон Нарвиц долго смотрел на женщину в голубом костюмчике с гривой рыжих волос и пушистыми, мокрыми ресницами. Она стояла на персидском ковре «Сад», ее взгляд был устремлен на него.

- Вы, вероятно, думаете, что я неприветлив, потому что не поднялся вам навстречу?

Незнакомка молчала.

- Мне трудно истолковать ваше молчание. Вы пытаетесь что-то прочесть на моем лице? – нетерпеливо спросил фон Нарвиц. – Я отвечу на ваш вопрос. Мое тело затянута в корсет для того, чтобы мои позвонки находились в положенном им месте. Мои ноги не ходят, поэтому я не поднялся вам навстречу.

Эдмунд подумал, что если она сейчас кинется к нему с сожалениями и своей жалостью, он ее выгонит. Он ждал, затаив дыхание.

Лиза подошла к нему, протянула руку и сказала:

- Я знаю, что вы ответите на все мои вопросы. Я наконец-то нашла вас.

Нарвиц, потрясенный ее словами, молчал. А Лиза, так явственно ощутив себя чужой его знаниям, секретам и жизненному опыту, хотела только одного: чтобы он допустил ее, разрешив вступить в сказочную сокровищницу его ума. Она, наконец, нашла своего Учителя.

Глава 11.

Иезуитов и его женский день.

Евгений Павлович Иезуитов жевал. Он с трудом проглатывал панированные в сухарях и обжаренные во фритюре, крабовые ножки. Его взгляд с тоской и какой-то гадливостью скользил по пустым столикам, по стройным рядам полок позади барной стойки, на которых почти не было бутылок и, наконец, остановился на открытой двери, ведущей в кухню. Из этого отверстия гулко доносился громкий голос толстухи, считавшейся поварихой. Иезуитов даже не знал ее имени. Повариха разговаривала с его собственной тещей.

Это кафе при супермаркете он отдал в распоряжение своей тещи, думал, пусть работает, может, заработает себе на хлеб и с его шеи слезет. Однако народу в этом кафе было мало, теща управлялась из рук вон плохо, без фантазии и сноровки, подавая редким посетителям соки в замусоленных стаканах и непонятную бурду вместо кофе. Да и откуда ей знать, как и что должно быть в порядочном кафе? Она же из деревни, и дочь ее, ставшая моделью, на которой он женился, тоже из деревни. Эти необразованные и некультурные бабы так и остались бабами. Деньги облагородили его жену внешним глянцем золотых побрякушек с бриллиантами, но внутри больших изменений не произошло. Напустив на себя гонору, она теперь строит из себя светскую львицу, а внутри-то все как было, так и осталось нетронуто-дремучим. А о теще и говорить нечего! Бывает, некоторых людей природа красоте и чистоте учит, а некоторые так и продолжают грязь с пола скрести топором.

Иезуитову страшно хотелось выпить. На дворе был май, первая жара в этом году, в воздухе летал пух и щекотал ноздри. Евгений Павлович не любил пить в середине дня, развезет и потом целый день работать не сможешь, да и настроение всегда подавленное после полуденной выпивки. Но сейчас выпить надо.

Он только что вернулся из городской администрации, ездил к мэру просить денег на гостиницу. Мэр денег не дал. Раньше корешами были, вместе задумали пятизвездочную гостиницу в центре города. Идея была хорошая, в Киеве совсем мало хороших гостиниц. Сошлись на том, что Иезуитов берет на себя организацию строительства, а мэр выделяет ему деньги из городского бюджета, с условием, что часть этих денег, пропущенная через документы и надежно спрятанная в мешках с цементом, возвратится в карман мэра. Подразумевалось, что и Иезуитов мог ущипнуть кое-что для себя, так, миллиончиков десять в твердой валюте. Хорошо все наладилось и поначалу пошло гладко, утвердили архитектурный план, согласовали план застройки, он выписал бригаду строителей из Турции, разместил их, подписали контракт, получили первую сумму из мэрии, вырыли котлован, торжественно перерезали ленточку и... все. Второй суммы не последовало. Мэра проверять стали, пошли слухи, что он слишком обогатился на ремонте главной улицы столицы. У таких людей, как мэр, врагов много. Завидуют, сволочи, что не всем места у кормушки хватило, вот и пишут по разным инстанциям. Газетенки сплетни подхватили, народ возбудили, а потом появилось сообщение, что власти решили проверить деятельность городского головы. Народ поверил и успокоился. Мэр вида не подает, знает, что, в конце концов, все уляжется и кое-как утрясется, у него все схвачено и все, кто надо, прикормлены, но пока суть да дело, он затаился. Во время проверки никаких выплат, никакого движения. А ему-то, Иезуитову, что делать? Самому, что ли, строителей кормить, да еще неустойки им выплачивать, да за простой техники каждый день выкладывать? Он уже и так прятаться от всех стал, но долго не попрячешься.

Очень хотелось водки и выругаться громко и зло трехэтажным матом. Чтобы и толстая повариха, и его теща услышали. Невелика аудитория, конечно, но

на безрыбье и рак рыба. Господи, до чего он дошел! Кушает не в самом лучшем ресторане Киева, как бывало, а в этой забегаловке. Давится пережаренными крабьими ножками с вареным рисом. Иезуитов с такой силой толкнул тарелку от себя, что она чудом задержалась на краешке полированного столика и не слетела на пол.

Сейчас какой год-то? Двухтысячный? Самый перелом. В какую сторону только это новое тысячелетие переломиться? Явно не в ту сторону ломается. В начале девяностых, в девяносто втором, нет, в девяносто третьем, у людей деньги появились. Настоящие деньги. Наличные. Сумки и чемоданы набивали банкнотами, таскали за собой в багажнике, башляли налево и направо, не считая. Союз распался, экономика развалилась, и Ельцин в России, а Кравчук в Украине своим людям за бесценок раздавали фабрики и заводы. Тогда эта раздача господра по своим приближенным «приватизацией» называлась. «Берите, - говорили, - только сделайте так, чтобы фабрики и заводы снова заработали, иначе конец». Фабрики заработали, но уже на новых хозяев. Народ в очередной раз обдурили, но когда его, народ-то этот, не дурили?! Хрен с ним, с этим народом... А среди приближенных всякие разные были: те, что поглупее оказались, еще и рожи воротили, как, мол, такие предприятия снова на ноги ставить, хлопот не оберешься! Привыкли на партийных харчах жировать, так задницу свою от кресла оторвать лень было. Те в идеологию подались, партии свои замудрили, мозги народу снова пудрить стали и так, по старинке, во власть пролезли. А те, кто посообразительней и поэнергичней оказались, ухватились, и через пару месяцев миллионерами стали.

Евгений Павлович встал и пошел к бару. Он сплюнул. Тогда это было что-то необъяснимое. Эйфория, энтузиазм, вера в свободу и в свободное частное предпринимательство. Вспоминал, а в голову лезли тогдашние лозунги: «Свобода, конъюнктура, рынок!». Сейчас кому скажи, засмеют. В рынке и конъюнктуре никто ни черта не смыслил, а свобода зиждилась на беззаконии. Законы были не писаны в прямом и в переносном смыслах. Но тогда не смеялись, тогда работали, верили и богатели. Работали и с благодарностью приносили долю тем, из чьих рук получили. Так что обиженных не было. Жили не по законам, а по понятиям. Обдуренный народ тоже работал. Война позже началась. Одни богатели, другим тоже захотелось, так вот те, кому не досталось при дележке, стали отбирать у тех, кому досталось. Реки крови полились, мочили не только владельцев, но и депутатов, что были на откупе и лоббировали своих в правительственных кулуарах. Губернаторам тоже досталось. Сейчас успокоились немного, уже все вроде бы поделили. Теперь не убивают. Кого надо, душат астрономическими цифрами налогов и компроматом. На поверхности не подкопаешься, а на самом деле просто иной вид расправы: или заплатить придуманную нами циферку, или отправишься в тюрьму, где про тебя не скоро вспомнят.

Иезуитов взял с полки бара бутылку водки. Он долго держал ее в руке. С таким трудом выбил лицензию на право продавать алкоголь в этой забегаловке, а его хреновая родственница даже об ассортименте позаботиться не может. Куда ей? Она, что, слыхала про французские вина и коньяки? Французы, которым он сдает помещение под супермаркет, жалуются, говорят, если бы кафе хорошо работало, то и в супермаркете клиентов больше бы было. А так пусто, и в магазине пусто, и в кафе. А ему наплевать. Сейчас он будет пить теплую водку, вареного риса он уже наелся.

Он снова вернулся за столик. Стакана у него не было, придется звать тещу с кухни, пусть стакан или стопку принесет. Видеть ее лишний раз ему не хотелось, от ее плоского лица его воротило. Эти тупые, плоские лица, как будто по ним

сковородой заехали, встречаются среди белых по всему миру и означают эти лица только одно – низшее сословие. А, что, дорогие мои, именно так, люди всегда были и будут одни – высшими, другие – низшими. Хозяевами и рабами.

Иезуитов решил тещу не звать. Он открутил пробку и сделал большой глоток прямо из горлышка. Проглотив и поморщившись, он поставил бутылку на стол и брезгливо вытер кончики пальцев о дешевую бумажную салфетку – бутылка была пыльная.

Тогда, в начале девяностых, он в дележке госимущества участия не принимал. Он хапанул партийных денег с никому неизвестного счета в швейцарском банке, и уже не высывался. Он был главой идеологического отдела в ЦК Компартии Украины, через его руки проходили «идеологические фонды», предназначенные для «коммунистов» с черного континента. Так вот, когда совковая империя приказала долго жить, он этими фондами поделился сам с собой. Рисковал, конечно, но игра стоила свеч. Уже давно было понятно, что рано или поздно все развалится, вот он и позаботился о себе. Плохо позаботился, надо было лучше позаботиться. Поскромничал он. Экспортировали коммунизм, металы бисер перед идеологическими «собратями», а те даже слова такого «идеология» не понимали, им бы лишь автомат в руки, да пострелять. Какие они коммунисты? Так, животные, которых научили нажимать на курок. Брать-то они брали, а «красную» веру и не думали принимать. В нагрузку к деньгам и оружию, им идеологические буклеты слали про равенство и братство. А они там и так все равные по мозгам, мать их. Когда научились из автоматов стрелять, своих косить стали. Называли это гражданской войной. Если кто пытался разобраться в причинах этих гражданских войн, то становилось ясно одно – идеологической или классовой подоплеку такие войны не имели. Те, кому достались автоматы, убивали своих безоружных соотечественников и, одурев от крови, преследовали только одну цель – возвеличить себя, держа полстраны в страхе. Когда тебя боятся, тебе кажется, что ты стал великим. На самом деле, все было гораздо проще: уменьшая численность населения, уменьшали и количество голодных ртов. На других континентах никто не возражал. Вот вам и весь коммунизм на «загорелом континенте».

Иногда Иезуитову становилось даже обидно: как идеолог, он провалился со своей миссией – не смог аборигенов в коммунистическую веру обратить. Живя в аду, где кипят животные страсти, они не сумели поверить в рай человека на земле. Не вышло из него достойного миссионера. Евгений Павлович снова глотнул из бутылки.

Да, так вот, те времена, в начале девяностых, у людей деньги появились. Огромные, бешеные деньги. Ни законов, ни налогов, ни акцизных марок. Приезжали такие новоиспеченные богатеи в рестораны, заказывали бутылку красного вина, а им говорили, полторы тысячи баксов бутылка стоит, они и выкладывали, глазом не моргнув. Тарелка супа для них стоила триста, бутылка коньяка две с половиной в зеленой валюте. Не потому, что цены такие были, а обдирали новоявленных миллионеров, потому что знали – заплатят, поделятся. Тогда был тот момент в истории нации, который быстро прошел и не повторится больше никогда. Будучи сам историком по образованию, Иезуитов понятия не имел, как в учебниках будут освещать девяностые. Как описать это смешанное чувство свободы, удали и власти, захлестывавшее сознание, когда казалось, что ты – властелин мира. Иезуитов был по национальности россиянином, а российский мужик никогда не знал цену деньгам, потому что душа у него была щедрая, но не от природной доброты, а от глупости да от бедности. Его предки в совковой бедности жили и сам он полжизни копейки считал. Поэтому, когда появились

деньги, швырял их, не считая, скупал шмотки для своих телок целыми бутиками. Тогда же и первые иностранцы в освободившиеся от коммунизма страны понаехали. Пугались темных улиц, но запах денег учуяли. Понастроили супермаркетов и автосалонов; банку консервированных персиков по 12 долларов продавали, а «Мерсы» вдруг стали стоить в три раза дороже, чем в Европе. Французы жалуются, что их супермаркет пустой. Так давно надо цены нормальными сделать, на дворе сейчас 2000-ый, а не 1993-ий. Люди поехали по миру, посмотрели, пообтерлись, походили по магазинам, узнали что к чему. А тут двести пятьдесят грамм оливкового масла все еще стараются за двадцать два доллара продать.

Да, прошел тот момент величия и неоглядной щедрости. Те, кто разбогатели в одночасье, думали, что всегда так будет. Нет, думали, что лучше будет. А лучше не стало. К 1996-му году законы написали. Смешные были законы, но для надзора по их исполнению целые управления пооткрывали, наделив сотрудников неограниченными полномочиями. Ребята, у кого заводы были, да прибыльные фирмы, быстро разобрались, что к чему. Дурные законы исполнять не захотели, поэтому взяли всю эту ораву из управлений на свое содержание, чтобы те слепли и не видели ни налички, ни липовых акцизных марок, ни валюты, уплывающей за границу. А, чтобы не так явно было, что одни дают, а другие берут, и чтобы деньги не напрямую передавать, выдумали так называемых «посредников». Их услуги хорошо оплачивались, они забивали стрелки, устраивали разборки, но чаще всего договаривались с теми, кто сидел по разным управлениям. Если какой-нибудь налоговый инспектор артачился, ему объясняли, что пухлый конверт с наличкой гораздо лучше, чем мертвая семья в лесу. Эти «посредники» брили головы, ездили на дорогих авто и одевались в костюмы от Армани. На пальцах у них искрились каратами бриллианты, ходили они по трое-четверо, говорили тихими и хриплыми голосами, а лексикон у них был как у дона Винченце. Тогда их все за мафию принимали. А настоящая мафия-то совсем в другом месте гнездилась.

Да, веселые времена были! Веселыми они были потому, что после семидесяти лет уравниловки жизнь стала живописнее, и потому еще, что играли в большие игры, и самые главные тоже были в этой игре. Поэтому все с рук сходило. Сейчас все по-другому. Законы подправили, зарплаты налоговикам увеличили и экономическая полиция разнуздалась совсем. Теперь взяткой отделаться уже не так просто, смотря на кого нарвешься. Поприжали всерьез, а все потому, что самые главные из общей игры вышли, решив играть по своим правилам. Облаченные властью, они уже не просто раздают народное добро, ожидая благодарности в виде откатов от тех, кому заводы пожаловали, они входят в долю. Теперешний глава государства держит под своим контролем всю независимую Украину, все ее потоки и схемы. Став царем, он сдал в аренду целые области своим опричникам и боярам. Теперь панибратства с ним не разведешь, теперь с ним ухо надо держать востро.

Евгений Павлович пригорюнился. Он отхлебнул еще из бутылки, но тут перед ним нарисовалась теща.

- Зятек, чего сидишь такой понурый? – с наигранным весельем спросила она.

Боялась она своего зятка хуже самого черта. От такого с крысиной мордой, да жиденькими волосенками никогда не знаешь, чего ждать. Говорила она донечке своей, ну чего ты в нем нашла, старый, не то жизнью измызганный, не то бабами излюбленный, только не для тебя он. А она в ответ все про деньги, да про деньги. Теперь вот, детей ему родила, деньги есть, а счастья нету. Все сидит по углам да мигренями мучается. Или со своими подружками соберутся и этот, как его, джин глотают стаканами, плачут, горемычные, а потом смеются, а потом снова плачут. Деньги есть, а вот счастья нету у ее донечки.

- Что ж ты не сказал? – попробовала еще раз теща. – Стакан бы тебе принесла с кухни. А то, может, чего еще хочешь? Под водочку-то?

Иезуитов поднял мутный взгляд на тещу, которая стояла, подбоченившись, словно та Параська на украинской ярмарке. Волосы ее были в тугих кудряшках, эпические груди обтягивала белая футболка, а крутые бедра – узкая серая юбка, из под которой виднелись монументальные ноги с крепкими икрами. Нитка жемчуга, его подарок по случаю обручения с ее дочерью, врезалась в массивную шею где-то под вторым подбородком. Не теща, а настоящая статуя, эдакая постаревшая Крестьянка с ВДНХ. Хотелось сказать ей, кто он и кто она, хотелось ей вообще всю правду-матку поперек ее малюсеньких свинячьих зенок врезать, но сдержался.

- Почему в кафе ни души нет? Середина дня, а у вас никого. Французы жалуются. – Иезуитов говорил еле слышно, почти шепотом.

- А ты скажи своим хранцузам, чтоб цены сбавили, тогда народ пойдёт. Хотя, вряд ли. Кому охота их тухлые консервы лопать да, как их там, эти ёурты поганые лизать с ложечки...

- Йогурты, - поправил Иезуитов.

- А, один черт. Наш народ весь на рынке отоваривается. Сало покупает, да картошечку свежую с огорода, да творожок и сметанку заместь их этих ёуртов.

- Йогуртов, - снова поправил Иезуитов.

- Скажи своим хранцузам, пусть сворачивают свою лавочку, – не унималась теща. – Народ к ним не пойдет. Люди наши жили без этих ... , - она вдруг осеклась, не решаясь еще раз произнести это непроизносимое слово, - так и еще проживут.

- Вы мне про французов не говорите. Они аренду платят в валюте, а ваша дочь эту валюту тратит.

- А что ж ей еще делать? – еще пуще разъярилась теща. – Вышла бы за нормального мужика, так другими бы делами занималась. Теперь сидит в дому и пьет, то таблетки, то этот джин, будь он не ладен, глотает. Говорила я ей, не губи, доня, себя, не губи.

Иезуитов поднял глаза и в упор посмотрел на свою тещу. Если бы у него был один из тех автоматов, которыми они во времена Советов снабжали аборигенов для обеспечения их светлого будущего, он, не раздумывая, разрядил бы в эту толстую тетку всю обойму. Без остатка.

Теща, видно, поняла.

- Ну, раз ты к водочке-то ничего не хочешь, пойду я на кухню.

Ретировалась она не торопясь, с достоинством, хотя поджилки у нее тряслись. Не гоже такой женщине, как она, продемонстрировать страх перед этим гавнюком. Ей горой надо стоять за дочь, может, и за внуков придется. Она уже знала, что этот брак обречен, потому как с самого начала он был с червоточинкой. Нездоровый брак был. Ну, и, слава богу, пусть его разваливается. Хотя, эта крысиная морда просто так не отпустит ее донечку, ой, не отпустит. Жалела она свою Танечку. Деревенские сочувствовали, сетовали не со зла, а по жалости, что та уродилась хиленькой да бледненькой, прям былинка, а не девка. Одним словом, ни рожи, ни кожи, ни соку, ни фигуры. А вот, поди ж ты, поехала в столицу, в модельное агентство, на какой-то там кастинг, так те ее с руками и ногами, и с бледной рожей тут же в модели и определили. Потом встретила этого своего, с крысиной мордой. Куда там, бизнесмен из столицы, куры денег не клюют. Вот теперь и мается со своим бизнесменом.

Евгений Павлович смотрел ей вслед, но ненависти в его взгляде уже не было, в нем осталось только горькое сожаление. Он знал, что теща держит зло на него. Хорош он только с деньгами, а без денег он кто? Историк, идеолог? Любящий, заботливый муж? Он купил себе жену, родил детей, выдумал картинку, точь-в-точь

из глянцевого журнала, а за картинкой что? Жалко ему было эту женщину, свою жену, родившую ему детей. Жалко было и себя, и противно было, что сделал глупость, одним словом, совершил ошибку. Это его третий брак, и снова, видать, неудачный.

Все случилось тогда же, в начале девяностых, на волне больших денег, пьянящих чувств и широких жестов. Собственная значимость не давала покоя, чувствовал себя королем, завоевателем, властелином. А раз сам он король, рядом хотелось иметь королеву. Вот и тусовался по презентациям, показам мод, бывал везде, куда звали. Тогда еще не знал, что там принцесс, из которых может выйти настоящая королева, не бывает; настоящие принцессы в начале девяностых продолжали оставаться Золушками. Не там искать надо было, но в других местах искать не хотелось, потому что места те были невеселые – все те же хрущовки в обшарпанных домах. Хотелось света, звона бокалов, закусок на серебряных блюдах, лстивых улыбок и нарядных женщин, которых пачками привозили из модельных агентств. Так и встретились.

Иезуитов не сразу понял, что избранница его не только не умна, ладно, отсутствие ума можно списать на молодость, но также и не красива. В девяностых годах в моду вошел минимализм во всем: в мебели, в интерьерах, в одежде, в лице и фигуре. Так вот, лицо его жены тоже было минималистичным.

Ему вспомнился один случай. Однажды он пригласил Елизавету и этого ее Адама, они тогда еще не были женаты, на прогулку по Днепру на круизном пароходе. В один из дней Адам встал пораньше и решил подняться на палубу, как вдруг, на узком трапе с его супружницей столкнулся. Та что-то забыла в салоне. На ней не было обычного раскраса, еще не успела его нанести, только с постели встала. Так этот граф, чтоб ему неладно было, наивный и непосредственный, шарханул от нее, как от привидения. Не по себе графу стало. Все правильно, ведь он по утрам просыпался и видел рядом на подушке лицо Елизаветы – зеленые глаза, черные брови и ресницы, рыжие волосы, алые губы, распухшие от поцелуев. А что видел он? Креветку. Он видел креветку и то, не сваренную, а только что выловленную. Креветку минималистического серо-зеленого цвета. Впрочем, на этом правильно загрунтованном холсте можно было нарисовать все, что угодно, можно было нарисовать даже очень красивое лицо.

Она, его жена, родила ему двоих детей. Зачем? Он хотел привязаться к ней детьми, а ее саму хотел занять заботами. Теперь дети – одна в частной школе, другой в частном детском саду, а жена целыми днями одна. Он домой никогда не торопится, потому что знает – его жена не только к джину пристрастилась, а и к кое-чему другому. Ему охранник рассказал, тот, что постоянно в доме дежурит. С подружками они не только пьют, плачут и смеются, они и занимаются кое-чем другим. И видно, занимаются всерьез. Вот так. Такая у него жена-лесбиянка. И такой он сам дурак.

Жениться ему не надо было, потому что женщин он не любил, он их презирал. Презирал за их пассивность, за то, что они льнут и постоянно просят любви, за то, что могли бы подумать о чем-нибудь другом, но главным для них остается только одно – поудачней выскочить замуж. За то, что они безвольны, что легко утешаются, причем утешаются пустяками, за то, что не хотят постоять за себя, предоставляя действовать мужчине, за их притворство, неискренность, двуличность и продажность. За то, что эти твари обманывают даже в постели, никогда ведь не знаешь наверняка, что она испытала на самом деле и испытала ли вообще. Вот и плюешь на них, презирая их за их вечный обман, удовлетворяясь сам и оставаясь одиноким – с женой или без жены.

Иезуитов пододвинул к себе бумажную салфетку и стал набрасывать на ней цифры. С учетом того, что денег мэр не дал и когда даст, неизвестно, он стал быстро набрасывать статьи своих расходов: офис, рабочие, дом, обучение детей, охрана, взятки. Хотел лишний раз понять, что сможет оплатить, а что нет. Придется заплатить за обучение детей, охрану и еще кое-что бросить на офис. Сотрудникам он выдаст ползарплаты, он никогда не платил им сполна, вот и теперь, бросит им только чуть прикрытую мясом кость, чтобы рож их недовольных не видеть. А в девяносто третьем, в том благословенном девяносто третьем году, он нанял себе секретаря-референта, дамочку прямо из Италии, образованную, экономически подкованную полиглотку. Как она очутилась в Киеве, это отдельная история, но досталась она ему. Вела все его дела с иностранными банками. Платил он ей пять штук в месяц. Вот так-то. Мог себе позволить. Тогда такая сумма деньгами для него не была. Год назад пришлось уволить. Больше тянуть он ее не мог. Теперь, в двухтысячном, зарплаты в его офисе не превышают ста двадцати долларов. И то радуются, когда им полтинник перепадает.

Только эта идиотка Елизавета могла своим сотрудникам триста зеленых в месяц платить. Сама оборванная ходила, а для них тянулась. После того катастрофического денежного кризиса, что случился в августе девяносто восьмого, дела не заладились с их общей туристической фирмой, никто тогда уже и не помышлял о путешествиях, россияне и украинцы любой лишней доллар в кубышку складывали. Да, не заладилось с Елизаветой Галич, а жаль, он так надеялся на доходы с их совместного туристического агентства. Разочарованный неудачей, он придумал с ее мужа спросить, а тот сбежал. От страха в штаны наложил и сбежал. И жену бросил, не пожалел. То же мне, граф сраный.

Евгений Павлович бросил взгляд на салфетку. Писал он все эти цифры не ради мазохистского удовлетворения, а дабы уяснить себе, как и откуда выкроить деньги для того, чтобы Галич на Родину вернуть. Уже почти год, как она упорхнула. Ни слуху, ни духу, а он скучает. Работенку для нее обмозговывает. Тут она нужнее, чем там. Нашла, не нашла она своего сбежавшего Адама, его это не интересует. За ней должок. Вернее, должок-то за ним, но заплатит она. Так что пусть возвращается.

Иезуитов снова потянулся за бутылкой. Зачем эта Галич ему сдалась? Он выпил. Новый глоток размыл его сознание, его мозг больше не сопротивлялся. Самому себе, втихаря, здесь, в пустом вонючем кафе, он мог признаться, что Галич ему нужна, нужна, ну, просто до зарезу нужна, потому что.... Почему? Ах, ядрена мать, да просто потому, что забыть он ее не может! Она и есть та настоящая принцесса, только он теперь король без королевства. Гольй король. Ну, и оставил бы ее в покое, но оставить ее в покое невозможно. Оставить в покое его жену-лесбиянку вполне возможно, а Галич оставить в покое невозможно! Она приедет и заработает для них обоим много денег. Иезуитов трахнул по столу кулаком.

Из кухни выбежала теща и толстая повариха.

- Пошли обе вон! – рявкнул Иезуитов.

Его раздражала выпитая водка и тот факт, что он понятия не имел, где искать Елизавету. Он знал, что, вероятно, она живет в Афинах, но не знал адреса. Прежде, чем посылать своих людей за ней, он должен выяснить, где она обитает. А как узнать? Есть только один способ – наведаться к ее матери и бабке. Вот только, примут ли они его? Наверняка ведь знают, что, когда их затек так внезапно утек, изверг Иезуитов грозился отобрать у них квартиру и заслать их внука в армию. С чем же теперь он к ним пожалует, чтоб адресок-то выманить? Да с тем же и пожалует, с угрозами. Он полез во внутренний карман пиджака и выудил оттуда миниатюрный мобильный телефон – нужный ему номер был сохранен в памяти.

Поговорив по телефону и прополоскав рот, он вышел, сел в свой джип и отправился на Троещину.

Александра была удивлена звонку, встревожена и сейчас, одеваясь и прихорашиваясь, страшно боялась предстоящего визита. Анна заваривала чай и думала о том, что гость-то незваный и неприятный. Добра от его визита ждать не приходится.

Когда раздался звонок, Александра крикнула из своей комнаты:

- Мама, ну чего ты возишься, открой! Я сейчас буду готова.

Гостя проводили в гостиную. На маленьком столике, покрытом кружевной салфеткой, стоял фарфоровый чайник, тарелочки с сыром и печеньем. Белый хлеб был нарезан тонкими ломтиками.

- А я к вам поинтересоваться, как живете? – лукавил Иезуитов.

- Вашими молитвами, - холодно отрезала Анна.

- Мама, перестань, - вмешалась Александра. – Живем, сами знаете как, не ахти. Я вот вышла на пенсию, чувствую себя плохо. Дочь далеко. Внук без работы.

- Дочь пишет? – как бы невзначай спросил Иезуитов.

- Лиза? Пишет. Конечно, пишет. Скучаем мы, - вздохнула Александра. – Так неудачно все у нее сложилось.

Евгений Павлович начал понимать, что с матерью он, скорей всего, справится и без угроз. Угрозы его были блефом: квартиру у них он отобрать не мог, они не были ему должны и даже продажные судьи не решились бы завести липовое дело на двух престарелых женщин, тем более, что одна из них была вдовой героя Советского Союза. Что касается Игната, то тут Лиза опередила его. Через своих людей в военкомате он узнал, что она купила своему сыну «белый билет», так что от боевых действия в Чечне ее сын отмазан. Поэтому лучше действовать добром, решил Иезуитов, больше толку будет.

- Вы наверняка знаете, - сказал он, - что у нас с вашей дочерью была общая фирма, туристическое агентство. Когда случились те неприятности с Адамом – вашим зятем, она так поспешно уехала, что мы не успели ни фирму ликвидировать, ни о нашем сотрудничестве потолковать. Теперь вот, не знаю, что с фирмой делать. Нажимают на меня официальные органы, говорят, что висит, мол, предприятие, движения нет, налогов не платим. А без нее я не могу ничего предпринять, она не только партнером, но и директором была. Так что без ее подписи...

- Не помню я, чтобы она так уж поспешно уехала, - прервала его Анна. – К слову сказать, мы до сих пор не знаем, что с Адамом приключилось. После того, как он исчез, Лиза еще четыре месяца была здесь, в Киеве. Офис ваш общий сдала очень удачно иностранной фирме, так что вы не в обиде, надеюсь. Что же тогда фирму не закрыли?

Эта старушенция Иезуитова раздражала. Возраст уже к девяносто годам приближается, а все туда же, с понятиями.

- Тогда не до того было. Не хотелось вашу внучку травмировать еще больше, она и так места себе не находила, - раздражено ответил он.

- Своими угрозами, Евгений Павлович, вы травмировали ее больше, чем достаточно. Вы угрожали и нам, вы угрожали Игнату. Что же вы теперь хотите от нас?

- Мама, ну что ты такое говоришь?! – вмешалась Александра. – Мы ничего наверняка не знаем. Адам исчез, откуда нам знать, кто прав, кто виноват? Сидим с тобой, две беспомощные женщины в полной неизвестности.

- Вот поэтому, я к вам и приехал. – Иезуитов с радостью слушал такой неуверенный, такой сомневающийся голос Александры. – Фирма дело десятое. Мои люди подсуеются и вопрос закроется сам собой. Но я вот подумал, почему бы

Лизе не вернуться домой? Я тут работу для нее присмотрел. Она женщина умная, а нам такие нужны. Будет получать хорошие деньги, я позабочусь о том, чтобы она всегда была в безопасности, будет жить здесь, в Киеве, рядом с вами, рядом со своим сыном. Чем плохо?

- Боже, мы даже и не мечтаем о таком счастье, - жеманно прохныкала Александра.

- А что за работа? – спросила Анна.

- Переводчицей, – соврал Иезуитов.

- Да, Лиза прекрасная переводчица! – обрадовалась Александра. – Пусть только переводит, не надо ей больше ни в какой бизнес лезть. А то опять втянут ее во что-нибудь, она такая доверчивая, такая честная.

- Вы не волнуйтесь, Александра Яковлевна, я ее под свое крыло возьму. И вас вместе с ней. Так что вам не о чем будет беспокоиться.

- Ох, Евгений Павлович, как нам нужен такой человек, как вы! А то мы уж столько лет без надежного мужчины. Все сами крутимся, а знаете, как женщинам нелегко одним.

- Знаю, знаю, поэтому и приехал.

Анна с ужасом смотрела на свою дочь. Неужели она с ума сошла?! Еще совсем недавно Лиза металась по адвокатским конторам и милициям, чтобы отстоять их квартиры, чтобы прикрыть их самих от Иезуитова. Только вчера они переживали весь этот кошмар с Игнатом, когда Иезуитов грозился сдать его военкому, а она уже в защитники и покровители этого мерзавца записывается?! Интуиция подсказывала Анне, что исчезновение Адама тоже как-то связано с ним. Его рук это дело!

- Мне нужен адрес Лизы, хочу написать ей, может быть удастся уговорить ее вернуться, – осторожно сказал Иезуитов.

- Не думаю, чтобы она согласилась, – резко заметила Анна.

- Почему же нет?

- А ей и там хорошо, - не сдавалась Анна.

- Как же хорошо, мама? Разве без семьи хорошо? А начну я болеть, кто будет за мной ухаживать? – нервно прокричала Александра.

Анна ничего не ответила. Действительно, она сама не вечная, не станет ее, кто будет смотреть за Александрой? Ведь пропадет она. На Игната мало надежды, у него уже появилась женщина глядишь, дети пойдут. Но стоит ли Александра того, чтобы Лизу возвращать в лапы этого негодяя?

В комнате повисла тишина. Анна холодно и зло смотрела на Иезуитова, Александра была готова предать свою дочь, а Евгений Павлович на это предательство очень надеялся.

- Вот одно из ее писем, записывайте адрес, - Александра протянула руку к журнальному столику, на котором лежали письма из Греции.

Когда Иезуитов ушел, Анна посмотрела на свою дочь с укоризной.

- Зачем ты это сделала? – спросила она.

- Ты знаешь, зачем. Он найдет ей здесь работу, будем все вместе. Мы с тобой не молодеем, а стареем. Я себя ужасно чувствую. Не для того мы ее воспитывали, чтобы она по чужим странам, задравши хвост, моталась.

- Эх, Александра, ты же все прекрасно понимаешь. Иезуитов – страшный человек, ты не спросила себя, когда адрес ему давала, зачем Лиза ему на самом деле понадобилась?

- Ну не все ли равно, мама? Главное, что мы теперь не одни. Если что случится, есть к кому обратиться. У такого, как Евгений Павлович, наверняка есть связи среди врачей, может, и в Крым поможет съездить подлечиться.

Анна умолкла. Ее несчастная дочь не виновата. Ну, не дано ей любить кого-либо на этом свете, кроме себя самой – ни мать, ни дочь, ни внука. Господь сделал ее такой, что ж теперь убиваться? Александра любила себя, любить себя тоже совсем неплохо и не такой уж большой это грех. Когда счастлив собой, жизнь видишь по-другому, радостно, и к людям проявляешь снисхождение. Но горе состояло в том, что Александра любила не себя даже, а свои несчастья и свои болячки. И к людям она не проявляла снисхождения, людей она использовала.

Сидя в машине, Иезуитов размышлял об Александре. Удивила она его. Ведь предала мать свою дочь. Предала.

Ему также пришла в голову мысль о том, что, не считая неудачного визита к мэру, весь день он встречался с одними только женщинами и думал только о женщинах. Прямо женский день какой-то! Сколько разных женщин, сколько характеров, сколько мировоззрений и жизненных позиций... Насколько они все разные. Казалось бы, женщины, что можно от них ожидать, кроме капризов, вранья и недалекости? До мужчины им никогда не дотянуться. Но вот сегодня он пообщался с тремя настоящими женщинами: со своей тещей и со старой Анной наяву, а с Елизаветой заочно. Сказал бы – с настоящими бабами, но слово это ни к Анне, ни к Елизавете не лепится. Кроме этих троих, все остальные и слова доброго не стоят.

А теперь хватит с него женского царства. Он едет в баню. Повстречается там с мужской компанией. Военные чины будут париться, а под водочку, после процедуры, беседа о списанном и не списанном оружии пойдет. Они будут говорить, а он послушает.

Глава 12.

Война с Игнатом.

Летом 2000 года Лиза уже не так часто думала о Иезуитове, который представлялся ей чуть ли не исчадием Ада. Ей снились кошмары, в которых он гнался за ней и всегда настигал. Всего год назад она противостояла его угрозам и, сумев оградить от его посягательств свою семью, только тогда уехала.

Сейчас июнь и в Афинах – первая несносная жара. Долгие вечера, душные ночи, влажные от пота простыни. Знойное лето Греции буквально опалает природу: жухнет трава, увядают цветы, в тени вповалку валяются дремлющие коты и собаки. Точно так же, как на севере некоторые животные впадают в спячку зимой, в Греции всё впадает в ленивое оцепенение летом. Улицы постепенно вымирают, а в августе вымрут целые города. Закроют свои магазинчики булочники и бакалейщики, мясники и кондитеры. Все разъедутся отдыхать, только большие супермаркеты будут допоздна жужжать кондиционерами и неоновым светом реклам, предлагая покупателям увядшую зелень и не первой свежести рыбу. В сентябре город снова встряхнется, умоется первыми ливнями, сбжавшее из душных городов население вернется из отпусков, оживленное и загорелое, готовое к новому, долгому году работы и суеты. Начнется очаровательная греческая осень, а там и до Рождества рукой подать.

Лиза ела арбуз и смотрела на еще не распечатанный конверт с письмом от Анны и Александры. Обычно в их письмах громко звучал невысказанный упрек в том, что она далеко, что не делит с ними однообразие их одиночеств. Александра

вышла на пенсию и деть себя ей было некуда – ни мужа, ни друзей, ни лишних денег, никакого занятия по душе. Каждый день посвящен вздохам, стонам, снам, вкусам, диетам, лекарствам, капризам и настроениям. Их квартира на Троещине превратилась в тюрьму, в безвоздушное пространство, где кислородом дышал только один человек. Как Анна там выживает? На этот раз она не добавила, как всегда, пару строк в конце письма. Молчит и что-то себе думает... Лиза не стала гадать. Ей хотелось мира со своими женщинами и вообще мира в их семье. Надорвав конверт, она вынула письмо и начала читать, однако, пробежав глазами пару предложений, остановилась. Письмо было посвящено Игнату.

Уже некоторое время у Лизы были проблемы с сыном, причем, проблемы неожиданные. Их отношения из доверительных стали открыто враждебными. Казалось, что она теряет его или уже потеряла. Он, слава богу, был жив и здоров, но уже более года жил с незнакомой женщиной, которая, к тому же, была старше его. Все открылось, когда Анна и Александра настояли на том, чтобы прийти к нему в гости. Более полугода, под разными предлогами, Игнат умудрялся не звать их в квартиру своей матери, где, со дня ее отъезда, был полным хозяином. Они пригрозили ему, что все расскажут Лизе и вот, они были, наконец, приглашены. Что же они обнаружили? Страшно грязную квартиру и женщину в ней. Они тут же позвонили и, вдогонку, написали Лизе. Против Игната началась война. Три женщины ополчились против своего единственного и любимого мужчины по разным причинам. Лиза боролась против того, что карьере он предпочел женщину, которая, скорей всего, заставит его жениться на себе. Анна и Александра просто ревновали своего внука и правнука – им хотелось, чтобы, раз Лизы нет рядом, он заботился только о них. Появление чужой женщины, которой Игнат отдавал все свое время, любовь и деньги, раздражало и обижало их. Когда же настанет их очередь?

Без обиняков, без обычных охов и вздохов, Александра писала следующее:

«После долгого перерыва, нас, наконец-то, допустили в твою квартиру, где теперь живут эти двое. Там женщина! Оказывается, она переехала туда буквально через несколько часов после твоего отъезда. Ждала не дождалась! Твоя квартира превращена в свинарник. После обеда, мы с бабулей привели все, что смогли, в порядок. Прежде всего, вымыли и вычистили всё в кухонных шкафах. Если будут поддерживать порядок, им хватит надолго. Не хочу писать о сожительнице Игната, по всему видно, что в доме она ни к чему не прикасается, считает ниже своего достоинства.

Не понимаю, как можно позволить любимому мужчине жить в такой грязи?! С горой невымытых тарелок и тараканами? Впрочем, Игнат не возражает. Он проглотит все, даже рыбный суп с вермишелью, только бы она была рядом. Но хватит ли у него терпения все делать самому? Она мне напоминает женщину, у которой лицо накрашено, а белье грязное.

Теперь о его друзьях. Его надо срочно вырвать из круга этих алкашей, иначе он сам через пару месяцев превратится в пьяницу. Вспомни Василия, в плане выпивки у Игната богатое наследство. Его собственный отец был слабохарактерной тряпкой, а дед – не дурак выпить. Представь этот набор «добродетелей» в твоём собственном сыне! Его надо спасать, а ты далеко. Мы с бабулей ничего не можем сделать. Он нас не слушает, его уши и глаза повернуты исключительно в сторону этой женщины. Больше никого не существует!»

Лиза перестала читать. Женщина – женщиной, это, конечно, неожиданный «сюрприз», но записывать Игната в алкоголики она не позволит. К тому же, она прекрасно знает его друзей. Прекрасные ребята, во всяком, случае, были. Она отбросила страхи Александры насчет наследственной «добродетели», но тот факт, что Игнат так долго скрывал от нее свое сожительство женщиной, страшной обидой вонзилась в ее в сердце. Она тут же позвонила ему, но после их разговора все стало еще хуже. Тогда она села и вот что написала своему сыну:

«Дорогой Игнат,

После исчезновения Адама я должна была поговорить с тобой, как я это делала всегда – откровенно и ничего не скрывая. Не сделав этого, я совершила ошибку. Я подумала, что ты уже взрослый и не только способен все понять сам, но и дашь мне время разобраться с моими проблемами. Я была уверена, что ты начнешь свою самостоятельную жизнь с карьеры, а не с женщины. Ты же решил по-своему и превратил свою жизнь в бардак.

Начнем с того, что ты впервые солгал мне по-крупному. Некая женщина въехала в наш дом в самый день моего отъезда, чтобы, как я понимаю, там остаться навсегда. Я помню, прошлым летом у тебя начались проблемы с Викторией – два года ты встречался с ней и был по уши влюблен в нее, но, внезапно, эта красивая девушка, твоя ровесница, показалась тебе слишком сложной натурой. Я уверена, что к тому времени, ты уже встретил Лару – кажется так зовут твою женщину? – с которой все «легко и просто». Оставим тот факт, что она старше тебя, это не важно. Важно то, что ты привел в наш дом совершенно чужого тебе и мне человека. В тот дом, где случилась необъяснимая пока драма и где полно семейных тайн. Я также поняла, что она неряха и не умеет готовить. Бабуля плакала, рассказывая мне, что наша квартира превратилась в свинарник, который уже невозможно отмыть. Вероятно, твоя Лара хороша в постели – ты за это ее полюбил? Она всего лишь твоя вторая женщина и ты уже бросаешь якорь?

Ты познакомился с ней в офисе у моего знакомого, которого, перед тем, как уехать, я попросила взять тебя на работу. Вчера я ему позвонила и узнала, что твоя пассия была уволена за сомнительные поползновения в его сторону. Выражаясь яснее, она пыталась его, женатого мужчину, соблазнить. Ты уволился в знак солидарности, чтобы поддержать ее? Bravo! Теперь вы оба без работы. Вспоминая твои ленивые поползновения найти работу, пока я была еще в Киеве, и, догадываясь об интеллектуальных способностях твоей Лары, я уверена, что вы еще долго будете безработными. Он также сказал, что ты неважный работник и он вынужден был уволить тебя, несмотря на то, что ты мой сын и он хотел бы и дальше делать мне одолжение, держа тебя на работе. Так что уволился ты не сам, он уволил тебя. Вранье, вранье, вранье...

И еще кое-что. Насчет твоей души, которая стала похожа на кусок черного заплесневелого хлеба. Во время нашего телефонного разговора, ты впервые назвал меня «сука». Ты это всерьез?

Итак, твоя подружка приехала в Киев из российской глубинки, чтобы поохотиться. Или на крупную дичь, как мой знакомый с большой фирмой, или, если крупная дичь ускользнет, на таких наивных дурачков, как ты, с квартирой в центре Киева и полным набором услуг. Я знаю, что ты теперь сам стираешь, убираешь и готовишь. Можно узнать, а что она целыми днями делает?

Разбирайся со своим бардаком сам, но ты должен знать, что я не разрешу тебе распоряжаться нашей недвижимостью. Ни одна из квартир не принадлежит тебе, поэтому ты не сможешь прописать ни в одной из них свою бездомную женщину и

ее родню. Хочу тебе кое-что предложить: если ты такой взрослый, если тебе так невтерпеж натянуть себе на шею хомут семейной жизни, давай, докажи, что ты самостоятельный мужчина и можешь сам стоять на ногах. Сними квартиру, найди работу и обеспечивай ваш быт. Все это будет для вас испытанием, но именно испытаниями поверяются чувства.

Послушай моего совета – не начинай свое общежитие с кем бы то ни было так рано! Эта семейственность тебе скоро надоест! Чем раньше начнешь, тем раньше тебе захочется вырваться на свободу из кухни, где пахнет жареными котлетами, и из спальни, где на смятых простынях проведены годы перед телевизором. К сорока годам ты превратишься в мужчину в помятых брюках, от которого на версту несет приближающейся старостью.

От этих ранних социалистических браков меня буквально воротит! Но тогда ладно, никто не думал о карьере или о хороших деньгах, потому что все были равны в своей нищете. Никто не говорил «мне надо сначала встать на ноги, заработать, чтобы обеспечить семью, и только потом жениться», поскольку это не имело никакого смысла при социализме. Женились рано, чтобы не сношаться по углам, но сейчас же другое дело! Все дороги открыты перед тобой! А ты туда же, под юбку к бабе...

Кстати, почему за все время, что вы вдвоем, у нее не возникло желания поговорить со мной, твоей матерью?

Наш с тобой разговор только начался. Не думай, что своей грубостью ты меня обидишь или испугаешь. Ты меня знаешь или, может быть, забыл?

Люблю тебя, мама.
7 июня, 2000 года».

Лиза была в ярости и, поэтому, сознательно или нет, разрешила себе пару раз опуститься в этом письме ниже своего уровня. Игнат ответил ей в том же духе. Кроме того, свои ответы он пронумеровал:

«Привет,

Отвечаю по порядку:

1. Никого в этом мире не волнуют твои драмы и семейные тайны. Ты не королева Елизавета.
2. Почему Лара не делает работу по дому? Потому что я не позволяю ей ничего делать. Думаю, что женщине совсем не обязательно напоминать, что ее место на кухне. Мне очень жаль, что к тебе никто не относился с такой же заботой. Женщина – это цветок и требует соответствующего отношения.
3. Не понимаю, почему она должна разговаривать с тобой? Она бесконечно тебе благодарна за то, что ты родила и воспитала меня. Это все. Она пока что не является моей женой, поэтому ничего не должна тебе или кому-либо из нашей семьи. Если тебе так уж нужно с ней поговорить, поднапрягись сама, теперь ты знаешь, что я не один.
4. Да, она приехала, чтобы охотиться, только не за кем, а за чем. Она хочет найти свое место в большом городе и состояться здесь. У нее достаточно для этого ума и амбиций. Ты делала то же самое.
5. Я не принимаю советов от тебя, потому что твоя личная жизнь не является примером для подражания. Она – сплошные драмы и трагедии! Поэтому, с твоей стороны, было бы разумно оставить меня и мои чувства в покое. Скорей всего,

было неправильно начать мою жизнь не с карьеры, а с чувств, но что ж поделать? Весь в тебя.

6. Хочешь, чтобы я уехал на съемную квартиру? Не вопрос. Оставайся со своей недвижимостью, которую ты так героически спасла от Иезуитова. Береги ее для тараканов.

7. К бабкам наведаюсь только в пятницу. Мне трудно совладать с их маразмом. Они меня сильно напрягают – не дают ни работать, ни отдыхать. Стоит мне где-нибудь задержаться вечером (8 часов – это уже вечер для них), как тут же мне читают лекции о том, что я им постоянно вру и через пару месяцев стану алкоголиком. На их истерики не влияет даже тот факт, что я им звоню каждый божий день! Девают куда-то деньги, которые ты им посылаешь, и те, что я им даю. Пристрелить их нельзя, потому что бабулю я люблю даже такую, а Александра, честно говоря, меня как раз не особенно достает, потому что я ей безразличен, лишь бы деньги давал.

8. Я знаю, что всю грязь про нас с Ларой тебе скармливает Александра. Не слушай ее, твоя мать хочет нас поссорить. Она старается изо всех сил показать, что она главная и к ее мнению надо прислушиваться. Представь себе, она наговорила всяких гадостей про меня женщине, которую я люблю. Я не мог даже предположить, что она способна на такое! Не мудрено, что Лара не хочет с вами всеми общаться.

9. Хочу тебе сказать, что нам постоянно звонят люди. Они разыскивают Адама и тебя, но почему-то угрожают нам. Лара очень недовольна, эти звонки ее страшно напрягают. Что посоветуешь?

10. Ну, и последнее. Научись любить меня таким, как я есть (мечты, мечты...), или ты потеряешь меня. Как видишь, я тоже умею шантажировать. Постарайся привыкнуть к мысли, что я вырос и уже никогда не буду принадлежать тебе так, как это было в детстве.

Буду заканчивать, потому что у меня полно дел. Может, позже напишу еще, а, может, и не напишу.

Пока, Игнат».

Лизу порадовала только одна строка из письма ее сына – он сравнивает женщину с цветком. Значит, она воспитала его правильно. Все остальное ее неприятно поразило. Отложив письмо в сторону, она задумалась.

Игнат слушает, что говорит эта женщина, он соглашается с ней, он делает то, что она считает нужным, он засыпает вместе с ней и просыпается вместе с ней. Разве это не нормально? Абсолютно нормально. Разве она сама ожидала бы другого от своего избранника?

Вот что ненормально: Игнат с удовольствием сделался проще, как будто все свою предыдущую жизнь, он только и ждал такой возможности. Было очевидно, что философия его избранницы ставила во главу угла деньги и материальные блага. Душевные мытарства – это лишнее, без них можно прекрасно обойтись. Симпатия друг к другу, желание жить под одной крышей, зарабатывать деньги и развлекаться – вот простой и понятный перечень для двоих. Деньги решают все вопросы и делают жизнь не просто сносной штукой, они наполняют ее смыслом. Есть, на что поехать отдыхать в престижное место, есть, на что поужинать в хорошем ресторане, есть, на что купить клёвую тачку, есть, на что одеться в приличные шмотки, есть, на что сделать классный ремонт в квартире, есть, на что родить и воспитать детей. Есть на что зарегистрировать свою фирму и заняться

бизнесом. Те, кому надо что-то еще – просто выпендриваются, а те, кому все это не по карману – неудачники, заполняющие материальные пустоты своего существования стенаниями о духовных ценностях. Мир прост, зол и несправедлив, поэтому все, что надо, это выдолбить нишу для себя, устроить в ней семейный очаг, обнести его высокой стеной, выбрать пару друзей по жизни, завести детей и ждать там, за высокой стеной, старости – самое то. Конечно, любить по мере возможности, защищать, заботиться и обеспечивать. Уставать, откладывать многое на потом, оправдывать свою заурядность маленькими радостями и незначительными достижениями. Все просто.

Начиная войну с Игнатом, Лиза еще не понимала, что шансов у нее нет, что она уже проиграла той другой женщине. Ее собственное мироощущение включало все вздохи и стоны этой планеты, мир той, кого полюбил ее сын, ограничивался нишей. Игнату эта ниша показалась уютной и безопасной, и там он станет тем безотказным мужем, который никогда не потянется за звездой.

Почти согласившись с тем, что бороться за ее исчезновение этой женщины бесполезно, Лизе надо было понять, откуда в ее сыне взялась эта враждебность по отношению к ней? Откуда эта невиданная грубость, позволившая Игнату назвать свою маму «сукой», а Анну и Александру «бабками»? Почему в нем вдруг проклюнулось быдло?

Она вспомнила вечера на их просторном балконе, с которого открывался великолепный вид на Днепр. Вернувшись из очередной поездки за границу, она встречала друзей своего сына, угощала их сладостями, наливала им по глотку узо, варила им кофе, привезенное из Греции прямо от Лумидиса. Аромат того кофе разносился по всей округе. А потом все вместе – Игнат, трое его закадычных друзей и она сама, долго разговаривали. Лиза им рассказывала про дальние страны, а они слушали, затаив дыхание. Никто из них не позволял себе грубости по отношению к женщине, тем более, по отношению к матери. А теперь, как только появилась эта Ларочка, вместе с ней, из ее сына пролезло хамство. Хотя, возможно, не она одна в этом виновата...

Что, если Игнат именно так охраняет свое логово от непрошенных гостей? Что, если мы, три женщины, кажемся ему слишком опасными для его избранницы? Он долго скрывал ее, а теперь, когда все открылось, что, если своим оружием против нас он осознанно выбрал слова самого низкого пошиба? С помощью этих слов он отгоняет нас от своего логова. Игнат напоминал ей молодого волка, который еще не участвовал в битвах, еще не научился уходить от охотников, только-только стал убивать и приносить добычу, но уже привел в свое логово волчицу. Он глух ко всем доводам и мольбам, потому что его проснувшийся, молодой и яростный рык, заглушает его разум. Если его еще больше раззадорить, он совсем потеряет голову и может вытворить что-то безумное, о чем они все потом пожалеют. Наказывая ее, свою мать, он накажет и себя. Поэтому в следующем письме к Игнату Лиза изо всех старалась показаться более рассудительной.

«Дорогой мой Игнат,

Сейчас три часа ночи. Идет дождь. Я сварила себе какао, глотнула слишком горячего, обожгла язык и села писать тебе письмо.

Я не жалею о том, что мы обменялись такими откровенными письмами. Теперь мы знаем... Но что мы от этого выиграли? Я постараюсь поверить тебе. Ты

взрослый и, надеюсь, у тебя хватит ума не искалечить свою жизнь в самом ее начале.

Мне все еще хочется спрятать тебя под свое крыло, где тебе было бы хорошо и спокойно. Но я не могу, а ты уже не хочешь. Ты вырос и рядом с тобой появилась женщина, которая дарит тебе наслаждение и, надеюсь, делит с тобой житейские радости и трудности, а также, заботы по дому.

И все же, я чувствую себя не в своей тарелке. Настало время объяснить себе, а главное, тебе, что происходит. Я не могу найти ту утраченную свободу общения и ту непринужденность, что всегда были между нами. Как будто я перед тобой в чем-то провинилась. Возможно, я действительно виновата и мне все время хочется, чтобы ты меня простил.

За что?

За позор, что связан с бегством Адама.

Этот позор отступает, когда я одна, но, когда я разговариваю с тобой по телефону или сажусь писать тебе письмо, жгучий стыд возвращается и не дает мне чувствовать себя полноценным человеком. Мой такой кратковременный и, не просто несчастный, а прямо-таки проклятый брак, делает меня ущербной. Эта ошибка лишила меня права давать тебе советы и учить тебя уму разуму. Из матери я превратилась в испуганную и затравленную женщину, которая должна перед всеми извиняться за несовершенное ею преступление.

Давай поговорим об Адаме. Сейчас ты не можешь мне простить, что я вышла замуж за человека, принесшего всей нашей семье столько горя. Не можешь простить сейчас, потому что, когда ты вел меня к венцу, у тебя таких мыслей не было. Ты был счастлив и горд, что участвовал в таком грандиозном событии, как наша свадьба.

Последнее время я была ему плохой женой, разрешив проблемам разрастись до огромных размеров и встать между нами. Я боялась потерять свою фирму, я боялась угроз своего партнера Иезуитова, которого сосватал мне Адам, я боялась остаться без денег и без крыши над головой. Мой брак перестал быть важным для меня, важным сделалось все остальное. Адам был не из крепкого десятка, он бился, как мог, но, каждый день рядом с ним была я, требовавшая от него результатов. Результатов не было и он начал лгать. Сколько времени он лгал мне? Я не знаю... Нет, не я виновата в том, что он сбежал, но с уверенностью могу сказать, что мой страх, граничивший тогда с паникой, повлиял на его решение. Если только не случилось что-то другое, о чем я еще не знаю – ужасное, непредвиденное и невообразимое.

Ты пишешь, что я не приняла ни одного правильного решения за свою жизнь. Я бы могла сказать тебе: «сначала проживи свою жизнь без ошибок, стань святым и только потом суди других», но я промолчу, потому что ты имеешь право судить меня, свою мать.

С другой стороны, если ты все время считал, что я дура, которая не в состоянии принять ни одного правильного решения, почему ты не ушел? Почему не снял квартиру, не стал зарабатывать деньги, не показал мне, как надо жить с правильными решениями? Ты что, жил со мной, сцепив зубы, ненавидя меня за мою глупость? Если это так, то немного поздно в этом признаваться. Откровение задним числом.

Теперь насчет долгов, которые я не смогла выплатить. Тысячи людей пострадали во время и после «черного» августа 1998 года. Чем больше те, кто занимавшиеся бизнесом, имели, тем больше они потеряли. Целый год я сражалась за то, чтобы не потерять свою фирму, выплачивая зарплаты абсолютно бесполезным сотрудникам. У нас уже несколько месяцев не было ни одного

туриста, а мне было жалко уволить тех, кто с утра до вечера бил баклуши! Все они получили от меня гораздо больше, чем заработали для меня, и ты это знаешь. Я также исправно платила все налоги, аренду за офис, счета за электричество и телефонные разговоры. Сначала я потратила все свои сбережения, потом пришлось занять на стороне. Именно поэтому я отдала свой офис Адаму, который надеялся, что найдет кредиты под гостиницу, которую Иезуитов строил тогда с мэром, и сможет продолжать выплачивать зарплаты нашим сотрудникам. Мы слишком старались для тех, кто очень мало старался для нас.

Ты обвиняешь меня в том, что люди звонят тебе с угрозами и беспокоят твою женщину. Она въехала в нашу квартиру, спит в моей кровати, прихорашивается перед моим зеркалом, пользуется моими полотенцами и посудой, но ей этого мало, ей не хватает покоя! В нашем доме случилась беда, теперь мы ее расхлебываем. Если она тебе действует на нервы своими жалобами, поговори с ней и расскажи ей всю правду.

Не бойся тех, кто звонит и угрожает. Если бы кто-то из этих людей представлял для тебя, Анны или Александры опасность, я бы не уехала. Они также не представляют опасности для моей совести.

Ты спрашиваешь, чем я занимаюсь? Я пишу картины.

Закончился дождь. Я люблю тебя больше всего на свете. Очень скучаю и часто смотрю на твою фотографию. Мне хочется обустроить свой дом здесь, в Греции, чтобы ты в любое время мог приехать на время или насовсем, один или с той, кого ты любишь. Двери моего дома всегда для тебя открыты.

Напиши мне, как обстоят дела с деньгами, только честно.

Обнимаю, мама.

19 июня, 2000 года».

Лиза с нетерпением ждала письма от Игната, однако в двадцатых числах июня он позвонил.

- Привет, мамуля, - это было их старое и такое родное приветствие. Последние месяцы Игнат избегал его, стараясь говорить с ней холодно и раздраженно.

- Привет, дорогой. Все хорошо? - У Лизы перехватило дыхание. - С тобой все в порядке?

- Нет, у нас не все хорошо. У Александры обнаружили рак. Ей будут удалять грудь. Через неделю она ложится в больницу.

- Господи, родной мой...

- Слушай, я каждый день буду ездить к ней. По вечерам буду заезжать к бабуле, проводить ее и привозить ей продукты. Она будет готовить еду для Александры, которую на следующее утро я буду отвозить в больницу. Ты не волнуйся, у меня все под контролем. Мы справимся.

- Ты и, правда, взрослый. Я так сильно тебя люблю. Но не геройствуй и не взваливай все на себя. Первые пару дней после операции будут очень трудными, за Александрой нужен будет специальный уход. Я найду деньги. Дай нянечкам, они подежурят рядом с ней.

- Да, именно об этом я и хотел тебя попросить. Я буду мотаться туда-сюда, но по деньгам я не потяну. Я только недавно нашел работу. Так что помогай, чем сможешь.

- Насчет денег не волнуйся. Я вышлю. Напиши, сколько нужно. Сколько будет стоить операция, лекарства, уход. Я все сделаю.

- Еще одно. Последнее время между нами были разногласия. Я не хочу, чтобы ты думала, что я ненавижу тебя. Я тебя люблю так сильно, что словами не передать! Я всегда был с вами, тремя женщинами, к которым отношусь по-разному. Сейчас в моей жизни появилась еще одна, став моей единственной. Это совсем не значит, что я должен забыть о вас, перестать вас любить и заботиться о вас. Каждая из вас тоже единственная для меня. У меня только одна мама, одна бабушка и одна прабабушка. Других не будет и не надо.

Лиза плакала. Война с Игнатом была окончена. Но началась другая война – за жизнь Александры. Ее предстояло выиграть, поражение в этой войне означало смертельный исход для ее мамы.

Глава 13.

Письма домой и из дома.

«Дорогая моя и любимая мамочка!

Ты пройдешь через это испытание. Будет трудное лето. После операции начнется химиотерапия, но ты все выдержишь. Рак груди – не обязательно приговор. Многие женщины вылечиваются и ты обязательно будешь в их числе. Если операция пройдет удачно, лечение закрепит выздоровление и все будет хорошо. Это твое испытание. Пройдя через него, ты успокоишься и научишься радоваться каждому новому дню.

Я должна быть рядом, но я не могу. Если я приеду, проблемы могут удесяттериться. Рядом с тобой будет мой сын, через него я буду разговаривать с тобой. Смотри в его глаза и там ты увидишь меня, держи его руку и думай, что это моя рука. Думай обо мне и забирай часть моих сил, они тебе понадобятся. Мы победим твою болезнь! Вдвоем, втроем, все вместе!

Крепко тебя обнимаю, я.

27 июня, 2000 года».

«Дорогая мамочка!

В ту пятницу, когда тебе делали операцию, я не могла разговаривать, у меня пропал голос. Несколько дней я молчала и плакала, а теперь улыбаюсь. Игнат позвонил и сказал, что ты уже потихоньку встаешь и понемногу кушаешь.

Давай будем радоваться, что операция прошла удачно, что впереди лечение, которое тебе поможет. Ни о чем не волнуйся и не печалься, тебе нужны силы. Когда совсем поправишься, сделаем тебе пластику.

Я рада, что Игнат тебя поддерживает и постоянно находится рядом. Иногда мне кажется, что жизнь остановилась, но она продолжается и потихоньку, через испытания, изменится к лучшему.

5 июля, 2000 года».

Иногда, стараясь отвлечь своих женщин от переживаний и поднять им настроение, Лиза писала им длинные письма.

«Здравствуйте, мои дорогие!

Мы сейчас часто разговариваем по телефону, но, все же, я решила написать вам длинное письмо. Надеюсь, оно вас успокоит и вы не будете спрашивать, почему у меня такой грустный голос. Я провожу свои дни в полном одиночестве и молчании, разве что изредка разговариваю с кошкой. Много работаю, пишу картины. Постоянно думаю о вас. Одним словом, веду внутренний монолог сама с собой. Когда раздается телефонный звонок, я не успеваю переключиться и начинаю разговаривать с вами своим «внутренним» голосом, а не «внешним» – бодрым и веселым. Должна признаться, что иногда мне и, правда, одиноко, но не одиночество меня гнетет. Меня беспокоит только одно – ваше благополучие. Мне хочется, чтобы у вас обеих и у Игната все было хорошо. Тогда я буду спокойна.

Давайте я вас отвлеку от грустных мыслей и расскажу про свою кошку Джозефину. Вскоре, после моего переезда сюда, в Певки, я возвращалась домой и услышала, как под припаркованным автомобилем орет котенок. Я нагнулась и с боем вытянула оттуда худой, плюющийся и шипящий комочек грязного меха. Мои руки были расцарапаны, но я принесла его домой, накормила и отмыла. Оказалась девочка – дикая и свирепая. Хотела отправить ее снова на улицу, но потом, конечно, оставила. У нее изумрудные глаза и темно-коричневый окрас с черными полосами на спине, которые, ближе к животу, где коричневый цвет становится желтым, превращаются в темные пятнышки, прямо как у рыси. Когда я с ней разговариваю, она что-то отвечает. Думаю, она меня понимает, да и я ее тоже. Носит мне подарки, от которых я чуть не теряю сознание. Через дорогу, на одном из балконов, висят клетки с канарейками. Боюсь, число их уменьшилось, поскольку двух мертвых канареек я нашла у себя на подушке. Джози принесла их и аккуратно положила на «мое место», туда, где я сплю. Пришлось их хоронить.

По вечерам я оставляю окно в большой комнате приоткрытым. Делаю я это для Джозефины, которая каждую ночь отправляется гулять по крышам соседних домов. Возвращаясь ни свет, ни заря, она стучит в стеклянную дверь моей спальни, выходящую на балкон. Про окно она, почему-то, забывает и стучит лапой по стеклу до тех пор, пока я ее не впущу. Пыталась не обращать внимания, мысленно отсылая ее к открытому окну, но ее упрямство с моим не сравнить. Очень скоро я сдаюсь, впускаю ее, она сворачивается клубочком у меня в ногах и мы обе засыпаем.

Несмотря на то, что она никогда не бывает голодной, она продолжает воевать за свой «кусочек хлеба». Лишние запасы никогда не помешают. Когда я готовлю, она норовит украсть кусок курицы или мяса. Сначала я думала, что делает она это, побуждаемая инстинктом беспризорницы, но потом поняла, что ворует она не для себя.

У нее появился ухажер. Большой белый кот с рыжими пятнами и янтарными глазами. Считается, что он хозяйский, но это не так. Он просто гуляка или, вернее сказать, был гуляка. Теперь он влюблен и каждый день приходит к нам в гости. Есть два пути – цивилизованный, по лестнице и потом стук когтями в дверь, или романтический, срезая все углы и приличия, по стволу бугенвиллии на веранду. Я назвала его Амадеус.

Недавно я готовила обед, они оба были дома. Я зашла на минутку в маленькую комнату, которую я превратила в студию и, как всегда, хотела кое-что подправить

на холсте и нанести буквально несколько мазков, но задержалась и, когда вернулась в кухню, Джози толкала оставленную мною курицу к краю разделочного стола. Внизу танцевал Амадеус, стараясь пристроиться к тому месту, где, по его мнению, шлепнется на пол курица.

Бывает, что к нашей веранде приближается ватага других котов. Тогда Амадеус бросается в драку, а Джози начинает истошно орать. У соседей волосы дыбом встают от этого ора. Мне приходится разнимать драку водой из шланга, а Джози уносить в ванную и ждать, пока все не успокоится. Я никогда раньше не встречала котов с такими неконтролируемыми эмоциями. Так и хочется им сказать – «держите себя в руках, не надо так орать». С другой стороны, очень трогательно видеть, как они защищают свой дом и свою любовь. Вот бы некоторым человеческим особям поучиться.

Засыпая, я думаю о том, что завтра эти двое опять разнообразят мой день, облегчив мое беспокойство и скрасив мое одиночество. Если бы Амадеус мог водить машину, а Джози могла бы пройтись по магазинам или прогуляться на базар, было бы совсем хорошо.

Целую вас крепко, ваша Лиза.

12 июля, 2000 года».

Ей ответила Анна, у нее дрожали руки, поэтому буквы получились немного корявыми, а само письмо коротким:

«Здравствуй, моя дорогая!

Родная моя, прочитать твое письмо, все равно, что посмотреть тебе в глаза, взять твои ладони в свои, сказать тебе слово и услышать в ответ твои слова. Это все равно, что молча обменяться взглядом. Твои рассказы о доме, о котиках, о твоём настроении, твоё желание писать картины, тоска по близким, вынужденное одиночество и даже твой «внутренний голос» – все это переплетается, превращаясь в трудную повесть о тебе, прекрасной молодой женщине. Ты бралась за многие трудные дела и делала их хорошо. Не твоя вина, что не все получилось так, как тебе хотелось. Ты верила людям и это было правильно. Не кори себя за чужие грехи. Я не прошу тебя забыть тех, что говорили тебе о любви и тут же предавали тебя, но всему свое время. Господь разберется.

Я люблю тебя с той первой минуты, когда увидела тебя в окне роддома. Храни тебя Бог! Пусть Он будет с тобой во всех твоих делах!

Александра сводит меня с ума. Жалобы с утра и до вечера. Стоны и упреки, не переставая... А ведь сейчас все более или менее хорошо. Химиотерапия уже позади. Нет никаких оснований беспокоиться. Она выздоравливает, но продолжает наказывать меня своими капризами и придирками. Как будто я виновата в том, что она, а не я, заболела этой ужасной болезнью. Хочется уйти из дома и больше не возвращаться. Хорошо, что тебя здесь нет.

Целую тебя, родная, и всегда помню о тебе.

Твоя Анна.

P.S. Скоро у тебя день рождения. Пусть твоё настроение будет простым и спокойным, как ромашки и колокольчики.

27 июля, 2000 года».

Лиза прекрасно знала, как изощренно Александра могла изводить тех, кому не повезло быть рядом с ней. Болезнь уже стала смыслом её жизни, теперь Александра не позволит себе отвлечься от неё или, хотя бы ненадолго, забыть про неё. Она не разрешит себе победить свой недуг, она будет лелеять мысль о том, что судьба опять выбрала её жертвой, и будет наказывать других за то, что они не страдают так, как страдает она. Все сведется не к выздоровлению, не к надеждам и к преодолению, а к обвинениям и страданиям.

Ей было жалко свою маму, но во сто крат больше ей было жалко Анну. Постоянно живя подле своей дочери, она так и не избивалась от клейма без вины виноватой матери. Будучи невероятно красивым и бесстрашным человеком, Анна боялась не только быть, но даже показаться счастливой в глазах своей бесконечно несчастной дочери. Вот и сейчас, она сжалась, согнулась и не могла понять, почему бремя этой ужасной болезни не досталось ей? Она готова была болеть и терпеть сама, лишь бы не быть виноватой в том, что стара, но еще дышит и движется.

Понимая, что ей, скорее всего, не удастся вразумить Александру, Лиза все же попыталась:

«Любимая моя мамочка!

Я знаю, это ужасно, видеть себя изуродованной, но заставь себя не обращать на свою внешность внимания. Не сейчас! Не смотри на себя в зеркало, смотри внутрь себя, нащупай свое выздоровление там. Борись вместе со своим организмом. Ему все равно, есть ли у тебя волосы, но ему очень важно победить своего смертельного врага. Когда ты плачешь, ты ослабляешь своего единственного союзника, который борется за твоё выживание. Не позволяй себе быть несчастной!

Я всем сердцем желаю тебе выздоровления. Знаю, что тебе очень тяжело. Поверь, у нас всех жизнь изменилась и никак не может наладиться. Я знаю, что ты растеряна, а душа твоя полна страхов. Надо постепенно успокаиваться. Самое страшное позади.

Прошу тебя, не жалея себя! Наоборот, радуйся – ты выжила и будешь жить! Только жизнь всегда и, особенно, после тяжелой болезни, должна иметь смысл. И смысл этот не должен быть болезнью.

Если бы ты меня спросила, я бы тебе ответила, что смыслом моей жизни являетесь все вы – ты, Анна и Игнат. Постарайся и ты хоть немного полюбить нас. Мама, вокруг тебя мы, твоя семья! Давай щадить и поддерживать друг друга! Игнат был постоянно рядом с тобой после операции. Разве он не заслужил немного доброты в ответ?! А бабуля, готовая прибежать по первому твоему зову? Почему ты так сурова с теми, кто тебя любит? В чем они перед тобой провинились?

Люблю тебя и надеюсь на твоё благоразумие.

8 августа, 2000 года».

Ответ от Александры был полным жалости к себе.

«Не тебе меня судить. Ты молода и здорова, а твоя мать наказана тяжелой болезнью. Твое место рядом со мной, а ты наслаждаешься жизнью в чужой стране, изнывая от жаркого солнца. Когда я еду на химиотерапию, я встаю в пять утра, выезжаю из дому около семи, тогда людей в транспорте еще не так много. В метро все сидят с закрытыми глазами, досыпают. Приезжаю в онкоцентр в восемь и жду до девяти, когда начинают приходить врачи и лаборантки. Один раз, когда я входила в метро, я упала. Кто-то наступил мне на ногу и я потеряла равновесие. Упала вперед, на каменные ступени, и не могла подняться. Двое мужчин подхватили меня под руки и старались поставить на ноги. Я кричала им, чтобы не тянули за больную руку, они думали, что я ее сломала. К счастью, шов не пострадал, но я разбила колени и ушибла здоровую руку. Все болит до сих пор. После падения мое синее пальто было все в грязи и, когда я села в поезд, то люди смотрели на меня и думали, что я – пьяница и где-то валялась.

Шов – красный и настолько стягивает, что трудно дышать и нельзя поднять руку – под ней как будто тысячи иголок вонзились в мой бок. Каждый день разрабатываю руку, но любое движение причиняет мне боль. В больную руку ни капельницу, ни уколы делать нельзя. Но даже здоровая рука в горячей воде сразу опухает, стирать или мыть посуду не могу. Даже резать ножом я пока ничего не могу. Волосы все выпали, поэтому делаю из платка чалму.

Лучше подумай о своем поведении и кому ты обязана тем, что живешь на этом свете.

Твоя мама.

21 августа, 2000 года».

После таких писем Лиза лишалась сна. У Александры были деньги на такси, Игнат предлагал отвезить ее на химиотерапию и привозить обратно домой на своей машине. Оба – она сама и Игнат – настаивали на том, чтобы найти женщину, которая готовила бы для них, стирала и убирала. Любая помощь Александрой отвергалась. Неоправданные страдания, которых можно было бы избежать, должны были стать страшными, почти невыносимыми испытаниями, они должны были стать наказанием, как тот крест, что нес Христос на себе. Ее мать надеялась, что такими дополнительными страданиями она заслужит исцеление. Ей было все равно, как на ее истязания реагирует ее мать, дочь или ее внук. До них ей не было дела.

Ужасно скучая за родными людьми и мучаясь виной за то, что живет далеко от них, Лиза хотела, чтобы все они – Анна, Александра и Игнат, оказались рядом с ней. Возможно, когда-нибудь они приедут и будут жить неподалеку от нее. Поэтому однажды она им написала вот что:

«Любимые мои!

В следующем году у меня будет возможность выставить свои работы. Нашелся человек, который захотел мне помочь. Надеюсь, мои картины купят. Когда появятся деньги, я смогу перевезти вас сюда. Возможно, пришло время поговорить о будущем, но я боюсь произнести неправильные или необдуманные слова. Мне бы хотелось причинить вам как можно меньше неудобств. Думаю, что мы должны

жить рядом, поддерживая и помогая друг другу. На расстоянии можно, разве что, помочь деньгами и узнать о смерти, не поспев на похороны.

Нам не обязательно жить в одной квартире, но мы должны жить рядом, где-нибудь по соседству. Здесь такие варианты можно найти. Многие семьи живут именно так. Какая бы большая квартира ни была, это все равно будет коммунальная жизнь, а нам всем нужен покой, время и пространство для того, чтобы отдыхать, работать и иногда хандрить, поддаваясь своим настроениям.

У меня ведь тоже бывают разные дни. Бывают хорошие, а бывают плохие. Иногда я не могу рисовать. Я не узнаю себя в зеркале. Мир вокруг меня перестает казаться мне знакомым. Я не хочу думать, вспоминать или разговаривать с кем-нибудь о прошлом. Боюсь всего, что могло бы отвлечь меня от картин – они спасают меня от сумасшествия, от каждодневных страхов, от отсутствия книг и информации, нужной моим мозгам.

Возможно, мои рассуждения о вашем переезде преждевременны, но я бы хотела спросить вас – хотите ли вы сами переехать, готовы ли вы к переезду?

Сегодня занималась хозяйством. Вымыла кухню, полы, веранду, приготовила на целую неделю еду, чтобы каждый день не стоять у плиты. После жаркого лета, прошел, наконец, первый дождь.

Жду ваших соображений касательно вашего переезда. Дорогие мои, как же я соскучилась!

Целую, я.

17 сентября, 2001 года».

Приглашая Анну и Александру переехать, Лиза знала, что они никуда не поедут. Они не бросят свою советскую цивилизацию, не уедут от толстых литературных журналов, от своих телевизионных каналов, от родного языка, от своих привычек и заведенного порядка, а, главное, они не уедут от родственников, врачей и могил. Старшая сестра Анны уже несколько лет как умерла, но к ней часто заходила ее племянница, дочь Антонины. Анна очень ценила это единственное оставшееся родство и всегда тщательно готовилась к визитам Милы, которая иногда приходила вместе со своей дочерью или внучкой. Гостей она угощала своими вкуснейшими пирогами.

Что касается врачей, то Анна и Александра ходили к своим участковым годами. Те знали историю их болезней и практически были родней. Приезжая домой к своим пациентам, они, бывало, оставались немного дольше положенного и, после осмотра, пили чай с больными, делись новостями или беседуя о жизни – бесплатная психотерапия!

После развала советской империи, в независимой Украине медицина еще какое-то время оставалась «советской», т.е. бесплатной. Советская медицина отличалась от западной или «цивилизованной» не только тем, что была бесплатной, а еще тем, что была результативной. Поскольку пациенты за посещение поликлиник или больниц не платили, врачи не были заинтересованы в том, чтобы больные приходили к ним снова и снова. Участковый врач, за которым была закреплена часть района в городе или в сельской местности, на самом деле, был домашним врачом. До обеда он или она ходили по домам, посещая больных, которые не могли прийти сами на прием в поликлинику, а, после обеда, принимали пациентов в своем кабинете. Изнурительная работа! Участковому врачу не доплачивали ни за переработанные часы, ни за количество пациентов, поэтому врачи лечение не имитировали, а лечили, если могли, по-настоящему. То

же самое касалось и специалистов. Если в этом была необходимость, они также приезжали к больным на дом. Уезжать Александре от такой медицины, после того, как у нее обнаружили рак, смысла не было. Тем более, что был еще жив такой прекрасный советский пережиток, как «скорая помощь». Вызов «скорой» означал, что к тебе домой приедут не только санитары, но и врач, который спасет тебя и только после того, как спас, выпишет направление в больницу. И никто за это никаких денег не брал.

Профилактическая и доступная для всех медицина, а также прекрасное и доступное для всех образование были реальными достижениями советского общества. Не скромная жизнь и не партийная идеология, а бесплатная медицина и бесплатное образование уравнивали людей за Железным Занавесом. Если бы во главе страны не стояли большевистские вожди – быдло, пожираемое постоянным страхом утратить власть, если бы это быдло не воевало с собственным народом, затыкая ему рот расстрелами в затылок, высылкой в лагеря или изгнанием из страны, если бы оно не опустило Железный Занавес, отрезав СССР от остального мира, возможно, этот мир бы узнал, что можно лечиться бесплатно, что можно получать хорошее образование в светлых и теплых школах, где учеников кормили горячими завтраками и обедами. Но Советская империя ошетибилась, погрязла во лжи и, родив потрясающие социальные достижения, сама себя погубила.

И, конечно, Анна могла сходить на могилу своей сестры или, при желании, могла сесть на поезд и на следующее утро оказаться в Москве, где уже целую вечность назад, был похоронен ее любимый Никита. В чужой стране для двух пожилых женщин все окажется чужим и даже враждебным. Им будет боязно и одиноко.

Не так давно Лиза прочла воспоминания Раисы Копелевой, которую, в начале восьмидесятых, вместе с мужем лишили советского гражданства. Эта супружеская пара, Раиса и Лев Копелевы, отличалась свободомыслием и не дружила с системой. В декабре 1980-го года они поехали в гости к своему другу, немецкому писателю Генриху Бёллю, жившему в ФРГ, а через четыре месяца их лишили советского гражданства. Раиса писала документальную прозу и была прекрасным литературным переводчиком. Ее муж был историком. Так вот, в одной из своих работ, она рассказала о том, как тяжело они привыкали к жизни в ФРГ. Интеллигентный ум не может обойтись без привыкания, сравнения и ностальгии. Другие краны, другой язык, по другому нужно получать билетки в автобусе и метро, распродажи, по воскресеньям магазины и аптеки закрыты, по вечерам города пустеют – в них «тушат фонари и сворачивают тротуары». Гости приходят всегда во время. Пригласить в гости не означает заставить стол едой. Иногда приходят только пропустить стаканчик, иногда попить чаю. В Западной Германии нет хаоса в отношениях между людьми – во всем разумность и дисциплинированность.

Раиса была ровесницей ее мамы, и Лиза часто думала о том, насколько это поколение «детей большого террора» отличается от ее поколения, а тем более, от поколения ее сына. Современники ее матери были идеалистами – им ничего другого не оставалось. В детстве они были привиты страхом и, повзрослев, так и не смогли сбросить с себя столбняк страха. Они боялись даже тогда, когда бояться уже было некого. Им казалось, что они по-прежнему связаны по рукам и ногам системой, которая в их бытность была могучим и страшным молохом, перемоловшим миллионы людских жизней и судеб. Их продолжали пугать детские и юношеские воспоминания о том, как расстреливали или ссылали в лагеря их отцов и матерей. Спасаясь от этого страха, они ушли в свои души. Они овладели

знаниями и стали профессионалами своего дела, но не могли проявить себя в действии.

Прекрасно владея английским, Раиса писала и переводила. Александра, прекрасно владея английским и немецким, преподавала и читала. Обе не представляли своей духовной и умственной жизни без толстых журналов, где печатали романы отечественных и зарубежных писателей, каким-то чудом просочившихся сквозь цензуру. Это была их отдушина, потому что за чтением, их собственные жизни, на некоторое время, приобретали смысл, становясь судьбами чужих героев.

Прекрасно об этом сказал Иосиф Бродский: «...Книги стали первой и единственной реальностью, сама же реальность представлялась бардаком или абракадаброй. ...Инстинкты склоняли нас к чтению, а не к действию. Неудивительно, что наша реальная жизнь была через пень-колоду. Даже те из нас, которые сумели продраться через дебри высшего образования, с неизбежным поддакиванием и подпеванием системе, в конце концов, не вынесли навеянных литературой угрызений, выбыли из игры...»

Современники Александры, с распухшими душами и мозгами, привыкали к своим небольшим гнездам, пусть даже в хрущевках, к своим кухням, где друзья собирались за чаем, к своим рабочим столам с печатной машинкой и стопкой исписанных листов бумаги, на которых был запечатлен очередной шедевр – перевод или собственные творения. Они привыкали к виду из окна своей спальни, к постоянной умственной деятельности и к театральным сезонам. Редко кто из них мечтал о свободе целенаправленно. Редко кто из поколения ее матери осмелился бы признаться себе в том, что его или ее Родина перестала быть Родиной. Ведь времена и люди определяют Родину, а не земля и границы. Родина может стать местом кровавого переворота, диктатуры, ссылок и лагерей. Если бы кого-то из них вдруг лишили гражданства, да, они уехали бы, но на чужбине страдали бы и тосковали по Родине. Не по той Родине, что была покрыта лагерями, а по той, где остался их родной дом и могилы их родных и близких. Они скучали бы за друзьями, которые умели открывать свои души, доставая оттуда самое потаенное – свои думы, опасения и надежды. Они скучали бы за «кухонными исповедями», когда открывали душу сами. В чужих странах все закрыты и зашорены. Пустить на новом месте корни для ровесников Александры было невозможно, для них все было не так. Все – шок и тоска, тоска и шок.

Понимая это, Лиза знала, что ни Анна, ни Александра свой Киев не покинут. Слишком поздно для них. Старые клубни не пересаживают. Их оставляют в том же месте в углу сада и молятся, чтобы в следующем году они опять цвели или плодоносили. Лишь бы выжили...

Глава 14.

Смертельная болезнь эпохи.

Настал октябрь. Жаркое лето 2000-го года Лиза провела в полном одиночестве. Она надеялась немного успокоиться, но жизнь не дала ей передышки. Новые испытания постучались в дверь и она заперлась, окончательно оградив себя от людей. Предпочитая переживать все свои невзгоды в одиночестве, она перестала видеться с тем единственным, кто являлся ее проводником во внешний мир. Да,

даже ради Джорджа она не сделала исключения. Лиза также отказалась ездить к фон Нарвицу, ограничившись редкими телефонными разговорами с ним. Эдмунд несколько раз звал ее в гости, предлагал ей помощь, но она отказывалась. Уже сам долгое время живя на отшибе людских отношений, он не обижался. Он давал ей возможность отдохнуть от ада, населенного людьми.

Поскольку все деньги уходили на лечение Александры, Лизе пришлось договориться с хозяйкой об отсрочке оплаты за жилье. Она оставляла себе тот необходимый минимум, которого хватало на кое-какую еду и краски. Одичав и осунувшись, Лиза продолжала работать, создавая в тишине своего добровольного затворничества новые полотна. Она нарисовала женщину, закрывшую рукой глаза. Другая рука была поднята к небу. Женщина разговаривала с Богом: «Пусть больше не будет в моей семье катастроф и боли, страха и слез. Пусть все повернется к лучшему. Не суди меня строго, ты же никогда не был женщиной. Прости мои грехи, страхи и сомнения. Будь нам всем опорой и защитой. Я знаю, что ты есть и люблю тебя всей душой». Лиза нарисовала себя. Впервые она написала свой автопортрет.

Большинство людей тяжело переживают зиму, а с приходом весны отряхиваются и приободряются, радуясь теплу и возрождению природы. У Лизы все было наоборот: она возрождалась с приходом осени, когда отступала невыносимая жара, а вместе с ней, и депрессия, вызванная бесконечной чередой солнечных дней. Для нее было пыткой вынести сто сорок одинаковых дней. Открываешь утром глаза и все, что ты видишь – это выбеленное зноем небо, на котором нет ни одной тучки. Ожидая осени и первых дождей, она надеялась на то, что со сменой погоды, изменится к лучшему и ее состояние.

Избегая визитов к фон Нарвицу, она неосознанно отгораживалась от его физических страданий. Чувствуя его боль на расстоянии, Лиза, со свойственным здоровым людям инстинктом, защищала себя. Сострадать ей было уже нечем – ее душевные силы были на исходе. Нарвиц не ждал от нее и не принял бы состраданий. Догадайся он, что она жалеет его, он бы проклял ее. Все это так, но ей все равно было жалко этого незаурядного, волевого и умного человека, который как-то напомнил ей сказанную Оскаром Уайльдом фразу: «Трагедия старости заключается не в том, что ты становишься старым, а в том, что ты остаешься молодым». Да, полноте, о какой старости идет речь?! Эдмунду не было еще и шестидесяти, разве что недуг добавил лишний десяток лет к его внешности.

Фон Нарвиц не всегда был калекой. Тридцать лет он прожил нормальным человеком – ходил, водил машину, танцевал, стоял у штурвала своей парусной яхты, волочился за женщинами. В мае 1972 года ему только исполнилось тридцать. Да, май того проклятого года он никогда не забудет... Решив украсть у работы пару лишних выходных, он отправился со своей тогдашней подружкой на Крит. Остановились в небольшой живописной гостинице у моря, в номере на последнем этаже. Этажей-то всего было три, но ей, во что бы то ни стало, нужен был вид из окна. Море, закат, шампанское и все, что к этому прилагается. После бурной ночи оба спали мертвым сном. Когда небо стало сереть, землю начали сотрясать толчки. Была пятница, 5 мая. Старые перекрытия не выдержали и потолок буквально обрушился на Нарвица и его юную подругу. Она умерла, не успев ни проснуться, ни испугаться. Эдмунду, спавшему на животе, куском деревянной балки перебило позвоночник. С тех пор он – калека, принимающий боль как необходимое условие своего существования. Почти тридцать лет в инвалидном кресле... Все эти годы рядом с ним были двое – верный и внимательный Руперт и постоянно преследующая его боль – не ведающий жалости враг, существо своевольное и упрямое. Что ж, такова его судьба и надо ее принимать такой, как есть. Выбора у

него все равно нет, разве что прервать свой путь, оставив жестокую дамочку ни с чем. Впервые увидев Лизу, он подумал о том, что эта женщина сможет не просто продлить, а скрасить его существование, превратив его в некое подобие жизни.

Лиза же заперлась и устранилась. Чувствуя огромную симпатию к Нарвицу и непреодолимую тягу к постоянному общению с ним, она не могла прямо сейчас стать ему близким другом. В ее состоянии ей не нужны были друзья и люди вообще. Бывают такие тяжелые периоды, когда ни один человек помочь не в состоянии. Нет таких слов, которые могли бы облегчить страдания и нет таких поступков, которые могли бы изменить уже случившееся. Это время одиночества. В его тишине работает разум, успокаивая душу, ищущую Бога. Одним словом, Лиза нуждалась в одиночестве и прерывать его не хотела. Кто страдает от одиночества, а кто ищет его...

Но, вот, наступил октябрь и, кажется, пришло время их настоящего знакомства. Найдя друг друга, учитель и ученица больше не могли и не хотели обходиться друг без друга.

Эдмунд фон Нарвиц любовался Лизой, за спиной которой раскинулся осенний сад. Сухих листьев еще не было, сад дышал прохладой политой первыми дождями земли, цвели кусты шиповника и роз, но в самом воздухе еще не появилась та спасительная нотка прохлады, что помогла бы разбудить уставший от однообразия мозг.

Они сидели за столом из желтого песчаника, заставленного блюдами с дыней и виноградом, тарелками с поджаренным хлебом и сырами. Бутылка прекрасного Шардоне дополняла натюрморт. Сегодняшняя встреча была для обоих поразительно приятным событием. Эдмунд чувствовал, что она никуда не спешит и останется надолго. Возможно, ему удастся уговорить ее поужинать с ним. После ужина Руперт отвезет ее домой.

Нарвиц знал, чем было вызвано ее затворничество. Лиза рассказала ему о болезни своей матери и о положении Игната, полюбившего женщину и, одновременно, потерявшего работу. Он также догадывался о том, что она страдает из-за его физической неполноценности, возможно, как все тонкие натуры, ощущает его боль, но не это ее останавливает. Скорей всего была еще одна причина ее отстраненности – она не хотела навязываться и боялась пересудов. Ему же на сплетни было наплевать. Вокруг него уже давно не было живых людей. Была жива его империя, он ею управлял, но его дом был пуст. Своих друзей он знал наперечет, но даже их держал на расстоянии.

Она пока не понимает сути их отношений. Ей не хочется, чтобы про нее говорили – вот, нашла старого, богатого инвалида и пытается окружить его. Втирается в доверие, чтобы после его смерти получить кое-что. И ведь скажут! Но кто скажет? Лиза абсолютно одна здесь, в Греции, чьей молвы она опасается или стыдится? Она не людей боится, она себя боится. Перед собой хочет ясности. Двусмысленность не для нее. Есть ли в ее жизни мужчина и, если есть, какова его роль? Как он пережил ее затворничество длиною в целое лето? Нарвиц знал, что ее тревожат его планы в отношении нее. Поможет ли он ей с выставкой?

Лиза сидела напротив Эдмунда и ела дыню, закусывая ее кусочками белого хлеба, которые она обмакивала в вино. Своих вкусов или привычек, связанных с тем, как она выбирала и комбинировала еду на своей тарелке, она не стеснялась. Умея прекрасно готовить, она знала толк в еде и никогда не строила из себя жеманницу, питавшуюся одним воздухом. Тем более, она была голодна. Все летние месяцы ей приходилось экономить и сейчас она отводила душу.

- Ты готова? – прервал молчание Нарвиц.

- К выставке? – переспросила Лиза. – Готова. Картин достаточно, но сейчас еще не время. Пусть все успокоится и станет лучше, чем сейчас.

- Ты прямо как Вольтер: «Когда-нибудь все будет хорошо – вот надежда; Все хорошо сегодня – это иллюзия».

- Да, сегодня еще не все хорошо. Мама очень слаба, она с трудом выздоравливает, хотя с Игнатом я помирилась. Если он нашел свою единственную, это большая удача. Если он ошибся, ему будет больно. Я говорила ему: «Я хочу уберечь тебя от ошибок, я знаю, как», но он злился. Все, кто взрослеют, хотят совершать свои ошибки, а не учиться на ошибках своих родителей. Пришло время отпустить моего сына. Он сказал, чтобы я верила ему. – Лиза помолчала и добавила. – Ему-то я верю, а вот судьбе – не очень.

- Я предлагал тебе помощь, - напомнил Нарвиц. – Александру могли прооперировать с самой лучшей клинике в Европе, а для Игната я нашел бы работу. Почему ты отказалась?

- Потому что наш первоначальный договор касался исключительно выставки.

- Но договор можно изменить, дополнить. Я могу сделать больше, почему же тебе не принять мою помощь?

- Спасибо, но семейные проблемы я решу сама.

Нарвиц понял, что Лиза не подпускала его к членам своей семьи. Кто-то пока не заслуживал более близкого знакомства – он или они?

- Тогда следующей весной? – предложил он.

- Да, в апреле 2001 года, - Лиза улыбнулась, потянулась за кувшином с водой и наполнила пустой стакан. Взяла нож, подошла к кусту с розами, срезала несколько полураспустившихся бутонов, вернулась и поставила их в стакан с водой. Вытерла свой нож, подвинула стакан на середину стола и посмотрела на Нарвица. Она принесла ему красоту. Так просто. Ее благодарность.

- Пусть будет апрель, - в голосе Эдмунда прозвучало облегчение. Впереди много времени, они будут видеться. На большее он и рассчитывать не мог. «Видеть тебя живой, во плоти, слушать тебя – это как луч солнца, пробившийся в могилу» - именно так и добавить к этому нечего. Он сам впустил себе в душу жизнь и теперь «наслаждается» пыткой жизнью. Как неосмотрительно с его стороны! Какой дурак... - Хочу тебе предложить кое-что: давай перейдем на «ты». Думаю, наша дружба не нуждается в отстраненном «вы». На короткой ноге легче обмениваться мыслями.

- Согласна, - просто ответила Лиза.

- Почему ты начала писать картины? – Эдмунд не отрывал взгляда от стакана с розами.

- До того, как я встретила тебя, мое одиночество скрашивал Бог. Это он подсказал мне, что пришло время воспользоваться его даром. Мучения эмоциональные и бытовые он заменил муками созидания. Этим и спас меня.

- В творчестве мужчины превосходят женщин, но создавались все мужские шедевры ради женщин.

- Не всегда. Многие шедевры создавались во имя Бога. Не для церкви, а для Бога. В знак благодарности, что дал возможность творить красоту и избрал для мук.

- И, все же, мне кажется, что самые удачные работы были сделаны или в состоянии влюбленности в женщину или во время страданий по поводу утраты любви.

- Возможно, это касается поэтов и писателей. Это они пишут, обмакивая перья в слезы своих душ. – Лиза улыбнулась. – Некоторым влюбленность, наоборот, мешает. Отмеченному талантом почти невозможно быть счастливым. Созидание –

одно из величайших мучений. Но это величайшее мучение доставляет редчайшее по силе удовлетворение. Что сильнее – удовлетворение от физической близости или удовлетворение оттого, что удалось создать нечто прекрасное?

- Ты ответь мне. Ты же любила. – Нарвиц видел, что она была опытна в любви. Не так опытна, как те женщины, у которых было много мужчин, а по-другому. Она знала не мужчин, она знала любовь. Что-то подсказывало ему, что Лиза умела любить сильно, и бывала за это не раз наказана. Она должна была избегать мужчин, ведь никто не дал ей того, что она от них ожидала. Поскольку любовь приносила ей боль и страдания, ей следовало бы оберегать себя и от любви, но она была сильна духом и преодолевала душевную боль точно так же, как он преодолевал свою физическую боль.

- Когда удается поймать нужный цвет или настроение, или выражение – я счастлива почти до обморока. А потом столько энергии появляется, что кажется, можешь горы свернуть. Тогда я работаю часами, пока не засыпаю в кресле рядом с мольбертом.

- Может ли художник рассказать историю или он только запечатлевает момент? – поинтересовался фон Нарвиц, испытывая свою собеседницу. – Развитие природы, человека или действия останавливается на его полотне, превращаясь в пейзаж, портрет или натюрморт.

- Раньше художники пользовались символами, аллегориями или знаками. По-настоящему образованные люди могли считывать эту информацию и истории, изображенные на холстах, становились глубже и яснее, они оживали. Однако времена менялись, живопись, как и скульптура, перестали быть привилегией избранных. Художникам хотелось, чтобы их картины видели как можно больше людей. Слава ведь это признание не одного или нескольких, а толпы. Во Франции появились импрессионисты, в России – передвижники. Их картины выставляли в больших залах, открытых для всех. Что изменилось? Наряду с пейзажами, портретами и натюрмортами, художники стали писать бытовые сценки, причем, из жизни простых людей. Люди приходили поглазеть на самих себя. У художников появились толпы поклонников, которые ждали каждого нового полотна, как поклонники того или иного писателя ждали выхода его новой книги. Полтора столетия тому назад, книги, картины и театральные постановки были событием, они составляли неотъемлемую часть повседневной жизни разных сословий. Люди одевались, приходили на выставку или, по вечерам, приезжали в театр, и потом еще долго обсуждали увиденное. Иногда увиденное или прочитанное меняло их мировоззрение. Тупых, ленивых и бездушных и тогда было не меньше, чем сейчас, но было много таких, кто умел потреблять настоящее искусство. Поэтому мы говорим о золотом веке в живописи, о серебряном веке в литературе...

- А какой век у нас сейчас? – неожиданно спросил Нарвиц.

- Лживый.

- Так категорично?

- Да. Продолжим? – предложила Лиза.

- Давай, – согласился Нарвиц.

- Людей привлекали не только сценки из жизни, они приветствовали тот факт, что художники отошли от академических канонов и стали экспериментировать, свободней обращаясь с красками и кистью. Это оказалось настоящим волшебством, потому что свободные, разбросанные, видные любому глазу мазки, смогли передать характер человека, движение воды или облаков на небе. Ты же помнишь портрет актрисы Жанны Самари? Благодаря необычной манере нанесения мазков, Ренуар передал всю прелесть этой женщины. Даже синие завитушки не портят это полотно. А озеро с кувшинками или пикник весенним

днем на траве? А ирисы в саду или восход солнца? Клод Моне заставляет ощутить запах воды и солнца, он передает праздное настроение людей, устроивших пикник на траве. Как ты думаешь, почему картины мастеров раскупают с аукционов за десятки миллионов и прячут в частных коллекциях? Или выставляют их в музеях, считая национальным достоянием?

- Потому, что они – шедевры. Это очевидно.

- В каком смысле? – не унималась Лиза. – Потому, что они мастерски написаны талантливыми людьми?

- Думаю, что да, - Нарвиц не скрывал удовольствия, которое получал от разговора.

- Я так не думаю. Они настолько ценны, потому что вечны, а вечны потому, что написаны избранными. Картины – это материальные кусочки божественного. Картины, скульптура, музыка, поэзия – это вещественные доказательства того, что Бог существует. Это невероятно, Эдмунд, просто невероятно...

Нарвиц посмотрел на нее взглядом, который было трудно объяснить.

- Увы, великих умов и бессмертных гениев, о которых ты говоришь, сейчас нет, да и люди уже не понимают, что такое талант и от кого он получен. Одаренные люди осознают свою связь с Богом, но для простых смертных, перепутавших суету с жизнью, эта связь недоступна и, поэтому, смешна. Обладая набором поверхностных знаний и совсем не обладая вкусом, они уже не в состоянии оценить или понять настоящее искусство, поэтому с большим облегчением согласились называть искусством его имитацию. Сейчас офисы и богатые дома заказывают картины, которые называются «красочным пятном». Такое «красочное пятно» из размазанных линий, квадратов и клякс должно по цвету подходить к тому или иному интерьеру. Большого никто не требует. Уже давно не пишут хороших книг. Настоящая поэзия тоже исчезла, вместо нее появилась имитация – несколько невразумительных строк, которые являются потоком чьего-то слабого сознания. Причем, эти строки, претендующие на глубину, не имеют не только рифмы, но и ритма.

- Есть еще уличная поэзия, ругательства, выкрикиваемые под ритмичную музыку. Рэп называется. Некоторые треки не так уж плохи.

- Уродство жизни, облеченное в слова, - заметил Нарвиц и продолжил свою мысль. – Ты сказала, что искусство некому потреблять. Не искусство, талант некому потреблять, и это самое настоящее горе. Представь себе, родился человек с искрой божьего таланта, но кому он сегодня нужен? Так и не разгоревшись, искра угасает, освобождая место для целой толпы имитаторов. Не талант, а имитаторов повсюду рекламируют, делая их сказочно богатыми.

- Сотни дохлых светлячков, – тихо сказала Лиза.

- Это одна из смертельных болезней нашей эпохи, - с лица фон Нарвица исчезла улыбка и он в упор посмотрел на женщину, что сидела напротив него. - Людей направили по ложному пути, приведшему их в тупик. Им предложили заменить настоящее искусство не только имитациями, но и внешними эффектами, поражающими своей грандиозностью. Инсталляции буквально завораживают толпу, но, пока человек глядит на нее, его душа и разум молчат. В инсталляции нет смысла, есть только эффект. Все эти торжественные открытия Олимпийских Игр – уж, как только человеческая фантазия, подкрепленная современными технологиями, не изощрялась! И что? Кто-то помнит, что было на предыдущем открытии и что его тогда так потрясло? Нет. Промелькнуло и пропало. Промелькнуло за огромные деньги, которым можно было бы найти гораздо более полезное применение. Однако человечество требует зрелищ! Не смысла, зрелищ! Совершенно очевидно, что наша цивилизация доживает свой век. И причина

нашего исчезновения не в том, что мы изменили климат, сделали воздух и воду грязными, и даже не в том, что практически уничтожили флору и фауну, а в нас самих. Мы стали глупыми, жадными, бездарными и бездушными тварями.

Нарвиц сделал паузу. Не слишком ли для Лизы? Вдруг она все еще любит людей?

- Ты говоришь об имитации, – Лиза без усилий подхватила нить разговора, – но, ведь между нею и настоящим искусством был еще один этап. Ты же знаешь о вечной дилемме творческих людей? Что делать писателям, например? Продолжать писать умные вещи, знакомя читателя со сложными переживаниями и рассказывая им о сути жизни и явлений, или наоборот, опуститься до уровня народа и жить его незатейливыми интересами. Перед ними всегда стоял выбор – продолжать быть умными и талантливыми, или стать просто популярными. Пока они думали, искусство само прыгнуло вниз, сделавшись «современным», т.е. кляксами вместо картин и бессмысленными строчками вместо поэзии. Появилась также целая армия писателей или, лучше сказать, беллетристов, строчащих об эротике и преступлениях. Это не имитация, Эдмунд, это подмена. Что-то качественное подменили менее качественным и все в выигрыше. Народу не надо пыхтеть, стараясь понять, что хотел сказать умный автор или образованный, знакомый с символами, художник. Кто там будет в кляксах разбираться? Даже, если они и является отображением внутреннего состояния творившего.

- Искусство не само прыгнуло вниз, ему помог телевизор, этот великий отупитель мозгов и развратитель душ.

- С подменой понятий, между прочим, прекрасно справились советские идеологи, изобретя «социалистический реализм». Соцреализм – это когда выдают желаемое за действительное, это несуществующая реальность, в которой жили несколько поколений советских людей. Если на картине запечатлен нефтепровод и сильные молодые комсомольцы, которые его строят – это правдоподобная ложь. Нефтепровод был, но строили его не красавцы-комсомольцы, а узники ГУЛАГов, которыми была покрыта вся страна.

Вдруг Нарвиц задал Лизе неожиданный вопрос:

- Что бы с тобой стало, если бы ты очутилась в деревне? Если бы ты, горожанка, привыкшая к удобствам, вдруг оказалась в избе без удобств и развлечений, но с перспективой каждодневного и монотонного физического труда?

- В деревне – где? В Швейцарии или в России? – смеясь, уточнила Лиза.

- В Швейцарии скучно, – тоже со смехом ответил фон Нарвиц, – там коровы на человеческом языке разговаривают, когда просят их подоить. Там цветы раскрываются по расписанию. Давай возьмем экстрим – Россию.

- Только давай рассуждать исключительно теоретически, потому что в Россию я не хочу. Не моя страна – необъятные просторы давят на психику. Люди там – муравьи, а в Кремле очередной вождь, свихнувшийся от абсолюта своей власти, над «златом чахнет» и мир пугает. Так вот, возвращаясь к деревенской жизни – ничего страшного со мной не случилось бы. Это не наказание, просто другая, отличная от городской, жизнь. Жизнь на природе, среди менее притязательных людей и без некоторых удобств. Я бы не наложила на себя руки, поверь мне. Повернется жизнь так, я сделаюсь крестьянкой, буду вставать в пять утра, доить корову и делать то, что понадобится. Только хлев у меня будет теплым, корова – чистой, а изба – прибранной. А на самом видном месте в избе будет стоять большой букет полевых цветов. Деревенскую жизнь клянут из-за бедности, а не хотят сказать, что, на самом деле, стоит за этой бедностью. За ней стоит душевная лень и безразличие. Жизнь у деревенских не столько бедная, сколько уродливая. Некоторые будут смотреть на загаженный туалет и никогда его не опорожнят и не

вычистят, будут смотреть на потрескавшуюся стену и никогда ее не побелят. Они рождаются в таких условиях и, поэтому, считают их нормальными. Они проживут жизнь и умрут с таким же грязным туалетом и потрескавшейся стеной. Дай им немного денег, они потратят их не на то, чтобы перенести туалет со двора, проведя канализацию, или отремонтировать избу, или вырыть колодец поближе к дому, а на то же привычное уродство, на пьянство или просто спрячут под матрас до лучших времен. Что делать, если вместо красоты, в душах одна разруха?

- Как сказал Стефан Цвейг: «У Диккенса романы заканчиваются свадьбами и герои поселяются в домике с садиком. Кому из героев Достоевского все это нужно?»

- Думаю, Цвейг имел в виду нечто другое. В тех краях, о которых мы с тобой говорим, странные люди живут. Им подавай или все, или ничего. Или подняться до самых высот святости и чистоты, или мордой в грязь и по уши в грехах и пороках. Середины, так важной для европейцев, для россиян никогда не существовало. Середина – это индивидуальность. Народ же на земле Достоевского к индивидуальности не приучен. Это в Европе семьи аристократов королям противостояли и знали свои права. В России же народ скопом жил и скопом падал ниц перед царями, которые и россиянами-то не были. Слава богу, что в Украине были островки свободы, где находили пристанище индивидуальности, но и они делали огромные исторические ошибки.

- Ты имеешь в виду – или дворец до небес, или в беспросветной нищете и уродстве? Аккуратный диккенсовский домик шансов совсем не имеет?

- Нет, не имеет.

- Почему же?

- Потому что ребенку в самом раннем детстве надо давать красивую вещь в руки и рассказывать ему не только, что хорошо, а что плохо, но также, что уродливо, а что красиво. Его надо приучать видеть красоту – закаты, цветущие деревья, ведь есть же в деревне деревья! Красота формирует мировоззрение и может изменять ход мыслей.

- Ты это серьезно? – с сомнением спросил Нарвиц.

- Да, серьезно. Восприятие красоты – очень личное переживание. Красоту нельзя воспринимать сообща. Она должна зацепить тебя, войти в тебя и поселиться в твоей душе. Со временем она сформирует твои вкусы, а затем, твою индивидуальность. Повзрослев, ребенок будет стремиться к красивому, что является естественным и разумным, а за разумными мыслями следуют разумные поступки. Но пьющие от тоски родители не в состоянии приучить своего ребенка к красоте и развить у него вкус.

- Тоска происходит от окружающего уродства и от сознания собственной ничтожности. Разве это не замкнутый круг? – продолжил ее мысль Нарвиц.

- Так в том-то и дело, что под влиянием красоты, человек перестает быть рабом! Рабство происходит из этого самого уродства. Для преодоления уродства, что тебя окружает, нужно воображение, усилия и труд. Изменить уродство на красоту – это уже поступок. Это освобождение духа и, заодно, избавление от тоски. Но для подавляющего большинства гораздо легче принять рабство и спокойно прожить в окружении нищеты, уродства и грязи, оставив после себя только длинную дорожку мусора.

- Ты, права, однако наш путь к выживанию лежит не просто через красоту, а исключительно через естественную, полезную красоту, - заметил Нарвиц.

- Именно! Представь, сидит в деревне девчонка. Хата – одна комната и кухня. Все примитивное и загаженное. Образование минимальное, развлечений вокруг

никаких. Воли, что происходит из разума, тоже нет, однако зов природы громко звучит в ее неоформившемся сознании.

- Одним словом, абсолютно неразвитая индивидуальность.

- Так вот, попадает такой неискушенной девчонке в руки глянцевый журнал, а там, на разворотах – фотографии полунагих женщин в бриллиантах, протягивающих тебе бесподобный красоты флакон с духами. А рядом парень с влажными глазами, который смотрит так, что можно умереть. Перевернешь страничку, а там постельное белье с кружевами. Еще немного полистаешь, а там коты, едящие кусочки куриного филе с фарфоровых тарелочек Версаче. В том же журнале статьи об умопомрачительном сексе и дорогих путешествиях.

- Разве не красиво то, что ты перечислила? – спросил с хитрецей Нарвиц.

- Журнал, что попал в руки деревенской девчонке, тот же социалистический реализм, только навыворот. На этот раз полуправда и полужошь, скрытая в нем, является пропагандой западного «цивилизованного» мира. Кто ей объяснит, что эти журналы не про настоящую жизнь, что они – тяжелый наркотик, способный вызывать галлюцинации? Тот парень, что смотрит с фотографии влажными глазами, никогда ей не встретится в жизни и не станет ее мужем, потому что он, скорей всего, гомосексуалист. Его можно купить за деньги тем, у кого их много. Парень – тоже товар, наравне с одеколоном и яхтой. Он дороже одеколона, но гораздо дешевле яхты. Девушка, лежащая в пене кружев, не имеет ничего общего со своим реальным прототипом. Ту, что на картинке, пропустили не только через многочисленные фотофильтры, но и через постель тех, кто принимает решения. Вероятно, ее убудут лечить или от булимии, или от анорексии, или от наркотической зависимости, или от депрессии, вызванной тем, что ей надо спать с кем ей скажут или с кем обстоятельства обяжут.

- А кошка? – улыбнулся Нарвиц.

- Кошку можно кормить и вареной рыбой с обыкновенной пластмассовой тарелки, но кошку надо любить.

- Поставлю вопрос по-другому: разве эти красивые журналы не формируют вкус и эстетическое восприятие, к которому надо стремиться? Ты же сама мне доказывала, что красота – это мать нравственности. От красоты – до разумных поступков.

- Дело в том, что они не просто красивы. Они рекламируют дорогую красоту или роскошь, что является противоположностью естественной или полезной красоты, которую ты упомянул. Дорогая красота или роскошь не спасает, а развращает и разрушает мир. Кто объяснит нашей деревенской девчонке, – продолжала Лиза, – что человека в современном мире специально поработили деньгами и вещами? Если ты недостаточно успешен для роскоши, ты неудачник. Как будто вынули душу, заменив ее Rolex'ом с бриллиантами! Это и есть подмена ценностей. Что такое красота? Природа, животные, некоторые люди, картины, книги, музыка. Свежеиспеченный хлеб, поле с пшеницей, наряженная елка к Рождеству, цветущее дерево. Но нет, человек берет топор и пилу и, вот, деревья уже нет, а есть баснословно дорогая кровать с завитушками. К обладанию такой кровати нас и подталкивают, пытаюсь убедить в том, что все остальное не достойно внимания успешного человека! Когда измененный климат начнет нас убивать, никакая гора Rolex'ов нас не спасет, а несколько деревьев могли бы. Деньги, ложный престиж и вещизм заняли место исчезнувшего разума и умерших душ.

- Ну, хорошо, и изба чиста, и на столе большой букет полевых цветов, а вокруг каждый день одно и то же. Разве не тоскливо? – подначил фон Нарвиц.

- Природа не может быть тоскливой. Пусть труд в деревне однообразный и тяжелый, но разве в городе та же работа в офисе или на предприятии не

однообразна? Конечно, вечером можно пойти в бар, ресторан, театр, ночной клуб, но повторяющиеся развлечения тоже становятся однообразными. Поэтому и разнообразят их наркотой. Тоскливым может быть только сам человек. Но есть же книги! Компания великих развлечет лучше любой тусовки, но это только в том случае, если ум еще в живых числится.

- Ты – идеалистка, - заключил фон Нарвиц.

- Микеланджело тоже идеалистом был. Если бы не был, не создал бы свою «Пьету». Скорбящая мать, утратившая сына. Почему утратила? Потому что так решили облеченные властью люди и Бог. Между прочим, вознесение Христа довольно неудачная сказка. Я бы этому мифическому Богу сердце вырвала за смерть своего сына, а она скорбит. А сколько по всему свету скорбящих матерей, утративших своих сыновей ни за что, в войнах на чужих землях?! Из-за прихоти или привидевшейся миссии очередного маленького диктатора? Слава Богу, что существуют еще идеалисты, которые, в противоположность соцреализму, выдают действительное за желаемое. Без них совсем невыносимо было бы.

- К счастью, мы исчезнем... - медленно проговорил Нарвиц. – Будут войны. Будет большая, злая, фантастически омерзительная война. Войны нужны человечеству, чтобы сократить свою численность, умыться слезами от горя и потерь, очиститься от прошлых грехов, стать лучше. Пообещать больше никогда не убивать, принять всякие там хартии, объединиться и примириться. Возродиться и восстановиться.

- Я никогда не могла понять – с чем именно, вразрез с логикой и моралью, люди примирились после Второй мировой? С тем фактом, что, победив одно зло, они отдали пол-Европы другому злу? Вот просто так, взяли и отдали целые страны под оккупацию. И теперь потомки того зла встают с колен, готовые снова начать собирать урожай смертей по всему миру.

- Я тоже этого не понимаю. – Эдмунд добавил вина в бокалы. – Через десять лет после войны никто никаких обещаний уже не помнил. Объединились верхи, продвинув глобализм, круговую поруку и корпоративную коррупцию. Низы, как и раньше, платят все возрастающие налоги, перебиваются с гроша на копейку, торгуют своими знаниями, своими жизнями и своими органами. Народ буквально давят налогами, потому что казна пуста. Из казны эта сучья раса, политики, крадут, а их дружки, что спонсировали их избирательные кампании, прячут свои миллиарды в оффшорах. Спрятанные от налогов деньги помогут им нанять армию самых лучших, но бессовестных адвокатов, которые отмоют их от любых преступлений. Верховенства права, то есть одинакового для всех правосудия, больше нигде не существует, даже в так называемых цивилизованных странах. Это химера! Впрочем, как ты говоришь, ничего не ново под Луной. Народы всегда обогащали тех, кого приводили во власть – будь то монархи или политики. Однако теперь всякой гадости стало больше. Все хорошие намерения протухли и прогнили. Равенства и справедливости тоже не случилось. Хорошие намерения не выдержали состязания с большими деньгами. Герои недавних войн просят милостыню и сходят с ума не столько от ужасов войны, сколько от того, что их заставляли делать их политики и что скрывалось под подоплекой очередной войны. Мир, после Второй мировой, принес успокоенность, благополучие и новые злоупотребления, выросшие в геометрической прогрессии. И снова спад и опять развиваться некуда. Тогда настает время большой Войны. Любая война списывает старые долги и приносит новые барыши. Военные конфликты и войны обогащают политиков, частные армии и спекулянтов оружием. Ты заметила, войны становятся все кровавее и гадливее? Это потому, что на этот раз надо убить больше людей, чем в предыдущей войне. Произведено больше дорогого оружия, которое

должно приносить барыши. И так, пока не придет естественный конец или не появится какая-нибудь зараза, что умертвит людей гораздо эффективнее, чем любая война.

- Зараза предпочтительнее, - заметила Лиза, - она убьет всех, в том числе и тех, кто убивает, кто погряз во вранье и кто крадет, заставляя народы платить.

- Вина тут общая, - возразил фон Нарвиц, - тут не только сучья раса виновата. Народы тоже виноваты. Урок прост, но усвоить его пока не получается: если вы отдали свой голос за воров, они вас ограбят. В этот раз вас обокрали, не повторяйте ошибку в следующий раз. Но люди не понимают! В том, что народы не в состоянии избрать себе достойных правителей – еще один симптом той большой болезни, что приведет наш мир к концу.

- Думаешь, человечество выживет? – спросила Лиза.

- Не знаю. – В голосе Нарвица прозвучало сомнение. – Круг или виток нашей цивилизации подходит к своему завершению. Я понятия не имею, сколько мы еще протянем. Агония может затянуться, а может все произойти очень быстро. Хочется думать, что человечество не выживет нигде. Пусть Земля долго простоит без людей. Она будет отдыхать, как поле под паром. Перерабатывая, поглощая, выплевывая мусор и яды. Потом снова появимся мы или похожие на нас.

- Они снова попробуют с нами? – Лиза поежилась.

- Тебе холодно? Руперт может принести плед.

- Нет, это я так, представила...

- Попробовать с нами, сделав нас лучше? – Нарвиц пододвинул к себе стакан с розами. – Человек есть человек. Отбери у него деньги, власть, веру в ложного бога, тщеславие, наркотики, алкоголь, секс – что останется? А ведь по пути ко всеобщему концу продолжают звучать голоса одиночек, умоляющих человечество опомниться, а не бежать наугад, хватая на лету игрушки, которыми их снабжает так называемый технологический прогресс. Кто их слушает? Они предупреждают людей, что, рано или поздно, они прибегут к краю бездны, но не заметят его, потому что смотреть будут себе в руку, где зажат их мобильный телефон. Их жизнь проходит там, среди картинок и фейковых новостей. Они больше не хотят смотреть вокруг – на вырубленные леса, высохшие реки и утопающие в мусоре побережья. Правда всегда пугала людей. Они будут падать в бездну, но слушать они будут не свой разум, а голос робота в своем мобильном телефоне.

- Мы сами виноваты в том, что из наших жизней исчезла правда, не говоря уже об истине. Мы поклоняемся ложному богу и голосуем за лидеров, которых не знаем. Один раз в четыре года в стране, где подошло время выборов, организуют для народа массовый психоз. Людям начинают показывать лица тех, кто был заранее одобрен политическими партиями и финансовыми мешками, которые будут спонсировать гонки кандидатов. В телевизоре начинают мелькать лица чужих народу лидеров, их биографии, их дети, их жены, их любовницы, их собаки, их скандалы, их речи, из обещания. За пару месяцев предвыборной кампании они становятся родными. Нам кажется, что мы не только знаем их, но и уже любим. И вот тогда мы начинаем делиться – кто за и кто против. Последний месяц кампании всегда посвящен ненависти. Народ той или иной страны превращается в ненавидящих друг друга избирателей. Включаясь в чужую игру и легко становясь жертвами массового психоза, мы каждый раз подтверждаем тот факт, что мы – рабы, которым можно скормить изготовленных на заказ вождей. Когда мы отказались от самих себя? Когда подчинили свою волю чужой диктатуре? Сколько десятилетий тому назад?

Задав этот вопрос, Лиза подумала, что он повиснет в воздухе, став риторическим, но Нарвиц ей ответил:

- Это случилось не десятилетия, а тысячелетия назад. Возвращаться назад уже поздно. Надо дожить этот виток цивилизации с теми ошибками, которые совершили наши далекие предки, согласившись поклоняться не Богу-творцу, а богу, навязанного им самозванцами, объявившими себя заместителями своего бога на Земле. Бога, который устрашает и карает, для кого верующие – испуганная, послушная и бессловесная паства. Бога, чьи заместители собирают дань не для того, чтобы помочь страждущим, а чтобы облачиться в золото. Бога, чьи заместители, вместо веры в Бога, укрепляют у своей паствы страх перед светской властью. Именно по этой дорожке мы дошли до того места, где очутились сегодня.

- Я подумала о первых развитых цивилизациях и Богах... О людях, что были способны создавать шедевры без помощи современных технологий. Но кто такие люди? Почему они лишены свойств своих богов? Для меня это загадка. Почему нас сделали такими ограниченными, мелочными, злыми, жадными, падкими на сомнительные удовольствия? Зачем такие несовершенные и злые создания были поселены в такой рай, как Земля? Чтобы по прошествии десяти тысяч лет уничтожить его? Когда боги нас покинули, все изменилось. Человек остался один на один с собой, взял себя за руку и повел к краю бездны.

- Человеку не дано оценить то, чем он обладает. – Нарвиц смотрел вдаль, наблюдая за тем, как садится солнце. – Возможно, правильно говорят, что есть только один истинный рай и этот рай потерян.

- Потерянный рай? – переспросила Лиза. – Ты имеешь в виду древние цивилизации? А что, по-твоему, станет главным в нашей цивилизации?

- Великие технические достижения конца 19 – начала 20 века. Когда в наших домах под потолком загорелась электрическая лампочка, а на журнальных столиках появились телевизоры, когда на дорогах запыхтели первые автомобили, а по дну океана проложили кабели, давшие нам возможность мгновенно получать новости с других континентов, когда мы проглотили первую таблетку пенициллина, покончив со смертельным исходом от инфекций и воспалений, а остальные болячки нашего организма стали видны при помощи рентгена. Однако все эти достижения принесли не только движение вперед, но и движение ко всеобщему концу. Человечество даже свои достижения приспособило для собственного уничтожения. В кровавом 20 веке человечество также узнало, что такое страшные войны, забравшие десятки миллионов жизней, что такое концлагеря, что такое ядерная бомба, что такое нацизм и коммунизм, и что такое катастрофа на ядерной станции.

- А в 21 веке?

- Он только начался. Думаю, что на протяжении этого столетия главными станут деньги, обман, расширение глобализма в самом отвратительном его виде, коррумпированные политические партии, которые переживут свой последний и финальный для них кризис. Постепенное замедление развития экономик и стран ради спасения планеты. Обнищание народов, от которых попытаются избавиться. Дальнейшее и трагическое изменение климата, что повлияет на жизни и судьбы миллионов людей. Терроризм, тотальная слежка, сбор персональных данных, вирусы из лабораторий и зависимость от компьютера. Я имею в виду не личную зависимость какого-нибудь придурка, я имею в виду то, что все жизнеобеспечение и вся безопасность человечества привязана к компьютеру. Это самая короткая дорога к концу.

- С этим нам жить и умирать, - подвела итог Лиза.

- Кстати, ты заметила, что время уплотняется? – спросил фон Нарвиц. – Со времен Древнего мира (от 3000 года до н.э.) до падения Римской империи (5 в. н.э.) прошло 3500 лет. Средние века длились тысячу лет. Затем наступило то, что

называется Новой историей – 300 лет, новейшей истории – немногим более 120 лет. Каждый последующий период становится короче, то есть, мы ускоряем наше движение к какому-то рубежу.

- Ты и я – часть этой последней короткой цивилизации. Пройдет время, кто-нибудь раскопает твой дом или найдет его под водой. Кто-то поймет, как этот дом был построен.

- Кто-то найдет мой скелет и поймет, что я был болен, - невесело констатировал фон Нарвиц.

- Мы все больны, Эдмунд. Больные люди на больной планете.

- Но что же тогда жизнь? Жизнь во время похода человечества к своему концу?

- Как сказал де Виньи, жизнь – это мрачная случайность между двух бесконечностей.

- Если так, то тогда надо с самого начала отринуть мораль, знания и любовь. Если жизнь всего лишь случайность – зачем стараться? Прожить ее кое-как, не напрягаясь, получать, по возможности, хоть какие-то удовольствия и все. Зачем ты рисуешь, зачем я живу?

- Иногда я спрашиваю себя – сказала Лиза, - как мы можем наслаждаться жизнью, зная, что умрем? Как можем получать удовольствие от красоты, от вина, от любви, будучи свидетелями собственного медленного угасания, что происходит буквально у нас на глазах? Наше тело дряхлеет, теряя мышечные клетки, их место занимает жир, кости без скрипа не двигаются, слух слабеет, зрение портится... С первых разумных лет мы знаем, что умрем, и потом, всю жизнь, наблюдаем за процессом своего старения. Это трагедия, к которой человек относится удивительно спокойно.

- Человек относится удивительно спокойно не только к собственному неизбежному концу. Он не паникует также по поводу того, что живет на планете, которая ни к чему не подвешена и ни на что не опирается. Она крутится в безвоздушном пространстве, а мимо нее постоянно проносятся огромные глыбы, могущие в любое мгновение умертвить все живое на этой планете. Вот в этом и состоит главная загадка жизни. Возможно, если бы человек не знал о том, что умрет, он был бы лучше. Он был бы более простодушным, как животные и звери. Если бы он свою жизнь не считал случайностью, он и себя не считал бы всего лишь случайностью. Он мог бы померяться силами со своими пагубными пристрастиями, выстроив разумное существование на Земле.

- Но, даже не зная о смерти, он не мог бы не замечать признаков собственного увядания. Это навело бы его на мысли о конце.

- Ты слишком требовательна для этого мира, поэтому он отталкивает тебя, - сказал фон Нарвиц. – У тебя на одно измерение больше, чем нужно. Кажется, Гессе писал о людях с одним лишним измерением? Кто хочет радоваться сегодня жизни, тому нельзя быть такими, как ты и я. Мы с тобой вместо пикирования требуем музыки, вместо удовольствия – радости, вместо баловства – настоящей страсти. Для нас с тобой этот мир – не родина.

- Где же наша родина, Эдмунд? – с надеждой спросила Лиза.

- В нас самих, в том, что мы создаем, в твоих картинах, в моих делах. Твой мир – в твоём сыне, в твоём желании любить, в твоём умении создавать красоту.

Существенно только то, что ты делаешь и любишь.

- Другими словами, мой мир в одиночестве?

- Одиночество - это самая высококачественная форма существования.

- Разве я спорю? Я уже давно избегаю тех мест, где надо выплескивать свои эмоции и демонстрировать свою причастность к происходящему.

- У тебя реакции исключительно сильные и правильные, - заметил Нарвиц. - Они даже не то, что правильные, они – единственно верные. Но ведь живешь ты в стерильных условиях. Ты почти что эксперимент. Вдали от Родины, где сейчас все плохо, вдали от семейных проблем, у тебя нет маленьких детей, надоедливого мужчины и ты, наконец, не встаешь каждое утро, чтобы зарабатывать на пропитание. Есть время подумать и отточить свои мысли и реакции. Такая жизнь – роскошь.

- Это моя жизнь, - в голосе Лизы прозвучал вызов, который она тут же погасила. - Сейчас она меня устраивает. Стерильное существование в противовес моей предыдущей жизни, когда я крутилась в водовороте чувств и желаний. И того, и другого было с избытком, ума не хватало. Сейчас гейзеры в крови успокаиваются, начинается настоящее творчество. Если бы моя жизнь не была сейчас стерильной, я не смогла бы писать картины.

- Все талантливые люди – эгоисты. Им наплевать на старость и болячки родных и близких. Они одержимы. Они считают, что каждый должен прожить свою жизнь, а не красть жизнь у другого. К тебе тоже придет старость, настанет твое время немощи и, поэтому ты используешь свою молодость не на сострадание, а на созидание. Верно?

- Отчасти. «Надо возделывать свой сад».

- Опять Вольтер? Твой любимый? Ну что ж, тогда еще кое-что из него: «Наш мир безумен и жесток, но установим границы нашей деятельности и попробуем выполнять наше скромное дело как можно лучше».

- Вольтер расчистил нам дорогу от иллюзий. Я его очень люблю, – призналась Лиза. Казалось, она немного колебалась, но потом, взглянув фон Нарвицу прямо в глаза, решилась.

- Эдмунд, я хочу тебя попросить кое о чем.

- Проси, - с готовностью ответил фон Нарвиц.

- Я хотела бы написать одну или две картины в твоём саду. И твой портрет. Если у меня получится, тогда на выставке в следующем году мы сможем представить семнадцать картин.

- Конечно! Не уверен насчет портрета – кому он нужен? – но в саду рисуй, сколько хочешь. Я буду несказанно рад!

- Спасибо, но на портрете я настаиваю! – не скрывала своей радости Лиза.

- Ладно, я подумаю. Приезжай, работай, оставайся с ночевками.

- Мне надо будет по вечерам уезжать домой. Я не одна.

- Что значит – не одна? А с кем же ты? – всполошился фон Нарвиц.

- С компанией. У меня кот и кошка. Амадеус и Джозефина. Я не могу оставлять их на несколько дней не кормленными.

- Привози и своих котов. Они не помешают.

Появился Руперт и объявил, что ужин готов. Он подошел к коляске, в которой сидел Эдмунд, и покатил ее по дорожке к дому. Лиза поднялась и последовала за ними. После захода солнца стало прохладней. Она обняла взглядом сад, взглянула на звезды, вдохнула полной грудью посвежевший вечерний воздух и тоже медленно пошла по направлению к дому.

В своей комнате на втором этаже Эдмунд с помощью Руперта переодевался к ужину. Разговором он остался доволен. Особенно последней его частью. Кажется, его одиночество, которое он рекламировал как самую высококачественную форму существования, подходит к концу.

Глава 15.

Любовница и жена.

Джордж сидел в своем офисе и думал о том, что уже давно не виделся с Лизой. Он ей звонит, но она постоянно чем-то занята. Неужели происходит то, чего он так боялся? Скорей всего, она снова обходится без него. Как небольшая, но верткая змейка, она не давалась ему в руки. Впрочем, она была не единственной его проблемой, его фирма, занимающаяся посредничеством в торговых делах, все больше хирела и увядала.

К своему ремеслу, в противовес женщинам, Джордж относился довольно поверхностно, глубоко не вникая в суть мировых перемен, связанных с торговлей. О глобализации он имел смутное представление, хотя она непосредственно касалась его ремесла и открывала дополнительные возможности для тех, кто обладал достаточными средствами. Насыщая третьи страны разрекламированным мусором, без которого те прекрасно обходились столетиями и, без особого ущерба для себя, могли бы прожить и дальше, большие транснациональные корпорации преследовали свои цели. Взамен мусора и обещаний, они вынуждали развивающиеся страны отказываться от своих традиций - привычки выращивать урожай на своих землях и пастись скот. Вместе с привычными занятиями менялись или исчезали также культурные традиции. Когда с традициями было покончено, в обмен на шипучку коричневого цвета, алкоголь и оружие, у населения третьих стран отбирали природные богатства, самостоятельность, а затем, и независимость. Ничего в этом мире не изменилось – международные корпоративные шулеры продолжают менять бусы и огненную воду на то, что никогда не теряет ценность. Обладая астрономическими капиталами, они, тем не менее, не обременяют себя решением таких проблем, как элементарное распределение воды и продовольствия. Голодающих и страждущих можно было бы легко накормить, ведь только в одной Америке каждый год выбрасывают столько продуктов, что можно заполнить 730 футбольных поля. Но нет, если накормить, будет утерян контроль. Голодных контролировать гораздо легче, чем сытых. Сытые уже не будут бежать за куском хлеба, они остепенятся, захотят сначала читать, потом начнут думать, а потом до них дойдет, что транснациональные корпорации являются не их благодетелями, а их поработителями, и что ярмо это следует скинуть. Нет, этого допустить нельзя, пусть лучше думают, где взять воду, пропитание и экспериментальные вакцины, чтобы справиться или нет с очередной заразой.

Итак, глобальными масштабами Джордж не мыслил, предпочитая думать о себе, как о торговце средней руки. Принося вред, в основном, только своей фирме, для остальных он был безвредным посредником. Накручивая на цену производителя слишком высокий процент он убил немалое количество сделок, которые могли принести ему прибыль, своими руками. С его стороны это не было жадностью, это было глупостью, продиктованной желанием сорвать куш, который позволит некоторое время ничего не делать и жить без забот. Он рассчитывал на то, что найдется какой-нибудь новичок в торговом деле или закоренелый дурак, готовый заплатить посреднику неслыханно высокий процент. Однако таких было все меньше. С приходом Интернета посредничество быстро теряло свое бывшее значение и Джордж это понимал. Зачем кому-то отстегивать посреднику три процента с продаж, если можно зайти на сайт производителя, познакомиться с его продукцией и заключить контракт напрямую, не вставая из-за своего рабочего

стола? В начале 21 века посредничество стало приобретать совершенно другой смысл. Оно теперь все больше касается больших денег, слияния компаний и продажи акций. Посредничество не потеряло также своего значения на рынках оружия и наркотиков, где велик риск и где не только продавец, но и покупатель хотят скрыть свое имя и свое положение. Посредничество по-прежнему необходимо и там, где существуют связи между криминалитетом и государственными служащими высокого ранга, которые, в погоне за наживой, помогают миру стать хуже. Джордж от таких больших игр был далек.

Во время знакомства с потенциальными клиентами, ему приходилось привирал, добавляя веса своей скромной компании и называя ее «зонтиком», то есть, фирмой с представительствами в других странах. Что поделаться, даже такому, как Джордж, надо было поспевать за преуспевающими, ворочающими капиталами и суверенитетами, транснациональными гигантами.

Неужели его эра подходит к концу? И, если так, не повод ли это обеспокоиться своим ближайшим будущим?

На стенах комнаты, где, прохаживаясь, дымил кубинской сигарой Джордж, висели неплохие гравюры узких улочек Плаки. Напротив двери находился длинный стол для переговоров, а к стене был придвинут узкий комод, на котором были расставлены серебряные вещицы. Парад серебряных безделушек открывала пузатая, невысокая ваза, в которой стоял букет мастерски сделанных искусственных цветов; замыкала строй серебряная пепельница, сделанная в виде раскрытой человеческой ладони. Она была до краев полна медными монетками. Джордж не любил носить мелочь в карманах, и, каждый раз, выгребал их в пепельницу. Подойдя к комоду, он зачерпнул горсть медяшек, долго смотрел на них, потом медленно раздвинул пальцы. Монетки со звоном стукнулись о полированную поверхность комода, отскочили от нее и попадали на ковер, исчезнув в мягком, пушистом ворсе. Эти медные кругляшки напомнили ему камешки с пляжа; он любил набирать их полную пригоршню и медленно высыпать на Лизину шелковистую кожу. Она ежилась и смеялась, камешки были горячие и гладкие, они скользили вниз по ее животу и груди, падая на песок, где тут же прятались среди своих одинаковых собратьев. Ее нежный смех заставлял его тело вибрировать, покорно и быстро отзываясь на его желание. Он смеялся в ответ и уходил за выпивкой. Спокойно лежать рядом с ней было пыткой.

Тогда они провели два незабываемых дня на Эгине. Это было в конце мая, когда жара еще не установилась, а по ночам прохлада ласкала их разгоряченные тела. Джордж уж не мог припомнить, в каком это было году – четыре, пять лет тому назад? Нет, раньше. Семь лет назад их роман был на самой высокой точке своего бытия. После этого, их влюбленность и восторженность по этому поводу пошли на убыль. В его сознании, во всяком случае. Лиза продержалась гораздо дольше. Как много она тогда, на самом пике страсти, значила для него? Ничего, немного или больше, чем немного? Она значила для него больше, чем другие женщины, но недостаточно, чтобы разрушить привычный уклад жизни и жениться на ней. Хотя, кто знает, возможно, в его нерешительности есть и ее вина. Она никогда не закатывала скандалов и ничем его не шантажировала, как это сделала бы любая другая на ее месте. Если бы она тогда, на самой высокой ноте, проявила настойчивость, он бы развелся и женился на ней... Да, и к лучшему, что не развелся и не женился. Его брак не останавливал Джорджа от новых походов, свиданий и романов, но стань Лиза его женой, изменять ей он бы не смог. Его многолетний брак, как старая разношенная туфля – и носить уже не хочется, и выбросить жаль. На этой туфле полно царапин и уже никому не важно, появится ли еще одна. Кто на старые туфли обращает внимания?

Ему вспомнилась одна колдовская ночь там, на Эгине. Он и Лиза, уставшие после любовных утех, лежали на кровати, развернутой к балкону. Двери были широко распахнуты. Ночь была прохладная, звездная и душистая. В ту ночь, во время их близости, Лизе вдруг показалось, что она выпорхнула из своего тела. Она сказала ему, что парила в звездном небе и, взглянув вниз, увидела их обоих, распростертых на простынях. Он был, без сомнения, искусным любовником, однако никто из женщин раньше не говорил ему, что он был способен на такое – на время разлучить душу с телом. Лиза спокойно, без дрожи, со слегка уловимым удивлением в голосе, говорила, как она вернулась в свое тело, ощутив холодок, но потом согрелась. Среди звезд у нее захватывало дыхание, она хотела лететь дальше, однако ей было немного боязно и она вернулась.

Джордж усмехнулся. Тогда он про себя посмеялся над ее выдумками. Перед ней же он не упускал случая предстать эдаким колдуном, ворожащим на любви и страсти. Он дурачил и баловал ее. Дурачил небылицами, представляясь богом любви, которому под силу отправить женщину парить среди звезд. А баловал он ее собою, этого не отнимешь. Она таяла в его объятиях, теряла себя и обретала вновь, но только уже на далеких синих небесах. Тогда Лиза сказала ему еще кое-что, незабываемое. Его делом было верить ей или нет, подчас такие слова легко срываются с языка, но, на самом деле, ничего не значат. Она сказала:

- Знаешь, Джордж, я вдруг перестала бояться смерти. Раньше я страшно боялась умереть, потому что не знала, что значит любить. Теперь знаю. Не важно, что мы не женаты. Вполне достаточно одной такой ночи.

Немного помедлив, как будто устыдясь своей откровенности, она наизусть прочитала ему несколько строк из Шагала:

Я хочу, и не хочу назад –
в никуда.

Крылья мои
складываются сами собой
и опять раскрываются, чтобы тебя подхватить
и вознести над дорогой моей – на пути к небесам.
И, покуда, мой длится полет -
тебя я ищу.

Где ты?

Я стираю руки.

(Марк Шагал, «Столько лет»).

Джордж скривил губы. Тогда, на Эгине, он не поверил женщине, желавшей его любить.

Он подошел к своему письменному столу, достал ключ и отпер специальный ящик, в котором хранил письма и документы, не предназначенные для посторонних глаз. Там же были и несколько писем, написанных ему Лизой. Она отправляла их по факсу на его личный номер. Джордж не был сентиментальным, но несколько писем он сохранил. Зачем? А затем, что в них эта женщина писала о своей любви. Писала настолько честно и открыто, что у него иногда слезы на глаза наворачивались. Поколебавшись, он достал и выложил перед собой листки, исписанные рукой женщины, так страстно его любившей. Он сделал копии,

потому что бумага для факсов со временем бурела и строчки на ней исчезали. Вот она поздравляет его с днем рождения:

«С днем рождения, дорогой! Моему сногшибательному, с прекрасным чувством юмора, нежному, сексуальному, щедрому и любимому мужчине!

Я тебя обожаю. Я никогда не любила прежде так, как люблю тебя. Это самое сумасшедшее и радостное чувство, которое мне когда-либо приходилось испытать. Будь доволен, удачлив и здоров!»

Пока Лиза была до одури влюблена в своего Джорджа, она писала ему коротенькие записочки. Живя надеждой и верой в их совместное будущее, будучи с утра до вечера занята их совместными проектами, она не испытывала потребности сочинять длинные письма. Письма она стала писать позже, когда поняла, что Джордж ей лгал, что никакого совместного будущего у них не будет. Ей понадобилось три года, чтобы разгадать его вранье. И, все же, она продолжала любить его.

В феврале 1994 года у нее еще были иллюзии...

«Любимый!

Хочу напомнить тебе, с чего началось наше знакомство. Два человека начинают строить свое будущее с того, что рассказывают друг другу о своем прошлом. Это взаимное откровение ложится в основу их доверия друг к другу. Я не очень расспрашивала тебя о твоём прошлом, мне было все равно, но я была честна с тобой насчет будущего.

Помнишь наше первое свидание без посторонних глаз, когда я прилетела в Афины на рождество? Ты приехал за мной в гостиницу и повез меня завтракать в кафе на побережье. Нам не хотелось расставаться и наш завтрак затянулся на несколько часов. Тогда я тебе сказала вот что:

- Джордж, я знаю, что ты женат. Если ты не планируешь расстаться со своей женой, не стоит начинать наши отношения. Я не хочу быть любовницей.

И что же ты мне ответил?

- Мой брак мертв, причем уже давно. Так или иначе, между мной и моей женой нет близости. Мы формально не разведены, но сохраняем видимость семьи ради дочерей. Все, что мне надо – это время, а нам с тобой нужны деньги. Вот заработаем их, и мы свободны.

После завтрака мы поехали к морю и долго бродили по берегу. По пути обратно в гостиницу, я вдруг обнаружила, что на моем пальце нет кольца, которое я всегда носила. Видно, оно соскользнуло у меня с пальца или в кафе, или на побережье. Мы вернулись к морю и, перерыв весь песок, нашли его в твоей машине – оно закатилось под сидение. Пока мы были заняты поисками, ты старался скрыть сначала свою растерянность, а потом облегчение. Да, ты паниковал – что, если кольцо найдет твоя жена? Я тогда поняла, что твой брак далеко не мертв, но решила промолчать. Моя любовь к тебе показалась мне важнее правды.

С тех пор в моей душе накопилось полно разочарований, превратившихся в непроходимые дюны. Ты слишком часто говоришь, что позвонишь, и не звонишь, говоришь, что приедешь и не приезжаешь, а, когда я прилетаю в Афины, ты обещаешь прийти и не приходишь... Ты гордишься тем, что непредсказуем и требуешь принимать тебя таким, как ты есть. В таком случае, принимай и меня

такой, какая я есть. Я – женщина, которая тебя любит, но не хочет быть только твоей любовницей.

Ты как-то сказал, что не можешь вот так взять и выключить свет в комнате своей прошлой жизни и что свет надо тушить постепенно. Видно, ты мыслишь образами. Знаешь, Джордж, как свет ни туши – быстро или медленно, все равно наступит темнота.

Обнимаю тебя».

Читая ее письма, Джордж вспомнил, что игнорировал ее дни рождения и никогда не привозил ей подарков. Он не верил в праздники и обязательные календарные празднования. Иной день может оказаться гораздо счастливее любой даты, которую во что бы то ни стало, нужно отметить. Его угнетало запрограммированное веселье, но он обожал веселье спонтанное. Джордж напоминал золотоискателя. Он промывал дни, как промывают породу, пока не находят в нем крупницу золота. Так он искал или, вернее, ждал, когда подвернется подходящий денек, в котором сойдется для веселья все –и хорошее настроение, и успех в делах, и красивая, ничем не занятая женщина, и деньги в кармане на изысканный ужин в таверне у моря с парой бутылок хорошего вина. Как герой Пруста, он обретал время только тогда, когда решал жить вне времени.

Самое большее, на что Джордж был способен потратить свою душевную энергию, была музыка, которую он записывал для Лизы, отправляя ей сразу несколько кассет с курьерской почтой. О да, он знал все нужные мелодии – она их слушала и сердце ее плыло по волнам любви. Эти восхитительные мелодии и их исполнители вошли в историю, став классикой: Эрик Клэптон, Энди Уильямс, Демис Руссос, Фрэнк Синатра, Элла Фиджеральд, Хосе Феличиано, Тина Тернер, Фрэнк Синатра с его «on the sunny side of the street», Лайонел Ричи, Линда Ронстадт, Барбара Стрейзанд, Билли Джоэл, Бонни Тайлер, Род Стюарт, Кенни Роджерс, Крис Реа, Дж. П. Янг, Лучо Дала... А Милли Ванили и Four Aces? А итальянцы, голоса которых текли вместо крови по венам? Он погружал ее в музыку, потому что видел, как она умела слушать.

Перед тем, как они расстались, Лиза написала ему последнее письмо. Джордж нехотя вытащил из-под остальных писем и положил перед собой ее последнее письмо.

«Мой дорогой,

Мне хочется уйти туда, где растут высокие деревья, роняющие капли влаги со своих огромных черных листьев. Мне стоит лишь подойти к одному из них, глубоко вздохнуть, охватить его ствол руками и слиться с ним. Один вздох и я растворюсь.

Однажды ты мне сказал: «Верь мне и следуй за мной». Я верила и следовала, потому что любила тебя даже тогда, когда до меня дошло, что ты мне врал. Ты мне соврал не однажды, нет, твоя ложь была долгоиграющей – она длилась годами. Дорожка, по которой я следовала за тобой, привела меня в никуда. После четырех лет у меня нет ничего – ни денег, ни статуса, ни истории успеха. Но ведь ты именно этого и хотел, именно в никуда ты и хотел меня привести, не так ли?

Я все еще люблю тебя, но, увы, мне придется вообразить, что ты мертв. Только так я смогу выжить. Я похороню тебя трижды – как любовника, как друга и как партнера. Ты никогда не будешь мне звонить, потому что я не смогу вынести звука

твоего голоса. Надеюсь, я выживу. Мне придется вставать на ноги самой и я это сделаю.

Потеряв тебя, я сохранила любовь к тебе. Она не исчезла вместе с тобой, она осталась жить в моем сердце. Мы обе – моя любовь и я – прекрасно обходимся без тебя. Она защищает меня от необдуманных знакомств, кратковременных связей и больших чувств. Любовь, которая уже не имеет ничего общего с тобой, став моим приобретением, сделала меня свободной...»

Джордж не дочитал это письмо до конца, он не смог. Он прочитал его полностью только один раз, когда только получил. Читать второй раз было выше его сил. Аккуратно сложив ее письма, он положил их обратно в ящик, который не забыл запереть на ключ. Поняв, что из их запретной любви исчезла первоначальная ошеломленность, а ее место заняла пошлость, возникшая из банальности любовного треугольника, она от отвернулась от него. И тогда, превратив потерю в приобретение, добилась успеха.

И, вот, она опять с ним. Только в их теперешнем союзе есть одна загвоздка – его Лиза превратилась в другую женщину. Она не просто зализала раны, она сбросила старую кожу и теперь он имеет дело с незнакомым ему существом. Причем, метаморфоза произошла не тогда, когда сбежал Адам или когда ей пришлось выйти замуж за ненавистного ей Димитриса Загкоса, а совсем недавно, пару недель тому назад. Вопрос в том, кто или что ее так изменило – тот факт, что она поняла, что талантлива, или в ее жизни появился кто-то, кто дает ей силы и уверенность?

Что же ему делать? Есть два пути. Первый – стать недоступным, трудным и непредсказуемым. Зная Лизин характер, можно с натяжкой понадеяться на то, что она предпримет попытку снова завоевать его. Тогда, капризный и обиженный непонятно чем, он начнет диктовать ей свои условия. Но что-то в ее глазах, в ее поведении, в ее такой новой независимости, отвергло эту идею. На шею ему она больше бросаться не будет. Однажды оставив его, она выжила без него, и теперь тот факт, что она проводит с ним время, делит трапезу и занимается с ним любовью, является позывом абсолютно добровольным с ее стороны. Начни он шантажировать ее, она даже в его сторону не посмотрит. Хотя, шантажировать-то можно по-разному, в том числе, и сладкими обещаниями. В чем шантаж? Да в том, чтобы поманить голодного хлебом. Или это манипуляция? Ах, какая разница?!

Джордж раздраженно бросил остаток сигары, обжегшей ему пальцы, в пепельницу. В его жизни настал тот период, когда он был готов взвалить на себя бремя лишних денег и чужой славы. Он не стал бы возражать, чтобы кто-то, на оставшемся отрезке его жизни, все сделал за него и для него. Поэтому, он скажет ей вот что: «Я люблю тебя. Будь со мной». Он предложит ей дом, семью и ребенка. Да, даже ребенка! Позже он найдет отговорку, почему никакого ребенка не будет. Он предложит ей все это прямо сейчас, незамедлительно, а там посмотрим, главное, чтобы она опять поверила. Джордж был из тех мужчин, кто многое обещают другим в будущем, чтобы для них самих состоялось настоящее.

Все летние месяцы, включая сентябрь, Лиза и Джордж провели порознь. Для Джорджа это было неправильно и невыносимо. Теперь, когда он был готов пообещать этой женщине самого себя, он сгорал от нетерпения и подозрений. Наконец, он убедил ее пообедать с ним в ее любимом месте – в таверне на берегу моря в Варкизе. Там, между приправленным уксусом осьминогом и жареными кальмарами, за стаканчиком узо, он поведал ей о своем великом решении. Он долго ждал, это правда. Виноват. Хотя, кто знает? Видимо, всему свое время.

Джордж готовился к новой жизни. Не сразу, конечно, постепенно. Тушить свет в комнате своего прошлого он будет постепенно. Тем не менее, он предчувствовал, что новая жизнь с Лизой будет невероятно выигрышной для него. У него перехватывало дыхание от возбуждения. Веселый, окрыленный открывающимися перспективами, он отстукивал по баранке автомобиля ритм модной песенки. Он ощущал себя в постоянной неге гедонистического сна. Иногда бывает: приснится хороший сон под утро, досмотришь его до конца, проснешься, но глаза не открываешь, боясь потревожить оцепенение тихой радости. От таких снов счастье бывает светлым и теплым, почти потусторонним. Открывать глаза не хочется, вставать не хочется, делать ничего не хочется, да, кажется, что и не нужно.

Надо же, какова бывает судьба! Встретились без малого десять лет назад, но затем, после долгого и бурного романа, жизнь развела их. Уж думали, что расстались до гробовой доски, а вот, поди ж ты, опять вместе! Судьба, она умница, знает, что делает. Надолго ли на этот раз или навсегда? Джордж не совсем понимал, что значит «навсегда», но даже год или два для него были вечностью. Он не мог, не умел задумываться о старости, о том, что когда-нибудь его тело потеряет упругость, а лицо превратится в расплывшийся жирный блин. Кроме того, Лизе нужны отношения, построенные на нежности и абсолютном доверии, умном общении и внимании. Джордж отдавал себе отчет в том, что не был способен на подобный подвиг. Мимолетно да, но постоянно себя напрягать – нет. Впрочем, не сейчас, это волнения и проблемы будущего. Все как-нибудь устроится, вполне вероятно, может настать такой момент, когда Лиза полностью подчинится ему, одурманенная его чарами и каждодневным присутствием.

Однако, несмотря на свое приподнятое настроение, Джордж беспокоился. Единственным источником беспокойства для него была его жена, Ариадна. Их связывали длинная цепь вместе прожитых лет, установившегося жизненного распорядка, бесчисленных компромиссов, его измен, его бесконечных клятв и ее прощений. Когда-то он был влюблен в нее до безрассудства. Какая это была бурная, неистовая любовь! Тогда Ариадне было что-то около тридцати, она не была несмышленной девчонкой, но женщиной, повидавшей жизнь. Знала толк в мужчинах и вот узнала его. Веселая, влюбленная Ариадна пылко отдавалась ему, он так же пылко овладевал ею. Ему тогда казалось, что их физическое влечение друг к другу и сексуальная страсть превращаются в новую энергию, в некий вечный двигатель. Влечение иссякло, а за ним прошла и любовь. Ни то, ни другое не является величиной постоянной. Ничто человеческое вообще не вечно, оно мимолетно и преходяще. Почему проходит эта самая любовь? Откуда берется другая, новая женщина и затмевает ту, от которой ты был без ума?

Поначалу Ариадна старалась держать своего супруга под постоянным контролем. Она не была ни моложе, ни красивее Джорджа, однако у нее было неоспоримое преимущество – богатый и бездетный дядюшка. На его деньги Джордж открыл офис и Ариадна стала его помощницей. Это условие не обсуждалось. Или так или вообще никак. У нее был стол напротив его кабинета, дверь в который всегда была открыта. Она вела его дела и договаривалась о встречах. Прошло некоторое время, и Джордж решил на переезд в более престижный район Афин. Несколько удачно проведенных сделок позволили ему заявить о собственных успехах, что довольно сильно уменьшило значение капитала, вложенного богатым дядюшкой его жены. Услуги Ариадны были отвергнуты, а ее постоянный контроль подвергнут анафеме. Или так, или вообще никак – теперь это относилось уже к ней. Или ты будешь терпеть мои похождения и наш брак продолжится или уж извини... Увы, время успехов и взлетов прошло, все вернулось на круги своя и он опять зависит от своей жены.

Почему превосходство Лизы кажется теперь неоспоримым? И что происходит с этими идиотками-женами? Почему, выйдя замуж, они успокаиваются? Вот и Ариадна как-то уменьшилась с годами в значимости, упростилась и раздалась вширь. Постарела. Неужели он сам стал причиной ее увядания? Но она ведь прекрасно знала, что он пользуется успехом у женщин! Почему же не старалась сохранить себя привлекательной?

Годы не играют особой роли. Лиза никогда не опустится, подчинившись диктату процесса старения. Она будет вести вечный бой со своими годами, восставая и страдая, но не покоряясь, не уступая ни дюйма своей красоты и разума. Поздние грозы ее не сломят.

Джордж нехотя вернулся к мыслям об Ариадне. Проблема некоторых женщин состоит в том, что они, на каком-то отрезке своей жизни, перестают развиваться, усложняться и изменяться. Мужчина, связав свою жизнь с приглянувшейся ему женщиной, идет вперед, достигая к шестидесяти годам наивысшего расцвета своих возможностей. У него появляется опыт, что делает его невероятно желанным и сексуальным, а власть придает ему сил и награждает второй молодостью. Что же жена? Она просто стареет, отдав свою молодость мужу, а зрелые годы детям. Кто ее просил? Неужели надо обязательно приносить себя в жертву?! Джордж был несколько зол на Ариадну. В молодости она была писаной красавицей. Естественная блондинка с голубыми глазами. Для гречанки такое сочетание – редкость. Добавьте к этому миловидное личико и умопомрачительную фигуру. Куда все это волшебство делось? Если бы не делось, он, возможно, не валандался бы за другими юбками. Он обманывал себя сейчас для того, чтобы стряхнуть с себя чувство вины. Виноватость ведь возникает не из-за того, что ты действительно виновен, потому что совершил или продолжаешь совершать неправильные или обидные для женщины поступки. Самому всегда можно себя извинить, оправдать, а совесть заставить молчать. А, что, если он действительно искал свою единственную, и для этого ему пришлось испытать тысячу и одну? Нет, он ни в чем не виноват. Виноватым его сделали постоянные обвинения жены. Ариадна бесконечно обвиняла его, и он, видит бог, измучился этим ненужным чувством вины. Любовь приходит и уходит, а вина остается.

Джорджу всегда казалось, что лучше было бы жить коммуной. Жены и любовницы вместе, общие дети, общий кошелек, общие утехы. И он, Джордж, посреди всего этого безобразия, обожаемый всеми, как цыганский барон посреди своего шумного табора. К черту все предрассудки! Почему нельзя дружить, жить истинно большой, единой семьей? Потому что есть такие женщины, как Лиза, которая не потерпит другую рядом. Сильная, сложная, своенравная, индивидуалистическая натура, для которой невозможно делить кров, мужчину, деньги и горе.

Ариадна, его жена, превратилась в старую зануду. Никаких, сколько-нибудь интересных знакомых у его жены не было. Так, картежники, как и она сама. Те, кому надо убить время. Играла в карты Ариадна, в основном, с пожилыми дамами, вдовами и сплетницами с ограниченным кругозором, доживавшими свои последние годы на деньги своих покойных мужей. И она среди них, как вдова при живом муже.

Ох, уж эти клятые карты! Джорджа передернуло от отвращения. Стараясь скрасить свое одиночество, Ариадна играла в карты по разным домам каждый божий вечер. Когда Джордж, скрипя сердцем, соглашался провести с ней выходные у моря, карточная игра продолжалась. Ему казалось, что карты живут своей, самостоятельной жизнью, что руки его жены скованы, как наручниками, одними и теми же тасующими и раздающими движениями, что эти кусочки

картона высосали весь смысл из их совместной жизни. Карточная игра ни на минуту не прекращалась за столиком, вынесенным прямо к морю, прерываясь только для сна и принятия пищи. Играли самозабвенно, до иступления, только чтобы смотреть в карты, а не друг на друга, чтобы не разговаривать, не тормозить, не беречь пустоту в душах. Чтобы не скандалить. Это была семейная политика умиротворения и обмана. Если кто-нибудь спросит, можно с облегчением сказать, что между ним и Ариадной дурных отношений нет. Не стоит, конечно, уточнять, что между ними нет вообще никаких отношений.

Последнее время Ариадна перестала даже высказывать свое негодование по поводу его измен. Взбунтовалась бы, что ли, как бывало! Сколько ледяной воды она вылила ему на голову в прямом и переносном смысле в молодости! Их молодые годы были наполнены яростными стычками, драками, скандалами, слезами, истериками и страстными примирениями. А сейчас штиль, все затихло. Ариадна где-то запнулась и стала. Его же стали прельщать другие женщины – молодые и зрелые, красивые или просто стильные, богатые и не очень, самостоятельные и не очень...

Да, любовь проходит, исчезает вместе со временем. Супружеские пары всегда заканчивают тем, что один верховодит, другой подчиняется, один изменяет, другой терпит, один продолжает жить, другой уже давно умер. Ложь, что все чаще выдается за правду, служит для дезинформации родственников и знакомых. Как в пресс-релизах: «у нас все хорошо», «мы достигли гармонии», «старая, мы счастливы вместе». А, на самом деле, пытаются справиться с кошмаром, который называется семейным террором и является следствием совершенного некогда преступления – вступления в брак.

Надо набраться мужества и поговорить с Ариадной откровенно. Она, конечно, ни за какие коврижки не даст ему развода. Будет шантажировать деньгами, пригрозит, что перестанет содержать его и его офис. Позаботится о том, чтобы все узнали, какой он мерзавец, бросил жену и детей. Пусть только он сделает попытку развестись с ней, все родственники предадут его анафеме.

А ему, всего-то и надо, что проскочить пропасть – от одних денег к другим. Ему казалось, что у Лизы в самом скором будущем появятся деньги и он мягко приземлится на подложенную ею подушку. Если ему это удастся, то церемониться с Ариадной он не станет. Да, ему было страшно, но этот страх одновременно возбуждал его. Его волновали не только деньги, но и женщина. Лиза, которая так не похожа на его жену. Джорджу на мгновение показалось, что в его жизни не было других женщин, кроме Ариадны и Лизы. В конце концов, сейчас, когда ему пятьдесят пять, с ним остались только эти две женщины, которые рвут его душу на части. Он стремится уйти к одной, но другая его не пускает, потому что любит, как раньше, в молодости. Та же, к которой он хочет уйти, не особенно сходит по нем с ума.

Итак, он собирается предложить ей себя, дом и ребенка. Дом за ее счет, конечно, но не стоит об этом сейчас упоминать. Джордж надеялся, что, получив его, Лиза не будет мелочиться. Но согласится ли она на его предложение? Бросится ли, как прежде, ему на шею или он уж недостаточно привлекателен для нее? Увы, и Джордж это ясно понимал, они поменялись ролями. Раньше он был главным, избалованным и капризным персонажем их романа, теперь она. Раньше он не мог сложить себе цены, не мог сторговать себя подороже да повыгоднее, теперь, надо думать, все в аккурат наоборот. Что сделать, чтобы снова привязать Лизу крепко-накрепко к высокому и крепкому столбу?! Джордж ощутил the faintest touch of madness. Он хотел Лизу сильно и мучительно.

За поворотом показался дом, увитый глицинией. Из распахнутой балконной двери на втором этаже, там, где салютом взрывался ярко-малиновый куст бугенвиллеи, неслась музыка.

Лиза, одетая для поездки к морю, но босоногая, танцевала. Временами она отпускала свое тело на свободу. Ее ум в такие минуты садился в сторонке и терпеливо, с насмешливым одобрением, наблюдал за выбрыками беснующегося тела. Ее тело бесновалось послушно, без болей и скрипа. Ее рыжие волосы растрепались, лицо покраснелось, она уже задыхалась, но не останавливалась. Вместе с певцом она орала: «There was Lola, she was a show girl», вытряхивая из себя все свои страхи и сомнения. Ей казалось, что настало ее show time, что пришло ее время. Хватит прятаться! С черно-белого негатива на сцену сойдет цветная Лиза, ее окружают люди, суета, сплетни, зависть и грязь, а также неискренность и двуличие Джорджа.

Снизу позвонили, но Лиза не услышала звонка. Она прервала свой танец только тогда, когда заметила беспокойство своей кошки Джозефины. Пока Лиза танцевала, она сидела на веранде и наблюдала за птицами. Это она услышала звонок и, добровольно возложив на себя некоторые собачьи обязанности, побежала к двери.

Лиза открыла дверь и, запыхавшаяся, упала Джорджу в объятия. Он крепко прижал ее к груди и поцеловал, заметив, что она уже одета. На ней были узкие белые брючки и свободная мужская джинсовая рубашка. Осталось только обуть белые кеды и можно было ехать.

Джордж вошел в дверь, прошел с хозяйской уверенностью к холодильнику, открыл дверцу, выпустил, наконец, Лизу из своих объятий, достал бутылку с газированной с водой, отвинтил крышку, наполнил стакан и стал потягивать маленькими глотками холодную, пузырящуюся жидкость. Лиза села на диван и начала зашнуровывать кеды. Джордж, раскуривая сигару, вышел на веранду.

Поглядывая на него через открытые двери, она думала о том, что не испытывает никаких угрызений совести по поводу того, что Ариаднов муж раскуривает сигару у нее на веранде. Во-первых, не она была той первой разлучницей, которая увела у Ариадны мужа. Не она расколола их брачный сосуд. Не она.

Впрочем, Лизу смущал тот факт, что она никогда, ни разу, Джорджа ни к кому не ревновала. Ни к его жене, ни к кому другому. Любя его, она не возражала против того, чтобы его любили и другие. Ее не возмущало даже предположение о том, что он ласкает другие женские тела. Джордж не был достоянием, он не мог принадлежать, ему тоже невозможно было принадлежать, разве что в минуты близости. Одним словом, Джордж был любовником, не мужем. Но как дико, зло и страстно Лиза ревновала Адама! Даже к кружке, которую он держал своими смуглыми, тонкими, великолепными пальцами. Она не подавала вида, но страшные демоны терзали ей душу. Адам был рожден для того, чтобы быть любящим мужем. Почему же он исчез, черт его подери?!

Не подозревая, что за мысли крутятся в голове у Лизы, Джордж подошел к мольберту, установленному на веранде, заглянул под белую ткань, удовлетворено хмыкнул, увидев почти законченный портрет красивой женщины, и вернулся в комнату. Поскольку женщина закрывала одной рукой глаза, он не узнал в ней Лизу. С необыкновенной остротой он ощутил, что жизнь его становится значительной и полной. Вдруг, Джордж вздрогнул.

В комнате не хватало чего-то существенного. Исчезли холсты, которые обычно стояли вдоль стен.

- Что случилось с картинами? – Джордж явно паниковал.

- «Я расписал плафон и стены –
Танцоры, скрипачи на сцене,
Зеленый вол, шальной петух...
Я подарил Творения Дух вам,
Мои братья бессловесные», - вместо ответа Лиза громко продекламировала
Марка Шагала.
- Что ты говоришь? Где картины? – продолжал суетиться Джордж.
- Я отдала их. – Спокойно ответила Лиза.
- Ты, что, с ума сошла? Кому же ты их отдала? – уже считая себя собственником ее произведений, Джордж сделал ударение на слове «отдала».
- Отдала их для просмотра. – Лиза закончила возиться со шнурками.
- Вот так, просто, взяла и отдала?! Греку?
- Нет. Кажется, баварцу, который теперь уже грек.
- Скажи мне, что ты шутишь. Как его зовут, твоего баварского грека? Он, что, заезжий?
- Нет, местный. Эдмунд фон Нарвиц. Ты его знаешь?
- Почему я должен его знать? Откуда он взялся? Как ты нашла его? Или это он нашел тебя? – Джордж все больше распалялся. Его бесила не только Лизина наглая самостоятельность, в душу ему змеей вползала ревность.
- Нас познакомили.
- Теперь понятно, почему ты четыре месяца избегала меня.
- Я устраивала свою профессиональную жизнь.
- Устроила?
- Еще не знаю.
- Надеюсь, только профессиональную? – по тонким губам Джорджа стекал яд.
Лиза встала с дивана. Ей не нравилось, что к ней относились как к собственности. Запоздалая привязанность Джорджа ее раздражала.
- У меня и у моего покойного мужа Димитриса Загкосы был общий друг, - сказала она, медленно и отчетливо произнося слова, - его зовут Сакис. Судовладелец. Я ему позвонила, он познакомил меня с Джоном, а тот позвонил фон Нарвицу, у которого тоже суда. Они все как-то сотрудничают. Я точно не знаю, как. Эдмунд согласился посмотреть мои картины. Он также разрешил мне написать пару картин в его саду.
- Эдмунд?! Он для нее уже Эдмунд? У Джорджа появился еще один повод для сомнений в себе и самые темные подозрения. Значит, все не так просто. Она сама где-то находит мужиков с деньгами, куда более богатых и значительных, чем он сам. Его невиданно щедрое предложение, заключавшееся в том, что он, наконец, решил принадлежать ей навеки и без остатка, показалось вдруг запоздалым и жалким. Пресвятая Богородица, ну почему все так сложно?
- Джордж, если этот человек действительно сможет помочь, будет лучше для нас обоих. – Лиза примирительно улыбнулась ему, и, взяв его под руку, направилась к двери.

Глава 16.

Предложение, от которого невозможно отказаться.

Приближалось Рождество. День выдался теплым и солнечным. Поездка в Вари всегда была для Лизы счастливым событием. Дорогу в Вари она знала наизусть. Машина выскакивала из сложной паутины афинских улочек к морю в районе Нео Фалиро, а потом до самой Вульгмени неопишуемой красоты дорога пролегла вдоль побережья. Такая красота непосредственно человеческим мозгом не воспринимается, поскольку лежит по ту сторону сознания, в незнакомом нам бытии. Поэтому и говорят «неземная красота». Надо сделать над собой усилие, заставив себя понять, что то, что ты видишь, существует наяву и сотворено Создателем, что вся эта красота живет и дышит.

По спокойной глади моря, как драгоценные камни по лазоревому ковру, были рассыпаны белые, розовые, золотые и малиновые солнечные блики. Таких волшебных мест, как южная оконечность Аттики с точкой Ослиного острова у ее нижнего изгиба, в мире раз-два и обчелся.

Путешествие к морю всегда сопровождалось радостной, окрыляющей, громкой музыкой, звучавшей внутри Лизы. Опустив стекло, она подставила лицо солнцу и ветру, сожалея лишь о том, что человек не летает. Думать умеет, любить еще кое-как умеет, но летать не умеет. Ей хотелось выпорхнуть и парить между солнцем и морем на подушке из невесомого воздуха.

Пока Лиза представляла себя птицей, Джордж думал свою невеселую думу. Когда супружеская жизнь сталкивала его с Ариадной, и им приходилось коротать время вдвоем в тесной компании уже не молодых, несчастливых и поношенных жизнью друзей, они играли в преглупейшую карточную игру – берибу. Теперь же ему предстоит сыграть в самый настоящий покер и, при том, с Лизой, которая не играет в карты, но прекрасно умеет играть с обстоятельствами и людьми. Вот и теперь, вынула откуда ни возьмись этого туза фон Нарвица, который «хочет помочь». Джорджу самое время сделать непроницаемое лицо и начать блефовать. Блеф не раз выручал его, а потом сходил ему с рук, но теперь все гораздо серьезнее. Речь идет о резком повороте в его жизни, и можно ли в этом случае полагаться только на блеф? Видно, придется, потому что поставить на кон ему, кроме продуманной до тонкости лжи, нечего.

Таверну в Св. Марине можно было выбирать какую угодно – они все, одна за другой, тянулись в ряд у самой кромки моря. Еда в них тоже была одинаковая – морская и вкусная.

Как только Джордж припарковал свой спортивный «БМВ» у одной из них, Лиза сразу же пошла к морю вдохнуть полной грудью солоноватый, свежий воздух, проветрить закоулки ума и души, забыв на недолго о вчера и завтра. Поездки к морю разрывали лоскутное одеяло ее жизни пополам, врываясь в прореху яркими красками и свежим воздухом, опьянением и сладкой усталостью.

Столик был выбран и занят. Настало время Лизе присоединиться к своему спутнику.

Слушая официанта, Джордж заказывал блюда. Он был чертовски хорош собою. Хорош мужскою, ухоженной красотой. Ее, как и прежде, сильно тянуло к нему, несмотря на то, что она понимала, что этот мужчина не способен принадлежать одной женщине и любой вид совместной жизни с ним будет недолгим. Вот, говорят, животный магнетизм. Животные обнаруживают друг друга по запаху. Различается ли этот запах от особи к особи среди волков, например? Почему именно этот волк и эта волчица составляют пару, а другие нет? Магнетизм, наблюдаемый среди людей, до сих пор не объяснен. Что это? Запах, неуловимая комбинация из летучих химических элементов? Играют ли роль лицо, фигура, цвет кожи, тембр голоса и привычки, или магнетизм это волшебство? Небесное сводничество? Когда кто-то где-то ворожит, и ты находишь или не находишь свою

половинку. Почему магнетизм обладает такой силой, что легко стирает зарубки, сделанные нашим здравым смыслом, а заодно и все предостережения о том, что наш избранник непостоянен, лжив и не очень умен? Лиза улыбнулась Джорджу. Она заметила, что он взвинчен.

Мужчины в своей совокупности, как-то странно относятся к женщинам. Боятся, что посмеются над ними? А ведь и, правда, мужчина довольно уязвим перед женщинами. Мы принимаем его, но это он отвечает за акт, за успех представления. Сможет, не сможет? Удивит или нет? Станет незабываемым или вызовет жалость? Впрочем, мужской силой дело не ограничивается. Мужчина, постоянно, с самого детства доказывает нам, женщинам, что он не просто особь противоположного пола, но особь со значением, что он может чего-то добиться и как-то выделиться среди других, подобных ему, особей. Согласитесь, что привилегия быть разочарованной почти всегда принадлежит нам, женщинам. С другой стороны, сила и власть невероятно привлекает и завораживает нашу сестру. Как говорится, где слава, там и любовь. Стоит признать, что над великим мужчиной не посмеешься.

Но, вернемся к заурядному, среднему мужчине. Неуверенность в себе с незапамятных времен вызывала в мужчине злобу, потом ненависть. Мужчины никогда не упускали случая отомстить, с фанатизмом уничтожая нас, женщин, физически. Вспомните, с каким упорством и удовлетворением мужчины жгли нашу сестру на средневековых кострах за колдовство. А ведь колдовство являлось всего лишь полезным врачеванием. Женщины знали, как принимать роды, как оказывать первую медицинскую помощь и как лечить. Женщина обладала знаниями, за это ее и жгли. Так на чей счет отнести тысячи женских смертей – на счет церковной догмы или на счет нашего мужественного и единственного на этой планете, собрата, который так любит рядиться в поповские рясы?

Справедливости ради, стоит признать, что мы, женщины, еще до того, как разгорелись средневековые костры, тоже из всех сил старались уменьшить популяцию мужской половины. Достаточно вспомнить матриархат, амазонок и зверства праматерей наших. Но, поскольку это было уж очень давно, говорить об этом сейчас, более трех тысяч лет спустя, можно без содрогания, даже с некой долей юмора. Говорят, мальчикам-младенцам амазонки отрубали руки и ноги. Слепо верить в эти рассказы не стоит, мужчины все же как-то работали. Возможно, им отрезали только несколько пальцев на правой руке, чтобы те не могли пользоваться луком. Излишки мужчин наши праматери оскопляли и щедро жертвовали богам. Тогда ведь эти зверства происходили не оттого, что женское сердце было жестоким, а от непонимания. Человечество миллионы лет верило, что дитя происходит исключительно от женщины. Мужчина же никак не замешан. Как женщина управлялась сама? Очень просто. Чтобы забеременеть, надо было либо искупаться в открытых водах, море или реке, либо подставиться ветру, либо проглотить бобовое зернышко. Наши праматери удивлялись: если все это так, зачем тогда мужчина существует в таком избытке? Ответ давали простой: «Значит, так хотят боги». Однако этот «культовый предмет» пожирал огромное количество пищи. Впрочем, он сам тоже был вполне приличной пищей. Идея приготовления вкусной и здоровой пищи была для женщины в те времена так же важна и занимательна, как и сейчас, являясь не последней статьей женской гордости, поэтому, между набегамы, амазонки составляли разнообразные рецепты. Как то: «мужчину следует торжественно, в сопровождении обрядовых церемоний, разорвать заживо на части и съесть по кусочкам»; «разорвать, привязав к лошадям, так вкуснее»; «сбросить со скалы – так он мягче»; «растоптать лошадьми и повозкой – так еще мягче...». Был еще один способ, относящийся не столько к

кулинарии, сколько к постельному садизму. Женщины, заранее сговариваясь, заманивали всех мужчин в свои постели и убивали их. Впрочем, уже в то время жрицы прекрасно знали, откуда берутся дети, т.е. они знали, что мужчины не совсем бесполезные в этом плане существа, что им отведена определенная роль в воспроизводстве рода человеческого. Проводя со знанием дела случку скота для улучшения породы, жрицы по-прежнему приносили сами и заставляли женщин приносить мужчин в жертву, проливая на землю реки мужской крови, выдавая это за волю богов и отпугивая женщин от моногамии. Лишь бы женщина не полюбила!

- Ты не нашла нужным посоветоваться со мной перед тем, как доверить этому греко-баварцу свои картины. Почему? Ведь все это время я был с тобой, старался поддержать тебя. Ты мне, что, не веришь? - Джордж никак не мог проглотить свою обиду.

- Все это время ты был со мной? – переспросила Лиза.

Она с трудом оторвалась от своих размышлений – что стало бы с Джорджем, объяви она ему, что настало время принести его в жертву, потому что так угодно богам?

- Все это время я жила с Мимисом, терпя его идиотизм и непереносимые приставания. Ты хочешь сказать, что ты был рядом потому, что не отказывался встречаться со мной в отдаленных тавернах и подставлял свою грудь для моих слез? Спасибо тебе, конечно, но у меня была и своя жизнь. Вернее, жизнь с моим мужем. Нас приглашали на обеды и ужины, мы иногда ходили. Там я знакомилась с интересными людьми. Недавно я обратилась к одному из них за помощью. Если ты, Джордж, хотел контролировать мою жизнь, тебе надо было что-то предложить мне взамен. Ты же деловой человек! Вспомни основополагающее правило: если кто-то хочет обладать контрольным пакетом акций, этот кто-то должен выложить за это определенную сумму, предложить что-либо или чем-то пожертвовать. Ты не предложил мне ничего, кроме встреч в забытых богом тавернах. Ты не сказал мне: «Дорогая, я люблю тебя. Я сделаю для тебя все, только уйди от этого придурковатого старика». Нет, ты осторожничал и выжидал. Теперь ты хочешь не только участвовать в моей жизни, но и контролировать меня.

Лиза потягивала узо из маленького стаканчика и улыбалась Джорджу, подраживая его не только словами, но и своим насмешливым голосом. Он же с ужасом думал: «Неужели все так плохо?!» Вслух он сказал:

- Я всегда хотел, чтобы ты была свободна в своем выборе.

- А разве ты предлагал мне выбор? Я всегда выбирала из того, где тебя не было.

- Ты всегда делала, что хотела, - огрызнулся Джордж.

- Нет, я делала глупости, скажу тебе больше – я совершала ужасные ошибки только потому, что никогда, - слышишь, никогда! – не могла делать то, что хотела. Тогда, десять лет назад, когда мы с тобой встретились, я любила тебя. Хотела быть с тобой, хотела от тебя ребенка. Я хотела семью. И что ты сделал с моими желаниями?

Лиза жевала божественный кусочек осьминога, сбрызнутого уксусом и оливковым маслом. Она никогда с Джорджем не ругалась так, как она ругалась с Мимисом. С Джорджем она разговаривала, не отказывая себе в удовольствии перемежать беседу посторонними приятными ощущениями.

- Я почти повторила судьбу Бесприданницы, - сказала она. – Была такая героиня у русского писателя Островского. Трагедия Бесприданницы заключалась в том, что она полюбила, а денег у нее не было. Полюбила, а заплатить за свою любовь не смогла. Мужик был шикарный, холеный, с размахом, но разорившийся. Он открыто соблазнял ее, но, в какой-то момент, за ее спиной, он обручился с деньгами. А ей сосватали уж кого нашли для бесприданницы. В конце ее убивает

жених, ничтожный человек, посмевавший приревновать. Так вот, Джордж, десять лет назад, я хотела приковать себя цепями к твоему торсу и навеки остаться твоей рабыней, служа тебе верой и правдой, и рожая тебе детей. Мне кажется, это и была именно та любовь, которая делает нас, женщин, такими несвободными и такими счастливыми одновременно. Меня, правда, пока никто не застрелил, хотя, я думаю, Мимис временами был близок к этому.

- А сейчас? Любовь прошла? Если еще теплиться, могу предложить цепи и свой торс. – Джордж старался шутить, поскольку понимал, что шансов у него остается все меньше. Разговор пошел явно не по плану. Он-то как раз хотел забрать у нее свободу, предложив ей себя, ребенка и кров.

Лиза молчала, а Джорджа необыкновенно влекла эта незнакомка. Влекла почти колдовским очарованием своей силы и независимости. Он предпринял последнюю попытку.

- Ты помнишь тот день, когда ты подплыла к яхте? В тот день, рано утром, когда только всходило солнце, я вышел на палубу и долго смотрел на море. На серой глади воды мне привиделось твое лицо. Всю свою жизнь я мечтал встретить женщину, в которой я мог бы обрести все – красоту, нежность, силу, бесстрашие, вкус, культуру и ум. Бог услышал меня и вот, на яхте появилась ты, с рыжими волосами и в ярко-желтом купальнике. Сколько раз потом мы теряли друг друга, но Бог сводил нас снова и снова. Мы делали ошибки, предавая друг друга.

- Я не предавала тебя, - Лиза с раздражением прервала его воспоминания.

- А Адам? Твое замужество за Адамом не считается?

У Лизы чуть не сорвалось с языка: «Ты меня толкнул на это замужество, но Адам не был ни предательством, ни моим инструментом для отмщения. Я стала его женой перед Богом, и ею останусь, пока его не найду и не поговорю с ним».

- Сейчас пришло наше время, - продолжал Джордж. - Забудь все. Прошлое. Неужели тебе не хотелось бы соединиться с мужчиной, которого ты все еще любишь, засыпать и просыпаться с ним, и иметь от него ребенка? Ничего еще не поздно...

Лизин рот стал непроизвольно открываться, но она спохватилась, сжала челюсти и пристально посмотрела на Джорджа.

- Открываешь вакансию любовницы? – ядовито поинтересовалась она.

- Какой любовницы? – опешил Джордж.

- Если я стану кем-то вроде жены, вакансия любовницы, которую до сих пор занимала я, станет свободной.

- Не говори глупостей! Я люблю тебя, а ты смеешься. – Джордж залпом допил из своего стакана остатки узо и заказал еще.

С застывшей улыбкой на губах, Лиза смотрела на мужчину, который только что ей сделал предложение. Эх, Джордж! Если бы ты произнес эти слова раньше! Сейчас, сейчас все другое – и страна, и времена, и люди, и мы сами. Между нами стоят слова, которые должны были быть сказаны целую вечность тому назад и не были сказаны, между нами стоит моя ненависть к Мимису и моя привязанность к Адаму. Это все нельзя ни забыть, ни вычеркнуть из прожитых нами лет. Ты опоздал.

И, вдруг, до Лизы дошло. Ведь Джордж Альягас, сам того не подозревая, предлагал ей великолепный план мести. За что месть? А за то, что опоздал. За то, что выжидал. За то, что не произнес этих слов тогда, когда они были ей так нужны. Когда она засыпала и проспалась с мыслью о нем, когда угадывала его настроение по голосу в телефонной трубке, когда хотела готовить ему еду, подбирать галстук к рубашке и ждать его домой с работы. Были же времена, когда каждая минута с ним имела значение и запоминалась навсегда, были же ночи, когда, вдыхая еле

уловимый запах его одеколона с подушки, на которой он спал еще вчера, она физически ощущала его объятия и ласки. Она сходила с ума. Она орала в пустой комнате, орала никому и в никуда, что была бы ему самой лучшей женой. Она обводила кружочками те счастливые дни в календаре, что они проводили вместе, и в конце года слагала эти дни в недели. Получалось не больше четырех-пяти недель за год. Тогда не было и не могло быть никакой жизни помимо него. Сейчас все по-другому.

Лиза переболела одной из первых. Советских женщин эта зараза настигла намного позже, когда иностранцы начали открывать свои офисы и представительства на постсоветском пространстве. Болезнь банальная и называется она «адюльтер с женатым иностранцем». Болезнь эта не смертельная, от нее рано или поздно излечиваются. Лиза была первопроходцем, иммунитета у нее не было, как и чем лечиться, кроме слез и страданий, она не знала. Мудрость, знаете ли, с опытом приходит. Тогда, на заре новых времен, никто из сентиментальных советских женщин опасности еще не подвергался. А вот Лизу угораздило. Чтобы в тебя влюбился женатый, привлекательный иностранец, бизнесмен и отец нескольких детей? Чтобы летал на день святого Валентина в другую страну только для того, чтобы повидать тебя? Чтобы кормил всю ночь бельгийским шоколадом, а сладкие губы покрывал страстными и умелыми поцелуями? Чтобы самым лучшим шампанским утолял твою жажду после любовных утех? Покатались капли этого шампанского в рот, отравилось нутро, посмотрели наивные и доверчивые женские глаза в глаза колдуна и кудесника, опытного заклинателя, и отвратилось женское сердце от всего суетного, знакомого, постсоветского – от темных улиц, от пустых магазинов, от привычного, растоптанного и полинявшего от времени спутника, что звался мужем. Почудилось счастье, почудилась избранность, почудилось, что ждал этот кудесник только тебя и вот, нашел, наконец ту, которую искал... Для них, женатых иностранцев, это было приключением и развлечением, для нас, советских женщин – это было большой и настоящей любовью. Любовью, которая не вмещалась в жизнь. Лиза казнились тем, что, ой, как нехорошо любить женатого, ведь где-то там существует жена, но казнилась недолго и, бывало даже, упрекала такую жену: вот, мол, недотепа, не удержала. Сама-то на месте этой жены еще не бывала.

Кроме того, у женщины, выросший в советской империи, не было возможности узнать мужчину так, как его знали ее сестры на Западе. Как правило, советская женщина принимала ухаживания, кокетничала, ходила на свидания, блюла или нет свою чистоту и положено рано выходила замуж за того, кто приглянулся. Школу интриг и измен она не проходила и мужчину во всем его коварном непостоянстве не знала. Да и мужчина в советской империи разнообразием не отличался – типажей и характеров почти не было. Были герои, космические первопроходцы, например, но были они настолько положительны и растиражированы, что превращались в нереальных сказочных героев. Остальную мужскую массу составляли партийные работники – похотливые и двуличные, серые интеллигенты, неудачники, работяги, забудьды и пьяницы.

Поэтому, когда обеспеченный женатый иностранец, почти инопланетянин, сказал Лизе: «Дорогая, мой брак мертв. Между мною и моей женой уже давно ничего нет. Я сплю на диване в гостиной», она поверила. Не только поверила, но и пожалела, а, пожалев, стала ждать, когда дети его вырастут, когда мертвый брак отпадет, наконец, как засохшая пуповина, и когда планеты сойдутся на небе в нужном порядке. Ей было невдомек, что такие слова говорят всем, и что это всего лишь не самая удачная прелюдия к главной части музыкального произведения, литаврами провозглашающего победу мужчины над очередной жертвой любви.

В любом браке, рано или поздно, настает время, когда жены больше не смотрят на своих мужей восхищенным взглядом, потому что знают их как облупленных. Перед молодой же любовницей они – факиры без прошлого, без грехов и ошибок, чья власть и могущество сосредоточены только в настоящем. Джордж тоже прекрасно знал, как в неискушенных женских глазах стать героем и победителем. Он встретил Лизу посередине своей жизни, к этому времени его жена не только поставила его на ноги, но и превратила в ухоженного сибарита. Естественно, что Лиза смотрела на него сияющим от обожания взглядом, но, несмотря на сияющий взгляд обворожительной Елизаветы Галич, жену Джордж так и не оставил. Почему, спросите вы? Все просто: если с любовницей не сложится или жизнь ударит, в одночасье сбив глянец наносного величия, что с ним станет, куда ему податься? Ведь в одиночку выстоять он не сумеет. Вот и держат жен наши герои-любовники про запас, помнят их имена и местонахождение, заходя старую и надежную гавань отдохнуть и подремонтироваться. Десять лет назад Лиза ничего этого не понимала. Она приняла Джорджа за чистую монету. Банальная, смешная, немного стыдная болезнь под названием «адюльтер с женатым иностранцем», оказалась для нее довольно серьезной заразой. С Джорджем она испытала муки и радости любви. С ним она перестала бояться смерти, а это совсем не мало.

Итак, она знает, за что должна быть отмщена, но знает ли она – как? Как именно она отомстит Джорджу за то, что так долго выжидал и опоздал? Она даст ему то, что он не смог или не захотел дать ей – благополучие и безбедную жизнь вдвоем. Она положит к его ногам свой талант, славу и деньги. Она отдаст ему себя и свою любовь. А потом все заберет.

- Прости, я растерялась. – Лиза прервала затянувшееся молчание. – Ты прав, еще не поздно. Я согласна! Только не сейчас. Сейчас я должна закончить пару картин для выставки. Давай поговорим об этом после выставки. Я люблю тебя. Считаю, что мы обручились. Так что, праздновать будем?

Лиза улыбнулась и поцеловала Джорджа не слишком искренне, но пылко.

Глава 17.

Любовь во всех ее ипостасях.

«Я вымошу твою дорогу драгоценными камнями и построю тебе жилище из хрустала. Бессилен будет поднятый против тебя меч и проклят тот язык, что произнесет тебе хулу». (Из еврейского стиха).

Настал февраль 2001 года. Лиза работала в саду, ее мольберт-тринога стоял напротив колодца с геранями, вокруг которого раскинулся ковер цветущих фиалок. Нарвиц сидел в своем кресле у стола из песчаника и делал вид, что просматривает бумаги, а, на самом деле, наблюдал за Лизой. На стульях, отодвинутых от стола, спали Джозефина и Амадеус.

Мысли о ней были источником энергии для него. Его вдруг поразила мысль, с каким удовольствием он сказал бы ей «мы». Он любил ее с нежностью и обожанием. Никакие слова не казались ему слишком высокопарными. Его мозг облакал его чувства в такие выражения, как «красота ее неисчерпаема» и «душа ее многолика». Эдмунд был из тех, кто любил и ценил слова, наполненные смыслом.

Даже, если человечество сейчас страдает глупостью ума и жестокостью сердца, употребляя слово «сука» как комплимент, он, до самого конца, останется верен красоте, которую творят слова.

С тех пор, как он стал инвалидом и вынужден был вести жизнь отшельника, его часто посещали мысли о смерти. Нет, не потому, что уже тридцать лет он был неполноценным, и даже не из-за выматывающих душу болей, которые крайне редко обманывали его облегчением. Нет! Он думал о том, что подошел к той поре, когда жизнь начинает замедляться. Из нее постепенно исчезают загадки, надежды и вызовы. Скоро она остановится совсем. Как цветок, из бутона превратившийся в благоухающее соцветие, на мгновение замирает, потом слегка подрагивает, прощаясь с порой цветения, а затем начинает сбрасывать лепестки. Остается одна лысая кочерыжка. Другими словами, он достиг той поры, когда надо доживать. И вдруг – она!

Стоит в его саду, рыжая, высокая, смешивает краски и так поглощена работой, что даже ни разу не оглянулась.

- Я люблю тебя, моя дорогая, и это любовь мужчины к женщине, – вслух сказал он.

Лиза его не услышала и не надо. Не дай Бог, она прознает о его чувствах к ней. Такая неразбериха начнется! Что он может ей предложить, кроме покорности своей любви? Зачем же ей душу беречь? В какой-то степени он даже радовался, что между ними невозможна физическая близость, которая могла бы все испортить, принесла с собой суету, стыд, боль и грязь неопрятных человеческих отношений.

Нет, он будет молчать, но, как трудно молчать, когда в душу змейкой вползает страх! После того памятного землетрясения на Крите, Нарвиц убедил себя в том, что Бог не в состоянии дать ему ничего по сравнению с тем, что забрал. Но вот случилось чудо, и в его жизнь вошла эта женщина с капельками слез на пушистых ресницах. Дав Лизу ему, Бог в любой момент может ее забрать... Неужели Он будет настолько жесток?

Эдмунд еще раз бросил взгляд на женщину, рисовавшую фиалки, на котов, мирно спавших на солнышке, и на Руперта, шедшему к нему по дорожке, ведущей от дома. Да, это было счастье, пусть и неполное, а, возможно, самое, что ни на есть, полное. Любое прикосновение счастья было для Нарвица непереносимо из-за осознания потери. Любовь – это боль, это прелюдия к потере.

Солнце начало медленно садиться за горизонт. Сад постепенно наполнялся сизой прохладой. Коты пошевелились, потянулись, спрыгнули со стульев и направились в дом.

Руперт положил плед на плечи фон Нарвица, собрал бумаги, поговорил с ним немного, развернул кресло и покатил его к дому. Подошло время ужина.

В большой зале были распахнуты двустворчатые стеклянные двери, ведущие на веранду. Рядом с камином, в котором пылали дрова, стоял накрытый стол. Ни Руперта, ни фон Нарвица в комнате не было. Лиза вышла на веранду и посмотрела на синее вечернее небо, усыпанное звездами. Почему ей было так легко и хорошо? Почему сегодня вечером она так сильно чувствовала связь со своим Богом и всеми теми существами с душами птиц и зверей, что присутствовали во Вселенной? Так странно стоять на веранде в доме на одной из беспрестанно крутящихся планет и знать, что где-то обитают те, кто похож на Зевса и Артемиду, на Осириса и Исиду. Наше потерянное прошлое... Нам доверили рай на Земле, мы же утратили свой рай, превратив его в ад. Так кто мы такие после этого? Неудачники или преступники?

Услышав шум в комнате, Лиза оглянулась. Руперт подкатил кресло, в котором сидел переодетый к ужину Нарвиц, вплотную к столу. После многочисленных молчаливых часов, проведенных в саду за мольбертом, ей хотелось разговаривать. Да, с ним, с Учителем, который незаметно направляет разговор и не смеется над ее выдумками.

- Ты не устала от разговоров? – спросил Нарвиц шутя. Он попросил Руперта принести вазочку с фиалками со стола в саду. Их нарвала Лиза. Фиолетовые цветы, пахнущие бархатом, были еще свежи. Он подвинул фиалки поближе к своему прибору.

- Я весь день молчала, - Лиза опустила на свой стул напротив Нарвица.

- Тогда давай поговорим о любви, этот волшебный вечер просто обязывает разговаривать о любви. - Эдмунд пристально посмотрел на Лизу.

Руперт разливал вино в бокалы и улыбался. Лиза удивленно посмотрела сначала на Руперта, потом на фон Нарвица.

- О любви? В том мире, что галопом несется к своему концу?

- Разве в нем нет любви? Ты сама призналась, что любила. Я не собираюсь лезть тебе в душу, ты не должна мне рассказывать о своих мужчинах, но мне интересно, что ты думаешь о любви. – Эдмунд с удовольствием пригубил Каберне Совиньон 1941 года из долины Напа.

Он наблюдал за Лизой – что она скажет? Поймет ли, прочувствует ли всю гамму этого восхитительного вина, заставлявшего его душу вибрировать от счастья?

- Хорошо. – Этот краткий ответ мог быть согласием на предложение поговорить о любви, а мог означать удовольствие от пригубленного ею вина. Глаза ее смеялись.

Она не только умела распознавать красоту, она знала, как наслаждаться красотой, будь эта красота букетиком фиалок, сорванных в саду, или букетом старого вина из лоз с американской долины. Нарвиц удовлетворенно хмыкнул.

- Хочешь, начну я? – поинтересовался он. – Чем дольше живешь, тем длиннее пауза ожидания любви. Чем больше знаешь, чем больше состоялся как личность, тем больше некоторые твои привычки стали неотъемлемой частью тебя, тем труднее полюбить другого человека. Настает момент, когда можно влюбиться в выдуманный образ, но невозможно полюбить живого человека. В этом удивительная интрига жизни, которая обескураживает. И вдруг, когда совершенно не ждешь, судьба преподносит тебе такого человека. И потом – что? Потеря себя самого или человека, посланного судьбой? Приходится выбирать, не так ли?

- Почему с возрастом так трудно найти подходящего человека? – переспросила Лиза. – Потому что ты уже создал себя и женщина должна принять тебя такого, как ты есть. Ты уже изваял из себя памятник и смотришь на женщину, думая о том, что вы могли быть вместе, но стоит ли нарушать уже полюбившееся одиночество и приносить в жертву свои привычки? Ведь одиночество, как королевство, приемлет только одного короля. Говорят, что любовь – это мед, который слизывают с шипов. В зрелом возрасте шипы уже пугают, а мед в чистом виде по-прежнему никто не предлагает.

- Что доказывает аксиому о том, что любовь – это один из видов страдания. – Нарвиц наслаждался вином и ее мыслями.

- Любовь, Эдмунд, начинается с желания, - продолжала Лиза. – Настолько сильного желания быть с другим человеком, что ты молишься Господу Богу, чтобы он не забирал у тебя это желание как можно дольше. Пусть оставит его надолго, навсегда! Именно из этого первоначального желания вырастает любовь. Но как можно ждать, что в зрелом возрасте тебе на голову свалится человек, готовый

полюбить в тебе все? Я любила, поэтому знаю, что, за первоначальным желанием следует великий труд и бесконечные компромиссы. Желание быть именно с этим человеком – божественное сводничество, дар, вызов, тот флер романтики, что зовется влюбленностью. Бог говорит тебе – вот твоя половинка, между вами вспыхнула искра, теперь трудитесь, чтобы из этой искры разгорелось пламя любви. Но тут же он вонзает в сердца влюбленных тысячу кинжалов, таких, как ревность, подозрительность, неверие, раздражение, неуверенность, придирчивость, а главное, он поселяет в их сердца ложную надежду на то, что где-то там, за углом, их ждет лучший претендент.

- Результат?

- Искра гаснет. Для того, чтобы из нее разгорелось пламя, постараться надо. У современных людей на старание нет ни времени, ни сил, ни желания. Их не только в любви, их во всем отучили стараться. Они хотят все и сразу, а, если нет, продолжают поиски, уже давно ставшими бессмысленными, потому что своего единственного они впопыхах отринули. Хотя, может и повезти.

- Это как? – в голове у Эдмунда приятно затеплилась надежда.

- Ну, ты же знаешь, говорят, что любовь слепа. Ослепленные любовью, люди уже не в состоянии увидеть реального человека. Но, должна предупредить – ослепление рано или поздно проходит.

- Поэтому вернемся к зрелым людям, слегка задубевших в своих одиночествах, - немного разочаровано предложил фон Нарвиц. – Допустим, одинокий и уже состоявшийся человек все-таки попробует соединить свою судьбу с той, что так внезапно появилась в его жизни. Не кажется ли тебе, что один из них обязательно попытается изменить другого? Скорее всего, мужчина не захочет менять встретившуюся ему женщину, он слишком ленив для этого, да и потом, его гораздо больше интересует физический аспект, чем духовный. А вот женщина тут же возьмется менять мужчину.

- Конечно! Изменить мужчину означает приобрести над ним власть.

- Ты думаешь, женщина это делает неосознанно? – в голосе Нарвица опять прозвучал интерес.

- Частично она делает это неосознанно, потому что желание изменить мужчину заложено у нее в генах. Это касается мелочей – носков, личной гигиены, перечня блюд, которые любит ее избранник, его забывчивости, его необязательности. Женщина гораздо более опрятна и в быту и более собрана, чем мужчина. Все эти изменения будут ее спутника раздражать, но пойдут ему на пользу. Гораздо серьезнее дело обстоит с сознательным желанием женщины изменить своего избранника. Со времен наших прапрапрабабушек, в нас не утихает желание отомстить вам за мужской шовинизм, подорвав существующее положение дел. Вы всегда старались принизить нас, считая себя людьми более высокого качества. Столетиями вы держали нас внизу, не давая развиваться и все же, мы пробились. И теперь мы всегда будем стремиться к тому, чтобы получить власть над вами.

- Тогда любовь – это война, - неутешительно подытожил Нарвиц.

- А разве любая война – это не огромное, жгучее, неодолимое желание? Только в данном случае, овладеть не человеком, а территорией и богатствами?

- Значит, мы овладеваем и подчиняем? И это зовем любовью?

- Именно. И, поскольку, в войнах одна сторона всегда побеждает, а вторая – капитулирует, лучше продолжать воевать. Тысячи кинжалов в твоём сердце и постоянные компромиссы лучше победы и уж, конечно, лучше капитуляции. И то, и другое означают конец.

- Ну, а если любовь все-таки утеряна? Женщина долго любила мужчину, но ей, по каким-то причинам, пришлось отказаться от него. Используя военную терминологию – любовь «пропала без вести».

- Это ты обо мне? А говорил, что не будешь... - в голосе Лизы зазвучала угроза шуточной обиды.

- Прости меня, пожалуйста. Попробуй окуня, он просто восхитителен! Согласись, - продолжал Нарвиц, - когда говоришь о любви, трудно говорить отвлеченно. Здесь имеет значение только личный опыт.

На самом деле он не испытывал абсолютно никаких угрызений совести. Он до сих пор не знает того, кто любит ее. Так или иначе, он узнает. От нее или от других. От нее – предпочтительнее.

- Ты когда-нибудь думал о том, - примирительно сказала Лиза, - что утерянное нами может стать нашим приобретением? Утраченная любовь сохраняется в воспоминаниях, продолжая быть частью моей жизни, частью меня. Перестав существовать в реальности, чувство к мужчине, которого я однажды любила, продолжает жить во мне. Я помню вкус любви, помню тот всплеск счастья, что она мне подарила. Никогда не могла понять, зачем тем людям, что любили, снова искать любовь?

- Чтобы повторить ощущения того всплеска счастья, о котором ты говоришь.

- Любовь только раз дарит по-настоящему сильное счастье. Повторить его невозможно. Всегда будешь сравнивать, ожидая того же, что и раньше, и никогда не получишь. Повторить можно одинаково хороший или одинаково плохой секс.

- Сегодня секс не вызывает ни страха, ни порицания, - Нарвиц кивнул головой после того, как пригубил белого вина, налитого Рупертом его бокал. Тот подошел к Лизе и наполнил ее бокал. - Страх вызывает любовь, вот и пришлось заменить ее физическим актом, который является всего лишь одной из многочисленных граней любви и то, не самой значительной. Одно из великих человеческих заблуждений заключается в том, что для полного обладания женщиной необходимо обладать ею физически. К такому выводу пришел Александр Дюма-сын и я совершенно с ним согласен. Радости физического обладания быстро иссякают. Ну, сколько раз можно получать удовольствие от одного и то же акта и одного и того же партнера? Страсть вообще не может длиться долго. Она угасает. Физическое обладание, как ни странно, укорачивает век любви, если любовь имеет только эту, одну-единственную грань. Не хочу утверждать, что секс – убийца любви, но иногда это так. Когда же сближаются души, не случается блаженного опьянения, как при физическом соитии, но случается интоксикация глубокого понимания. Впечатления, возникающие при этом, так же сильны, но пресыщение не наступает никогда. Дюма даже утверждает, что духовная близость не дает двум любящим сердцам состариться.

Нарвиц был доволен собой. Его речь должна была убедить Лизу в неоспоримых преимуществах духовной близости. Окунь под белым соусом был нежен и, одновременно, сочен. Молодые морковка, картофель и спаржа были приготовлены на пару и потом слегка припущены в сливочном масле. Прекрасный выбор для легкого ужина, утоляющего голод, но не парализующего мозга.

- Младший Дюма демонстрирует нам весь процесс, - Лиза не поддавалась на его красноречие. - От неразборчивости связей и пресыщения чувственной любовью в юности до ценителя душ в зрелом возрасте, когда он уже противится женщинам и выступает их судьей.

- Начнем с конца? – бросил вызов Нарвиц.

- С Иисуса Христа? – не колеблясь ни секунды, Лиза приняла вызов.

Если бы кто-то наблюдал за этими двумя со стороны, он бы удивился их полному взаимопониманию. Обладая знаниями, они наслаждались своей беседой, как хорошие танцоры наслаждаются своим танцем. Каждый из них заранее знает, как поведет себя партнер, а, если, одному из них вздумается импровизировать, другой готов подхватить и продолжить любую импровизацию, интуитивно разгадав неожиданное движение тела, а, в нашем случае, неожиданное направление мысли собеседника.

За окном стояла глубокая теплая ночь. Убаюкав, кого смогла, она приглушила звуки и тихо стояла там, за распахнутыми дверьми, ведущими в сад. Ни один листок не шевелился на деревьях и, казалось, что ночь внимательно прислушивается к этим двоим – инвалиду в коляске и красивой женщине, говорящих о любви. Оба были счастливы лишь оттого, что разговаривают.

- Однажды Дюма пригласил к себе Леопольда Лакура, - начала Лиза, - молодого преподавателя, написавшего очерк о его пьесах. В разгар беседы, Дюма вдруг спрашивает Лакура: «Известно ли вам, почему Иисус завоевал мир?» - «Прежде всего, - ответил Лакур, - он завоевал не весь мир, а только его часть». «Пусть так! Но эта часть как раз и представляет наибольший интерес с точки зрения современной цивилизации. Итак, я повторяю вопрос», - настаивал Дюма. - « Да потому, что Иисус был распят за свою проповедь о бесконечном милосердии и всеобщей любви». - «Несомненно, - последовал ответ Дюма, - но, главным образом, потому, что, проповедуя любовь, он умер девственником». Кстати, Дюма собирался писать пьесу под названием «Мужчина-девственник». О том, что любовь, так и не выйдя в открытое море бурных страстей, вполне может остаться в тихой гавани духовной близости и насладиться ею. Что возвращает нас к разным видам любви и к Иисусу Христу.

- Любовь не только разнообразна, но и меняется по мере того, как взрослеет человек, - продолжил Нарвиц. - Когда приходит время постичь смысл жизни, она претендует на то, чтобы возглавить список деяний и свершений, составляющих этот самый смысл. Хотя, надо сказать, что смысл жизни вообще постичь нельзя, такого универсального смысла не существует. Можно понять смысл своей собственной жизни и то, только перед самым ее концом. Кстати, люди любят повторять расхожую фразу о том, что они ищут себя. Себя надо не искать, себя надо создавать. Итак, любовь разнообразна. Христос вполне мог умереть девственником, как нам пытаются вдолбить церковь - однако кто знает? - потому что он проповедовал совсем другой вид любви. Он пытался убедить нас в том, что мы должны любить своего ближнего и не призывал к насилию. Тем и был особенно опасен. Человеку понятно насилие, ему не понятна братская, общечеловеческая, бесполовая любовь. Иисус взвалил на свои плечи невыполнимую задачу. Чтобы не потерпеть фиаско, он должен был умереть. Своевременная смерть всегда спасает авторитет.

- Не умереть, а симулировать смерть, - поправила Лиза. - Он же жив-здоров там, на Небесах. Две тысячи лет с нами, грешными, не общается. Обещал явиться и не является.

- Иисус симулировал смерть, его Отец симулировал прощение, потому что, если тот ад, в котором мы живем, это прощение, что же тогда наказание? - Нарвиц посмотрел на Лизу. - Люди симулируют веру, потому что, когда веришь по-настоящему, перестаешь грешить. Но как можно искренне верить в того, кто две тысячи лет ни разу ничем эту веру не поддержал? Было время, церковь могла похвастаться такими верующими, как Микеланджело и Моцарт, а теперь священники трахают детей. Извини меня за грубость, но иначе не скажешь.

- «Однажды, когда я в себе сомневался, - говорит Бог, -

Я зашел к своему другу Шекспиру,
Потом на квартиру отправился к Рембрандту –
Весь покрытый морщинами, он перед зеркалом писал свой портрет.
Прежде, чем воротиться к себе, в мое зыбкое царство,
Заглянул я к мальчику Моцарту
И подарил ему новенький клавесин.
Трех этих визитов оказалось достаточно,
Чтоб хотя бы чуть-чуть
Примириться с собой».

С последним словом стиха в комнате воцарилось тишина.

- Это из книги Алена Боске «Тревоги Господа Бога», - тихо сказала она.
- Моцарт, Рембрандт, Шекспир, Микеланжело – доказательства существования Бога-творца, доказательств того бога, что живет в поповских сказах пока не выявлено. – Эдмунд вспомнил их первый долгий разговор об искусстве и жизни.
- Но было же наказание! – Лиза аккуратно положила нож и вилку на свою тарелку и отодвинула ее.

- Потоп?

- Потоп.

- Он не был всемирным, - уточнил Нарвиц. – В 5500 году до н.э. случилось землетрясение. Черное море вышло из берегов, затопив густонаселенные территории. Дело, впрочем, не в правдивости. Один раз, якобы, наказали и один раз простили. Что дальше?

- Я никак не могу понять, - Лиза сделала небольшой глоток вина, - как можно любить ближнего, если этот ближний – сволочь? Это же противоречит не только логике, но и морали! Как можно любить тирана, уничтожающего несогласных, или попа, соблазняющего ребенка, или вора, крадущего у своего народа? Любить можно только того, кого хочешь любить, когда любовь возникает в тебе естественным и даже чудесным образом к одному-единственному из семи миллиардов. Естественно также любить своего ребенка. Но, что значит любить против воли? Это принуждение и рабство. К этому нас призывал Иисус? Что-то попы в этой сказке не додумали. Или, наоборот, додумали. Ведь любовь по принуждению – это любовь к власти, это послушание власти, это безвольная паства, которую принудили к любви. Так церковь на протяжении всех веков служила Кесарю.

- Христос не грехи людские должен был взваливать на свои плечи, таким образом, отсрочив гнев своего отца, а человечество изменить. Лишить его пороков. Тогда можно было бы и ближнего возлюбить. Эта сказка про Христа не имеет смысла. Не стоит тратить время на тот вид любви, который существует лишь в головах самозванцев, прикрывающихся именем Христа.

- И, тем не менее, одной из разновидностей любви является божественная любовь, - на этот раз Лиза провоцировала Учителя.

- Ах, эта... Мы должны признать себя неразумными плодами любви Разума и Вселенной. Мы все их дети и, посредством нашей земной любви, нам дана возможность почувствовать неясный отблеск, слабое отражение божественной любви. Одна теория гласит о том, что мы не сможем в полной мере прочувствовать божественную любовь, пока не научимся преодолевать плотность времени и пространства. Условия, условия...

- Другая теория говорит о том, что, поскольку человек – единственное живое существо на планете, которое знает о том, что рано или поздно умрет, его надо заставить поверить в некую божественную любовь, которая его ожидает после смерти. Не будем сейчас искать ответы на такие вопросы – что такое душа и как

именно человек после смерти распознает самого себя, если его тело умерло, а душа очистилась. После того, как душа, выпорхнув из тела, преодолеет пространство, да и время тоже, она познает божественную любовь в ее бесконечной полноте. Это более прикладная теория.

- Знаешь, я думаю, тут самое время вернуться к разговору о сексе, которым подменили любовь, - Нарвиц явно не хотел терять время на бесполезные разговоры.

- Не советую хулить секс за пределами этого дома, - рассмеялась Лиза. - Секс в современном мире стал, как и деньги, индикатором престижа. Для обывателей, мозги которых каждый день обугливают на жаровнях медиазаразы, постоянно создают образцы для подражания. Например, женщина - это внешность, духи, туфли и сумки. Если повезет, то дорогие украшения. Мужчина - золотой корпоративный парашют за спиной, престижная машина, а рядом с ним обязательно его трофей в туфлях и с сумкой. Дамочки постарше покупают себе жеребцов по всему свету, потому что верят, что секс омолаживает и продлевает жизнь. Если ты в этот мыльный пузырь лезть не хочешь, ты неудачник и общество тебя отторгает.

- Ну, конечно! - воскликнул Нарвиц. - Тем, кто сидит в мыльных пузырях, с одной стороны, опасно говорить, что совсем не секс омолаживает, а, с другой, бесполезно. Ведь нельзя же им высказать такую крамольную мысль, что не упражнения половых органов, а работа мозга продлевает молодость и жизнь. Чем напряженнее и продуктивнее будет работать мозг, тем дольше останешься дееспособным.

- Если кто-то отважится сказать им правду, они ее отринут, - сказала Лиза. - Скорей всего, эта правда прозвучит из уст того, кто абсолютно не соответствует образцу для подражания. А раз так, значит, неудачник, а его они слушать не будут.

- Давай вернемся к Александру Дюма и любви. Мы отвлеклись и не договорили, - напомнил Нарвиц.

- Итак, от трудного детства, когда в частной школе его травили за то, что он был незаконнорожденным, а, также за то, что его матери приходилось работать, до...

- До «Дамы с камелиями» и «Дамы с жемчугами», - закончил фон Нарвиц.

- Гюго сказал, что у Дюма-отца было больше гениальности, чем таланта. А Дюма-сын - это талант в чистом виде, но ничего, кроме таланта. Трудно понять, что именно имел в виду Гюго, поскольку гениальность - это высшая степень таланта, но я все равно ему верю.

- Согласен, Гюго был дотошным, никогда не сводил свои исследования к минимуму, как Дюма-отец. Но мы опять повернули в другую сторону. Именно эта школьная травля сделала Александра приверженцем морали. Будем считать, что многие из нас, так или иначе, выпроставшись из своего детства, являются приверженцами морали. Что дальше?

- Думаю, Эдмунд, насчет морали ты ошибаешься. Мысль о существовании морали следует отбросить, как ее отбросил наш бранный мир.

- Хорошо, нынешняя молодежь вступает в сознательную фазу своего бытия без такой защиты, как мораль.

- Откуда ей взяться? - настаивала Лиза.

- Во времена Дюма-младшего морали тоже было неоткуда взяться. Мари Дюплесси или «Дама с камелиями» была куртизанкой. То есть содержанкой.

- Во времена Дюма было больше индивидуальных носителей морали. Они хоть как-то освещали сплошной мрак. - Лиза немного помолчала, но потом вернулась к предыдущему разговору. - Между прочим, в то время, когда Александр был влюблен в Дюплесси, он даже не помышлял о преимуществах духовной близости

между мужчиной и женщиной. Он наслаждался чувственной любовью. «Вы помните ль еще те ночи? Страсть пылала... И поцелуи жгли, и обрывался стон» Кажется, так он писал в своих «Грехах юности»?

- Каждому возрасту свое, - нехотя согласился фон Нарвиц. – Он должен был пережить любовную страсть.
- Неотъемлемую часть земной любви. – Продолжала гнуть свою линию Лиза.
- Однако Мари Дюплесси, не выносившая аромата роз, умирает. Александр Дюма бросил ее еще до ее кончины. Как писал Дюма-отец Изабелле Констан, своей последней любви: «За свою жизнь человек, увы, переживает лишь две настоящих любви: первую, которая умирает своей смертью, и вторую, от которой он сам умирает. К несчастью, я люблю тебя своей последней любовью». Дюплесси тоже убила ее последняя любовь.
- Александр воздвиг ей памятник посмертно, только вместо скульптора был писатель, а тело заменила душа.
- Вот еще два вида любви – первая и последняя...
- Есть еще взаимная и безответная, – добавила Лиза.
- Да, насчет безответной. Отец Дюма писал Изабелле потрясающие вещи: «Нет, мой драгоценный ангел, я не могу обладать тобой лишь наполовину. Я не говорю о физическом обладании, в моем чувстве к тебе сочетаются страсть любовника и привязанность отца, но именно поэтому я не могу обойтись без тебя... Мне необходимо быть рядом с тобой, принадлежать тебе, даже, если ты не можешь принадлежать мне»...

В комнате воцарилась тишина. Руперт, убравший тарелки, замер. Неужели словами Дюма-отца его хозяин только что объяснился в любви своей собеседнице? Лиза спокойно смотрела на Эдмунда. В отца он ей не годился, разве что он стал бы им в довольно раннем возрасте. Ах, он себя считает старым и немощным...

- Потанцевать не хочешь? – спросила она.

Руперт выронил тарелку. Эдмунд тоже не ожидал от нее такой бестактности. Неужели старое вино настолько затуманило ей мозг?

Оставаясь совершенно спокойной, Лиза попросила Руперта поставить какой-нибудь диск. Тот, немного поколебавшись, перешагнул через осколки разбитой тарелки и начал судорожно перебирать диски. Ни Моцарт, ни Бах не подходили, поэтому он схватил первую попавшуюся пластинку эстрадных певцов, впопыхах установил ее на проигрыватель и опустил на нее иглу. Билли Экстайн запел «Я прошу прощения» - «как бы там ни было, мы были больше, чем друзьями». Лиза подошла к креслу Эдмунда, опустила руки на его спинку и начала медленно двигаться в такт музыки. Она опустила голову, ее волосы коснулись лица фон Нарвица, она улыбнулась ему и медленно развернула кресло к себе. Сделав несколько движений, она вдруг снова оказалась сзади, но держала он уже не спинку кресла, а его плечи. Так они кружились в танце, пока Лиза, запыхавшись, не облокотилась на край стола. Эдмунд смущенно улыбался, но глаза его сияли. Руперт стоял, прижавшись к стене.

- Руперт, подавай десерт! – воскликнул Нарвиц.

После того, как все успокоились и Руперт принес фисташковое мороженное и шампанское к нему, разговор о любви был продолжен.

- Графиня Лидия Нессельроде, двадцатилетняя красавица, племянница премьер-министра России и беспощадная кокетка кидается на шею начинающему писателю.
- Статному красавцу Александру Дюма, - Лиза залпом осушила бокал холодного шампанского.

- Его стихи, посвященные ей: «Мы ехали вчера в карете и сжимали в объятьях пламенных друг друга...», - дальше не помню, потом: «...Но вечная весна. Весна любви цвела», - Нарвиц себя уже не сдерживал.

- Роман с россиянкой Нессельроде его разочаровал, - заметила Лиза. - Александр был честен и прям, а в Лидии он узнал человеческую самку в самом соблазнительном и самом ужасном ее виде. С ней он прошел школу аморализма.

- С Лидией Нессельроде, чьим любовником он был, Александр рассчитался своей пьесой «Дама с жемчугами», где главная героиня тоже умирает. В реальной жизни ветренная Лидия изменила ему. За ней последовало увлечение еще одной россиянкой - княгиней Надеждой Нарышкиной. Александр хотел жениться на ней, но князь Нарышкин отказался дать ей развод. У Надежды и ее мужа была дочь, но дело было не в этом. Российские монархи были против развода в аристократических кругах.

- Эти две россиянки буквально прикончили романтические поползновения в Александре. Другими словами, после них он больше не мог любить. От разочарования в любви до женоненавистничества - всего один шаг. - Лиза с удовольствием ела мороженное.

- После того, как разочарование стало его второй натурой, он довольно нелицеприятно высказывался о женщинах. Помнишь? - спросил фон Нарвиц.

- О, да, фраза о том, что женщин надо держать в рабстве, принадлежит ему. - вспоминая точные слова, Лиза цитировала Дюма: «Женщина - существо ограниченное, пассивное, подчиненное, живущее в постоянном ожидании. Это единственное незавершенное творение бога, которое он позволил закончить человеку. Это неудавшийся ангел... Итак, природа и общество сошлись на том и будут сходиться вечно, как бы ни протестовала Женщина, что она - подданная Мужчины. Мужчина - орудие бога, женщина - орудие мужчины. *Ille sub, ille super* (она внизу, он наверху). И нечего с этим спорить». Александр Дюма написал это в предисловии к своей пьесе «Друг женщины». А потом...

- А потом муж Нарышкиной наконец-то умер и Дюма женился на княгине. Жорж Санд прислала ему свадебный подарок в форме урны. - Нарвиц раскурил сигару.

- Для пепла свободы или для праха любви? - Лиза тоже достала свои тонкие сигары и зажигалку.

- Для праха любви, конечно, - улыбнулся фон Нарвиц. - Союз с женщиной, страдавшей нервами и ревностью, мог сделать только одно - окончательно прикончить в нем любовь.

- Зачем женился, спрашивается?

- В отличие от его отца, он хотел быть мужем, а не любовником, и иметь жену, а не любовницу.

- Условности. - Лиза с удовольствием затянулась.

- Принципы. - Нарвиц выпустил клубок дыма.

- Как бы там ни было, Дюма-сын находит выход в работе. Он заявлял нечто вроде того, что истина находится в работе и в солидарности с человечеством, на которое умные люди оказывают влияние. Лучше написать хорошую пьесу, чем быть любимым, даже искренне, самой обворожительной женщиной. Женщины - пустые погремушки.

- Плотская любовь не только исчерпала себя, но и нанесла вред. Мы пришли к тому, с чего начали. С самками было покончено, но он обожал одну женщину с мужским умом. Жорж Санд.

- О, она великолепна! - воскликнула Лиза. - Одна из записей в ее Дневнике просто потрясающая: «Демарке только что сообщил мне, что у г-жи Дюма преждевременные роды и наш обед в четверг не состоится. Он ведет меня ... в

другое место, где я обедаю и затем нанимаю карету, чтобы ехать на проспект Нейи; у меня умопомрачительная мигрень. Кучер пьян, лошадь тоже. Но все-таки, мы молодцы, нам удается найти дом...» «Молодцы» относится к пьяному кучеру, пьяной лошади и к ней самой, страдающей мигренью.

Лиза смеялась. Она восторгалась умными женщинами с развитым чувством юмора. Женщинами, которые, не боясь, вступали в схватку со своими судьбами. Из многочисленных сражений они выходили немного потрепанными, но не побежденными. Сам Дюма отзывался о Санд так: «Вот ум, способный унижить наш пол, ибо не многие из нас были бы в состоянии каждые десять лет начинать свою жизнь заново после таких потрясений, какие пережила эта женщина».

Нарвиц был благодарен Лизе за то, что она не старалась быть загадкой, как, вероятно, на ее месте поступила бы любая другая женщина. Она просто была умной женщиной. Это состояние было для нее естественным.

- Хочу задать тебе вопрос, - прервал молчание Нарвиц. - Чего ты ждешь от выставки? Денег или признания?

- И того, и другого, - честно ответила Лиза.

- Я понимаю, зачем тебе нужны деньги, но признание – только для тебя? Чтобы состояться? Чтобы просыпаться по утрам с приятным чувством, что ты знаменитость?

- Знаменитость? Нет, упаси бог меня от этого! Как только я стану знаменитостью, я предам того, кто так добр ко мне.

- Ты говоришь о Боге? – уточнил Нарвиц.

- Да, о нем. Мне нужно признание, да и деньги тоже для человека, которого я любила. Мне надо выполнить свое обещание.

- Так это все для мужчины? – Нарвиц был обескуражен.

- Да, для мужчины.

- Принесешь и положишь к его ногам?

- Именно.

Фон Нарвиц не мог поверить тому, что только что услышал. Даже его пронизательный ум не мог постичь того, что говорила ему эта тонкая и умная женщина. Он, конечно, не мог предположить, не мог догадаться, что обещание, о котором рассказала ему Лиза, было ее инструментом для мести, а отнюдь не прелюдией к сладкой жизни со своим любовником.

- Несколько лет назад, в Греции, я впервые поняла, что такое свобода, - сказала она. - Вернее, я почувствовала ее. Я стояла на верхней открытой палубе на пароме, что шел на Эгину и, вдруг, за моей спиной как будто выросли крылья. Такое не забывается. Мое сердце до краев наполнилось любовью к стране, подарившей мне осознание свободы, а, позже, и к мужчине.

- А сейчас? – Нарвиц внимательно наблюдал за Лизой. - Кто или что в твоём сердце? По-прежнему, она и он? Греция и мужчина?

- Одна любовь еще теплится воспоминаниями, другая – утрачена навсегда.

- Почему же? Греция по-прежнему прекрасна. Помнишь, у Ирвина Стоуна: «Греция – это то место, где Господь любил Землю».

- Греция – это еще один утерянный рай. Сучья раса политиков его уничтожила.

- Хочешь уехать? – спросил фон Нарвиц. - Возможно, после такого тяжелого для тебя года, тебе нужно отвлечься? Вырваться из твоей квартиры, сменить обстановку, повидать другие страны? Знаешь, в древности самым желанным гостем на пиру или при дворе был путешественник. Он говорил о странах, где еще никто не бывал, его слушали. Возможно, мы с тобой найдем еще сохранившийся рай, что станет нашей родиной.

Лиза подумала о том, что еще год назад, она умоляла своего мужа, теряющего рассудок Димитриса Загкоса, куда-нибудь уехать. Она убеждала его отправиться в путешествие, увидеть незнакомые места, которые могли бы отвлечь его от страха перед смертью и его навязчивой похоти. Тот отказался. Теперь же ей предлагают восхитительную сказку странствий, без проблем и забот. Восхитительный мостик в другой сегмент ее жизни, в другие годы – счастливые, беззаботные, наполненные творчеством и свершениями.

Она могла бы забыть о Джордже и о своем желании ему отомстить, она могла бы переступить не только через задуманную ею месть, но через него самого и через все обстоятельства и воспоминания, связанные с ним. Она могла бы забыть, повернуться и уйти. Жить дальше. Могла бы, но не делает этого.

Лиза долго оставалась наивной. Воспитанная определенными людьми в определенном окружении, она долгое время была убеждена в том, что в ее орбиту должны попадать люди одного с ней уровня честности, чистоты и ума. Она долго не знала о существовании подонков и лжецов. Пришло время и жизнь швырнула ей в лицо целую пригоршню и тех, и других.

Сейчас ей предлагают забыть об их существовании, не спорить, не задаваться вопросами, не мучить себя. Декорации ее прошлого могли бы превратиться в тряпки и упасть на сцену, только ее там уже не будет. Как заманчиво и, возможно, единственно правильно.

Однако она поступит по-своему.

- Спасибо, Эдмунд, – встав из-за стола, Лиза подошла к Учителю. – Ты не представляешь, как мне хочется отправиться с тобой в путешествие. Я повидала достаточно стран, но с тобой наше путешествие превратилось бы в незабываемое странствие. Я знаю это. Но я также знаю, что сейчас еще не время. Извини меня за то, что я не могу поехать с тобой прямо сейчас. Я должна кое-что доделать в своей жизни. Если я этого не сделаю, кусок моей жизни будет болтаться как обрезанная нить, а мне надо завязать на ней узелок. Прости меня. Мы обязательно отправимся в путешествие и ты покажешь мне новые, незнакомые места. Но не сейчас. Сейчас я не могу.

Эдмунд взял ее руку и поцеловал ее. Даже, если он не совсем понимал, что она имела в виду, и какой именно узелок ей надо завязать, он будет рядом с ней.

Ужин подошел к концу. Много было сказано, о многом оба умолчали. Ночь была глубока и необычно тиха. Утром настанет новый день. Лиза будет рисовать в саду, кошки будут дремать на солнышке, Руперт проследит за тем, чтобы дом жил, дышал, кормил, укрывал и радовал. Фон Нарвиц проведет бессонную ночь – уже в который раз он будет подвергнут пыткам. Боль, любовь и жизнь будут терзать его тело, его душу и его разум, но он выживет. Вместо того, чтобы отдаться жалости к себе и ненависти к своим мучительницам, он выстоит и сохранит ту, что завтра часами будет танцевать свой молчаливый танец перед мольбертом, то склоняясь над ним, то отходя от него. Свободные мазки, что она будет наносить на холст, постепенно свяжутся и объединятся, превратившись в потрясающую картину. Фиалковое поле, на которое упал луч солнца, будет источать тонкий аромат цветов и весенней свежести, растворившейся в первом тепле.

Глава 18.

Настоящее и прошлое в одном дне.

Настал тот день, которого многие ждали. Ждала его Лиза, ждал фон Нарвиц, ждал Джордж, ждал Игнат, который, через несколько часов, должен был прилететь в Афины. Да, сегодня именно тот день. В семь часов вечера за ней заедет Руперт, а ровно в восемь, распахнутся двери одной из картинных галерей, что находится на Плаке и, приглашенные на вернисаж, зайдут внутрь, чтобы увидеть ее картины.

Лиза не обманывалась тем, что гостей, приглашенных фон Нарвицем, заинтересуют ее картины. Как когда-то говорила Бэба, никому нет дела ни до нее, ни до ее картин. Однако они ни за что не пропустят это событие, потому что это интрига. Неожиданно для всех, Нарвиц собирает людей на вернисаж никому неизвестной художницы. Кто такая Елизавета Тропинина? И почему он ей протезирует? Нет, они не пропустят такое событие, потому что сгорают от любопытства. Они придут, потому что не посмеют отказать фон Нарвицу – таким, как он, не отказывают. Они также купят картины, потому что он будет от них этого ожидать. Каждому из них был заранее разослан каталог с описанием шестнадцати картин – прекрасное небольшое издание. Слава богу, картины довольно хороши. Если уж расставаться с деньгами ради Эдмунда фон Нарвица, то хоть что-то приличное поиметь за эти деньги. И, все же, кто она такая? Почему этот затворник вдруг проявил к ней такой интерес? Кажется, у Нарвица не только детей, но и живых родственников нет. Отхватила куш эта Елизавета Тропинина! Влюбился старый черт? Запоздалая любовь, блажь бездетного инвалида или слабость старика, которого заморочила заезжая красотка? Хотя, насчет красоты они уверены не были. Лиза не захотела, чтобы в каталоге, рядом с ее фамилией, поместили ее фотографию. Она сказала, что это каталог, а не некролог, и снимков ее полотен вполне достаточно. Внешность художника не имеет никакого значения.

Догадываясь обо всех этих пересудах, она чувствовала себя не в своей тарелке. Что поделаться, ей надо скрепиться и пережить сегодняшний вечер. Полотен не много – семнадцать, а для продажи выставлено шестнадцать. Только накануне она закончила портрет фон Нарвица, он будет висеть на стене напротив входа в галерею, но для продажи не предназначен. Лиза также решила не выставлять свой собственный автопортрет и портрет Анны. Эти картины были слишком личными и слишком ей дорогими. Остальные пусть покупают.

Время подбирается к четырем пополудни и уже совсем скоро ей надо ехать в аэропорт встречать Игната. Выйдя на узкую веранду, опоясывавшую дом со стороны улицы, Лиза глянула вниз, ей хотелось знать, стоит ли там припаркованная машина хозяйкиного сына. Она раздумывала – вызвать такси или попросить Такиса подвести ее? Он с утра валандался без дел. Молодой, простоватый и глуповатый, он напоминал Лизе Митрофанушку из «Недоросля» Фонвизина. Митрофан, или «подобный матери своей», цели в жизни не имел, однако любил поесть и погонять голубей. За вычетом голубей, таким же был и Такис. Удовлетворяясь платой, которую его мать собирала с жильцов за аренду, он даже не помышлял о том, чтобы найти работу и достичь определенных высот в жизни. Придет время, он возьмет за себя крепкую простушку из деревни и, плодя подобное ему потомство, будет ждать смерти матери. Бездельничая, он частенько вызывался свозить Лизу в супермаркет или съездить с ней на базар. Принимая его помощь, она никогда не забывала поблагодарить его. Когда у нее было настроение стряпать, она звала его разделить с ней трапезу. Во время еды она рассказывала ему истории про художников. Такис слушал с открытым ртом и просил рассказать еще. А, после того, как он увидел, что за квартирницей его матери пару раз заезжал Руперт на Royal Bugatti, он преисполнился не просто восхищения и

обожания к ней, а прямо-таки подобострастия. Ради нее он готов был на все, даже на дорогу в аэропорт и обратно.

Поежившись от прохладного ветерка, она уже собиралась уйти с веранды, как вдруг заметила черный джип, подъехавший к входной двери. Ей было любопытно, кто бы это мог быть – вдруг кто-то с выставки, в последнюю минуту понадобилось что-то уточнить или доделать, и организаторам нужно было ее согласие. Сначала открылась дверь со стороны пассажира, потом дверь водителя. Прежде, чем она поняла кто это, слепой страх уже ударился ей в грудь. С трудом заставив себя посмотреть на тех, кто вышел из джипа, она вздрогнула, увидев хорошо знакомые ей лица. Да, это были Борькин и Чмыхов – привидения из прошлого. Два бывших зека, что шестирили на Иезуитова. Две крысы, заползавшие в кабинет своего босса по вечерам, когда офис уже пустовал. Через некоторое время они выползали оттуда, готовые бежать на запах страха и крови. Припугнуть, избить или замочить. Неважно, что, им платили и они выполняли свою грязную работу. Сейчас они приехали за ней.

Страх штука мерзкая. Не потому только, что вгоняет твой разум и тело в ступор, но еще и потому, что страх – чувство рабское. В сердцах и душах ничего не подозревающих людей страх поселяют и культивируют специально. Когда он вырастает до таких размеров, что затмевает разум, людей превращают в послушную толпу. Страх и раб – почти что синонимы. Если ты боишься, значит, признаешь власть другого человека, власть режима или обстоятельств над собой.

Лиза ненавидела бояться, вот и сейчас, страх толкнулся было в нее, но она его не впустила. Вцепившись в холодные прутья кованой ограды, она заставила себя избавиться от оцепенения, вызванного появлением неожиданных и нежеланных гостей. Вопрос откуда Иезуитов узнал ее адрес, сейчас не главный – рано или поздно она выяснит. Сейчас надо сообразить, что делать. У нее минута или две, не больше. Пока она так стояла, оба бандита окинули взглядом дом и подъездные пути к нему. Взглянув на веранду второго этажа, они увидели и узнали ее.

Быстро зайдя внутрь спальни, Лиза посмотрела на свой наряд, разложенный на кровати. Вечером она должна была появиться в нем на открытии своей выставки. Неужели не судьба?

Сейчас они позвонят в дверь, она им не откроет и они начнут ломиться в дверь. Звонить в полицию бесполезно, прямо сейчас она тут не появится. Если бы она знала, зачем именно эти подонки приехали, она решила бы открыть им дверь и попробовала договориться с ними. Поскольку она этого не знала, то говорить с ними было не о чем. Они заткнут ей рот и, вероятно, оглушат, потом засунут в машину и что дальше? Куда они ее денут? Есть два варианта – вывезут куда-нибудь в безлюдное место и убьют, или напоят какой-нибудь гадостью, засунут в самолет и привезут в Киев. И в том, и в другом случае Лиза не контролировала ситуацию, становясь жертвой. Такой расклад был не для нее. Она могла бы открыть дверь, ринуться мимо них вниз и, очутившись на улице, позвать на помощь. Нет, с двумя она не справится и, потом, закатывать истерики на улицах не в ее стиле. Да и придет ли ей кто-нибудь на помощь? Эта тихая улочка была пристанищем таких же тихих обывателей. Они плотнее захлопнут ставни и будут ждать, пока сыр-бор не успокоится. Итак, остается одно – бежать. Она так часто наблюдала, как Амадеус карабкался вверх по глицинии, что выучила каждую закорючку на коричневых мощных стволах, свившихся в тугую косу. Ее они тоже выдержат. Недолго думая, Лиза, крепко держась за ствол, перелезла через ограду веранды, нащупала носком туфли первую выемку, потом вторую и стала быстро спускаться. Даже, если она сорвется и упадет, она не убьется насмерть. Возможно, даже не покалечится.

Когда ей оставалось не больше, чем полметра до земли, до нее донесся грохот со второго этажа. Вероятно, эти два идиота выломали дверь. Прильнув к высоким кустам палисадника, она побежала ко входу в хозяйкину квартиру. В окне красовалась голова Такиса.

- Ты слышишь этот грохот? – спросил он. – Кто это ломится в твою квартиру?
  - Ключи, - быстро выговорила Лиза. – Дай мне ключи от своей машины. Быстро!
- Такис посмотрел на нее с удивлением, но послушно полез в задний карман джинсов и протянул ей ключи.
- Ты же водить не умеешь... - начал было он.
  - Умею! – прервала его Лиза и метнулась к его машине.

Когда она захлопнула дверцу за собой, два отморозка уже бежали к своему джипу. Что ж, сейчас начнется погоня по узким и забитым пробками дорогам древних Афин.

Лиза с сомнением посмотрела на педали и на руль. «Умею водить» было, мягко говоря, преувеличением. Она еще помнила азы, но она не умела хорошо водить машину. По правде сказать, она вообще не умела водить. К черту! Того, что она помнит, вполне достаточно. Сейчас она спасает свою жизнь. Включив зажигание, Лиза судорожно вспоминала, на какую педаль следует жать первой. После нескольких рывков, ей удалось вывести машину из-под сосны, где она была припаркована, и выехать на дорогу. Джип ударился в заднюю панель ее автомобиля с такой силой, что отвалился бампер. Лиза вздрогнула, но в следующее мгновение газанув, что было сил, она рванула машину Такиса вперед, но куда ей ехать?

Единственным местом, где было полно полицейских и, к тому же, куда она хорошо знала дорогу, потому что часто ездила туда на такси, было Полицейское Управление на проспекте Александрас. Главное, оказаться на проспекте, а там все время по прямой. Лишь бы они не обогнали ее, пока она не вырулит на проспект, где всегда полно машин. Там они не смогут прижать или столкнуть ее на обочину. Это тебе не окружная дорога в Киеве, где несколько лет назад ее водитель пытался научить ее управлять своей разбитой «Волгой».

Петляя по узким улочкам с односторонним движением, Лиза вспомнила, что однажды в нее уже стреляли. Ну, не прямо в нее, но чуть не попали в нее. Ей было лет пять, она тогда спала в комнате Александры и Василия. Было уже поздно, она засыпала в своей кровати, придвинутой к стене. Напротив было большое окно, выходившее на улицу. Прямо перед окном стоял уличный фонарь, поэтому по ночам в спальне ее родителей можно было читать, не зажигая настольной лампы. Из-за всех сил стараясь заснуть, маленькая Лиза рассматривала узоры на стенах и потолке, нарисованные фонарем, кружевными занавесками и тенями. В голове у маленького Моцарта постоянно звучали звуки музыки, а Лиза постоянно видела профили и фигуры людей, предметы и морды зверей, подстерегавшие ее в самых неожиданных местах. Иногда она видела только нос или ногу, а иногда завернувшийся уголок простыни или складка на портьере превращались в сказочных персонажей. Вот и в тот вечер она разглядывала причудливые картины на стенах вокруг себя, как вдруг тишину нарушили крики, топот ног и выстрелы, доносившиеся с улицы. В тот же миг большое оконное стекло разлетелось на сотни осколков, со звоном осыпавшихся на подоконник и на пол. Лиза не закричала. Она даже не испугалась.

В следующую минуту в комнате загорелся яркий свет. Никита подбежал к окну, Анна кинулась к ней, Александра спряталась за дверь, а Василий, не отрываясь, смотрел на стену, к которой была придвинута кровать его дочери. В полуметре над ее изголовьем в стене застряла пуля.

На следующий день они узнали, что милиционер гнался за преступником, который отстреливался. Тоже была погоня...

Вспоминая происшествие из своего детства, Лиза немного отвлеклась. Вот она и на проспекте Александрас. Неуверенно маневрируя в бесконечном потоке машин, она заметила, что поравнялась с большим белым зданием Полицейского Управления со стороны проспекта. Но ей надо оказаться перед боковым входом! Как теперь перестроиться в правый крайний ряд? Недолго думая, она крутанула руль и подрезала машину, ехавшую по крайней полосе. Резко затормозив, водитель сказал ей на смачном греческом все, что он о ней думал. Виновато улыбаясь, Лиза проскочила в боковую улочку. Джипа она не увидела, видно эти два хмыря тоже перестаиваются. Ничего, она их подождет. Увидев, что они, наконец, появились и почти поравнялись с ней, она нажала на газ и, пропетляв по узким улочкам, выехала к боковому входу в Управление. Поравнявшись со ступеньками, ведущими наверх, она бросит машину, заблокировав проезд тем, кто ехал за ней. Начнется суматоха, что ей и нужно. Резко затормозив перед боковым входом, Лиза распахнула дверцу и побежала по ступенькам наверх. У дверей стоял полицейский. Кинувшись к нему, она указала на черный джип и прокричала, что двое мерзавцев, которые вышли из машины, известные торговцы «живым товаром» и гонятся за ней.

- Они преследуют меня от самого дома, они занимаются торговлей женщинами. Я знаю их босса. Он им заплатил за меня!

Этого было достаточно. Среагировав на ее громкий голос, из здания выбежали еще несколько полицейских. Водители, попавшие в затор, сигналили и крыли матом всех вокруг. Лизу завели внутрь. Через некоторое время трое полицейских привели Борькина и Чмыхова в наручниках. Поскольку их машина была зажата спереди и сзади, они попробовали скрыться, но их догнали.

Лизу завели в кабинет и дали воды. Последний раз она приезжала в это Управление месяц назад, чтобы продлить вид на жительство. Многие ее знали в лицо. Перед этим она три раза продлевала здесь свою визу. Сидя в очереди, ожидая, когда выкрикнут ее имя, Лиза почему-то смотрела не столько на лица полицейских, мелькавших в коридорах, сколько на их ботинки. Большинство из них были обуты в желтые ботинки Тимберлэнд, которые врезались ей в память.

- Вашу машину мы отогнали. Расскажите, что случилось? – молодой парень в желтых ботинках был одет в мягкие голубые джинсы и плотную белую рубашку. На поясе у него была закреплена кобура, из которой виднелась рукоять пистолета.

- Мне нужно сделать два телефонных звонка. Можно? Потом я вам все расскажу.

Получив разрешение, Лиза позвонила Игнату на мобильный. Его самолет уже приземлился. Он ждал, что она его заберет.

- Игнат, слушай меня внимательно, - она говорила быстро, от волнения ее дыхание прерывалось. - Кое-что случилось, но сейчас все в порядке. Увидимся вечером. Возьми такси и поезжай ко мне домой. Тебе откроет Такис, сын хозяйки. Скажи ему, что ты мой сын, он знает, что ты должен приехать. Скорей всего дверь в мою квартиру будет повреждена, но ты не волнуйся. Передай Такису, что его машина немного сзади помята, но я за все заплачу. Переоденься, возьми мою юбку, блузку и пояс, что лежат на кровати в спальне. Руперт заедет и заберет тебя в семь вечера. Я приеду прямо в галерею. Я люблю тебя. Сделай все, как я сказала и не волнуйся.

Второй звонок был Нарвицу.

- Эдмунд, - на этот раз Лиза старалась говорить, как можно спокойней, - Руперт заберет моего сына, а я приеду на такси. Случилось кое-что непредвиденное, но я

буду вовремя. Не беспокойся, все в порядке. Я тебе все расскажу, как только приеду.

Джорджу она не позвонила. Незачем. Они увидятся на выставке.

Теперь настала очередь полицейского. Лиза себя не сдерживала, в ее подробном рассказе Иезуитов предстал преступным боссом, возглавляющим целую сеть по торговле людьми, в основном, женщинами. Она рассказала о том, как через его офис женщин оформляют, якобы, на работу за границей, а, на самом деле, отправляют в бордели. За теми, кто ему лично приглянулся, Иезуитов охотится по всей Европе. Она вынуждена была оставить семью и убежать от его преследований сюда, в Афины. Но его головорезы нашли ее и здесь.

На ходу придумывая новые подробности преступлений, которые Иезуитов не совершал, но вполне мог бы совершить, Лиза крепко держалась за подлокотники кресла, потому что у нее дрожали руки. По ее спине струился холодный пот. Ей было мутно, потому что она лгала, но этот подонок причинил ей столько мучений, что никакая ложь их не искупит. Он заставил ее бояться, скрываться, она потеряла мужа из-за него, он грозился отнять у нее и ее родителей квартиру, а ее сына послать на бойню в Чечню. За все это он стал торговцем живым товаром, сексуальным эксплуататором, современным рабовладельцем. Черт с ним, пусть горит в аду! Кроме того, что бы она ни городила, спасая свою шкуру, здесь, в Греции, Иезуитову ничего не грозит. Хотя, справедливости ради, надо отметить, что греческие суды и полиция все еще были теми бастионами, что стояли на пути заразы, вот уже два десятилетия распространяемой сучьей расой политиков. Они противостояли коррупции в высших эшелонах власти и преступности на улицах. Суды работали медленно, полиция – не всегда эффективно, но это было лучше, чем полное беззаконие в Украине и, тем более, в России.

- Напишите нам данные Иезуитова, мы закроем для него въезд в Грецию, - полицейский в желтых ботинках подвинул Лизе блокнот. – А эту парочку клоунов мы депортируем. Надеюсь, больше вас никто не побеспокоит. Вы куда-то торопитесь? Может, вас подвести?

Через полчаса Лиза подъехала к картинной галерее не на такси, а на полицейской машине с мигалкой.

Еще не было семи. Руперт привез фон Нарвица и уехал за Игнатом. Галерея была пуста, только официанты быстро ходили от подсобного помещения к длинному столу, что стоял посреди зала, расставляя на нем бокалы, бутылки и закуски.

Эдмунд пристально посмотрел на Лизу.

- Мое прошлое меня догнало, но не навредило. – Лиза подвинула стул к его креслу, села рядом и все ему рассказала – и про своего бывшего мужа Адама, и про своего бывшего партнера Иезуитова, и про то, что Адам пропал и она до сих пор его не нашла.

- Все это чепуха, - спокойно сказал Нарвиц. – Главное – это ты и твоя семья. Другие люди – ад, и надо заглядывать в это неприятное место как можно реже. Иди, переоденься. Через двадцать минут первые любопытные появятся. Этот ад мы выдержим вместе.

Вот так впервые он сказал ей «мы».

* * *

Через некоторое время войдя в зал, Лиза увидела, как пестрая толпа откликнувшихся на приглашение фон Нарвица, медленным круговоротом огибала его самого, сидевшего в кресле посреди зала. Незнакомые ей люди подходили к нему, что-то ему говорили, потом отходили к картинам, и снова возвращались к нему. Официанты грациозно лавировали со своими подносами между зрителями, ловко увертываясь от их локтей и резких движений.

Пройдя несколько шагов, Лиза встала рядом с креслом, в котором сидел Нарвиц. Она не знала, что ей делать. Ни с кем из приглашенных она не была знакома. Вдруг, людской круговорот остановился и в зале повисла тишина. Все взгляды были устремлены на нее. Она стояла спокойная, высокая, в белой шелковой блузе со свободными рукавами, схваченными манжетами и заправленной в длинную зеленую юбку из такого же плотного шелка. Ее талия была перехвачена широким поясом цвета цветущих маков. Эта деталь ее костюма была очень редкого цвета – самого глубоко красного, который называют карминным. Ее рыжие волосы были забраны в высокую прическу, а в мочках ушей переливались две зеленые капли. Вот вам Елизавета Тропинина, художница, написавшая все эти полотна.

Бальзак говорил, что некоторые женщины напоминают картины. Внешне Лиза была вполне завершенной картиной – яркой, броской, зелено-охрянной. Ее индивидуальность была настолько богатой, настолько не знавшей ни меры, ни удержу, что, казалось, переливалась через край холста. Однако за этой внешней броскостью скрывался человек дисциплинированный и аккуратный. Малое делало ее счастливой, поскольку пробуждало в ней потребность превратить его в нечто большее. Ее фантазия работала безостановочно, превращая веранду с несколькими горшками на полу, в цветущий сад. Небольшую вазочку, купленную на базаре – в маленький шедевр. Выброшенный кем-то круглый деревянный столик – в произведение искусства. Ее умелые руки постоянно были готовы принять очередной вызов, что без устали генерировал ее мозг. Процесс созидания приносил ей несказанное удовлетворение. Ей часто казалось, что она не одна, что отдельно от нее существуют ее руки, ее мозг и ее душа. Такая себе сплоченная команда, работающая на достижение потрясающего результата. По этой причине одиночество никогда не тяготило Лизу. Правда, ее строптивая душа иногда доставляла ей беспокойство. Если мы продолжим сравнивать Лизу с картиной, то на холсте ее душу было почти не рассмотреть, разве что упрятанную глубоко в глазах. Ее душа была ранимой, тонкой и щепетильной. Душа, которая никак не сочеталась и плохо уживалась и с ее внешностью, и с характером. Душа, которая убегала, пряталась, подводила, предавала, постоянно хотела опереться на кого-то рядом, хотела быть слабой, женственной, капризной, избалованной. Довольно часто между душой и характером возникало несогласие – характер настаивал, душа отнекивалась. Характер был готов пробить стену и идти навстречу достижению цели, а душа этот поход откладывала на завтра. Обычно, когда душа и характер уже несколько дней находились в непримиримой коллизии, и Лиза не находила себе места, ей на помощь приходил ее спаситель. Друг, который никогда не подводил, не предавал и не бросал ее на произвол судьбы – ее разум.

Вот и сейчас, душа ее забилась в самый дальний угол, ее характер решил стоять до последнего, а разум шепнул ей: «улыбнись».

Люди стали шевелиться, переступать с ноги на ногу, вопросительно поглядывать на Нарвица. Тот явно наслаждался моментом.

- Позвольте мне представить вам, - наконец сказал он, - Елизавету Тропинину. Мою протеже и прекрасную художницу. Прошу любить и жаловать.

Людской водоворот вздохнул, колыхнулся и снова закрутился...

Пока «друзья хозяина дома», подходили и отходили, Лиза бросала восхищенные взгляды на своего взрослого сына. Высокий, чуть ли не выше всех собравшихся, стройный, с копной густых волос цвета спелой пшеницы, с шелковыми темными бровями, густыми черными ресницами, за которыми прятались два темных янтаря его глаз, с аккуратным носом и крепким подбородком, Игнат обращал на себя внимание многих приглашенных. Его лицо было настолько одухотворено, что, казалось, от него исходил свет. Джордж стоял рядом с ее сыном и о чем-то непринужденно с ним болтал – они хорошо друг друга знали. Игнат улыбался ему своей открытой улыбкой. Он никогда не злился на Джорджа, просто потому, что не знал всей глубины той раны, которую тот нанес его матери.

«Как бы я хотела подойти и обнять его!» - подумала Лиза, не отрывая взгляда от своего сына.

Фон Нарвиц, сидя в своем кресле, наблюдал за Лизой и Игнатом. Он знал, что тот прилетит из Киева и будет на выставке, но не догадывался, что Игнат был настолько взрослым и был, одновременно, настолько тонко вылепленной натурой. Он угадывал в этом молодом человеке много доброты, прекрасное чувство юмора и внутреннюю, если пока еще не силу, то упрямство. Видя, как Лиза тянется к нему, хочет обнять его и поскорее улизнуть с ним домой, Нарвиц улыбнулся. Ей придется скрепиться, сегодня она делает себе имя и, возможно, деньги. Можно не сомневаться в том, что картины ее будут куплены. Во-первых, потому, что полотна того стоят, а, во-вторых, потому, что покупателей позвал он. До всех уже дошло, что она его протезе и оставить без внимания ее полотна означало бы проявить неуважение к самому фон Нарвицу. Организация подобных мероприятий – не совсем обычная сфера деятельности для него, однако он слывет коллекционером, а, значит, под туфтой подписываться не станет, да и цены вполне подъемные.

Лиза прекрасно понимала, что происходит. Недаром Эдмунд хотел, чтобы ее лица никто не видел. Он придумал целое представление, предложив одеть ее в костюм и в маску. Пусть гадают, кто она такая и откуда взялась. С коллекционерами он бы потом переговорил, рассказал бы, чьи картины они приобрели, а остальные остались бы в неведении. Не их это дело! Он хотел уберечь Лизу от сплетен и грязи, сохранив ее только для себя.

Люди вились вокруг нее, притворно ей улыбаясь и заглядывая в глаза фон Нарвицу, а потом снова возвращались к картинам. Среди приглашенных были, слава богу, настоящие знатоки и коллекционеры. Они молча переходили от картины к картине и внимательно разглядывали их. И вот, пока любопытная и тщеславная толпа кружилась вокруг Нарвица и Лизы, эти незаметные люди уже стали наклеивать яркие красные кружки на некоторые из холстов. Они распознали в ней мастера и захотели приобрести ее работы. Лиза чуть не плакала. Они не только пришли, они покупают! Ей нужны были деньги, но, не в меньшей степени, ей нужно было признание, которое она с таким волнением ждала не от любопытствующей толпы, а от ценителей.

Она тепло поздоровалась с Сакисом. Он держал под руку молодую привлекательную блондинку – видно, развод состоялся, раз появляются на людях вдвоем. Джон возвышался среди гостей, как маяк посреди беспокойного моря. Бэба бегала от картины к картине с бокалом в руке и всем рассказывала, что с художницей она на короткой ноге и всегда предсказывала ей большой успех.

Джордж тоже не отрывал взгляда от Лизы. Выглядела она прекрасно, немного уставшая, но это и понятно – волнения, связанные с выставкой, очертили лиловые тени под ее лучистыми зелеными глазами. Она стояла рядом с инвалидом, перед которым все лебезили. Он догадался, что это Эдмунд фон

Нарвиц. Игнат, в любую минуту готовый защитить мать от любой опасности, подошел и встал рядом с ней.

Джорджу хотелось бы, чтобы Лиза подошла к нему, взяла его под руку, прижалась к нему, продемонстрировав таким образом их близость, и представила его своему покровителю. Но, кажется, она об этом даже не помышляет, не хочет выносить их личные отношения на публику. Ему было неприятно, что его не включили в круг семьи, что он не может вот так запросто подойти и обнять ту, что уже дала свое согласие принадлежать ему. Сразу после выставки они найдут себе жилье, сошьют там гнездышко и постараются наверстать все, что упустили. Они будут так счастливы, что год пойдет за два, а то и за три. Нет, он еще не подал на развод и, кто знает, подаст ли? Пока он не решается сжечь мосты. Запасной путь к отступлению никогда не помешает. А вдруг понадобится? Сейчас ему казалось, что именно эта женщина подходит для того, чтобы до конца дней и ночей, быть его единственной спутницей. Почему он раньше ее не рассмотрел? Был ли он настолько слеп или рассматривать особенно было нечего? Тогда в ней все было на виду – ни особых талантов, ни особых перспектив, только одна большая любовь, на некоторое время воспламенившая и его.

Столько лет мытарств и напрасных усилий, и вот она, награда. Кто знал, что Бог так щедро одарил ее талантом? Не поздно ли она открыла себя? Так долго идти к тому, что было спрятано в ней самой, так долго искать успех на стороне, не зная, что он там – в ее пальцах, которые умеют держать кисть и знают, как смешивать краски. Вот уж поистине ирония судьбы... Бог посмеялся. Впрочем, возможно, он провел ее к успеху долгими окольными путями специально, чтобы она больше никуда не сворачивала.

Вдруг по лицу Джорджа пробежала тень. Рядом с ней мог бы стоять и их общий ребенок. Мальчику или девочке было бы лет девять. Кого-то его упрямство и эгоизм лишили возможности появиться на свет и быть очень-очень любимым.

Нарвиц заметил Джорджа и сразу понял, что этот тот мужчина, которого Лиза любила и, возможно, любит до сих пор.

«У такой, как она, мог быть только такой любовник – притягательный, чувственный, никчемный. Помести рядом с ней личность, равную ей по величине, гармонии не получилось бы».

- Любовник – всего лишь хобби, - вслух сказал он.

Эдмунда вдруг поразила догадка о том, что Лиза – это вылитая мадам Бовари. Нет, не внешне, но по своей сути. Как и Эмма Бовари, Елизавета Тропинина никогда не соглашалась с тем, что предлагала ей жизнь. Она не принимала запрограммированной данности судьбы, условий и обстоятельств. Говорят, что колыбель определяет судьбу, но обе женщины отринули свои колыбели.

Для обеих всегда были важны любовь и сильные чувства. Побег от колыбели, уход от действительности, предложенной им судьбой, и есть сущность романтизма. Это и есть тот недуг, от которого трудно исцелиться, и от которого Флобер с трудом исцелился сам. Недаром он говорил: «Госпожа Бовари – это я». Эмма Бовари могла бы довольствоваться непритязательным, но долгим счастьем, посвятив себя заботам о любящем муже, о дочери, о доме. Именно так, тихо и спокойно, проживают свои жизни большинство людей – это тот пресловутый симпатичный домик в конце романов Диккенса. Эмма могла бы постепенно преобразить облик своего мужа, вылепив из него своего героя-любовника.

Эдмунд еще не настолько хорошо знал Лизу, чтобы догадаться о том, что ее прошлое тоже скрывает нечто подобное. Целых двенадцать лет, пытаясь преобразить своего первого мужа Алексей Галича, она обтесывала лишние куски, вставляла дополнительные стержни, шлифовала грани, добавляла выражения к его

неподвижному лицу и подбирала ему одежду. Все было напрасно, шедевр, в который она могла бы без памяти влюбиться, ей изваять не удалось. Ничто так и не превратилось в нечто. Однако не Алексей Галич был главной причиной, что гнала ее в другую действительность. Он был ее сожителем по клетке, которому клетка нравилась, а Лизе нужно было непременно вырваться из нее.

Вот и Эмма Бовари могла бы довольствоваться красотой окружающей природы, так почему же она рвалась из клетки, почему продолжала мечтать о другой жизни, почему не покорились, почему стремилась к тому, что ей не было дано? Неужели вычитанное в романах она приняла за чистую монету? А, что, если и так...

Не понятно, почему стремление женщины к романтике Флобер считает легкомыслием и даже пороком? Почему женщина должна соглашаться на тоскливую жизнь с нелюбимым мужчиной? Может ли быть счастье с тем, кого не любишь? И почему не только желание женщины любить, но ее заявка на право любить, опускает ее в глазах окружающих? Не потому ли, что самые большие шансы на счастье сулит отнюдь не любовь, а благополучие? Во всяком случае, так считает большинство. Ах, стоит доверить истину большинству, как она тут же становится ложью! Истина в том, что благополучию всегда не хватает любви, а любви – благополучия.

Нарвиц улыбнулся, вспомнив, что однажды спросил Лизу, что бы с ней стало, окажись она деревенской жительницей? Насколько он помнил, она ему ответила, что могла бы без проблем стать барышней-крестьянкой, что, перенеси ее судьба в сельскую местность, она бы все вокруг сделала опрятным и красивым. Да, сделала бы... Она уже прорыла тоннели внутри себя, ей уже не нужны внешние развлечения и присутствие других людей, она научилась жить в том мире, что сотворили внутри нее Всевышний и его дар. Она уже отсекала себя от суеты и возделывает свой собственный сад... В этом ее отличие от Эммы Бовари. Она была ею, когда рвалась из клетки, тогда в ней было еще полно романтизма – она верила и любила. Сейчас уже нет. Сейчас она почти свободна. Еще пару лет и она окончательно избавится от иллюзий. Самое лучшее, что может сделать женщина, это вовремя уйти от мужчины. Стремление к мужчинам лишь заполняет пустоту, когда же пустота заполнена, они больше не нужны.

Лиза уже начала постигать преимущества, которыми обладает одиночество. Это единственная форма существования для таких, как она – людей с одним лишним измерением. Для тех, кто от жизни требует настоящего, а не поддельного. Он должен научить ее жить одним днем, собирая по крупицам то настоящее, что жизнь еще может предложить таким, как она.

Руперт прервал его размышления. Гости расходились. На всех картинах, кроме двух, были наклеены красные кружки. Кроме его портрета, который все равно не продавался, еще одна картина осталась без кружка. Это был портрет Адама с ножом. Его испуганные и жестокие глаза, крики чаек, предупреждение об опасности... Эта картина – провозвестница преступления, она сбивает с толку и выводит из равновесия, такой не место в доме.

Нарвиц нашел взглядом Лизу. Она стояла около длинного стола и с аппетитом поглощала оставшиеся закуски. В руке она держала бокал шампанского. Рядом с ней стоял Игнат и что-то ей, смеясь, рассказывал. Нарвиц услышал ее теплый и нежный смех.

Джон, тронувший его за плечо, прервал его наблюдения.

- Хотел поблагодарить тебя за выставку, - сказал он. - Картины прекрасные, рад, что она не подвела, оправдала ожидания.

Нарвиц с теплотой посмотрел на своего старого друга.

- Джон, не смей меня благодарить! Не за что. Это я должен сказать тебе и ей «спасибо». Благодаря вам я вернулся к жизни. Нет, я не стану завсегдатаем вечеринок, на которые ходит твоя Бэба, но внутри своего одиночества я уже не так одинок. Мысли о смерти ушли и стали приходить мысли о жизни. Ты видел те две картины, что она нарисовала в моем саду? Великолепные, правда?

- Одну из них я приобрел. Успел. Повешу в своем кабинете. Буду любоваться.

- Так вот, она стояла со своим мольбертом в моем саду и рисовала, - продолжал Нарвиц, - а по вечерам мы с ней беседовали. Ты не представляешь, ее мысли меня буквально возносили. Ты был прав, когда убеждал меня в том, что она не только красива, но и умна. Я тебе не верил. И, представляешь, когда она работала в моем саду, она котов своих привозила. Это было просто невероятно!

- Рад, что вы стали друзьями. Так тебя уже можно навещать? Ты уже не отвергаешь старых друзей?

- Отвергаю, но для тебя сделаю исключение. Приходи. Я буду рад. Твой телефонный звонок год назад спас меня от опрометчивого поступка.

Джон наклонился и обнял своего друга. Он с удовольствием устроит себе, как бывало, парочку долгих выходных в доме фон Нарвица. Бэбеке он скажет, что ему работать надо, а на самом деле, спрячется у Эдмунда и будет наслаждаться тишиной, покоем и неторопливыми разговорами. Аллилуйя!

Глава 19.

Плоть души.

На следующее утро Лиза встала поздно. Выйдя на кухню, она увидела Игната, стоявшего у плиты. Ее сын готовил большой завтрак. День выдался серым и пасмурным. Подойдя к Игнату, она обняла его.

Было время, когда вокруг не было людей, которые могли бы их защитить, и на которых можно было бы положиться. После развала советский империи, они оказались один на один с измененной реальностью. Лизе приходилось драться за кусок хлеба и постоянно озираться, чтобы никто не нанес неожиданного удара в спину. Игната, Анну и Александру спасло то, что она была не просто матерью и дочерью, но тем членом семьи, который был готов биться за родных людей до последнего вздоха. Ее любовь к Игнату прикрывала его от бед тогдашнего времени, когда за руинами всего привычного вдруг открылся незнакомый горизонт. Не думая о том, что кидаясь в неведомый ей омут, она рискует, Лиза встала между своим сыном и эпохой нищеты и растерянности. Борьба за выживание отбирала у нее все силы, но она дралась не на жизнь, а на смерть, потому что ее сын еще не был способен самостоятельно защитить себя от хищников и капканов.

Игнат ничего не знал о трагедиях жизни, о непреложных ее требованиях, не знал о горькой тюрьме несчастного брака, о ревности, о страсти, о лжи и предательстве. Так ли? Возможно, Игнат еще мало знал о жизни и ничего не знал о тюрьме несчастного брака и, пусть бы никогда об этом не узнал, но он прекрасно разбирался в чувствах, поскольку был воспитан на чувствах своей мамы. Он принадлежал к числу тех редких юношей, которым удалось пронести через школьные и студенческие годы привитую дома любовь к красоте. Красота жила в нем, целомудренная и взыскательная. Его разум уже был ею воспитан, Игнат никогда не станет частью послушной толпы, но та же красота делала его доброе сердце уязвимым. И вот, пришла женщина, завладела его сердцем и, сделав его

жизнь гораздо проще, убедила его в том, что надо любить не красоту, а деньги, за которые можно купить любую красоту. Планка, выставленная Лизой для своего сына, была намного опущена его любимой женщиной. Ее сыну больше не надо напрягаться для прыжка, ему достаточно просто переступить планку.

Ее ошибка заключалась в том, что она слишком рано его отпустила, понадеявшись на то, что созидание ее сына завершено и уже никто не сможет его переделать. Не отказывая себе в праве жить своей жизнью, она теряла, ошибалась, чего-то добивалась, имела мужей и любовников. Она не приносила себя в жертву своему сыну в том смысле, чтобы посвятить свою жизнь только ему. В этом плане она отличалась от матери Хемингуэя, которая однажды написала письмо своему сыну, в котором сравнила свою любовь к нему со взносами на банковский счет. Я сделала для тебя и то, и другое, и третье... Я вложила в тебя свою любовь, состоявшую из заботы и терпения, а ты перерасходовал сыновний кредит. Если бы Лиза поступила так, как мать знаменитого писателя и очень несчастного человека, она бы изуродовала Игната виной, взвалив на него ответственность также и за свою, принесенную ему в дар, жизнь. Дар, который многие матери кладут, якобы, к стопам своих сыновей, но который часто используют в своих интересах.

Нам стоит задуматься вот над чем: родители приносят в дар детям свои жизни, рожая их, растя их, давая им образование и выводя их в люди, или они преподносят своему ребенку такой дар, как его собственная жизнь? Слишком много даров...

Лиза никогда ни о каких дарах не говорила и себя, растерзанную, к ногам своего сына не укладывала. Наоборот, снова и снова вставая на ноги, она культивировала в нем не вину, а гордость. Ее сын должен гордиться ею и любить ее, но не из-за жалости, а потому, что его мать достойна его любви и его похвалы.

Нет ничего тоскливее матери, которая пропустила свой звездный час и, превратившись в немой укор, ждет от него признания ее жертвы. Ради него она стала никем, теперь он должен ради нее бросить все и тоже стать никем. Она посвятила ему молодость, теперь его очередь отдать ей свою молодость и силы. Долг платежом красен – жертва за жертву. Это страшная философия рождает обреченных и виноватых маменьких сынков с седыми висками, тоскливым взглядом и кислым запахом, что витает вокруг них. У них не хватило духу настоять на том, чтобы быть самостоятельными, полюбить другую женщину и прожить свою жизнь.

Игнат жарил тончайшие блинчики и поглядывал на свою маму. Он спокойно принимал тот факт, что Лиза не только его мать, но еще красивая и умная женщина. Довольно часто он приносил ей букеты или один цветок, сорванный или купленный по дороге домой. Когда он был маленький, он приносил ей всякие «сокровища», найденные во дворе, или цветущие ветки сирени, до которых мог дотянуться, или пирожное, которое он купил в школьном буфете, но не съел, потому что оно показалось ему особенно вкусным и ему захотелось принести его маме. Он делал это, потому что она научила его делиться радостью.

Он никогда не был со своей мамой жестоким, наказывая ее за то, что она влюблялась. В этом он был противоположностью Александре, своей бабушке, позволявшей себе разные выходки по отношению к Анне, когда та встретила и полюбила Никиту. Принимая реальность, в которой его мать должна любить и быть любимой, во время церемонии венчания, Игнат отвел Лизу к церковному порогу, где вручил ее Адаму.

Когда его мать добивалась успеха, когда у нее появлялись деньги, когда она была счастлива или просто в хорошем настроении, все это – и ее счастье, и хорошее настроение, и деньги – доставалось ему с лихвой. Да, прежде всего, ему.

Впрочем, точно также, они делили на двоих и черные дни: когда она страдала, он утешал ее, когда она была в опасности, он старался защитить ее своим присутствием, когда у нее не было ни копейки, он говорил ей, что все как-то образуется. Эти двое – мать и сын – были носителями красивой, чуткой и открытой любви друг к другу, в которой не было зависти, ревности, безразличия или подозрительности. Такая любовь могла бы служить примером для всех любимых и любящих, но найти такую любовь в наше время становится все трудней.

На столе, стоявшем под навесом на веранде, Лиза расставляла тарелки. Любуясь своим сыном, готовившим сладкий соус из свежих ягод, она подумала о том, что давала ему много свободы в духовном плане, открывала перед ним россыпи незнакомых ему чувств, знакомила его со сложными переживаниями. «Когда он был маленький, – думала она, – мы вместе слушали восхитительную музыку и я учила его рисовать. Он прочел много замечательных книг и получил хорошее образование. Он знает толк в одежде и еде, и очень привлекателен внешне. Я была уверена, что перед ним откроется большое будущее. Впрочем, что такое «большое будущее»? Это вопрос спорный. Для меня что-то может быть «большим», а для моего сына – абсолютно ненужным и недостойным внимания. И потом, будущее никогда ни перед кем не открывается само по себе, для того, чтобы будущее состоялось, надо приложить усилия. Эти усилия требовались от моего одаренного сына. Он же, вместо будущего, предпочел настоящее с этой женщиной...»

Слушая, как Игнат расхваливает ее вчерашнюю выставку, говорит, как горд ею, Лиза продолжала мысленно задавать себе вопросы: «Господи, откуда у меня такая неприязнь к ней? К ней или к нему? Разве я могу испытывать неприязнь к своему сыну, которого люблю больше жизни? Нет, это не неприязнь лично к ней или к нему, это принятие того факта, что в его жизни появилась другая. Тогда, возможно, стоит объясниться с Богом? И тут я отступаю и примирительно опускаю полные горечи и негодования глаза, напоминая себе о том, что жизнь такая штука, в которой не стоит искать справедливости, вечного счастья и делать поспешные выводы. Может статься, судьба повернется таким образом, что именно эта женщина сыграет в судьбе моего сына важную роль. Дело не в том, что она понадобилась ему сейчас, а в том, что придет время, и она, возможно, спасет его от неминуемого. Ведь ничего просто так не происходит, это единственное, в чем можно быть абсолютно уверенной.

Что ж, если мой великолепный во всех отношениях сын решил, что хочет каждое утро просыпаться с этой не первой молодости, не очень целомудренной и не очень опрятной женщиной, которая не умеет готовить, значит, так тому и быть.

Меня удивляет другое – его перемена ко мне. Неужели она уже начала соперничать со мной? И вместо того, чтобы стать лучше меня благодаря своим, пока неизвестным мне качествам, она старается принизить меня в глазах моего сына. Никак не возьму в толк, почему молодые женщины, заполучившие чужих сыновей, начинают так сильно не любить их матерей? Откуда такая ненависть и желание соперничать? Неужели из-за чувства вины? Я даже не рядом, я – в другой стране и не могу помешать ей завладеть моим сыном, которого, кстати, я воспитала не для нее. А для кого?»

Дело в том, что Лиза однажды уже видела эту женщину. Незадолго до своего вынужденного отъезда из Киева, она наведлась в офис своего хорошего знакомого. Его референты покупали через ее турагенство дорогие круизы для своего босса, заказывали авиабилеты и бронировали номера в гостиницах по всему миру. Решив познакомиться с боссом, Лиза позвонила ему и назначила встречу.

Очень скоро они стали друзьями, что позволило им расширить взаимовыгодное сотрудничество, перейдя от сферы услуг к сфере торговли. Надо сказать, что деятельность этого незаурядного человека была разнообразной и довольно рискованной. Среди прочего, он был хозяином самого большого вещевого рынка в Киеве. Выступив посредником, сведя производителя с покупателем, Лиза поспособствовала тому, что ее друг стал представителем одной из самых больших и известных греческих табачных компаний. Перед тем, как подвязаться на это дело, ему пришлось разобраться с теми, кто контролировал нужный сегмент сигаретного рынка. Небольшая война началась и закончилась, но таких войн в то время в Украине велось множество. Все утряслось и греческие сигареты появились на украинском рынке. После исчезновения Адама, Игнат вернулся из Франции и начал поиски первой в своей жизни работы. Лиза прекрасно понимала, что ее сыну нужна не только работа, но и защита. Поэтому она пошла к своему другу и попросила его об одолжении. Он был в числе гостей на их с Адамом свадьбе и сейчас, по прошествии полутора лет, прекрасно знал, что ее муж исчез. Об этом говорил весь Киев. Выслушав ее просьбу, он сказал, что ему как раз нужны молодые образованные ребята, свободно владевшие иностранными языками. Так Игнат, без ненужных расспросов и волокиты, был принят на должность референта.

Тогда же она мельком увидела эту женщину. Эта встреча была явно не случайной, как будто кто-то подал ей знак, приоткрыв завесу над будущем. Дело в том, что ее друг баллотировался на пост районного мэра. По этому поводу он воздвиг самый настоящий детский городок прямо на площади перед своим офисом. В тот день, когда Лиза пришла к нему, он должен был выступать перед своими избирателями. Городок со всевозможными аттракционами, был готов, сцена, украшенная воздушными шарами, тоже. Чтобы пройти в офис, ей надо было пересечь этот яркий и очень привлекательный детский рай, влетевший будущему мэру в копеечку. На площади были размещены не только надувные домики и горки, но и карусель, и даже небольшое колесо обозрения. Городок был пуст и Лиза, огибая карусель и любясь разномастными лошадками, вдруг заметила одиноко стоявшую женщину. Она была одета в белую блузку, черную короткую юбочку в крупную складку и черные туфли на низком каблуке. Ее бледное лицо обрамляли темные волосы, подстриженные под каре. Будучи черно-белым негативом на фоне буйных красок и предчувствия праздника, она просто стояла и смотрела на красивую рыжеволосую женщину, задержавшуюся у карусели. Что именно заставило ее стоять вот так, как будто она кого-то ждала? Догадывалась ли Лиза тогда, что именно эта женщина украдет сердце ее сына? Нет, конечно, но она устроила своего сына в тот офис, где работала эта женщина. Все сделала своими руками. Кого же теперь винить?

Когда завтрак был готов и Лиза села со своим сыном за накрытый стол, она сказала:

- Давай поговорим, чтобы между нами не было никакого недопонимания. Мы с тобой уже не те, что были два года тому назад. Ты прошел тяжелейшие испытания вместе с Александрой, ухаживая за ней после операции, ты уволился, а затем самостоятельно нашел работу, ты не переставал заботиться об Анне. Без колебаний и нытья ты взвалил на свои плечи все тяготы и выстоял. Ты также встретил женщину и сумел отстоять свою любовь. Я восхищаюсь тобой, но объясни мне, почему ты так злился? Почему был так груб со мной?

- Я защищал Лару от всех вас. Вы втроем навалились на нее, как снежная лавина в горах.

- Так я и подумала. Но почему ты врал? Почему так долго скрывал, что вы вместе и что ты потерял работу?

- Потому что все это усугубило бы твою неприязнь к ней.
- Другими словами, ты мне не доверял? Не верил, что со временем я пойму и успокоюсь?
- Мне надо было выдержать твой первый натиск. Ты же пошла в атаку сразу после письма Александры. Как с цепи сорвалась.
- Открою тебе секрет, - Лиза наслаждалась тончайшими блинчиками с фруктовым соусом. – Сильным матерям, воспитавшим своих сыновей, хочется, чтобы те женились на красивых, целомудренных, образованных, но беспомощных девочках. Их невестка должна выглядеть как дочь, а не как женщина, которая знает, почему фунт лиха. Они не хотят видеть рядом со своим сыном ту, которая уже овладела их собственным искусством выживания. Сильные матери обычно одиноки, они давно избавились от своих никчемных мужей, доказав, что могут позаботиться о себе и своем ребенке сами. Они – воительницы и защитницы, они – победительницы и все лавры должны доставаться им. Такие матери с удовольствием возьмут под свое крыло девочку, но они восстанут против женщины, которая не только смогла поучаствовать в битвах, но и вышла из них живой и невредимой.
- Ну вот, именно поэтому я должен был встать между нею и тобой. – Игнат положил на тарелку своей мамы еще один блинчик и полил его фруктовым соусом.
- Ладно, но в добавление к твоей грубости, ты, знаешь ли, разрушил мои мечты. А у меня были мечты и касались они тебя. Мне пришлось собрать их осколки и выкинуть в мусорный бак. Над разбитыми мечтами полагается немного погоревать, иначе какие это мечты? Другими словами, мне нужно было время привыкнуть к новому тебе. Я думала, у тебя есть квартира, тебе не надо тулиться по углам, у тебя есть работа и кое-какие деньги. Ты прекрасно говоришь по-английски. У тебя было все, чтобы посвятить себя карьере, узнать людей, узнать жизнь, узнать женщин, в конце концов! Я надеялась, что ты начнешь работать в какой-нибудь серьезной фирме, где перед тобой откроются хорошие перспективы. Но ты посвятил себя уборкам, готовкам и заботам о первой попавшейся женщине. Ты можешь меня понять?
- Думаю, что могу, - ответил Игнат, - но почему ты не можешь понять меня?! А, вдруг, мне повезло? Вдруг судьба уберегла меня от того, чтобы я ходил на все эти дурацкие свидания, менял женщин, разочаровывался и страдал? Господь надо мной сжалился и сразу дал мне жену.
- Жену?! – Лиза чуть не поперхнулась.
- Игнат смущенно посмотрел на нее, в его взгляде был также испуг. Лиза подумала, он боится, чтобы она не подавилась блином.
- Со мной все в порядке, - сказала она. – Женой?
- Это я образно выразился, - быстро ответил Игнат. – В плане того, что мы же планируем рано или поздно пожениться.
- Зачем тебе так рано жениться?! Господи, Игнат! – Лиза с грохотом отодвинула стул и стала ходить по веранде. – Мне теперь кажется, что твое упорное желание жениться – моя вина. Я лишила тебя семьи, сознания того, что рядом всегда отец и мать, что все собираются за общим столом и ты чувствуешь, что окружен родней, которая тебя защитит. Я развелась с твоим отцом, когда ты был еще ребенком. Правда, свои планы я обсудила с тобой – помнишь тот наш разговор, когда мы гуляли с Забавой? Твой отец уехал, мы были одни и я решила поговорить с тобой. Разведясь с Алексеем, я избавилась не только от плохого мужа, но и плохого отца. Моя вина в том, что мне не удалось построить для тебя новую и благополучную семью. Не сложилось. Возможно потому, что я не могла жить спокойно, наслаждаясь несложным счастьем и тихими радостями. Может быть, ты

другой, ты – противоположность мне, но зачем так рано надевать на себя семейное ярмо? Не хорони себя рядом с этой женщиной, прошу тебя!

Игнат откинулся на спинку стула. Он пил кофе и прямо, и открыто смотрел на Лизу.

- Мамуля, послушай, - примирительно сказал он, - я никому ничего не доказываю и не пытаюсь воздвигнуть новый семейный алтарь на обломках старого. Фрейда тут нет и вины твоей тоже. Может, ты меня недостаточно знаешь? Мне нравится семья, мне хочется иметь много детей и свой дом. Ты когда-то мне говорила, что всегда мечтала о шумном доме, о детях, собаках, о саде рядом с домом. Во мне твои мечты укоренились и дали побег. Лара меня понимает. Она хочет того же. Семья – это тяжелый труд, мы оба это понимаем, но мы хотим, чтобы наш дом был всегда полной чашей, чтобы дети имели все, что захотят, чтобы на Рождество была высокая елка и много игрушек.

Лиза в изумлении смотрела на своего сына. Перед ней сидел не Игнат, а Никита, ее любимый дед, кормилец, превративший ее детство в ту школу, где она выучила и приобрела все, что потом определило ее жизнь.

Только сейчас она вдруг поняла, какую жертву принес ради нее ее дед Никита. Ей не только посчастливилось родиться в большом Измаильском доме, но и провести там свое детство. За пределами их дома реальность была другой. Сохранить для Лизы тот теплый кокон любви, красоты и взаимной заботы, где ее учили вечным истинам, было не просто. Несмотря на то, что Никита и Василий были членами КПСС, они не позволяли идеологии всеобщего рабства касаться ее формирующегося сознания. Если бы в эту единственную и многочисленную партию убийц и лжецов вступали по доброй воле, ни ее деда, ни отца там не было бы, но для обоих членство в партии было обязательным. Василий, как морской офицер, должен был стать членом партии, поскольку партийных легче обязывать идти на смерть, судить и карать. Высокие посты на гражданке также шли с обязательной нагрузкой – не будучи членом КПСС, невозможно было продвинуться вверх. Карьерных лестниц в советской империи было раз-два и обчелся и все они вели сначала в чертоги КПСС и только потом в высокие кабинеты. Возглавляя Дунайское пароходство, Никита практически руководил всем Измаилом. При нем пароходство работало как часы, кормило и облагораживало город, исправно наполняя его бюджет. В данном случае партийный билет был всего лишь пропуском для правильного человека на место, которое уже давно такого человека ждало. По прошествии нескольких лет, когда Лизе исполнилось четыре года, ее деду предложили высокий пост в Москве. Таким руководителям, как Никита, на роду было написано пойти на повышение. Да еще ни куда-нибудь, а прямиком в Белокаменную! Продумав и все взвесив, Никита от этого поста отказался. Анна потом рассказывала, что этот переезд мог спасти ему жизнь. Там, в столице, где находились самые лучшие врачи, его болезнь могли бы выявить на ранней стадии, предотвратив ее дальнейшее развитие. Но разве нам дано заглянуть в будущее, дабы избежать беды? Когда поступило предложение о занятии высокого поста, о болезни никто не думал. Ее дед объяснил Анне, Василию и Александре, что отказался от высокого поста в столице, потому что хотел, чтобы его внучка еще несколько лет провела в покое Измаильского большого дома с книгами, отцовскими картинами и бабушкиным садом. Он знал, что книги и природа научат Лизу гораздо большему, чем суета и лицемерие Москвы, где с пышной помпой правили тогдашние вожди. Когда Никита заболел и боли стали непереносимыми, он поехал на консультацию к московским врачам, а потом лег в Кремлевскую клинику на бесполезную операцию. Он умер слишком рано, но Лиза уже сформировалась. Ей было девять

лет, он выторговал у судьбы целых пять лет для нее, но, возможно, потерял десятилетия своей жизни.

Глаза Лизы наполнились слезами, Игнат подошел к ней и, стараясь ее успокоить, предложил принести фотографии, которые он привез с собой. Они там вдвоем – Лара и он.

Утерев слезы салфеткой, Лиза улыбнулась и стала рассматривать фотографии. Вдруг она застыла. Наблюдательность художника в очередной раз заставила ее обратить внимание на детали. И вот, на одной из фотографий, на пальце своего сына и той, что стала его единственной, она увидела обручальные кольца. Нет, не те кольца, что свиты из проволоки или сделаны из разноцветной пластмассы, которые носишь, понарошку объявив себя мужем и женой. Нет, она увидела широкие кольца из белого золота с красивой резьбой по краям. Значит, уже и свадьбу отпраздновали. Ее сын стал мужем и опять ей соврал. Сидит тут, перед ней и врет ей в лицо!

Надо было что-то сказать, и Лиза задавленным голосом спросила:

- Ты не знаешь, как Иезуитов узнал мой адрес? Эти двое, что появились здесь вчера, точно знали, где я живу.

- Александра дала ему твой адрес, - нехотя признался Игнат. – Мне Анна рассказала и просила тебе не говорить.

- Почему же мне не говорить? – Лиза положила фотографии на стол. – Я бы предприняла что-то, как-то защитила бы себя.

- Знаешь, когда Иезуитов наведлся к ним? В мае прошлого года. И что? Скажи мне тебе, ты бы каждый день ждала, когда он к тебе нагрянет или кого-то пришлет. Ты бы с ума сошла. Нет, бабуля была права, хорошо, что мы тебе ничего не сказали.

- Но как Александра могла дать ему мой адрес? Она же прекрасно знает, что он за человек, как она могла?! Она же моя мать!

- Он ей пообещал, что привезет тебя, даст тебе работу, ты будешь рядом с ней, а летом он отправит ее в Крым подлечиться. Это как раз тот набор для Александры, за который она каждого из нас продаст. Как будто для тебя это новость.

- Ты знаешь, для меня сегодня это не первая новость, - уклончиво ответила Лиза. – Новости накрыли меня с головой. Как ты сказал? Как снежная лавина... Мне надо идти, Игнат. Надо съездить в галерею, забрать две картины. Ты отдыхай. Вечером пойдем куда-нибудь, посидим и что-нибудь отпразднуем.

Лизе надо было уйти, оказаться одной и подумать. Только что она поняла, что Никита, которого уже давно нет в живых и который не был ее родным дедом, пожертвовал собой ради нее, Александра предала ее, а Игнат снова ее обманул. А еще говорят, семья – убежище от жестокого мира. Предают и вонзают нож в самую плоть души не чужие и не посторонние. Чужим и посторонним нет до тебя никакого дела. Семья, люди родные, те, кого любишь, с кем прожила жизнь, кого родила и воспитала, только они знают, как сделать больно, как предать и куда ударить.

И что теперь делать? Отойти в сторону. Пусть проживают и доживают свои жизни, как считают нужным. Больше она не будет вмешиваться и душу рвать тоже не будет. «Душа – это дар моего духа другому человеку, но кому нужен этот дар? – с горечью подумала Лиза. – Во всяком случае, моей матери и моему сыну не нужен. Буду помогать деньгами, эта имитация любви будет для них понятней и для меня менее затратной. Когда любишь, тянешься душой, переживаешь, мучаешься, хочешь помочь. Хочешь участвовать, думаешь, что тебе доверяют и разрешат разделить их радость. Но нет, меня снова отпихнули».

Небо начало хмуриться, Лиза поежилась и ускорила шаг. Обрато ей придется тащить два полотна, поэтому сейчас она поймает такси и попросит водителя у галереи подождать.

Через полчаса подъехали к картинной галерее. Небо совсем потемнело и на тротуар упали первые тяжелые капли дождя. Быстро выйдя из такси, Лиза нырнула под спасительный кров выставочного зала. На голых стенах висели только два холста – портрет фон Нарвица и картина, на которой был изображен Адам с садовым ножом. Мимо нее сновали рабочие, переносившие большие фанерные ящики из фургона в подвал. Через пару дней здесь откроется выставка другого художника. Помощница владельца галереи быстро поздоровалась с Лизой и убежала по ступенькам вниз. Ящики, в которых находились картины, сначала распакут в подвале, потом для каждой картины выберут подходящее место, и только потом развешат их в том большом зале, где сейчас стояла Лиза. Оставшись одна, она подошла к портрету Адама.

Застыв перед ним, она подумала о том, что Адам ей тоже постоянно врал, почему же она сразу не поняла, что он патологический лжец?

В большом Измаильском доме были собаки, коты, птицы и всякая другая живность. Жизнь среди них и врожденная наблюдательность развили в Лизе способность реагировать на малейшие изменения мимики и выражения глаз, на перемену позы и движение рук. Входя в комнату, где были люди, она тут же улавливала настроение, царившее там. Иногда молчание было красноречивее всяких слов. Иногда ей удавалось угадать то, о чем будет говорить тот или иной собеседник. Злая, враждебная фраза появлялась сначала на лице говорящего и в его позе, и только потом артикулировалась его ртом. Она также ощущала глупость на расстоянии, в то время, как очарованность и восхищение она читала по глазам, слова были не нужны. Единственное, что она так и не научилась распознавать, была ложь. Ведь животные, среди которых она провела детство, не умели врать.

Повзрослев, Лиза повстречала людей, лгавших не только правдоподобно, но и делавших это каждый божий день. Потребность лгать вместо того, чтобы говорить правду, является зависимостью, под стать алкогольной или наркотической, однако общество относится на удивление терпимо к этому психическому извращению. Оставим в покое политиков, постоянно врущих своим избирателям. Пока народы будут вестись на их байки, этим профессиональным врялям все будет сходиться с рук. Не о них речь! Среди обычных людей, снующих мимо нас каждый день, полно симпатичных и обаятельных лжецов. Человека, подсевшего на ложь, невозможно поймать или уличить сразу, поскольку все вокруг него уже ложь, сама его жизнь выдумана и он сам в этой жизни выдуманный персонаж. Попади в капкан лжи человек правдивый, вырваться ему будет очень трудно. Несчастливая жертва будет биться и постепенно терять силы. Ее мучитель будет придумывать новую ложь уже не для забавы, а специально для своей жертвы, чтобы та увязала еще глубже, чтобы уже никогда не смогла освободиться из силков сотворенной им лжи. Ведь, если освободиться, раскроет ложь своего мучителя, а это для него ох, как нежелательно! Все труды пойдут насмарку, карточный домик рухнет и придется воздвигать новую ложь для новой жертвы.

Ложь – не такая уж безобидная штука, как многие думают. Ложь представляет собой физическую и психологическую опасность для тех, кто находится рядом с патологическим лжецом и, прежде всего, для его близких. Доверяя ему, эти несчастные неосознанно соглашаются жить в миазме его лжи, что равносильно заточению в дурдоме, где они обречены потерять свой собственный рассудок. Ложь является также актом невероятной несправедливости, поскольку только лжец знает правду. Те, кого он обманывает, в лучшем случае, будут сбиты с толку, а

в худшем, не ведая, что делают, пойдут по опасному пути, который приведет их к краю обрыва.

Попав в такой капкан с Адамом, Лиза только под конец их супружества поняла, что что-то не так. Она стала анализировать каждое его слово, подмечать малейшие детали, стала звонить тем людям, с которыми ранее встречался Адам и, таким образом, перепроверяла то, что он ей рассказывал. Почти всегда она слышала две абсолютно разные истории. Очень скоро она устала, обессилила и поддалась. Тогда и случилась беда. И только с исчезновением Адама она смогла вырваться из капкана его лжи. Ей тогда показалось, что с ее глаз упала пелена и мир снова обрел краски. Каждый день она просыпалась с мыслью о том, что освободилась из-под власти мерзавца и искусного манипулятора, лишившего ее воли. Несмотря на то, что исчезновение Адама поставило ее на грань выживания, оно освободило ее. Вырвавшись из капкана его лжи, она больше не тратила свои душевные силы на подозрения и догадки. К ней вернулась ее всегдашняя ясность мышления и способность к анализу.

Вдруг Лиза вздрогнула. Обернувшись, она увидела нечто, во что не сразу смогла поверить. К стеклу, по которому стекали капли дождя, было прижато лицо Адама. Не отрываясь, он смотрел на большой холст, висевший посередине пустой стены, на котором был запечатлен он сам с ножом в руке. Лиза, как во сне, стала медленно идти к широкому окну. Адам перевел взгляд на нее, по его мокрому лицу текли слезы. Выбежав на улицу, она увидела, что Адам быстро уходит прочь. Бросившись за ним, она догнала его и схватила за рукав длинного серого плаща. Она попыталась остановить его, но Адам с такой силой дернул руку, что она упала на колени. Дождь хлестал как из ведра. Подняв к нему мокрое лицо, она прокричала:

- Почему?

Адам посмотрел на нее – в его больших карих глазах было изумление, испуг, смятение, ненависть, гнев и сожаление. Любви в его взгляде не было. Он не нагнулся, не помог ей подняться, он оставил ее на мокром асфальте, согнувшуюся под струями дождя. Вырвав рукав плаща, он быстро пошел по улице прочь. Ее мокрые рыжие волосы касались земли, ее душили слезы, а ее душа тонула в омуте стыда и недоумения. Таксист, ожидавший Лизу, вышел из машины и помог ей подняться.

Вернувшись домой, она не стала скрывать от Игната свою встречу с Адамом. Да ей и не удалось бы. Выглядела она ужасно, ее била дрожь, одежда на ней насквозь промокла, ее джинсы, начиная с колен и ниже, были запачканы грязью и кровью. На вопрос о том, как Адам объяснил свое исчезновение, Лиза, промывая ссадины на коленях, ответила, что поговорить им не удалось – Адам сбежал. Опять.

Через два дня Игнат улетел обратно в Киев. Перед отъездом он сказал, что свадьба будет в октябре и, что венчаться Игнат и Лара будут в том же соборе, где венчались Лиза и Адам.

Проводив сына в аэропорт, Лиза села и написал ему письмо.

«Мой дорогой Игнат,

Меня очень любили в детстве, или я думала, что любили, а потом любить перестали. Моя мать стала любить себя, для моего отца самой дорогой стала не его дочь, а бутылка коньяка, а для бабули, после кончины моего деда, главной стала ее утрата. Как-то сразу и одновременно им всем стало не до меня. Обвинять их в этом бесполезно, скорей всего, по-другому они поступить не могли. Я, как щенок, искала, к кому бы приткнуться и не находила. Пока мне не показалось, что я нашла

Алексея - твоего отца. Я ошибалась, но мне так хотелось, чтобы меня снова любили... И только сейчас я поняла, что не должна суетиться в этой жизни, что больше не должна искать ту любовь из моего Измаильского детства. А, если все же найду, не должна, как собака, вилять хвостом и отдавать себя всю, не должна быть благодарной за то, что меня любят.

Хорошо, что ты умеешь любить, Игнат. В тебе любви много, ты – сама любовь, она в каждой твоей клеточке. Научись управлять ею во благо, но начни с себя. Люби себя, милый! Не отдавай всю свою любовь полностью никому, даже самой любимой женщине. Оставь кое-что для себя. Самое дорогое в этой жизни – это ты сам, твое тело, твое лицо, твои глаза, твоя душа, твоя улыбка и твой разум.

Не будь женщине благодарен за то, что она спит с тобой. Целовать и обнимать тебя – награда для нее. Точно так же, как и я – награда для любого мужчины. И, если мы решаем в пользу близости с кем-нибудь, зачем же мы стараемся еще? Отдать еще и еще, все, что имеем! До самого дна! Когда мы демонстрируем им силу своей любви, они пугаются, потому что сами так любить не умеют. Или смеются над нами...

Не разрешай женщинам и неизбежной монотонности бытия выпивать тебя капля за каплей. Люби себя, Игнат! Любая сильная любовь со временем не только проходит, но и забывается. Это только в романах страдают из-за любви и умирают из-за любви. Им же надо о чем-то писать! В жизни все проще. Запомни: ни одна большая любовь не была вознаграждена такой же большой любовью в ответ.

Люди твоей любви не оценят и не поймут. Они хитры, скупы, расчетливы и прекрасно знают, как использовать тех, кто любит. Прикасайся к людям осторожно, а к любимым – нежно. Не подавляй своей любовью никого, но и не будь ничьим рабом.

Когда ты станешь отцом, у тебя, конечно, будет болеть душа за твоего ребенка. Но, если ты дашь ему хорошее образование, научишь ценить жизнь и любить себя в этой жизни, если ты научишь его защищать себя, можешь спокойно его отпускать, ничего с ним не случится. Я все еще боюсь за тебя, Игнат, потому что тылюбишь не себя, а других, и, поэтому, недостаточно защищен.

Я молюсь за тебя, за твое будущее и полагаюсь на твой разум и на твою двойственную натуру. Ты же Близнец и, если одна твоя половинка готова на жертвы ради любви, пусть вторая будет более осторожной, сдержанной и практичной.

Я знаю тебя, Игнат, ты многого стоишь. Наш род, который в 20 веке продолжали и оберегали женщины, в 21 веке будешь продолжать ты. Мне бы хотелось увидеть в нашей семье сильных, красивых и стоящих мужчин, в которых текла бы наша кровь. Кровь самоотверженных и сильных женщин, которые уйдут и больше никогда не вернутся.

Целую тебя, твоя мама».

В этом письме Лиза не обмолвилась ни словом о том, что он ее обманул. Проглотив свою обиду, она убеждала Игната любить, прежде всего, самого себя. Могло показаться, что в этом призыве скрывалась некая ненормальность. Любить ведь надо других – детей, родителей, женщин, мужчин, родственников, звезд, героев и свои идеалы. Любить можно книги, природу, деньги и удовольствия. Кого угодно и что угодно, только не себя. Свои удовольствия – да, себя – нет.

Сегодня почти все психотерапевты или, как их еще называют, «мозгоправы», убеждают своих пациентов любить себя. Беря с глупых и несчастных большие деньги, они проповедуют эгоистичную и мелкую любовь к тому, чем эти глупые и

несчастные стали. Любите свое ожирение, потому что – это вы, любите свои страхи и вашу неврастению, потому что они – это вы, любите свои привычки, несмотря на то, что некоторые из них больше смахивают на извращения, но ваши привычки – это часть вас самих, так любите же в себе все самое плохое и несовершенное!

Написав Игнату о любви к себе, его мама имела в виду нечто совершенно другое. Ее гимн любви к себе имел много общего со словами Достоевского о том, что красота спасет мир. От того мгновения, когда человек заметил и оценил красивый предмет, к красоте души, а оттуда – к красоте помыслов. Человек не рождается с красивой душой, кто-то или что-то ее воспитывает. То же самое касается и мыслей. И вот, когда большинство людей воспитают в себе красивый ум, основой для которого будут служить знания, достоинство и доброта, такой ум сделает человека независимым. Он разметает, наконец, толпы, коими манипулируют и коих запугивают. Красивый ум спасет мир.

Создание в себе такого ума и есть любовь к себе. Любить себя, значит, не дать растратить себя попусту. Любить себя, значит, сохранить в своей душе искру, значит, любить не власть и деньги, а красоту, которую творит талант, значит, ценить себя и других, достойных того, чтобы их ценили. Любить себя, значит, знать и понимать себя. Понимать других, но не терпеть ханжей, предателей и рабов. Не терпеть тех, кто лжет! Не терпеть всеобщего обмана, в котором нас принуждают жить, и противостоять этому обману. Любить себя, не значит, затвориться в своем узком обывательском мирке со своими привычками, а быть Человеком. Это трудно, в современном мире почти невозможно, но надо, надо любить себя для того, чтобы оставаться людьми».

Она также написала письмо Анне и Александре, в котором просила оставить Игната в покое. Он полюбил, значит, так тому и быть.

«Здравствуйтесь мои дорогие!

Вот уже больше года длится затяжная война против Игната – нашего единственного ребенка. За что мы его наказываем? За неправильный, с нашей точки зрения, выбор? За то, что нам не приглянулась его женщина? Боюсь, что в этой ситуации мы выйдем как классические свекрови, которым положено ненавидеть своих невесток. Рожая детей, мы должны любить и оберегать их, но мы не должны диктовать им условия. Тем не менее, нас постоянно подмывает проживать не наши, а их жизни. Наши жизни нам не хватает, они уже подходят к концу, поэтому мы с головой ныряем в жизни своих детей. Мы уверены в том, что, если мы возьмем нашего ребенка за руку и поведем его по дороге жизни, он избежит ошибок и будет счастлив. Это не так! Они хотят жить сами и, в определенный момент, закрывают перед нашим носом двери в свои жизни. За этими дверями они будут ошибаться, страдать, будут радоваться и любить. Нам надо отступить и перестать колотить в закрытую дверь, иначе на нас выльют ушат помоев.

Вы обе выбирали себе спутников жизни самостоятельно, без чьего-либо вмешательства. Никто не говорил вам, кого любить, а с кем расставаться. Я, как и вы, принимала решения сама, следуя за своим сердцем. Выйдя за Адама замуж, я не просто ошиблась, моя ошибка дорого стоила моей семье. Возможно, со стороны было видно, что он трусоват и подловат, но, если бы кто-то из вас мне сказал, что я не должна была его любить, я бы вас не послушала. Игнат мне тоже не диктовал своих условий, хотя, мог бы. Адам был не первым мужчиной в моей жизни,

терпение моего сына могло бы лопнуть, однако он мне всегда давал возможность любить и ошибаться. Почему же мы изводим его своими упреками?

Насколько я знаю, эта молодая женщина из маленького городка. Как мы можем обвинять ее в том, что она захотела вырваться из этого захолустья? Она выучила английский, приехала в столицу, ютилась по углам, устраивалась на разные работы, боролась за себя. Она выживала. В какой-то момент родительской любви уже не достаточно и нужна пара – тот или та, с кем ты захочешь разделить хлеб и кров, и кто захочет того же. Игнат и Лара – два молодых одиноких человека в большом городе, которые нашли друг друга и, слава богу, счастливы.

Не обращайте внимания на такие мелочи, как рыбный суп с вермишелью, приготовленный ею. Если Игнат ел, значит, любит ее, что я еще могу сказать? Вы увидели бельё на батареях? Это примета киевской зимы – ничего не сохнет на улице. Я помню, когда Игнат ходил в школу, а я работала, все вещи мы сушили на батареях. Надо было, чтобы все быстро высохло, иначе я не успевала выгладить и подготовить нужные вещи на завтра. Если они оба работают и устают, посоветуйте им нанять женщину, которая приходила бы раз в неделю и помогала бы им в хозяйстве. Впрочем, я думаю, они сами разберутся.

Пусть попробуют! Если все не серьезно, они расстанутся, если поженятся и не сложится, они разведутся. Если не разведутся, значит, они нашли друг друга, и мы бессильны что-либо изменить. Да и не надо идти против любви!

Насколько я знаю, Лара старается навести мосты с вами. Так почему бы вам не пойти ей навстречу, ведь разговаривая с ней и советуя ей, вы могли бы многому научить ее. Три взрослых женщины, проживших нелегкие жизни, разве мы не должны помочь более молодой, той, что влюбилась в нашего единственного сына, внука и правнука? Почему мы объявили ей войну? Потому, что она не нравится нам внешне или мы ее подозреваем в неискренности? Или потому, что наш красавец-Игнат с чуткой душой слишком хорош для нее? Если он так хорош, как мы думаем, рядом с ним она станет лучше.

Мама, Игнат был рядом с тобой во время и после операции и он, а не я, ухаживал за тобой каждый день. Не знаю, выдержала бы я то, что выдержал он. Нам всем надо сказать ему огромное «спасибо». Я думаю, мы должны начать ему помогать и, вместо войны, окружить заботой. Игнат, возможно, вида не покажет, но в душе будет очень нам благодарен. Конечно, вы поступите, как посчитаете нужным, но я свое отношение к Игнату и Ларе изменила.

Хочу сказать, что любовь – вещь сильная и странная. Иногда возносит, иногда убивает.

Не переживайте и оставьте Игната в покое, когда ему что-нибудь понадобится, он сам скажет.

Люблю вас и обнимаю, ваша Лиза».

В письме к своим родителям, как Лиза называла Анну и Александру, она также не упомянула о том, что Игнат уже женат. Чувствуя невероятную обиду оттого, что ее сын скрыл от нее свою женитьбу, она, тем не менее, прикрыла его от дальнейших нападок. Война против Игната, который был плотью ее души, была закончена. Лару примут в семью и Александра с радостью всем объявит, что хорошо иметь, наконец, брюнетку, как она сама, а то все рыжие да рыжие.

Время великой смуты.

После выставки Лиза готовилась к встрече с Джорджем. Он надеется, что они уже сейчас, этой весной, снимут квартиру и заживут вдвоем, утопая в неге былых чувств. Напрасно надеется. Денег на совместную жизнь у нее нет. Придется Джорджу подождать еще годик. И это ожидание будет равносильно тем четырем годам, когда ждала и верила она.

Она открыла свой Дневник, который, страницу за страницей, исписала весной и летом 1996 года. Это были страницы, на которых была начертана сама эпоха. На этих страницах она также проанализировала все свои неудачи с Джорджем Альягасом. Говорят, неудачи также заразны, как и успех. С Джорджем она переболела неудачами с лихвой, а вот успех, как она ни старалась, к ней так и не пристал. Она спрашивала себя – кто в этом был виноват? Она, Джордж или страна, оказавшаяся на переломе?

Чтобы ответить на этот вопрос, ей пришлось вспомнить все то главное, что происходило в 80-х, предшествовавших развалу советской империи, и в 90-х, последовавшими за этим развалом. Судьба Лизы была не только тесно связана с теми событиями, она стала живым свидетелем смутного времени, когда на смену одной эпохе приходит другая. На какое-то время ее поколение зависло над пропастью между двумя укладами жизни и между двумя мировоззрениями. Это было время растерянности, когда люди должны были отказаться от всего привычного и, без единого гроша и малейшего понятия о том, что их ждет, должны были перепрыгнуть на другой бок пропасти. Какая там защищенность? Это была мука, это были настоящие страдания.

«9 апреля, 1996 года.

Так чем же стало для нас, бывших советских граждан, первое десятилетие после распада советской империи? Кто пришел на смену большевикам и что было построено на обломках коммунистической идеологии, в жертву которой принесли десятки миллионов жизней? Освободили ли наши новые лидеры или, как их стали называть «новые лица», народы, закабаленные предыдущими режимами и вождями? Избавились ли мы от страха или просто стали бояться чего-то другого? Стало ли нам легче дышать и лучше жить? А как насчет морали, принципов и достоинства? Как насчет войны и мира, наших жизней и смертей? Что изменилось?

Изменилось все и не изменилось ничего.

Наступает момент, когда у приключения, как говорит Сартр, конец сливается в одно целое с началом. Приключение тает и исчезает, приключение нельзя ни продлить, ни повторить. Кровавый переворот 1917 года тоже был своего рода «приключением» для огромной страны и, как каждое приключение, оно завершилось. Его конец постепенно приближался к началу и, когда они соединились в одной разрушительной точке, 74 года исчезли из нашей жизни, оставшись, впрочем, в истории. Падение Российской империи, кровавый переворот 1917 года, убийство царя и его семьи, гражданская война, террор, голод, чистки, репрессии, лагеря, Отечественная война, смерть тирана, оттепель, застой, перестройка и развал уже советской империи – все, круг замкнулся. Но что такое история?

История – это знания о том, что были определенные личности, вызывавшие к жизни определенные события, изменявшие жизнь народов и статус держав. Возвышались одни, падали другие. По воле отдельных личностей погибали десятки миллионов людей. Миллионы подчинялись воле тиранов, а миллионы других становились их жертвами.

90-е годы! Это десятилетие изменило мою жизнь полностью, не оставив камня на камне от меня прежней. Начавшись историческим потрясением, это десятилетие закончилось потрясением личным. В 1991-ом распалась страна, в которой я родилась и прожила первую треть своей жизни, в 1999-ом мне пришлось покинуть уже независимую Украину. Так сошлось, что в то время и Украина, и я сама, переживали нелегкие времена.

В 90-х к власти пришли «новые лица», оказавшиеся – в прямом и переносном смысле – прямыми потомками «старых лиц», успевших не только посеять свое семя, но и взрастить всходы. Всходы, которые, как две капли воды, напоминали старые сорняки. Народ думал, что вырвал вождистскую заразу с корнем, но ошибся – корни остались. Впрочем, кое-что изменилось: вместо идеологии и казенной мебели, новые вожди утверждали себя с помощью терактов, провокаций, угроз и шантажа, а во главу угла они поставили личное обогащение. «Новые лица» приходили во власть не для того, чтобы процветали народы и крепили державы, а для того, чтобы стать недостижимо богатыми. Источником стремительного и неконтролируемого обогащения становились присвоенные полезные ископаемые и приватизированные государственные предприятия, а инструментом – жестокие и бескомпромиссные преступления. Однако не преступления сами по себе стали характерной чертой 90-х. Огромной победой политического криминалитета стала *безнаказанность*. Те, кто совершали преступления по дороге к власти и, находясь на самой ее вершине, отнюдь не скрывали своих грехов. Скандалы, связанные с преступлениями, их совесть не мучили и жгучим стыдом не наказывали. Как ни странно, двери тюремных камер за их спинами тоже не захлопывались. Верховенство права, что делает граждан державы равными перед законом, в таких республиках, как Россия и Украина, так и не родилось. Преступления старых и новых вождей известны всем, но никого особенно не волнуют. Поначалу они, было, взорвали мозг обывателя, но после недолгого и яростного негодования, пришло безразличие, рожденное бессилием. Против великого зла, в который не без удовольствия погрузился мир, особенно не поперешь, поэтому народы, у которых своих забот всегда по горло, перестали реагировать на преступления тех, кого избирали своими лидерами.

Последнее десятилетие века оказалось гораздо более серьезным, значимым и гораздо более опасным, чем восьмидесятые.

Восьмидесятые мы, бывшие советские граждане, посвятили прощанию с родительским домом. Ребенок родителей не выбирает, как не выбирает и дом, в котором родился. Заселение нашего дома началось с величайшего насилия – с Октябрьского кровавого переворота. Из дома гнали бывших жильцов, а на их места заселяли новых. Для вновь прибывших устанавливали жестокие и унижительные правила, а для тех, кто правилам не подчинялся, были подготовлены разбросанные по своей стране лагеря, куда ссылали несогласных. Дом наш строили и перестраивали, жильцов держали в страхе и вот, когда все немного успокоилось, стало очевидно, что коммунистическая мечта, несмотря на десятки миллионов принесенных в жертву, не осуществима. С грехом пополам построили советский тип социализма, который тоже ни во что стоящее не развился, а упал в застою.

Вожди наши нарекали себя нашими отцами и, сменяя друг друга, в те периоды, когда не истребляли нас, своих детей, привносили в нашу жизнь однообразное разнообразие. Отцы народные были родителями не простыми, поскольку все, как один, бредили утопической идеей коммунизма. Идея была в корне несбыточной, но разве не все равно, чем прикрыть свое безумное стремление к власти? Ирония заключается в том, что утопическая Идея была задушена самими вождями. Проповедуя равенство и братство, они настолько превозносили и выпячивали себя, любимых, что ни о каком равенстве речи просто не шло. В свое оправдание они продолжали с коммунизмом настаивать, обещая советским народам скорое воплощение в жизнь, если не всеобщего братства, то хотя бы всеобщего благоденствия. Они даже пытались обратить в свою веру граждан близкого и дальнего зарубежья. Поэтому и деньги из родного дома на сторону уходили, и в самом доме вечная разруха господствовала, и дети вечно голодными ходили.

Память об одном из отцов все еще тревожит души умерших и умы живых. Сын башмачника, Иосиф Джугашвили, нарекший себя Сталиным, как безжалостный и могучий скульптор, круша и ломая гранитную глыбу, изваял свой шедевр на человеческих костях. Сталин насаждал свою власть, избавляясь от соратников по партии и народных героев, в которых видел претендентов на народную любовь и, следовательно, своих соперников. Он также массово избавлялся от народа, потому что боялся, что симпатии народа не на его стороне. Напрасно боялся – в стране, где половина граждан была палачами и стукачами, а вторая половина их жертвами, народная любовь как минимум половины населения была ему обеспечена. Психопат, со множеством комплексов, он манипулировал сознанием миллионов с помощью Идеи. Долгие годы, примкнувшие к большевикам думающие люди, верили, что великая мечта о свободе, равенстве и братстве все-таки может осуществиться. Они видели зло и не могли поверить, что такая лучезарная мечта претворяется в жизнь такой большой кровью. Трагедия многих интеллигентных людей того времени состояла в том, что они были идеалистами-мечтателями. Иллюзию, созданную в своих головах, они принимали за действительность и уже были не в состоянии соразмерить в этой действительности части черного и белого. Лучезарная мечта, к которой они стремились, оправдывала все те ужасы, что творились у них перед глазами, поэтому они предпочитали их не видеть. Они, зараженные великой идеей братства, надеялись на то, что завтра все станет по-другому, что монстр уже сожрал свою долю человеческой плоти и должен остановиться. Однако монстр, чьи злодеяния оправдывала лучезарная Идея, останавливаться не собирался. Прозябая в нищете, советские люди боялись предать Идею. Именно Идея заставляла их верить Сталину, идти за ним, жертвовать собой, строить химеру коммунизма и видеть в Западном мире врага, которого им нужно было «догнать и перегнать». И, все же, несмотря на усилия вождя и советского народа, монументальное творение Сталина оказалось недолговечным и в возрасте семидесяти четырех лет рассыпалось в прах. Удивительно то, что после стольких усилий и жертв, СССР и социалистическую систему никто не защищал. При первой возможности, коммунизм отвергли как невыносимую профанацию правды – нам слишком много и слишком долго лгали.

Тем не менее, чтобы понять 90-е, мне надо вернуться в 80-е. Последнее десятилетие 20 века не было бы именно таким, каким оно оказалось, не предшествуй ему конец восьмидесятых с Михаилом Горбачевым и его «перестройкой».

«20 апреля, 1996 года.

Перестройка началась в 1985-ом году, за шесть лет до распада советской империи. Михаил Горбачев взял ключ, крутанул им пару раз в большом заржавевшем замке, тот поддался и вот разошелся в обе стороны, со скрипом и скрежетом, Железный Занавес, что был заперт без малого 70 лет. В СССР ринулись миллионы любопытствующих со всего света – от туристов не было отбоя.

По замыслу тех, кто перестройку затевал, она не должна была оказаться чем-то революционным, глобальным или катастрофическим. Перестроить намеревались то, что уже существовало, ту надстройку, что перестала удовлетворять и верхи, и низы. Фундамент планировали оставить старым, но история распорядилась по-своему.

Что же было перестроено? Прежде всего, советским гражданам, подуставшим от диктата КПСС, разрешили создавать альтернативные политические партии и организации. На наши головы свалились разные свободы – мы могли говорить, что думали, и открыто критиковать наших вождей, мы могли собираться на митинги, протесты и демонстрации. Мы получили право на беспрепятственный выезд за границу. Интересно то, что мы, граждане страны Советов, не отвоевывали своих свобод, нам их подарили, спустив сверху. Вернее, нам их вернули. Говорят, что подаренная свобода ничего не стоит, именно поэтому мы до сих пор не поняли, что свобода – это ответственность перед собой, страной и эпохой.

Нам торжественно объявили о том, что социализм больше не враждует с капитализмом, другими словами, у нас больше не было врага под названием «Западный мир». СССР вдруг проникся пониманием того, что мир взаимосвязан и взаимозависим, и согласился сотрудничать со всеми остальными его обитателями. Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния и Болгария покинули социалистический лагерь и стали просто странами Восточной Европы. Объединились две Германии. Были распущены военные структуры Варшавского договора. НАТО осталось, ведь победители всегда остаются, как минимум, при своем.

Яркой чертой перестройки стала гласность. Люди заголосили, т.е. в голос, громко, ни от кого не таясь, начали не просто говорить, а кричать о том, что раньше на публику не выносили. Нас, жаждущих правды, допустили к ранее запрещенным книгам и некоторой запретной информации. Журналы и газеты взорвались беспощадными разоблачениями всех ужасов сталинского режима. Впервые за многие десятилетия нам открывали правду, но, вместе с правдой, большевистские идеологи, действовавшие уже на автопилоте, попытались внедрить в наши головы нужный им «чип». Отдав на суд людской злодеяния Сталина, они решили спасти репутацию Ленина, отмыв его от крови, и, вместе с ним, обелить коммунистическую идею, легшую в основу создания советской империи. Перестроечные идеологи пытались провести в жизнь идею о том, что Иосиф Сталин исказил идею великого «гуманиста» Ленина. Немногие в это поверили, поскольку во время перестройки были еще живы свидетели Октябрьского переворота и Красного террора. Без Ленина не было бы Сталина.

В 1986 году случилась беда – авария на Чернобыльской АЭС. Все произошло по канонам советской империи, прятавшейся за Железным Занавесом – аварию пытались замолчать.

Затем последовала горбачевская антиалкогольная кампания. Во всех республиках, славившихся виноделием, стали вырубать виноградники с бесценными лозами. Из бюджета страны были изъяты миллиарды рублей,

обогативших кустарных самогонщиков и крупных теневых дилеров. Альтернативным пойлом подорвали здоровье миллионов пьющих советских граждан, не готовых смотреть на жизнь не затуманенным сивушными парами взором. Одной из самых ярких примет перестройки были винные очереди. Именно тогда стали открыто колоться и принимать дозы».

«26 апреля, 1996 года.

Итак, нам вернули наши свободы, но отобрали все сбережения, с такой заботой и тщанием накопленные за годы брежневского застоя. Этим нас лишили всякой надежды на справедливость. Какие могут быть у нищих свободы? Призрачные... Расскажу две сказки.

В конце 80-х, еще во время перестройки, очень робко начала делать свои шаги рыночная экономика. Михаил Горбачев и его команда удивили страну программой «500 дней». За пятьсот дней, на обломках развитого социализма, они мечтали возвести грандиозное здание свободного рынка. Была разрешена частная собственность на средства производства – разве можно было даже мечтать о таком в советской империи?!

НО! Еще раз, НО!!! На Обетованную землю частной собственности мы вступили освобожденными от своих денежных сбережений! В январе 1991 года, когда еще оставался почти год до распада Советского Союза, Горбачев и его министр финансов Павлов, провели конфискационную денежную реформу. Все, что поколения советских граждан откладывали на сберкнижках в советском Сбербанке, в одночасье было превращено в ничто. Так в сказках бывает: вдруг гора золота превращается в глину. Ну, большевики обещали нам сказку сделать былью, вот и сделали. У граждан изъяли 14 млрд. наличных рублей. Планировали, правда, разжиться за счет народа на 81 миллиард, но не получилось. После той реформы цены выросли в 8 раз.

Ах, посмейтесь вместе со мной! Разве не умно было сделано? Разрешили частную собственность, но сделали так, что эту частную собственность простому смертному не на что было приобрести. Большевики до последнего вздоха оставались самими собой, мастерами-фокусниками – одной рукой давали, другой забирали, причем забирали еще до того, как давали. На обмен старых купюр на новые населению огромной страны, насчитывавшей 15 союзных республик, дали всего три дня. Вы представляете эти длиннющие очереди? Я видела эти крики, эти драки, обмороки и проклятия в адрес тех, кто отбирал накопленное.

Впрочем, несмотря на народное недовольство, этот обман сошел государству с рук. Семь десятков лет, когда советские люди жили по схеме «большое государство – маленький гражданин», сделали свое дело. Мы умели роптать против власти и смеяться над нею у себя на кухнях, но мы не умели ей противостоять.

А вот еще одна афера государства.

В июле 1991 года, за полгода до распада Советского Союза, был принят закон о ваучерной приватизации. Нам, простым обывателям, раздали ваучеры, убеждавшие нас в том, что мы стали акционерами того или иного предприятия, поменявшего форму собственности с государственной на частную. Скажу сразу, «народной» приватизации не случилось, поскольку приватизацию с самого начала задумали и осуществили те, кто народ в упор не видел. Народу рассказали еще одну сказку и он почти поверил.

Пока обыватели издыхающей советской империи слушали сказку и мечтали о том, как, став акционерами, разбогатеют, предприятия и недра распродавались с

ваучерных аукционов тем, у кого деньги были. Аукционы были демпинговыми, в начале 90-х, в России и в Украине все было очень недооценено. Тут самое время ответить на вопрос – откуда, несмотря на все конфискационные денежные реформы, на этих аукционах появились люди с большими деньгами?

Я отвечаю: на первых аукционах играли чекистские и партийные капиталы, спрятанные до поры до времени за рубежом. Среди покупателей наверняка были доверенные лица чекистов, получившие деньги с «Андроповских счетов», и представители партийной номенклатуры, кое-что припрятавшие в Швейцарских банках. В тех демпинговых аукционах поучаствовали также первые миллионеры, сколотившие свои долларовые состояния на спекуляции сырьем, начавшегося под конец перестройки.

В приватизационную игру также включились «красные директора». Кто такие? Директора больших советских госпредприятий. Они тоже хотели урвать и урвали, отдавая в аренду предприятия, где были директорами, своим родственникам или уводя их в частную собственность. Некоторые предприятия переходили из рук в руки при помощи небольших армий наемных бандитов. Лилась кровь. Надо было наказывать, но не было законов, на основании которых можно было бы привлечь за подобные действия. Да и кто захотел бы наказывать? Увесистая пачка зеленых купюр, переданная представителю закона или силовых органов, решала все вопросы и напрочь отбивала желание наказывать.

Народившиеся частные банки тоже поучаствовали в приватизации, тут же встроившись в коррупционные схемы. Они выдавали кредиты под нечестно приватизированные предприятия, завышая их оценочную стоимость. Часть денег банкам возвращалась сразу в виде выплаченных процентов за весь срок, на который был выдан кредит. Эти деньги клали себе в карман те, кто участвовал в схеме. Остальная часть кредита выводилась в оффшоры. Приватизированное предприятие, под которое брался кредит, никто даже не думал восстанавливать или модернизировать. Оно резалось на металлолом или разрушалось, приходя в негодность. Откуда взялся банковский бизнес? В частные банки, которые росли, как грибы после дождя, закачивались партийные деньги. Во главе банков становились бывшие комсомольцы и их побратимы – бандиты.

А что же народ с его ваучерами акционеров? Народ теми ваучерами подтерся, а, если не подтерся, то отдал скупщикам за стоимость бумаги, на которой они были напечатаны. Цена была смешной – 2 доллара за сертификат. Чтобы люди с бумажками и со своими ложными идеями о том, что стали акционерами, не путались под ногами, настоящие собственники, уже приобретшие то или иное предприятие, скупали у эти бумажки, т.е. ваучеры, пачками.

Ну, что вы скажете о государстве, провернувшем аферу под названием «народная приватизация»? Государство-вор или государство-аферист? Но ведь государство не безликая химера, его олицетворяют вполне определенные люди или, лучше сказать, политики.

Подлая каста подлых людей! Беспринципные и лживые, политические конъюнктурщики, вовремя избавившись от своих билетов членов КПСС, в мгновение ока изменили свою идеологическую ориентацию. Из уст бывших коммунистов-атеистов полилась сладкоголосая песня про демократию, а сами они толпами повалили в церкви, променяв свой атеизм, которому были преданы семь десятилетий, на крест и попов. А попы и рады! Соскучились батюшки по власти. Вернулась их пора пошуршать по шахматной доске своими рясами. Народ ведь тоже повалил в церковь, а прихожане – это избиратели, вот теперь пусть политики и поизгибаются перед святыми отцами. Батюшка скажет пастве голосовать –

проголосуют за названное им имя, скажет не голосовать – не проголосуют. Кто ж против Божьего гласа поперет?

Деньги и власть к церкви вернулись - Аллилуйя! Бог не вернулся, но когда попам был нужен Бог? В их сердцах никогда не было веры, а теперь власть, реальная власть, поселилась в их душах. Быть слугой власти куда приятнее, чем служить некоему молчаливому фантому. Теперь не только политиков, теперь они и прихожан, и самого фантома поимеют. С именем Бога на устах будут доить верующих, аж писк по округе пойдет! И наступит благодать - палаты новые будут возведены, старые будут отреставрированы, купола церковей золотом покроются, наряды поповские тоже будут золотом шиты. Бороды будут длиннее, а животы круглее. Старые кривые монастырские улочки будут утюжить широкие и тяжелые шины майбахов, а внутри монастырских стен будет заразой распозаться грех. А, самое сладкое время начнется, когда церковь верующих друг на друга натравливать начнет. Кто там верит в киевского Бога, кто в московского? У политиков попы быстро науку ненависти переймут и начнут колья вбивать между людьми по своим епархиям.

А что ж народ? Народ понял, что ему в очередной раз показали кукиш. Он этот кукиш ясно увидел: во-первых, люди массово теряли работу, а, во-вторых, им показалось, что идет распродажа их страны, что они в собственной стране становятся людьми второго сорта. Предприятия, на которых работали еще наши отцы и деды, шли с молотка, купленные за гроши какими-то проходимцами. Для народа эта приватизация была очень несправедливым и унижительным актом, поскольку никто из простых смертных не имел достаточно средств, чтобы поучаствовать в дележе государственной собственности. Ведь накануне приватизации держава нас обчистила. Но разве кто-то восстал против несправедливости, заставив имущество, доставшееся в наследство всему народу, а не кучке бандитов, разделить поровну? Нет, никто даже не пикнул. Народ остался недоволен и ... все.

Вот такие две сказки, одна из которых была горькой и стала для нас былью, а другая могла бы быть хорошей, но стала для нас большим обманом».

«2 мая, 1996 года.

Горбачевскую перестройку похоронила экономика. Рыночные отношения плохо сочетались с социальными гарантиями, к которым мы привыкли. Да, мы, маленькие граждане сильного государства, привыкли к кое-чему хорошему. Мы привыкли к бесплатному образованию, к бесплатному медицинскому обслуживанию, включая самые серьезные операции, и, поскольку мы все были членами профсоюза, к бесплатному отдыху. Люди старшего поколения переживали перемены очень тяжело. Им казалось, что у них из-под ног уходит земля. Откуда брать деньги на врачей и учебу внуков? Ведь зарплаты и пенсии не выросли по сравнению с советскими временами, вместо них выросли цены и дефицит государственного бюджета. Товаров первой необходимости на рынке по-прежнему не было. При Горбачеве народ продолжал беднеть и, возликовав поначалу от спущенных сверху свобод, потихоньку начал полагаться на себя. Это было время, когда профессора становились водителями такси, а научные сотрудники продавали шмотки на вещевых рынках. Годы, предшествовавшие распаду СССР, были временем *великой смуты*.

Человек всегда останется самим собой. Когда на одной чаше весов он видит свободы, а на другой чаше не видит куска хлеба, про свободы он забывает. Кусок

хлеба всегда перевесит. Нет, герои, отдавшие свои жизни за свободу, были и будут всегда, но они останутся в сказках, преданиях, памятниках и наших идеалах. Мы-то сами, отнюдь не герои. Мы – простые смертные.

И, тем не менее, голодный, обобранный, разочарованный, стремительно терявший работу и социальные гарантии народ, отстоял свою дорогу вперед, отказавшись возвращаться назад. Тогда еще был жив Советский Союз и то, что случилось в августе 1991 года, касалось всех, в том числе, и меня.

Тем летом так называемые путчисты, среди которых был вице-президент СССР и министры-силовики, предприняли попытку вернуть Союз в объятия старого режима. Горбачева, тогда еще президента СССР, хотели отстранить с его поста, а Ельцина – первого президента России, планировали арестовать на аэродроме по возвращении из Казахстана, где он пребывал с официальным визитом. Путчисты ввели в Москву войска и туда же, в центр Москвы, на Манежную площадь, стали стекаться сотни тысяч москвичей. Защищать демократию со всего мира съехались известные россияне.

Мстислав Ростропович примчался в Москву без визы и своей виолончели. Он сидел в коридоре Белого дома с автоматом в руках, готовый там «найти свою могилу». Позже он рассказывал: «Я провел двое суток в Белом доме и рядом с ним. И то, что я увидел, мне дает силу жить, может быть, до ста лет и даже больше, если Бог даст. Потому что я увидел, как перерождается моя страна, увидел людей, которые защищали свой дом, защищали свое свободно выбранное правительство. Когда я заглянул в глаза этих людей, я подумал: «Да, может быть, это вообще другая страна - совсем не та, которую я покинул в 1974 году». Когда я ходил между кострами, мне каждый наливал кофе, давал кусок хлеба, с каждым я разговаривал. И я осознал: произошло то, что можно было ожидать только через сто лет. Люди поняли, что они - люди... Они защищают не только себя и свою маленькую квартиру... Они защищают дух своего народа. Защищают то, что будет через поколение, и через два, и через три. Наконец-то мы возродимся в наших детях и внуках свободными людьми! И я ощутил всей душой: теперь Россию не может победить никто!.. Я хожу по Москве, смотрю на обезглавленный постамент памятника Дзержинскому, смотрю на темные окна этого страшного чистилища под названием КГБ, и чувствую, что сегодня у меня - день рождения. Мне - 64 года, но я по-настоящему родился только сегодня!»

В то время музыкант жил в Париже и ему только что вернули советское гражданство, которого его и супругу Галину Вишневу лишили в эпоху брежневского застоя.

Ростропович ошибся. Та свобода, что он увидел в глазах людей, деливших с ним хлебом у костров, горевших на площади у Белого Дома, очень скоро угаснет.

Помню тогда, в те августовские дни 1991 года, я плакала. Ни на шаг не отходя от телевизора, я смотрела прямую трансляцию из Москвы. Народ одержал победу над путчистами и мне тогда показалось, что люди моей огромной страны перестали быть маленькими, безразличными и боязливыми. Мне показалось, что народ, показав свою силу, заявил о себе раз и навсегда, и что теперь уже никакая власть не сможет взять вверх над таким единым и свободным народом. Увы, как и Ростропович, я ошибалась.

25 декабря 1991 года Михаил Горбачев объявил о прекращении своей деятельности на посту президента СССР. Период перестройки и великой смуты подошел к концу. Имя Горбачева связано с распадом СССР и с прекращением деятельности КПСС, которая, как феникс из пепла, восстанет двумя годами позже, став компартией Российской Федерации. Горбачев даровал советским гражданам свободы. Вместе с ним к нам ворвался свободный рынок, который, как по

мановению волшебной палочки, сдул наше минималистичное равенство и благополучие, основанное на социальных гарантиях. Нам пришлось барахтаться в бурном море новой реальности. Никто нас не спрашивал, умеем ли мы и хотим ли плавать. Новалис (Фридрих фон Гарденберг) сказал, что «большинство людей не хотят плавать до того, как научатся плавать». Плавать-то мы научились, но, до сих пор, гадаем, хороша ли та реальность, в которой мы оказались».

Глава 21.

Преступление и наказание.

И за первым зверем приходит второй, его прямой наследник – 90-е годы.

«18 мая, 1996 года.

Начнем с России. СССР прекратил существование 8 декабря 1991 года. В Беларуси, в Беловежской Пуще, президенты трех республик, некогда основавших СССР – России, Украины и Беларуси – буквально одним росчерком пера «распустили» Советский Союз. После подписания Беловежского Соглашения, президент России Борис Ельцин прежде, чем доложить президенту СССР Горбачеву, что его должности больше не существует, как не существует и огромной советской империи, позвонил американскому президенту Джорджу Бушу. Через несколько дней, после того, как Горбачев передал всю полноту власти Ельцину, Буш-старший выступил по телевидению, заявив, что произошло историческое событие, и что была одержана «победа демократии и свободы». Это была последняя война, выигранная Соединенными Штатами. Была надежда, что все народы, еще до недавнего времени называвшиеся советскими, а теперь оказавшиеся хозяевами своих независимых и суверенных республик, выиграли тоже. Да, народы выиграли в том смысле, что избавились от авторитарного правления большевистских вождей, от идеологического террора Коммунистической партии, от лицемерия и лжи. Но, оглянувшись, они увидели, что стоят посреди обломков некогда сильной экономики и своих социальных гарантий. Началось долгое и тяжелое похмелье после пьянки по поводу свободы, независимости и какой-то там демократии.

Миллионы украинцев, россиян, молдаван, казахов и грузин потеряли работу в течение нескольких дней. Денежная реформа, проведенная накануне, и гиперинфляция, последовавшая за реформой, вымыли все сбережения. По данным Международного Валютного Фонда, российский НВП упал в 1991-ом году на 13%, в 1992 – на 19% и в 1993 г. - на 12%. Экономика страны, делавшей свои первые шаги, вдруг оказалась в состоянии запредельной депрессии. То же самое происходило и в других бывших республиках.

После распада СССР Ельцин пытался проводить в России кардинальные экономические и политические реформы. Процесс шел медленно и сопровождался расколом в обществе и обнищанием населения. Российские реформаторы, стоявшие на концепции свободного рынка, раздробили государственные холдинги и продали их с аукционов за гроши. Во главе команды реформаторов стоял премьер Гайдар, который, по совету Международного валютного фонда, провел

резкое разгосударствление собственности. В этом и заключалась «шоковая терапия» 1991-го года. Казна в то время была пуста. После этого разгосударствления, названного тогдашним правительством «приватизацией», в казне появились деньги, но так как государственное добро распродавалось среди своих по демпинговым ценам, денег оказалось недостаточно.

То, что приносит свои плоды на Западе, обречено в России. Это аксиома. Именно поэтому, все те реформы, что пытались внедрить после развала советской империи молодые российские либералы, с треском провалились. На территориях бывших союзных республик одержали вверх свои, привычные традиции: как только произошло и оформилось слияние бандитских группировок с государственным аппаратом, маховик российской экономики заскрежетал и начал вращаться.

Свободные выборы 1993-го года привели в Парламент, чьи функции в то время выполняли два органа – Верховный Совет и Съезд народных депутатов, коммунистов и националистов, поэтому в СМИ тогда часто писали о «красно-коричневом реванше». Впрочем, среди депутатов были и бывшие партийные функционеры среднего звена, и профсоюзные лидеры, и директора советских предприятий, совхозов и колхозов. Все они ностальгировали по старым временам, когда у них была не только иллюзорная власть здесь, в зале Большого Кремлевского Дворца, но фактическая власть на местах. Впрочем, не только в ностальгии было дело, они видели, как страдают утратившие работу люди. Живя бок о бок с этими людьми у себя в глубинке, они наблюдали, как в народе зреет недовольство реформами.

И вот группа, ведомая председателем Верховного Совета, Хасбулатовым, объявила войну либеральной политике Бориса Ельцина. Мнил ли себя Хасбулатов Робеспьером? Ведь в истории только революционная Франция управлялась парламентом.

Противостояние президента и парламента длилось несколько месяцев, в течение которых Парламент занимался «медленным удушением Ельцина». Война парламентариев и президента достигла своего пика осенью 1993 года, она не давала работать правительству, погружая страну в дальнейший хаос.

21 сентября 1993 года Ельцин своим декретом распустил оба органа, превысив свои полномочия. В ответ Верховный Совет и Съезд народных депутатов, объявив импичмент президенту Ельцину, проголосовали за отстранение его от власти. Фактическое двоевластие обострилось 3 октября, когда вооруженные противники президента взяли штурмом мэрию Москвы и попытались захватить телецентр в Останкино. Кризис был завершён 4 октября штурмом Белого дома, где забаррикадировалась часть депутатов Верховного Совета. Чтобы самому удержаться у власти и удержать Россию от возврата под контроль коммунистов, Борис Ельцин задействовал армию и 4 октября 1993 года, Белый дом или Дом Правительства был расстрелян из танков, в результате чего он загорелся. Кадры обгоревшего фасада облетели весь мир. В результате противостояния президента и части парламентариев, погибло более 100 человек. Ельцин вышел победителем и в декабре того же года вынес на референдум проект новой Конституции, существенно расширявшей, среди прочего, полномочия президента. Вполне уместно задать вопрос – а была ли тогда расстреляна в России также новорожденная демократия?

Итак, Борис Ельцин, на волне одержанной победы, продавил принятие супер президентской Конституции. Запад, опасавшийся отката России назад, поддержал Ельцина. Увы, западные политики поспешили поддержать «a bottle man» («человека-бутылку», как российского президента тогда называли на Западе), не

задумываясь о том, что за победой «демократа» Ельцина над коммунистами последовал акт принятия такой Конституции, которая возвращала в Россию единоличного властителя, могущего стать вождем, диктатором или царем. Западу хотелось верить, что, за несколько лет, прошедших со времени распада СССР, Россия уже превратилась в либеральную и просвещенную державу, что бывшие советские народы с такой же быстротой и с таким же удовольствием станут записными демократии, с какой напялили на себя джинсы и стали жевать резинку. Этого не случилось.

Ненадолго свернув с проторенного и хорошо знакомого ей пути, Россия вернулась на круги своя – самодержец-вождь-президент с раболепствующим Парламентом и послушным народом. Поэтому, когда дым над Белым Домом рассеялся, стало очевидно, что страна утратила свою недолгую веру в демократию».

«15 июня 1996 года.

Продолжим. Привлекательное сияние возвращенных народу свобод очень скоро померкло. Большинству россиян было наплевать на демократию, они понятия не имели что это такое. Им было также все равно, какую Конституцию иметь – супер президентскую или супер парламентскую, поскольку их жизни, как и жизни их предков, мало зависели от прав и свобод, прописанных в Конституции. Однако простым обывателям было не наплевать где работать, как зарабатывать и чем кормить детей. И тут Запад сплеховал, потому что не поддержал их в минуту нужды. В умах многих россиян засело убеждение о том, что бардаком 90-х они обязаны не отечественным доморощенным реформаторам, ворами и вральям, а своему вечному врагу – Соединенным Штатам. Их продолжают убеждать в том, что экономические реформы, проведенные по совету американцев, были самым настоящим бедствием. Кроме того, Соединенные Штаты, воспользовавшись слабостью молодой России, перехитрили Кремль и быстро добились для себя влияния в богатых нефтью бывших советских республиках Средней Азии. «Мы ожидали, что они будут преследовать свои интересы, - сказал один из российских реформаторов, - но мы никогда не могли предположить, что они будут так грубы в этом». Для России, как, впрочем, для Украины и для других республик, никогда не существовало никакого плана Маршалла. Но почему он должен был быть? Экономике бывших союзных республик лежали в руинах, но ни промышленные предприятия, ни жилой фонд, не были разгромлены или стерты с лица земли, как это было после войны в Германии. Человеческих жертв тоже не было. Страны богатые и, при умном подходе, быстро восстанавливаемые. Своими руками быстро не получилось, хорошо тоже не получилось, получилось как всегда – через пень колоду с воровством, коррупцией, нищетой и бескультурьем, но с сознанием собственного превосходства и мессианской идеей третьего Рима.

Итак, в самом начале 90-х, очередная война, на этот раз «холодная» была завершена. Как и после всех предыдущих войн, победившие и проигравшие делили мир – что отходит победителю, что остается побежденному. В «холодной войне» победа досталась США, Россия же, объявившая себя наследницей СССР, за столом переговоров была главной проигравшей стороной. Отдав страны Восточной Европы и Прибалтийские республики, она ни за что не соглашалась отпустить на свободу Беларусь, Молдову, Грузию, Армению и, тем более, свою богатую соседку Украину. Откуда такая привязанность, спросите вы. Дело в том, что без Украины у

России не получится стать опять империей. Россия не мнит себя без истории Киевской Руси, упорно считая ее частью собственной истории. Киевская Русь была колыбелью, откуда Украина вышла и возмужала. Украина гораздо старше России, которая, почему-то именуется «старшим братом». Присоединив к себе Украину, Россия получит статус европейской державы, про истинное ее происхождение и становление, которое пыталась скрыть еще Екатерина Вторая, уничтожая архивы, все бы забыли.

Запад тоже не был готов принять независимую Украину. Джордж Буш-старший в своей знаменитой речи, вошедшей в историю под названием «Chicken Kiev», призывал Украину остаться в составе СССР. После развала Советского Союза, Западу пришлось пережить объединение Германии, а также курировать трансформационные процессы в Польше, Чехии, Словакии, Румынии и Венгрии. Ему было под завязку. Согласившись еще на Прибалтику, большого Запад не хотел. Украина, по мнению Запада, должна была оставаться в составе федерации или конфедерации с Россией. Поэтому, в момент провозглашения независимости, в Украине не было никаких иностранных экспертов или советников. Их также не было во время первых экономических реформ».

«21 июня, 1996 года.

*Люди из сил выбиваются, чтобы действовать наперекор разуму.
Генрих Манн.*

В 90-х мы стали меньше читать газет и журналов. Разоблачениям, покаяниям и душевным мукам пришел конец. Кто успел покаяться, тот успел, кто не успел, для тех поезд ушел. Гласность, приоткрывшая нам глаза и разбередившая наши души правдой, вместе с перестройкой ушла в прошлое. Настали 90-е – время делать деньги. Цели были разные – одним хотелось разбогатеть, другим спасти себя и родных от голода. Надо было крутиться. Да, мы перестали трепать себе душу не нами совершенными преступлениями, мы стали совершать наши собственные преступления. Впрочем, в желании разбогатеть, мы не были одиноки, мы присоединились к той толпе, что неслась по всему миру в погоне за хрустящей банкнотой.

В конце 80-х, начале 90-х, произошла тотальная разбалансировка нашего мира – сильные мира сего подвели черту под общественными идеалами и общечеловеческими ценностями. О справедливости больше никто не заикается, поскольку пропасть между бедными и богатыми расширилась до таких размеров, что ее уже не перепрыгнуть.

В начале 90-х авторитетами стали те, кто добился власти и те, кто сумел разбогатеть. Из Библии истина переместилась во власть и деньги. Стало позволено все, что ты можешь себе позволить. Мораль превратилась когда в смешной, когда в уродливый атавизм.

Одним словом мы, жители планеты людей, стали массово поклоняться Золотому Тельцу – он стал нашим новым Богом. Нам все меньше нравится аксиома о том, что деньги надо зарабатывать, т.е. делать что-то хорошо и получать за хорошо сделанную работу вознаграждение. Наша зарплата должна быть достаточной, чтобы – раз уж мы сами придумали деньги и за все надо платить – жить с достоинством, иметь возможность, без нервотрепок и стрессов, кормить семью и оплачивать приличную крышу над головой. Все, больше не надо.

Оказалось, что надо, причем, надо гораздо больше необходимого и надо постоянно.

Оказалось, что астрономические суммы можно делать практически из ничего, из воздуха. Банкиры научились разводиться целые нации на «хищнические» кредиты, с благословения политиков, занимающих самые высокие посты, они начали спекулировать государственными займами и облигациями, прикрывая свое мошенничество обменом национальными валютами. Государственные заказы раздаются исключительно своим – тем спонсорам, что не прогадали и поставили на победивших, в президентских и иных перегонах, лошадок. Придя к финишу первыми, эти лошадки начинают пахать исключительно на тех, кто не жалел корма для них. У лошадок хозяева отнюдь не народы, народам лошадки не по карману».

«24 июня, 1996 года.

«Демократия» дословно означает «власть народа». Политики исказили это понятие в свою пользу, заявив, что народам не стоит заморачиваться, все, что им надо делать, это тянуть лямку и исправно платить налоги. Управлять державами будут их избранные представители, другими словами, посредники. Людям надо всего лишь раз в четыре года поставить галочку напротив того или той, что врет убедительней других. Это была гениальная политическая афера, в результате которой появилась сучье племя – армия политиков. Присвоив себе реальную власть, они, с помощью обмана, отстранили народы от управления державами. Точно так же церковь не допускает людей к Богу, поставив между ними и Всевышним барьер из посредников в длинных рясах. Когда появились первые политические партии, посыл о том, что народы переступят высокий трон и приблизятся к управлению государством через своих избранных представителей, была сладкой песней в ушах простого люда, уставшего от монаршего абсолютизма. Политики им шептали – «вы будете хозяевами своих стран и судеб», поэтому народы легко им поверили и с этой понятийной казуистикой согласились. Как они ошиблись!

Международное братство политиков, поддерживаемое и направляемое международным братством финансистов, только укрепляется. Народы в этот закрытый клуб не допускаются, поскольку уже превратились в многомиллионный обслуживающий персонал для касты политиков и финансистов, пропустив тот момент, когда деньги из финансового инструмента превратились в идеологию и диктат.

Всемирная армия политиков и армия попов – две силы, что не дают народам поднять головы и взглянуть на мир незамутненным от всякой хрени, что вливают им в мозги с помощью медиазаразы, взором.

Политики с ногами забрались на загривки простых людей не только в Украине или в России, но и по всему земному шару, с одной небольшой разницей: нам говорят, что в «демократических» странах еще существует верховенство права, когда все, вне зависимости от расовых, имущественных или статусных различий, равны перед законом. На самом деле, это не так – в этих странах простым людям точно также не доступны дорогие и самые лучшие адвокаты, отмазывающие преступников с толстой мошной от любого преступления. Далекое не каждому европейцу или американцу доступны все возрастающие судебные издержки, как и хорошее образование, и качественное медицинское обслуживание. Элита создает условия, прежде всего, для собственного воспроизводства.

В начале 90-х, организаторы мира назвали себя «элитой». Они создали свой закрытый клуб с кодексом специальной этики для себя, не имеющей ничего общего с этикой простого человека.

Тогда же представители «элиты» впервые заикнулись о том, что на всех не хватит. Мир услышал о «золотом миллиарде», я же думаю, что черту подведут под «платиновой сотней миллионов». В планы «элиты» спасение мира не входит, в планы «элиты» входит спасение оазисов посреди погибшего мира, где они сами и их потомство могли бы переждать катастрофу. Вероятно, они уже знают, что мир спасти нельзя, человечество, направляемое «элитой», слишком долго пило ветку, на которой сидело.

Те, кто нарекли себя «элитой», говорят нам красивые и правильные слова о свободе, патриотизме и равных возможностях, но их речи и их обещания абсолютно пусты. В 90-х они научились облекать в слова понятия, которые не отражают реальность, а маскируют ее. Политики провозглашают принципы, которым сами не следуют. Они принимают законы, по которым сами не живут. Они давят нас налогами, в то время, как для себя и тех, кто их содержит, они придумали оффшорный рай. Все – и принципы, и законы, и налоги – исключительно для нас, простых смертных.

Простой обыватель всего этого не замечает и не понимает, продолжая обманывать себя иллюзией, что «элита» служит державам и народам, ведя их к лучшему будущему. С этой иллюзией обыватель сроднился и никак не хочет с ней расставаться. Ему, бедняге, так спокойнее. Народы все еще обескуражены, они не в состоянии понять, что защищать их интересы, улучшать, а, тем более, спасти их жизни никто не будет, что их судьба в их собственных руках. Однако, привыкшие смотреть в экраны своих телевизоров, народы боятся восстать против «элит». Их приучили к мысли, что если они посмеют, они утратят даже то, что имеют – свое мизерное благополучие».

«27 июня, 1996 года.

Чтобы мы не особенно возникали, заподозрив что-то неладное, нас отвлекли страшно крутым, страшно тупым и очень денежным шоу бизнесом. Его создали специально для нас: религия – это орудие попов, шоу бизнес – орудие политической «элиты».

Промышленность развлечений пришла также и к нам, на постсоветское пространство. Советской цензуры, которой, как высокой стеной, была обнесена «советская цивилизация», больше не существует. То, что являлось истинным искусством, подменили нескончаемым и однообразным шоу, а носителей таланта и индивидуальности так называемыми «звездами», которых создают, как в научно-фантастических кошмарах: заготовки зреют, до поры до времени, где-то на обочине, пока их не подберут и подгонят до нужной кондиции. Им говорят – не надо стесняться, они и не стесняются. Их жиденькие голоса превращают на продвинутой аппаратуре в нечто, похожее на певческий дар. От заготовок требуется держать зрителей «в тонусе», спекулируя на откровенных пороках. Во время выступлений голос звучит от заготовки отдельно, что дает ей возможность сосредоточиться на том, как подрагивать бедрами, хвататься за гениталии и трести оголенными частями тела.

Этих бездарностей готовят к свету рампы на «фабриках звезд». Медиазараза на службе у «элиты», без усталости «звезд» рекламирует, показывая их на всех каналах, тиражируя в гламурных изданиях и обсуждая в скандально-светской хронике.

Шоу-бизнес, запущенный в нашу жизнь «элитой», появился не просто так, его создали для определенной цели – он призван подавить наш иммунитет морали и здравого смысла. Годы наблюдая по ТВ каналам нечто яркое и громкое, но абсолютно бессмысленное и бессодержательное, люди массово тупеют. Шоу бизнес свою миссию выполнит – безликая, неумная, легко манипулируемая толпа, жаждущая удовольствий, сплетен и скандалов, будет подготовлена. Именно такой материал требуется все более беспардонным, все более лживым и продажным политикам.

Неотъемлемой частью шоу бизнеса был и остается гламур. В 90-х, мы, женщины из непросвещенной в плане гламура страны, узнали, что появилась еще одна женская профессия. Причем, очень высокооплачиваемая. Нет, я не о проститутках, о девочках из соседнего двора, которые вдруг превратились в звезд-супермоделей и меньше, чем за десять тысяч долларов с кровати по утрам не встают. Кристи Терлингтон, Наоми Кэмпбелл, Линды Еванджелисты и Клаудии Шиффер стали намного популярнее некоторых голливудских звезд. Боже мой, как просто устроена человеческая натура! И как бесконечно живет тайна женского тела! Эта тайна продолжает будоражить и возбуждать, сделав женское тело очень дешевым и очень дорогим товаром одновременно.

В литературе, кино и на ТВ появились дешевые, в прямом и переносном смысле, романы, кровавые боевики и сериалы. Быстро и бесповоротно у наших подростков глаза стали цвета крови. У родителей, которые еще недавно были советскими гражданами и приносили не только гарантированную зарплату, но и премию от внедрения какого-нибудь научного проекта, а теперь вынуждены продавать кроссовки на базаре, подрастает сын, который, в свою очередь, потеряв ориентиры, становится благодарным потребителем низкосортных боевиков и компьютерных игр. Поначалу они развлекают такого подростка, давая ему ложную веру в то, что все в этой жизни возможно. Возможно быстро разбогатеть, например. Родители настаивают на учебе, боевики же рекламируют более легкие пути к обогащению – воровство или убийство. Убийство легкое и остроумное, убийство, которое возбуждает, заставляя почувствовать власть над людьми. Причем, почти обязательным атрибутом убийства, а иногда и его прямой соучастницей, становится шикарная женщина. Убийца и воров играют самые обаятельные акты. Что же касается видеоигр, то находиться в виртуальной реальности безопасно для себя и других: там нет боли, смерти там не настоящие и очень малая плата за ошибку.

Но наш подросток – не выдуманный голливудский герой, он персонаж из реальной жизни, в которой нет места романтики легкого убийства, а есть место преступлению. У разочарованных и разозленных, не обеспеченных будущим подростков, появилась отдушина – безбрежная жестокость по отношению к ближнему. Молодежь, причем далеко не только агрессивно-придурковатые подростки, валом повалила в бесчисленные группировки скинхедов, неонацистов и других экстремистов. Их неудовлетворенность и агрессивность стала идеологией, диктующей определенные действия.

Еще два слова, чтобы закончить абрис девяностых, эти два слова – прибыль и обогащение. Именно этим двум словам посвящены теперь людские мысли, надежды и жизни.

Крупнейшие производители известных брендов, перенеся свои производства одежды и обуви в Китай, Бангладеш и Вьетнам, дерут за свою одежду, с косыми

швами и вываливающими нитками, такие цены, что остается думать только одно – эти тряпки сшиты вручную где-то в центре Парижа, а бирка «сделано в Бангладеш» всего лишь досадное недоразумение.

Производители продуктов питания начали особенно интенсивно использовать консерванты, красители, ароматизаторы, стабилизаторы, заменители и что там еще – ведь товар на полках должен оставаться, если не свежим, то привлекательным как можно дольше. Пусть мы сдохнем от их синтетической несъедобной дряни, им дороже прибыль, чем наши жизни. Мы для них потребители, т.е. статистика. Некоторые владельцы супермаркетов и бакалейных лавок дошли в погоне за прибылью до невероятной низости – они меняют дату срока годности на упаковках, ополаскивая упакованное мясо в розоватом химическом растворе и протирая упакованные куриные тушки хлоркой или другими отбеливателями – лишь бы не списывать!

Когда я была ребенком, все продукты питания были натуральными. Сейчас все натуральные или «биологически чистые» продукты продаются на отдельных полках в супермаркетах и стоят в несколько раз дороже «биологически грязных». Продукты эти покупают те, кто может себе их позволить. Обратите внимание – даже в продукты питания закралось неравенство. Мне возразят, что обладатели толстой мошны всегда питались куда лучше бедняков. Да, питались, стол богатых был обильней и разнообразней, а бедный люд довольствовался малым. Однако перед жителями средних веков не стоял выбор – сожрать «чистый» картофель или окученный пестицидами, «чистую» курицу или накачанную гормонами и антибиотиками, и потом протертую хлоркой.

Здоровыми будут только избранные и их дети. Не суть, что будут умными или добрыми, или нравственными, или вообще людьми, но здоровыми будут точно! Наше же племя, народное, потихоньку вырождается. Нельзя быть здоровым в больной среде, а у нас тут не только просроченными продуктами воняет, но достоинство наше уже совсем протухло – продается за все, что предлагают. Согнулись, пригнулись и уже на все согласились. А что детям скажем?

Нажива гонит людей истреблять леса, животных, насиловать и убивать, в том числе, и детей, которых продают в сексуальное рабство. Именно в начале 90-х, Земля стала особенно зловонным местом – в прямом и переносном смыслах этого слова».

«7 июля, 1996 года.

Теперь самое время рассказать об Украине. К середине 90-х, хаос первых постсоветских лет стал преобразовываться в некий порядок. Нет, ни продажные политики, ни политики-воры, ни коррумпированные чиновники, ни олигархи, ни бандиты, ни рейдеры никуда не делись. Все это осталось и бурлило зловонным варевом. Однако, постепенно, в этом вареве стал появляться осадок, сверкавший кусочками чистого золота. Этим золотом были люди, своим мужеством, упорством и трудом превратившие себя из растерянных безработных первых постсоветских лет в преуспевающих представителей среднего класса. Не все вырвались из нищеты и растерянности, но многим это удалось. Поэтому позволю себе еще одно обобщение – украинцы с удивлением и радостью поняли, что, освободившись от довлеющего и контролирующего государства, а также от КПСС с ее руководящей ролью, они оказались на многое способны, в том числе, и на создание красоты, комфорта и благополучия. Пока политики, в первые годы независимой Украины ее раскрадывали, украинцы ее поднимали из руин.

После распада СССР, экономические руины образовались из-за крушения союзных экономических скреп. «Братские» республики удерживали под зонтиком советской империи не только и не столько при помощи идеологии, сколько через взаимозависимость в экономике. Поэтому советская экономика была гиперинтегрированной. Когда гиперинтеграция приказала долго жить, предприятия в Украине стали закрываться. Люди массово теряли работу и свой заработок. В 1990-91-ом годах безработица была практически поголовной и это в условиях, когда не существовало ни центров занятости, ни пособий по безработице, ни кухонь для бедных. Улицы в городах погрузились во тьму, даже в Киеве освещались только центральные проспекты, а полки в магазинах были абсолютно пусты.

В Украине безработица совпала с упразднением общеимперской денежной единицы – рубля. В независимой Украине появились сначала талоны, потом купоны, а, со временем, национальная валюта, которая поначалу мало чего стоила. Я помню, как в очередях в продуктовых магазинах, все толпились с огромными листами бумаги, разделенными на квадраты или талоны. В каждом квадрате стояла цифра – от одного до пяти карбованцев – так рубль назывался по-украински. Продащицы отрезали ножницами столько квадратов, сколько стоила покупка. Инфляция в то время достигала 10000%. Как ни странно, самой ходовой денежной единицей в то смутное время, был американский доллар, который, каким-то чудесным способом, водился у всех.

Падение советской империи поставило украинский народ перед выбором – выжить и начать зарабатывать, или умереть. Была еще одна альтернатива – нищенствовать, но для молодых и сильных эта альтернатива не обсуждалась. Оказавшись на улицах, там же, на улицах, простой люд взрослел, матерел и переучивался, преодолевая растерянность и отчаяние.

Так, в Украине появились «челноки» - люди, регулярно ездившие в соседние страны, где закупались одеждой, продуктами, сигаретами, спиртным, оливковым маслом и шубами, на себе волоча обратно тяжеленные сумки и тюки. Привезенные товары они продавали на рынках, со временем некоторые из них открыли собственные магазинчики. Где они брали деньги на свою первую закупку? Сбрасывались в складчину или закладывали свои квартиры. Наши советские хибары, которые назывались квартирами, летом 1991 года, стали нашей собственностью. Тогда двухкомнатная квартира стоила от 15 до 30 тыс. долларов. «Челноки» рисковали остаться без крова, но голодный и пообносившийся народ был им благодарен. Эти люди, без конца сновавшие туда-сюда, за границу и обратно, стали одной из главных характерных черт 90-х и ликвидировали вполне реальную угрозу голода.

В те времена с Украиной никто не торговал посредством банковских переводов или банковских гарантий. Если тебе нужен товар, выкладывай наличку. Когда ехали за товаром в Польшу, Турцию, Китай, Италию или Грецию, перевозили валюту в буквальном смысле на себе, пряча доллары в нижнем белье. Поскольку Украина была пустая и голодная, привезенный товар тут же разметали. Снова ехали за товаром, привозили уже грузовик, потом два, потом десять, арендовали помещение, открывали сначала небольшие магазинчики, потом расширялись. Выкупали свои квартиры, отдавали долги. Регистрировали первые частные предприятия – небольшие фабрики, пивоварни, турагентства, хлебопекарни. За оборудованием для первых пекарен точно так же ездили с налом в Италию. Все по классическим законам раннего капитализма: деньги – товар – деньги или деньги – услуга – деньги. Чтобы защитить себя, свой товар и свои предприятия, нанимали бандитов или «крышу», которую использовали также от

террора новоявленных налоговиков с совершенно неудобоваримыми первыми законами о налогах.

Когда массы людей вовлекают себя в частную предпринимательскую деятельность, результатом которой является материальный доход или прибыль, это не что иное, как стихийное зарождение капитализма. Бабушка, продающая сигареты, ее сыновья и невестки, торгующие на рынках товаром, привезенным из Польши, ее внуки, предлагающие пиратские аудио и видео кассеты, бывшие научные сотрудники, дающие частные уроки, бывшие инженеры, поджаривающие шаурму под навесами в людных местах, бывшие профессора, кладущие кирпичи на строительстве частного дома – все они вложили свои деньги, свое отчаяние, риск и труд в товар или услуги, вернув себе их стоимость плюс прибыль. Что это, как не нарождающийся свободный рынок? Однако тот капитализм, что нарождался на улицах, был диковатым и стихийным, но сравнительно невинным. Если и случались потасовки, обходилось они без горы трупов. Народный или уличный капитализм в корне отличался от того дерибана государственной собственности, что проходила в тайне от народа. Там, за тяжелыми кумачовыми кулисами, поближе к кормушке, рождался настоящий капитализм – денежный и очень безжалостный.

Итак, в начале 90-х, потеряв привычный уклад, украинцы выжили. Обстоятельства или, лучше сказать, сама история, облегчила им эту задачу. Несмотря на то, что Украина была объявлена суверенной державой, государства, как гаранта безопасности своих граждан, тогда просто не существовало. Украинцам повезло – слегка притопав их денежной реформой и обманной приватизацией, им сказали: «Выживайте, как можете!» и они выжили.

* * *

Вот вам девяностые. Может быть не все, но основное, я надеюсь, мне удалось объять. Главное – перестал существовать Советский Союз, монстр, легенда, миф за Железным Занавесом. Угроза для одних, вождельные мечты для других. И, почти сразу же, мы, бывшие советские граждане, люди новой формации, морально чистые и непродажные, переродились в обыкновенных людишек, населяющих нашу планету, с неряшливыми пороками и страстями, любящих деньги, а не идею, политиков, а не национального лидера, секс, а не любовь, и шоу бизнес, а не искусство. Мы стали, как все.

В конце 80-х, начале 90-х годов, бывшая Империя Зла тужилась показать миру свое «человеческое лицо». На несколько коротких мгновений ей это удалось, однако очень скоро человеческое лицо трансформировалось в новую, но по-прежнему, уродливую личину. Так что же было преступлением, а что стало наказанием? Преступлением был Октябрьский переворот и 70 лет коммунистического геноцида, а наказанием станет последующее развитие России, объявившей себя наследницей СССР. Наказанием не только для ее соседей, одновременно с ней выпрастывавшихся из совка, но и для Запада, обманывающегося на счет того, что ему удалось одолеть империю Зла.

Я не очень удивлена тому, что появилось на развалинах бывшей советской империи, поскольку я знаю историю, знаю, что моих сограждан истребили в достаточном количестве для того, чтобы потомки выживших не захотели или не смогли противостоять возрождению зла. Меня удивляет западный демократический мир. Он так долго добивался крушения империи Зла и что же? Как только этот монстр немного оправился, испив живой водицы из своего же мутного прошлого, Запад, одержавший над ним победу в последней, «холодной»

войне, вдруг протянул свои демократические ручонки, усыпанные драгоценными камнями всевозможных свобод и ценностей, к монстру, встававшему с колен. И вот потекли в Европу и за океан полезные ископаемые, нефть и газ, лес-кругляк и пшеница а, главное, огромные суммы, украденные новыми вождями у народов бывшей империи. Грязным денежным потокам широко распахнули двери банки, оффшоры и фонды потрясающе демократического Запада.

Именно тогда, в 90-х, мир стал одинаково плох».

Глава 22.

Высокие дюны разочарований.

«20 июня, 1996 года.

До сих пор я вспоминала о том, что произошло вокруг меня – как изменилась страна и, вместе с ней, наша жизнь. Пришло время написать о себе, о Джордже, ради которого на целых пять лет я стала Мадам Бовари, о Димитрисе Загкосе и о других случайных и неслучайных людях, повстречавшихся на моем пути.

Весной 1992 года я вернула обручальное кольцо Димитрису Загкосу или просто Мимису, сказав ему, что, раз супругами нам стать не суждено, можно попробовать себя в бизнесе. Он согласился и зарегистрировал фирму, где он и я значились полноправными партнерами. Что заставило его согласиться? Нежелание терять меня окончательно, иметь возможность контролировать меня через общий бизнес или желание разбогатеть? Что, правда, то, правда, тогда многие быстро богатели в Украине. О первых миллионерах молва разлеталась быстро, а вот о тех, кто, потеряв работу, так и не смог встать на ноги, молва умалчивала.

Нашим первым совместным проектом было шампанское. Да, знаменитое Советское шампанское! Мимису потребовались образцы – как же без них? – и в Афины самолетом были доставлены два ящика прекрасного Советского шампанского – брют, сладкого, полусладкого, мускатного и красного. Он, как представитель нашей компании в Греции, должен был посетить греческие супермаркеты, познакомиться с закупщиками, предложить им образцы и убедить подписать письма о намерениях.

Как говорится, первый блин комом. Этот проект провалился из-за предубеждения, нежелания рискнуть и отсутствия любознательности. В Греции никто о Советском шампанском не знал и, видимо, знать не хотел. Греки довольствовались тем, что имели – итальянским и немецким *spumante* для среднего класса, и французским шампанским для ценителей с толстым кошельком. Кому было интересно, что создание российского шампанского связано с именем князя Льва Голицына? Изучив французское виноделие, он не только занялся производством вин в России, но решил попытать счастья с шампанским. Его усилия и упорство увенчались успехом и, в 1899-ом году, он произвел свой первый но, тем не менее, восхитительный тираж шампанского, насчитывавший 60 тысяч бутылок. А сейчас приготовьтесь к сюрпризу – Шампанское, именно то самое, голицыновское, было признано самым лучшим на Всемирной промышленной выставке в Париже в 1900-ом году. Высшая награда, Grand Prix, была вручена князю

Голицыну не кем-нибудь, а самими французами, как признание высочайшего качества произведенного им напитка!

Что касается Советского шампанского, оно ничем не уступало французскому и было произведено по рецепту – кого бы вы думали? – да, аристократа и профессора химии Антона Фролова-Багреева. Сталин посчитал Багреева слишком ценным для страны Советов специалистом и, вместо того, чтобы расстрелять его, как миллионы других, он разрешил ему жить и работать в Крыму, в хозяйстве виноградаря Абрау-Дюрсо.

Советское шампанское уступало французскому только в цене, что, казалось бы, должно было привлечь греческих закупщиков, но не привлекло. Формальной причиной нашей первой неудачи стала неразбериха с этикеткой, которая, по мнению закупщиков, должна была быть на греческом языке. Почему никто не требовал, чтобы на бутылке *Veuve Clicquot* этикетка была на греческом? Уж если требовать смену этикетки, но на латиницу. Однако латинскими буквами слово «шампанское» разрешено к употреблению только на французском продукте. Никто разбираться в этих хитросплетениях не стал и проект заглох.

Мимис мог бы постараться и преодолеть все препятствия на дороге к успеху, но не захотел. Ему показалось, что закупщики, вместо того, чтобы выказать ему уважение, отнеслись к нему одновременно с подозрением и снисхождением. Обидевшись на весь мир и посчитав, что его взбрыкнувшееся никчемное эго стоит гораздо больше, чем успех предприятия, он запер оставшиеся бутылки в своем чулане и больше к ним не притрагивался.

Ах, бедный Мимис! Дом Периньон, бенедиктинский монах и исключительно одаренный винодел, подняв бокал со своим шедевром, воскликнул: «Я пью звезды!» По прошествии более, чем трех столетий, я научила Димитриса Загкоса «пить звезды». Однажды, когда он в очередной раз появился в Киеве, я повела его в прекрасный театр – Киевскую оперу. Купив билеты, я заказала нам в ложу Шампанское и закуски. Мимиса чуть удар не хватил, он перепугался, что за эту непозволительную роскошь придется платить ему. Я поспешила успокоить его, сказав, что уже за все заплачено. Тогда он переключился с материального аспекта на морально-этический – как же его теория о том, что каждый сверчок должен знать свой шесток? Мимис любил проповедовать о том, что в зависимости от дохода – и удовольствия. Я тогда жила в небольшой двухкомнатной квартирке, но могла позволить себе и ложу, и шампанское. Как говорил Генри Миллер – «мы были бедны, мы жили в трущобах в Бруклине, но мы жили, как короли». Я так часто поила Мимиса Шампанским, что, постепенно, он стал относиться к нему без предубеждения западного обывателя. Забыв о своих теориях, он стал получать удовольствие, решившись предложить этот божественный напиток из-за Железного Занавеса своим соотечественникам. Увы...

Вторым нашим совместным проектом была аммиак. Один из друзей Мимиса был судовладельцем и захотел не только закупать, но и перевозить аммиак своими судами. В августе, когда стояла невыносимая жара, я отправилась в Одессу, прошагав несколько километров под палящим солнцем от автобусной остановки к заводу, где я встретила с мафиозными личностями и, хотя им очень хотелось меня бортануть, я не дрогнула и подписала с ними контракт. Цена оказалась на два доллара дороже, чем я рассчитывала. Она подходила нашему покупателю, но не оставляла комиссионных для нас. Тогда я предпочла успех вознаграждению. Мне был очень нужен успех, я хотела почувствовать, что могу в мире бизнеса крутиться и добиваться результатов. Позже судовладелец мне выплатил небольшой гонорар, а про Мимиса забыл. Я не вмешивалась, это были личные отношения между двумя греками.

Оставаясь посредником на аммиаке, я могла бы сколотить небольшое состояние, но скоро поменялось руководство ОПЗ, одна мафия сменила другую, и контракт с греческим судовладельцем был прерван. Искать правосудия или компенсации в Украине начала 90-х годов было делом бессмысленным. Очень скоро мафия полностью подмяла под себя весь бизнес по производству и экспорту аммиака и соваться туда было небезопасно для жизни. Там стали играть фигуры другого, гораздо более крутого замеса, они отстреливали конкурентов и, несказанно обогащаясь, покупали дома и виллы в демократических странах Запада.

Несмотря на первые неудачи, в ноябре 1992 года, наша с Мимисом фирма стала более многочисленной, к ней присоединились два новых партнера. Это был тот год, когда Мимис впервые привез в Киев и познакомил меня с Джорджем Альгасом».

«23 июня, 1996 года.

Помню, что тот день в начале ноября 1992 года, выдался солнечным. Я и трое моих партнеров сидели за столом переговоров в Киевдреве – большой деревообрабатывающей фабрики, что находилась недалеко от центра Киева. Я была страшно горда – мои партнеры с греческой стороны и руководство фабрики с украинской, подписали договор о совместном предприятии. Я эту сделку готовила и, вот, она увенчалась успехом! С этого момента все должно было пойти, как по маслу. Выигрывали обе стороны: греки получали по заниженной цене ДСП, ДВП и шпонированные плиты, а руководство Киевдрева получало долгосрочные контракты и деньги на модернизацию предприятия. Поставки должны были начаться в декабре 1992 года.

Расширение нашей фирмы привнесло в мою жизнь надежду на реальный успех, а появление Джорджа Альгаса заставило мое сердце биться в ритме оглушительной и всепоглощающей любви.

Схема доставки продукции Киевдрева в Грецию была следующей: вагоны, груженые ДСП и ДВП прибывали в Одесский порт, а оттуда, по морю, отправлялись в Грецию. Ожидая подтверждения первого платежа и полностью доверяя своим греческим партнерам, украинская сторона начала загрузку вагонов. Ожидание затянулось на целую неделю. По несколько раз в день я звонила Джорджу Альгасу, который выдумывал все новые отговорки, почему не поступает оплата. Наконец, он выговорил правду – покупателя у него нет, он его ищет и пока не нашел.

- Так почему ты мне не сказал об этом раньше?! Почему не остановил погрузку? – орала я в трубку.

Это были риторические вопросы. Джордж молчал, а я тогда еще не знала, что для греков важно не быть, а казаться. Пусть даже на миг, но показаться кем-то влиятельным, кто все может, кому все под силу, кто двигает мировую торговлю, приобретая богатство и славу. Обмануть не только других, но и себя, на время забыв, кто ты есть на самом деле.

Я не знала, как сказать украинской стороне о том, что, несмотря на подписанный контракт, их товар никто не собирается покупать. Ни сейчас, ни через неделю, ни через месяц. Они могут забыть о совместном предприятии и модернизации своего предприятия. После нескольких часов раздумий, я решилась. Позвонив руководству фабрики, я сообщила, что отправка задерживается из-за проблем в порту. Замдиректора по имени Петр мне не поверил. Этого стоило

ожидать, поскольку он регулярно работал с Одесским портом и прекрасно знал, что никаких проблем там нет.

Меня пригласили на железнодорожную станцию для переговоров, другими словами, со мной забили стрелку. Прибыв на встречу, я увидела груженные вагоны. Ко мне подошел Петр и тихо сказал, что, если бы не его доброта, меня бы сейчас закрыли в одном из этих вагонов и, пока мои партнеры из Греции не расплатились бы за товар, меня держали бы в темном и холодном вагоне без еды и воды. Затем бы стали бы отрезать и отсылать им мои уши и пальцы. Если бы и это не помогло, от меня бы избавились.

- Уходи и больше никогда не появляйся у нас, - он повернулся и быстро зашагал от меня прочь. В ту темную и промозглую декабрьскую ночь я долго стояла среди путей и вагонов, боясь закрадывавшихся мне в душу сомнений. Я снова и снова задавала себе вопрос – заплатил бы Джордж за погруженные в вагоны доски из своего кармана, знай он, что меня похитили и заперли в вагоне с этими самыми досками? В мой мозг стучалась догадка о том, что он не принял бы угрозу всерьез. Не потому, что угрозы не существовало, а потому, что эта отговорка позволила бы ему не платить.

Как я добралась домой, я помню плохо. Я долго приходила в себя. Закрывшись в своей комнате, я плакала навзрыд. Мне уже не было страшно, мне было обидно и досадно. Я так долго готовила подписание договора с Киевдревом и связывала с ним столько надежд! Это был мой первый совместный проект с офисом Альягаса, и мне было очень жалко его терять. Как будто я приручила собаку, полюбила ее, но потом ее украли у меня. Моя привязанность к живому существу повисла в воздухе и надо было что-то с этой привязанностью делать. Горевать, конечно, жалея собаку и себя заодно.

Тогда мне стоило хорошенько задуматься и остановиться. Мне надо было по-настоящему испугаться и понять, что доверять моим греческим партнерам опасно. Мне стоило забыть о существовании Джорджа Альягаса, подмахнувшего, от имени своей посреднической фирмы, договор о совместном предприятии и долгосрочный контракт на закупку ДСП и ДВП.

Однако я, одурманенная своим чувством к Джорджу, не испугалась и не остановилась. Несмотря на обман, который мог стоить мне жизни, я продолжала с ним работать, любя его больше, чем когда-либо, надеясь на наше совместное будущее. Я бралась за любые проекты, которые подбрасывал мне Джордж. Мое упрямство позволило мне познакомиться с разными людьми из мира бизнеса или, правильнее сказать, из мира дикого, без правил и пощады, мира украинских частных предпринимателей. Я обрастала связями, в то время не приносившими мне практически ничего. Почему? Потому что там, на другом конце моего упрямства, был Джордж Альягас, мой лживый и необязательный партнер.

Той зимой мне пришлось вернуть компьютер, который я арендовала несколькими месяцами раньше. У меня совсем не было денег. Мне надо было кормить и одевать Игната, перешедшего в старшие классы, мне надо было помогать Анне и Александре, но я не отчаивалась. Мне казалось, что все еще не так плохо и завтра будет гораздо лучше, чем сегодня».

«30 июня, 1996 года.

Закончился 1992 год, настал 1993. Джордж прилетел в Киев на День Святого Валентина. День стоял ветреный и холодный. Мы поужинали в ирландском

ресторане в Пассаже. Это было чуть ли не единственное место в Киеве, где можно было прилично поесть. Он не извинялся за причиненные мне «неудобства». Тот факт, что меня могли убить, он решил не комментировать. Он был полон новых идей и проектов.

За ужином он вывалил на меня целый ворох «горячих тем» – цемент, песок, металл, базальтовое волокно и всякая другая хрень. Сейчас я бы переменяла тему разговора или сказала бы ему заткнуться, но тогда, после его отъезда, я вновь положила перед собой длинный список предприятий, производивших все то, что нужно было Джорджу, и стала их обзванивать. Собрав информацию, я ее систематизировала и перевела, после чего отправила свой отчет в офис Альягаса. Позже я узнала, что мои отчеты, где все было разложено по полочкам, никто не читал. Их даже не сохраняли, их выбрасывали в корзину для бумаг. Об этом я знаю сейчас, но тогда я думала, что что-то опять не срослось. Часто препятствием служило то, что украинская сторона продавала на условиях FOB, а греческая хотела покупать исключительно на условиях CIF. Одни не хотели отправлять свой товар на чужую сторону без оплаты, а другие не хотели платить за товар, пока тот еще был на чужой стороне. Я пыталась найти решение этой проблемы и, когда я его находила, греческая сторона почему-то всегда теряла свой интерес к данному проекту.

С другой стороны, ведение дел с украинской стороной, тоже имело свои особенности. Своим потенциальным деловым партнерам украинцы устраивали проверки на вшивость. Когда иностранец впервые появлялся на украинском рынке, его проверяли. Если он хотел заработать на купле-продаже, украинские производители не возражали с ним работать, но сначала он должен был им доказать, что он не лох. Другими словами, хочешь, чтобы мы помогли тебе озолотиться, докажи нам, что ты готов расстаться с кругленькой суммой в качестве гарантии будущего взаимовыгодного сотрудничества. Нет, украинская сторона не проверяла его счетов и не знакомилась с историей его успеха, поскольку в то время просто не было механизмов для такой проверки, а, если даже и были, украинцы о них не знали. Поэтому они придумали свой способ: прежде, чем подписать контракт, новичку предлагали оплатить шопинг, например, в Париже, для жен самого главного и его зама, и, если тот не пасовал перед такой наглостью, с ним начинали торговать. Такие проверки были популярными, в основном, на рынке сырья, где несколько сотен тысяч долларов, которые, предположительно, потратили бы жены руководства в Париже, были разменной монетой.

Разумеется, Джордж о таких «инвестициях» даже не помышлял. Ему бы свою жену вывезти на лето куда-нибудь, где плещется море и стоят столики на берегу, за которыми можно часами перебрасываться картишками. У Альягаса был не тот масштаб, чтобы замутив бизнес с Украиной, но я все еще надеялась.

Будучи официальным представителем в Украине той фирмы, что была зарегистрирована Димитрисом Загкосом и позже удочерена Альягасом, я оказалась единственной мамой этого не очень успешного дитяти, который упорно отказывался ходить. Изю всех сил я пыталась поставить его на ноги, но каждый раз терпела неудачу».

«4 июля, 1996 года.

И вот наступил тот день, когда у меня в руках оказался поистине большой и многообещающий проект. Один из друзей Мимиса имел свою верфь и занимался

починкой судов. Его звали Алекос. Ему показалось, что он может неплохо заработать, отремонтировав несколько украинских судов. Я нашла человека, который поехал на верфи Николаева и Керчи разузнать, как обстоят дела с судами, которые нуждались в починке. Этот человек привез целый ворох чертежей судов, предназначавшихся для ремонта, с их последующей продажей или арендой. Сидя по ночам у себя на кухне, я все перевела и систематизировала. Я не знала всех специфических судостроительных терминов, но я их выучила. У меня до сих пор где-то валяются все эти чертежи – вид сверху, вид сбоку и т.д. Свой отчет я отправила в офис Альягасу.

Через пару недель Алекос прилетел в Киев. Я наняла автомобиль и по разбитым дорогам мы отправились на юг Украины – сначала в Николаев, потом в Керчь.

Был июнь месяц, целую неделю мы провели в дороге. Когда в порту Николаева Алекос увидел этих проржавевших монстров, лежавших на боку, настроение у него испортилось. С его точки зрения, ремонту они не подлежали. Кроме того, за их ремонт никто не собирался платить. Ну, конечно, гораздо выгоднее было порезать их на металлолом, но тот человек, что ездил на разведку, мне об этом ничего не сказал. Он привез чертежи, но не привез фотографий.

В Николаеве было пусто и голодно. В одной, богом забытой забегаловке, нам подали на ужин яичницу, которая стояла как бутылка самого дорогого коньяка. В Керчи мы немного отъелись и настроение у нашего греческого судоремонтника заметно улучшилось. Алекос, наконец, увидел несколько малотоннажных судов, которые могли бы его заинтересовать. Он пригласил представителей украинской стороны на свою верфь в Пиреи. Я знаю, что они к нему приезжали, но сделка почему-то не состоялась.

От той поездки остались воспоминания – целая миска икры в харчевне на берегу моря в Керчи, запах одеколона Fahrenheit и охапки роз, которые Алекос покупал для меня на каждом углу. Джордж, которого в эту поездку не взяли, с нетерпением ждал телефонных звонков от меня, надеясь на то, что кто-то, у кого есть свои верфи, принесет ему на блюдечке с голубой каемочкой откат за посредничество. Тогда я поняла, что греки с удовольствием играют в игру под названием «обманка» не только с чужими, но и со своими. Обильно отобедав или отужинав по случаю многообещающего сотрудничества, они жмут друг другу руку, клянясь в вечном и честном партнерстве. Но в следующую минуту проворачивают дельце или друг у друга за спиной, или хоронят его, даже не начав.

После неудачи, последовавшей за визитом Алекоса на украинские верфи, Джордж, который со дня нашего знакомства, звонил мне каждую ночь, звонить перестал. Мы больше не болтали по ночам, обсуждая наши дела, новые фильмы и хорошую музыку. Он больше не признавался мне в любви и мы больше не мечтали. Что-то впервые сломалось между нами. Сухой ветер намел первую высокую дюну разочарования в наших душах. Я снова тяжело переживала неудачу. Те проекты, над которыми я работала и в которые вкладывала всю свою душу, были уже не собаками, а моими украденными детьми».

«19 июля, 1996 года.

Затем возник проект с греческими шубами. Украинки, как и россиянки, всю жизнь видевшие красивые вещи только на картинках, еще не успели подобрать к животным, с которых сдирали шкуры ради утепления человеческих тел, лишенных собственного шерстного покрова. Они с удовольствием кутались в меха во время

холодных постсоветских зим. Шубный бизнес стремительно развивался и, в одно время, был полностью захвачен цыганской мафией. Узнавая тут и там, с чего начать, я познакомилась с одним профессором, бывшим университетским преподавателем, который тоже ринулся в шубный бизнес. Он мне и рассказал о том, что, прежде, чем везти шубы в Киев, мы должны получить разрешение у цыганского барона и согласовать с ним его таксу. Цыганский барон принимал «просителей» по определенным дням в определенном месте под Киевом. Мне ничего не оставалось делать, как последовать его совету. Хотела взять своего водителя с его машиной, но мой знакомый сказал, что лишние глаза и уши нам ни к чему. У него есть старенькое авто, на нем он нас и отвезет.

Это было не столько рискованное, сколько любопытное мероприятие. Мы тронулись в путь на ночь глядя и ехали часа полтора. Остановились рядом с пустырем, вокруг которого стояли легковые машины. Посреди пустыря стоял большой черный джип. К автомобилям подходил цыган, люди вылазили из своего авто и следовали за ним. Когда дошла очередь до нас, сначала пошел мой знакомый, потом я. Оказавшись в джипе, я увидела не барона, а «баронессу», сидевшую на заднем сидении. Ее лицо можно было рассмотреть, только привыкнув к темноте. Ночь лунной не была, в окна сочился слегка различимый жидкий синий свет. Я была абсолютно спокойна. Она тоже. Сидя рядом с ней, я думала, кто из нас работодатель – я или она? Платить ей буду я, но разрешение на ведение бизнеса даст мне она. Наши отношения оказались сложным с самого начала.

- Чего ты хочешь? - спросила она.
- Любви, - ответила я, улыбнувшись в темноте.
- Поэтому решила заняться шубами? Не трать мое время зря. Говори.
- Шубы продавать, - уточнила я.
- Торговый зал есть? – поинтересовалась цыганка.
- Есть. – Я назвала ей адрес.
- Ладно, мы возьмем под контроль. Будешь платить 20% от прибыли. Согласна?
- У меня есть выбор? – я опять улыбалась.

Она долго смотрела на меня в темноте, потом сказала:

- Не своим делом занимаешься, красавица, поэтому и не идет к тебе удача. И не с тем хахалем якшаешься, поэтому счастье к тебе тоже не идет.

Я сказала ей, что тот, кто привез меня сюда, не мой «хахаль».

- Я знаю, - отрезала она, - чай, не дура. Твой хахаль далеко, ради него ты и стараешься. Обманет он тебя. Не верь ему. Ты – королева. Он – никто. Бог наградил тебя, ты свое богатство в себе носишь. С шубами у тебя ничего не получится, но, если приспичило, попробуй. Я отговаривать не буду. Ты должна пройти свою дорогу.

Уходя, я сказала ей «спасибо». За что? За правду.

Торговый зал, что я нашла под продажу шуб, принадлежал одной фирме, привозившей одежду из-за рубежа. Эта фирма выкупила несколько залов в магазине в центре Киева и один зал они сдали нам. Контракт был подписан на три года.

Я тут же отправилась в Грецию, откуда через неделю вернулась с четырьмя чемоданами, набитыми шубами. Греки не представляли, как мне удастся провезти шубы через две таможни, но у меня был план. В Афинском аэропорту, я присоединилась к группе украинских туристов, возвращавшихся в Киев, и мои чемоданы оказались среди их бесчисленных сумок и чемоданов. Естественно, что в афинском аэропорту эту гору багажа никто не досматривал. В Киеве достаточно

было улыбнуться и переброситься парой шуток с таможенником. В 1993-ем году киевские таможенники еще не смекнули, что каждого, приезжающего в Киев с товаром, можно и нужно доить, причем, с государством делиться не обязательно. С тех пор этот «надой» превратился в миллиардный бизнес, не оставляющий никакого следа в бюджете страны.

Вернувшись с шубами, я отвезла их в арендованный нами зал. В те времена, специалистов по интерьерам в Украине не было, профессионалов из-за рубежа тоже пока никто не приглашал. Торговые залы и витрины магазинов оформляли, как могли, сами. Так вот, стены по всему периметру «моего» зала были задрапированы синтетической розовой тканью, а на постаментах стояли манекены без голов. Кто-то именно так представил себе интерьер зала, в котором будут выставлены дорогие меха.

Через неделю все шубы раскупили и заказали еще, я было собралась за новой партией, но мне вдруг сообщили, что руководство фирмы нашу площадь забирает и контракт с нами прерывает. Шубы им больше не интересны, как и одежда. Они решили перепрофилироваться на электротехнику, приносящую большой доход. Шубы – сезонный товар, а электротовары нужны круглый год. Никому не было дела до нашего договора об аренде. Я подумала, стоит ли мне поехать к цыганской «баронессе» и потребовать, чтобы она разобралась? Ехать было незачем. Она же меня предупреждала, что с шубами у меня ничего не получится.

Тогда до меня стало доходить, что не только мои греческие партнеры были слишком слабы для дикого украинского рынка, но и украинские предприниматели изменили свои предпочтения. Разобравшись что к чему в джунглях капитализма, попробовав то и се, они отдали предпочтение сиюминутной выгоде. Их больше не интересовал качественный товар, на котором нельзя много наварить, и долгосрочные отношения. Они были в постоянном поиске товара самого низкого качества по бросовым ценам и, когда его находили, сбывали в Украине с огромной накруткой. Китай в этом плане стал их Эльдордо».

«20 июля, 1996 года.

Весной 1994 года Джорджу Альягасу понадобились семечки. Украина всегда славилась семенами подсолнечника и производством качественного подсолнечного масла.

Однажды я пошла на выставку картин в Подольский ДК. Там выставялась одна молодая художница, рисовавшая симпатичных осликов на фоне храмов Иерусалима. Такой себе обаятельный примитивизм. Ослики были умными, в их глазах светилась человеческая мудрость.

Я была единственным посетителем. Ко мне подошел заведующий выставочного зала.

- Купите? – спросил он.
- Не знаю. – В моем голосе прозвучала нотка сомнения.
- Покупайте, она девочка хорошая.
- С ней можно познакомиться? – спросила я.
- Вы еврейка?
- Вопрос был более, чем странный.
- А, что, только евреям позволено покупать осликов?
- Нет, просто, мне кажется, вы...

Видно родство с моим дедом Яковом не могло обмануть чистокровного еврея.

- Во мне есть часть еврейской крови.
- Чем вы занимаетесь? – продолжал незнакомец.
- Зачем вам знать? Мы же не знакомы. – Я начала заметно злиться.
- Так давайте познакомимся. Я Натан Шапиро.

Более еврейского имени придумать было трудно. Он был симпатичным, невысоким, худосочным мужчиной с квадратной головой. Он был очень услужливым, очень вежливым и чуть-чуть заискивающим.

Назвав себя, я рассказала, что представляю иностранную фирму в Украине. Через пятнадцать минут он уже знал, что мне нужны семечки и обещал помочь. Он член старой семьи со связями, он справится.

Покинув выставку, так и не купив картину с мудрым осликом, я быстро забыла о Шапиро. Однако через несколько дней позвонил он сам. Ничего интересного сообщить он не мог и нес какую-то чепуху. Я его слушала вполуха, поскольку уже нашла того, кто мне был нужен. Семечками заведовал в то время бывший комсомольский функционер, ставший заместителем столичного мэра. Встретиться с ним было трудно, он был постоянно занят, постоянно в разъездах. Его внимание надо было сначала привлечь, а потом заслужить. Если проситель окажется, с его точки зрения, достаточно для его интересов перспективным, бывший комсомолец снизойдет к нему минут на пять. Мне были противны такие люди, а Шапиро так хотелось продолжить наше деловое общение, что он, не задумываясь, предложил свои услуги. Он пойдет к комсомольцу и заставит его встретиться со мной.

Потом он мне рассказывал, как следовал за этим функционером по всему центру, от одного административного здания до другого, пока, наконец, его машина не заехала в один из дворов на Подоле. Там Шапиро стал ждать его. Было холодно, ему приспичило в туалет, он, было, приткнулся за мусорным баком, а тут выходит бывший комсомолец и Шапиро, застегивая на ходу ширинку, бросается ему в ноги и начинает умолять о встрече со мной. Функционер был очень зол, поскольку ждал кого-то из Донецка, но тот не приехал из-за неполадок на железной дороге.

- Скажи мне, ты можешь представить, чтобы такое случилось во время Сталина? – рявкнул он на Шапиро. – Ты знаешь, что Сталин сделал бы с теми, кто не в состоянии обеспечить порядок на железной дороге?!

- Расстрелял бы к чертовой матери! - Выкрикнул от нетерпения Шапиро, которому очень хотелось отлить. Этим ответом он заслужил благосклонность бывшего комсомольца и встреча для меня была назначена.

Я смеялась, Натан был прекрасным рассказчиком. У евреев вообще восхитительное чувство юмора. Мы остались с ним друзьями. По профессии он был музыкантом, но, с крушением советской империи, его оркестр распался и он стал заведовать Домом Культуры на Подоле. Женат он был на молодой и очень красивой еврейке, поэтому и хотел заработать лишнюю копейку. Он иногда приходил ко мне по вечерам, мы пили чай и разговаривали о делах и политике. Шапиро был умным собеседником. Иногда мне везло с людьми.

Заместитель мэра пообещал мне семечки в обмен на контракт на поставку молочных продуктов в Чернобыль. Я с трудом представляла себе этот обмен, поскольку уже не была новичком в делах. С другой стороны, я хорошо усвоила философию своего партнера Джорджа Альягаса – сначала возьми, а потом дай. Итак, Джордж ждал семечки, а функционер – молочные продукты. Так этот проект, на стадии взаимного ожидания, и умер».

«29 июля, 1996 года.

Осень 1994 года принесла новый грандиозный проект – Джорджу понадобились шкуры. Зачем? Один из его дальних родственников занимался производством обуви в Греции. Как оказалось позже, этот родственник имел всего лишь небольшой обувной магазинчик в Афинах, а о производстве обуви только мечтал. Этот проект, как и все остальные, был пустышкой, но не об этом сейчас речь. Итак, Джордж прилетел в Киев и мы отправились в путешествие по Украине. Это была самая отвратительная и самая романтическая поездка по украинской глубинке. Ноябрь подходил к концу, я наняла машину и мы отправились в путь. В этот раз на скотобойни. Я помню, как я стояла на цементном полу, а подошвы моих ботинок утопали в крови. Господи, ради него я выдержала даже это! Это было невыносимо, однако я часто вспоминаю эту поездку с Джорджем за сотню километров от Киева. Тогда еще было сравнительно легко договориться с теми, кто возглавлял местные администрации. Мафия еще не подмяла под себя местных производителей, сев им на шею и начав контролировать их бизнес. Олигархи еще не создали свои политические партии, посадив своих людей в местные администрации. Одним словом, в те времена, где-нибудь в глубинке, подальше от столицы, зарабатывать никто не мешал.

Нас встретил председатель местной ОГА, он оплатил нам номер в гостинице, кормил вкусными обедами и ужинами, и возил на своем авто на кожевенные производства. Однажды нам пришлось ехать через поля, на пожухлой траве лежал иней, время от времени, прямо перед машиной вспархивала дичь. Как раз время охоты... Сквозь утреннюю дымку пробивались слабые лучи солнца и, вдруг, на горизонте появилась радуга. Я на минуту отвлеклась от перевода и подумала о том, как бы было хорошо, если бы эти поля были нашей собственностью и мы скакали бы на лошадях куда-то туда, к своему имению, утопавшему в липах и тополях. Как хорошо было бы знать, что закрома полны пшеницей, семенем подсолнечника или льна, на который уже есть покупатель. Как хорошо было бы знать, что в теплом стойле стоят сытые кони, а в коровнике отелилась корова. Как хорошо было бы иметь преданных людей вокруг, которые хорошо знают свое дело. Как хорошо было бы иметь такую повариху, что вчера накормила нас пирожками с борщом. В доме пылал бы огонь в камине и бегали бы собаки. Мое воображение нарисовало размеренный быт помещика из прошлого века. А что? Джордж прекрасно бы вписался, без неудобств для своего сознания или привычек. Он вписался бы всюду, где был бы достаток и материальное благополучие. Другой бы заскучал, а этот смаковал бы каждый день и час своего сибаритства.

С той поездки у меня сохранилось воспоминание, которым я очень долго подпитывала свою любовь к Джорджу. Этим воспоминанием была незабываемая ночь в Днепропетровске. Целый день мы тряслись на старом разбитом «Жигуленке». Стоял конец ноября, уже было холодно, но день выдался прекрасным. На заднем сидении мы целовались, а потом я спала у него на коленях. На остановках мы пили кофе из термоса, если бутерброды и дурачились. Когда мы добрались до Днепропетровска и разместились в забытой богом гостинице, я, поскольку мы были страшно уставшие и голодные, пошла в ресторан, располагавшийся где-то за стойкой с ключами. Там какой-то сброд пил пиво, курил, сквернословил и перекидывался за грязными столами в картишки. Заставив повара пожарить нам несколько яиц и сделать целую тарелку вкуснейших бутербродов, я прихватила бутылку вина и вернулась в номер. Ужин был просто восхитительный! А потом такая же восхитительная ночь! В тот вечер пошел

первый крупный снег. В Днепропетровске началась зима. Мы лежали на кровати в нашем номере на первом этаже и смотрели, как, в свете уличных фонарей, кружатся огромные белые снежинки. Мы не думали о том, как, если ляжет глубокий снег, мы будем добираться обратно в Киев на нашем еле живом «Жигуленке». Мы не думали потому, что нас поглотил незнакомый город, первый снег, наша любовь и время, остановившееся специально для нас. Мир пропал и больше не существовал, мы были потеряны для других, но обрели друг друга. Та ночь была мгновением абсолютной свободы и восхитительной любви.

А та квартира, которую я снимала для Джорджа в Киеве в одном из этих потрясающих домов на Крещатике, что были построены после войны? Мы стелили одеяло на балконе, брали бутылку вина и смотрели вниз, на Крещатик, где пышно цвели каштаны. Мы болтали, пока не наступал рассвет, и только тогда отправлялись спать, крепко обняв друг друга. Через два часа надо было вставать и ехать на деловые встречи, мы впопыхах пили кофе, Джордж помогал мне застегнуть молнию на платье, мы спешили, смеялись и все было у нас хорошо. Наши дни во время его визитов были заполнены встречами – иногда по пять-шесть за день. А по вечерам мы ходили в Оперный на самые лучшие представления или ужинали в нашем любимом ресторане а Пассаже.

Меня, кажется, захлестнули воспоминания... Что ж, возвращаюсь к анализу неудач. Шкур было навалом, но у Джорджа опять не было покупателя. У Джорджа был родственник, продавец обуви, но у него не было покупателя, который бы заплатил за прекрасно выделанные украинские кожи».

«7 августа, 1996 года.

Тогда же французы планировали начать строительство упаковочной фабрики где-то в Греции. Упаковывать они собирались пряные травы и специи. Я должна была привезти образцы таких трав с Украины.

В тот год я привезла в Афины не только пучки трав, но и страшно тяжелые образцы оконного стекла, которое могло бы быть использовано при строительстве офисов. Украинское стекло было хорошего качества, но оказалось слишком дорогим для покупателей, от имени которых выступал офис Джорджа. Позже я узнала причину, почему все, что я привозила и присылала, будучи уверенной, что нашла самые лучшие цены и дешевле уже никто не найдет, каждый раз оказывалось слишком дорогим. Дело в том, что моя большая и светлая любовь Джордж Альягас, накручивал на мои цены от 200 до 400% прибыли для своего офиса. Он не хотел вести несколько проектов сразу, получая умеренную прибыль с каждого, нет, он хотел дождаться дурака, который согласится на цены с невероятно высокой посреднической накруткой. Поскольку такого дурака Джорджу найти не удавалось, в дураках каждый раз оставалась я.

Я узнала про все эти коммерчески «тайны» Альягаса гораздо позже. В конце 1994-го я еще о многом не догадывалась».

«12 августа, 1996 года.

Следующей идеей Джорджа было оружие и списанная военная форма. Оружие – из Украины, списанное обмундирование – со складов в Греции. В Украине появилась армейская мафия. Это были сплошь вояки, которых еще совсем

зелеными салагами призвали в армию или они сами поступили в военные училища. Они прошли через ад под названием советские вооруженные силы, где ими помыкали, где над ними издевались, где они пережили дедовщину и их жизни мало, что стоили. Их ссылали в медвежьи углы по всей стране, где они гнили со своими семьями, выполняя любую прихоть своих командиров. Они терпели и копили в себе ярость. Для многих вишенкой на торте стал Афганистан. Те, кто выжили, вернулись на Родину, но знакомой страны не нашли – советская империя уже шаталась, до ее распада оставались каких-то два года. Когда СССР не стало, в суверенной Украине оказалось полно бесхозного оружия, до которого никому не было дела, потому что в суверенной Украине еще не было своей, боеспособной армии, готовой защищать страну. Тогда эти матерые вояки поняли, что могут неплохо заработать. Они продавали все, что попадало им в руки – реактивные самолеты, танки, минометы, боеприпасы, винтовки, автоматы. Они продавали кому угодно, но, большей частью, в Африку и на Ближний Восток. В кабинетах они со своими потенциальными покупателями не встречались, стрелки забивали или в безлюдных местах, или в бане.

В мужскую баню, я, естественно, пойти не могла. Безотказный Шапиро вызвался помочь. Ему надо было найти человека, имя которого я ему дала, и взять у него перечень вооружения для продажи. Шапиро ничего не угрожало, в крайнем случае, его могли напоить. То, что эти люди делали, были противозаконным, но никто их за это не преследовал. Чем будет защищать себя независимая держава Украина, когда все оружие будет распродано, никого не интересовало. Кого в той же Африке из этого оружия будут убивать, тем более никого не интересовало. Вояки шелестели зелеными банкнотами и им казалось, что судьба наградила их за все мытарства.

Шапиро принес мне список. Я не хотела знать о его приключениях в бане в компании пьяных и потных вояк. Он получил от меня деньги в благодарность за этот поход за списком. Стоит ли упоминать, что у нас с Джорджем опять ничего не получилось? Альягас ненадолго возомнил себя крутым продавцом оружия, но покупателей у него было».

«28 августа, 1996 года.

Настало время рассказать о нашем последнем проекте.

Итак, настал 1995 год. Игнат узнал от своих друзей, что в Бельгии очень большим спросом пользуются мотоциклы с коляской, которые делают на Киевском мотоциклетном заводе. Эти мотоциклы очень напоминали те, на которых ездили немцы во время Второй мировой, и молодежь их покупала, чтобы приколоться. Я рассказала об этом Джорджу и он, как всегда, загорелся.

В один из весенних дней я отправилась на мотоциклетный завод. К моему удивлению, меня встретили очень приятные люди, они усадили меня в белое кожаное кресло, напоили горячим вкусным кофе, поделились информацией и буклетами на английском языке. Очень скоро прилетел Джордж и подписал с руководством завода контракт. Подписание контрактов было его любимым занятием. В тот момент, когда он размашисто ставил свою подпись, он пускал пыль в глаза не только производителям и мне, он самому себе казался успешным и удачливым бизнесменом, у которого где-то там, за плечами, высится созданная им огромная коммерческая империя. Наперекор здравому смыслу, я в двадцатый раз понадеялась на то, что у нас, наконец, все получится.

Для презентации в Афинах нужны были образцы. Я нашла того, кто взялся сопроводить два мотоцикла – один с коляской, другой – без, из Киева до Афин. Мотоциклы разобрали на несколько больших частей и погрузили в автобус. Я полетела в Афины и там ждала прибытия «образцов». В четыре часа утра, Джордж и я стояли посреди пустынной площади Омония, пили кофе из термоса и выглядывали автобус с нашими мотоциклами. Наконец-то он показался. Мотоциклетные части были выгружены и лежали прямо на асфальте. Редкие прохожие останавливались, удивленно разглядывая этих «зверей». Подошла компания молодых людей. Они предложили купить мотоциклы прямо там, на площади, у нас с рук. Джордж был полон оптимизма, я тоже. Но на следующий день тот человек, что перевозил мотоциклы, запросил больше денег за перевозку.

Можно было бы не обращать внимания на его требования, ведь сумма его вознаграждения была оговорена с ним заранее, но Джордж страшно разозлился. Я никогда его таким не видела. Он так орал, причем, не на него, а на меня, как ни орал ни разу за все время нашего знакомства. Он унижал меня, как будто хотел причинить мне боль, как будто хотел от меня избавиться.

Все это происходило в холле гостиницы, где я остановилась. Я поднялась к себе в номер и разревелась. Он пошел за мной и, войдя в мой номер, продолжал орать. Я закрылась в ванной комнате. Нет, я не боялась его, я просто не хотела его видеть.

Мы друг от друга устали – это было ясно.

После моего отъезда, Джордж решил, что мотоциклы должны быть не черными, а белыми. Два месяца он выбирал краску, собирал образцы с лакокрасочных заводов Греции, пока, наконец, не объявил, что потерял тех, кто готов был финансировать рекламу и продажу мотоциклов в Греции.

Я искренне не могла понять, как он мог потерять тех, кто еще недавно хотел вложить деньги в этот проект? И зачем было так долго выбирать краску? Я давила на него, заставляя найти кого-нибудь другого. Я говорила ему, что, если я прилечу в Афины, я сама кого-то обязательно найду, но он уже был безразличен к нашим мотоциклам. Один он продал, а второй простоял два года у него в гараже. Я не знаю, что с ним стало. После той неудачи в наших отношениях появилась глубокая трещина. Кто был виноват? Я была обижена на весь мир и, впервые не сделала исключения для Джорджа Альягаса.

Я часто вспоминаю тот день в ноябре 1992 года, когда Мимис привез в Киев двух новых партнеров, одним из которых был Джордж Альягас. Я заказала ужин в «Хате Карася» - украинской харчевне в лесу, которая в годы расцвета «Интуриста», обслуживала иностранных туристов. Там не только готовили традиционные украинские блюда, но пели украинские песни и танцевали знаменитый гопак. В первые годы независимости, когда туристы потеряли интерес к стране, уже не прятавшейся за Железным Занавесом, этот ресторан пустовал и старался кое-как выжить. За сто долларов я заказала «Хату Карася» на весь вечер исключительно для нас, пяти человек. Нас вкусно кормили и только для нас пели и плясали. В высокой белой печи уютно горели поленья, стены были украшены вязанками из лука и красного перца, а в наши желудки вливалась обжигающий эликсир самой лучшей украинской горилки. Когда мы вернулись в гостиницу, я вышла из машины, чтобы попрощаться до завтра и пожать руки своим новым партнерам. Пока мы разговаривали, пошел снег. Мне было восхитительно хорошо – рядом со мной стояли сильные, обеспеченные, добившиеся успеха мужчины. Я была полна ожиданий, для меня это было большим и обещающим началом. Как видите, финал этого приключения совсем не похож на его начало. Мой деловой опыт с греческими партнерами не принес мне ничего, кроме горьких уроков.

Зимой 1995 года, за несколько дней до Рождества, я сидела и размышляла. Я спрашивала себя, почему Бог так суров ко мне? Почему не позволяет моим мечтам сбыться? Почему каждый раз, поманив многообещающим началом, он готовит для меня отрезвляющий финал? Но разве Бог, а не люди обманывали мои надежды?

И все же, несмотря на все неудачи, которыми я переболела, во мне постепенно стала укрепляться уверенность человека, готового начать свое дело. Я обросла связями, у меня появилась некая сноровка в ведении переговоров, я могла заставить себя слушать, а, главное, мне верили. Пришло время стать самостоятельной. Я решила заняться тем, в чем мне не было равных. В «Интуристе» меня абсолютно бесплатно обучили всей премудрости турбизнеса, так почему бы мне не открыть свое туристическое агентство? Приняв решение, все зимние месяцы я набиралась храбрости, чтобы рискнуть и заложить свою квартиру. Мне нужны были деньги, чтобы зарегистрировать фирму и снять под нее офис. Я также должна была распрощаться с таким ненужным балластом, как мои греческие партнеры. А, самое главное, мне надо было расстаться с тем, кого я все еще любила».

Глава 23.

Встреча с «опекунами».

Быть, не жить, а быть без Джорджа, волочась по дням, как недобитое животное, было невыносимо. Так и было, но, между приступами отчаяния, которые становились все реже, мозг Елизаветы Тропининой работал. И вот, на иссушенной почве неудачного сотрудничества с тем, кого она любила, появились зеленые ростки ее собственного большого проекта.

Настала осень 1996 года и Лиза, наконец, решилась. После нескольких бессонных ночей и колебаний от сомнений к решимости и опять назад, к сомнениям, она заложила свою квартиру, находившуюся в центре Киева. На бумаге, где черным по белому было написано, что, если она не вернет долг к определенному сроку, квартира перейдет в собственность займодавца, стояла ее подпись. Месячные проценты по займу раздевали донага, но она больше не колебалась.

Ранним дождливым утром в конце сентября, она направлялась к бывшему музею завода «Арсенал», где теперь находился офис неких интересных личностей. Держа над головой зонтик, Лиза впервые почувствовала себя легко и свободно. С тех пор, как она познакомилась с Джорджем, бремя неудач не давало ей разогнуться и свободно вздохнуть. Она любила, но любила взаймы, поскольку, как ни старалась, не могла выполнить условия, поставленного Джорджем – «заработаем денег, будем вместе». Но в этом условии присутствовало местоимение «мы», почему же его выполнение зависело только от нее? Почему всю вину за бесконечные провалы она взяла на себя? Ее виноватость лишала ее уверенности, принижала ее, заставляя чувствовать себя неудачницей. Ее сомнения лишали ее сил. Она стала терять веру в себя, убедив себя в том, что была не только менее опытной, чем Джордж, но была глупее его. Иногда ей казалось, что, восставший из небытия лорд Байрон, шепчет ей на ухо что-то вроде: я всегда считал, что женщина достаточно умна, чтобы понимать, что я говорю, но не настолько умна, чтобы производить свои мысли и суждения. Ее любовь перенесла ее в те времена, когда никто еще и не помышлял о равноправии. Еще немного, и она бы смирилась

с подтасовкой времен в своем сознании, а, другими словами, сошла бы с ума, посчитав равенство полов чем-то противоестественным. Нет, равенство состоит не в том, чтобы трудиться одинаковое количество часов и получать за это одинаковую оплату, а в том, чтобы женщина не вымаливала у сильного пола право быть равной, чтобы ни унижалась перед ним, чтобы этот сильный пол не шантажировал женщину своими привилегиями, данными ему неизвестно кем, дабы использовать женщину.

Джордж, наплевательски относясь к их совместным проектам, не давал ей возможности подняться и стать вровень с ним. Возможно, он делал это специально, боясь, что в один прекрасный день, Лиза, сильная и независимая, больше не будет нуждаться в нем, перестанет любить его и, в конце концов, бросит. Если он действительно думал так, он проиграл. Бесконечно его любя, она решила добиться успеха без него. Чтобы уважать себя, чтобы почувствовать себя равноправным партнером в этой любви, ей было просто необходимо ему доказать, что она была ему ровней. Увы, ослепленная любовью, она никогда задумывалась о том, насколько была лучше него!

На здании бывшего музея теперь не было вывески, толстые стены из гранитных глыб были безмянными, но не бесхозными. Лиза увидела входную дверь из новенького светлого дерева и, проигнорировав переговорное устройство, позвонила в обыкновенный черный звонок. Нажав на кнопку, она не услышала трели звонка за дверью. Вероятно, стоило позвонить снова, но, как только она поднесла руку с вытянутым указательным пальцем к черной кнопке, дверь отворилась, и в темном проеме появился мужчина. Не спросив ее имени, он молча проводил ее в большую шестиугольную залу, до потолка заваленную коробками и упаковкам. Оставшись ненадолго одна, Лиза, любопытствуя, стала прохаживаться между коробками и разглядывать наклейки. Компьютеры, стереосистемы, телевизоры и предметы мебели скопились здесь не зря. Товаром, или «натурой», как говорили в народе, расплачивались за услуги те фирмы и отдельные граждане, которые не могли расплатиться наличными, но не посмели не расплатиться вообще.

Позади нагроможденных коробок она увидела другую дверь из светлого дерева. Стоило ей задержать на этой двери взгляд, как она тут же отворилась. Эти манипуляции с дверьми были похожи на странный сон, в котором происходили непрошенные чудеса.

Войдя в комнату за второй дверью, Лиза осмотрелась. Потолок уходил ввысь лучистыми сводами, а стены были облицованы красным кирпичом. Сквозь высокие и узкие окна, напоминавшие бойницы, света проникало мало, как, впрочем, и любопытных взглядов. На стенах висело несколько полотен современных художников – нечто невнятное и бесформенное, но прекрасно оживлявшее кирпично-охряный интерьер. Цветовую гамму, на высокой и драматичной ноте, завершали черный кожаный диван и низкие, как будто присевшие на корточки, черные кресла. На тонированном стекле журнального столика валялось несколько мобильных телефонов, среди которых, скромно и никого не тревожа, лежал пистолет. Оружие производило впечатление: англичане называют такой тип пистолетов *bulldog gun*, к тому же, рукоятка его была мастерски сработана из дерева. Без всякого сомнения, такой пистолет заслуживал того, чтобы быть чьим-то любимцем.

Немного погодя, Лиза сообразила, что ей надо рассматривать не предметы в этой комнате, а найти человека, с которым у нее была назначена встреча. Скопив глаза в сторону, она увидела того, с кем ей уже давно следовало поздороваться. Высокий мужчина, с широкими плечами и накаченной мускулатурой, внимательно

изучал ее, пока она изучала пистолет. Желая привлечь ее внимание, он несколько раз негромко кашлянул. Взглянув на него, Лиза буквально утонула в его больших и глубоких темно-карих глазах. Ему было лет тридцать пять, скорей всего, они были ровесниками. Одетый в прекрасно подогнанный костюм, мужчина, тем не менее, казался грузным и неповоротливым, однако стоило ему сделать несколько шагов, как он превратился в быстрого, гибкого и чувственного зверя. За грубоватыми чертами его лица пряталась мальчишеская непосредственность и доброта, что тут же располагало к нему, вызывая доверие и симпатию. Его лицо немного портил узкий и низкий лоб. Волосы, падающие на лоб, могли бы скрыть этот недостаток, но голова подошедшего к Лизе мужчины была наголо обрита.

- Доброе утро, - пробормотала Лиза и почувствовала непреодолимое желание присесть на краешек дивана.

Мужчина не торопился с приглашением. Вероятно, ему понравились ее длинные, стройные ноги, которые он внимательно рассматривал. Встретившись, наконец, с ним взглядом, Лиза аккуратно присела на краешек дивана без приглашения. После этого храброго поступка он должен был что-то произнести.

- На самом деле, нас двое, - его голос был низким и скрипучим.

Лиза присмотрелась внимательнее и увидела на его шее шрам. Тут же в ее воображении пронеслись сцены из «Крестного Отца», встреча враждующих кланов по инициативе Дона Корлеоне и переговоры «семей» за длинным столом. Догадка медленно просачивалась в мягкую ткань ее мозга. Какие переговоры?! Не только огнестрельное оружие использовалось в смертельной схватке за то, чтобы контролировать тот или иной бизнес в определенном районе, но и ножи, или, погодите, о господи, шелковые шнуры!

- Мой партнер отсутствует, у него дела в городе. Так что мы начнем щебетать без него, - объявил голос, в котором слышался скрип песка.

Затем этот же голос выкрикнул некое имя, и, в то же мгновение, на месте крика нарисовалась миловидная деревенская дивчина. Ее молочная кожа, естественный румянец, блестящие темные волосы и ширококостная, крепко сбитая фигура без грамма лишнего веса, радовали глаз. Одетая она была как учительница младших классов – скромно и опрятно. После недолгого отсутствия, она принесла две вместительные кружки с дымящимся кофе со сливками. Никто не спросил у Лизы, хочет ли она сладкий кофе или нет, но нет, то есть, да, она хотела и сладкий, и жирный, и горячий. Мужчина подождал, пока она залпом проглотила пол чашки обжигающего кофе, гадая, из чего выковано ее небо и пищевод.

- Не стоит меня величать Сергеем Викторовичем, достаточно Сержа, - сказал он. - Я привык, меня все так зовут. Кто вы и что вам нужно?

Сержу было скучно видеть перед собой очередного просителя, а, тем более, просительницу. Он слишком хорошо знал, чем заканчиваются все деловые истории, в которых женщина фигурирует в роли главной героини. Сколько раз они рыдали в этом офисе, умоляя спасти их, а, заодно, оградить от хамства подлого мужского братства! Что, правда, то правда, мужики использовали их, а потом не моргнув глазом, подставляли, потешаясь при этом над их доверчивостью, честностью и наивностью. Но эти упертые дамочки, как только просыхали слезы, лезли в этот чертов бизнес снова и снова, чтобы биться с выдавшими виды, заматеревшими мужиками не на жизнь, а на смерть. Большинство битв они проигрывали без вариантов возвращения на поле брани. Затихнув на некоторое время, переждав и зализав раны, они появлялись вновь, причесанные и приодетые, с выношенными новыми идеями. Серж становиться отцом таких идей отказывался. Неуемные женщины! Хотя были и такие, что сводили сражения к ничьей и поле брани не покидали. Не то рождались мужиками, не то становились ими в процессе,

но такие бабы носили штаны и ругались матом покруче некоторых мужиков. Ужасная разновидность! Смешное в том, что мужики терпели, но крепко ненавидели этих «железных леди» в штанах. И, при первом удобном случае, подставляли их по полной программе. К какому типу отнести эту, да, именно так, барышню, другое к ней и не лепится?

- Я хочу открыть туристическое агентство в вашем районе, - Елизавета решила перейти прямо к делу.

- В чем же дело? Зачем пожаловали к нам? – игра в кошки-мышки Сержу явно доставляла удовольствие.

Лиза колебалась. Сказать ему напрямик, что ей нужна их протекция, получится глупо. Он и так прекрасно знает, зачем она «пожаловала». Значит, надо весьма деликатно сформулировать нечто, что выглядело бы одновременно лестно и умно.

- Я пришла за советом, - сказала она. - Вы знаете деловое окружение в этом районе лучше, чем кто-либо другой. А я новичок в этом деле и без вашей помощи вряд ли справлюсь.

Насчет «новичка» Лиза слухавила, но, в остальном, получилось красиво, с чувством и, в то же время, с достоинством. Она хотела крикнуть ему: «В этом мире невозможно добиться чего-нибудь без мужчин! Вы выдумываете свои игры, сами устанавливаете правила и сами играете в них. Когда вам уже надоест?!», но промолчала. Она осталась довольна своей сдержанностью.

Серж взглянул на нее с интересом. Совсем не плохо для начала; истинная причина замаскирована под плохо скрытую лесть и неискреннее уважение. Ясно только одно – у нее варит голова.

- Как вы нашли нас? – спросил он уже дружелюбнее.

- Через знакомых. – Лиза назвала имена мужа и жены, которые недавно открыли магазин в этом районе.

- Понятно. Но зачем вам влезать в такое пакостное дело, как туризм? Открыли бы магазинчик, как ваши знакомые, продавали бы себе трусики, чулочки, косметику или что там еще. Турагентство, дорогуша, это работа с людьми. Не дай бог, если с вашими туристами что-то случится там, за границей. Как говорится, до первого скорбного случая...

- С моими туристами ничего не случится, - отрезала Лиза.

- Да и затраты куда больше. Все эти лицензии и разрешения вам обойдутся не дешево.

- Знаю, денег уйдет много. С другой стороны, лиха беда начало, Сергей Иванович.

- Викторович, - поправил Серж.

- Простите, Викторович. Как можно чулки сравнивать с путешествиями? Путешествовать люди всегда любили. Особенно наши, которых семь десятков лет держали за Железным Занавесом. Сейчас самое время помочь им открыть для себя мир. Нет, у меня все получится.

- Люди только те заглядывают к вам станут, которые при деньгах. Так? А безденежным что делать?

- У меня для всех варианты найдутся.

- Значит турагентство в центре? Вы что же, учились где туризму? На студентку Гостиничного техникума вы не очень похожи.

- Меня обучали самые лучшие учителя в самом лучшем месте. Слышали об «Интуристе»? Я три раза интуристовские курсы оканчивала, а потом тринадцать лет отработала там переводчиком. Если приплюсовать сезонную работу после курсов, то получатся все шестнадцать. Часто ездила с иностранцами в

командировки по всему Советскому Союзу. Представьте себе полный автобус враждебных и капризных американцев где-то посреди российской глуши, армянской нерасторопности или узбекского средневековья. Тот еще экстрим. Я многое повидала и из разных ситуаций выходила без потерь. За шестнадцать лет ни одного прокола, а начала я в восемнадцать лет. Когда «Интурист» стал терять былую славу, я уволилась и четыре года представляла инофирмы в Украине. Азы бизнеса выучила на практике.

- Ну и что же, представительства? Сама не потянула или партнеры попались вшивые?

Лиза подумала с горечью, что Джордж партнером был вшивыми. Любовником он был прекрасным. За это и сражалась.

- Я как раз тянула, причем, изо всех сил. Со мной все было в порядке. – По ее тону было понятно, что она больше не собиралась распространяться на эту тему.

Серж тоже помолчал.

- Вы выглядите слегка взвинченной. Мне хотелось бы знать правду. Зачем вам понадобилось это турагентство? Так сильно любите людей, что хотите открыть им прелести незнакомого для них мира? Или хотите что-то кому-то доказать?

Лиза поняла, что на этот раз ей придется выложить всю правду. Всем, кто обращался к таким, как Серж, было прекрасно известна одна непреложная истина – если покровители соглашаются выслушать твою просьбу, а, тем паче, помочь, ты автоматически становишься их «семьей». Подразумевается, что если тебе помогли, ты должна проявить в ответ лояльность: не выбрасывать неожиданных фортелей, не решать спорных вопросов самой и быть предельно откровенной. То есть не делать всего того, что может навредить твоим «крестным отцам». Женщины были не особенно надежны в этом плане. Как более слабые и непредсказуемые партнеры, они требовали большего внимания и «семейные» связи становились прямо-таки родственными. Принадлежность к «семье» также обязывала не скрывать информацию о личной жизни. Никто не требовал описывать все до мельчайших подробностей, как на приеме у психиатра, но мужа или любовника приходилось «сдать». Если, в будущем, любовнику или мужу, по какой-либо причине, захочется начать шантажировать удачливую и разбогатевшую жену, то о таких типах лучше знать заранее. Другими словами, покровители настаивали, пусть и на заочном, но знакомстве с мужчинами, игравшими определенную роль в жизни подопечных женщин. Если опекунов не просветить добровольно, все, что им нужно, они узнают сами. А, узнав, упрекнув в скрытности, и доверие будет подорвано. Успокаивало одно: опекуны умели держать язык за зубами. Сплетни не были их любимым занятием.

Итак, придется раскрыть карты, рассказав Сержу про трефового короля.

- Я любила одного человека, – начала Лиза с кротостью во взоре. – С самого начала мы решили быть на равных, как в жизни, так и в делах. У него своя фирма, он хорошо зарабатывает. Мы сделали достаточно попыток начать успешный бизнес в Украине, но не получилось. Я оказалась в проигрыше. Никто в этом не виноват, но время потеряно. Он продолжает, а мне надо начать с нуля. Обязательно надо.

- Чтобы стать независимой и доказать на что способна, – подытожил Серж. – Любимый как-то в этом деле участвует?

- Нет, я сама. Это – мое дело.

- Ну и ну! Удивили вы меня. Значит, вся каша заваривается только для того, чтобы доказать какому-то мужику, что вы не лыком шиты и хороши для него? Там, откуда я родом, мужчины доказывают, что достойны женщин. А в ваших краях наоборот?

- Это совсем не так! – Лиза покраснела, тут же пожалев о своей бурной реакции. Она была угнетена догадливостью своего собеседника. Разговор с Сержем высветил то, о чем она предпочитала не думать – как ее отношения с Джорджем выглядят со стороны. Оказалось, не ахти как. Маловато любви и совсем нет героической романтики, во всяком случае, с его стороны. В результате этого простого, но откровенного разговора, ее многолетняя страстная любовь к Джорджу показалась банальной любвишкой. Неужели ее желание заработать денег так явно указывает на то, что ее любви не хватает средств? Лиза умолчала о том, что трэфовый король – иностранец и, к тому же, женат. Иначе ее история стала бы выглядеть еще хуже.

- А как? – настаивал Серж. – Ладно, сделаем вид, что вы мне ничего не говорили, потому что, если говорили, ничего у нас с вами не получится. Тогда прощайте, барышня. Устраивать другому мужику красивую жизнь, помогая вам, мне не кажется достойным занятием. Есть дела поважнее. И все же, до того, как вы постучали сегодня в нашу дверь, мы навели кое-какие справки о вас. Вы разведены, на вас висит семья – сын, мать и бабушка, которых вы кормите. Наша идея состоит в том, чтобы вы продолжали кормить их, а не этого умника, который хорошо стоит на ногах, но ждет от вас доказательств вашей любви.

Лиза выдохнула с облегчением. Серж был ее ровесником, но оказался намного мудрее ее. Его короткая речь произвела впечатление – сурово, но справедливо. Эти парни без высшего образования, без особого труда могли проникнуть в самую суть дела. Видимо, знали жизнь и знали цену этой жизни.

Тем не менее, она и Серж были ягоды с разных полей, люди из разных слоев общества, так сказать. Хотя, кто сегодня понимает, что это означает? Или стали понимать? После стольких лет уравниловки, неужто, опять захотелось рассчитаться на сословия, а, потом, и на классы? На постсоветском пространстве разбогатели не интеллигенты, разбогатели бандиты, комсомольцы и партийное отребье. Постсоветские нувориши обросли состояниями, позволившими им попасть в перечень богатеев в журнале «Forbes», но беда их в том, что, став обладателями крупных состояний, они не могли похвастаться ни культурой, ни порядочностью, поскольку и то, и другое воспитывается поколениями. Обладание состоянием, как бы велико оно ни было, не научает пользоваться им. Богатство без культуры смотрится непривлекательно, оно одновременно провоцирует и отвращает, не вызывая уважения или восхищения.

Когда рухнула советская империя, многие думали, что все начнут с чистого листа, без унаследованных капиталов и титулов, как и без унаследованной уравниловки. Думали, что стартанут с нуля и по дороге к финишу проявят себя, свои способности, свое упорство, свою сноровку, одним словом, покажут на что способны. И тогда каждому – по заслугам. Разбогател, значит, работал больше других, значит, оказался способней и предприимчивей других. Не тут-то было. Стартовали опять не с нуля. Народ оградили загоном из денежной реформы и приватизации, подвергнув массовой кастрации. А там, вне загона, резвились на воле те, кому достались деньги, сырье и государственные предприятия.

Вся разница между Лизой и Сержем состояла в том, что она шесть лет проучилась в Университете, а Серж обошелся без высшего образования. Тем не менее, он исполнял свою работу тонко и умно. То ли это были переговоры между владельцами частного бизнеса и государственными чиновниками; то ли улаживание дел между депутатами Рады, лоббировавшими проекты своих хозяев, и самими хозяевами, купивших депутатов с потрохами, но не всегда получавших от них желаемые результаты; то ли между УБОПом и УБЭПом, которые в середине 90-х сами мало, чем отличались от организованной преступности, против которой

боролись, с одной стороны, и бизнесменами, на которых они «наезжали», с другой; то ли между налоговиками, которые тогда еще точно не понимали, сколько же им взимать налогов с частных предпринимателей и самими предпринимателями, которые, после подсчетов обязательных выплат государству, оказывались не только без копейки денег, но и в огромном минусе, потому что совокупные налоги составляли в то интересное время 120%, а то и все 140% от прибыли – Серж всегда находил золотую бескровную середину. Одним словом, работы для таких, как Серж, было много и он, как правило, помогал найти выход из трудных ситуаций. Кроме того, в середине 90-х, когда государственный аппарат Украины делал свои первые шаги, его чиновники, уже накрепко сросшиеся с преступным миром, безмерно прессовали простой, неопытный народ, пытавшийся встать на ноги. Поэтому Серж, когда мог, подсоблял мелким и средним предпринимателям, одалживая им деньги, помогая с помещениями, доставая лицензии, улаживая конфликты с налоговой и недопонимания с местной администрацией.

Помогая разным людям, Серж обрстал знакомыми, которые были ему благодарны. Так он обрел «семью», ни один член которой не забывал поздравить его с днем рождения или с Новым Годом. Если бы ему сказали, что он действует, как мафиози и похож на мафиози, он обиделся бы, ответив, что рассматривает свою деятельность как обыкновенную работу, которая ничем не отличается от работы врача или юриста. Именно поэтому, он никогда не просил об ответной услуге тех, кому помог. Будучи посредником, он брал хорошие гонорары за то, что улаживал недопонимания, спасая жизни и капиталы. Это и была его оплата, больше никто ничего ему не был должен. Другими словами, Серж был строителем. В английском языке есть очень точное слово – fixer – профессия довольно почетная и незаменимая, хоть и не броская. Когда Серж и такие, как он, помогали простым людям, они превращались в их опекунов.

И, тем не менее, его и ему подобных на постсоветском пространстве, на Западе и даже в журнале «Тайм», продолжали относить к мафии просто потому, что не могут найти подходящего определения для таких, как Серж. Для тех, кто выбрал своей профессией рискованные переговоры с людьми, обладающими властью и крупными капиталами. Их натренированные тела и бритые головы видны за версту, они привлекают внимание и, вероятно, им самим это нравится. А почему бы и нет? Они своего рода звезды полусвета, которых общество официально не признает, но которым хорошо платит за услуги. В то же время, обладая влиянием, связями и силой, они многое могут себе позволить, но, как правило, не позволяют. Дорожа своей репутацией, они даже пьют крайне редко, потому что не могут допустить, чтобы любая, даже самая невинная ситуация, вышла из-под их контроля. Эти люди, в противовес истинной мафии, не имеют ничего общего ни с проституцией, ни с игорными домами, ни с наркотиками, ни с вымогательством денег из мелких предпринимателей. Они также не занимаются политикой, считая политику самой, что ни на есть организованной преступностью, жертвой которой запросто оказывается целый народ.

По сравнению с потаенными мыслями, деяниями и похождениями некоторых глав государств и членов правительства, большинства депутатов Рады и всех без исключения отечественных олигархов, Серж был ангелом. Он ни разу не позволил себе обворовать человека или лишить его жизни. Люди, знавшие, что у него всегда при себе оружие, старались не доводить его до греха. А, если бы довели, он все равно не убил бы. Он любил повторять, будь человек трижды отпетым подонком, только Господь Бог может решать жить ему или умереть. Он дал, Он и заберет душу. Поэтому Серж, в отличие от безмозглых и зараженных бешенством киллеров, заказов на убийства не брал.

Женщина, сидевшая на краешке дивана напротив Сержа, получив прекрасное образование в Киевском Университете, когда пришло время, легко им пожертвовала. Как только настали трудные времена перемен, когда повсюду появились руины социалистических укреплений, из которых острыми зубринами торчал покореженный Железный Занавес, пришло время задуматься над тем, что же делать дальше. В начале 90-х годов, судьба одинокой женщины с прекрасным филологическим образованием, была абсолютно всем безразлична. Имея огромное желание выжить, не скатившись по наклонной плоскости на дно, где моют полы, продают бросовый товар на рынках и торгуют собой, Лиза решила действовать. Не прояви она характер, бездна, разверзшаяся между двух эпох, поглотила бы ее, как поглотила тысячи других.

- Что ж, поговорим об условиях... – начал Серж, но внезапно зазвонил один из мобильных телефонов, до этого спокойно лежавший на темном стекле журнального столика. Ему пришлось прервать самую щекотливую и важную часть их беседы.

Он быстро разговаривал с кем-то, употребляя короткие и не совсем понятные фразы. Пока он разговаривал, у Лизы от волнения желудок стал завязываться в тугий узел. Она боялась услышать условия, которые не сможет ни принять, ни выполнить.

- Как правило, - вернулся к прерванному разговору Серж, - если мы предлагаем помощь, мы становимся совладельцами.

- Это моя фирма! - непроизвольно вырвалось у Лизы.

Ее неукротимая решимость ни с кем не делиться вызвала у видавшего виды Сержа глубокое замешательство. Комната стала наполняться тишиной. Она повисла, невидимая и ядовитая, как удушливый газ, над головами двух собеседников. Тишина притаилась по углам и спряталась в высоких сводах потолка. Лиза почувствовала, что ее ладони стали противно липкими, а по спине струится пот.

- Ладно, - сухо отозвался Серж. Никто из просителей никогда так с ним не разговаривал. Эта женщина казалась ему трогательной и забавной. Он догадался, почему, рискуя всем, она так отчаянно отстаивает свою независимость. Если уж она решила не делиться с трюфовым королем, то не будет делиться ни с кем. Хочет самостоятельно встать на ноги. Что ж, пусть будет так, как она хочет. – В таком случае, мы не сможем вам помочь стартовым капиталом.

- У меня есть деньги, - поспешно заверила его Лиза.

Неожиданно дверь из светлого дерева распахнулась и в комнате появился еще один мужчина. Роста он был небольшого, комплекции упитанной, его бритый череп сиял испариной. Он был весь круглый и мягкий, но его серо-голубые глаза смотрели холодно и внимательно. Он был партнером. Звали его Владимиром, или, коротко, Владом. Глубоко погрузившись в черное бульдожье кресло, Влад воззрился на Лизу. Ей стало, почему-то, неловко. С Сержем она чувствовала себя немного спокойней.

Деревенская дивчина с молочной кожей принесла Владу высокий стакан и маленькую, пузатую бутылочку Perrier.

- Барышня хочет быть абсолютно самостоятельной. – В голосе Сержа прозвучала ирония. Он ждал реакции толстяка.

- Лучше. – Лицо Влада сложилось в гримасу, напоминающую улыбку. – Нам не придется рисковать деньгами.

- Так вот, - Серж заскрипел снова, - потому, что вы чистая одинокая барышня с ребенком и другими заботами на ваших хрупких плечах, мы поможем вам. Первый год работайте спокойно, вставайте на ноги. Нам на первых порах вы ничего не

должны и налоговая вас тоже трогать не будет. Все деньги ваши. Мы понимаем, что поначалу они вам понадобятся. Через год встретимся, посмотрим, что вы там наработали. Сядем, посчитаем. Часть прибыли начнем забирать в счет того, что целый год будем кормить разных чиновников, которые не будут вас тревожить. Ну, и кое-что сверх того, себе в карман, сами понимаете, мы тут делом занимаемся, а не благотворительностью. Через год начнете платить налоги. Разумные налоги, без обдираловки. Все, как в цивилизованном государстве. Хочу предупредить сразу – прибыль скрывать от нас было бы неразумно.

- Да уж, - подтвердил Влад, играя сжатыми кулаками на подлокотниках кресла, - а, если вы не сможете выполнить пункты нашего договора через год... Нам будет страшно неприятно работать с неудачницей, противно даже. Ну что, по рукам, или как?

- А если я не смогу начать выполнять эти самые пункты, тогда что, в Днепр бросите с цементной глыбой на ногах?

Лиза не шутила, она хотела знать заранее, что будет, если... Хорошо то, что оба ее собеседника сделали вид, что она пошутила.

- Боже сохрани! – смеясь, утешил Серж. – Мы не убиваем. Договоримся как-нибудь. У вас же есть недвижимость. Квартира в центре Киева. Вот и расплатитесь.

Теперь рассмеялся Влад.

Лиза подумала, что настало самое время рассмеяться ей, но она смотрела на их лица с беспокойством и плохо скрываемой неловкостью. Должны ли они узнать, что свою квартиру в центре Киева она уже заложила? Что она уже не ее собственность? Видно, охотников на ее квартиру с каждым днем становится все больше... Если дело не выгорит, она окажется бездомной скиталицей. Игната она пристроит к Анне и Александре, а сама побредет по холодной и пустынной улице неизвестно куда. Скорей всего к Днепру, топиться. В минуту отчаяния Джордж ей не поможет, а вот Серж, скорей всего, не бросит в беде. Но что за мысли ей лезут в голову?! Говорить им про заложенную квартиру она не будет, сами виноваты, что не спросили, откуда у нее деньги взялись на регистрацию турагентства и аренду офиса в центральном районе. Лиза тихо рассмеялась.

- Ладно, больше никаких условий, - энергично подытожил Серж. – Идите и держайте. А мы будем присматривать за вами. И не забудьте пригласить на открытие. Возможно, мы тоже захотим воспользоваться вашими услугами и заглянуть в те места, где еще не ступала нога человека.

- Тогда это не ко мне, - устало сказала Лиза. – Боюсь, что на нашей планете эта нога уже все истоптала. Вам в космическое агентство надо.

Просидев более часа в неудобной позе на краешке дивана, она с трудом поднялась. Ей показалось, что ее зад прилип к черной кожаной обивке дивана. Сказав «спасибо», она повернулась к двери.

Серж тоже поднялся.

- Между прочим, вы уже нашли помещение под офис? – Он слегка насмеялся над ней. – Если еще нет, у нас тут есть пару уютных уголков на примете. Если вам интересно, мы можем обязать районную администрацию сдать какой-нибудь из них за символическую цену.

- Да! Нет! – Лиза почувствовала, что удача повернулась к ней лицом и широко улыбается. – Было бы просто здорово, потому что нет, я еще не нашла помещения!

- Значит, завтра в десять. Приходите, поедем на моей машине, посмотрим пару-тройку подходящих мест. И в будущем, не отказывайте нам во внимании, заглядывайте на чашечку кофе.

Серж поклонился и расшаркался. Было понятно, что он валяет дурака. Но зачем?

- Сдается, вы нам понравились, – добавил он и отвернулся.

Лиза улыбнулась. Ее большие серо-зеленые глаза наполнились слезами. Разговор с этими двумя доконал ее, все еще было слишком неопределенно, ново, но, в то же время, полно обещаний и предчувствия хороших перемен.

Опекуны с бритыми головами сдержали слово, помогли с помещением, лицензией, разрешениями и даровали Лизе целый год налоговых каникул, взяв на себя все расходы. Она тоже не сплеховала – за год с небольшим сумела вывести свое агентство в лидеры туристического бизнеса. Купившим путевки, она дарила красивые белые рюкзаки с логотипом своей фирмы. О ней заговорили, ее приглашали на все вечеринки и презентации, где бывали успешные люди. О ней писали статьи и печатали их в глянцевых журналах. Красивая и успешная женщина – в середине 90-х такое было все еще в новинку в Украине. Туристическая фирма Елизаветы Тропининой поддерживала интересные проекты и занималась благотворительностью. Все складывалось как нельзя лучше, но, как раз в то время, Лиза повстречала Адама.

Не прошло и трех лет, как она не только все потеряла, но была вынуждена покинуть Украину. Она сбегала от опасности, которая подстерегала ее за каждым углом, она убегала, затравленная людьми, осуждавшими ее. Ее имя было растоптано и смешано с грязью, ее слава успешной женщины – высмеяна. Ей предстояло расставание с сыном, с Анной и Александрой, с друзьями. Никто, кроме семьи, не знал об ее отъезде. Однако перед тем, как уехать, она сделала одно исключение, решив попрощаться с Сержем, который уже давно из опекуна превратился в близкого друга. Встречу ему она назначила в одном из баров недалеко от своего дома.

Сидя у стойки бара, Лиза пила минералку. Небольшой оркестр играл мягкий джаз. Певица ненавязчиво мурлыкали приятные мелодии. Огни были притушены. Никто особенно громко не разговаривал. Она вспоминала свою первую встречу с Сержем, казалось, прошла вечность с тех пор, как она шагала под морозящим дождем к зданию Арсенала, где тогда находился их офис. Как она допустила, чтобы все пошло под откос? То, что она создала с таким трудом, и что стало ее огромным достижением, просто пропало, развеялось, как дым. Семья и жизнь – все пошло прахом. Было бы полбеда, если бы только ее усилия были потрачены зря, но она разочаровала тех, кто помогал ей встать на ноги. Виновата, опять виновата, кругом виновата не своей виной! Оградив семью от скандалов и угроз, она нашла лазейку для своей надежды – уехать, сбросить шкуру, нарастить новую, разыскать Адама.

Серж, этот хищный зверь, готовый к каждодневной битве за жизнь, появился, как всегда, неслышно и ниоткуда. Соскользнув с высокого табурета, Лиза подошла к нему, и, приподнявшись на цыпочки, заглянула в его большие темно-карие глаза. Найдя в них то, что ожидала найти, она поцеловала его в щеку. Взяв его под руку, она повела его на середину зала. Положила ему руки на плечи и стала двигаться в ритм медленной мелодии. Мечтая о большем, Серж обнял ее, легко приподняв от пола, словно невесомую былинку. Ему хотелось покрепче прижать ее к себе и никогда не отпускать, но он не решался. Встретившись с ней взглядом, он, в который раз, залюбовался ее красотой.

- Хватит, Серж! – Лиза не могла пересилить свой стыд и отчаяние.

- Не уезжай. Подумай еще. Последний раз прошу тебя! Твоя жизнь здесь, среди твоих друзей, среди тех, кто любит тебя. Как ты можешь вот так все бросить и уехать? - в интонациях его хриплого голоса звучала мольба.

- Неужели ты думаешь, что мне легко оставлять здесь Игната, мать и старенькую Анну? Но для меня здесь все кончено. У меня тут земля под ногами горит. Иезуитов не даст мне спокойно жить. Я не смогу ни работу найти, ни новое дело начать. После случившегося, мне никто не поверит.

Лиза уперлась руками ему в грудь. Серж еще немного подержал ее, а потом отпустил.

- Попутал тебя черт с этим Адамом, - в его голосе звучала боль и злость.

Лиза вспомнила, как он умолял ее не выходить замуж за Адама. Он приезжал к ней несколько раз, пытаясь убедить ее, что ничего хорошего из этого брака не выйдет. Он говорил, что Адам – это хлыщ, который попользуется ею, а потом бросит, причинив боль не только ей, но и ее семье. Лиза не слушала, она смеялась и отшучивалась. А ведь Серж оказался прав, тысячу раз прав!

- Поэтому я и должна уехать, - сказала она. – Я хочу найти его и спросить, что на самом деле произошло.

- Оставь этого подонка в прошлом, не копай глубже! Просто забудь про него. А Иезуитова не бойся. Мы сможем тебя защитить от него. Он не всесильный. Есть и покруче него.

- Я знаю, Серж. Спасибо тебе за все, но я должна начать все с начала. – Лиза прижалась к нему, дрожа от нежности и страха.

- Опять кому-то что-то доказываешь?

- На этот раз себе.

- Так что, расстаемся навсегда? – не удержался Серж.

- Серж, дорогой, прости меня и люби меня. Даже, если полюбишь другую, сохрани меня в уголке своего сердца. Если я буду знать, что ты помнишь обо мне, я буду бороться. Когда-нибудь я вернусь. Не знаю, когда, но я обязательно вернусь. Ты только думай обо мне и защищай меня, как ты это делал всегда.

- Дуреха! – потерпев в очередной раз неудачу, Серж разозлился и, не поднимая глаз, боясь еще раз взглянуть на нее, быстро вышел из бара.

Лиза услышала, как хлопнула дверь бара и как, взвизгнув тормозами, отъехала машина со стоянки.

Было ли слово «дуреха» прощальным подарком для нее? Обещанием помнить? Серж был другом, который ей здорово помог, однако это обстоятельство никак не могло устранить главного препятствия между ними: когда они встретились, его сердце было свободным, а в ее уже гнездилась любовь.

Глава 24.

Восстановление справедливости.

Получив деньги после продажи своих картин, Лиза отдала большую часть Игнату. Он будет покупать для Анны и Александры продукты и оплачивать дальнейшее лечение ее матери. Эти две женщины ни в чем не должны нуждаться.

- Особенно побеспокойся об Анне, - сказала Лиза. – Александра о себе забыть не даст. Наша бабуля любит сладкое к чаю, но ей уже трудно печь. Покупай ей хороший шоколад.

Она также настояла на том, чтобы заплатить за аренду выставочного зала, что чуть не поссорило ее с фон Нарвицем. Но уговор есть уговор – она просила помочь ей выставиться при условии, что вернет свой долг после продажи картин. Нарвиц,

скрепя сердцем согласился, но заставил ее взять вознаграждение за свой портрет. Благодаря этому у нее кое-что осталось на жизнь, но на месть ей явно не хватало.

Да и что такое месть? Неужели кто-то мог подумать, что месть для Лизы – это нечто страшное, мистическое и неотвратимое? То, что сжирает изнутри, поджаривая душу пылающей ненавистью? Нет, задуманная ею месть была совсем другого рода. Мыслима ли жестокость в любви? У большинства нормальных людей любовь пробуждает нежность и привязанность к партнеру. Когда женщины любят, они приносят себя в жертву, если такое случается, отнюдь не мужчине, а любви. Первоначально любовь родилась в женщине, а не в мужчине, и принадлежит ей по праву. Любовь течет по ее жилам вместе с кровью, омывая ее сердце, вызывая смех и слезы, желание летать, творить и, умирая, бесконечно воскресать!

Приглянувшийся мужчина – объект для женской любви внешний, и его облик, как и его внутренняя сущность, отражаясь в женском сознании крайне искаженно, не имеют ничего общего с реальностью. Почувствовав симпатию к мужчине, женщина начинает выдумывать или менять его, подгоняя под образ, который она создала в своем воображении еще до встречи с ним. Любовь же женщина не выдумывает никогда! Если после того, как в ней уже начала жить любовь, мужчина по какой-то причине исчезнет, любовь останется в ней без своего героя, а лучше сказать, без лица. Безликая любовь будет продолжать жить, как большой ребенок в утробе матери, который бьет ножками в душу, причиняя порой нестерпимую боль. От него хочется избавиться, а нельзя. Надо выждать время, все положенные месяцы или годы, и только потом, очень осторожно, отделить любовь от себя.

Нет, Лиза не хотела унижать Джорджа или причинять ему боль. Ей хотелось проучить его. Преподнести ему урок, равносильный всем тем ожиданиям, мучениям, разочарованиям и неудачам, что ей пришлось пережить по его вине.

Мечь – это баланс, восстановление справедливости. Кроме того, и это важно, месть или восстановление справедливости освобождают тебя от статуса жертвы.

Четыре года она ждала исполнения его, заведомо лживых обещаний, четыре года он ею пренебрегал, четыре года он подставлял ее в делах, порой доводя ситуацию до крайнего для нее риска. А ведь она была с Джорджем честна. Она просила не втягивать ее в романтические отношения, если он не планировал изменить свою жизнь. С той, первой влюбленностью, она бы справилась, но с большой, уже развившейся любовью, совладать было гораздо сложнее. Она была уверена, что летит, как бабочка, навстречу своему счастью, но слишком много препятствий оказалось на пути к ее любви. Или нет, каких препятствий не было, откуда было им взяться? Он обманул ее, а она, дураха, поверила в его любовь. Неужели нельзя было сказать: «Я люблю тебя, но я женат и развод исключается», или «Я люблю тебя, но обстоятельства не позволяют нам быть вместе»? Он же не только вовлек ее в отношения, но и в совместный бизнес, сделав заложницей одного-единственного условия – заработаем денег, будем вместе. Условие это было заведомо невыполнимым, потому что проекты его были дутыми, а его покупатели были всего лишь именами на бумаге или еще хуже, иллюзорными фигурами в его воображении. На самом деле, это великое и справедливое условие Джорджа было всего лишь наживкой на крючке для нее, влюбленной глупышки, так смело шагнувшей навстречу любви...

Любовь к Джорджу была любовью с первого взгляда, ей было сразу и всегда потом хорошо с ним. До того, как они расстались, им не часто приходилось бывать вместе. Ей никогда не хватало времени насытиться им, от голода она сходила с ума, уговаривая свое требовательное существо довольствоваться суррогатом изнуряющей работы. Жестокость холодных киевских ночей, длинных, тоскливых и одиноких, вызывала в ее воображении ту камеру ада, где влюбленных пытаются

расставанием. Она бредила им, его близостью, его запахом, ощущая кончиками пальцев его шелковистую кожу. Она слышала звуки его хриповатого голоса, шептавшего ей ласковые слова. Она просыпалась со стонами оттого, что ей снились его поцелуи.

Было время, когда она, вместо молитвы перед сном, воскрешала в своей памяти каждый нюанс их первой близости. Это случилось одновременно неожиданно и преднамеренно, в гостинице, где Джордж остановился, когда прилетел к ней в феврале на День Святого Валентина. Те несколько дней посреди зимы выдались солнечными и теплыми. Она помнила самые мельчайшие подробности их первой близости, когда он медленно раздел ее и овладел ею. Та бессонная ночь, казалось, длилась вечность. Лиза не помнила его лица, она запомнила его тело ощущениями – оно двигалось, говорило, танцевало, любило, ласкало, омывало ее солеными волнами экстаза, заставив забыть о том, что все происходит в заснеженном Киеве. Захлебываясь от восторга, она представляла теплую Грецию, где, спустя несколько месяцев, они проведут целую неделю вдвоем, на берегу моря под бархатным небом с полногрудой луной. Тогда, в Киеве, впервые любя Джорджа, она сумела заглянуть в будущее.

Говорят, что любовь хороша тем, что влюбленные не только собирают цветы в те минуты, когда они распускаются перед их глазами, наслаждаясь радостями сегодняшнего дня, но и уготавливают себе приятные воспоминания. Одним из таких приятных воспоминаний для Лизы была белая Ланчия. Когда, еле дождавшись встречи, она прилетела в Афины, Джордж встретил ее на новенькой, белоснежной, девственной Ланчии. Побросав ее вещи в багажник, они напрямиком, с корабля на бал, отправились в Толон, где, на шесть восхитительных дней спрятались в уютной гостинице на берегу моря. Спрятались от жизни, от проблем и предстоящих деловых переговоров, выпрашивая у судьбы не тревожить их, дав налюбоваться и наласкаться вволю. Воскресным утром все разлетится в прах – за поздним, ленивым завтраком Джордж не забудет упомянуть, как бы ненароком, вскользь, что пора возвращаться в Афины, в офис, и заняться, наконец, делами.

Умирая от желания, однажды они решили заняться любовью в машине. Этот необдуманый поступок, обернувшийся неловкой возней двух людей, забывших, что они уже не подростки, напомнил им также о том, что они должны прятаться, ведь Джордж был женат. Бывало, они ссорились в той машине. Джордж орал на нее, она глотала слезы, думая о том, что нет ни одной причины на всем белом свете, чтобы так орать на женщину, которую любишь. Позже она поняла, что деньги, особенно, когда их хронически не хватает, всегда служат достаточной причиной для раздражения и гнева. Деньги, деньги, ей всегда нужны были деньги, чтобы позволить себе любить того, кого хотела любить она! Ради денег люди готовы на все, но их всегда мало. Всегда деньги, только они играют роль! Деньги делают деньги, делают тебя счастливым, делают тебя здоровым, делают тебя образованным и сытым. Даже такое божественное чувство, как любовь, деньги способны сделать гораздо более привлекательным и продолжительным. Единственное, что деньги не могут дать – это талант, поскольку талант это дар напрямиком от Бога.

Много раз, по дороге в таверну или на пляж, она смеялась над его шутками и над тем, как он передразнивал их общих знакомых, отмечая про себя его незаурядные актерские способности. Иногда Джордж принимался во весь голос орать их любимые мелодии, что не всегда выходило удачно из-за отсутствия у него слуха, но все равно было страшно здорово. В такие минуты ее мозг освобождался от мыслей, а душа вырывалась из тела, оставляя его наедине с тайным трепетом желания. Когда Джордж подвозил ее в аэропорт, и им предстояла разлука, белая

Ланчия была тем местом, где, сдерживая слезы, Лиза с большим трудом подчинялась обстоятельствам. На заднем сидении всегда была коробка с бумажными платками, охапка цветов и ее покупки. Каждый раз несправедливость ситуации душила ее и ей уже хотелось побыстрее добраться до аэропорта, чтобы не мучить любимого слезами и своей печалью.

Она видела самые живописные места из окон той белоснежной «Ланчии», самые красивые закаты, самые бирюзовые воды морей и самое синее небо. Среди тех пейзажей, в те минуты, когда Джордж был рядом с ней, Лиза сумела разглядеть безбрежность абсолютного счастья. Это были счастливые времена и Ланчия, с пятном от прилипшей жевательной резинки на переднем сидении, была ее самой лучшей и преданной подругой. «Сейчас я даже не знаю, жива ли наша белокурая красавица», - с грустью подумала Лиза.

Четыре года подряд он был везде, ее не было нигде. Он заполнял ее всю – от головы до пят. Она жила ради него и постигала бизнес ради него. Джордж стал для нее тем вызовом, который подвигнул ее на свершения. К ее любви частенько примешивалась ненависть, но именно ради него она заставляла себя работать, добиваться, не досыпать ночами, мечтать и даже жить. Она надеялась и ждала, тогда даже не подозревая, что ждать было абсолютно нечего.

С самого начала она испытывала необходимость в том, чтобы доказать Джорджу свою состоятельность. Эта необходимость стала навязчивой идеей, безумием даже, которое длилось годами. Лизе казалось, что на ее голове болталась неизвестно откуда взявшаяся тряпка, нависавшая ей на глаза и скрывавшая от нее радости и красоты проходившей мимо нее жизни. Тошно смотреть на серый свет бытия, но пришел тот день, когда ей стало невмоготу и одним махом, усилием своей недюжинной воли, она распрощалась с Джорджем и его враньем.

Она подошла и дотронулась до той черты, за которой осталось все хорошее – любовь, ни с чем не сравнимые восхитительные греческие пейзажи, прекрасная музыка, безоблачное небо и скорое будущее с любимым. Все это было отпечатано на прошлом и было мертво. Ее любовь не пустила корней и не расцвела, потому что на нее ни разу не вылился дождь из золотых монет. В один прекрасный день, набрав полную грудь воздуха, она задержала дыхание и приняла решение: больше она ему звонить не будет. Хватит! Чтобы услышать его бархатный голос, она недоедала, оплачивая умопомрачительные телефонные счета. Когда, после нескольких дней молчания, телефон удивленно зазвонил, она сняла трубку и скороговоркой, чтобы хватило духу, прокричала бархатному голосу на том конце провода что-то невразумительное. Из ее рта вырвалось пламя обиды и горечи, которым она сожгла все мосты, с таким терпением и тщанием возводимые ею и перекинутые за тридевять земель, к сердцу ее любимого. После четырех лет, в течение которых она представляла интересы его фирмы в Киеве, у нее не было ничего: ни денег, ни одного успешно претворенного в жизнь проекта, ни предвкушения успеха, ни статуса обрученной, которая могла бы надеяться стать женой. Она крикнула ему в трубку, что не может дать ему больше ничего, просто потому, что уже все отдала.

Лиза вспомнила, что легла тогда на ковер, превратившись в раненого животного, истекающего кровью. Пьеса Жана Кокто «Человеческий Голос» была в то время ее любимым произведением.

Она закрыла глаза. Все ее тогдашние переживания и мучения вернулось к ней в малейших деталях.

Вместо счастья на нее обрушилось несчастье.

- Я была очень, очень мужественной, - прошептала Лиза.

В тот день, когда она выкрикнула в трубку, чтобы ее любимый больше не звонил, она хотела напиться. Она надеялась, что алкоголь притупит боль в ее душе. Поднявшись с ковра, она подошла к журнальному столику, взяла бутылку красного вина и выпила несколько глотков прямо из горлышка. Снова легла на ковер, поставила рядом с собой телефон и начала обматывать шею телефонным проводом. Ей показалось, что комната наполняется кровью... Еле слышно она заговорила, путая чужие слова со своими. Слезы душили ее.

- Если бы ты не позвонил, я бы умерла... Пять лет я живу тобой, дышу только тобой и все время жду тебя: если ты не звонишь, я думаю, что ты умер, умираю сама от этой мысли и снова оживаю, когда ты около меня, и снова умираю от страха при мысли, что нам придется расстаться. Когда наступит завтра и послезавтра, и еще много-много дней, совершенно пустых дней, боже мой, что я буду делать?... Будет много-много совершенно пустых и холодных ночей и дней... Моя голова не будет лежать на твоём плече и тебя не будет рядом, смогу ли я так жить? Этот телефонный провод – последняя нить, которая нас связывает. Но, Джордж, любимый мой, у меня не было никаких дел, кроме тебя и твоих гребанных проектов... Прости, я была всегда занята, ты прав, но занята только тобой, для тебя, для нас... Ты же обещал... Твой бархатный голос обвивает мою шею... Дорогой мой... Любимый... Я люблю тебя, люблю, люблю...

Телефонная трубка падает на пол. Занавес.

«...Автор рекомендует актрисе, которая будет играть эту роль, избегать даже намёка на иронию, язвительность, колкость, свойственные оскорбленной женщине. Героиня - жертва, обыкновенная женщина, влюбленная без памяти; она только один раз прибегает к хитрости, протягивая мужчине руку помощи, чтобы он сознался в том, что солгал, и избавил ее от этого жалкого и пошлого воспоминания. Автор хотел бы, чтобы актриса производила впечатление человека, истекающего кровью, теряющего кровь при каждом движении, как раненое животное, и чтобы в конце пьесы комната казалась наполненной кровью...»

Актриса произнесла свою последнюю фразу. Премьера, обернувшись прощальной гастролью, закончилась. Занавес опустился и наша героиня свободна. Без памяти влюбленная женщина отказалась стать жертвой.

Продолжения ангажемента не предвидится. Позвольте аплодисменты, господа!

Лизу передернуло. Любовь к Джорджу была умопомешательством. Слава Богу, что Игнат, вернее, необходимость его кормить, одевать и образовывать спасла ее от дальнейшего падения в никуда. Благодаря Игнату она смогла вернуться к жизни и продолжить ее. Теперь все будет с Джорджем по-другому. Никаких телефонных проводов, обвившихся вокруг шеи.

Теперь баланс начинает выравниваться и справедливость постепенно восстанавливается. Сэлинджер как-то сказал – стоит женщине сделать что-нибудь приятное и ты уже наполовину влюблен в нее. Что значит «наполовину влюблен»? Так мужчины понимают любовь? Им можно быть наполовину влюбленными или на четверть? А как насчет одной восьмой? Если Джордж был влюблен в нее наполовину, после того, как он увидел ее картины и побывал на выставке, он, видимо, решил округлить свою влюбленность до целого числа. Долго ждать не стал – предложил себя, свою округленную любовь, дом, семью и даже ребенка. Где ты раньше был?

Лиза опять запрется на все лето и будет работать. Может статься, что Эдмунд поможет ей с заказами. Если бы... И вот тогда, когда у нее будет достаточно денег, чтобы устроить для Джорджа такую жизнь, от которой он не сможет отказаться, она решится на месть. Их совместная жизнь должна быть безоблачной, благополучной, красивой и полной любви. Она ведь когда-то пообещала сделать

его счастливым, а, значит, обеспеченным и обласканным. Она преподнесет ему все, что ему будет угодно, сделав его королем на троне своей любви, а потом все отберет. Она будет наблюдать, как каждый божий день ее король будет мельчать, как будет чувствовать себя неловко, как будет становиться все ничтожнее в собственных глазах. О нет, разводиться ему не стоит, зачем доставлять неприятности Ариадне? Сейчас это ни к чему. Самим им тоже незачем становиться супругами. Ведь он, ее любимый, сам говорил, что брак убивает любовь.

Она вытерпит два года, а потом рай, устроенный ею для Джорджа, исчезнет. Испарится. А сам Джордж будет возвращен в свою прежнюю жизнь – к тасующей карточную колоду Ариадне. Как в «Удивительном волшебнике из страны Оз», только наоборот. Он вернется в знакомую гавань, которую когда-то не захотел покинуть ради нее, и доживет там оставшиеся ему годы. Его будет ожидать череда дней похожих, обыденных и скучных.

Но, прежде, чем он все потеряет, он прочувствует и запомнит, как хорошо жить вместе с ней и рядом с ней. С его Эммой Бовари, что займет у судьбы несколько лет и осчастливит того, кому очень хочет отомстить.

Глава 25.

Свидание.

«Сближенье ваше сумраком объято.
Сквозь толщу туч не кажет солнце глаз.
Пойдем, обсудим сообща утраты
И обвиним иль оправдаем вас».

(Шекспир, «Ромео и Джульетта»).

Моросил мелкий весенний дождик. Было сыро и немного зябко. Уже несколько недель, как пришла весна, и стояли теплые и даже жаркие дни, но сегодня вечером казалось, что вернулась зима. И все же, в мокром воздухе явственно чувствовались нотки весеннего аромата, пахучего и будоражащего, напоминающего не то запах первых расцветших цветов, не то свежее испеченного хлеба, не то холодной и чистой морской волны. Все эти запахи намешала в воздухе весна, которая, играя и дразня, на день или два спряталась, разрешив зиме вернуться и заморочить всем голову. Лиза купила желтые нарциссы и синие ирисы, расставив вазы с ними по всему дому. Нарциссы издавали сладкий, счастливый запах, а ирисы запаха не имели, или нет, они пахли еле уловимым, сводящим с ума безвременьем, что знаменуется несколькими короткими днями, когда отступает весна и возвращается зима. Это мимолетное шальное время сливает два времени года в страстном прощальном объятии, и вот, уходящая зима уже подбирает свои холодные покрывала, а поторопившаяся весна выбрасывает в воздух мириады дурманящих запахов, расцветивая теплую землю вокруг деревьев белыми и желтыми соцветиями диких трав и полевых цветов.

В этот холодный весенний вечер Лиза ждала Джорджа. Она собиралась расстроить его – рай для двоих откладывается. Ей нужен еще год. У нее много заказов, которые появились прямо сейчас, по горячим следам после выставки. Она будет занята по горло, но зато потом, через год, рай, наконец, распахнет для них свои ворота. Лизу передернуло – прямо как большевики со своим раем Человека на

Земле. Как сказал Камю – были пролиты реки крови, но врата Рая остались закрытыми.

Перечитав свои Дневники для того, чтобы хорошенько вспомнить все неудачи и кто именно был в них виноват, она надеялась, что встретит его во всеоружии обиды и неприязни, но этого не произошло. Не совсем угасшие чувства взяла вверх над прошлыми обидами.

Подойдя к шкафу, она достала из выдвигаемого ящика черную кружевную шаль. Набросив ее на голые плечи, она подумала, что никогда не выглядела лучше и желаннее, чем сейчас. Ее полные, белые груди чуть заметно просвечивали сквозь изящную вязь дорогих кружев. Открыв замшевую коробочку, она достала брошь Swarovski и скрепила ею кружева между грудями. После щедрых тел и буйных шевелюр 80-х, 90-е возродили к жизни минималистическую женщину с плоской грудью, чрезмерной худобой и гладкими волосами. Такие женщины носили брючные костюмы, преимущественно темных тонов, и белые тугие блузки. Этот стиль получил название «городской сучий стиль», подразумевая не только одежду, которая была практически точной копией мужских деловых костюмов, но и определяя характер женщин, которые эту одежду носили. Лиза к их числу не относилась. Черный цвет ей, несомненно, шел, оттеняя цвет ее глаз, но она была женщиной с мягкими изгибами и длинными стройными ногами. Немного поколебавшись, она сняла с плечиков пару широких черных брюк с еле заметной серебряной нитью и надела их на голое тело. В этом наряде она была неотразима и очень сексуальна.

«Быть только хорошим любовником, – подумала она, – не такая уж большая заслуга. Почему же десять лет назад мне было этого достаточно?»

Потому, что она была никем. Безымянной женщиной, разбуженной искусными ласками опытного любовника. Ей не было еще тридцати, но она обладала всеми достоинствами – очарованием, красотой, женственностью, интуицией. И все еще молодостью...

«Моему телу не доставало любви. Я была голодна и Джордж меня насытил».

Оценив себя хорошенько со всех сторон, она решила, что шаль выглядит слишком претенциозно. Для сегодняшнего свидания, ей надо одеться элегантно и просто. Выудив из шкафа мужскую рубашу из белого шелка со стоячим воротничком и твердыми манжетами, она сбросила шаль, надела черный бюстгальтер, а поверх него тонкую белую рубашу. Ее туалет завершили черные мягкие сандалии на плоской подошве.

Зазвонил телефон. Это был Джордж – он еще в офисе, но уже закругляется с делами.

- Я заеду к бакалейщику. Куплю чего-нибудь вкусенького, бутылку вина и сразу к тебе.

Обхватив руками свои плечи, Лиза поежилась. Она представила себе их будущую жизнь: рабочий день закончен, Джордж звонит ей из офиса, спрашивает, не нужно ли купить чего-нибудь по дороге домой, говорит, что устал и скучает по ней, что любит ее, что не дождется, когда обнимет ее, не дождется ночи, когда будет любить ее. Нет, он не голоден, он не будет ужинать, он изголодался по ней, его любовь не знает границ и он никогда не пресытится ею. Она будет ждать его, полная любви и желания в доме, сияющим чистотой и уютом, в комнатах, утопающих в цветах и мягком свете настольных ламп. Все это могло бы быть и будет, но, когда будет, будет ложью.

Догадывается ли Джордж, какой сюрприз она ему готовит? Лиза нервничала. У нее еще было время принять ванну и немного расслабиться. Погрузившись в горячую воду, она начала медленно и глубоко дышать, с удовольствием вдыхая

тонкий аромат солей. Вытянувшись под покровом горячей воды, она наслаждалась драгоценными минутами наедине со своим заброшенным телом. Дотрагиваясь до себя, лаская себя, подготавливая свое тело к ночному пиршеству любви, она постепенно возвращалась к полузабытым ощущениям любовных утех. Выйдя из ванны, она завернулась в большое махровое полотенце и постояла так несколько минут, нежась в его мягком тепле. Подойдя к зеркалу, мокрой ладонью она протерла окошко на запотевшем стекле. Впервые за долгое время, ей захотелось внимательно изучить свое лицо. Следуя за своим взглядом, она медленно провела указательным пальцем по подбородку, затем по губам и остановилась на кончике носа.

Для сегодняшнего вечера она не будет тщательно краситься. Ведь она собирается объявить ему, что их время опять еще не настало. Ей вспомнились несколько строк из того стиха, что сложился в ее голове после их первого свидания, происшедшего после их долгой разлуки.

Я хочу спросить: «Когда же наступит наше время?»,
Но не спрашиваю и молчу.
А ты вдруг отвечаешь: «Скоро».

Я пью вино и беспокоюсь,
Что же мы будем делать дальше?
Ведь мы привыкли жить не вместе,
Деля себя с одиночеством и мечтами.
С жизнью странной, искалеченной, не такой как у всех –
Без тепла и уюта.

Лиза понимала, что самолюбие Джорджа будет задето и ей следует подумать о том, как смягчить категоричность своего решения, принятого за двоих. Когда он воззрится на нее и потянутся минуты в ожидании его ответа, она должна выглядеть уязвимо и незащищено, как выглядит подросток после своего первого затянувшегося свидания, когда опоздала и ожидаешь трепки от родителей.

Поэтому, не совсем аккуратно, она нанесла черные тени на верхние веки и серебристый, чуть заметный блеск под нижние ресницы и в уголки глаз. Помаду она выбрала почти бесцветную, а скулы только чуть-чуть оживила румянами. Волосы останутся влажными и немного растрепанными.

Она была почти готова. Джордж позвонил снова, сказал, что приехал и паркует машину. Она в сотый раз спрашивала себя, как начать их свидание, как первыми же словами не выдать себя, всполошив в нем ненужные подозрения. Поцеловать? Притвориться холодной, разочарованной? Поиграть с ним немного? Нет, все не то. Взглянув на себя в зеркало, она успокоилась. Ее красота спасет положение. Делать ничего не надо. Суетиться не надо, надо быть собой, этого хватит с лихвой. Такие, как она, на дороге не валяются и таких, как она, ждут не один год, а, если потребуется, то всю жизнь...

Он постучал в дверь, она открыла, он вошел, передав ей пакеты с едой и бутылку красного вина. Джордж был явно не в свой тарелке, с него градом катил пот, он нервничал. С чего бы это? Наскоро обняв ее, он бросил свой дорогой кожаный портфель на стул, прошел в ванную комнату, затем вернулся и, не находя себе места, снова пошел в ванную. Ополоснул холодной водой покрытое испариной лицо, накрыл его влажным полотенцем, постоял так немного.

- Ты выглядишь усталым. Почему? Проблемы на работе? – спросила Лиза.
- Я ничего не ел с утра, - раздраженно бросил Джордж.

Лиза знала его привычку избегать прямых ответов на ее вопросы. Джордж был непредсказуемым и трудным человеком и с годами, очевидно, проще и сердечнее не стал. Изменилась она. Она вылупилась из своего одиночества и своих сражений другой – сильной, уверенной, познавшей жизнь.

Атмосфера в комнате немного разрядилось, их потянуло друг к другу. Нерешительно, как слепые, на ощупь, зондируя расстояние и свои настроения взглядами и случайными, неосознанными жестами, они приблизились друг к другу. Десять лет тому назад, они, не раздумывая, бросились бы в объятия друг друга, заранее уверенные, что в этих жарких объятиях и пылких поцелуях они сначала сгинут в омуте любви, а потом снова воскреснут, счастливые и уставшие.

- Давай начнем с ужина, если хочешь. Выпьешь что-нибудь? – предложила Лиза.

Он усмехнулся, подошел и поцеловал ее потным, размазанным поцелуем. Пошел к бару, налил виски для обоих, не став возиться со льдом. Осушив свой стакан одним глотком, он наполнил его снова, на этот раз, бросив туда пару кусочков льда. Лиза долго держала свой стакан в руке, и только после некоторого колебания сделала большой глоток. Содрогнулась, поежилась, но потом ее отпустило, она расправила плечи, улыбнулась. Скрипя пальцем по мокрому ободку стакана, она подумала о том, что хорошо бы побыть слабой. Ни с того, ни с сего, ей приспичило почувствовать себя слабой. Эта чертова слабость была для нее непозволительной роскошью, которую она держала, как диковинное, но вредное создание, под замком. Впрочем, возможно, это уловка с ее стороны? Прикинуться слабой, чтобы ее любимый успокоился.

С тех пор, как умер ее дед Никита, она всегда была самостоятельной и самодостаточной. А ей хотелось быть слабой, хотелось, чтобы ее баловали, как в детстве ее баловал Никита, и дарили ей всякие безделицы, что обычно дарят женщинам. Джордж с самого начала объявил ей, что не любит делать подарков и не помнит дней рождений. И не надо, ведь он такой сложный, такой чувствительный, такой своенравный и потом, он ведь отдавал всего себя, свою любовь. Какая тряпка или побрякушка могла бы сравниться с роскошью его любви? Позже сомнения стали закрадываться ей в душу, припаливая края ее любви и преданности догадкой о том, что сложная натура ее любовника не делала ни маленьких, ни больших подарков просто потому, что была ленива и скупа.

Лиза устроилась в уголке дивана, поджав под себя ноги. Джордж сел на стул. Ему было невыносимо жарко. Он встал и включил кондиционер. «В апреле? – удивилась Лиза. – Почему ему так жарко?»

Встав с дивана, она плотнее задернула тяжелые шторы. Отрезав внешний мир, она создала замкнутое и безопасное пространство, где объявит ему о своем решении, вызванном недостатком средств. Ее словам не будет позволено вырваться за пределы этой комнаты, они останутся закупоренными внутри, им некуда будет деться, они не смогут сбежать, проскользнуть в окно, исчезнуть, раствориться. А посему, должны будут осесть в его сознании и остаться там.

Еле слышно зашуршал кондиционер, воздух в комнате стал прохладнее и суше. Лиза еще раз взглянула на себя в зеркало и, как полная отчаяния и воодушевления актриса, вышедшая из-за кулис на сцену по случаю премьеры, была готова сорвать зал. В старину, в водевильные времена, говорили, что в актерской игре обязательно должен присутствовать кураж. Главное, мастерски произнести первую фразу.

- Дорогой, - начала Лиза, - я люблю тебя, но мне нужен еще год. Всего один год напряженной работы, а потом мы сможем позволить себе ту жизнь, о которой всегда мечтали. Ты ведь подождешь?

Джордж хранил молчание. Он больше не потел. Налил себе еще виски, потом медленно произнес:

- Подожду ли я? – он слегка колебался. – А ты уверена, что через год денег хватит?

- Денег хватит с лихвой, – мягко, смотря ему прямо в глаза, сказала Лиза.

- Итак, твое дело обернулось успехом. – Джордж не смог как следует замаскировать издевку в своем голосе. – И, видишь, у тебя все получилось без меня.

- Когда мы были вместе, я была до такой степени влюблена в тебя, что совсем не могла соображать. Прости.

Лиза лгала, спасая репутацию мужчины, которого когда-то любила.

- Вот именно, – Джордж легко повелся на ложь. – Не могла соображать. Так я и думал, а ведь мы могли повернуть пару неплохих делишек. Ты виновата в том...

Он принуждал ее, заставляя поверить, что четыре года неудач и провалов были не его, а ее виной. Что это она лишила их возможности заработать денег и быть вместе. Он хотел, он мог, он старался, он из кожи лез вон, а она была неумехой и неудачницей. Так уж пусть теперь постарается. Но ждать еще год?

Лиза не знала, куда деваться от чувства безысходности и тоски, но улыбнулась и, стараясь не выдать своего раздражения, сказала:

- На этот раз мне удалось сосредоточиться. Так что скажешь?

- Что скажу? Неожиданное разочарование после того, как мы вроде бы обо всем договорились. Даже обвенчались в той таверне у моря.

Джордж включил радио. Лиза расставляла тарелки с закуской на журнальном столике. Какая-то станция передавала танцевальную мелодию. Джордж, стоя на месте, стал покачиваться как будто в пьяном чаду, а потом начал двигаться в такт музыки. Надо отдать ему должное, танцором он был великолепным. Притягательность его танца заключалась в его сдержанности. Он демонстрировал меньше, чем чувствовал. Сдерживал себя, сжигая страсть еле уловимыми движениями. Именно так он вел себя и с женщинами. Лизу вдруг осенило – так вот за что они так его любят! Поначалу он отдает своей жертве чуть-чуть, скупясь, подразумевая, что под этой скупостью или сдержанностью теплится самая жаркая страсть. И эти дурочки, включая, разумеется, и ее саму, посвящали себя тому, чтобы раздуть любовный огонь поярче да пожарче.

Итак, Джордж танцевал: его слегка раздвинутые ноги оставались неподвижными, бедра вращались в такт музыке, а разведенные, приподнятые над головой руки, изящными, скупыми движениями дополняли и завершали движения тела. Это был не совсем танец, а, скорее, намек на танец – изящный, многообещающий и ... скучный.

- Ты встречался с кем-нибудь после того, как мы расстались? – спросила Лиза.

- Хм...

- Ты любил, пока мы не виделись? – неизвестно зачем, она настаивала.

- В основном, себя. Опять себя, дорогая.

- Это я знаю. – Лизе очень хотелось обладать этой способностью Джорджа самозабвенно любить себя. Для нее «любить себя» означало «уважать себя» и «воспитывать свой разум». Для него любить себя всего, такого, как есть, было делом первостепенным, привычным и естественным.

- А кроме себя? – не сдавалась Лиза.

- Кое-кого. Мы расстались.

- Почему?

- Это было несерьезно. Не так, как с тобой.

Почему она любила его так преданно, так сильно? Только потому, что он

научил ее чувственной любви, разбудил в ней женщину, которая могла так искренне и страстно откликаться на его ласки? Он сотворил из нее многоликую женщину - ту, которая без устали изобретала все новые любовные улады, ту, что рассказывала неведомые ему истории, ту, что была то преданной рабыней, то смешной девчонкой, то любовницей, не требующей ни содержания, ни хлопот, то преданным партнером по бизнесу, то, наконец, женщиной, которая ждала.

Естественно, что все эти сотворенные им персонажи играли по его правилам. Она старалась не думать, скольких еще женщин Джордж обучил искусству быть многоликими одалисками. Что стало с ними? Остались где-то там, в прошлом, благодарные и забытые?

- Расскажи, как идут дела в твоём офисе? – Лиза изобразила искреннее любопытство.

- Более или менее. Мы планируем большие инвестиции в перерабатывающий завод под Мюнхеном.

- Кто это «мы»?

- Моя фирма и наши немецкие партнеры.

Лиза смотрела на него со слегка испуганным выражением. Этот проект о заводе под Мюнхеном витал в воздухе еще семь лет тому назад, в бытность, когда они занимались общими делами. Она не верила своим ушам. Понадобилось немало усилий, чтобы задушить в себе нарождающийся горький смех.

- Давай перекусим, дорогой. – Лучше контролировать ситуацию самой. За годы их разлуки, ее любимый Джордж большим бизнесменом явно не стал. Тогда кем же он был? Бабником? Стареющим ловеласом? А она сама? Тянуло ли ее по-прежнему к нему? Поставив стакан на журнальный столик, она подошла к стулу, на котором он сидел, и опустила перед ним на колени.

- Все хорошо. Ты самый лучший. Прекрасно выглядишь. Только вот глаза у тебя красные, уставшие. Почему ты такой уставший?

Спасая ситуацию, она решила поцеловать его. Промокнула капли пота с его лба льняной салфеткой. Никто из живых существ так, как мужчина, не откликается на ласку: любите его, жалеете его, ласкайте его, оберегайте его, лгите ему и он будет ваш.

- Не унывай, давай отпразднуем наступление хороших времен. Давай вдохнем аромат прекрасных лет, которые мы проведем вместе.

Лиза разлила красное вино в глубокие бокалы, поднесла ему и чокнулась с ним. Подошла к нему сзади, поцеловала его в затылок. Он застонал от удовольствия. Повернулся к ней, расстегнул пуговицы на ее шелковой рубашке. Заметил вслух, что сам больше не носит шелковых рубашек, перешел на лен с хлопком. Бросив шелковую рубашку на пол, Лиза подошла к шкафу и, перебрав несколько плечиков с одеждой, выудила оттуда льняной пиджак. Накинув его на голое тело, она подумала: «Сегодня вечер с переодеваниями. Сможем ли мы среди вороха одежд найти то волшебное одеяние, что вернуло бы нас в прошлое?»

Джордж встал, сбросил туфли и снял брюки. Лиза обратила внимание на его ноги – слегка истончившиеся, но по-прежнему стройные, пропорциональные, с развитыми икрами, точенные, как у скульптуры. Он слегка набрал в весе за последние годы, но это не портило его. Может, еще поцеловаться? Да, так хорошо. Приятно. Она покраснела от поцелуев, ей стало жарко в льняном пиджаке. Заменяя его снова на шелковую рубашку, она забрала волосы наверх, заколов их на макушке шпилькой. Наполнив бокалы, она посмотрела на часы. Было поздно, около часу ночи. Ей казалось, что в том огромном мире, что начинается за плотно задвинутыми, тяжелыми портьерами, никого нет. Они оказались одни, без зрителей, наедине с собой и друг с другом. В их свидании наступил антракт.

В этот раз все вдруг стало по-другому. Не хватало чуда, способного подтолкнуть их в объятия друг друга, чтобы все оказалось, как прежде. Оба гадали, как пригласить другого оказаться под простынями и стоит ли это делать?

- Несмотря на твои деньги, я не собираюсь закрывать свою контору, - вдруг сказал Джордж. - У меня полно незаконченных, - он немного помялся и потом произнес свое любимое слово, - проектов.

- Вот и прекрасно. Я и не хочу, чтобы ты уходил на пенсию. Я буду рисовать, ты будешь продавать и покупать, что ты там продаешь и покупаешь. Мы оба будем заняты, но будем вместе и будем счастливы. - С помощью несвойственного ей оптимизма, Лиза старалась побороть тягостное состояние духа.

Джордж тоже выглядел уныло. Охотник без охотничьей собаки. Когда-то она таскала ему дичь, которую он не замечал. Ему было лень нагнуться, чтобы поднять ее с земли. Теперь, вместо дичи, она притащила ему клад. Лиза догадалась, что сейчас он обидит или унижит ее. Она насторожилась.

- По-прежнему дружишь с мафией? - Джордж смотрел куда-то в сторону.

- Если я и дружила с мафией, как ты выразился, то только ради твоих проектов. Потом они помогли мне встать на ноги с моим турагенством. Да и не мафия они. Мафия, Джордж, это другие люди. Они большие посты занимают и странами руководят. Ты останешься на ночь?

- Нет, - отрезал он.

- Хочешь сказать, что именно сегодня тебе надо домой?

- Именно так. Ариадна сказала, что приготовит салат для меня. У меня холестерин в крови подскочил, приходится сидеть на диете. Все эти вкусности, что я привез, теперь не для меня.

«Десятка слов не сказано у нас,
А как уже знаком мне этот голос!»

Лиза почувствовала, что в ее мозгу что-то взорвалось и по телу начали растекаться горячие волны гнева. Стараясь не опуститься до склоки с ним, она отчетливо поняла, что он никогда не оставит свою жену, стоически пережившую все его измены. Как видно, затянувшиеся боевые действия, то есть период измен, не только сблизил их, Джорджа и Ариадну, но сделал почти что фронтовыми друзьями. Они останутся вдвоем, потому что знают, что можно ожидать друг от друга. Настал мирный период салатов, подсчета калорий и отслеживания уровня холестерина.

Она сама намеревалась посоветовать ему не разводиться, а он и не собирался. Так чем же будут годы, которые они собираются провести вместе? Чем тогда была их помолвка у моря? Только один из них мог врать, другой должен был играть по правилам. Оказывается, они оба пытаются перехитрить друг друга.

Возможно, она запоздала со своей мстостью? Может, ему уже все равно? Зачем менять привычный мир? Зачем просыпаться по утрам с молодой, красивой и богатой женщиной и весь день гадать, что она вытворит и что ей взбредет в голову? Ведь ее капризы надо будет исполнять. Десять лет назад он убеждал ее, что брак его был мертв, сейчас, кажется, он убеждает ее в обратном...

Теперь было абсолютно ясно, что произошло десять лет назад. Объявив свой брак мертвым, Джордж не подозревал о том, что она примет его слова всерьез, ему лишь надо было, с помощью привычного вранья, ничего для него не значащей фразы, расчистить путь к ее телу. Она же легко поверила, потому что ей так было удобно. Его обещание развестись устраняло все ее сомнения. Это все равно, что подписать контракт, не читая его. Обе стороны были слишком нетерпеливы в

обуревавшем их желании соединиться телами, чтобы быть до конца честными касательно своих намерений.

Тем временем Джордж пошел в спальню. Лиза так и не удосужилась купить кровать. Он сдернул покрывало с матраса, занимавшего полкомнаты, вернулся, взял ее за руку и повел ее за собой. Холодные простыни обожгли разгоряченное тело, ее кожа покрылась мурашками. Она была спокойна и немного пьяна. Он стал целовать ее шею и грудь. Она ничего не почувствовала.

Ей хотелось, чтобы он был нежнее, внимательнее, умнее. Было бы здорово повторить их первую ночь, проведенную в номере гостиницы посреди заснеженного Киева, но, если нет, если не получается, если уж не случилось разгореться страсти, тогда пусть бы сначала переплелись их мысли, а уж потом тела. На этот раз не только плотские желания, но жизнь разума и духа были для нее важны. Отодвинувшись, она сказала:

- Знаешь, я благодарна тебе за то, что мы остались друзьями. Лежим, разговариваем. Мне не хватало твоих настроений и твоего молчания. Мне недоставало твоей мудрости, – слукавила она, поддразнивая его раненное самолюбие. – Вспоминая наши с тобой разговоры и скучая без них, я поняла, как это здорово, когда рядом – умный человек. Мы оба наизусть знаем всю гамму чувств, которую может пробудить в нас интимная близость...

- Секс, - поправил Джордж.

- Ну, хорошо, секс. Думаю, я пережила с тобой самые лучшие мгновения. В любой момент я могу представить себе завершающий аккорд любви и проиграть его в уме.

- Ты имеешь в виду оргазм? – опять поправил Джордж.

- Да, его, не перебивай меня. Теперь мне иногда кажется, что мое тело стало слишком ленивым для того, чтобы потрудиться и заслужить наслаждение. В конце концов, что такое оргазм? Что-то наподобие экзотического фрукта, который мне не раз довелось отведать. Да, я знаю его вкус, но игра двух развитых умов гораздо занятнее, чем секс. Больше возбуждает и больше удовлетворяет. Разговаривая друг с другом, рассказывая друг другу о том, как мы понимаем мир, о своих вкусах, мыслях, сомнениях, даже ругаясь, мы занимаемся той же любовью, лаская и возбуждая друг друга словами. – Лиза негромко засмеялась.

Закрыв глаза, она на мгновение подумала, что он разгадал ее издевку. На этот раз роль ей давалась легко, она мстила ему за страшную обиду, за то, что ее любовь оказалась ему не нужна. Услышав его голос, она открыла глаза.

- Я старался помочь тебе своими советами, но ты никогда не прислушивалась к ним, - скромно заметил польщенный Джордж.

- Ты ошибаешься, я всегда принимала их всерьез! - выкрикнула Лиза. Этим неожиданным криком она постаралась заглушить свой смех.

- Ты врешь! Ты мне сейчас врешь! – разъярился в ответ Джордж. Он посмотрел на нее косым, подозрительным взглядом. Он учил ее тело исторгать для нее удовольствия, откуда вдруг эта тяга к разуму? Не от инвалида ли? Теперь он ее покровитель и наставник. – Если бы ты слушала меня, все было бы по-другому.

- Что было бы по-другому?

- У нас уже давно были бы деньги!

- Ты что, совсем ничего не помнишь, или придуриваешься? – не выдержала Лиза. – Да и потом, какая разница? Я же оправдала твои надежды! – внезапно ее крик прервался не смехом, а слезами.

Джордж молчал. Им овладела апатия, он не мог пересилить себя. Он чувствовал себя беспомощным. Лиза улыбнулась – она что-то задумала. Вынула шпильку из волос, они рассыпались по ее плечам. Ее соски набухли и затвердели,

она все еще была влюблена в свои воспоминания. Джордж, наблюдая за ней, попробовал возбудиться на свой лад. Это был его последний шанс.

- Думаю, мне пора, - сказал он, поднимаясь с матраса.

«Мне надо удалиться, чтобы жить,
Или остаться и проститься с жизнью».

Этого она не ожидала. Не того, что он может уйти, а самой фразы. Это уже было, столько раз было! Déjà vu заключалось в том, что он любил испугать ее своим уходом в самом разгаре их свидания. Ему доставляло удовольствие наблюдать за тем, как она менялась: в ее глазах появлялся неподдельный испуг, ее душа содрогалась, а только что целованные губы укоризненно поджимались. Она умоляла его остаться. Его непредсказуемость и бессердечность возносили его над женщинами, отчего он и возбуждался. Их мучения его не трогали, он считал их естественной платой за подаренную им любовь.

Лиза разозлилась. Он не изменился. Изменилась она.

- Вот и хорошо. Скатертью дорожка. – Она спокойно и твердо смотрела ему прямо в глаза. – Без тебя мне будет лучше.

Джордж снова опустился на матрас, прозрев насчет того, что его старые уловки на нее больше не действуют. Он принялся ласкать ее, она же думала о другой ночи.

Она вспоминала, как лежала на свалывшихся простынях, содрогаясь от восторга, он стоял рядом с ней на коленях, его спутанные волосы упали на его черные глаза, пылавшие страстью, его губы и руки скользили по ее разгоряченному телу, исторгая из него муки радости. Забывшись в агонии страсти, она хотела полностью отдаться в его власть, и пусть будет, что будет! Пусть этот дьявол с горящими черными глазами берет ее с собой куда угодно, в неизведанное, в потустороннее! У той ночи не было конца. Та ночь была из немногих, подаренных им с щедростью, испытанных ею без остатка. В ту ночь он был ее истинным любовником, преданным, неутомимым, единственной радостью которого было отдавать, отдавать, отдавать! Тогда он любил ее, она была в этом уверена. Когда забрезжил рассвет холодного зимнего утра, ее голова покоилась у него на плече. Он курил и что-то тихо ей говорил. Она была совершенно, изумительно счастлива.

Сейчас ей нужна была вся ночь до самого утра, чтобы вспомнить, откуда родом ее любовь, чтобы оттаять, чтобы захотеть любить. Чтобы признать в нем своего любовника и отдаться ему. Несколько поспешных и знакомых ласк не могли вернуть ее в прошлое. Этого было мало. Он кончил, возвестив об этом короткими, задушенными стонами. Хорошо, что у него получилось. Но для нее этого мало. Очень мало. Но,

«Пока пусть пострадавшие молчат».

Догрызая остатки страсти, она положила голову ему на плечо. Было бы хорошо заснуть вместе, и проснуться в его объятиях. Не испытывая больше никаких чувств и желаний, она хотела только одного – заснуть, как это делают животные, прижавшись друг к другу, чтобы ощущать рядом чье-то присутствие, тепло и размеренное дыхание. Тогда, кто знает, может быть, и ей удалось бы вспомнить, откуда родом ее любовь.

Джордж поднялся и залпом допил вино. Принял душ, намылившись ее гелем для душа. Выйдя из ванны, пожаловался, что у геля слишком женский запах. «Ареадна может унюхать», - отметила про себя Лиза.

Набросив банный халат, она закурила. Джордж, освежившись под душем, оделся, взял портфель со стула и ушел. Их свидание подошло к концу.

Она вспомнила, что любила мужчину, который, занимаясь с ней любовью, сказал ей между поцелуями, что не знает, чего хочет на самом деле. Может быть, поселиться одному на необитаемом острове...

Она вспомнила, что любила мужчину, который почти всегда, после близости с нею, садился в машину и уезжал, хотя мог бы остаться...

Она вспомнила, что любила мужчину, которому однажды, после ночи любви, было лень отвезти ее в аэропорт. Он ушел, оставив на тумбочке деньги на такси...

Джордж вернулся. Он забыл ключи от машины. Ему также показалось, что он должен предложить ей пообедать вместе.

- Как насчет рыбного ресторана завтра? Там и обсудим наши планы. Потолкуем, как год коротать будем, помечтаем. Когда мне за тобой заехать? – помолчав, он добавил, – ты знаешь, а я все еще люблю тебя.

Лиза посмотрела на него и очень серьезно сказала:

- Я тоже люблю тебя. Заезжай к двенадцати, я буду готова.

Когда за Джорджем закрылась дверь, она раздвинула портьеры и вышла на балкон. Воздух был холодным и влажным. Она заметила маленькую фигурку Джорджа внизу, на улице, среди припаркованных автомобилей. Он долго возился с замком, дверца машины почему-то не открывалась. Заметив ее, он помахал ей рукой, крикнув: «Завтра, в двенадцать».

Ей вдруг очень захотелось свиснуть. Набрать в легкие воздуха и, что есть мочи, свиснуть, да так, чтобы этот резкий звук не только рассек ночную тишину, но и, как кинжал, по самую рукоятку вошел в сердце того, кого она так страстно и долго любила. Усилием воли она сдержала свой порыв. Продолжая стоять на балконе, она подумала, что исполнение ее мести зависит от того, будет ли Джордж ждать еще год?

- Будет, - произнесла вслух она.

Его сегодняшний выпендрег со всеми уловками из прошлого, ее не впечатлил. Джордж был раздосадован неожиданной отсрочкой их совместной райской жизни, но он подождет – свое последнее большое приключение он не пропустит.

Глава 26.

Грани ее души.

В течение года, последовавшим за их свиданием, произошло много значительных и незначительных событий.

Прежде всего, мир потрясла неслыханная жестокость, случившаяся 11 сентября 2001 года. Страшный теракт в Соединенных Штатах, осуществленный пилотами, прошедшими обучение в самих Соединенных Штатах. Четыре самолета, девятнадцать террористов-самоубийц, около трех тысяч погибших. Подлость терактов состоит в том, что убийцы, кто бы они ни были, выступая против систем, политики правительств и чужой веры, убивают не представителей систем или членов правительств, а простых смертных. Проснувшись утром, ничего не подозревающие люди пьют кофе, собирают детей в школу и идут на работу. Они

салятся в автобусы, которые взлетают на воздух, или приходят в офисы, в которые врезаются самолеты. Неужели террористы не понимают, что, стоящим во главе систем и их олицетворяющим, на своих соотечественников наплевать и никакой акт насилия ничего не изменит ни в системах, ни в политике правительств, ни в восстановлении справедливости? Они, конечно, это понимают, но совершают свои преступления не для того, чтобы докричаться, достучаться и изменить мир на более справедливую его разновидность. Они приносят в жертву ни в чем не повинных людей и себя для того, чтобы отомстить, обратить на себя внимание, посеять страх и попасть в объятия своего молчаливого бога.

Пока мир застыл в ужасе и недоумении, отчаянные журналисты-правдоискатели, сумевшие остаться в стороне от всеобщей медиазаразы, начали задавать неудобные вопросы и проводить собственные расследования. Основываясь на оценках экспертов, они утверждали, что башни Торгового центра не могли обрушиться подобным образом только из-за того, что в их верхние этажи врезались самолеты. Чтобы высотные здания упали так, как упали башни, должны были произойти взрывы в самих башнях, причем на нижних этажах. Впрочем, очень скоро они замолчали, поскольку появился миф о Бен Ладене и весь ор и гнев был взят под контроль и направлен в русло ненависти к тому, кто стал воплощением зла. Через несколько лет лидер «свободного мира» вместе со своими союзниками обрушится на две страны – Ирак и Афганистан. Эти войны, начатые под сомнительными предлогами, принесут много горя жителям этих стран, вызовут волну миграции, разрушат культуру этих стран и обернутся большими потерями для тех, кто пришел мстить в ответ на месть. Не беда ли демократий в том, что их лидерами все чаще становятся люди, для которых цель всегда оправдывает средства? И чем дальше, тем больше...

Говорят, что тем сентябрьским днем мир изменился. И, правда, мир стал другим, только он не изменился сам, нет, мир был изменен. Оставшись таким же, как и прежде, наверху, он был кардинально изменен внизу. Американским гражданам тут же навязали решение проблемы: «чтобы защитить нашу свободу, надо ее ограничить». Честнее было бы сказать «вашу свободу», но идеологи всегда немного хитрят. Эта словесная абракадабра, поданная в форме лозунга, одна из многих, что не имеют смысла и содержат в себе противоречие: если у тебя уже нет свободы, то что тогда защищать?

Сбившийся в стадо, перепуганный и растерзанный горем народ, поверил в то, что свободу надо отдать, иначе ее никто не защитит. Не ищите в этом всем логику, ее нет, но есть приткая пропаганда, легко и быстро взлетевшая на пьедестал из страха. И вот американцы, а, вслед за ними, жители других континентов, передали свои свободы своим государственным машинам. Но мы же понимаем, что государство – это не химера, это вполне определенные законы, свод правил и группа лиц, во главе которой стоит некое лицо, победившее на последних выборах. Государственная машина перезагрузилась и, в одночасье, «большой брат», который раньше только подглядывал, превратился в «надзирателя», который стал контролировать каждый шаг, подслушивать каждое слово и каждый вздох, распознавать лица и угадывать намерения.

Согласие каждого отдельного гражданина на то, чтобы за ним осуществляли тотальную слежку, «надзирателю» было не нужно. Было создано министерство Внутренней безопасности. В обход народов, был принят Патриотический Акт – специальный закон, разрешающий «большому брату» все: 1. ваш дом могут обыскать без ордера, достаточно лишь вашего присутствия. 2. вас могут задержать без предъявления обвинения. 3. вас могут задержать на любой срок без предоставления адвоката. 4. вас могут пытаться на основании того, что вы

подозреваете в терроризме. Так и просятся параллели с приходом Гитлера к власти. В 1933 году произошел поджог Рейхстага, в котором обвинили коммунистов – красных террористов. После этого, с целью «защиты» немцев, было создано Гестапо и развязано несколько превентивных войн. Коммунисты, по большей части, своими собственными руками создали себе славу «террористов», именно поэтому и были использованы нацистами, как предлог укрепиться во власти. Одно зло было использовано другим злом: «Зло угрожает каждому взрослому человеку и даже ребенку нашей нации, мы должны предпринять шаги по обеспечению безопасности и защите нашей Родины», - эти слова Гитлер произнес по поводу созданного им Гестапо.

Вот так пустили пыль в глаза доверчивым и послушным обывателям, которые редко, когда сходили с пешеходной дорожки и исправно платили налоги. Добровольная передача своих свобод, якобы для их защиты, положила начало цифровой диктатуре, когда вся информация и принятие решений сосредотачиваются в одних руках. К чему может привести цифровая диктатура? К внедрению в организм каждого гражданина биологических нано роботов или чипа радиочастотной идентификации, завязанных на деньгах. Стоит такому гражданину с чипом послушаться или выйти на протест, его банковские счета будут тут же заморожены и он останется без копейки, то есть, без средств к существованию.

Впрочем, уже через каких-нибудь несколько лет, фантастика станет реальностью. Добровольно отданные свободы аукнутся тем, что право народов на протесты заметно усекут, обязав их согласовывать место и дату будущего протеста с теми, против кого эти протесты направлены. Однако не это требование убьет протесты. Их убьет страх. Камеры будут фиксировать лица, а база уже собранных данных и социальные сети с их бесшабашным эксгибиционизмом, помогут тут же вычислить место работы и жительства любого протестующего. Кого арестуют, кого запугают, кого уволят. Боясь потерять работу, недовольные массы будут выходить на протесты исключительно по выходным. В таких протестах не будет никакого смысла, они не принесут никаких результатов, а, главное, эти протесты никак не заденут власть предрержащих и не отменят антинародных законов, за которые власть предрержащие проголосовали. Поголовная слежка, призванная выявить террористов, будет применена, прежде всего, против тех, чьи свободы обещали защитить.

Однако, мы забежали немного вперед. Вернемся в 2001 год, который подходил к концу, и к нашим героям.

Старшая дочь Джорджа Альягаса вышла замуж и покинула отчий дом, его младшая дочь училась за границей. Он маялся в пустом доме вдвоем с Ариадной, считая дни до окончания срока, установленного Лизой. Они часто виделись. После их неудачного свидания, оба успокоились. Поняв, что былую страсть нельзя вернуть, они стали друзьями-любовниками, которые, встретившись, не спешат оказаться в постели. Ждать им было уже нечего, все устроилось. Они часто ездили за город, наслаждались медленной трапезой в какой-нибудь таверне у моря, гуляли и разговаривали. Они стали походить на супругов, успевших хорошо друг друга узнать, но еще не почувствовавших опустошенность, а потом и ненависть друг к другу. Покой в их отношениях сделал их близость желанной, наполнив ее страстью, но уже совсем другого рода. Это была страсть, которая не сжигала, но грела.

Лиза много работала и не торопилась расставаться со своим одиночеством. В октябре Игнат обвенчался со своей любимой и единственной женщиной. Лиза была приглашена, но не поехала. Почему? Из-за вранья своего сына,

зарегистрировавшего свой брак гораздо раньше, еще весной. Она ведь понимала, что теперешнее венчание организовано лишь для отвода глаз. Ей пришлось сказать Игнату, что она обо всем знала и, когда тот понял, что его вранье было раскрыто, не нашелся, что ответить. Впрочем, ответ был известен обоим – тайная женитьба была уловкой Лары, опасавшейся, что ее будущая свекровь помешает осуществлению их намерений. Игнат и Лара венчались в той же старинной церкви, где венчались Лиза и Адам. Не только выбранная ими церковь, но все последующее торжество было повторением большого события, четыре года тому назад взбудоражившего весь Киев. Однако повторить венчание своей матери Игнату и его жене не удалось – все вышло гораздо проще и намного безвкуснее. Когда Лиза и Адам устраивали торжественный прием в здании Филармонии, к ним съехался весь Киев, включая иностранных дипломатов и членов правительства. К Игнату пришли родственники его жены и несколько друзей. Зачем было городить это венчание, если они уже были с весны женаты и отметили это событие с ее семьей? Ее родители знали, а сказать своей матери Игнат не посчитал нужным. Раз он не захотел поделиться с ней радостью, скрыв свое бракосочетание, она не захотела разделить с ним его запоздалый праздник для обманутых и несведущих. Оплатив их свадебное путешествие, она отделалась дорогим подарком.

Отказ Лизы принять приглашение своего сына был восстановлением справедливости, когда обманутый противостоит обманщику, возвращая себе достоинство и право не быть дураком. Тот, кто обманывает, возможно, не сознавая этого, имея, как ему кажется, веские причины для вранья, всегда унижает объект своего вранья, делая его недостойным правды. Бывает, люди врут из-за собственной трусости, это хуже всего. Как бы там ни было, когда обман раскрывается, в дураках остается обманщик. И как-то ему или ей с этим приходится жить.

Лиза часто виделась с фон Нарвицем. Их дружба крепла, они уже не представляли, как могли так долго обходиться друг без друга. Эдмунд никак не комментировал ее желание потратить два года жизни на свой каприз. Да, он считал это капризом, несмотря на то, что Лиза объяснила, насколько для нее важно вернуть уважение к себе. Ей было необходимо выбраться из ипостаси жертвы. Если взять и объявить, что ты больше не жертва, ничего не произойдет, как была, так и останешься жертвой. Жертвой надо перестать быть, а для этого надо что-то сделать. Вот она и делает. Нарвиц посчитал, что Лизе нужны эти годы, чтобы попроситься с физической формой любви, с суетой и с людьми. Она уже свернула на дорогу одиночества, но, идя по ней, все еще оглядывается. Ей же следует смотреть только вперед, расширяя свой внутренний мир и совершенствуя талант, потому что ее место в этой жизни уже намечено, роль определена и ждет своего воплощения. Эдмунд фон Нарвиц ни в коем случае не стремился стать ее ментором, нет, он просто понимал ее человеческую ценность и не хотел, чтобы она попусту растрчивала себя на таких, как Джордж.

Не слушая Нарвица и доводов разума, Лиза упорствовала и, по прошествии года нашла уютный дом с садом и бассейном в Экали, подписала договор об аренде, купила мебель и все необходимое из кухонной утвари, и, только переехав сама, пригласила туда Джорджа. Он был впечатлен. Правда, им была предпринята попытка оставить все, как прежде – он будет жить с Ариадной, а к ней будет заглядывать несколько раз в неделю. Лиза наотрез отказалась от такого плана – или он переезжает, или исчезает из ее жизни навсегда. Джордж переехал. С этого момента баланс и справедливость стали восстанавливаться. Она больше не была неудачливым партнером по бизнесу, которая никак не может добиться результатов и заслужить жизнь вдвоем с любимым ею человеком. Джордж тоже больше не был

успешным предпринимателем и великолепным любовником. Она стала известным художником, а он – очень посредственным бизнесменом. Она становилась личностью, а он увядал вместе со своей наукой о любви. Приобретая славу, она становилась самостоятельной и обеспеченной, а он терял свой апломб и считал карманные деньги, поскольку Ариадна сняла его с дотации. Иногда она спрашивала себя – как Ариадна сумеет вмонтировать последнюю измену своего супруга в свой вечный брак?

Тут самое время сказать о сути той любви, что десять лет тому назад поразила сердце главной героини нашего романа, повзрослевшей на дрожжах сильных чувств, эмоций и переживаний. Она полюбила, как заболела, до боли, до отчаяния. Это была, если хотите, слепая привязанность к человеку, не заслуживавшему такой любви. Кажется, Бальзак сказал, что отдал бы за иную женщину всю душу и пошел бы на любую муку, а женщины «избирают любовниками дураков, которых я не взял бы даже в швейцары». Джордж был не совсем «швейцаром», просто тогда, десять лет тому назад, Лизе не было дано рассмотреть истинного Джорджа. Превратности судьбы пошли ей на пользу, развив в ней не только ум, но и характер – жесткий и самокритичный. Ей удалось стать сдержанной и неуступчивой женщиной. Поэтому она не дала своей слепой любви к недостойному мужчине растоптать себя.

Она не могла и хотела отказываться от мести, поскольку, как художник, любила симметрию, завершенность и совершенство. Эта часть ее жизни, как и любое полотно, должно быть завершено. Мечь Джорджу была ее последней уступкой себе. После этого она с удовольствием раскроет объятия одиночеству и отвернется от людей. Ее развитый и независимый ум заставит ее оценить одиночество как высшую благодать.

Поскольку эта мечь или восстановление баланса, было не только ненужным, но и нелегким для нее испытанием, она закрывалась с бутылкой красного вина в своей студии, рисовала или записывала свои мысли в Дневник, представляя себя в окружении великих. Эти магические ночи спасали ее от бессмысленности ее мести, ведь Бог уже все, что надо, сделал сам. Ей осталось немного доделать, восстановив баланс. Итак, наслаждаясь по ночам одиночеством, вот о чем она думала и вот что писала:

«17 ноября, 2002 года.

Говорят, тело едино, но душа – отнюдь. Как говорил Герман Гессе «душа – это маленькое небо с мириадами звезд, хаос из наследственного и возможностей».

Мне иногда кажется, что я проклята и благословлена одновременно. И то, и другое будет верно. Моя душа многосложна и многогранна. Я никому об этом никогда не рассказывала, иначе меня посчитали бы сумасшедшей. Боюсь ли я прослыть умалишенной? Большинство людей и так ненормальные, причем не скрывают этого, чего же мне бояться? Никто даже не заметит. Моя ненормальность заключается в том, что во мне живут сразу несколько персонажей, от которых я не отрекаюсь. Напротив, я признаю их существование и люблю их.

В чем же ненормальность большинства, живущего безотрадной и загубленной жизнью? В смиренной покорности – покорности, как обязательной и довлеющей составляющей их судеб. Их взгляды строго ограничены и искусно подогнаны к нуждам власть предержащих. Это трагедия маленьких и беззащитных людей, потому что смирение – это каждодневное самоубийство.

Итак, во мне живут три разных существа. В реальности трое подобных людей никогда не смогли бы ужиться вместе. Однако внутри меня они вполне ладят, каким-то непостижимым образом дополняя друг друга и помогая друг другу, и только третий, который, слава богу, появляется не так часто и приходит ко мне исключительно с южными ветрами, совсем уж отмороженный тип, разрушающий не только мое тело, но и сознание. После его прихода или, вернее, после его ухода, я трудно возвращаюсь к нормальной жизни. Вернуть интерес к собственному бытию я могу только одним способом – обратясь к спасительной дисциплине, которой я свято следую, и к чистоте, которую я свято блюду. Да, чтобы выстоять, нужна дисциплина.

Однако, все по порядку.

Один из тех, кто живет во мне, вероятно, мужчина. Он не любит выходить из дому, живет особняком, ненавидит довольство и смирные дни, когда ничего не происходит, ничего не тревожит душу, не воспаляет воображения, когда не гремят яростные бури и грозы. Как сказал де Виньи – «В жизни бывают минуты, когда горячо желаешь самых сильных потрясений, чтобы отвлечься от мелких невзгод; бывают дни, когда душа, устав, подобно льву из басни, от беспрестанных нападений мошкары, жаждет более мощного врага и со всей страстью призывает опасности». Мой внутренний житель не любит тех дней, когда моя душа не растерзана чувствами. Чувства всегда были моим слабым местом, они помещаются в одном и том же сознании, заполняя одну и ту же голову. Мою или его? Этот житель моих внутренних чертогов счастлив, когда больше всего несчастлив. Он не любит рано вставать, потому что по утрам он напрочь лишен энергии и наполнен тяжкими мыслями, то есть, он полон *моими* мыслями, которые загоняют *меня* в тупик. Я могу просто так, проснувшись утром, быть абсолютно несчастной. В чем проблема? В тяжелых, непроснувшихся мыслях, порождающих испуганные чувства, и в моем развитом воображении, неспособном блокировать страхи. Поэтому для меня очень важно начать день, не спеша, и обязательно с определенного ритуала. Бывают дни, когда мне не хочется расставаться с утренними снами, зачастую, они более интересны, чем житейская проза, даже, если все эти ночные фантазии навевают смутную тревогу. Впрочем, сны интересны только тем, кто их видит.

Этот индивидуалист, живущий во мне, не любит прогулок и общество людей. У меня возникло впечатление, что он много видел и много знает, поэтому ему не интересны поверхностные и пошлые увлечения толпы, для него просто невозможно присоединиться к ликующей публике в день какого-нибудь национального праздника. Ему претит пустая болтовня, лишённая мыслей и идей. Ему также невозможно жить по расписанию и подчиняться другим. Последнее время он начал интересоваться политикой. Не в том смысле, что он хочет присоединиться к какой-либо политической силе – нет, стать членом какого-либо объединения для него невозможно. Однако он начал узревать начало великого кризиса, который пока еще только исподволь, но уже подтачивает устои мировой политической системы. Он считает, что для того, чтобы спасти народы, надо избавиться от политических партий, вернув людям ответственность за свои державы. Другими словами, избавиться от посредников.

Когда этот человек наполняется тоской, я чувствую, что мне начинает «тянуть» душу. Как ревматизм выкручивает ноющей болью кости, такая же ноющая боль «тянет» мне душу. Живущий во мне человек наполняет ее неистовыми желаниями и бешеной злобой на тусклую, мелкую, глупую, одинаковую и монотонную жизнь. Как только он во мне просыпается, я иду в ту комнату, что обустроила под мастерскую, и начинаю рисовать. Это одно из немногих приключений, которое я могу ему предложить.

Проводя первую линию на холсте, я бросаю порцию еды в его ненасытное чрево. Он застывает в ожидании, ведь первая линия для художника, как и первая фраза, оставленная на бумаге писателем – начало увлекательного или малозначительного приключения.

Его можно утихомирить захватывающими событиями, но, поскольку таковых в моей жизни в данный период нет, я его отвлекаю воспоминаниями о том, что уже произошло или потрясло меня. Я не всегда хочу вспоминать, потому что многие воспоминания доставляют мне боль.

У меня есть еще один, беспроегрышный способ заинтересовать жителя моих внутренних чертогов, который временами *going troppo*. Запереть дверь в мою студию, запастись бутылкой вина, обложиться книгами и пригласить в гости великих. Но об этом я расскажу немного позже».

«25 декабря, 2002 года.

Наравне с мужчиной, жаждущим страстей, во мне живет еще один человек, скорей всего, женского пола. Эта женщина любит красивые вещи и боготворит чистоту и порядок. Она любит благопристойность и обузданность чувств. Она любит выпить бокал вина, не опьяняя при этом разум. Для нее является настоящим наслаждением пройтись по только что убраным комнатам, немного сдвинуть какую-нибудь вещицу, поправить корешок неровно стоящей книги, переставить вазу с цветами. Она не позволяет мне быть неряшливой или нечистоплотной, она не может готовить восхитительно вкусную еду на грязной кухне или писать, если все кисти не были накануне вымыты, а палитра не просто выскоблена, а буквально вылизана. Имея внутри себя такую жительницу, я могу показаться мещанкой, для которой уют гораздо важнее творческих мучений, когда беспробудно пьешь, сходишь с ума, утопаешь во вселенском трагизме и забываешь о течении времени. Что ж, так тому и быть.

Самое интересное заключается в том, что эта женщина хорошо знакома с избранными, являющимися завсегдатаями моей мастерской. В самый разгар ночной беседы или работы над картиной, я вдруг ощущаю голод. Кажется, Шиллер говорил, что его тело отвлекает его мозг. Впрочем, возможно, он имел в виду совсем не еду... Так вот, как только мне захочется проглотить чего-то съестного, женщина подхватывается и идет на кухню готовить бутерброды. Я прерываю творческий процесс, выхожу на веранду и в четыре часа утра с удовольствием утоляю свой голод. Затем я возвращаюсь в свою мастерскую и продолжаю с того места, где остановилась.

Я все замечаю, все исправляю и все привожу в порядок. Я не могу заснуть на несвежих простынях или видеть опавшие листья на своей веранде, разве что они достаточно живописны для того, чтобы их нарисовать. В любой момент я могу оторваться от работы над холстом, чтобы помешать готовящуюся на плите еду или навести порядок там, где, как мне кажется, его не больше существует. Когда я рисую или накладываю мазки, я думаю о чем угодно, но, когда я занята чем-нибудь другим, я постоянно думаю об эскизах или картине, над которой сейчас работаю.

Уже некоторое время эта женщина хочет поделиться своей радостью – наконец-то пришли вещи из Киева!»

«15 февраля, 2003 года.

Еще в прошлом году я решила перевезти свои вещи. Игнат упаковал все, что принадлежало лично мне. Когда ящики были упакованы, он упрекнул меня в том, что мои желания создают для всех неудобства, в частности, для его женщины, которой приходится обходить нагроможденные посреди комнаты коробки. Ей, видите ли, неудобно ходить по моей квартире среди коробок с моими вещами! Возможно, ей также неудобно спать в моей кровати, готовить на моей плите и смотреть мой телевизор? Принимать душ в моей ванне и вытираться моими полотенцами? Я бы с удовольствием избавила ее от этих «мучений», но на таможне сказали, что проверят каждый лист каждой книги, вдруг мы вывозим государственные секреты, написанные симпатическими чернилами между поэтических строк. Боже мой, Украина продолжает жить по чекистско-гэбистским законам! Мне очень хотелось получить свои вещи. Я соскучилась за ними. Они мне дороги, как если бы они были живыми существами, они – словно близкие мне люди. Когда коробки были выгружены из грузовика и перенесены в дом, мы – мои вещи и я – плакали счастливыми слезами. Мне особенно хотелось получить старые фотографии и книги.

Вместе с вещами приехали несколько ящиков с документами. Они напомнили мне о той трагическом времени, когда исчез Адам. Документы касались моего офиса и, совсем не желая того, мне пришлось опять окунуться в ту атмосферу ненависти, что была спровоцирована исчезновением моего супруга. Как мы были наивны и как расчетливы и хитры те, к кому мы были так расточительно щедры. Они нас предали в первую же минуту, переметнувшись на сторону Иезуитова, надеясь на то, что он им будет платить так, как это делали мы. Используя их в качестве стукачей, он их всех уволил. Увы, их предательство не окупилось. Негодяйство редко окупается.

Я смотрю на старую черно-белую фотографию, сделанную в саду нашего Измаильского дома. На ней мой любимый дед Никита, ушедший из жизни почти тридцать лет тому назад, когда мне было девять лет. Смотрю на лицо своего отца, расставшегося с моей матерью, когда мне было пятнадцать, и я не знаю, где он сейчас и жив ли вообще. Смотрю на лицо Анны, которой в ту пору было немногим более сорока. У нее опухшее лицо, тогда она страдала сильными мигренями. И смотрю на лицо пятилетней девочки с косичками, пытаюсь узнать себя. Жизнь разлучила меня с этой девочкой. Я не понимаю, что на фотографии это – я. Навсегда утерянная, утраченная я, как ребенок, которого похитили и никогда больше не вернут. Это – ужас, о котором не хочется думать но, в то же время, мое детство, которое ушло навсегда, это – милость судьбы. Это – время и люди, которых никто никогда не вернет. Это прожитая жизнь, а впереди только смерть. Этой девочки больше нет, скоро не будет этой тридцативосьмилетней женщины, что разбирает вещи. Скоро появится пожилая дама, потом старуха, а потом и она исчезнет. Постоянная ускользающая связь с самой собой сводит с ума.

Я хватаюсь за соломинку – у меня есть воспоминания. Даже, если нет ни гроша за душой и крыши над головой, мы все равно собственники, поскольку каждому из нас безраздельно принадлежат воспоминания. Ни один суд и ни один коллектор не может их у нас отобрать. Сартр сказал, что прошлое – это роскошь собственника.

О, да, ближе к сорока, начинаешь вспоминать. До сорока живешь, накапливая впечатления, редко вспоминая детство или какой-нибудь случай из жизни. А, если вспоминаешь, то со смехом, без тоски. Воспоминания трогают тебя сначала невзначай, потихоньку, а потом вдруг наваливаются, обрушиваются лавиной и не знаешь, куда от них спрятаться. Вспоминаешь все: улицы, по которым ходила, как

была одета в тот или иной день, людей, с которыми разговаривала или с которыми молчала. Воспоминания – это подарок.

Я не истязую себя ненужными страданиями, а, если горести или даже беды приходят в мою жизнь, я не впадаю в отчаяние, причитая, что мне свет не мил, но стараюсь найти выход. И помогает мне в этом тот мужчина, что не любит покой и размеренность. Когда жизнь особенно сильно бьет меня, а я должна признать, что порой удары судьбы бывают грубы и бессмысленны, я горько плачу. Каждый человек считает страдания, выпавшие на его долю, самыми несправедливыми и суровыми. Так и я... В такие минуты глубочайшей тоски и обиды мне на выручку приходит женщина, живущая во мне, она идет на кухню и ставит на плиту чайник. Выпив чаю с молоком или маленькую чашечку горького кофе, я успокаиваюсь, сажусь рядом с мужчиной и начинаю вместе с ним думать, как нам выбраться из сложной жизненной ситуации.

Мой мир разумен и вполне нормален. Мой талант или, лучше сказать, Богов дар, сочетается с моей педантичностью и встроеной в меня дисциплиной. Вероятно, все это называется гигиеной духа. Обуздывая свои чувства, я, как все люди с тонко организованной душой, часто испытываю неуверенность и тревогу. Бывают времена, когда я ненавижу себя. Случаются дни, до краев наполненные тоской.

Я прекрасно понимаю, что эти двое, живущие в моей душе или, в моих внутренних чертогах – мой разум и моя душа. Мужчина – мой разум, женщина – моя душа. Благодаря этим двум, одиночество мне не страшно. Но есть еще один, третий житель – мой враг».

«27 марта, 2003 года.

Он приходит ко мне вместе с южными ветрами. Он что-то впрыскивает в мою кровь и я погружаюсь в столбняк. Мои мышцы деревенеют, мой мозг прекращает функционировать, мое лицо искажается гримасой презрения к опостылевшему миру и отвращения к опостылевшей себе. В такие дни я стараюсь не подходить к зеркалу, потому что себя я все равно не узнаю. Мое набрякшее тело раздается и наливаются свинцом, мое опухшее лицо изменяется, становясь испуганным и тупым. Во рту появляется отвратительный горький привкус, становясь причиной постоянной тошноты. Между приступами тошноты, я считаю веревки: первая веревка сдавливает мою голову где-то выше бровей, вторая перетягивает мой затылок, третья обвивается вокруг шеи и плеч. Я задыхаюсь в безвоздушном пространстве. Я путаюсь, чтобы выполнить любую работу, требуется сосредоточиться на том, что я делаю. Я превращаюсь в нечто другое, ужасное, отвратительное по форме и не совсем нормальное по сути.

Прекрасно зная, что это состояние временное и скоро пройдет, я, вместо того, чтобы отдаться на волю своего палача и не перечить ему, каждый раз начинаю с ним борьбу. Результат один и тот же – он уходит, когда посчитает нужным, совершенно не приняв в расчет мои очередные потуги освободиться от его присутствия раньше срока.

Мои попытки бороться вызваны тем, что к моему столбнячному состоянию и изводящей меня тошноте, примешивается страх. Именно против этого страха я и восстаю, надеясь на этот раз одолеть непрошенного гостя. Страх унижает, а я не люблю бояться. Когда в моих днях присутствует этот маньяк, мне всегда кажется, что случится что-то плохое и неотвратимое. Меня найдут, лишат свободы, запрут в каком-нибудь каменном мешке без окон и дверей, куда не будет проникать свет и

воздух, и откуда не будет услышан мой крик о помощи. Или еще хуже – что-то ужасное и непоправимое случится с нами со всеми – жителями Земли. Уж не знаю, что – метеорит, холод, засуха, потоп, вызванный бесконечными дождями. Это давяще-тревожное чувство рока, этот монотонный страх, разъедающий изнутри, не дают мне упокоиться и переждать эту пытку, что устраивает для меня третий житель моей души.

Когда все заканчивается и я выхожу из этой ломки, мое нормальное состояние возвращается ко мне во всей своей полноте. Тут же слышен голосок женщины, которая уже призывает к порядку, стараясь наладить знакомую, безопасную, наполненную обязанностями жизнь. А ведь прав Макс Фриш, подметивший, что «только человеку, который в разладе с жизнью, нужен порядок, чтобы не погибнуть».

В воздухе снова витает запах сигары, раскуренной мужчиной, который, безусловно, существует, но еще не готов предстать передо мною со своими требованиями разнообразной жизни и сильных переживаний. Он пока просто курит сигару.

Ко мне возвращается желание работать и интерес к жизни. Во мне мало надежд, поскольку я их приравниваю к мечтаниям, а мечтать я себе запретила. Обстоятельства, которые зачастую от меня не зависят, разносят мои мечты в пух и прах и потом очень трудно и горько хоронить каждую их них – большую или маленькую – по отдельности. После очередных похорон, я чувствую себя так, как будто потеряла близкого человека и в моем доме царит атмосфера уныния. Поэтому я больше не мечтаю.

Моя одинокая жизнь обнесена высоким забором, куда я не пускаю людей с их ложью и хаосом в головах. Моя жизнь минимизирована и распределена по ящичкам. Только в таком виде я могу с ней справиться. В одном ящичке Джордж, с которым я скоро распрощаюсь навсегда, в другом – Игнат, женившийся на женщине, которую я не знаю и, кажется, не люблю, в третьем – Александра с ее вечными болячками, в четвертом – Анна с ее мужеством и терпением, в пятом – моя собственная жизнь с ее дисциплиной и разного рода ограничениями. Мне хватает.

Правда, вот уже несколько лет у меня есть Эдмунд – умный собеседник и заботливый друг. Он видит меня насквозь. Завтра я снова пойду к нему, потому что он меня ждет, но это будет завтра. Сейчас ночь, я могу спрятаться под своей кожей, свернувшись клубочком, и думать свои потаенные мысли, Так люди уходят в себя, а потом возвращаются или нет. Я возвращаюсь каждое утро... »

Глава 27.

Смерть богов.

«Чем глубже читатель погружается в мир, где царит чистейшего рода безумие, тем лучше воспринимает предлагаемые ему истины» - Андре Моруа.

«8 апреля, 2003 года.

Эта запись будет длинной и она не будет прерываться. Я постараюсь предельно точно записать происходящее в моей студии, когда ее посещают приглашенные мной гости.

Итак, если мне не удастся утихомирить обитателя моих внутренних чертогов – любителя сильных чувств и ненавистника моего покоя – набросками своих будущих картин, я обращаюсь к книгам. Через меня он получает возможность поговорить с великими. Я знаю, что, как только он окажется в компании своих друзей, он успокоится. Строки, написанные одаренными Богом людьми пятьдесят, сто, пятьсот или несколько тысяч лет тому назад, поражают, вдохновляют и обнадеживают. Иногда читаю и поражаюсь чуду – по прошествии нескольких веков, я думаю точно так же, как они, или могла бы страдать по поводу тех же самых обстоятельств, или радоваться тем же самым событиям и любить тех же самых людей. Для избранных Богом, процесс мышления был не только необходим, как воздух, вода и пища, он доставлял им удовольствие и, обогащенный знаниями, выводил их на путь предвидения. Они ясно видели и правильно оценивали времена, в которых жили. Имея такую привилегию, они били в набат, но кто их слышал? Единицы...

Я наливаю себе бокал вина, обкладываюсь выбранными накануне книгами, поворачиваю мольберт так, чтобы видеть холст с того места, где я сижу, и начинаю читать вслух, например вот такое: «... по вечерам Макиавелли сменяет убогую одежду на парадное платье и идет к своим книгам, в компанию великих умов древности. Он заводит с ними беседу и они благосклонно отвечают ему. Так коротает он у себя в спальне долгие часы, забывает унылые будни, не печалится о своей бедности, перестает страшиться своей смерти. Он живет в обществе своих возлюбленных классиков, спрашивает их, и они ему отвечают, потом они спрашивают, и он им отвечает, читает их книги и пишет свои».

Стоило мне прочесть этот, любимый мною отрывок из книги Лиона Фейхтвангера «Гойя», ко мне тут же присоединился Гегель и прошептал мне на ухо: «Сова Минервы вылетает лишь с наступлением сумерек». Он, конечно, прав...

Я смакую книги точно так же, как их смакует Элен у Золя. Она читает книгу, откладывает ее, любитесь Парижем – и оба – и Париж, и роман, пробуждают в ее душе любовь к мужчине. Да, и со мной такое нередко бывает. Я читаю хорошие книги «маленькими глотками», откладывая их, думаю, вспоминаю и, сидя на веранде, люблюсь на рассвете садом. Только во мне книги пробуждают любовь иного рода – не к мужчинам, которые позволили мне достаточно хорошо себя узнать, а к размышлениям и анализу. Потрудившись изучить прошлое и, сложив головоломку из происходящего в мире сейчас, можно с большой точностью предсказать будущие события. Согласитесь, всегда интересно знать, что тебя ожидает. Впрочем, сегодня многие предпочитают не знать. Что касается меня, то для меня даже неутешительная правда всегда предпочтительнее неведения или лжи.

- Предлагаю поговорить сегодня о смерти, о гениях и о том, как они управляют с тем даром, о котором не просили, о современном мире и о том, возможно ли всеобщее спасение или разумнее на все наплевать и удалиться в себя? Я надеюсь, приглашенные мной гости, нас просветят. Согласен? – обратилась я к своему внутреннему жителю.

- Давай, еще раз извою душу, но раз ты не можешь предложить ничего лучше, выбора у меня нет.

Мой неумный внутренний обитатель прекрасно знает, что в моей жизни уже несколько лет, как появился Эдмунд фон Нарвиц, которого я втихаря величаю Учителем. Я, наконец, стала встречать правильных и нужных мне людей. Хотя, нет,

фон Нарвиц – это вовремя подоспевшее спасение. Не буду задаваться вопросом, за какие страдания, грехи или покаяния мне выпало такое благо прямо с Небес, потому что ответа я не получу. Так вот, в любую минуту я могу пойти к Учителю и насладиться интеллектуальной игрой его разума. Однако этот требовательный монстр, что живет во мне, так же знает, что я слишком долго обходилась только его компанией и настолько привыкла к нему, что никогда его не предаю и ни на кого не променяю. Поэтому, запасаясь вином, мы заперли дверь в студию, обложились книгами и ждем, когда один за другим, начнут появляться те, без которых беседы не получится.

- Сначала пару слов о смерти, - сказала я. – Без нее не обойтись. Ради нее проживают яркие и значительные жизни, или жизни никчемные и пустые. Как ни крути, а жизнь – это всего лишь прелюдия к смерти.

- Один из тех, кто заглянет к тебе сегодня ночью на огонек, сказал что-то вроде этого: только познакомишься с самим собой и уже пора, - мой внутренний собеседник, не торопясь, раскуривал сигару. – Видно, так же, как и ты, он сожалел о несправедливо коротком сроке человеческого бытия.

- С тех пор, как я стала осознавать мир и открыла для себя будущность, которая, как и у всех остальных, неизбежно закончится смертью, я боюсь смерти. Ничего не может исцелить этот страх или уменьшить его. Я боюсь смерти, потому что не понимаю, что такое смерть. Мое непонимание помещается в один-единственный вопрос – да или нет? Там, за пределами остановки сердца и смерти мозга, что-то есть или вообще ничего нет? Есть ли хоть малейшая надежда на то, что мы уходим не навсегда? Вопрос риторический, поскольку еще никто из ушедших от нас, к нам не вернулся. Смерть пытаются объяснить те, кто еще живы, но как они ее не представляй и как не описывай, все будет зря – как и мы, смерти они не знают. Неизменной остается одна, общая для всех, правда – смерть неизбежна. Выбора у нас нет. Какой абсурд! Нам постоянно твердят, что при жизни стоит поменьше ошибаться, делая правильный выбор из существующих возможностей, но в конце жизни выбора у нас нет. Он у нас отнят. Так стоит ли волноваться из-за того, как именно ты проживешь жизнь? Может, стоит пуститься во все тяжкие, лишь бы было хорошо, пока еще себя помнишь и ощущаешь?

- Решать каждому за себя, – ответил мой внутренний житель. – Ты сейчас ждешь к себе в гости тех, кто прожил свои жизни так, что о них помнят веками. Никто из них не был праведником, но никто из них не был безразличен. Никто из них не был устрицей, коротавшей свой земной срок в покое своей ракушки. Так же, как и ты, они знали, что смертны, но творили свое бессмертие. Они не прославляли себя специально, их гениальность не оставляла им выбора. Пока простые смертные отвлекались от жизни и своего неминуемого конца властью, деньгами, насилием, алкоголем, успехом, сексом и наркотой, гении трудились, мучились и творили.

- Разве мы, люди, живем для того, чтобы отменить смерть? – вдруг послышался голос Германа Гессе. Мой любимый голос, большие, мудрые глаза, очки в круглой оправе. – Нет, мы живем, чтобы бояться ее, а потом снова любить и, как раз благодаря ей, жизнь так чудесно пылает в иные часы.

Гессе удобно устроился в кресле напротив меня и я поняла, что он не уйдет, а останется с нами на весь вечер. Мне стало спокойно и ужасно хорошо – рядом со мной был «степной волк», а, значит, разговор продолжится.

Тут на минутку заглянул Теофиль Готье, так похожий одновременно на Бальзака и на Александра Дюма, и сказал:

- Часто смысл жизни сводится к тому, что жизнь – это не смерть.

- Избавь нас от банальностей, - отпарировал изысканный и необычайно обаятельный Тенниси Уильямс, - обратная сторона смерти – это желания.

Я и мой внутренний любитель сильных ощущений на некоторое время притихли, впрочем, он быстро нашелся.

- Как в «Трамвае «Желание», что дребезжит и гроыхает с одной тесной улочки на другую? Крепко стоящий на ногах рабочий класс всегда побеждает нестойкий разум и ранимую душу, не так ли?

Раз уж выпала такая возможность, я хотела бы спросить великого драматурга, зачем надо было слабую женщину, любящую немного пофантазировать, делать сначала слишком доступной, а потом немного чокнутой, но решила, что мы здесь не для того. В конце концов, Достоевского сделал своего князя Мышкина идиотом. По-другому, видимо, нельзя. Наш мир сводит с ума людей тонких и чувствительных, а писатели, решившиеся на то, чтобы изобразить хороших, добрых, совестливых или понимающих красоту героев, как бы извиняясь перед читателем за свою попытку, всегда награждают их каким-нибудь изъяном. Поэтому, я заговорила о другом.

- В наше время люди состоят исключительно из одних желаний, которые во что бы то ни стало, должны быть удовлетворены. Самоконтроля больше нет. Это такая же зависимость, как деньги или дурь, лишь бы о смерти не думать. Но вот счастливые моменты... Даже в самой несчастной жизни нет-нет, да и бывают счастливые моменты. Исчезая, наряду с приятными воспоминаниями, они оставляют внезапное и горькое напоминание о смерти. Именно счастливые моменты делают мысль о смерти невыносимой. Со счастьем расставаться куда труднее, чем с постоянным и опостылевшим несчастьем. Поэтому многие умные люди ищут не счастья, а покоя – оно не так сильно раскачивает лодку нашего зыбкого и неуравновешенного сознания.

- Счастье – это просто сон, а горе – действительность. Нужно отказаться от счастья, но иногда можно обнимать его подобие.

Я не поверила, что услышала этот голос – в комнате появился долгожданный и такой желанный гость – сам Вольтер со словами своего рассудительного Задига. Высокий лоб, от которого исходило сияние, умнейшие глаза, в которых плясали искорки веселья. Вольтер, а late bloomer, создал свои шедевры в довольно в преклонном возрасте – «Кандида» он написал в шестьдесят пять, а «Человека с сорока эку» - в семьдесят четыре. В этом возрасте тебя уже не тревожат гормоны молодости и каждодневный кошмар несостоявшегося самоутверждения, когда удача тебя избегает, смысл жизни ускользает и ты остаешься никем. После шестидесяти пяти ты свободен! Правда, каждый прошедший год откусывает все большую часть тебя, оставляя все меньше сил, зрения, слуха и энергии, но, пока ты пользуешься своим разумом, ты непобедим!

- Впрочем, здравый смысл присущ далеко не всем, - продолжил Вольтер.

- Кто бы говорил, - Фаге появился из ниоткуда, как черт из табакерки. – У тебя полный хаос ясных мыслей, в целом бессвязных.

- Мнения вызвали больше несчастий, чем чума или землетрясения на этом нашем маленьком глобусе, – отпарировал Вольтер.

Отвернувшись от Фаге, великий французский философ решил просветить нас насчет добра и зла. Для этого он, немного изменив свой голос, превратился в своего героя Микромегаса, обитателя Сириуса, отправившегося в путешествие по планетам:

- Человек жалуется, видя мир плохо устроенным. Но для кого плохо? Для человека, который в необъятном плане Вселенной лишь незаметное пятнышко, плесень? Очевидно, что все, что в этом плане нам кажется ничтожеством, упущением, ошибкой, в другом плане имеет глубокое основание. Плесень немного страдает, но где-то во Вселенной, великаны ведут жизнь почти божественную.

- Можно было бы и не создавать плесень, - не унимался Фаге.
- Но тогда ни к чему был бы и высший божественный порядок, - губы Вольтера слегка искривились и некоем подобии улыбки.

- Плесень страдает по поводу того, что умрет, ой, не могу! - мой внутренний житель громко расхохотался.

Неуместный смех моего внутреннего обитателя был, как ножом, обрезан короткой и острой фразой, точно передающей абсурдность нашего мира.

- Есть ли необходимость в Аде, разве недостаточно самой жизни?

Это был Альфред де Виньи, «прекрасный ангел, наглотававшийся уксуса». Человек, который никого близко к себе не подпускал. Жестокая фраза Сандо о том, что никто не был с господином Виньи в фамильярных отношениях, даже он сам, прекрасно его характеризует. Говорят, что у него было больше глубоких мыслей и ослепительного величия, чем у всех его современников, но его знают меньше и любят меньше из-за его обособленности и желания достичь совершенства.

- Нет ничего, в чем мы можем быть уверены, - продолжал де Виньи, - кроме нашего неведения и нашей заброшенности, возможно вечных... Жизнь – мрачная случайность меж двух бесконечностей... Вот человеческая жизнь: я представляю себе толпу – мужчины, женщины, дети, - погруженную в глубокий сон, они пробуждаются в узилище. Они приспособляются к своей тюрьме, даже оборудуют в ней для себя крохотные садики. Мало-помалу они обнаруживают, что их куда-то уводят одного за другим, навсегда. Им неизвестно, ни почему они в тюрьме, ни куда их отправляют затем, они знают, что никогда этого не узнают. Тем не менее, среди них всегда находятся люди, которые не устают спорить между собой о сути собственного процесса; есть другие, которые сочиняют отдельные его перипетии; третьи, наконец, рассказывают о том, куда они затем деваются, хотя им ровным счетом ничего об этом не известно. Ну не безумцы ли они? Хозяин тюрьмы, ее правитель, бесспорно, ознакомил бы нас, пожелай он, и с ходом нашего процесса, и с вынесенным приговором. Коль скоро он не захотел этого сделать и не захочет никогда, будем ему благодарны хотя бы за то, что он дает нам более или менее сносные жилища, и коль скоро никто из нас не в силах избежать общей печальной участи, не станем отягощать ее печальными вопросами.

- Человечество продолжает выдвигать обвинения против Бога? - съязвил мой внутренний житель.

- Отвлечемся от плесени, - предложила я.

- И подведем итог под рассуждениями о смерти. Чего бояться? Пока мы есть, смерти нет, когда она приходит нет нас. Все просто и логично. – Моему внутреннему собеседнику явно хотелось побыстрее закруглиться с разговорами о смерти.

- Разве мы боимся смерти только в момент ее прихода, а не всю свою жизнь? Ждем и боимся... Ладно твоя взяла, поговорим о бессмертных, о тех, кто обязан Богу, о великих и их миссии.

- Было время, когда общество рождало и формировало титанов, было время, когда у людей была потребность в гениях, – голос Вольтера был полон грусти.

- Сейчас у общества совершенно другие потребности. – Я немного помолчала, обдумывая то, что собиралась сказать. – Давайте начну я, потом кто-нибудь продолжит. Одаренные люди, по большей части, несчастны, причем, глубоко несчастны. Они также не могут обрести покой, потому что в их душах нет покоя. Кто я такая, но даже мне постоянно надо делать наброски, рисовать, мыть кисти, скоблить палитру и, отказывая себе во всем, тратить деньги на краски и загрунтованные холсты. При этом, меня раздражают мысли о несправедливости и лишают сна идеи моих будущих творений. Не пропустить бы момент, когда во мне

будет зачата новая идея. Я не могу отвлекаться на людей, потому что я постоянно прислушиваюсь. Мне нужна тишина. И еще я думаю, откуда приходят идеи? Это естественная функция мозга или идеи нам внушает сам Господь? Наделенный талантом не может ни отвлечься, ни расслабиться никогда. Он работает без передышки, держа рядом с собой кусок бумаги, чтобы во время очередной бессонной ночи, в кромешной тьме, набросать эскиз, нацарапать пару слов или нот. Такая жизнь – это пытка, от которой не ищешь избавления. Она длится не днями, а годами и десятилетиями. И не нужна слава в конце, потому что слава будет означать конец, а нужен процесс, бесконечное истязание даром, которого никто из нас не просил. Однако каждый из нас, с благодарностью приняв эту пытку, молит о том, чтобы она длилась, пока смерть не перенесет наши непомнящие души туда, куда она до этого поселила всех вас, господа.

- Все художники заключают в себе две души, два существа, божественное начало и дьявольское... - Герман Гессе внимательно посмотрел на окружающих – как они среагируют? - Дьявол – это дух и мы его несчастные дети. Мы выпали из природы и висим в пустоте.

- В наше время ваша фраза, *Liebe Herr Hesse*, «мы выпали из природы» звучит несколько по-другому, - заметила я.

- Буквально. – Уточнил мой внутренний житель.

- Дьявол, конечно, интересная со всех сторон личность, но он не наш дух, он совратитель нашего духа, - прожурчал Вольтер.

- Растворитель наших душ, - с издевкой добавил нарушитель моего внутреннего покоя.

- А что же разум? Безмолвствует? – спросила я.

- Под ярмом, брошенным на мир, разум все равно должен существовать и пробивать себе дорогу, – Гессе встал с кресла и подошел к окну. Что он там пытался увидеть? На дворе стояла глубокая ночь. Возможно, ему хотелось прогуляться, оказавшись в знакомом ему месте, где едят, пьют и танцуют. Ведь он научился неплохо танцевать. Повернувшись к нам, он сказал:

- Жизнь художника не представляет бытия, есть только вечное и мучительное движение вперед, она несчастна и бессмысленна в промежутках между творениями. Посмотришь на иного такого мученика и может показаться, что жизнь человеческая – это просто злая ошибка богов или выкидыш дикой природы. А можно подумать по-другому – человек не просто животное, наделенное разумом, а дитя Богов, некоторым из которых суждено бессмертие.

- Так что такое человек – выкидыш дикой природы или дитя богов? – Вольтер хитро улыбнулся.

- Зависит от наделенного талантом, - поскольку Гессе молчал, я, набравшись храбрости, ответила вместо него. – Талант достается даром в буквальном смысле, это – дар божий. Дорого обходится служение таланту. Одаривая нас талантом, Господь не снабжает нас ни мрамором, ни красками, ни холстами. Он также не платит за аренду студий или квартир, где творят художники и писатели. Скольких гениев сожрала нужда! Когда избранные творят, они отслаиваются от земной жизни. Счета, налоги, готовка, хождение по магазинам, встречи с друзьями, нужными и ненужными людьми, воспитание детей, издатели, заказчики – все это просто не может существовать в их сознании. Там для всего этого нет места, там только рисунки, фигуры, формы, слова или ноты. Земная жизнь платит им тем же, в ответ тоже отторгая их, преследуя несчастьями и неудачами. Обычное человеческое счастье или попросту, любовь, гению редко, когда бывает суждено. Даже, если он полюбит, он не в состоянии привязаться, а, тем более, уйти на

второй план, служа любимому или любимой. Все эти поэты – Пушкин, Шелли, Байрон, Лермонтов... Земная жизнь была не то скучна им...

- Извини, что прерываю, - Гессе вернулся и снова сел в кресло, – не скучна, они тосковали. Байрон тосковал. Скука и тоска – две разные вещи.

- Тосковал? - переспросила я. – Жизнь раздражала их каждодневными заботами, они увязали в них, проигрывая рутине и, иной раз, вели себя как отъявленные мерзавцы, особенно по отношению к женщинам.

- Довольно тяжелая ноша, когда твое имя слишком быстро становится известным, - заметил Вольтер.

- Гений есть не что иное, как дар огромного терпения, - сказал появившийся граф де Бюффон и был, несомненно, прав. Большой умница и мужественный ученый, он отделил естествознание от теологии, что послужило его конфликту с богословским факультетом Сорбонны. Богословы требовали не просто сжечь его труд «Эпохи природы», а непременно, чтобы палач сжег его. Господи, какие кретины...

Маркиз де Вовенарг был следующим, кто вошел в комнату. Раскланявшись с Вольтером, он заметил:

- Любовный пламень так не согревает, как первые лучи славы.

- Лучи славы, которые в один миг могут превратить дар божий в кучку пепла.

- Это верно, - я обошла уже появившихся гостей и долила в их бокалы вина. – Будучи раздираемым двумя мирами – божественным и земным, главное, не превратиться в кучу дерьма. Достаточно разрешить величию и самомнению занять место смирения и самоотверженного труда, все, метаморфоза происходит мгновенно. Когда она происходит, Господь забирает не только свой дар, но, иногда, и жизнь своего избранника, не сумевшего по достоинству распорядиться бесценным даром. Тем не менее, у крапленых бессмертием всегда есть своя миссия.

- И эта миссия – труд. Работа отгоняет от нас три великих зла: скуку, порок и нужду. Будем работать без рассуждений, это единственное средство сделать жизнь сносной. – Подойдя к графу де Бюффону, Вольтер спросил, – мы с вами умерли в один и тот же год, скажите мне, как они поступили с вашим трудом – сожгли или пощадили?

- К счастью, пощадили, - ответил де Бюффон.

- Поверьте мне, каждый здравомыслящий человек, каждый достойный человек должен наводить ужас на христианскую секту. Перед ними, как крест, надо держать образование и науку. Тогда не решаться опять загнать нас во тьму на тысячу лет. – Вольтер вернулся к столу, на котором стояла яркая лампа – я пользуюсь ею, когда работаю по ночам.

- Путь к Богу ведет вперед, ко все большей вине, к очеловечению. Долгий и тяжкий путь к очеловечению. Вместо того, чтобы сужать свой мир, упрощать свою душу, тебе придется мучительно расширять ее, все больше открываясь миру, а там, глядишь, и принять в нее весь мир, чтобы когда-нибудь достичь конца и покоя, – говоря это, Гессе обращался ко мне.

Не успела я открыть рот, чтобы развить столь важное для меня «очеловечение», как неумный житель моих внутренних чертогов вогнал меня в краску.

- Знаешь, как хороший кокс расширяет душу? Можешь не только весь мир, но и всю Вселенную вобрать в нее. Так что же ведет к очеловечению? Большая вина или безразмерная душа?

В комнате повисла тишина. Чтобы хоть как-то разрядить обстановку, я заговорила о Достоевском.

- Раз уж вы упомянули страдания и расширение души... Представьте Достоевского среди нас. Живи он в современном мире, бесы в его голове заплясали

бы гораздо раньше, чем это случилось на самом деле. Как сказал один из его героев «страшный кошмар мыслей и ощущений кипел бы в его душе». У Федора Михайловича потрясающая способность страдать. Трагизм – это его стезя, по которой он прошагал к Богу, расширив свою душу до невероятных размеров. Трудно представить его, с донельзя обостренным восприятием действительности, в нашем дурдоме, где мы, потерявшие рассудок биологические недоразумения, что когда-то были людьми, уничтожаем природу, вырубая леса, строим вонючие города, воруем, лжем и прилюдно трахаемся. К тому же, и его богоизбранная Россия уже давно отвернулась от Бога.

- Меня Бог всю жизнь мучил.
- Федор Михайлович? Неужели вы?

Достоевский стоял посреди комнаты и смотрел куда-то вдаль, сквозь меня. Я встала с кресла и подошла к нему. Он быстро заговорил:

- Вы тут про тоску говорили. Всякая тоска земная и всякая слеза земная – радость нам есть; как напоишь слезами своими под собой землю на пол-аршина в глубину, то тотчас же о всем возрадуешься.

Гессе с сомнением посмотрел на Достоевского и, вероятно, подумал, что путь к Богу через мучительное расширение души, которая все больше открывается миру, предпочтительнее, чем пол-аршина земли, напоенного слезами.

Достоевский прочел его мысли.

- Человек несчастлив, потому что не знает, что он счастлив. Надо людям узнать, что они хороши, и все тотчас же станут хороши, все до единого. Кто научит людей, что они все хороши, тот и мир закончит. Однако кто учил, того распяли.

- Неувязочка, - ухмыльнулся Вольтер.

- Мы отдаем мир снова во владение человека, а человека отдаем самому себе. Человек не будет больше ни низким, ни подлым, он должен быть благородным. Мы не будем попирасть и теснить его разум, чтобы взамен дать ему бессмертную душу. Не владея свободным, могучим и созидательным разумом, человек будет не более, как животным и будет умирать как животное, лишенное воли. Мы возвращаем человеку его литературу и науку, возвращаем его право мыслить, ощущать себя как личность, а не быть опутанным оковами догмы, подобно рабу, который заживо гниет в цепях. – Эти слова, как будто были взяты из ненаписанной Хартии Человека, еще немного, и я бы встала и слушала их стоя.

Сколько себя помню, я всегда отрицала идеалы и авторитеты. Мне даже не нравятся сами эти слова, они режут мне ухо, но человек, появившийся передо мной, был для меня всем – идеалом, авторитетом, посланником Бога, гораздо более реальным и приемлемым, чем Христос. В его внешности все было не по правилам. Плоский широкий лоб выступал вперед, гораздо дальше рта и подбородка, сильно отодвинутые к затылку уши делали его похожим на фавна, спадающие густые черные вьющиеся волосы доставали до бровей, широко расставленные янтарного цвета глаза с тяжелыми веками, смотрели одновременно сурово и ласково. Дерзновенный, упорный, неистовый и временами яростный в труде гениальный художник и скульптор, утверждавший в своем творчестве мысль о высоком назначении человека и о его величии. Безграничная энергия, сила, мудрость, понимание красоты. Страсть и разум. Мой Микеланджело.

- Прекрасный гуманизм, который, увы, долго не протянул. Пал перед напором секты с крестами, – Гессе бросил взгляд в сторону Вольтера.

- Кто бы ты ни был, ты прав, - ответил Микеланджело. – В молодости я любовался красочными народными карнавалами, а в старости увидел зловещие костры инквизиции. Что касается гуманизма, то мой наставник, поэт-гуманист Пико дела Мирандола, вложил в уста Саваофа, обращающегося к своему творению

Адаму, такие слова: «Я создал тебя существом не небесным, но и не земным, чтобы ты сам себе сделался творцом и сам окончательно выковал свой образ».

- Не получилось. Человек оказался слишком слаб и порочен для гуманизма, - не смог удержаться тот, кто живет внутри меня.

- Не родился еще такой человек, который, как я, настолько любил бы людей! – вспыхнул Микеланджело. - Я бросил вызов небу, сотворив свой мир, где человек подобен Богу!

- Плафон Сикстинской капеллы – это огромный аванс человечеству, который оно не оправдало. Но ведь это не про всех людей, это автопортрет, не так ли? – отважилась я. – Нет, не в смысле внешнего сходства, а в том, что вы всегда ощущали свою близость к Богу и близость Бога к вам.

Микеланджело внимательно посмотрел на меня. Я вжалась в кресло. Отвернувшись, он начал ходить по комнате, бывшей моей студией. Рассматривал мои эскизы и начатую картину. Снова взглянул на меня. А потом стал брать в руки тюбики с красками, откручивал колпачки, выдавливал немного на ладонь, подносил к свету, нюхал. Краски больше не надо было растирать и смешивать. Его это удивляло и забавляло.

- Думаю, поначалу Бог хотел верить в свое несовершенное создание – человека.

- Никогда не верь в недоделанное, - подсказал мой внутренний житель.

Не обратив на него внимания, уже в который раз за ночь, я снова обратилась к Микеланджело.

- Вы – посланник Бога. Не потому только, что не профукали его дар, а преумножили его, не потому, что изваяли скорбь матери, а потому, что именно вам было поручено запечатлеть послание Бога человечеству. Бог протягивает руку человеку – и это послание вы передали людям спустя пятнадцать веков после того, как Господь распял своего сына за наши грехи. Почему люди, веруя в Бога, остались равнодушны к его посланию? – спросила я.

- Люди его узрели, но понять не захотели, - сказал Вольтер.

- Как? И ваши тоже? – встрепенулся мой внутренний житель. – У наших тоже, дальше картинок мысль уже не пробивается. Как видно, круг замкнулся.

Микеланджело помолчал, а потом продекламировал следующее:

- Отраднo спать, отрадней камнем быть,
О, в этот век преступный и постыдный,
Не жить, не чувствовать – удел завидный,
Прошу, молчи, не смей меня будить!

Эти слова были написаны великим скульптором задолго до Пушкина и Байрона.

- Мог ли Господь сотворить мир только для того, чтобы его оставить? Ведь Бог создал человека по собственному побуждению. Так разве у Бога недостает могущества, чтобы хранить и поддерживать этот мир всегда и вечно, вопреки всем бесчестиям и злу? Разве Господь не стремится к этому, разве не такова его воля? Почему Он сам не мог совершить всего того, ради чего послал на землю сына? Зачем Ему был нужен сын? Как примирить, согласовать насильственную смерть с божьей заповедью о любви? Зачем Господь дал совершится насилию, если насилие вызывает ненависть, страх, жажду мщенья и снова ведет к насилию? Если Бог всемогущ, почему он не нашел другого, более мирного и легкого пути, чтобы возвестить свое слово людям? Его бессилие преградить путь варварству...

То, что говорил Микеланджело, задаваясь множеством вопросов, ужасало его, но он продолжал:

- Возможно, все эти вопросы задавал себе Иисус между часом заката, когда римский воин вогнал первый гвоздь в его тело, и часом его смерти. Мои мысли определили позу моего Христа на кресте: «Я умираю в муках, но страдаю не от

железных гвоздей, а от грызущих меня сомнений». Божественность Христа я выразил не нимбом, от которого отказался, а, показав его внутреннюю силу. Он не жаждал смерти и он не смирился с ней. Сомнения судорожно выгнули и скрутили его тело. Я повернул его голову и колени в противоположные стороны, раскрывая в камне мучительное борение двух разных начал, острый конфликт, потрясший тело и душу казнимого.

Мы все, потрясенные, молчали.

- Мой Христос не был раздавлен крестом. Он нес его на Голгофу словно это была оливковая ветвь. Легко. Он не был раздавлен...

Повторяя, что его Иисус не был раздавлен, Микеланджело подошел к столу, взял лист бумаги и стал набрасывать голову каменотеса, ставшего прототипом Христа на его распятии.

- Возможно, мир плох только потому, что мы видим в нем какие-то изъяны? – предположил Вольтер. – «Нет, - говорит ангел Задигу, - такого зла, которое не порождало бы добро. – А что, - сказал Задиг, - если бы совсем не было зла и было только одно добро? – Тогда, - отвечал Иезрад, - этот мир был бы другим миром; связь событий определила бы другой премудрый порядок. Но этот другой, совершенный порядок, возможен только там, где вечно пребывает верховное существо», - процитировал он своих героев.

- Если Бог всемогущ и идеален, то почему он не создал мир по совершенному образцу? Если он добр, то почему, создавая мир, он столь щедро наградил его страданиями? – Микеланджело не мог совладать со своими сомнениями.

- Если Бог-творец создал такую красоту на Земле, почему он разрешил другому своему созданию разрушить эту красоту? - я встретила свой вопрос в цепь уже заданных великим скульптором. – Одно его творение разрушило другое. Несовершенное уничтожило совершенное. Значит, красота более уязвима, чем уродство, а добро слабее, чем зло.

- Человек тот камень, который Бог поднять не смог. Может усомниться во всемогуществе Бога? – после продолжительного молчания, мой внутренний житель снова обрел голос.

- Мы все достаточно умны, чтобы не задаваться подобными вопросами, - ответил ему Вольтер.

Но тут послышался голос еще одного любителя сильных чувств – «искреннего лжеца» Руссо. Буквально выворачивая себя наизнанку, исповедуясь читателю, он, осознанно или нет, приукрасил свою Исповедь.

- Если вечное существо не сделало мир лучше, значит, оно не смогло его сделать таковым, - констатировал он».

Глава 28.

Падение человека.

«Я пью вино и продолжаю листать книги великих, наслаждаясь их компанией.

- Окунаешь разум в вино? – в комнате послышался насмешливый голос моего внутреннего жителя.

Долго хранивший молчание Федор Достоевский, внимательно прислушивался к общему разговору о боге.

- Все дело в народе, - сказал он, - у русского народа миссия была. Ни один народ еще не устраивался на началах науки и разума. Не было еще ни разу такого

примера, разве что на одну минуту, по глупости. Никогда разум не в силах был определить добро и зло или даже отделить зло от добра хотя приблизительно. Разум и наука в жизни народов исполняли лишь должность второстепенную и служебную; так и будет исполнять до конца веков. Народы слагаются и движутся силой иною. Эта сила есть сила желания дойти до конца и, в то же время, конец отрицающая. Это есть сила непрерывного и неустанного подтверждения своего бытия и отрицания смерти. Дух жизни, как говорит Писание, «реки воды живой», иссяканием которой так угрожает Апокалипсис.

- Да не только Апокалипсис, Федор Михайлович, это иссякание уже происходит наяву, – тихо заметила я.

Пропустив мимо мое замечание, он продолжал:

- Цель всякого народа во всякое время его бытия есть искание Бога. Искание Бога – это начало нравственное. Но искание Бога своего, непременно собственного и единого истинного. Бог есть синтетическая личность всего народа, взятого с начала его и до конца. Когда боги начинают становиться общими, это признак уничтожения народностей. Когда боги становятся общими, то умирают боги и вера в них вместе с самими народами. Чем сильнее народ, тем особеннее его бог, а всех других богов такой народ исключает без всякого примирения.

- Ну, сейчас про «русскую идею» будет, – как видно, для жителя моих внутренних чертогов авторитетов, как и для меня, не существовало.

- Против фактов идти нельзя, – Федор Михайлович грозно посмотрел на меня. – Евреи жили лишь для того, чтобы дождаться бога истинного и оставили миру бога истинного. Греки боготворили природу и завещали миру свою религию, то есть философию и искусство. Рим боготворил народ в государстве и завещал народам государство. Франция в продолжение всей своей длинной истории была одним лишь воплощением и развитием идеи римского бога и, если сбросила, наконец, в бездну своего римского бога и ударилась в атеизм, который называется у них пока что социализм, то единственно лишь потому, что атеизм все-таки здоровее римского католичества.

Вольтер бросил на него удивленно-вопросительный взгляд.

- Если великий народ не верует, что в нем одна истина, – настаивал Достоевский, – что он один способен и призван всех воскресить и спасти своею истиной, ...

«Вот оно», – подумала я.

- ... то он тотчас же перестает быть великим народом и тотчас же обращается в этнографический материал. Истинный великий народ никогда не сможет примириться с второстепенною ролью в человечестве и даже с первостепенною, а исключительно с первою.

- Так и до идеологии нацизма недалеко, – в голосе Германа Гессе послышалась боль. – Какая разница, чем мир на колени ставить – верой или концлагерями?

- Извините, что прерываю, – Микеланджело оторвался от своего рисунка, – я вам про Белых ангелов расскажу, поскольку сам свидетелем был. Был такой священник Савонарола, на четыре года даже ставший правителем Флоренции. Он утверждал, что, подобно ветхозаветным пророкам, передает лишь веления Божии, угрожал проклятием тому, кто не верит в его пророческое призвание. Сначала он клеймил позором церковь: «Грехи церкви переполнили мир!» Однако затем перешел от церкви к искусству, предметам роскоши и книгам. Все это, по его меркам, тоже было греховно. Однажды на площадь Синьории во Флоренции, с четырех сторон, начали стекаться юноши в белых балахонах, так называемая Юношеская армия. Впереди шли барабанщики и вся армия кричала: «Да здравствует дева Мария, царица! Да здравствует Христос, царь Флоренции!» Перед дворцом на площади

было установлено громадное дерево, вокруг которого в виде пирамиды возвышался деревянный эшафот. Место вокруг эшафота было огорожено веревками и его охраняли монахи. Юноши в белых балахонах начали кидать вещи для костра. Сначала это были фальшивые волосы, духи, зеркала, румяна, рулоны французских шелков, шкатулки с серьгами, браслетами, модными пуговицами. Затем туда полетели колоды карт, стаканчики для игры в кости, и шахматные доски с фигурами. Поверх этой груды укладывали книги, переплетенные в кожу манускрипты. Сотни рисунков, картин, все произведения античной скульптуры, какими только смогли завладеть удалцы из Юношеской армии. Потом туда стали швырять виолы, лютни и шарманки – их прекрасные формы и мерцающая лаком древесина придавали этой невообразимой сцене оттенок вакханалии, – затем пошли в ход маски, карнавальные наряды, резная слоновая кость и предметы восточного ремесла; перстни, броши и ожерелья, – летя в костер, они заманчиво поблескивали. Вдруг к костру пробился Боттичелли и кинул в него свой набросок с Симонетты. Затем подошел мой учитель, фра Бартоломео со своими этюдами...

Микеланджело не мог продолжать. Помолчав, он судорожно вздохнул и стал рассказывать дальше:

- Толпа отзывалась на это громкими криками, и было трудно понять, одобряет она жертвоприношение со страху или в порыве восторга. Юношеская армия уже давно ходила из дома в дом, выискивая «произведения искусств, противоречащие вере», всяческие украшения и предметы роскоши, запрещенные законами. Если найденная добыча не удовлетворяла молодых людей, они выгоняли хозяев из дома, предавая его разграблению. И вот, настал момент, когда Савонарола поднял высоко факел и оглядел площадь. Затем он обошел пирамиду и зажег ее со всех сторон. И эшафот, и дерево, и вся груда сваленных вещей занялась плотным высоким пламенем. Синьория не предприняла ничего, чтобы защитить город от этих «ангелов в белых рубашках».

По щекам великого скульптора текли слезы. Он вытирал их, как ребенок, тыльной стороной ладони.

Некоторым присутствующим все это напомнило тридцатые года прошлого века. Ничего в мире не ново и ничего не меняется. Все становится лишь хуже.

- Истина одна и, стало быть, только единый из народов и может иметь бога истинного, – Федор Михайлович упрямо гнул свое. – Единый народ-«богоносец» – это русский народ.

- Отчего же русский? – не выдержала я. – Российский народ, тот, что живет в России, что ранее была Московией. Русский – это от Киевской Руси, а россияне ничего общего с ней не имеют. Киевская Русь – это колыбель украинцев, а не россиян.

- Так что, говорите, второе пришествие совершится в России? – ухмыльнулся Гессе.

- Наверяд ли, – сказала я. – Уж извините, что встречаю, но я тут единственная являюсь свидетельницей современных реалий. В России Христа попы-чекисты представляют и во главе державы тоже чекист стоит. России не удалось ни спасти, ни обновить мир православием. «Русская идея» нравственного возрождения превратилась в идею под названием «русский мир». Вы меня спросите, что это такое? Это насильственный захват чужих территорий, на которых проживают люди, говорящие по-русски, причем, их национальность не имеет значения, лишь бы по-русски говорили. Хитрый предлог выбрали для захвата! Почему? Да потому что мы все говорим на этом языке! В советской империи, где проживали 140 наций и национальностей, русский был официально объявлен языком общения. Просто взяли язык самой многочисленной нации и сделали его «языком общения».

Поэтому «спасать и защищать» русскоговорящих можно везде – от Эстонии до Азербайджана. Россия уже начала претворять свою идею в жизнь и я уверена, что на Молдове она не остановится. Поверьте мне, Россия еще покажет свое нутро.

- У вас какой-то беспорядок в уме, – угрюмо раздражился Достоевский, страстно тоскующий по России. – Я предполагал, что, если Россия перестанет верить, если с развитием цивилизации, народ не сумеет сохранить веру, стало быть, его сила временная, и Россия со временем духовно начнет разлагаться подобно Западу.

- Россия галлюцинирует своей исторической миссией, пьет, ворует, нищенствует и духовно разложилась до такой степени, что дальше некуда, - заметила я. – Куда там Западу с его терпимостью...

- Значит, «золотой век» царства истинного человеческого братства, справедливости и любви не настал? Но ведь православие исповедует в отличие от римской церкви неискаженного, истинного Христа, Христа нравственно свободного, не прельстившегося земной властью и могуществом.

Достоевский начал заметно трястись, я встала и насильно усадила его в свое кресло.

- Федор Михайлович, вы сядьте, наконец, в ноги правды нет. Ответьте мне на один вопрос – как церковь, погрязшая в грехе, продавшаяся земной власти и служащая этой власти верой и правдой, может исповедовать истинного Христа, о котором вы говорите? Это же абсурд! Естественно, что этого не было и быть не могло!

- А народ? Что же народ? – Достоевский не желал расставаться со своей верой в великий народ.

- Народ – это не одношерстная отара овец, идущая в одном направлении. Российский народ, как и любой другой, состоит из разных людей, с разным уровнем культуры, с разными верованиями и взглядами. Кто согнулся и остался, кто воспротивился и остался, кто уехал. Тот, кто согнулся да согласился, власти гимны поет и попам руки целует. А Бог – не в церкви и, как вы правильно сказали, не может быть общим. Бог живет в каждом из нас, в наших душах. Я не хожу в церковь, к попам. Там бога нет. Однако я верю в бога-творца, сотворившего красоту и дающего людям дар создавать шедевры. Он живет внутри меня, я не молюсь, но разговариваю с ним, он много раз спасал меня.

Я посмотрела на Германа Гессе.

- Скорей всего, я не расширю свою душу до таких размеров, чтобы вобрать в себя мир, - сказала я, обращаясь к нему, - а потом и всю Вселенную и, отказавшись «от мучительной обособленности», не стану вровень с Богом. Но вот вопрос – для тех, кто дерзнет и сможет, вровень с *каким* Богом они станут? С Богом, создавшим бесподобную и многообразную красоту на Земле, который хотел бы видеть человекадвигающимся вперед, достигающим вершин, стремящимся стать ближе к Творцу, потому что сам создает и самосовершенствуется? С Богом, поддерживающим в человеке стремление к знаниям, к воспитанию могучего, красивого, свободного ума и души, способной вобрать в себя всю Вселенную? С Богом, вселяющим человеку веру в себя? С Богом, не приемлющим безнравственности и пороков? Таков мой Бог! А тот бог, о котором нам поют псалмы попы, унижает, устрашает и разобщает. Такой бог нужен тем, кто поклонялся в верности земным владыкам. Наша цивилизация быстро двигается к своему концу и одной из главных причин нашего упадка является вера в ложного бога, выдуманного людьми для своих целей.

- Красота должна была спасти мир, та красота, что Бог создал на земле, а Христос должен был изменить людей, – сказал Достоевский.

- Красоты уже нет, Федор Михайлович, люди извели красоту. Они перестали думать, уверовав в то, что умение пользоваться маленьким приспособлением, которое помещается в их ладони, уже достаточно большое знание и больше им знать не надо. Это приспособление снабжает их всем – необходимой дозой общения и информации, причем, информации так много, она так разнообразна и часто настолько фальшива, что неразвитый ум среднего человека проанализировать ее не в состоянии. Информация проходит по касательной и назавтра забывается. Так человек теряет связь с миром.

- Я еще в эпоху граммофонов говорил, что люди будут убегать от себя и от своей цели, опутываясь все более густой сетью развлечений и бесполезной деятельностью. – Герман Гессе, как будто очнулся от своих дум.

- Вы оказались абсолютно правы, - мне показалось, что Гессе был все еще немного обижен той сволочью, что живет внутри меня. Тем не менее, я продолжала. – Только эпоха граммофонов осталась далеко позади. После эпохи граммофонов настала эпоха телефона и радио, потом эпоха телевидения, а сейчас мы живем в эпоху Интернета. Такое интересное явление, как Интернет или всемирная сеть, к которой мы подсоединяемся с помощью таких приспособлений, как компьютер или мобильный телефон, позволяет взрослым тратить свое время на то, чтобы на полном серьезе кормить коров в виртуальном Фармвилле, или сражаться с виртуальными монстрами. Однако это еще вполне безобидные развлечения, так, чтобы убить время. Трагедия нашей эпохи состоит в том, что родители перестали воспитывать своих детей. Они дают им в руки по маленькому компьютеру и все, дети отрезаны от родителей и обречены коротать свое детство наедине с этой небезопасной игрушкой. Постепенно они забывают лица и голоса своих родителей, они никогда не узнают, что значит разговаривать по душам, читать книги или уметь считать. Считает за них компьютер, ответы на все вопросы выдает тоже он. Наши дети – это не «потерянное» поколение, как называли послевоенную молодежь, а «компьютерное» поколение, которым сознательно пожертвовали. Его скормили технологическим игрушкам. Не игрушки для детей, а дети для игрушек! Телевидение тоже еще не совсем отжило свой век и каждый день уничтожает наши мозги сериалами для идиотов, разъедает наши души реали-шоу для извращенцев и опасной для нашей психики пропагандой. И все это вместо книг. Вас уже никто не читает, господа! Ваши мысли слишком длинны и ваш стиль слишком сложен для большинства моих современников.

- Люди имели глубокую потребность закрыть глаза и убежать от нерешенных проблем и страшных предчувствий гибели в как можно более безобидный фиктивный мир. Они были беззащитны перед смертью, перед болью, перед страхом, перед голодом, уже не получая ни утешения у церкви, ни наставительной помощи у духа. Дух оказался лицом к лицу с пустотой... Зазвучала музыка гибели, как долгоиграющий органнй бас. Раздавалась она десятки лет. Разложением входила в школы, в журналы, академии, тоской и душевной болью – в большинство художников и обличителей современности, которых еще стоило принимать всерьез. Бушевала диким и дилетантским перепроизводством во всех видах искусств. Полная деморализация духа, инфляция понятий. Погибают не только искусство, дух, нравственность, честность, но даже Европа и мир вообще.

Этот монолог Германа Гессе не требовал комментариев. Каждое его слово было применительно к нашему миру и к нашему времени – первому десятилетию двадцать первого века.

- Дух в наше время действительно оказался лицом к лицу с пустотой, - согласилась я, - людям нравится выставлять себя напоказ. Экспозиционизм поразил все континенты. Люди рвутся на сцену, они хотят танцевать со

«звездами», они хотят жарить и парить в прямом эфире, они хотят заниматься любовью и выворачивать душу наизнанку, рассказывая о своих семейных грязных секретах, тоже в прямом эфире. В наше время единицы обладают тем набором знаний и культуры, что зовется образованием, а хорошие специалисты вымирают у нас на глазах. Слово профессионализм утрачивает свое значение. Напротив, люди предпочитают друг друга развлекать. Одни получают от этого сомнительное удовольствие, другие получают за это больше деньги. Те, что перед экранами, теряют остатки своего разума, те, что по ту сторону экрана, уже потеряли остатки своей нравственности. Ну, и тот же Интернет помогает расслабиться: к услугам уставших за день трудягам сайты с порнографией, в том числе, и с детской. Мое сознание отторгает тот факт, что какая-нибудь особь, внешне напоминающая человека, может получать удовольствие оттого, что насилует ребенка, а иногда, и младенца. Мы уже давно не чувствуем и не замечаем боли! Мы уже себя приговорили, добровольно отказавшись от процесса мышления, превратившись в удобную толпу для властелинов мира. Воспринимая мир по касательной, мы допустим не только очередную большую войну, но и пропустим собственную массовую гибель.

И тут я услышала голос милейшего человека, финна, который пишет на шведском, но пишет как раз о том, что так бесконечно близко и мне. Кристер Чильман, как и я, не выносит пренебрежения к общечеловеческой морали. Ему уже перевалило за девятый десяток, но его голос тверд и полон негодования. Как он оказался среди моих гостей?

- Двадцатый век положил начало ожесточенной жажды власти, - сказал он. - Власти во что бы то ни стало, наступающей со всех сторон. Власти хозяев мира и их марионеток политиков, власти наций, власти церкви. Прошлый век также положил начало грубому и безусловному стремлению к наживе, которое в обнаженном мире настолько безобразно, неприятно и страшно, что ловкие люди считают необходимым украсить его и задрапировать различными добродетелями и хитростями, моральными и экономическими побрякушками и всякой культурной дребеденью. Стремление к наживе – как основа силы и благосостояния отечества, стремление к наживе – как предпосылка полной занятости рабочих и гарантия обеспечения масс, стремление к наживе – как поддержка и опора науки и искусства. Когда я раскусил этот обман?

- Ваш «Милейший принц» - потрясающая книга! – я не смогла сдержать своего восхищения.

- Благодарю, но я глубоко потрясен, - продолжал Чильман, - порой бываю совершенно разбитым, подавленным, впадаю в апатию от отчаяния: куда мы идем, что станет с людьми? Время, в которое мы живем – это трясина позора, оргия недостойных человека поступков, причем откровенная оргия, это-то и ужасно, теперь нет даже фальши, которую можно было бы разоблачить. Теперь стали настолько наглы, что объявляют ценностью обыкновенное дерьмо.

- Парад сытости и тщеславия! – подхватил появившийся Жан Жубер. – Мы живем в довольно подлую эпоху и я не завидую тем, кто чувствует себя в ней вольготно. Культ современности, скоростей, показного! Как будто человеку этого достаточно! Поверхность, одна поверхность! Человек пытается скрыть собственную пустоту с помощью денег и вещей. Современному человеку терпение дается так же трудно, как дисциплина и сосредоточенность. Все эти скорости воспитывают в нем как раз противоположное – торопливость и поверхностность. Когда говорят о чем-то святом, все смеются. Что такое современный мир? Скученность, пошлость, безобразие промышленных сооружений, власть денег и господство газет, гибель богов.

Жубер был одним из нас, из тех, кто сражался с ветряными мельницами. В «Человеке среди песков» он поведал о том, как исчезают деревни, на месте которых поднимаются города. Уходят семьи, традиции, культура, связи – все, что было дорого человеку, заносит песками забвения.

- Сегодняшний мир подл, - подытожил Герман Гессе.

- Сволочи, - отозвался Достоевский.

- Кто виноват? – раздался голос Гете, моего любимого поэта, написавшего «Фауста» и «Лесного царя». Гете был прост, сдержан, обаятелен. К нам в гости пожаловал человек, которому удавалось без труда овладеть любыми знаниями и которого угораздило без памяти влюбиться в юную красавицу, когда ему было за семьдесят.

- Думаю, вина здесь двойная, - ответила я. – Прежде всего, это вина политиков, управляющих державами. Они освободились не только от нравственности, но и от разума. Они сеют ненависть в народах. Однако народы виноваты в такой же степени, потому что отдают свои голоса за развращенную политикой погань и доверяют этой погани свои государства, свое благополучие и жизни своих детей.

- Мы, люди новейшего времени, - ответил Гете, - скорее склонны повторять вслед за Наполеоном: *политика* есть рок. Политика – это не поэзия и не подходящая тема для поэта. Ежели поэт стремится к политическому воздействию, ему надо примкнуть к какой-то партии, но, сделав это, он перестанет быть поэтом, ибо *должен распротиться со свободой духа, с независимостью своего взгляда* на мир и, напротив, натянуть себе на голову дурацкий колпак ограниченности и слепой ненависти. Что значит – любить отчизну, что значит – действовать, как подобает патриоту? Если поэт всю жизнь тщился побороть вредные предрассудки, устранить бездушное отношение к людям, просветить свой народ, очистить его вкус, облагородить его образ мыслей, что же еще можно с него спросить? И как прикажете ему действовать в духе патриотизма? Я ненавижу плохую работу как смертельный грех, но более всего – плохую работу в государственных делах, так как от нее страдают тысячи и миллионы людей. Я не слишком интересуюсь тем, что обо мне пишут, но многое все же до меня доходит, и я знаю: как бы трудно мне ни приходилось в жизни, вся моя деятельность в глазах целого ряда людей ровно ничего не стоит, потому что я наотрез отказывался примкнуть к какой-либо политической партии. Чтобы угодить этим людям, мне следовало заделаться якобинцем и проповедовать убийство и кровопролитие!

- Откуда в мире столько зла? Ведь каждый в детстве верил в чудо, – Руссо глубоко и несчастливо вздохнул.

- Наше общество больно и, как любой больной организм, само себя отравляет, - констатировал еще один гость, появившийся в комнате. Это был американский романист, профессор Эдгар Доктороу. Его умные глаза смотрели с большой грустью. – Кто эти люди, что слушают и слушают, возвращаясь в состояние неграмотности? До того, как придумали письменность, в мире царила иная система представлений: голоса отделялись от тела, люди рассказывали сказки, духи говорили устами шаманов, мы были братьями всякому зверью, верно ведь? Господь перестал говорить людям только после того, как они написали об этом в Библии. А с другой стороны, какая, в конце концов, разница: вы даете людям наушники – они надевают их, показываете на экран – они пялятся на него, произносите заклинание – они впадают в транс, поете – они подпевают. Неужели вы не замечаете, что мы пассивно позволяем готовить себя к бессмысленному насилию, к нуждам, бедам, в которых нет необходимости? Эта отвратительная атмосфера всеобщей гибели...

- В Библии, написанной людьми, а не богами, начертано черным по белому: «Умножать свои познания – значит, умножать свои трудности». Этим все сказано.

Я встала и прошлась по комнате, в которой было не протолкнуться. Среди собравшихся гостей были самые яркие, совестливые и мужественные обличители современности. Остановившись рядом с Доктору, я сказала:

- Мне интересна ваша мысль о том, что Господь перестал говорить с людьми после того, как они написали об этом в Библии. А где доказательства, что Бог вообще говорил с ними? Возможно, «плесень» все это выдумала для поддержания собственной значимости?

- Не значимости, а веры, - встрял долго молчавший житель моих внутренних чертогов, внимательно следивший за ходом беседы. – Пришло время управлять массами и контролировать их, поэтому были написаны два тома прописных истин и моральных постулатов. Я спрашиваю себя, как люди вообще жили до появления Библии, откуда черпали знания о том, что хорошо, что плохо? Библия с ее страшилками и с обещаниями вечного блаженства в раю, при условии, что уверуешь в то, что ты раб и должен подчиняться Небесному царю, а на самом деле, попам и земным владыкам, разошлась по всему миру огромными тиражами.

- Разделяй и властвуй — мудрое правило, но объединяй и направляй — еще лучше, - заметил Гете.

- Что ты хочешь, - отозвалась я на замечание своего внутреннего жителя, - ведь издательством является такой международный конгломерат, как институт Церкви. Издает и распространяет через своих посредников по всему миру. И ни тебе литературных агентов, ни синопсисов, написанных по определенным правилам, ни писательского ожидания, унижения и досады. Так продать можно все, что угодно!

- Приведу пример, - снова раздался голос Доктору, - Христос и Спартак – два великих мученика. Мы и сегодня находимся в тени крестов, на которых их распяли. Однако, если Спартак призывал разрушить Рим и уничтожить Сенат, так как справедливо считал, что они окончательно прогнили, то Христос советовал тем, кого веками пинали под зад, подставить правую ягодицу, когда их били по левой.

- Вся история церкви — смесь заблуждения и насилия, - заключил Гете.

Решив прервать перечисление безнадежных изъянов нашего времени, я обратилась ко всем присутствующим в моей студии:

- Современный мир с его пороками, как и понимание его скорой гибели, приводят к тоске, апатии или к вине. В чем конкретно наша с вами вина? Да, мир несовершенен, мир жесток, мир убог, мир несправедлив и кровав. Однако такое состояние мира совсем не беспокоит власть предержащих. Никогда не беспокоило. Возможно, гораздо лучше, вместо того, чтобы барахтаться в безысходности, ужасаясь реальности, стать «неудобным человеком» для властей? Сделаться тем, кто буквально рассказывает людям правду, кому они поверят, за кем пойдут? Стать тем *голосом*, который откроет людям глаза, заставит их проснуться, встряхнуться, наполниться энергией и спасти мир? Стать тем *голосом*, которого будут бояться все эти политиканы и «крестные отцы» их преступлений – финансисты? Если бы я была писателем, я бы пошла этим путем.

- Но разве мы не были *голосами*? – донеслось до меня со всех сторон. – Разве кто-то услышал наши голоса? Разве что-то изменилось? Системы и выстроенный мировой порядок всегда сильнее чьего-то одинокого голоса.

И тут в комнату вломился Генри Миллер, разметав своим категорическим ором всех по сторонам. На нем была грязная майка, штаны, выдавшее виды пальто, и шляпа. Бросив шляпу на стол, он оголил свой лысеющий череп.

- Наш мир, – прокричал он, - это ложь на фундаменте из огромного зыбучего страха. Если и рождается раз в столетие человек с жадным, ненасытным взором, человек, готовый перевернуть мир, чтобы создать новую расу людей, то любовь, которую он несет в мир, превращают в желчь, а его самого – в бич человечества. Если является на свет книга, подобная взрыву, книга, способная жечь и ранить вам душу, знайте, что она написана человеком, с еще не переломанным хребтом, человеком, у которого есть только один способ защиты от этого мира – слово.

- Опять спасать мир в одиночку? – поинтересовался мой внутренний житель.

- В мире, где большинство топчется вслепую, единственный зрячий будет объявлен сумасшедшим, монстром, смертельной угрозой. – Генри Миллер устало опустил на стул.

- Прямо описали современные технологии черного пиара и дискредитации, - с удивлением заметила я.

- Способные мыслить одиночки должны спасать не мир, а себя в этом мире.

- Одиночество – это независимость, его я хотел и его добился за долгие годы. Оно было холодным, как холодное тихое пространство, где вращаются звезды. – Герман Гессе мечтательно взглянул куда-то вверх.

- Жизнь терпима только при условии, что ты всегда отстраняешься от нее, – Гюстав Флобер появился под самый конец нашей вечеринки, но я была ему благодарна за визит. Еще несколько лет тому назад, я была его мадам Бовари. Сейчас я излечилась, превратившись из мотылька в одинокую свечу.

- Сегодня я горд тем, что я вне человечества, не связан с людьми и правительствами, что у меня нет ничего общего с их верованиями или принципами. Я не хочу скрипеть вместе с человечеством. Я свободный человек и мне нужна моя свобода. Мне нужно быть одному. Нужно думать о своем стыде и отчаянии в одиночестве; мне нужны солнце и камни мостовых, но без спутников и разговоров, я должен остаться лицом к лицу с собой и с той музыкой, которая звучит в моем сердце. – Генри Миллер сидел у стола и пил вино прямо из бутылки.

- Я свободен. В моей жизни больше нет никакого смысла – все то, ради чего я пробовал жить, рухнуло, и ничего другого я придумать не могу. – Сартр тихо вошел в комнату. Как и де Виньи, этот человек изрек нечто, что стало аксиомой, по крайней мере, для меня. Он сказал, что «ад – это другие люди». Еще один непреложный аргумент в пользу одиночества.

- Освободиться от смысла жизни и просто жить, - поскольку моему внутреннему жителю было противно «просто жить», поэтому в его голосе прозвучала издевка.

- В тот день, когда в людях угаснут и энтузиазм, и любовь, и поклонение, и преданность, давайте пробуем землю до самого ее ядра, заложим в скважину пятьсот тысяч баррелей пороха, и пусть наша планета разорвется на части, подобно бомбе, среди небесных светил. - Огорошив нас своей «атомной грезой», Альфред де Виньи распрощался с нами первым.

Он ушел, однако в тот же миг в моей студии появился последний гость. Лоб, простирающийся до середины черепа, и торчащие вокруг космы седых волос. Знакомьтесь – Артур Шопенгауэр, философ.

- Современный мир – один из наихудших миров, - сказал он.

- Есть ли выход, утешение, надежда? – поинтересовалась я, наперед зная ответ.

- Ничто так не спасает от бед, как внутреннее богатство – богатство духа, – ответил мне Шопенгауэр. – Нескончаемый поток мыслей, их вечная игра по поводу разнообразных явлений внутреннего и внешнего мира, способность и стремление ко все новым их комбинациям – все это делает одаренного умом человека, если не считать моментов утомления, не поддающимся скуке. Человек умный будет, прежде всего, стремиться избежать всякого горя, добыть спокойствие и досуг, он

будет желать тихой, скромной жизни, при которой его бы не трогали, а, поэтому, при некотором знакомстве с так называемыми людьми, он остановит свой выбор на замкнутой жизни, а, при большом уме – на полном одиночестве. Ведь чем больше человек имеет в себе, тем меньше требуется ему извне, тем меньше могут дать ему другие люди. Вот почему интеллигентность приводит к необщительности.

- Люди не только смешны, но и очень злы. – Сказав это, Вольтер раскланялся.
- Судьба жестока, а люди – жалки, - подхватил Шопенгауэр. – К тому же, по общему правилу, власть принадлежит дурному началу, а решающее слово – глупости. В устроенном таким образом мире, тот, кто много имеет в себе, подобен светлой, веселой, теплой комнате, окруженной тьмой и снегом декабрьской ночи. Поэтому высокая, богатая индивидуальность, а, в особенности, широкий ум – означает счастливейший удел на земле, как бы мало блеска в нем не было.

«Я выбираю одиночество», – подумала я.

Вот так я провожу ночи, ощущая рядом присутствие всех тех, о ком я рассказала выше. Я провожу ночи в их компании, мы тихо разговариваем, читаем, думаем и работаем. Бывает, что сам Бог присоединяется к нам, ведь талант – это одержимость Богом-творцом. Я не особенно льщу себе, но всех-то остальных моих гостей Он наградил сполна, дотронувшись до них своей десницей. Как же Ему не навестить своих избранников?

И все же, отношения с Богом – это как отношения с неверным любовником, как смена дня и ночи, зимы и лета. Отношения с Богом – это фазы. Это периоды любви и близости, и периоды забвения. Бывает, что неделями и, даже, месяцами Он находится рядом, знаешь, что вокруг тебя не пустота, а дорога, ведущая к свершениям и к сладкой усталости, похожей на истому после ночи любви. А бывает, сколько ни стучи, сколько не протягивай руки ввысь, Он молчит. Тогда пусто и немо вокруг. Там, наверху, куда протягиваешь руки, дороги нет, а есть всего лишь обычный белый потолок. В такие дни ничего не происходит и все останавливается.

После таких посиделок мой мучитель, не желающий жить без гроз, бурь и духовной пищи, успокаивается и удаляется восвояси, оставляя меня с ворохом умных мыслей и восхитительных воспоминаний. Теперь он некоторое время появляться не будет.

А в дверь моей студии уже стучится та женщина, что любит чистоту. Завтра она займется уборкой квартиры».

Глава 29.

Яков

Время шло и вот уже 2004-ый год подходил к своему концу. Лиза и Джордж уже более двух лет жили под одной крышей. Она много работала, а он каждое утро отправлялся к себе в офис и чем-то там занимался. Жизнь не была счастливой или несчастливой, она просто была. Ее размеренное течение было прервано во второй половине ноября, когда позвонил Игнат и сказал, что Александре стало хуже. Ее забрали в больницу. Лиза поняла, что пришло время лететь в Киев. Больше не может быть никаких отговорок, она должна быть рядом со своей матерью и ухаживать за ней. Она сказала себе: «Там твоя семья. Я им нужна».

Пока она собиралась, ее душу рвали демоны ее страхов. Она боялась увидеть свою мать на смертном одре, стать свидетельницей того момента, когда наступает смерть. Она боялась увидеть смерть. Она боялась, что ее мать в последний момент скажет что-то ужасное, обвинит и проклянет ее, и она запомнит эти слова на всю жизнь. И все же, она собиралась поехать и быть рядом с ней, ухаживать за ней, плакать и прощаться. Каждый день ей придется выкраивать пару часов, чтобы съездить к Анне, которая сейчас одна, чтобы искупать и покормить ее. Это ад, через который ей предстоит пройти, не останавливаясь и не оглядываясь. Она знала, что где-то в этом аду обитает Иезуитов. Разозленной неудачей своих отморозков в Афинах, он наверняка знает о ее приезде. Она не хотела возвращаться в Киев, в те дома и на те улицы, где ее предали и где ей было так страшно. Несмотря на то, что прошло уже более четырех лет, воспоминания по-прежнему жгли ей душу.

Кое-как справившись со своими страхами, заперев свою студию и поручив Джорджу своих котов, Лиза поехала в аэропорт. Рейс из Афин на Киев был задержан на шесть часов. Ожидая посадки и слоняясь по ограниченной территории зоны отлета, она гадала, не знак ли это свыше?

Сев в самолет и стараясь не думать о том, что ее мать умирает, что ее бывший партнер Иезуитов все еще жив и поджидает ее, а также о том, что в центре Киева начались нешуточные протесты, она закрыла глаза. Неожиданно ей пришло в голову, что ее родной дед Яков, девяносто лет тому назад, покинув Умань, тоже добирался до Киева, где в то время бушевала нешуточная история.

Булгаков, переживший времена, «когда внезапно и грозно наступила история», пишет: «Что за это время происходило в знаменитом городе, никакому описанию не поддается. Будто уэллсовская атомистическая бомба лопнула над могилами Аскольда и Дира, и в течение 1000 дней гремело и клокотало и полыхало пламенем не только в самом Киеве, но и в его пригородах, и в дачных его местах в окрестности на 20 верст радиусом... По счету киевлян, у них было восемнадцать переворотов. Некоторые из теплушечных мемуаристов насчитали их двенадцать. Я точно могу сообщить, что их было четырнадцать, причем десять из них я лично пережил». (Михаил Булгаков, «Киев-город»). Это были времена «Дней Турбиных», и в этих днях неприметным персонажем был совсем юный Яков, согнувшийся над рисунком в своем классе в Академии художеств, потом валяющийся без сознания в мертвецкой, потом, после размышлений о своей дальнейшей судьбе, ставший курсантом военного училища.

Весна 1918 года выдалась в Умани поздней и слякотной. Никак не прекращались холодные и серые дожди. Дороги перед домами развезло, грязь была везде. Казалось, что солнце уже никогда не прорвет пелену серого неба. Одежда не сохла, хлеб, полный влаги, был тяжелый и вохкий, как кусок глины. Солома для коров сгнила. Люди в этом еврейском местечке устали от холода, неопределенности и бремена греха, являвшегося причиной их постоянного страха.

Яков собирался в Киев. За гроши он продал дедову мазанку в Раковке и сейчас набивал книгами мешок. Полки в доме из двух комнат были пусты. На кровати валялся непокрытый матрас, а на столе стояла тарелочка с солью. Яков нашел старую газету, оторвал от нее кусок, свернул кулечек и пересыпал туда соль. Потом обмотал полхлеба грязным полотенцем и положил краюху на книги в мешок. Впереди был целый день. Его последний день в родном городе.

Он сел на единственный оставшийся табурет. Бывал ли он счастлив здесь? Да, бывал, вопреки тому обстоятельству, что родился в бедной семье. Отец его был стар и часто болел. Он умер, когда Якову исполнилось два года. Молодую и

красивую мать сосватали за польского еврея, жившего во Вроцлаве. Когда Якову было всего три годика, она поцеловала его в последний раз. Она писала сначала своим родителям, а потом, когда ее сын подрос и научился грамоте, писала ему. Он редко отвечал. С момента их расставания прошло пятнадцать лет. Яков знал, что у него есть мать, но уже давным-давно не представлял, какая она. Иногда он был счастлив со своим дедом Семеном и бабушкой Анной. Вернее, он просто с ними жил. Они учили его мудрости и вере. Маленькому Якову было интересно, но не более. Его сердце не приняло веры. Почему в кого-то или во что-то надо верить? Почему нельзя жить свободно, с любознательным умом, со спокойной душой, не желающей принимать рабства перед догмой, придуманной не Богом, но людьми? И что значит «Бог есть судьба»? Покориться судьбе и просто плыть по течению своей жизни, ждать, не переча и не возражая, не пытаясь выпростаться из уготованных судьбой пут? Наблюдая за тем, как безоговорочно верили его дед и бабушка, Яков пришел к выводу, что Бог слишком назойлив, безжалостен и несправедлив.

- Почему ты не можешь поверить в Бога? – часто спрашивал его дед, удивляясь упрямству своего внука.

- Потому что его нет, – всегда одно то же отвечал Яков.

- Да почему же нет?! – сердился дед. – По-твоему, столько верующих людей глупцы, а ты самый умный?

- Кто-то видел твоего Бога? – Яков в этом споре про Бога часто срывался на крик. – Разговаривал с ним? Только не рассказывай мне сказки про Ноя и Моисея, придуманные людьми. Кому этот Бог помог? Не в сказках, в жизни. Посмотри на бабушку. Вечная нищета, нужда, тяжелая работа. Когда она стирает в лохани белье, глаза ее пусты, как две дыры, потому что она делает это всю свою жизнь. Завтра она будет точно также стирать и ждать куска хлеба с мясом из рук тех, кто живет в богатом квартале. Почему твой Бог ни разу не пожалел ее, почему не забрал кусок золота у богача и не бросил ей в лохань? Разве она не заслужила? Почему твой Бог не остановил ни один погром? Почему он позволяет людям начинать войны? Зачем он пачкает наши руки кровью? Зачем поселяет в их сердца ненависть и страх? А дети, умирающие от голода и болезней? Где же твой Бог?!

На что дед всегда ему отвечал:

- Если он прощает нас, то и мы должны прощать Его.

Эта фраза приводила Якова в ярость.

- На твое прощение ему плевать и откуда ты знаешь, что он прощает нас? За что нас прощать? Тебя, бабушку – за что? За покорность, за смирение, за веру в Него? А почему он прощает воров и убийц? Что это за всепрощение? И разве нищета, в которой мы живем, прощение, а не наказание?

- Нет, Яша, не наказание. Это – наша жизнь.

- Жизнь? Хоть бы твой Бог указал нам одну цель, которую можно достичь. Вот так бы и сказал: делай это и в конце ты добьешься успеха.

- Хочешь, чтобы Бог твою жизнь преподнес тебе на блюдечке? Цель выбираешь ты сам, а Бог тебе поможет ее достичь. Ты свободен. Яков, подумай своей головой – разве это плохо?

- Какую цель он помог достичь тебе? Нищета была твоей целью? И Бог тебе в этом помог?

- Яков, ты дурак. Бог мне помог смириться с моей судьбой, потому что Бог есть судьба.

- Где же тогда твоя хваленая свобода?! – Яков терялся от духовной слепоты своего деда – как он не может не видеть очевидного? – Ты рождаешься со своей

судьбой и все для тебя решено. Ты никогда даже не пытался вырваться из пут нищеты. Бог за тебя решил, как именно ты проживешь свою ничтожную жизнь.

- Да решил, а я это принял. Будут другие жизни, будут разные жизни, внук. И, если я буду верить в Бога, то он даст мне прожить лучшую жизнь, в которой твоя бабушка будет пить кофе по-варшавски и есть сладкие пирожные в Гранд-отеле.

- А как ты будешь знать, что это ты? Душа ведь после смерти очищается.

- Да как-нибудь узнаю. А, если не узнаю себя, то и невелика беда.

На этом обычно разговор деда и внука заканчивался, потому что Якову было нечего возразить на такую, как ему казалось, слепую и недалекую веру своего деда в того, кто не существует. Он был уверен, что дед оправдывает свою тяжелую и тусклую жизнь божьим проведением. Тогда можно себя не винить. Свалил на Бога свою нерадивость и живи спокойно. Вот только семьей не надо в таком случае обзаводиться.

Последний разговор состоялся у Якова с дедом Семеном перед самой его смертью. Яков тогда его спросил:

- Откуда ты вообще знаешь, что Бог есть?

И дед ему ответил:

- Бог есть. Свидетельства его существования застают нас врасплох. Однажды он тебя удивит и ты поверишь не только в то, что он есть, а поверишь в него. А пока ты должен учиться, потому что только «приобретающий разум переживет тело». Трудись и думай над истиной. Ты уже привязан к Богу, Яша. Подумай своей головой, откуда у тебя талант? Ты же родился с ним. Кто вложил в твои пальцы умение водить карандашом, кто соединил твой глаз и твою руку, даровав тебе способность так точно переносить на бумагу то, что ты видишь? Ты думаешь, все умеют так рисовать, как ты? Нет, так рисуют единицы. Вот тебе и цель. Бог тебе ее с рождения дал. Тебе только надо выучиться. Будешь рисовать портреты богатых евреев, потом сам разбогатеешь. Твоя жена будет пить кофе по-варшавски. У нас нет денег на твою учебу, но ты сам должен найти средства. Если Бог дал тебе талант, значит, он уверен, что ты найдешь пути к цели. Ты только Бога не предавай, цени его подарок и проживешь чудесную жизнь. Будет у тебя шалом, божья благодать. А я уйду. Бог мне в этой жизни не дал цели, только смирение. Видно, где-то я напроказничал в прошлых своих жизнях. Теперь буду надеяться на другую, лучшую жизнь, а уж как Он распорядится, не знаю, но верю Ему...

Со времени их последнего разговора прошло полгода, но Яков так и не смог поверить в дедова великого Бога.

Как верить Богу, если человеческая жизнь на Земле настолько несправедлива? Нищие и усталые так и остаются нищими и усталыми. Эту массовую шизофрению, когда толпы верующих ожидают чуда и оправдывают жертвы, нельзя ни объяснить, ни понять, ни простить. Кровавые войны, начатые безумцами, длятся годами, пока этот безумец не победит или не проиграет. Пройдет несколько лет или десятилетий и опять в людях просыпается потребность убивать. Бог ни разу не спустился, не пришел, не развел, не спас. Не спас ни одной детской жизни, не говоря уже о взрослых... Такой «подарок», как война – это что, божья месть людям? Время от времени, Он подсовывает людям того, кто горит желанием завоевывать другие страны, того, кто может убедить других идти вместе с ним убивать и умирать самим. Эти дьяволы, посланные Богом, вдыхают в людские сердца тщеславие, ненависть и злобу.

Возможно, если бы люди меньше верили своим молчаливым богам, мир был бы другим. Потому что верят-то они не в полезное благо, не в смысл или целесообразность, а в несбыточное чудо. Не исполняя божьих заповедей, они все же уверены, что веруют и, поэтому, надеются на чудо. Какой самообман! Почему

люди не решают и не делают сами, почему вечно ожидают милости от Бога? Если бы они убрали из своих жизней Бога, неужели было бы хуже? Разве Бог сдерживает человека от разбоя или убийства? Почему одни любят деньги, а другие и не думают восставать против нищеты? Почему одни за деньги, не раздумывая, идут на преступление, не боясь гнева Божьего, а другие живут впроголодь, но каждый день поминают в своих молитвах Бога, надеясь, что тот их услышит и не покарает еще больше?

Почему никто до сих пор не отомстил Богу за смерть детей, отвернувшись от него? Почему никто не заставил его спуститься на Землю и сначала накормить всех, насытив семью хлебами, а потом освободить человечество от желания и возможности грешить? Чтобы уже никто и никогда не помышлял о войне, краже, обмане и прелюбодеянии. Тогда да, такому Богу можно верить и не зазорно такому молиться.

Хитрый Абельяр говорил – грешен лишь тот, кто сознает свой грех. Другими словами, если ты согрешил, но не осознал свой грех, значит, ты и не грешен вовсе. Плохо то, что людей оставили наедине с попами, которые трактуют слова избранных ими богов вольно и безответственно. Если бы сами боги не молчали, если бы они, а не попы, постоянно нависали бы над своими верующими, поправляя их, наставляя и наказывая их, мир был бы лучше. А так сплошная ложь, расхристанность и анархия. Нет ни порядка, ни сдержанности, ни порядочности. Только армия нечистых на руку, корыстолюбивых попов. Боги давно покинули нас – Яков был в этом убежден. Он воспринимал жизнь сухо, без фантазий. Душа его не маялась и не болела. Он жил в пространстве той реальности, которую мог познать и постичь своим невеликим пока разумом. В этой реальности было мало людей и жизненных обстоятельств, однако все они были аккуратно разложены по полочкам. Когда было плохо, было просто плохо, когда-нибудь будет хорошо, а, может, и не будет. Яков не искал Бога и не надеялся на его помощь. Он также никогда не говорил то, что говорил его дед Семен – «так хочет Бог».

Дед никогда не злился на своего безбожника внука. Он знал, придет время, Бог научит или заставит его поверить в себя.

Однако тот же Бог подарил Якову талант. Разве Бог не судьба? Мальчик прекрасно рисовал. Без учителя и специальных знаний, он творил карандашом чудеса.

Бабушка Анна, жившая в постоянном страхе, гордилась тем, что ее внук был талантлив и красив. Она молилась о благодати для Якова. Шалом – это блаженство, это мир, это высший дар божий. Ей хотелось, чтобы Яков прожил свою жизнь в дарованной ему Богом благодати.

Окидывая взглядом пустой дом, где он провел детство, Яков подумал о том, что, когда двое стариков были живы, его сердце, не знавшее материнской заботы, любило их. Они не мешали ему пропадать целыми днями в парке с блокнотом и карандашом, а по вечерам, за скудным ужином, после молитвы и еды, они рассматривали его рисунки. Хвалили его. Восхищаясь его талантом, они не отбирали у него свободу. Яков вырос, не зная попреков и принуждения к работе. Теперь их не было. Первым умер дед, потом ушла к своему Богу и бабушка. Яков перемучился зиму и решил добираться до Киева. Туда, где его талант смог бы найти свое продолжение и применение. Он покидал Умань навсегда...

История Умани или, по-старомодному, Умэни, началась давно, в 15-ом веке. Позже, в 1616 году, с запада в Умань пришли евреи. Поселившись в центре, они сосредоточили в своих руках финансы и экономику, что дало им право получить большинство голосов в городском совете. В 1890 году Умань превратилась в настоящий «штетл», торговое местечко, в котором еврейская община составляла

80% от всего населения. На рубеже 19-го и 20-го веков, в Умани была открыта железная дорога, в городке было 19 синагог, шесть отелей, среди которых выделялся «Гранд-отель», небольшой театр, полицейский участок, тюрьма и «Общество попечения о бедных сиротах евреях». Неужели мы забыли про банки? Их было пять и все они находились на главной Николаевской улице.

Вот что писал о Николаевской улице очевидец: «Улица была широкая, обсаженная старыми деревьями, с широкими тротуарами, с керосиновыми фонарями, с деревянными газетными киосками и сквером, в котором находилось здание городского театра-цирка. Возле гостиницы «Франция», в кафе-кондитерской, торговали чудесным печеньем и мороженым, которое с успехом конкурировало со сладкими изделиями из Киева и Петербурга. Магазины были большие и красивые. Во всяком случае, товар в них был не хуже киевского. И это неудивительно, потому что снабжение шло не только из Киева, но и из Варшавы и Одессы».

Самые большие магазины принадлежали семьям Файнштейн, Шварцман и Пхор. У Файнштейнов настолько хорошо шли дела, что они построили синагогу и приют для стариков. В еврейских магазинах можно было торговаться и кое-что выторговать и, все же, дешевле было покупать в магазинах в районе Старого города и на рынке.

Шварцманы, Файнштейны, Лернеры и все остальные местные богачи обосновались в кварталах вокруг центра Умани. Их изящные жены, затянутые в корсеты, с модными шляпками на головах, по утрам пили кофе по-варшавски, заваренный на кипящем молоке, ездили в элегантных экипажах в парк Софиевка и с нетерпением ждали ежегодного благотворительного бала. По субботам, в красивых домах, собирались семьи в полном составе и отцы читали молитвы, слова которых дети потом помнили всю свою жизнь. Впрочем, молитва звучала только после того, как белый хлеб и мясо были розданы беднякам. По субботам в Умани следовали правилу: что ел богатый еврей, то ел и бедный. А каждый четверг по богатым кварталам ездила подвода, собирая дрова для неимущих.

В центре Умани находились дома, выделявшиеся своей архитектурой, причудливыми фасадами и, конечно, своей историей. Вот, например, дом доктора, врача-хирурга Абрамсона. Широкая каменная лестница на одном из его фасадов, раскрывалась веером на большую террасу, куда выходили стеклянные парадные двери. В просторном холле с колоннами висели хрустальные люстры. Когда садилось солнце и семья отдыхала на террасе, солнце, заигравшись в хрустале, бросало пучки разноцветных брызг на стеклянные двери. И тогда сидящим за чаепитием, приходилось прикрывать ладонью глаза, улыбаться, любоваться и восхищаться хрустально-солнечным чудесам. В этом же холле были установлены скульптуры дремлющих львов, а стены были украшены виноградными лозами, вырезанными из дерева. Сочетание львов и виноградных лоз пришло прямехонько из Агады, где вспоминается о троне царя Соломона: «С обеих сторон престола были расположены двадцать четыре виноградных лозы, образующих сень над ним... Тут же находились полые внутри фигуры двух львов, наполненные благовониями. Благовония начинали сочиться при восхождении Соломона по ступеням трона».

Квартал, где селились бедные евреи, находился к югу от центра города и назывался Раковка. Дома плотно лепились по склону, который опоясывала дорога, ведущая к речке Уманке. Жили по несколько семей в доме, в том числе, и в подвалах. Эти мазанки были натяканы без всякого плана. Между ними не было ни дворов, ни оград, ни огородов. Стена одного дома являлась одновременно стеной соседнего. Узкие улочки, с трудом отвоевавшие себе место среди нагромождений

из этих странных жилищ, ручейками стекались к Синагоге и к рынку. Жители Раковки зарабатывали себе на хлеб, обрабатывая в маленьких мастерских дерево и металл, тачая одежду, сбрую и сапоги. Когда мазанки уже негде было городить, бедняки начали зарываться в землю, соорудив под Раковкой целый подземный город.

Бедные и богатые кварталы жили своей жизнью, но время от времени их привычный ритм нарушался душераздирающим криком. Одним протяжным, многоголосным, безобразным криком. И богачи, и бедняки кричали от боли и ужаса во время погромов. Погромы пролетали над городом, оставляя позади себя смерти, развороченные дома и безвоздушное пространство ужаса. Погромы проходили по всей Украине и творились они по приказу из Петербурга. В Умани евреи сумели организовать отряд самообороны и, поэтому, смертей там было сравнительно не много.

Рассказывая об этом необыкновенном городке, где сошлись религиозная догма и романтическая любовь, невозможно умолчать о цадике Нахмане и прекрасном парке, сотворенном в честь известной красавицы и любимой женщины.

Сначала расскажем о парке. Граф Потоцкий купил в Умани усадьбу, вокруг которой заложил для своей любимой парк. Его жена, София де Витте, прошла путь от девчонки, проданной на стамбульском базаре, до авантюристки, шпионки и любовницы королей. В списке ее амурных побед были французский и германский императоры, шведский и польский короли, а также российский император Александр I, Светлейший князь Потемкин и генерал-губернатор Одессы Дюк де Ришелье. Она обладала блестящим умом и безмерной хитростью. Ее называли «прекрасная фанариотка». Из-за нее сходили с ума. Для нее совершали подвиги и предавали интересы Отчизны. Из-за нее Польша на полтора столетия перестала существовать как государство. Вельможный пан Станислав Феликс Потоцкий, под влиянием Софии де Витте, подписал акт про-российской Тарговицкой конфедерации. Результатом такого опрометчивого шага стал второй раздел Польши и потеря ею независимости. Потоцкий предал Родину, но удержал возле себя прекрасную гречанку. Для нее он заложил прекрасный парк, назвав его в честь своей возлюбленной. Открыли его в мае, но графине захотелось прокатиться по его аллеям на санях. Поэтому их посыпали солью...

Соляная дорога привела напрямик к семейной драме – София изменила своему мужу, графу Потоцкому, с его старшим сыном. Стоило ли из-за такой предавать Отчизну и соотечественников? В ночь, после смерти графа, когда гроб еще находился в костеле, не простившие его поляки сняли с его тела мундир, все ордена и драгоценности, и на обнаженной груди оставили записку: «За измену Отчизне».

Бог есть судьба или наоборот – судьба есть Бог? Для Станислава Потоцкого судьба оказалась Богом, свершившим свое возмездие, а вот для цадиков, да, Бог был их судьбой.

Движение хасидов («хасидут» означает «праведность») возникло более двух веков тому назад в еврейских общинах, проживающих на землях Речи Посполитой. Это было как раз во времена освободительной войны под предводительством украинского гетмана Богдана Хмельницкого. Хасиды протестовали не только против погромов, но и против формализма и косности иудейской учености, против оторванности ученых евреев от жизни народа, против деспотической власти кагала. Основателем учения хасидов был ребе Исраэль Бен Элизер или просто Бешт (1698-1760). Со временем у хасидов появились особые духовные наставники – цадики, буквально «праведники», которые были посредниками между простыми

евреями и Творцом. Люди верили, что именно через них Бог посылает им жизнь, детей и здоровье. Общины содержали своих цадиков в достатке и ласке. Некоторые из них никогда не выходили из дому и их кормили с ложечки.

Уманский цадик, ребе Нахман, родился в Меджибодже в 1772 году. Между прочим, он был правнуком самого Бешта – основателя учения. Женился он в 13 лет и поселился у своего богатого тестя в Киевской губернии. Он постился и изучал каббалу, а молиться убежал в соседний лес. После смерти тестя, Нахман переехал в Медведевку, недалеко от Киева, где был окружен многочисленными хасидами. Несмотря на свою известность, он был вынужден принимать по рублю в неделю за свои проповеди. Дело в том, что состояние жены, состоявшее из 300 червонцев, давно закончилось.

Отсутствие денег не удержало Нахмана от желания отправиться в большое путешествие в Палестину. Выход он нашел, отдав в услужение дочь. Пробыв в Палестине зиму, изучив произведения каббалистов и посетив их гробницы, он заявил: «все, что я знал до поездки в Эрец-Израиль, не имеет никакого значения». Однако это смирение перед собственной гордыней длилось недолго. Вернувшись в Украину, он стал вдруг восхвалять себя, уверяя всех вокруг, что его учения зародились под наитием Святого Духа и что он может предсказывать будущее. Людям это не нравилось. «Я не от мира сего и поэтому мир не может меня терпеть», - именно так цадик Нахман оправдывал гонения на себя и своих учеников, которые длились до конца его жизни. Он переехал в Брацлав (Бреслав), где положил начало Бреславскому течению хасидизма. В Брацлав стекались последователи его учения, а рабби Натан Штернгарц записывал за цадиком Нахманом все его высказывания, распространяя его учение, суть которого заключалась в том, что Цадик – это душа, а хасиды – тело. Хасид «должен прилепиться к цадику» и, отбросив собственные мысли и суждения, жить только умом цадика. При этом хасид должен оставаться свободным. Нахман проповедовал, что в самом цадике, а также в Торе и в каббале, есть два начала или две силы – смертоносная и животворящая. Свобода каждого хасида заключается в выборе.

Перед самой смертью, в 1810 году, Нахман решил переехать в Умань.

- Зачем? – спрашивали люди.

- А затем, что «души умерших за веру там ждут меня», - отвечал ребе.

Душами умерших были души уманчан, погибших во время восстания, известного под названием Колиивщины. В 1674 году, во время восстания, поднятого гайдамаками, Умань была почти полностью разрушена. Гайдамаки требовали присоединения Правобережной Украины к Левобережной Украине, выступали против крепостничества и насаждения униатской веры. В то время Правобережная Украина была под поляками, а Левобережная – под Россией, и гайдамаки – случайно ли? – славились тем, что были жесточайшими погромщиками. Устраивали они не только польские, но и еврейские погромы. Если на дереве висели рядом поляк, еврей и пес – это означало, что здесь были гайдамаки. Откуда взялась в украинских гайдамаках эта жестокость? Очень просто – их угнетали поляки через своих ставленников и управляющих – по большей части евреев. Сами поляки жили или в Польше, или в других европейских странах, а свои поместья доверяли местным евреям. Украинцы, которых нещадно угнетали на их же земле, ненавидели и тех, и других, поэтому и стали верить в небылицу о том, что россияне окажутся гораздо более милостивыми угнетателями, чем поляки.

Как раз в то время, все силы поляков были направлены на сопротивление россиянам, решившим положить конец Барской Конфедерации – польскому

шляхетскому союзу, который боролся против российской экспансии на Правобережной Украине. Используя момент, запорожец Максим Железняк, показал всем поддельную грамоту Екатерины II, в которой та, якобы, тайно предписывала восстать против поляков. Железняк поднял Колиивщину, получившую свое название от слова «кол», которым убивали и на котором пытали. Россияне до поры до времени не вмешивались. Умань, оказавшаяся в самом центре восстания, практически сравняли с землей, а над укрывшимися в городе польскими и еврейскими беженцами, учинили расправу. Убитых было не меньше двух тысяч.

Разрешив пролиться крови, Екатерина II дала, наконец, приказ российским войскам утихомирить восставших гайдамаков, но их желание исполнила. В 1793 году разоренная Умань и вся Правобережная Украина вошли в состав Российской империи. Через двадцать лет после Колиивщины, Цадик Нахман приехал в Умань умирать, потому что тысячи душ, убиенных за веру, там ждали его...

На Уманском кладбище много старых могил. Надгробья на этих могилах сделаны из прекрасно обработанного камня и называются мацевы. Среди эпитафий, выгравированных на мацевах, невозможно найти двух одинаковых – все разные, написанные горем, которое, как перо, обмакнули в скорбящие души. На этом кладбище совсем недавно похоронили бабушку и деда Якова. Могилы еще свежи, без надгробий. Яков их оставит, как есть. Община потом поставит мацевы с эпитафиями. У него все равно нет денег, да и потом, какая разница? Их там, под землей, в деревянных гробах, уже нет. Он поселил их в своем сердце, вместе они отправятся в Киев, где переживут все перипетии несчастливых для Украины лет. Двадцатое столетие, богатое на революции, кровавые войны, репрессии, голод и эпидемии не даст Якову остаться в стороне. Нет, это столетие втянет его в свою воронку, закрутит, заставит сменить карандаш на штык, а потом убьет.

Глава 30.

Знакомство с Богом.

Яков добрался до Киева в конце апреля 1918 года. Ничего общего с провинциальной Уманью, где было так много Бога и нищеты, Киев не имел. Если бы был жив его дед Семен, он бы сказал, что в Киеве бал правил сам Сатана. А Якову казалось, что древнюю столицу Киевской Руси поделили между собой эти двое – Бог и Сатана. Красота была божьей затеей, а люди – дьявольской.

Ему повезло – история творила саму себя и приглашала его стать зрителем, а, возможно, и участником. История оставляла за Яшей из Умани выбор.

Прошло всего несколько дней и Яков, в толпе любопытствующих наблюдал за тем, что происходило в самом центре Киева, вокруг Педагогического музея на Владимирской улице. Около трех часов пополудни, к зданию, где заседала Центральная Рада, направились небольшие отряды немецких солдат. Они выстроились двумя шеренгами и отгородили проезжую часть так, что подходы к музею были перекрыты. Первая шеренга выстроилась со стороны Фундуклеевской улицы, а вторая – со стороны Бибиковского бульвара. После этого отряд немецких солдат под командованием офицера, вошел в здание музея, где заседала Рада, и через час или полтора оттуда был выведен арестованный председатель Рады народных министров. Его усадили в карету и увезли вниз по Фундуклеевской улице.

- Кого арестовали? – спросил Яков мужчину, стоявшего рядом.

- Премьер-министра. Не понравилось немцам его слова про банкира, которого умыкнули.

- Умыкнули? – переспросил Яков. – Убили, что ли?

- Да нет, провинция, похитили.

- А что же он такого говорил? – Яков, хоть и обиделся немного, продолжал любопытствовать.

- Он сказал, что этот самый банкир, Абрам Добрый, никто и ничто для немцев, и что они не имели права издавать суровые указы только из-за того, что его похитили.

- А что за приказы? – не унимался Яков.

- Да ты, я смотрю, совсем деревня. Откуда ты взялся такой девственный?

- Из Умани я. Только что пришел в Киев.

- Пришел? А зачем пришел? Тут и без тебя вон сколько народу понаехало. Плюнуть негде. – Сказав это, собеседник Якова смачно сплюнул на брусчатку под ногами.

- Так что за указ немцы издали? – Яков настаивал, ему казалось, что этот новый суровый указ может касаться каким-то боком и его. Вдруг ему нельзя жить в Киеве?

- Ладно, просвещать недоумков дело богоугодное, – случайный собеседник Якова смотрел на него с издевкой. – В указе говорится, что, если немцы заподозрят кого-то в похищении и откроют на этого кого-то уголовное дело, то этот кто-то сразу пойдет под их военно-полевой суд. А вся соль в том, что через банк этого банкира, Абрама Доброго, которого умыкнули наши министры для того, чтобы получить с него выкуп, немцам деньги переправляли из Германии. Вот теперь и арестовывают правительство социалистов-федералистов, которое порядок навести не может.

- А немцы что в Киеве делают?

Незнакомец посмотрел на Якова долгим насмешливым взглядом. В его глазах тот не только выглядел, но и был полным идиотом. Не его это дело растолковывать детали политических хитросплетений всяким провинциальным евреям. Времени жалко, да и как можно было не слышать о немцах, появившихся в Украине по бартеру? Они прогнали большевиков и навели порядок в столице, а за это украинцы обязались кормить воюющую Германию. Свободу от большевиков обменяли на хлеб и сало. Все были довольны. Что еще с Украины было взять?

Все это Якову сказано не было. Незнакомец развернулся и ушел. Поскольку больше глазеть было не на что, Яков постоял еще немного и тоже начал спускаться к Крещатику по Бибиковскому бульвару. Он не только понятия не имел, что немцы делают в Киеве и как попали сюда, он не знал, какие изменения произошли в Украине после отречения Николая II от российского престола. Прошло более двухсот пятидесяти лет с тех пор, когда в 1654 году, в один из январских дней, запорожское казачество во главе с Богданом Хмельницким, принесло в Переяславле присягу на верность российскому царю и вот теперь, Украина стала второй, после Финляндии, страной, объявившей свою независимость от Российской империи. Четыре года Украина будет пытаться отстоять свою независимость, но, потерпев поражение от большевиков, утратит ее.

Год назад, 10 июня 1917 года, Центральная Рада, председателем которой стал историк Михаил Грушевский, обнародовала свой первый Универсал (манифест). В нем провозглашалась автономия Украины, а Центральная Рада объявлялась высшим органом государства. За этим последовало создание первого, за много столетий, украинского правительства. Возглавил правительство общественный деятель и писатель Владимир Винниченко, а секретарем по военным делам стал

Симон Петлюра. В июле 1917 года вышел Второй Универсал. В нем говорилось о необходимости закрепления автономии Украины и о неотделимости от России. Именно эта «неотделимость» и приводила каждый раз Украину к поражениям. С одной стороны – жажда независимости, с другой – непрерывный взгляд в сторону России. Украина никогда не могла по-настоящему отвернуться и больше в ту сторону не смотреть. 20 ноября 1917 года ЦР издала Третий Универсал, в котором торжественно объявлялось о создании Украинской Народной Республики. УНР не признавала власти большевиков. Но, снова и снова, настойчиво и малодушно, в том же Универсале, наравне с созданием Украинской Республики, сохранялась федеративная связь и зависимость от России, причем от той буржуазной России, которой уже не существовало!

Создание УНР сопровождалось отменой частной собственности на землю и смертной казни. Были объявлены демократические права и свободы, амнистия политзаключенных и формирование независимого суда.

Большевики, окопавшиеся в Харькове, провели там 12-го декабря Всеукраинский съезд Советов, на котором объявили Украину Советской республикой. Ленин и Троцкий, не собираясь отпускать Украину, выдвинули ей ультиматум. Вождь пролетариата дал понять, что большевистская Россия не смирится с существованием независимой Украины. Смерть империи не входила в планы большевиков, подправив ее имя с «российской» на «советскую», они не только сохранили, но и расширили ее. Ленин сказал: «Без украинского хлеба, без украинского угля советская Россия не выживет!»

Поскольку у большевиков были на Украину вполне конкретные виды, а Украина не признавала власти большевиков, между Красной Армией и теми украинцами, кто был готов защищать и умереть за Украину, произошла битва, оказавшаяся первой в череде будущих трагедией. 29 января 1918 года состоялся неравный пятичасовой бой между частями большевистской Красной Армии под командованием левого эсера Михаила Муравьева и отрядом из киевских студентов, юных курсантов и казаков «свободного казачества». Против четырехтысячной армии Муравьева встало всего 600 человек студентов и юнкеров. Бой начался в четыре утра и продолжался весь день. В тот январский день погибло 250 юношей, которые учились стрелять прямо в бою. Вечером, в ночном клубе «Лиловый негр», где пьяные вопли прерывали декламацию стихов, на эстраду поднялся высокий и очень бледный человек. Это был Александр Вертинский. Как всегда, одетый в черный фрак, он запел и песня его была о юных студентах и юнкерах, погибших в бою недалеко от Киева, под селом Круты: «Я не знаю, кому это нужно? Кто послал их на смерть беспощадной рукой?»

Между тем, еще с конца 1917 года, УНР стали признавать иностранные государства, в числе которых Англия оказалась первой. Основанием для признания был Третий Универсал, в котором Украина провозгласила себя независимой, а мотивом – положение на фронтах Первой мировой. Более подробно: союзники Антанты прекрасно понимали, что большевистская Россия, как союзник, для них потеряна и, поэтому, перенесли все свое внимание на молодую Украинскую Республику в надежде, что она будет держать хоть какую-то часть Восточного фронта, где свяжет австрийские и немецкие войска. Но молодая Украинская республика не могла отбиваться от немцев и большевиков одновременно.

Поэтому УНР, вместо того, чтобы удерживать часть немецких войск на Восточном фронте, посылает свою делегацию в Брест-Литовск на мирные переговоры с немцами. С этого момента, Украина участвует в этих переговорах как самостоятельное государство. И вот, немцы, все сделавшие для того, чтобы в

России совершился большевистский переворот, вдруг предлагают очистить Украину от тех же большевиков. Мир между УНР и Центральными державами (Германской империей, Австро-Венгерской империей, Османской империей и Болгарским царством) был подписан 9 февраля 1918 года. Не предала ли Украина своих союзниц Англию и Францию? И много ли она выиграла от этого Договора? В Брест-Литовске Украина выиграла битву, но проиграла сражение. Однако можно ли осуждать Украину, если в те минуты, когда украинские дипломаты вели переговоры с немцами, большевики уже хозяйничали в Киеве?

Это было в январе 1918 года, когда, после девятидневной бомбардировки, большевики ворвались в Киев. Началась отвратительная бойня. Центральная Рада во главе с Грушевским и правительством социалистов бежали на машинах в Житомир, оставив Киев и его жителей на произвол судьбы. Большевики убивали без всякого суда и следствия. Мариинский парк, в самом центре Киева, стал их излюбленным местом казни. Там были казнены сотни царских офицеров, нашедших в Киеве убежище. Кроме офицеров казнили каждого, кто, по наивности, показывал красный билетик – удостоверение принадлежности к украинскому гражданству. Казнили артистов и куплетистов за их сатиру на большевиков. Красноармейцы убивали прохожих просто для того, чтобы снять с них ботинки. Грабили как будто перед концом света – тащили из квартир все, что могли утащить – деньги, золото, серебро, ценности, картины и ковры. Преследованию подвергались украинцы, русские, евреи и поляки. Среди комиссаров преобладали россияне, но были и украинские большевики, как, например, сын писателя Коцюбинского.

В провинциальных городках все зависело от большевистского царька или деспота, который был «держателем акций». Именно он решал, кому жить, а кому умереть. Город Чернигов отделался 50 тысячами рублей контрибуции. Этих денег хватило, чтобы верховный комиссар ушел в запой. В то же время, город Глухов пережил настоящие ужасы, где полномочным владыкой стал матрос Балтийского флота Цыганок. Перебив всех помещиков, он приказал перерезать всех детей – воспитанников местной гимназии, которые представлялись ему будущими буржуями. Этот извращенец умер, заряжая снаряд, который разорвался у него в руках. Он завещал похоронить себя в помещичьем склепе и его кровавые побратимы устроили ему пышные похороны, выгнав на церемонию все оставшееся в живых население города.

В столице пьяные красноармейцы разъезжали на автомобилях и в роскошных фаэтонах с девицами легкого поведения. Они сорили деньгами в притонах и ресторанах. Киев был обложен пятимиллионной контрибуцией, незамедлительно выплаченной столичными обывателями. Теми самыми обывателями, которые не дали ни копейки на защиту города. Грабежи усилились во сто крат, когда пронесся слух о том, что в Брест-Литовске украинцы сговорились с немцами.

За два дня до прихода немцев, Красная армия, отягощенная наворованным скарбом, бежала из города. Извозчики гнали подводы, груженные всякой домашней утварью, подушками, самоварами, перинами, стульями... Все это мчалось второпях, под охраной красноармейцев, вооруженных винтовками. Никто большевиков не останавливал, все хотели, чтобы они поскорее убралась из города. Первый акт украинской трагедии был большевиками проигран.

В марте 1918 года произошла перемена декораций. В Киев вошли немцы. Их встретили без энтузиазма, однако со временем их стали побаиваться и уважать. Первым делом, немцы вычистили невероятно загаженный при большевиках вокзал и проложили по всему городу телефонное сообщение для своих военно-полевых надобностей. Присутствие немцев в Киеве было вызвано обоюдновыгодным договором: немцы освобождают Киев от красной заразы, а

украинское правительство снабжает Германию провизией. Ситуация была довольно двусмысленная. Киевляне, уже имевшие несчастье соприкоснуться с большевиками, были вынуждены принять помощь Германии – тоже врага, но врага, шедшего им на помощь, обещавшего защиту от тех, кто угрожал их жизням и имуществу. А бежавшие от кровавого переворота москвичи и петроградцы? Разве они не знали, что те же немцы профинансировали большевистский переворот, отправив Ленина и его единомышленников в бронированном вагоне в Петроград для того, чтобы сбросить Временное правительство, вывести Россию из войны и подписать мирный Договор? Как они смотрели на немцев? Как на своих спасителей или как на своих могильщиков, отобравших у них Родину?

Как бы там ни было, немцам надо отдать должное – с их приходом в Киеве прекратилось бесчинство – грабежи и насилие. По улицам регулярно проезжали патрули немецких улан с пиками и черно-красными флажками.

29 апреля 1918 года власть в Украине перешла к гетману всея Украины и войск козацких Павлу Скоропадскому. Переворот от Украинской Народной Республики к гетманству мог совершиться только при содействии третьей силы. У гетмана своей армии не было, поэтому власть для него взяли немцы. Переворот был осуществлен аккуратно, бескровно и нагло. Очень по-немецки. Приглашенные оккупанты обещали соблюдать нейтралитет, но видно, смотреть на безалаберность первого украинского правительства, которое не могло навести порядок на железной дороге и в вопросе с социализацией земли, у них не было сил. По железной дороге немцы отправляли зерно в Германию, а там царил анархия и зерно воровали. А что до социализации, то украинскому селянину, по мнению немецкого командования, надо было думать не о том, как своей собственной землицей разжиться, а как на чужой земле подольше хлеба вырастить для прокорма воюющего немецкого солдата. Похищение банкира Абрама Доброго стало последней каплей. После этого безобразия, режим сотрудничества немцы заменили режимом оккупации и посадили во главе Украины гетмана Скоропадского.

«Жизнь моя была сплошным адом в период гетманства», - несколько лет спустя напишет Скоропадский из Швейцарии.

Потомок Стародубского полковника Скоропадского, бывшего гетманом Украины с 1708 по 1722 год, крупный помещик Черниговской и Полтавской губерний, женатый на дочери генерала П. Дурново, воспитанник Пажеского Е.И.В. корпуса – Павел Петрович Скоропадский принадлежал к той части русского и украинского дворянства, что делала карьеру при дворе. Скоропадский был демократом по взглядам и убеждениям и, в то же время, он с большой симпатией относился к украинскому крестьянству, среди которого вырос.

Мягкий до бесхарактерности, доброжелательный до легкомыслия, он был совершенным джентльменом в английском понимании этого слова. Скоропадский был также тем редким человеком, который придерживался моральных принципов в политике.

Гетман Скоропадский был врагом одновременно и для украинских социалистов, смещенных немцами в угоду гетманства, и для генерала Деникина, сражавшегося с большевиками, и для самих большевиков. Если для Деникина гетман был сепаратистом и мазепинцем, то, для членов первого украинского правительства Петлюры и Винниченко, он был паном, царским генералом и союзником России. Пророссийскость Скоропадского они видели в том, что тот вел дневники на русском языке. На тот факт, что при гетмане проводилась широкая украинизация, мало кто обращал внимание.

Тем не менее, вокруг Скоропадского смогли объединиться все антисоциалистические элементы Украины, начиная от крупных помещиков и

заканчивая крестьянами-хлеборобами, а также, все политические партии правее социалистов, начиная с кадетов. В этом объединении не было национальной розни и партийных разногласий. В период его правления совсем не было еврейских погромов, он защищал евреев как равноправных граждан Украины, запрещая преследования на религиозно-национальной почве. Последний украинский гетман занимался, в том числе, основанием Университетов и Академии наук.

Увы, все эти начинания не вызвали энтузиазма в простом народе. До простых украинцев уже стали доноситься лживые обещания большевистского вождя Ленина о том, что земля будет роздана крестьянам. Земельная реформа Скоропадского шла полным ходом, он готовил закон, согласно которому землю у крупных землевладельцев будет выкупать государство и продавать ее крестьянам на самых выгодных условиях. В собственность можно будет купить/получить до 100 га. земли. Почему об этом мало, кто знал? У гетмана не была налажена коммуникация? Его земельная реформа не была донесена до широких масс и, поэтому, не получила поддержки? Большевистская пропаганда или, лучше сказать, большевистская откровенная ложь, оказалась куда более доходчивой. Кровавые ленинцы обещали крестьянам землю просто отдать. Сначала отобрать у тех, кто имел, а потом отдать тем, кто не имел. Это была гораздо более привлекательная, а, главное, быстрая махинация, чем реформа, проводимая гетманом. Зачем ждать, пока государство сначала купит землю у помещиков, а потом продаст землю крестьянам? Кому вообще нужно государство? Ведь землю можно просто получить из рук большевиков! Эта вера будет стоить украинскому крестьянству Голодомора 1932-33 гг. и семи миллионов жизней. Но кто ж тогда знал, кому верить, а кому нет?

Гетман Скоропадский окружил себя гетманским конвоем и кормил за своим столом до двухсот человек ежедневно, но никто, в том числе и он сам, не знали, что творилось в глубинке той страны, что была больше Франции. А ведь там немцы грабили и убивали крестьян. Конечно, все зависело от личного командного состава. Например, в Киевском уезде и губернии, немцы не вызывали раздражения у населения и не оставили о себе дурных воспоминаний. За все продукты, что они брали у населения, они исправно платили. В других же местах шел прямой, бесстыдный и циничный грабеж. Люди подчинялись насилию, потому что сознавали свое бессилие: «Не будет немцев, придут большевики, которые уж точно не заплатят. Те возьмут все даром». В Киеве о беспорядках, чинимых немцами, знать не хотели, ведь немцы привели и посадили гетмана, гарантируя порядок в столице и мясо по доступным ценам на столичных рынках. Однако пришло время, и немецкие солдаты, шатавшиеся по окраинам, стали исчезать.

Дошло до того, что в самом центре Киева, на Николаевской улице взрывом бомбы был убит Герман фон Эйхгорн. Именно тот генерал-фельдмаршал фон Эйхгорн, который сказал: «Россия мне понятна, Украина – нет». Эсер Борис Донской, бросивший бомбу, был задержан на месте преступления и в скором времени казнен. В то же время, немцы потребовали освобождения украинского националиста Симона Петлюры, арестованного летом 1918 года по подозрению в заговоре против существующей власти, т.е. против гетмана. В одном из своих писем Скоропадский признается, что был вынужден освободить Петлюру из Лукьяновской тюрьмы по настоянию немцев, угрожавших, в противном случае, освободить его силой.

Нужно сказать, что немцы играли в Украине двоякую роль, поддерживая неустойчивое равновесие между гетманом, которого привели к власти, и большевиками. В любой момент, они могли положить гирю своих интересов на ту или иную чашу весов. Очистив Киев и Одессу от большевиков, они продолжали подыгрывать большевикам. Немецкие офицеры-инструкторы не только

находились в большевистских отрядах, ведших усиленную пропаганду в Украине, но и закрывали глаза на организацию большевиками ж/д забастовок и вооруженных восстаний.

Немцы прекрасно знали, чего именно больше всего боялись большевики. Если возрождение украинского государства при Скоропадском будет успешным, гетман объединит вокруг себя всех их врагов. Говорят, Ленин сказал о Скоропадском следующее: «Если он продержится, то Россия вернется к границам Московии 16 века». Поэтому немцы, заинтересованные в том, чтобы большевики, во главе с Лениным, выполнили все взятые на себя перед Германией обязательства, совсем не хотели превращения России в Московию, а Украины – в сильное самостоятельное государство.

Впрочем, давайте вернемся к весне 1918 года, когда Яков, пришагавший из Умани в Киев, искал жилье, но пока ничего найти не смог. Даже угла. Даже стула в углу. Несмотря на то, что цены драли нещадные, все было занято. Весной и летом 1918 года, Киев был необычайно многолюден. Практически удвоив население столицы Украины, туда продолжали прибывать те, кто, спасая свои жизни, бежал из России, где пала империя и поднялась во весь рост армия кровавых большевиков. Особенно полноводным людской поток стал после того, как немцы свергли социалистов и привели к присяге гетмана. Все отели были заняты, москвичи и петроградцы снимали квартиры и углы в частных домах. Они спали на диванах, стульях или просто на полу. Для многих из них Киев стал перевалочным пунктом на пути в другие страны, для некоторых Киев окажется последним пристанищем. Банкиры, дельцы, аристократы с известными на всю Европу фамилиями, домовладельцы, промышленники, купцы и адвокаты привозили с собой семьи, деньги, произведения искусства, драгоценности, слуг и домашних питомцев. Наравне с именитыми и денежными, населения столицы пополняли сбежавшие от большевиков журналисты, проститутки, поэты, ростовщики, актрисы и жандармы.

В то лето в Киеве открылось множество кафе и ресторанов. Обычно еды хватало всего на тридцать-сорок посетителей, но приезжие требовали хлеба и зрелищ, и расторопные киевляне были готовы ответить на их спрос своим не совсем исчерпывающим предложением.

До самого утра работали ночные клубы, такие как «Прах» на Николаевской улице или знаменитый «Лиловый негр». Посетители переезжали на извозчиках из одного клуба в другой, из одного ресторана в другой, из одного кабака в другое, пока не находили для себя то, что искали – наркотики, женщину или юношу. На Бессарабке открыто торговали кокаином, а юные проститутки предлагали свои услуги прохожим. В кафе «Максим» не то румын, не то цыган потрясающе играл на скрипке. На столиках стояли лампы с абажурами, поверх которых были наброшены цыганские шали.

Там же, на Николаевской, работал цирк Петра Крутикова «Гипо-палас», рассчитанный на две тысячи зрителей – двухэтажное чудо со стеклянным куполом и приспособлением для трансформации сцены, усовершенствованной акустикой, электрическим освещением, паровым отоплением и прекрасно оформленным фойе. В этом «Конном Дворце» представления давал сам Крутиков, показывая своих дрессированных лошадей, ходивших по канатам и горлышкам деревянных бутылок. Его сценку в ресторане, когда одна лошадь сидит за столиком, с повязанной вокруг шеи салфеткой, а вторая ей прислуживает, знал весь Киев! Именно в этом великолепном здании или, попросту, в цирке, Павел Скоропадский был провозглашен гетманом.

А на главной улице Крещатик находились два кинотеатра, принадлежавшие одному и тому же владельцу – Антону Шанцеру. Сначала появился кинотеатр «Экспресс», а позже, на другой стороне Крещатика, Шанцер выстроил еще один кинозал с необыкновенно удобными креслами на тысячу сто зрителей. Немые кинофильмы сопровождал не какой-то заштатный пианист, а целый симфонический оркестр, насчитывавший бо исполнителей. В обоих кинотеатрах крутили «Амура и Психею», «В когтях куртизанки», а также «Слезы бедных матерей» с участием Сары Бернар.

В столичных театрах шли «Ревность» Арцибашева и венские оперетты, а в театре миниатюр публику смешили самые известные московские и петербургские комики.

В магазинах продавали цветы, шампанское, деликатесы и шляпки. Самый известный шляпный магазин мадам Анжу «Парижский шик» находился на улице Театральной, с тыльной стороны Оперного театра. Ж. Руссель по-прежнему шил корсеты и, через объявления в газетах, предлагал дамам свои изделия.

И магазины, и рестораны, и театры были теми внешними атрибутами, за которыми пряталось множество важных событий. То, что не бросалось Якову в глаза и о чем не знал, проходило за кулисой большого исторического балагана.

Пока играли в карты, пока гоняли бильярдные шары, пока слушали теноров по кабакам, пока жевали деликатесы, запивая их шампанским, пока любили незнакомые тела, боялись и ненавидели. Боялись и ненавидели большевиков, боялись, что Украина хороша, но ненадежна, что скоро Красная армия доберется и сюда и погонит весь этот денежный и неприкаянный люд дальше, или еще хуже: поставят большевики всех к лицом к стене и пустят пулю в затылок. Умирать никому не хотелось, однако смерть все явственней казалась не просто страшной, но скорой и неминуемой. Почему? Потому что ускользала власть денег. Привычка к деньгам, могущим купить все, в том числе и жизнь, никак не отпускала. Но теперь вместо былой уверенности, тонкой холодной струйкой просачивался в нутро страх, заставлявший посмотреть правде в глаза. Деньги уже не стоили так много, как стоили прежде. За этим страхом следовал другой страх – появились люди, которые ненавидели тех, у кого денег было много. Теперь они были властью в соседней России. Поэтому из Украины надо было бежать дальше. Многие мечтали о Париже, но туда было не попасть, другие просили визы у Германии, но тоже безрезультатно.

Да, надо было уезжать из вечного города, где, нет-нет, да и начинали звучать «новые идеи», вступая в диссонанс с кажущимся гетманским благополучием.

В самом сердце Киева находился Университет, где, в едва освещенных коридорах, соединенных лестницами из литого черного чугуна, собирались студенты. Нельзя сказать, чтобы на этих шумных сходках рождались передовые мысли и идеи. Новые, но никак не передовые. С высоты нашего времени, мы можем утверждать, что «Коммунистический манифест» Маркса и Энгельса мир лучше не сделал, как и работы Плеханова, Герцена, Чернышевского и Кропоткина, которые тогдашние студенты читали вслух до хрипоты. Им казалось, что они стояли у истоков свободы и всеобщего человеческого братства.

На Крещатике находилась также знаменитая библиотека Идзиковского. Там не только брали книги для чтения, но и покупали новинки. Например, дешевые книжки по 20 копеек из серии «Универсальная библиотека», можно было купить в подлиннике и в переводе. Та молодежь, что не хрипела в университетских коридорах от чтения «Коммунистического манифеста», зачитывалась Бальзаком, Ибсенем, Стендалем, Теофилом Готье и Верленом.

Редакции новых газет появлялись в украинской столице как грибы после дождя. Газеты возникали и исчезали, но в них успевали напечатать свои фельетоны и карикатуры самые лучшие перья России. В статьях редко упоминались события, происходившие в большевистской России. Навсегда утраченная, знакомая и любимая Россия, была для многих темой больной, поэтому ее предпочитали не касаться. Пусть беглецам кажется, что жизнь течет, как прежде.

Однако самой большой достопримечательностью Киева были его парки, а также, Ботанический сад и памятник великому князю Владимиру. Огромный бронзовый крест, который держал Владимир, был весь украшен электрическими лампочками и по ночам казалось, что он ни к чему не прикреплен и странным образом парит над широким и полноводным Днепром...

Яков приехал в Киев в то самое время, когда парки и сады, проснувшись после зимней спячки, преображались зеленью и цветами. Больше всего было сирени. Веточки сирени стояли на столиках в кафе, огромные букеты, не помещавшиеся в ведра с водой, продавали уличные торговки на углах, а в самих садах высоченные кусты сирени благоухали и собирали многочисленные семейства пчел.

Огромный Ботанический сад с оврагами, прудами и липовыми аллеями был всегда многолюден. Мариинский и Дворцовый, Царский и Купеческий сады тянулись по склонам Днепра. В Купеческом саду, где цвели канны и розы, давали концерты – там все лето играл симфонический оркестр. Мариинский парк в Липках, раскинувшийся вокруг одноименного дворца, был знаменит своими фонтанами и кустами белой сирени. Ну, и конечно, сад Владимирская горка, где стоял памятник великому князю Владимиру.

Восхищаясь роскошью киевских садов, Яков уходил туда рисовать. Иногда вместо денег, он давал сторожу несколько папирос и тот его пропускал. Никакого сравнения с его родной Уманью, где Софиевка, как бы она не кичилась своими прелестями, не могла сравниться с живописными природными склонами, заросшими сиренью, липами и каштанами. Киев казался Якову местом не земным, запредельным, у него кружилась голова от красоты и соблазнов. Ему хотелось понять этот вечный город и разложить его по полочкам. Увы, он не мог этого сделать, поскольку не знал истории Киева и не догадывался о тех событиях, что готовились произойти в этом городе, свидетелем которых он станет в самом ближайшем времени. Яков наблюдал за людьми, удивляясь той безграничной свободе, которую те демонстрировали, их отчаянному распутству, их абсолютному наплеватьству на Бога и такому же абсолютному поклонению деньгам. Деньги многое решали и пока еще дарили свободу и жизнь. Яков не знал, что эти люди, как и он сам, стояли на краю бездны, что они играли свою последнюю игру, уже предчувствуя, что проиграют ее.

Яков тоже думал о деньгах. Все, что он сумел выручить от продажи дедовой хибары, ушло на дорогу. Осталось совсем немного. Он искал хоть какую-нибудь постоянную работу и жилье. А пока искал, ночевал в заброшенных парках. Благо было уже тепло. На окраине города находился заброшенный сад «Кинь грусть», принадлежавший киевскому меценату Кульженко. Тропинки в этом парке заросли бурьяном, а пруды затянуло ряской. На деревьях орала галки. Скамейки шатались. Этот сад и стал домом для Якова на несколько летних месяцев. Каждый день он прятал свой мешок с книгами и кое-какой одеждой в ротонде и уходил в город на поиски работы. Когда удавалось подработать, он, получая копейки, тратил их на еду и бумагу. Возвращаясь в сад, он рисовал.

Так промелькнуло его первое киевское лето. Наступил сентябрь, а с ним и первые холода. По утрам было зябко на мокрых скамейках. Сад все чаще

погружался в объятия туманов. Деревья начали желтеть и краснеть, а под ногами лег ковер из первых опавших листьев. Яков уже два дня не ходил в город и ничего не ел. Киев снова был в осаде и, казалось, она будет длиться вечно.

В его голове блуждали нерадостные мысли о том, что ему так и не удалось покорить этот странный город Киев. Он оказался слишком провинциальным для Киева, слишком не подготовленным, не достаточно разбитным и не достаточно услужливым. Одним словом, Яков Киев не завоевал. Впрочем, он его и не завоевывал. Зачем же тогда он приехал сюда?

Погрузившись в свои мысли, которые совсем лишили его сил, он машинально перелистывал страницы своего альбома. Возвращаться ему было некуда – в Умани остались только могилы, а в Киеве нет ни крова, ни денег, чтобы снять угол на зиму. Где тот Бог, в которого так преданно верил его дед Семен? Как говорил дед? – «Он дал тебе талант, дал тебе цель, добивайся ее». Вот взял бы этот Бог и подсобил добиться, а то в одиночку и пропасть совсем можно...

Вдруг Яков вздрогнул. С запахом прелых листьев, тлевших в кострах, смешался запах табака. Он курил с тех пор, как ему исполнилось тринадцать лет, и сейчас многое отдал бы за одну затяжку. Обернувшись, он увидел пожилого мужчину, курившего трубку. Заглядывая через плечо сидевшего на шаткой скамейке Якова, он, пока тот листал свой альбом, рассматривал рисунки.

- Вы уж извините, что без приглашения, - сказал незнакомец.

- Да нет, ничего. – Яков встал со скамейки и теперь стоял перед незнакомцем – стройный, худой, высокий. В его черных глазах горел лихорадочный огонек, давно не стриженные волосы цвета вороньего крыла, падали на лоб. Его тонкие пальцы сжимали корешок альбома и огрызок карандаша. Он не знал, что сказать.

- Сядем? – незнакомец указал на скамейку.

- Не стоит, она не выдержит двоих. Слишком хлипкая.

- Ну, тогда придется постоять. Не откажите мне показать ваши рисунки поподробнее? Я уловил кое-что, но не хотел бы ошибиться.

- Да, конечно, вот альбом, у меня еще в мешке рисунки есть.

Незнакомец прислонил трость к скамейке, взял альбом и стал его листать, изредка задерживаясь на некоторых рисунках. Яков выудил помятые листы бумаги из мешка и протянул их незнакомцу.

- Давно рисуете? Учились где? – спросил тот.

- Всегда рисовал, нигде не учился. Просто смотрел и рисовал. Хотел рисовать.

- Сколько вам лет? – спросил незнакомец, возвращая Якову альбом.

- Восемнадцать.

- Вы киевлянин?

- Нет, куда мне? Я из Умани пришел.

- Ну, конечно, а я-то думаю, откуда такой Демон взялся? Не обижайтесь, это комплимент. «Демон – дух не столько злобный, сколько страдающий и скорбный, при всем этом дух властный, величавый»... Картины Врубеля знаете?

- Нет, не знаю.

- Ладно. Жить-то есть где?

- Я в этом саду живу, - Яков почему-то покраснел.

- Тогда у меня к вам предложение. Вы, юноша, талантливы. Это без сомнения. У нас тут как раз год назад Академию художеств открыли. Я веду класс рисования. Хотите ко мне в ученики?

Яков стоял и смотрел на незнакомца. Он молчал, потому что видел перед собой хитро улыбающегося деда Семена, который говорил ему: «Бог есть. Однажды он застанет тебя врасплох и ты поверишь в него».

- Что ж вы молчите, молодой человек? – нетерпеливо переспросил незнакомец.
Как вас зовут?
- Яков.
- Ну, так что, Яков?
- Да, конечно, я согласен. Спасибо, но мне жить негде и денег нету. Так что...
- Это дело поправимое. Комнату в Академии вам найдем, а деньги заработаете.
Убирать классы не побрезгуете?
- Я к труду с малолетства приучен. Могу убирать, полы мыть, пыль, окна, что скажете. Уголь таскать...
- Уголь есть кому таскать, вам не придется. Днем будете учиться, а по вечерам классы убирать. Легко не будет, но будут деньги на пропитание и крыша над головой. Идемте, Демон, я вам по дороге про Врубеля расскажу.
- А вас-то как зовут? – осмелился спросить Яков.
- Меня зовут Федор Григорьевич. Еще разознакомимся. Пошли.
Вот так Яков познакомился с Богом... Бог спас его от холодной осени, голодной зимы и красных атаманов, но Яков опять не поверил в него.

Глава 31.

Ангел Бездны.

«Успокойся, не хлопочи, не взвешивай. Покорись судьбе, ибо перед ней все расчеты – суета сует» - Леон Фейхтвангер, «Испанская баллада».

Уже несколько месяцев Яков жил в Академии художеств. Днем он постигал технику рисования, а по вечерам убирал классы, борясь с белой и черной пылью. Он собирал куски мела и угля, огрызки карандашей, куски бумаги, пустые тюбики из-под масляных красок и бычки от выкуренных сигарет. Он мыл полы, протирал подиумы и смахивал пыль с выпуклостей и впадин античных богов и богинь. Он выматывался. Он не мог нащупать в себе ни вдохновения, ни благодарности. Перед ним встала стена.

Не обрета веры в Бога-творца, Яков не мог заставить себя трудиться до седьмого пота. Не имея веры душе, он должен был искать и найти опору в себе самом. Внутри его и, правда, существовал некий, придуманный им самим порядок, но этот порядок не давал ему сил и не рождал в нем вдохновения и упорства.

Это было тем более странно, что в юности почти все возможно. В юности владеешь всем миром. Когда твое тело продолжает оформляться, твоя душа тоже преобразуется. Как росток из разогретой земли, душа, пробивая кокон детства, устремляется вверх. И пока она растет, нам снятся удивительные сны, нам кажется, что мы видим и знаем то, что находится далеко и где мы никогда не были. Все окружающее видится нам замечательным и прекрасным, стихотворные строки появляются из ниоткуда, мы быстро влюбляемся, будучи уверенными в том, что это навсегда. Мы необыкновенно восприимчивы к знаниям, наше воображение работает без усталости и почти все мы в пору юности талантливы. Это поэзия мимолетной юности. Она быстро проходит. В определенный момент, стебель нашей души, достигнув определенной величины, перестает расти. Приходит время и он начинает сохнуть. Стебель покрывается корой и листья, один за другим,

начинают с него опадать. И только у нескольких избранных стебель души растет до последнего дыхания, до той поры, пока не угаснет мозг и не перестанет биться сердце. Очень часто эти люди – сподвижники, они подвигнуты своим талантом на муки и отчаяние, рискуя, они противостоят толпе и общему, навязанному толпе, мнению. Для них не имеет никакого значения их личное благополучие и устройство их жизни. Для них важно то, что они могут донести до людей, а что именно доносить, каждый знает сам.

В Якове поэзия юности была мертва. Чего он хотел? Он хотел уйти из Академии, больше не убирать там классы по ночам и не рисовать на следующее утро заданное его учителями. Его не привлекали великие имена, преобразившие Киев, его не тянуло к его одноклассникам, склоненными над листами бумаги или прильнувшими к своим мольбертам. Он хотел быть взрослым и ни от кого не зависеть.

Никому ничего не объясняя, не извиняясь и не благодаря за то, что разглядели дар божий и дали возможность его развить, он, сняв комнату на Подоле, в один прекрасный день, просто исчез из Академии. С хозяином своего нового жилья он расплачивался тем, что рисовал ему фальшивые купюры. Это было не трудно. Пятьдесят карбованцев Украинской державы были украшены незамысловатым рисунком, на котором были изображены несколько вензелей, крестьянин и крестьянка. В то время фальшивых банкнот ходило в Киеве так много, что уже никто не разбирался, где фальшивые, а где настоящие. Его комната не отапливалась, а маленькая железная «буржуйка», что стояла у стены, не могла нагреть пустое пространство без занавесок и мебели. Дров, которые продавали на фунты, тоже не было. Яков подрабатывал карикатуристом в одной из Киевских газет, однако ему казалось, что скоро она последует за своими информационными товарками в небытие.

Фальшивые купюры его собственного производства пригодились и ему, но к зиме ситуация в Киеве сильно изменилась – в нем не осталось ничего от привезенного второпях богатства и внешнего великолепия. Приезжие поизносились, поиздержались, многое продали и сейчас их дальнейшее бытие было туманно, а жизни держались на волоске.

Одиннадцатого ноября 1918 года, делегация капитулировавшей Германии прибыла в Компьенский лес для подписания перемирия. Оно было подписано в пять часов утра, а в одиннадцать часов, 101 залп артиллерийского салюта Наций возвестил об окончании Первой мировой войны. В мире происходили разного рода события, менявшие историю, а в Киеве все еще работал каток, где скользили киевские красавицы и немецкие офицеры, не думавшие о том, что дни немецкой оккупации и гетмана Скоропадского уже сочтены.

Тем временем, Симон Петлюра, освобожденный по настоянию немцев из тюрьмы, создал организацию, некое подобие государственного института, которую назвал на французский манер Директорией. Директорию сформировали оппозиционеры к режиму Скоропадского, т.е. лидеры тех партий, кого немцы сместили в пользу гетмана. Возглавил Директорию Симон Петлюра, подписавший в Белой Церкви, 14 ноября 1918 года, воззвание о восстании против гетмана и немцев, и объявивший себя «головным атаманом» республиканских войск. Петлюра начал с того, что провозгласил восстановление УНР. Рада и правительство социалистов вернулись вместе с ним. Начался третий этап независимости Украинской Народной Республики.

Войска Директории подошли к Киеву, который мало кто хотел защищать. Немцы, несмотря на все свои усилия с помощью большевиков подорвать

восточный фронт, потерпели поражение. Теперь они хотели быстро и тихо убраться из Украины восвояси.

Чуть меньше года назад, летом 1917 года, УНР могла рассчитывать на 300 тысяч солдат, в то время, как уже в январе 1918 года, армия республики уменьшилась до 15 тысяч штыков. В чем причина? В деморализации. В том, что солдаты устали от войны. В том, что среди солдат с успехом работали большевистские агитаторы, убеждавшие целые армейские подразделения войти в состав Красной армии. Добавим к этому, что вся сельская беднота, поверив лживым обещаниям Ленина раздать землю крестьянам, тоже переходила к большевикам. В январе того же, 1918 года, большевикам удалось поднять восстание на заводе «Арсенал», что находится в самом сердце Киева. Восстание было подавлено, однако это была всего лишь незначительная победа среди множества ошибок, приведшим к большому поражению.

Дело в том, что гетман Скоропадский сделал одну огромную ошибку, стоившую ему гетманства, миллионам людей – их жизнью, а Украине – ее независимости.

В первые месяцы его правления, в Киеве собралось большое число бежавших от большевиков российских военных, которые начали формировать офицерские добровольческие дружины. Кирасирам, кавалергардам, конногвардейцам и гвардейским гусарам больше невозможно было находиться в Петербурге. Царского двора, а, следовательно, и царской армии больше не было. Армейским штабс-капитанам, боевым армейским гусарам, сотням поручиков, подпоручиков и прапорщиков из уже несуществующих полков, тоже нельзя было оставаться в России. Они срывали погоны и добирались, кто как мог, до Украины. Ненависть большевиков лютой ненавистью, они готовы были драться с ними. Однако Скоропадский запретил формирование русской армии. А ведь правы были офицеры, говорившие, что, если бы с самого начала, было получено разрешение на формирование офицерских корпусов, то можно было бы большевиков из Москвы выкурить. В Киеве вполне можно было сформировать пятидесятитысячную армию из офицеров, юнкеров и студентов. В воздухе витала идея, что гетман Скоропадский мог бы не только Украину, но и Россию очистить от «красной заразы». Вот такая закавыка истории.

Скоропадскому не удалось справиться с «красной заразой», сделав Украину независимой, а вот его хорошему знакомому удалось – нет, не Украину, а Финляндию. Интересная историческая параллель: Гетман Скоропадский и Карл-Густав Маннергейм были хорошо знакомы еще с царских времен – оба были адъютантами у Николая II. Оба аристократы, оба в одно и то же время, в 1918 году, возглавили свои страны. Так почему Маннергейму, между прочим, шведу по национальности, удалось стать отцом финской независимости, а Скоропадскому не удалось стать отцом украинской? Финляндия была на несколько порядков более демократической державой и пользовалась широкой автономией, дарованной ей Александром I. На землю Финляндии было запрещено заходить российским полицейским силам, поэтому будущий вождь пролетариата Ульянов-Ленин прятался там от преследований царской охранки. Но вот, пожалуй, самое главное: Маннергейм, спасая свою страну от «красных финнов», которых в 1918 году было там немало, не боялся крови. Он опирался на жесткую, дисциплинированную и преданную его идеям армию, а гетман Скоропадский опирался только на разболтанное казачество, что защищало, прежде всего, свои села, и патриотическую молодежь Киева. В Финляндии, в гражданской войне 1918 года, с обеих сторон погибло 80 тыс. человек. Год спустя, Маннергейму пришлось

покинуть страну из-за угрозы суда. Но он свое дело сделал, освободив Финляндию от «красной заразы».

А что же гетман? Думал ли он, догадывался ли о том, что, меньше, чем через год, Украина, провозгласившая себя независимой Республикой, будет оккупирована большевиками? Возможно, некоторые сомнения его терзали...

Встав перед необходимостью защищать Киев от Директории Симона Петлюры, гетман объявил мобилизацию, про которую все прознали за три дня до ее объявления. Никто не хотел призываться, поэтому срочно заболели несуществующими болезнями или просто исчезали. Поэтому Скоропадскому пришлось набирать мобилизованных из «моторных хлопцев». В то время так называли отчаянных хулиганов и воров с Шулявки и Соломенки. Разозленные тем, что их отправляли на петлюровский фронт, они придумали песенку про гетмана:

Милый наш, милый наш,
Гетман наш босяцкий,
Гетман наш босяцкий,
Павле Скоропадский.

Эх, милый наш, милый наш
Гетман Скоропадский,
Гетман Скоропадский,
Атаман босяцкий.

Моторные хлопцы не спасли ни гетмана, ни Украину, и 14 декабря 1918 года Павел Скоропадский отрекся от власти. Немцы исполнили свой долг перед тем, кого сами привели к власти – переодели гетмана Скоропадского в мундир немецкого офицера и обмотав его бинтами, они вывезли последнего украинского гетмана в Германию.

В Киев вошли войска Петлюры.

Яков видел, как Петлюра, во главе Директории, въезжал в Киев по Цепному мосту на белом коне, на крупе которого красовалась голубая попона, украшенная по краям желтой каймой. Яков был свидетелем того, как в трехдневный срок в Киеве поменяли все вывески – русские слова заменили украинскими. Симон Петлюра, будучи приверженцем «национальной идеи», выслал из Украины всех ее «врагов», в том числе и офицеров российской армии. Он ненавидел Москву, будь она царской, большевистской или еще какой...

22 января 1919 года Петлюра объявил Универсал о соборности Украины, то есть об объединении восстановленной УНР с образованной осенью 1918 года ЗУНР (Западно-Украинской Народной Республикой). Было также заявлено о намерениях объединиться с Украинской Дальневосточной Республикой и Кубанской Народной Республикой.

В то же время, Петлюра вел переговоры с союзниками Антанты, в частности, с французами, высадившимися в Одессе, о совместных действиях против большевиков. О помощи союзников говорили все киевляне, ожидая их со дня на день в столице. Однако союзники, сволочи, с помощью не спешили. Отчаявшийся Петлюра даже предлагал сделать Украину французским протекторатом. Пытаясь добиться успеха в этих переговорах, он полностью опустошил казну. Деньги не помогли, западные державы поддержали армию Деникина. А разве могло быть по-другому? Разве УНР, которую представлял Петлюра, годом раньше не предала своих союзниц Францию и Англию, отправившись в Брест-Литовск договариваться с немцами?

Возвращаясь в свою холодную комнату, Яков не знал, что думать. Он не возражал против одиночества, но его сознание было наполнено страхом из-за того, что происходящее было ему непонятно, а будущее было непрочно и таило в себе еще более страшные перемены. У него не было ни ума, ни душевных сил спокойно смотреть на конвульсии истории, которую по очереди насиловали разные группы людей. Эти люди объединялись вокруг какой-либо, казавшейся им привлекательной, идеи, и назывались по-разному: кто социалистами, кто эсерами, кто большевиками, кто федералистами, кто анархистами, кто денкинцами, кто махновцами, кто националистами, кто петлюровцами, кто гайдамаками на службе у Директории... Ему, быстро взрослевшему пареньку, было не под силу уразуметь ту цель, которую преследовали эти люди. Он чувствовал, что погружается в лихорадку, из которой ему было все труднее выбираться. Проблема в том, что он ничему и никому не принадлежал. Рядом с ним не было людей. Якова не завел себе друзей ни в Академии, ни среди сослуживцев в редакции газеты, у него не было также случайных товарищей или любимой девушки. Вокруг него звучал лишь грохот, с которым срывалось вниз старое время, а новое не наступало. И в этом промежутке ему было одиноко, голодно и холодно.

Яков не знал, как быть благодарным. Дед Семен учил его благодарить Бога и за хорошую жизнь, и за плохую. И то, и другое, говорил он, Божье благословение. В хорошей жизни ты отдыхаешь, в трудной – страдаешь и учишься, зарабатывая очки на хорошую жизнь. Но его обозленный и опустошенный внук считал, что свою трудную жизнь он не заслужил.

Так продолжалось до тех пор, пока с Яковым не случилась беда. Зимой 1918-1919 гг. в Киеве хозяйничали петлюровцы. Однажды вечером Яков возвращался из редакции газеты, находившейся на Крещатике, в свою комнату на Подоле. Теперь ему доверяли не только карикатуры, но и иллюстрации к статьям и очеркам. Статья, которая на следующее утро должна была появиться в свежем номере, была хлесткой, справедливо и зло критиковавшая режим Директории за еврейские погромы, которые те учиняли. Яков, только что набросавший несколько рисунков к тексту, дрожа на ледяном ветру и утопая в снегу, с трудом спускался по Большой Александровской. Он думал о том, что православное Рождество миновало и пора что-то делать со своей жизнью. Рождество – не праздник для него, но веха, означавшая начало года. Январь тоже прошел, начался февраль и дальше так продолжаться не могло. Ему надо пристать к людям, потому что в круговерти страшных событий одному выжить было просто невозможно. Внутри его звенела пустота, на самом деле, ему было плевать на людей, но люди, все же, могли послужить защитой. Так ему казалось...

Подходя к дому, где он снимал комнату, он увидел толпу смеющихся вооруженных людей. Яков решил не заходить в дом и пройти мимо. Когда они уйдут, он вернется. Он не сразу разглядел своего хозяина среди этих людей, однако тот закричал, указывая на Якова:

- Да вот же он, ваш жиденек!

Развернувшись, те стали медленно приближаться к Якову.

«А вот и люди», - подумал он.

- Ну що, що ти там робив у своїй редакції? Малюнки малював? А які? Про жидів? Про те, як ми їх полоскотали трохи?

У Якова появилось предчувствие, что все складывается для него плохо. Где-то посередине грудины у него засосало, ноги стали вялыми, а мысли скомканными. Он осознал факт неизбежности своей смерти. Его сейчас убьют, убьют, убьют. Уже несколько дней у него горела голова. Он пошатнулся и упал в снег.

- За те, що нас в поганому світлі виставляєш, за те, що про пана Симона Петлюру українці погано думати будуть, вбити тебе треба як собаку. Хлопці, давай, бери цього жиденка на приціл.

Якова біла лихорадка. Последнее, что он помнил, были трое петлюровцев, подошедших к нему вплотную. Кто-то ткнул его носком сапога, потом кто-то еще, а затем его начали бить. Безбожно.

Очнулся Яков в темном и холодном месте. С трудом разодрав глаза, он сначала увидел потолок, белевший в сизом холоде. Повернув голову, он разглядел рядом с собой бездыханное тело с заострившимся носом. Где-то в гулком пространстве в раковине капала вода из крана. Он хотел повернуться и посмотреть в другую сторону, но не смог. Шея не слушалась. Стараясь пошевелить озябшими пальцами, он гадал, так ли выглядит Ад. Или это Рай для нищих, ожидающий их после смиренной жизни? Разве Бог не милосерден? Какая жизнь, такая и смерть. Не надо баловать несчастных, Рай как вечное продолжение безрадостного земного бытия.

Пальцы начали с трудом сгибаться, но встать он не мог. Может, крикнуть? Может, это все-таки еще жизнь? Яков открыл рот, но из его глотки, вместо звука, вырвался вздох. Он пробовал еще и еще, пока у него не стали получаться стоны. Он стонал все громче и громче до тех пор, пока где-то рядом не зажегся тусклый свет и старый ангел в замызганном белом халате не вошел в помещение, где стонал Яков.

- Неужели покойник воскрес? - сам себя спросил старичок и начал креститься.
- Свят, свят, свят!

Яков снова застонал. Старик прислушался и пошел на звук. Когда он был совсем близко, Яков еле слышно прошептал:

- Здесь я.

- Живой, что ли? - встрепенулся старичок.

- Живой, наверное.

- Да кто ж тебя сюда приволок? Они что, совсем от разума отвлеклись? Ты подожди, милоч, я свет зажгу. Или нет, не буду зажигать, а то испугаешься. Ты хоть знаешь, где ты?

- В Раю? - запекшиеся губы Якова растянулись в горькую усмешку.

- Ты никак бредишь, милоч? Это ж морг. Отсюда прямо на погост отправляют. Не приди ты в себя, и тебя бы утром отправили и закопали там. Господи, свят, свят, свят! Пробудил он тебя, Господь-то наш. Прямо в самое нужное время. Ну что, встать можешь?

- Не знаю. Нет, наверное.

- Звать-то тебя как?

- Яков.

- Яковом звать, говоришь? Хорошее имя. А меня Семеном нарекли.

Яков вздрогнул. Неужели такое бывает? Неужели его дед пришел с того света спасти его?

Следующий раз Яков пришел в себя уже в больничной палате. Рядом с ним лежали живые люди. Больные, но живые. Недалеко от его кровати суетилась сестричка милосердия. Увидев, что он открыл глаза, она улыбнулась ему.

- Хотите пить?

- Да, хочу, очень.

- Сейчас принесу.

Сестричка ушла, а сосед на кровати, что стояла рядом, обрадовавшись, что наконец-то, можно с кем-то поговорить, громко и весело выпалил:

- Ну что, тифозный, оклемался?

- Почему тифозный? - Яков попытался сесть.

- Так тебя с тифом из морга привезли. Избитого тоже. Помнишь, кто тебя так отметелил?

- Я ничего не помню.

- Врачи говорили, что, кроме тифа, у тебя все ребра переломаны. Не мог же ты упасть, так не падают.

- Да не помню я, падал я или нет, - Яков был в ужасе оттого, что вся его жизнь до той минуты, когда он открыл глаза и увидел сестричку, казалась ему несуществующей. Он ничего не знал про себя.

- Ну, ты вспоминай. Как вспомнишь, расскажешь. А то тут с тоски рехнуться можно.

Вернулась медсестра. Яков с жадностью выпил стакан воды, показавшейся ему горькой.

Медленно потекли дни. Он вспоминал свою прошлую жизнь и часто думал о том, как праздновали в их доме День очищения или Йом Кипур – Новый год. Его дед Семен бросал в воду крошки хлеба, повторяя слова пророка: «Нет второго бога, подобного тебе, который отпускал бы грех и прощал измену, который не упорствовал бы во гневе, ибо для него есть радость быть милосердным. Он смилостивится над нами, он предаст забвению нашу вину, он потопит на дне морском наш грех».

Яков провалялся на больничной койке еще месяц. Он был рад, что его не торопили, идти ему все равно было некуда. Понемногу он стал помогать медсестрам и нянечкам – иногда поднести что-то тяжелое, иногда подежурить у постели тяжелобольного. Находясь в больнице и прислушиваясь к разговорам, он думал о происходящем. Смута, царившая в Киеве, когда каждые несколько дней меняется власть, не могла длиться вечно. Рано или поздно, кто-то все равно должен победить и взять под контроль народ.

После того, как погнали Петлюру, чьи гайдамаки избили Якова до полусмерти, состоялось второе пришествие большевиков. Иногда выбираясь из больницы на свежий воздух, Яков видел, как они ломали царские памятники и учили людей жить и мыслить по-революционному. В Киеве появилась ЧК, охотившаяся на тех, кто мыслить и жить по-революционному не хотел. К концу лета 1919 года, на Киев с двух сторон стали надвигаться антибольшевистские силы. С одной стороны опять Петлюра со своей армией УНР, а с другой – белогвардейцы под командованием генерала Бредова. Большевиков погнали. Белые продержались в Киеве до октября. Они восстановили поверженные большевиками памятники, перевели часы на петроградское время, а календарь на старый стиль. Они разоблачили мерзости ЧК, но сами, отлавливая тех, кого подозревали в симпатиях к большевикам, творили над ними самосуд прямо на глазах у прохожих, не хуже того же ЧК. В середине октября большевикам удалось взять реванш, они вернулись в Киев. Белогвардейцы отступили за Днепр. Вместе с ними ушли многие горожане, не ожидавшие от большевиков ничего хорошего. Однако после «Дарницкого исхода», белые снова вернулись и выбили большевиков, продержавшись в столице до середины декабря.

Киевские весны сменялись осенними листопадами. Зацвели и отцвели каштаны, укрывая землю то белыми цветами, то желтыми разлапистыми листьями, разбрасывая то тут, то там гладкие темные плоды, похожие на конский глаз. Каждую весну Днепр разливался, пряча прибрежные поймы под своей зеленоватой водой, а с наступлением осени Днепр серел, злясь на скорую зиму, что скует его широкие воды льдом и тогда уже жди прихода следующей весны. Пришедшая на смену осени зима, покрыла отжившую свой срок листву белым снегом, а следующей весной, когда снег сойдет, на тротуарах окажется полно

медных гильз от винтовок, а в стволах деревьев, на которых появятся первые зеленые листочки, будут зиять дыры от выстрелов.

Смену времен года и частую смену политических декораций Яков спокойно пережил под больничным кровом. После того, как он окончательно окреп, его оформили санитаром. Работа была тяжелая, однако он не возражал. В нем теплилась необычная для его души благодарность. Он все еще был под впечатлением от своего чудесного воскресения. Памятуя старенького Семена, услышавшего его стон в мертвецкой, Яков впервые старался найти с людьми общий язык и примкнуть к их сообществу. Во время дежурств, когда все было тихо, он рисовал. Ему казалось, что больница была обителью, защищенной Богом от всех тех перемен, что происходили за ее стенами. Под кровом этой обители, где выздоравливали или умирали люди, Яков ничего не боялся. Не желая знать о той бойне, что шла на улицах Киева, он понятия не имел, что 16 декабря 1919 года, большевики в четвертый раз вошли в Киев. А потом, в мае 1920 года, Киев взяли поляки и снова Петлюра, который за их поддержку, отдал им Галичину. Поляки были, без сомнения, интервентами и удержаться в городе могли только при наличии военной силы, каковой у них не было. Большевики это знали и, поэтому, предприняв очередное наступление на Киев, окончательно взяли его под свой контроль в июне 1920 года. Уходя, поляки взорвали четыре моста через Днепр, дворец генерал-губернатора в Липках и товарную станцию железной дороги.

В середине июня 1920 года, Красная армия большевиков, предприняв контратаку, не только нанесла поражение польской армии и отрядам Деникина, но продвинулась к самому Львову, овладеть которым, тем не менее, не смогла. Боевые действия окончилась Рижским мирным договором, подписанным в 1921 году. В соответствии с этим Договором, территорию УНР аннексировали Польша и Советская Россия. Другими словами, Украину разделили и поделили.

Симон Петлюра бежал сначала в Польшу, потом во Францию, где, 25 мая 1926 года, был убит Самуилом Шварцбургом. Самуил был евреем, родом из Измаила и, как он сам сказал – убийство Петлюры было актом мести за еврейские погромы 1918 - 1920 годов в Украине. Одна деталь: по данным Красного Креста, во время погромов, которые совершали войска Директории зимой 1919 года в Украине, было убито около 50 тысяч евреев. Говорят, что в берлинских архивах находится около 500 документов, доказывающих личную причастность Петлюры к погромам.

А тем временем, в Киеве орудовали большевики. Провозгласив «все на восстановление мостов», они согнали жителей столицы на строительные работы. Красные на каждом углу кричали, что все должно быть подчинено интересам народа, но, забыв спросить народ, определяли его интересы сами. В городе стали расти, как грибы после дождя, советские учреждения, в которых процветала бюрократия и бестолковость. Поскольку продуктов не было, в Киеве отоваривались по карточкам. Больше смены декораций не предвиделось. Во всяком случае, в ближайшие 70 лет.

Однажды в больницу, где Яков работал санитаром, привезли красноармейца. Молодой парень был тяжело ранен. Его пырнули ножом те, кто все еще сопротивлялся Красному террору. Выслеживая большевиков и красноармейцев, противники нового режима убивали их по ночам, внезапно нападая в глухом переулке. Тому красноармейцу нож всадили в желудок, но, после операции, он выжил. Яков ухаживал за ним, как будто находя в этом утешение. Он не то искал друга, не то ему нужен был тот, кто укрепил бы его в еще не совсем ясных мыслях, что уже начали бродить у него в голове. Яков был готов предать свою веру и свой народ. Он был готов стать другим. Он бросил в воду крошки хлеба, понадеявшись на то, что Бог, в которого он не верил, предаст забвению его грех.

Яков решил пойти в Красную Армию. Поскольку он не хотел убивать, он выбрал профессию политрука. Идеолога, значит. Взбадривать казармы. Осознавал ли он, что отдает себя во власть зверя и его лжепророчества?

После окончания военного училища, его направили в летный полк. Он ни в чем не нуждался. Раньше шли в попы, чтобы не нуждаться, теперь в армию. Ему не надо было думать о пропитании и бояться нищеты. Служа новой власти, Яков, вместе с переведенным в новую веру народом, просто принял власть большевиков – таковы были обстоятельства и он не стал им сопротивляться. Сославшись на утерю документов, он изменил свое отчество и фамилию, стерев, таким образом, свое еврейское происхождение и став чистокровным украинцем.

Лиза не могла не задумываться над тем, что ее родной дед, Яков, предал даже не собственную веру в Бога, у него этой веры не было, он предал веру Бога в него. Кем бы ни был этот Бог, но он дал Якову талант, дал ему такого наставника, как дед Семен, спас его перед наступлением голодной зимы в Киеве, чудесным образом послал к скамейке в том саду, где Якова уже покидала последняя надежда, преподавателя из Академии художеств. Что еще надо было, чтобы понять, какой дорогой идти? Но нет, Яков искал место, где ему не надо было рвать жилы и сходить с ума, создавая шедевры, он искал место, где о нем позаботятся. Он выбрал службу страшной идее, потребовавшей миллионы жертв. Яков думал, что с него не потребуют плату за его выбор. Он ошибался. Ему пришлось рассчитаться своей душой, своими корнями, своим талантом и, в конечном счете, своей жизнью.

Прошло несколько лет, и Якова познакомили с Анной. У жены его товарища по лётному полку была молоденькая и очень красивая сестра. Анна уже год, как снималась в немом кино. Пока на небольших ролях, но недостатка в предложениях не было. Перед ней открывалась карьера актрисы. Однако Яков на это внимания не обратил. Он легко отнесся к своему таланту, так зачем ему опека чужим дарованием? Он увез Анну с собой, в Среднюю Азию, в Кушку, туда, где был расквартирован его лётный полк. Только однажды он настоял на том, чтобы она вернулась в Украину. Когда пришло время Аннушке рожать, Яков отправил ее в Умань. Он хотел, чтобы его сын родился там, где похоронены его предки. Ни разу не навестив их могилы, не стерев пыль с их мацев, поставленных общиной, он заставил юную Анну на сносях проделать долгий путь на его родину.

Лиза помнила рассказ своей бабушки о том, как она рожала Александру. Как сиделка и санитар вынесли кровать в сад, под цветущие яблони, и как розовые лепестки, потревоженные ветром, сыпались на роженицу и ее малютку, появившуюся на свет после долгих и жестоких мук ее молоденькой матери. Якову не понравилось, что у него родилась дочь. Он ждал сына, которого хотел назвать Семеном.

Год спустя, в 1933, когда в Украине начался повальный голод, вошедший в историю как Голодомор, Анна поехала спасать свою сестру – ту, о которой отец просил ее позаботиться. Она хотела забрать ее к себе, в Среднюю Азию, где еды было с лихвой. Годовалую Александру она оставила на Якова. Когда вернулась одна – сестра, не дождавшись ее, умерла – застала свою маленькую дочь тоже при смерти. Александра лежала в своей кроватке на грязных тряпках и еле дышала. Глаза ее были покрыты коростой из гноя. Анна бросилась к мужу с вопросами, а Яков стоял, высокий, стройный, в военной форме, сидевшей на нем, как влитая, в начищенных высоких сапогах и легонько постукивал о сапог хлыстом, который держал в руке. Он не стал бы убиваться с горя, если бы Бог забрал его дочь к себе. Что там говорил его дед Семен? Бог – это судьба. Но вот приехала его молодая жена и отодвинула Бога. А, может быть, Бог сделал так, чтобы она вовремя вернулась. Анна посмотрела на Якова и поняла, что это не ее муж, не ее мужчина и

не ее судьба. Не сказав ни слова, она выходила Александру и стала тихо жить под сенью своего замужества, оказавшегося ошибкой.

Тридцатые годы подходили к концу. Настали тяжелые и страшные времена. Сталин чистил партийные ряды и командный состав армии. Он готовился к тому, чтобы разделить мир с Гитлером. Он готовился к большой войне.

Лиза с трудом представляла, как именно ее дед Яков вдавливал молодым летчикам азы большевизма. Как он им объяснял все эти репрессии и чистки, самосуд, казни детей и подростков, закономерность и необходимость миллионов жертв, принесенных во имя власти народа, а, на самом деле, во имя власти одного человека? Как оправдывал то, что палачи, повязанные между собой кровью и властью, уничтожала народы во имя утопической идеи, в которую сами не верили? Или тогда вся эта коммунистическая бредятина не казалась такой уж утопией? Неужели Яков верил в то, что большевики построят рай Человека на Земле, заменив Бога своими вождями, а веру – идеологией? Неужели он верил в то, что эти вожди, правящие по грудь в крови, способны привести народ к вратам Рая, где от «каждого будет по способности, а каждому по потребности»?

О чем ее дед думал, когда в 1937 году был арестован и посажен под домашний арест? Боялся ли он смерти? Как объяснял самому себе свой арест?

А потом началась война. А до войны оккупация и аннексия части Финляндии, части Молдовы, Западной Украины и Западной Белоруссии. Как Яков объяснял это молодым бойцам? А пакт Молотова-Риббентропа? А раздел Польши? Говорил ли он им, что все это было лишь прелюдией к большой войне и бесчисленным человеческим жертвам?

История России – это постоянная обида за что-то и месть за эту обиду. Когда старшего брата Ленина, Александра Ульянова, казнили в Шлиссельбургской крепости после попытки покушения на Александра III, его младший брат произнес свою знаменитую фразу: «Мы пойдем другим путем». Александр был террористом, одним из организаторов и руководителей «террористической фракции» партии «Народная воля». Убийство Александра III было назначено на 13 марта 1887 года не случайно. Дата должна была совпасть с тем днем, когда шестью годами раньше, члены «Народной воли» убили Александра II. Какой же «другой путь» выбрал его младший братишка? Путь крови и насилия, какой же еще? На деньги Германии и при содействии Германии, Владимиру Ульянову, который позже назовет себя Ленин, удалось совершить кровавый переворот, который вошел в историю, как Октябрьская социалистическая революция. Нет, во время самой переворота крови было пролито не много, однако все последующие годы, она лилась полноводными реками. Семью последнего российского царя расстреляли в подвале дома Ипатьева в Екатеринбурге. Отмщение за обиду произошло. Владимир Ленин рассчитался за своего старшего брата. А народ, ожидавший равенства и братства, казнили миллионами, чтобы дорога к справедливости, окрашенная в красный цвет, была лучше видна.

Та же жажда мести обуяла и еще одного большевистского вождя. «Отец всех народов» Иосиф Сталин, как только освоился в должности Генсека, истребил всех старых большевиков, бывших соратниками Ленина и приведших его самого к власти. Спустя два года после раздела Польши, Сталин, летом 1941 года, планировал развязать большую войну, завоевав ослабленную Гитлером Европу. Однако Гитлер опередил Иосифа Сталина, напав на СССР несколькими днями раньше.

В первые дни, после вторжения гитлеровцев в Беларусь и Украину, были убиты десятки тысяч советских солдат, миллионы сдались в плен. Капитулировали целые соединения в полном составе во главе с генералами. Немцы не знали, что

делать с таким количеством пленных. Красная армия несла огромные потери, а Сталин отсиживался на правительственной даче, ожидая своего ареста. Однако никто его арестовывать не пришел. Придя в себя и оценив обстановку, сын башмачника решил отомстить за предательство, ведь Гитлер не должен был нападать на его, Сталина, империю. Да, это была великая обида! И вот он мобилизует весь свой молох на победу. Но ведь вопрос в том, как победить... Не гениально спланированными сражениями с минимальными потерями в живой силе, а единственно живой силой. Количественно, пушечным мясом, «бабы еще нарожают», жестокостью, принуждением, заградительными отрядами, страхом, одним словом, Сталин вырывал победу у Гитлера путем массового и бессмысленного уничтожения своих солдат.

Как Яков, будучи политруком, объяснял своим солдатам, за кого или за что они идут в бой – за Сталина и его коммуны или за освобождение своей земли, где живут их семьи? Кстати, Яков понятия не имел, где его собственная семья, что стало с его женой и дочерью, пополнили ли они армию беженцев или уже убиты. Как он оправдывал ненужные смерти? Неужели говорил бойцам, что, если они не пойдут в атаку и не освободят тот или иной населенный пункт к определенной дате, как того требовали в Кремле, их прикончат свои? Может ли быть, что он брал грех на душу, убеждая солдат идти на смерть, поскольку выбора у них все равно не было – если не пойдут сами, их погонят заградительные отряды и, при малейшем замешательстве, выстрелят им в затылок.

Яков погиб в августе 1941 года. Снаряд прямым попаданием уничтожил землянку, в которой он склонился над картой. Могилы у него нет, потому что никто не нашел его останков. Среди разметанных вокруг землянки вещей, нашли планшет Якова и серебряную ложечку, которую он взял из дома. Кто-то видел, как он пил чай, размешивая сахар этой ложечкой. Планшет и ложечку положили в бандероль и отослали его жене. Анна и Александра найдут эту бандероль с прикрепленной к ней похоронкой на столе своего полуразрушенного дома, куда вернуться четыре года спустя.

Лиза часто думала об этой ложечке. Она представляла разметанную взрывом землянку и куски тела своего родного деда. Его никто не похоронил, никто не поставил камня или креста над холмиком с его останками – было не до того. Но кто-то обошел, под продолжавшимися обстрелами, место взрыва и нашел ложечку, которая, оказывается, принадлежала Якову. Это было странно и не укладывалось в голову у Лизы. Одним словом, она не знала, как именно погиб загадочный Яков – ее дед, которого она не знала, и отец ее матери, которого та так сильно любила.

Глава 32 .

Единственная любовь Александры.

Для некоторых женщин, как, впрочем, и для мужчин, пара очень важна – без своей половинки ей или ему невозможно почувствовать всю полноту жизни, осознав себя цельной натурой. Александра не любила Василия, она не могла быть связана с ним духовно и плотски, однако после развода, она стыдилась своего одиночества, как проказы. Ей казалось, что одиночество делало ее увечной, что ее презирают и жалеют. Сторонясь людей, она отказывалась обзавестись друзьями или знакомыми. Ей обязательно нужен был рядом сильный и успешный мужчина. Она

бы сияла и нежилась в отраженном свете, не требуя свершений от себя, но зорко следя за успехами своего супруга.

Александра обладала неброской, но ухоженной красотой, небольшим, но пронизательным умом и невероятной чувствительностью. Сказка «Принцесса на горошине» была написана про нее. Александрова чувствительность была не только физической, но и душевной, вскормленной описаниями чужих переживаний. Ее образование состояло из литературы, сначала английской, потом мировой, поэтому в реальной жизни она искала отношений изысканных и сложных. Как у Эрве Базена или Апдайка, или Ирвина Шоу, или у Макса Фриша. Ей особенно нравился роман «Назову себя Гантенбайном», где главный герой стал прятаться за темными очками, решив превратиться в слепого. Его жалели, он лгал. Объявив себя незрячим, он исчез сам, сбросив с себя груз ответственности, но он с удовольствием подглядывал за другими людьми, в том числе за той, которую любил.

Тем не менее, в молодости, в тот решающий момент, когда женщина выбирает на всю жизнь, Александра не решилась послушаться своих чувств и пойти наперекор судьбе. Дело в том, что за ней, в Измаильскую пору, кроме Василия, будущего отца Лизы, ухаживал некий высокий и статный шатен. Он не был военным, он был, кажется, инженером. Он дарил ей цветы, приглашал на свидания, уводил на развалины Измаильской крепости, где целовал ее нетерпеливо и жарко. Василий, зная об этих свиданиях, приходил в их дом, устанавливал мольберт в саду, и писал розы. Анна заваривала ему чай, угощала пирогами и, пока тот писал, часами говорила с влюбленным морским офицером об Александре. Когда та возвращалась со свиданий, Василий, смущенный ее разгоряченностью от чужих поцелуев, бросал мольберт посреди сада, прощался и уходил. Так продолжалось некоторое время, пока однажды, предчувствуя решительный поворот событий в сторону помолвки Александры с инженером, Василий не устроил спектакль.

В один из вечеров, он посвятил Анну в свои намерения, сказав ей, что если Александра до конца сегодняшнего дня не предпочтет его, он порешит с собой. После этого он решительно развернулся и ушел.

Доверчивая Анна не находила себе места. Наконец, ее дочь пришла со свиданья. Рассказав ей все, она побежали в воинскую часть, узнать, где Василий живет, а потом обе отправились к нему домой. Долго колотили в дверь, уж думали, что опоздали, повесился человек. Анна тут же, перед закрытой дверью, обвинила Александру в жестокосердии, найдя повод припомнить ей то, что она вытворяла, когда они с Никитой решили жить вместе. У Александры и, вправду, сердечко было небольшое, но грех на душу она брать не хотела. Позвали дворника, он выломал дверь. Анна смотрела вверх, под потолок, с ужасом ожидая увидеть Василия, вернее, его тело, болтающееся на ремне. Василий же мирно спал на раскладушке, а рядом с ним, на полу, стояла опорожненная бутылка красного вина. Тогда же и разыгралась сцена. Представьте себе двух женщин со слезами облегчения на глазах и мужчину, спросонья плохо соображавшего, с хмельными слезами на глазах. Через какое-то время все слезы слились в одну реку. Обнялись, расцеловались. Анне всегда нравился Василий, а вот Александру пробила жалость. Ей захотелось совершить поступок, сделав несчастного Василия счастливым. Вопреки тому, что любила другого или никого не любила, но пробовала любить. Что же инженер? Он тут же женился на Александровой подруге, смешливой блондинке, которой попутно симпатизировал. Из этой истории урок: не надо никого делать счастливым, делайте счастливыми самих себя, а от этого и другие счастливыми станут.

Памятуя о том, что Анна когда-то давно, в раннюю Измаильскую пору, не только поверила ему, когда он в сердцах признался ей, что собирается наложить на себя руки, но и заставила Александру решить в его пользу, Василий всегда с особенной теплотой относился к своей теще. Анне удалось тогда пробудить в сердце Александры что-то наподобие сочувствия, что, в свою очередь, привело к ее браку с Василием. Несмотря на то, что он был бесконечно счастлив, женившись на любимой женщине, его терпения хватило ровно на пять лет.

Александра говорила ему, что не любит его, унижая его созданным ею образом слабой, благородной и очень образованной дамочки, которой он не ровня. Не любя Василия, она винила в своей нелюбви его – вечный неудачник, который не может заставить ее полюбить себя! Она мстила ему, как могла, за собственную бесчувственность и он, до поры до времени, стойчески переносил все ее издевательства. В конце концов, он сорвался, стал пить и изменять ей с простыми и доступными женщинами. Например, с официантками из ресторана на соседней улице. Александра страдала ... и любила свои страдания и себя в своих страданиях. В глубине души она даже была благодарна Василию за то, что он таскал ей свою вину, как кобель приносит хозяину отрытую где-то, полусгнившую дрянь. Она с удовольствием наказывала провинившегося Василия. Он и, правда, чувствовал себя виноватым, ходил на цыпочках, исполняя все ее прихоти и капризы, а потом все начиналось сначала. Он срывался и пропадал на несколько дней с официанткой или поварихой, что прекрасно готовила чебуреки в той забегаловке, что находилась у самого входа в парк.

Никита хлопотал о его переводе из Измаила, поскольку все думали, что, оторвав его от собутыльников, можно было бы все вернуть на круги своя, но никто не осмеливался сказать вслух о том, что Василий пил не потому, что рядом были его дружки, всегда готовые надраться, а потому, что рядом была Александра. Никакой перевод ни в какое другое место не освободит его от Александры, делавшей их брак невыносимым из-за того, что она постоянно вытирала ноги о своего талантливую мужа. Александра стеснялась Василия, называя его в разговорах с другими «майором Тропининым», как будто он был посторонним ей человеком. Она часто говорила, что и на Камчатке, и в Баку, командиры частей были влюблены в нее, а она оставалась верна Василию, не заслуживавшему ее верности. Она говорила это ему в лицо, ни на минуту не задумываясь о том, что будет, если ее муж вдруг захочет выяснить отношения с командиром части на предмет его влюбленности в его жену. Слава Богу, он этого не делал, но она как будто толкала его на преступление. Василий не велся на ее провокации. Нет, он не был слабаком, он мстил, но не другим, на которых указывала Александра, а ей самой. Восставая против ее тирании, топя всю горечь от ее слов в вине, он приходил домой когда выпившим, когда вдрызг пьяным. Он не сразу стал циничным и агрессивным. Он стал таким по прошествии пятнадцати лет их невыносимого брака.

Анну он никогда не называл по имени отчеству, а только «мамой» и обращался к ней на «вы». Его никто не заставлял этого делать, но он всегда писал ей письма. Василий любил Анну от всего сердца и часто жалел о том, что Александра совсем не похожа на свою мать. Приведем два письма, одно написанное Анне с Камчатки, другое – из Баку.

Первое письмо Василий написал в тот год, когда Александра привезла на Камчатку Лизу. В то время он заочно учился на третьем курсе какого-то института. Его специальностью должны были стать холодильные установки, которые были абсолютно ему безразличны. Учился он только ради Александры, требовавшей от

своего мужа дополнительного высшего образования. Не доучившись, он бросит свою учебу. А пока, он писал Анне вот что:

«Здравствуйте, дорогая мама.

Наши уже спят, а я вам пишу, в перерыве между занятиями, письмо. Вчера послал Вам телеграмму с просьбой выслать необходимые книги. Здесь их не достать, в библиотеке института их буквально по одному экземпляру и выдают только для занятий в читальном зале, а у меня нет возможности просиживать там часами – надо работать. У нас на курсе ввели пять дополнительных дисциплин. Будет очень тяжело, но надо справиться. Условия для занятий дома у меня хорошие. Мои дорогие «стражи науки» Александра и Лиза не дают мне прохладяться. Только немного отвлечешься, как сразу в два голоса – «садись, занимайся!»

Сами они очень трудолюбивы, хотя Лизе не хватает усидчивости и желания довести дело до конца. Многим увлекается, но, начав с большим энтузиазмом, быстро остывает и может бросить начатое. Если что-то делает, скорее хочет увидеть результат, а это значит, что она не желает тратить время на кропотливый труд, необходимый для формирования навыков. Так было и с занятиями по рисованию. Но в целом, когда захочет, настойчивость у нее есть. Вот, например, она делала для Александры подарок к 8-му Марта – куклу наподобие чертика. Я наблюдал за ней: спешит, старается – не получается. Я предложил ей помощь. У меня тоже не получилось и я предложил ей оставить чертика и подарить что-нибудь другое. А она ни в какую! И сделала сама очень хорошо и вовремя! Я был горд ею и радовался тому, что она проявила характер.

Извините, мама, заговорился, а о самом главном не написал. Сегодня получили посылку. Все дошло хорошо, разбилось только одно яйцо, поэтому немного запачкалось одно из полотенец. Все остальное дошло хорошо. Мы шлем вам сердечное спасибо за Вашу поистине материнскую заботу.

Мама! Я наберусь наглости и попрошу вас еще об одном одолжении. Вы как-то писали о маленькой палитре с набором кистей. Если ее можно достать, я буду вам несказанно благодарен – меня все больше и больше буквально тянет снова рисовать и писать красками. Достаньте, пожалуйста, если это вообще возможно. Здесь нет ни кистей, ни хорошего набора красок, а я уже давно мечтаю о том, чтобы написать что-то стоящее, как я это делал в Измаиле в вашем великолепном саду.

Заканчивая, хочу вас заверить, что у нас все хорошо, живем мы дружно и мирно. Все пока здоровы. Робко вступает в свои права весна. Я уговариваю Александру поехать в Киев, но ей это видимо тяжело (я имею в виду дорогу). Как обстоят дела с вашим самочувствием?

Пишите нам чаще.

Крепко целую, Василий».

Что и говорить, настойчивости у Лизы было хоть отбавляй! Она всегда добивалась своего и только потом задавалась вопросом, нужно ли ей то, чего она с таким трудом и с такой страстью добивалась.

Интересный факт – в то время, когда Василий писал это письмо, на Камчатке куринные яйца были редкостью. Некоторые местные жители держали коров, но молоко можно было покупать только в первые месяцы зимы, когда еще не заканчивалось сено. Потом коров переводили на сухой корм с добавлением муки из рыбьих костей, и молоко пить было невозможно – оно воняло рыбой. Поэтому

яйца, присланные Анной в посылке, шедшей из Киева на Камчатку около десяти дней, были настоящим лакомством.

Второе письмо было написано по прошествии пяти лет из Баку.

«Здравствуйте, дорогая мама!

Вчера, 8-го января, исполнилась годовщина нашего пребывания здесь и у меня был «день встреч». Днем встретил Лизу – она со своим классом возвратилась из поездки в Ригу, а вечером поехал в аэропорт встречать Александру из Трускавца. Наконец собрал всех под домашним кровом. Обе приехали простуженные, уставшие, а Лиза, прямо на вокзале, спросила: «Папа, а у нас есть дома что-нибудь поесть?» Теперь обе вымылись, наелись и отдыхают. Все входит в норму, в привычный ритм жизни.

С квартирой пришлось повозиться. Доделывал все сам, т.е. циклевал полы, красил окна и двери. Очень хотелось все закончить к их приезду, поэтому работал с утра до двух-трех часов ночи, потратив на это половину своего отпуска. Оставшуюся половину потрачу на нашу «дачу», что в нескольких шагах ходьбы от нашего дома. Надо все там привести в порядок.

Лиза поездкой довольна, хотя из 12 дней шесть провела в дороге. Их неважно кормили, но в их возрасте это не главное. Впечатлений много, дни проходят в сплошных рассказах. Хорошо, что она приехала за несколько дней до окончания школьных каникул. Перед тем, как опять пойти в школу, отдохнет и отъестся. Вторую четверть она закончила хорошо, математику мы выправили.

Александра санаторием очень довольна. Подлечилась, чувствует себя хорошо. Правда, под конец она простыла и приехала больная, но это пройдет. Камня у нее в почке не обнаружили, а все ее болевые приступы объяснили переменной климата и жесткостью воды. Так что и в этом отношении все, как видите, благополучно. Для нее есть работа – место библиотекаря в художественной библиотеке училища. Как только поправится, будет оформляться.

Теперь о себе.

Поездка в Москву была очень содержательной, интересной и поучительной. Совещание в Генеральном Штабе было организовано на высшем уровне. Целые дни проводили там, но я все же выкроил время и съездил на Новодевичье кладбище к отцу. Купил два букета гвоздик. Кашпо и полочка были пустыми и присыпаны снегом. Посмотрел на так хорошо знакомый и дорогой для меня снимок отца. Очистил полочку и кашпо от снега, протер все платком и один букет поставил в кашпо, а другой – положил на полочку. После побродил немного по кладбищу. Прошелся до Аллилуевых и из любопытства заглянул на могилу Хрущева. Она находится на центральной (против входа) аллее. Очень скромная могила без единого венка или цветочка. Видимо, родные еще не успели поставить памятник, ведь умер он не так давно. Возвращаясь, опять постоял перед плитой с прахом отца, попрощался с ним и тогда только ушел.

На совещании встречался с определенными должностными лицами. Они обо мне знают и по моему возвращении твердо обещают сделать категорию в ближайшие месяц-два. За меня просил и ходатайствовал сам начальник Училища. Нам сказали, что наш факультет будет самым перспективным в ВМФ и для моего «морального утверждения и стабилизации» вопрос с моим чином ускорят, хотя сначала только повысят в должности. Намекнули, правда, что даже это совсем не просто. Чтобы было «проще», я отвез им соответствующие Бакинские «сувениры».

Все было принято с благодарностью. Видимо, такова жизнь. Лизе купил три пары теплых колготок в Москве.

Перед отъездом в Ригу, 26 декабря, они всем классом собрались у нас. Я им подарил огромный торт и целый ящик лимонада. Веселились до полуночи, а утром уехали в Ригу. Все остались довольны.

Мама! Большое, большое спасибо вам за новогодние подарки! Все очень хорошо и со вкусом подобрано, но больше всего трогает Ваша забота. Наша искренняя и неподдельная благодарность Вам! Еще раз большое спасибо!

Вот и все. Погода теплая и солнечная. В квартире очень тепло. С тех пор, как Лиза приехала, наша собака ходит за ней по пятам. Однако наша «Лизи» вам сама обо все напишет. Александра обещала написать, как только поправится.

Крепко целую, Василий».

Рассказывая о посещении Новодевичьего кладбища, Василий писал об «отце». Так он называл Никиту, который не был ему отцом, как и не был кровным дедом для Лизы. Однако и Василий, и Лиза любили Никиту, как родного. Он упомянул о платке, которым протер полочку, потому что, стоя перед замурованными в стене прахом Никиты, он плакал.

Казалось бы – что еще надо? Перевод в Баку на перспективный факультет, где обучались «друзья поневоле» из Варшавского договора, а также, сирийские, ливийские и другие «братья», постигавшие в советских военных училищах науку убивать. Квартира в хорошем доме была получена и добротнo отремонтирована. Жалование было вполне удовлетворительным, а перспективы повышения вполне реальными. Красавица-дочь училась в старших классах в хорошей школе, где преподавали учителя из Москвы и Ленинграда. Жена, хоть и недомогает постоянно, собиралась устроиться в художественную библиотеку. Работа как раз по ней – не трудная, не нервная и не пыльная. Сиди и читай, поскольку посетителей в огромной библиотеке в прекрасном здании с колоннами, почти никогда не бывало.

Василий побеспокоился обо всем – о доме, о даче, о своем повышении и о теплом месте для Александры. Завели собаку. Он хотел, чтобы все было не просто хорошо, а лучше, чем у остальных. Заведуя хозяйственной частью Училища, а, следовательно, и внутренними распределителями, он первым получал весь импорт, поступающий туда. Он постоянно приносил Александре изделия из чешского хрусталя и сервизы из немецкого тончайшего фарфора. Он приносил ей модную бижутерию, сумки и обувь. Ему хотелось, чтобы она обрадовалась, он покупал ее любовь, потому что знал, что именно так можно купить симпатию Александры. Но он не рассчитал своих сил. Сам жить среди созданного им уюта и хрусталя он не смог. Василий пытался несколько раз пригласить друзей к ужину. Увы, каждый раз застолья оказывались скучными – его жена не желала быть веселой и радушной хозяйкой. Она замыкалась в себе, демонстрируя приглашенным свое надменное превосходство, и друзья больше не приходили. Вскоре случилось ЧП – в части повесился офицер. Василий не мог не пойти на поминки и там впервые, со времени переезда в Баку, сильно напился. С тех пор остановиться он уже не мог или не хотел.

И вот, всего лишь через полгода после того, как Василий описывал в своем письме к Анне, как он сам отремонтировал квартиру, как устроил для одноклассников своей дочери вечеринку и как встречал свою жену, прилетевшую из Трусковца, Александра напишет вот такое письмо своей матери:

«Здравствуй, дорогая мамочка!

Давно тебе не писала, у нас всегда только одна причина для молчания – Василий. Вчера ввалился в час ночи пьяный и измывался над нами до трех часов утра. Лиза сидела возле него, ожидая, пока он отправится спать. Перед этим, два дня она болела. Им в школе сделали прививку против холеры и брюшного тифа, у ее организма была очень сильная реакция – сильнейшая головная боль и высокая температура. И вот теперь всю ночь она готовила ему кофе и приносила сигареты.

Я не выдержала и позвонила ночью начальнику части. Услышав, что я разговариваю по телефону, Василий схватил настольную лампу и вдребезги разбил ее о стену. Порвал на мне халат, а когда Лиза бросилась меня защищать, он с силой оттолкнул ее. Был абсолютно невменяем. Утром, еще пьяный, отправился на работу.

Когда я вечером вернулась домой, Лиза была на уроке английского, а он сидел на кухне в стельку пьяный. Я быстро ушла – боюсь оставаться с ним наедине. Пошла снова в часть, к его начальнику. С ним вместе мы пошли к адмиралу. Когда я ему все рассказала, он вспомнил, что видел утром Василия, тот отпросился у него на весь день. Он думал, что Тропинин провел весь день дома. Адмирал решил отправить его на гауптвахту на пять дней. Вызвали машину и через полчаса его увезли. Арестовали его до вторника – 17 апреля. Что будет, когда он вернется, не представляю. Все может быть.

Адмирал сказал, что будет, вероятно, суд чести, а потом Василя демобилизуют. Мы также говорили о лечении. Адмирал высказался категорически против. По его мнению, офицера и коммуниста неэтично подвергать такой процедуре. Спросил о моих планах на будущее. Я сказала, что для меня главное, чтобы дочь окончила школу с хорошими отметками, а потом мы уедем. Он обещал сделать для нас все, что можно.

А пока мы одни и нам хорошо. Сегодня воскресенье – целый день я стираю и глажу, а Лиза занимается. Руки заняты работой, а мысли не дают покоя. Василий грозит, что арестует сберкнижку, не знаю, что делать? Может, снять все деньги и купить облигаций 3% займа? Он также говорит, что порежет всю мебель и разобьет посуду. Думаю отнести все сервизы к знакомой.

Мамочка, у нас уже совсем тепло. Посылку твою мы еще не получили.

Крепко тебя целуем, твои дети».

Александра подписала письмо – «твои дети». Вероятно, она считала Лизу не столько своей дочерью, сколько своей сестрой и, поэтому, обе были детьми Анны. Она так и не повзрослела, навсегда застряв в том возрасте, когда ее горячо любимый отец погиб на фронте.

С Василием, своим ошибочным попутчиком, она проживала свою жизнь временно. Часто переезжая с ним с места на место, она всегда ожидала чего-то лучшего, более стабильного и долговременного. Ей казалось, что там, за поворотом, начнется настоящая жизнь, а эти несколько лет надо проскочить как можно скорее, или, на худой конец, переждать и перетерпеть. Александра покупала шубы и новые туфли, которые никогда не надевала, храня нажитое богатство в целлофановых пакетах в темных утробах шкафов. Настоящая жизнь так и не случилась, вместо нее пришло одиночество, потом старость, потом болезнь, которая отберет у нее жизнь.

Все дело в том, что Александра выбрала своего единственного мужчину задолго до того, как пришло время выбирать себе пару, сотворив из него кумира. Кумиром этим для нее был ее отец Яков.

Когда Анна возвращалась с новорожденной дочерью на поезде из Умани в Кушку, Яков дождался на перроне. Войдя в вагон, он увидел свою молоденькую жену, кормившую грудью младенца, завернутого в одеяло. Оба почему-то растерялись, и Яков стрелой вылетел из вагона. Взяв себя в руки, он возвратился в купе и заставил себя посмотреть на маленькое, ни на кого не похожее существо, которое Анна прижимала к груди. Сморщенное недоразумение было смуглое, с черными волосами и довольно не привлекательное. Разочарованный Яков пробормотал:

- Я думал, моя дочь красавица...

Через полтора года после рождения Александры, его перевели в Ташкент, а еще через два года – на Дальний Восток, в Уссурийск. Приехали в воинскую часть, а там нет ничего, кроме палаточного городка. С наступлением холодов семье Якова разрешили разместиться в штабе, где его маленькая дочь играла с макетами самолетов и танков. В Уссурийске было прекрасное старинное здание в три этажа с большими окнами, паркетным полом и мраморными лестницами. В этом здании находился Дом Красной Армии. Анна устроилась туда на работу помощником фотографа. Александра была отдана в детский сад, но часто оттуда удирала – она или крутилась около своей мамы, которую фотограф любил снимать, или в большом зале смотрела фильмы вместе с бойцами.

Все было бы хорошо, но настал 1937 год. Сталин назначил нового главу НКВД по фамилии Ежов, поэтому период с 1936 по 1938 год называют «ежовщиной». В этот период, наравне с другими «врагами народа», была обезглавлена и Красная армия. Были созданы так-называемые «тройки», которые обвиняли, судили, выносили приговоры и казнили. Им спускали лимиты.

Вскоре, в Уссурийске Якову дали квартиру, вся семья переехала из штаба под собственный кров, но спокойная жизнь длилась не долго. Начались сталинские репрессии. В 1937-38-х годах антисоветчину шили буквально всем, а это либо расстрел, либо 10 лет в лагерях. В чем обвинили Якова и почему через год его выпустили из-под домашнего ареста, осталось неизвестным. Он избежал страшной участи полутора миллиона человек, расстрелянных и отправленных по этапу в Сибирь.

По прошествии нескольких месяцев, в многоквартирном доме осталась только их семья – все остальные были арестованы. Анна рассказывала, как каждую ночь дрожала от страха, прислушивалась, не фыркает ли во дворе их дома мотор «черного воронка», этого страшного вестника смерти. «Воронки» с «лимитчиками» приезжали по ночам. Каждую ночь Анна ждала, что за ее мужем тоже придут. Можно ли вынести такую еженощную пытку? А тот еще облачался в униформу белогвардейского офицера и в таком виде расхаживал по дому. Что это было? Запоздалый внутренний протест? Яков не имел никакого отношения к Белой Гвардии, разве что вспомнил свою юность в Киеве, где чуть ли не каждый день менялась власть и, задним числом, пожалел о том, что не к той армии примкнул. Нарушая домашний арест, по вечерам он ходил встречать свою красавицу-жену с работы. Брал с собой, на всякий случай, клинок. К счастью, Якова не тронули, поскольку он не относился тогда к старшему офицерскому составу. Анна рассказывала, что ее муж написал несколько писем Сталину, в которых заверял вождя, что не был врагом народа, но сколько таких писем было написано в ту пору! Их никто не читал. Миллионы расстрелянных без суда и следствия люди, тоже врагами не были. Врагами были те, кто захватили власть и окопались в Кремле. Они и были настоящими врагами народа.

Когда в августе 1938 года начались боевые действия на озере Хасан, Якова отправили туда не с лётным, а с артиллерийским полком. В конце концов, какая

разница, кого убеждать идти на смерть – тех, кто воюет в воздухе, или тех, кто воюет на земле? Конфликт из-за двух сопков был быстро завершен, и советские войска, понесшие несравнимо большие потери, чем японцы, вернулись в свои части. С той краткосрочной войны Якову посчастливилось вернуться живым. Уссурийск встречал победителей цветами и музыкой духовых оркестров. Маленькая Александра всматривалась в загорелое лицо своего отца, в новенький орден, сиявший на его груди, и чувствовала радость, теплой волной разливавшуюся по всему ее худенькому тельцу.

Да, все началось с очарования и восхищения. С интуитивного сожаления о том, чего никогда в ее жизни не случится. С уютной, жарко натопленной комнатки в доме посреди Уссурийских снегов. Анна часто задерживалась в фотоателье Дома Красной Армии, поэтому Яков, приходя со службы, топил печь, жарил картошку, кормил маленькую Александру, потом усаживал ее поудобнее и начинал делать с нее наброски.

Рисовал он свою дочь, боясь утратить навыки, скучая по классам рисования, проходившим в холодных классах Киевской Академии. Показывал Александре альбомы с репродукциями великих художников, где каждая страничка была переложена папиросной бумагой. Курил. Ждал жену с работы. А маленькая дочурка влюблялась в него все больше и больше. «Зачем ждать? Кто нам еще нужен? Ведь я же здесь!» - думала она. Ее отец был красив, талантлив, значителен. Когда он приходил домой, от него пахло холодом и кожей, потом разогретым телом, мужским запахом. Он точил карандаши, раскрывал папки с мелованными листами бумаги, внимательно всматривался в лицо маленькой девочки. Но вот, приходила Анна и очарование разделенного на двоих, тихого вечера, нарушалось. Чересчур молодая, чересчур красивая, умелая и энергичная Анна крала у Александры ее единственного мужчину.

Которому Александра, кстати, прощала все.

«Небольшое озеро. Берега поросли молодыми ивами и кустарниками. На узкой полоске белого песка сидит молодая женщина и мужчина в военной форме. Девочка барахтается в теплой воде, зовет отца поучить ее плавать. Быстро, как все военные люди, он снимает с себя форму, и идет к дочери. Хохоча и разбрызгивая вокруг себя воду, он направляет брызги сначала на дочь, а потом на жену, оставшуюся сидеть на берегу. Поднимает дочь на руки и несет ее дальше, вглубь озера. Та смеется, но вдруг, руки отца отпускают ребенка, и она оказывается под водой. На берегу, женщина вскакивает и кричит: «Яков, ты утопишь ребенка!» Но вот, девчоночья голова с облепившими лицо, мокрыми волосами, показалась из воды. Девочка откашливается и от обиды плачет. Отец подхватывает свою дочь, она сердито толкает его руками в грудь и сквозь слезы кричит, что поступил он с ней нечестно. Девочка самостоятельно выбирается на берег, мать подбегает к ней, вытирает ее мокрые волосы полотенцем, старается ее успокоить и ругает мужа. Но муж выходит из воды и смеется – мужественный, сильный, красивый. Одной рукой он обнимает дочь, другой обхватывает и приподнимает жену. Наступает мир. Он прощен. Домой возвращаются сельской дорогой. Садится солнце, воздух пахнет пылью от нагретой земли, жужжит пролетающий жук, поет птица в кустах. Прислонившись к папиному боку, девочка идет и слушает, как он рассказывает маме содержание какой-то книги. Они разговаривают, а девочка думает: «Как все хорошо и красиво. И папа так много всего знает. И какая замечательная будет жизнь, когда я стану большой...»

Александра написала это сочинение, когда училась в школе. Однажды, среди старых писем и бумаг, оно попало Лизе на глаза. Прочитав его один раз, она не могла выбросить его из головы. Чего стоит только одна фраза: «Но муж выходит из

воды и смеется – мужественный, сильный, красивый». Она не написала «отец», она написала «муж». А это девчоночье кокетство – «с облепившими лицо, мокрыми волосами»? Что тут скажешь? Яков оказался тем единственным, который перешиб Александру раз и навсегда. И дело не в том, что она сделала неправильный выбор, выйдя замуж за Василия. Дело в том, что любой мужчина в ее жизни стал бы неправильным выбором. Яков был один и единственный. Вот и весь сказ.

Вспоминая это сочинение, Лиза подумала еще вот о чем: все три женщины, и Анна, и Александра, и она сама, были связаны не только кровными узами и судьбами, но и цифрой девять. Когда Аннушке было девять, в больнице умер ее спившийся отец, оставив ее полной сиротой; когда Александре исполнилось девять, ее отец погиб на фронте; когда Лизе исполнилось девять, от тяжелой болезни скончался ее дед, Никита. Все трое в девять лет потеряли свое детство через утрату главного в их жизни мужчины.

Все трое среагировали по-разному. Анна ринулась во взрослую жизнь, ища самостоятельности и преодолевая преграды. Лиза, потеряв своего любимого деда Никиту, сохранила в своей душе любовь к нему. Эта любовь, в которой она черпала силу, помогала ей пережить все невзгоды. Когда ей было плохо, она вспоминала Измаильский дом, сад и себя, проходившую школу своего детства под сенью Никитиной заботы.

Александра, восприняв гибель своего отца как предательство и личную обиду, стала вымещать злость на своей молодой, красивой и не очень образованной матери, ревнуя Анну к ее второму мужу. Она часто повторяла, что, если бы ее родной отец был жив, то все было бы по-другому – ей бы жилось лучше и любили бы ее больше. Ей будет всегда казаться, что родные люди и, в первую очередь, Анна, предали память ее отца и обманули ее саму. Она не смогла простить Анне ее любви к Никите, а Лизе – ее любви к неродному деду. А, самое странное заключалось в том, что, не видя в своей дочери продолжения себя и своего отца, она будет искать себе другую дочь. Сначала бессознательно, но потом вполне отдавая себе отчет в своих действиях.

Глава 33.

Кумачовый гроб.

«Жизнь терпима лишь при условии, что ты всегда отстраняешься от нее»,
Густав Флобер.

Лиза очнулась от воспоминаний. Самолет выпустил шасси, через некоторое время коснулся взлетной полосы, подпрыгнул и, наконец, покатился, замедляя скорость, по заснеженной полосе аэропорта Борисполь. Снега было много, он был пушистый и искрился под яркими лучами прожекторов. Сколько раз она вот так приземлялась в аэропорту родного Киева, прилетая из других стран? Ей было хорошо и весело от предстоящей встречи с родными, к которым она спешила с рассказами и подарками. А сейчас? Сейчас ее могут задержать прямо на паспортном контроле. Лиза была уверена в том, что Иезуитов подготовил ей встречу. Он наверняка знает о том, что Александру забрали в больницу, и понимает, что ее дочь рано или поздно обязательно прилетит. Подкупив кого надо, он теперь ждет, когда птичка сама попадет в сети. Подходя к стойке

паспортного контроля, Лиза чуть не потеряла сознание. Она даже слегка пошатнулась.

Подав паспорт, она долго ждала, вглядываясь в лицо пограничника, а тот все что-то там высматривал в компьютере, крутил ее паспорт в руке, потом снова всматривался в экран. Наконец, он полистал страницы, остановился на одной из них и грохнул печатью. Все прошло гладко, без приключений. В зале ожидания она сразу же увидела своего родного и любимого Игната с большим букетом великолепных роз. Посадив Лизу в дорогой джип, он сначала повез ее на Площадь Независимости ли на Майдан, где пару дней назад протестующие поставили свой палаточный городок. Там же, на площади, они спустились в переход, нашли свободный столик в одном из подземных кафе, и среди протестующих, по очереди гревшихся в теплых подземных кафешках, наелись вкусных бутербродов. Был поздний вечер, поэтому Игнат сказал, что отвезет Лизу в больницу завтра рано утром, а потом, после обеда, отвезет ее к Анне. Сегодняшний вечер принадлежал только им, они не виделись целых два года и, прежде, чем ехать домой, где Лизе предстояло познакомиться с его женой, он хотел провести некоторое время со своей мамой наедине.

Их беседу прервал зазвонивший телефон – Лара, не видевшая своего мужа с раннего утра, напомнила ему, что пора ехать домой.

Поднимаясь на лифте многоэтажного дома, где когда-то жила, Лиза разволновалась. Она вспомнила, как Забава каждый раз, когда ее выводили на прогулку, с нетерпением ждала, когда лифт остановится на их этаже, а потом рвалась из него во двор, с силой толкая передними лапами дверь парадного. Да, все это было. Была другая жизнь. Она была моложе, Игнат был маленький, с ними жил Алексей – ее муж и его отец. От нахлынувших воспоминаний на глазах у Лизы появились слезы и потекли по щекам. Через пару секунд ей также предстояло знакомство с Ларой и ей очень хотелось, чтобы это знакомство не спровоцировало дальнейшей неприязни.

Игнат достал ключи и открыл дверь. Войдя в прихожую, Лиза не узнала свою квартиру, в ней был сделан прекрасный ремонт. Стены между кухней и гостиной больше не было – теперь комната казалась большой и светлой. Кухня, со всеми современными приспособлениями, поместилась у одной стены, середину комнаты занимала столовая, а у другой стены расположился большой мягкий диван, перед которым стоял журнальный столик. Огромный телевизор был прикреплен к стене, отделявшей комнату от коридора. Покраска, освещение, мебель, пол – все было добротным и подобрано с большим вкусом. В каждой мелочи чувствовался достаток. В коридоре, на месте трех книжных шкафов, появились встроенные пеналы с зеркалами. Пока Лиза с удивлением оглядывалась по сторонам, к ней подошла невысокая женщина на сносках. Ее темные волосы были подстрижены, она была в брючках и свободной рубашке. Протянув руки к Лизе, она хотела обнять ее, но ее огромный живот не позволил им обняться. Тем не менее, Лара, продолжая держать Лизу за руку, посадила ее на диван и тихо сказала:

- Ваша мама умерла.

Игнат ринулся к Лизе, грохнулся рядом с ней и крепко обнял ее. Лара присела с другой стороны, рядом.

- Но как? – спросил Игнат. – Ведь еще сегодня утром я заезжал, все было нормально, – и, обращаясь к Лизе, продолжал, – никто не ожидал, что она умрет так скоро. Никто! Ее забрали в больницу, чтобы положить под капельницу, поскольку ей был нужен морфий – на дому такое не делают. Врачи заверили меня, что она проживет, как минимум, еще несколько недель. И даже пообещали отпустить ее домой перед самым концом.

- Врач позвонил и сказал, что Александра Яковлевна скончалась, - сказала Лара.
- Дали телефон и адрес морга. Завтра с утра надо быть там. - Лара протянула Игнату записку с адресом и телефоном.

Лиза не знала, что сказать. Слов не было. Бог уберег ее, не дав свидеться и попрощаться с матерью, не дав услышать злые слова и ужаснуться смерти. Он уберег ее, сделав паузу между ее прибытием и смертью Александры - ведь ее рейс был задержан на долгих шесть часов...

Игнат и Лара не знали, как вести себя и боялись, что Лиза начнет рыдать или ей станет плохо. Ни того, ни другого не случилось. Посидев некоторое время неподвижно, она повернула голову и посмотрела на Лару. Большие карие глаза ее невестки были полны испуга, нежности и сострадания. Когда Лиза впервые увидела ее, она была молодящейся служащей большого и престижного офиса, сейчас же перед ней сидела жена, будущая мать, партнер прибыльной фирмы, та, которой все по плечу. Она обняла Лару и прижала ее к себе, шепнув ей на ухо:

- Спасибо за сына.

Игнат налил себе и Лизе в маленькие стопки холодной водки, а Ларе протянул стопку с клюквенным соком. Выпили за упокой души Александры. Еще немного поговорили, повспоминали, погоревали. Время было позднее, Лара поставила розы, купленные Игнатом для мамы, в большую вазу. После этого, она провела Лизу в ванную, показала, где лежат полотенца, принесла постельное белье, Игнат разложил диван и все разошлись спать.

Лежа в такой знакомой и одновременно абсолютно новой, преображенной комнате, Лиза, уставившись в потолок, подумала о том, что сейчас, этой ночью, ей обязательно надо осмыслить смерть Александры. Навряд ли ей это удастся, люди годами излечивают раны, нанесенные кончиной их матерей. Сон не шел и, вместо дремы, ее стал бить озноб.

«Мать может предать только один раз, когда уходит навсегда. Моя мать предавала меня много раз», - отбросив одеяло, Лиза подошла к холодильнику, выудила оттуда бутылку водки, смешала ее со льдом и лимонным соком, села за стол и отдалась на волю воспоминаний. Какие придут в голову, те и нужны в такую минуту.

Пока была жива ее мать, их взаимная неприязнь была сглажена привычной демонстрацией родственных чувств – регулярными телефонными разговорами, поздравительными открытками, трогательными пожеланиями и искренним сочувствием. На самом деле, под покровом учтивости, скрывались очень непростые отношения.

Однажды произошел один случай. Лизе было лет пять, не больше. Александра сидела перед зеркалом и долго приводила себя в порядок. Было около четырех часов пополудни. Они собирались куда-то идти. Лизе было скучно ждать и она изнывала, действуя Александре на нервы. В конце концов, Александра вспылила:

- Я не люблю тебя такую!

Лиза как будто только этого и ждала. Она уже давно сомневалась в искренности Александровой любви. Не только по отношению к себе, но и ко всем остальным членам семьи тоже. Говорят, дети всегда тонко чувствуют фальш, их нельзя обмануть ложью, какой бы искусной эта ложь ни была. Особенно, если эта ложь касается любви. Взрослые верят лжи, потому что обманываться рады, но с ребенком это не проходит.

Лиза вспомнила, как в том же году, за несколько месяцев до происшедшего инцидента, Александру привезли из больницы. Ей удалили варикозные вены на обеих ногах. Варикоза там почти не было, вены только слегка обозначились, но ее мать не терпела некрасивостей, особенно на своем теле. Кроме того, она уже давно

не страдала по-настоящему. Время, когда ее организм работал без перебоев, слишком затянулось. Надо было встряхнуться самой и, заодно, встряхнуть всех окружающих, напомнив им, кто тут на самом деле вечная страдальца. Физические страдания были для Александры процессом, в ходе которого она перерождалась, преображалась и молодела. Перенесенные мучения давали ей также право надолго поработить свою мать и своего мужа. Они суетились, ухаживали за ней, изо всех сил стараясь угодить. Ей самой ничего не разрешали делать и это ничегонеделание, а также та невесомость, очищение и перерождение, которые обеспечивает страдание, были самыми приятными периодами в ее жизни. Они могли тянуться неделями и даже месяцами, во время которых Александра приобретала значимость.

Так вот, ее привезли домой с перебинтованными ногами. Была ранняя весна. День выдался пасмурным, но теплым. В саду расцвели первые ландыши и нарциссы. Анна вынесла кресло в сад, усадила туда Александру, накрыла ей ноги пледом и вернулась в дом заваривать чай. Наблюдая эту сцену из дальнего конца сада, Лиза не вмешивалась и к матери не подходила. Не она была нужна Александре, а покой, сострадание и готовность окружающих удовлетворить ее малейшую прихоть. Кушать теперь она будет не за большим общим столом, а только в кровати в своей спальне. Василий будет оттуда выдворен на диван в гостиной, где целый месяц, а то и дольше, будет коротать ночи в одиночестве. Анна будет готовить любимые блюда своей дочери и печь для нее всякие лакомства, Никита будет снабжать дом всем необходимым, а Лиза будет на подхвате. Маленькой Лизе все это не нравилось. Ей было обидно, что мать, по приезде из больницы, не обняла ее и не расцеловала, но гораздо больше ей было обидно за Анну и Василия. Почему? Она не могла сказать. Но их она жалела больше всего. Тогда, в этом весеннем Измаильском саду, она почувствовала притворство. Ее мать не любила ее открыто, громко, тепло и весело. Не целовала без причины и не душила ее в объятиях. В ее глазах не искрилась та настоящая и искренняя любовь, что тут же согревает сердце ребенка. Александра была как проклюнувшийся после холодной зимы нарцисс – хрупкий цветок, который начинает источать аромат только в теплой комнате.

А Лиза была маленьким щенком, которому так нужно было материнское тепло. Она тупилась своим тельцем и тыкалась носом, но у своей матери не могла найти ни тепла, ни заботы.

- Зачем ты меня тогда рожала, если не любишь? – Лиза отреагировала по-детски очень логично на заявление Александры.

Это было опрометчиво с ее стороны. Роды были для Александры тем инструментом, который она, на протяжении вот уже пяти лет, удачно использовала в свою пользу. Василий расплачивался за эти роды, во время которых она чуть не умерла, практически каждый день. Анне тоже доставалось. И вот ее малолетняя дочь, появление которой на свет чуть не стоило ей жизни, спрашивает, зачем она ее рожала? Да кто она такая, чтобы касаться святого – невыносимых, многочасовых страданий на кровати Измаильского роддома в одну из самых жарких июльских ночей? Она никому не позволит посягнуть на свои муки!

Александра вспыхнула, размахнулась и ударила свою дочь по лицу. Лиза почувствовала всю ненависть взрослой женщины, что прихорашивалась уже битый час перед зеркалом, на своей щеке, горячей от оплеухи. Она не расплакалась, а выпрямилась и посмотрела на свою мать прямым взглядом больших зеленых глаз, возвращая ей ненависть сторицей.

Александра не ожидала такой реакции. Она испугалась и стала просить прощения у дочери. И, как ни странно, ее извинения были искренними. Страх, что

Лиза этот инцидент запомнит и, когда вырастит, покинет ее, перечеркнув все бывшие страдания, набросав эскиз страданий будущих.

Мать и дочь помирились. Лиза любила прощать. Ей очень нравились акты человеколюбия, поэтому она любила дарить, прощать и развлекать, отдавая все, что имела, и в первую очередь, свою любовь.

Когда она выросла, ей почему-то казалось, что ей постоянно нужно было одобрение Александры. Что бы она ни делала, в кого бы ни влюблялась, что бы ни покупала, где бы ни работала, у нее на душе становилось светлее, если Александра поддерживала ее. Одобрение ее матери означало отсутствие у нее, по каким-либо причинам, зависти и ревности. Именно этого Лизе и нужно было – чтобы ее не проклинали и не насылали на нее всех демонов, могущих исковеркать ее начинания и ее влюбленности.

Но ведь Лиза могла ничего и не рассказывать. Она пробовала, однако ее молчание приводило к гораздо более неприятным последствиям, потому что Александра ждала и, не дожидаясь очередной исповеди своей дочери, взрывалась подозрениями и раздражением на Лизу, осмелившуюся несколько дней не приносить чашу со своей кровью ждущему и жаждущему вампиру. Дочь с готовностью снабжала вампира своей кровью, пока не спряталась от вампира в другой стране.

- Теперь больше не будет телефонных звонков с ее молчанием и укоряющим меня дыханием, - Лиза поднялась из-за стола и подошла к балконной двери. Как она любила этот простор и этот вид на Днепр! – Не будет больше просьб позвонить ее врачам и поговорить с ними, заплатить больше, выторговав у них чудо. Но, главное, я избавилась от ее нелюбви ко мне.

Прижавшись лбом к холодной балконной двери, Лиза тихо разговаривала сама с собой.

- Было бы проще, если бы моя мать просто не любила меня, но все было гораздо сложнее.

Александра проделывала со своей уже взрослой дочерью то же самое, что она проделывала с Василием. Давая понять, что не любит его, она демонстрировала ему, как ее любят другие, постоянно напоминая ему о том, что за ней увивались командиры всех частей, где Василий служил. В трюке с Лизой она использовала детей. Иногда Александра брала ее с собой в школу, где преподавала английский. Как только они появлялись в поле зрения других детей, Александра тут же бросала свою дочь и начинала обнимать других девочек, громко и наигранно превознося их красоту, заслуги и добродетели. В классе она сажала Лизу за последнюю парту, и, казалось, забывала о ее существовании, ни разу за весь урок не взглянув в ее сторону. Но это только казалось, Александра из кожи вон лезла, демонстрируя свою любовь к другим детям. Иногда она даже называла их теми же ласковыми словами, которыми называли Лизу в Измаильском доме. Дети были удивлены не менее, чем девочка, сидевшая в одиночестве за последней партой, как будто ее за что-то наказали. Не понимая происходящего, они играли в игру своей учительницы, не смея ее послушаться.

Чего Александра добивалась? Ревности? Того, что ее дочь испугается, что может лишиться любви своей матери и поэтому согласится стать ее маленькой рабыней? Ухищрения Александры ни к чему не привели – Лиза не пугалась, она замыкалась, наказывая свою мать своим молчанием и неповиновением.

Спустя тридцать лет, уже перед самым уходом Александры на пенсию, история повторилась, но уже со взрослой девочкой, выпускницей класса, где Александра была классным руководителем. Эту тоненькую брюнетку с длинными кудрявыми волосами, звали Жанна. Александра часто говорившая, что Жанна напоминает ее

саму в юные годы, вдруг объявила ее своей дочерью. Слава Богу, девочка, после трех лет дружбы со своей классной руководительницей, перестала к ней ходить, поняв, что их отношения становятся все более двусмысленными. Через пару лет она вышла замуж и муж увез ее в Петербург. Уехав, эта красавица-еврейка спаслась от навязчивой любви стареющей Александры, которая, рассказывая Жанне о Лизе, называла последнюю своей «неудачной дочерью». Однако точно так же, во время телефонных разговоров со своей дочерью, Александра во всех подробностях рассказывала об очередном визите своей ненаглядной Жанны, часто повторяя одну и ту же фразу: «Жанна так похожа на меня, а ты – рыжая и зеленоглазая, как будто не моя дочь». Если бы такое сказала Анна, Лиза обиделась бы или рассердилась, но та такой бестактности себе никогда не позволила.

- Моя бабушка писала мне стихи, - прошептала Лиза, касаясь губами холодного стекла балконной двери.

История с Жанной не вызвала в ней ни ревности, ни страха. Все, что Лиза чувствовала, было некой смесью удивления и стыда. Ее мать не понимала всей глубины своей глупости, жестокости и лицемерия. Выбирая себе других «мужей» и других «дочерей» из тех, кто ее окружал, выставляя напоказ свои и чужие чувства, она не понимала, насколько нелепо и жалко выглядела. Со своей дуростью она могла делать все, что угодно, но она хвасталась чужой симпатией к себе, объявляя на людях, что тому-то и тому-то она нравится, не имея на это ни права, ни достаточно доказательств.

- Я не буду убиваться из-за того, что потеряла мать. Мы все умрем в свое время. Сейчас пришло время Александры.

За окном стало светать. Лиза так и не сомкнула глаз. Вышел из спальни Игнат. Обнял свою маму, заварил кофе, вынул булочки, масло, джем. Пора было что-то съесть, прогреть машину и отправляться в морг. Нужно было выбрать гроб и получить удостоверение о смерти. Им предстоял безумный день, полный горьких хлопот...

Лара тоже вышла к завтраку и, как Лиза и Игнат, заставила себя проглотить пару кусочков булочки, запив ее горячим сладким кофе с молоком. Она настояла на том, чтобы тоже ехать. На уговоры не поддавалась, сказав, что и на похороны поедет, поскольку в тяжелую минуту должна быть рядом со своим мужем и его матерью.

В машине Лиза, наблюдая за Игнатом, думала, что ее сын превратился во взрослого и ответственного мужчину, рядом с которым хорошо, на которого можно положиться, который всегда готов помочь и делом, и добрым словом. Дорога заняла часа два. Моргом оказалась лачуга среди покрытых снегом сосен где-то за городом. Доехали, постоянно перезваниваясь со служащими морга, поскольку указателей в это, забытое богом место, не существовало. Рядом с моргом была еще одна лачуга – в ней продавали гробы. В то время украинцы еще не знали, что гроб может быть очень дорогим аксессуаром для останков усопшего члена семьи. Полированные, из ценных пород деревьев, с позолоченными ручками и атласом внутри – шикарные ящики для уже начавшей разлагаться плоти. Последний подарок мертвому, который он не сможет оценить. Последнее «прости и прощай», уменьшающее вину живых за то, что они еще живы. Какая разница, в чем сжигать тела? Неужели для этого ужасного ритуала нужно вырубать леса, полировать древесину и обивать внутренности этого страшного ящика шелком или атласом? Со временем, как и везде, в Украине смерть тоже станет бизнесом, но тогда еще не стала. В лачуге стояли на выбор три еловые гроба. Грубо сколоченные доски, ни покраски, ни полировки. Один из гробов был обтянут красным ситцем. Кумачовый гроб. Его Лиза и выбрала. Александра так и не поняла, что к чему было

с Лениным, со Сталиным и вообще с историей ее страны. Она не осуждала их преступлений, до самой старости восторгаясь простотой слога Иосифа Виссарионовича.

В морг Лиза не пошла. Не смогла. Игнат все сделал сам.

Похороны должны были состояться на следующий день, поэтому, после морга, Игнат отвез Лизу к Анне. Ночевать она будет там, а наутро он заедет за ней и они поедут на кладбище.

Подъезд двенадцатиэтажного дома на Троещине, построенного в конце восьмидесятых годов прошлого века, выглядел как гнойник на теле прокаженного. Как будто домом пользовались и жили в нем не человеческие особи, а одичавшие умалишенные, сбежавшие из дурдома. Из стен были выбиты куски бетона, внизу, ближе к полу, они были загажены экскрементами, на цементном полу, когда-то покрытым плиткой, стояли лужи мочи. Почтовые ящики были выломаны, а, оставшиеся висеть на грязной стене, были покрыты непристойными надписями и рисунками. Когда подошел лифт, Лиза подумала, что навряд ли стоит им пользоваться, но Игнат настоял, заверив ее, что по лестнице она до нужного этажа не доберется. Выхода не было. Нырнув в лифт, Лиза зажмурила глаза и прикрыла ладонью нос.

Когда Игнат открыл входную дверь своим ключом, они сразу увидели Анну, стоявшую в коридоре у входной двери. Упав в объятия Лизы, она долго оставалась там, прижимаясь щекой к плечу своей внучки. Анна похудела, высохла, стала хрупкой и утратила все запахи, как будто это была не она, а ее призрак. Ее кожа превратилась в пергамент, поры исчезли, кости стали почти невесомыми. Ее родная и любимая бабуля была, как засушенный между страниц, цветок. Ее голос, наоборот, огрубел и ушел куда-то внутрь, став утробным. Отпустив, наконец, Лизу, Анна попыталась устоять на ногах самостоятельно, но пошатнулась. Снова прикинув к Лизе, она нежно поцеловала ее в губы. Так целуют дети. Игнат подхватил ее, отвел в комнату, усадил в кресло. Лиза сразу же отправилась на кухню готовить – если в доме пахнет вкусной едой, из него тут же уходят страх и тоска. Позже она искупает Анну. Вечером они сядут и будут долго разговаривать.

Пока Лиза занималась готовкой, Анна пришла к ней на кухню. Походка у нее была неровной, она шла, как будто пританцовывая.

- Когда твою маму забирали на «Скорой помощи» в больницу в тот, последний, раз, она посмотрела на меня таким тревожным, вопрошающим взглядом. Я поцеловала ее в нос и так мы простились, не зная, что больше не увидимся.

Анна сказала это тихо, без боли. Лиза окаменела. Почему поцеловала в нос? Неважно. Сказать, чтобы не переживала? Но как можно такое говорить матери, чья дочь будет завтра кремирована и похоронена?

- Знаешь, давай что-нибудь перекусим, - предложила Лиза. - Что ты хочешь?

- Там шоколадка еще осталась? – спросила Анна, указывая на ящик в кухонном столе. – Мне Игнат всегда привозит шоколадки. Я их очень люблю, но приходится прятать от Александры.

«Понимает ли моя бабуля, что происходит? Мне кажется, она не понимает все в полной мере. Или понимает?» - Лиза внимательно посмотрела на Анну, потом открыла ящик и нашла там полторы шоколадки – одна была еще в обертке, а вторая – надломленная. Налила своей бабуле чаю, дала шоколадку. Анна дрожащими пальцами отламывала маленькие кусочки от шоколадной плитки и отправляла их себе в рот. Она их не жевала, а сосала и от удовольствия закрывала глаза.

- Мне кажется, что я еще не выросла, а уже умирать пора, - вдруг сказала она.

Разговаривала она неразборчиво, как маленький ребенок, который только научился говорить.

После ужина Лиза отвела Анну в ее комнату и уложила в постель. Ее бабуля долго лежала, молча наблюдая, как ее внучка сидела в кресле рядом с ее кроватью и ждала, пока она не заснет. Спустя сорок лет, все повторилось, только наоборот. Теперь ребенком была Анна, а тогда, в Измаильском доме, сорок лет тому назад, Анна укладывала маленькую Лизу в ее маленькую кроватку, что стояла в ее с Никитой спальне, разжигала огонь в большой печке с изразцами, и читала своей внучке сказку. Никита лежал в кровати и притворялся, что читал газету, а, на самом деле, тоже слушал сказку.

Когда Анна заснула, Лиза поднялась и пошла в комнату своей матери. Она хотела найти папку со старыми Измаильскими фотографиями, которые всегда любила рассматривать. Это была кожаная папка, с которой Никита ходил на работу. После его смерти Анна сложила туда все старые черно-белые фотографии. Когда Лиза приходила в Анне и Александре в гости, она первым делом вынимала эту папку и начинала рассматривать фотографии. Ей нравилось смотреть на молодые, веселые, полные энергии лица ее отца и деда, только что вернувшихся с охоты или с рыбалки. Смотреть на большой дом, на сад в разное время года, на кота Марсика, а также на себя в большой кастрюле для кипячения белья с огромным цветком гортензии в руке. На той фотографии Лизе было около двух лет, ее посадили в огромную выварку и дали цветок, который был больше ее головы. Или на четырехлетнюю девочку, стоявшую на стуле и украшавшую пушистую елку, достававшую до самого потолка. Или на девятилетнюю себя, сидевшую ярким солнечным днем на капоте белой «Победы», собранной из запчастей Василием и Никитой. Последняя фотография была сделана уже после смерти ее любимого деда, и то лето было последним, проведенным ею в большом Измаильском доме.

Войдя в гостиную, Лиза окинула взглядом комнату, где последние десять лет жила ее мать. Все вещи были дорогими и добротными, а в комнате у Анны стояло то, что было некрасиво, старо или ненужно. Все вещи имеют свою суть. Часы Александры, ее вазы, хрусталь, ее кровать с огромными подушками, ее дорогой ковер на полу. Все эти вещи больше не принадлежали ей, она утратила с ними всякую связь, поскольку обладание ими было аннулировано ее смертью. Зачастую вещи переживают своих владельцев, являясь, тем не менее, их продолжением. Одушевленное умирает, неодушевленное может жить веками. Трагедия? Противоречие? Или благословение, поскольку через неодушевленное мы имеем возможность лицезреть и слушать шедевры тех гениев, что нас покинули. Мы узнаем их в поэмах, картинах, скульптурах, книгах и музыкальных произведениях. Точно также мы узнаем простых смертных в ворохе нелепых и глупых вещичек, оставленных ими после себя. О специфическом характере Александре, всегда настаивавшей на том, чтобы обязательно праздновать ее дни рождения и Татьянин день, к которому она не имела никакого отношения, громко кричал ее большой портрет, висевший над изголовьем ее кровати.

В поисках папки с фотографиями, Лиза стала открывать ящики серванта, оказавшимися полупустыми. В одном из них были сложены книжечки, напечатанные на дешевой бумаге, о жизни святых, об Иисусе Христе и записанные рукой Александры молитвы. Она никогда не рассказывала Лизе об этих своих религиозных поползновениях, о том, что обратилась к вере в последние месяцы своей жизни. Она постоянно жаловалась на женщину, которая убирала и готовила, на Игната, который не согласился бросить свою «женщину» ради нее, на Анну, у которой не было прежних сил заботиться о ней. Она не решалась так же открыто

выплескивать свою ненависть на Лизу, потому что ее дочь означала деньги, покупавшие для нее заботу врачей, лучшие палаты в больницах и оплачивали все требуемые лекарства. Поэтому Александра, хотела она того или нет, должна была контролировать свою ненависть. Святые ей не помогли, а деньги, полученные от дочери, продлили ее жизнь на целых четыре года.

Александра не поняла и не оценила этой помощи, она заранее приготовила для своей дочери послание, которое, та, несомненно, увидит. Выдвинув очередной ящик, Лиза оторопела, осознав всю необъятность той ненависти, что ее мать испытывала к ней. Папка, где хранились Измаильские фотографии, была пустой, в ней не было ни одной фотографии. Все они были уничтожены. Александра наказала свою дочь, лишив того, чем она так сильно дорожила – воспоминаний о ее детстве. Она знала, как причинить боль своей дочери. За исключением пустой папки, две фотографии Лизы в рамках, которые всегда стояли на серванте, лежали на дне ящика и были повернуты вниз лицом. Вокруг них были разложены какие-то камни и колючки. Увидев все это, Лиза поняла, что перед смертью ее мать прокляла ее.

Лиза была ошеломлена. Вот так мать простилась с дочерью. Уничтожив все, что та любила.. .

Приняв душ и переменяв белье на постели Александры, Лиза с опаской забралась под одеяло. Прямо над ней висел огромный портрет, увеличенный с одной из фотографий, где Александре было лет двадцать. Как странно смотреть на этот портрет и видеть лицо матери, которой уже нет. В соседней комнате спала Анна. Лизе надо было поспать, ведь завтра похороны и потом, она не спит уже вторые сутки. Закрыв глаза, она провалилась в пустоту. Ей приснилась ее собственная смерть. Приснилась не видениями, а ощущениями. Проснувшись в ужасе, с онемевшим телом, она поняла, что ужас происходил оттого, что ее сознание и тело ощутили конец. Она всегда боялась смерти, но сейчас этот вселенский страх стал, чуть ли, не реальностью.

С трудом поднявшись с кровати, Лиза пошла на кухню. Заваривая кофе, она плакала и думала, думала, думала: «Мне очень жаль, что у меня больше нет мамы. Я живу без матери давно, практически всю жизнь. Но сейчас мне горько от пустоты. Какой бы она ни была, место моей матери было занято, заполнено. Можно было чисто теоретически сказать себе, что «я расскажу об этом маме» или «я пожалею маме». А теперь все, там, где была она, пусто. Дорога, в конце которой виден холмик с крестом, открыта для меня. Никто между мной и этим холмиком больше не стоит».

Анна тоже проснулась и припрыгивающей неуверенной походкой пришла на кухню. Сегодня тот день, когда похоронят ее дочь.

Игнат и Лара привезли продукты, забрали Лизу и поехали на кладбище. Кладбище было новым, массовым и очень деловым. Многие из нас привыкли к кладбищам, находящимся в черте города и ставшими чем-то вроде городских достопримечательностей. Там похоронены известные люди, там много деревьев, там ухоженные дорожки между могилами, много мрамора, много ангелов, цветов, мало страха и много памяти. Это же кладбище было совершенно другим. Оно было адом, состоявшим из нескольких кругов. Все образы Данте заимствованы из повседневного мира. Все, что происходило в описанных им чистилище и аде, было пережито им при жизни, превосходившей своей жестокостью фантазии любого творца. Так и здесь, картина, открывшаяся Лизе, была страшной. По всему периметру кладбище опоясывала оранжево-красная стена. Под этой стеной рядами стояли люди и продавали букеты и венки из пластмассовых цветов. Сотня или больше торговцев, предлагавших убожество и уродство – разноцветную пластмассу

в форме лилий и роз. Это был первый круг Ада. Второй начинался внутри, по другую сторону забора.

Как только миновали ворота и вошли внутри, взгляду открылся лысый холм, весь покрытый могилами. Рядом с некоторыми могилами, где позволяло место, были заранее вырыты ямы, ожидавшие прах своих мертвецов. Могилы были небольшие, поскольку тела умерших сжигали, и были покрыты одинаковыми гранитными черными плитами с выгравированными именами и портретами усопших. На этом холме не было ни одного надгробия, стоявшего вертикально, не было ни одной статуи, ангела, не было ни одного креста или цветной фотографии. Все захоронения были одинаковыми по размеру, цвету и местоположению. Ряды и ряды могил, как в сюрреалистическом фильме ужасов. Между могил не было ограждений, а рядом с плитами не было ваз для цветов. Цветы можно было только класть на надгробную плиту. Они быстро засыхали или замерзали, но постоянно мелькавшие между рядами могил пьяные служащие, их убирали, чтобы ничего не нарушало стройного порядка второго адского круга.

Лиза обезумевшая от картины, развернувшейся перед ее глазами, никак не могла понять, что это за запах, который буквально выворачивает ее внутренности наизнанку. Повернув голову, она увидела две высокие трубы, из которых валил дым. Это был крематорий, где сжигали усопших. Туда им и требовалось идти. Здание, из которого торчали две трубы, находилось в самом начале кладбища. Оно напоминало амбар или гараж. Высокие и широкие двери были распахнуты. Перед дверью стояла очередь из скорбящих, пришедших кремировать своих родных или близких. Их запускали внутрь, в полутемном пространстве на постаменте стоял закрытый гроб, рядом с которым становились родственники, к ним присоединялся поп, он что-то быстро гнусавил, потом створки под гробом раскрывались и гроб исчезал в гуле пламени. Рыдающим людям давали квитанцию с номером и говорили, когда прийти за урной с прахом. Они уходили и тут же приглашали следующих. Это был третий круг ада.

Лиза как-то дико посмотрела на Игната и уже метнулась в сторону, чтобы убежать, но Игнат обнял ее, прижав ее лицо к своей груди.

«Не смотри», - шепнул он ей. Другой рукой он прижимал к себе Лару.

Когда их позвали внутрь, и Лиза увидела заколоченный гроб с телом своей мамы на металлическом постаменте, ее начало трясти. Поп что-то там нарассеив читал из Библии, Игнат крепко держал Лизу и Лару. Хорошо, что они догадались не брать с собой Анну и, по дороге в этот ад, купили живых цветов. Лишь бы скорее закончилось это истязание! Лишь бы не сойти с ума... Господи, упокой души усопших, но как же их в этом аду упокоить? Это конвейер, где сжигают тела, это печь как будто из концлагеря, все эти круги ада... Дай бог, если душа выпорхнула и уже где-то живет своей жизнью, и палачи творят этот кошмар всего лишь над разлагающейся плотью. Но как все это вынести живым?!

Вырвавшись из этого склепа с гудящим огнем, Лиза выбежала за ворота, подальше от того места, где только что сожгли ее мать. Она больше никогда не придет сюда, потому что на этом кладбище невозможно вспоминать и поминать. На нем можно только повеситься и жаль, что между могилами там не было виселиц.

В таком месте, как это кладбище, смерть казалась еще страшнее, чем была на самом деле.

По дороге в квартиру Анны, сидя на заднем сидении джипа, Лиза думала о другом кладбище. В одном из районов Афин – Кифисье, есть одно странное место. Длинная стена там разделяет кладбище и улицу, усаженную деревьями, на которой каждую неделю по средам устраивают базар. Продавцы приезжают со всей Греции,

привозя для продажи свежие овощи, зелень, фрукты, рыбу, цветы, сухофрукты, маринованные маслины и соленые оливки. Раздолье запахов и красок ошеломляет, а толчея покупателей с тележками тут же захватывает в свой водоворот. Весь базар, как куполом, накрывают зычные голоса торговцев, зазывающих купить именно их товар или отпускающие не всегда пристойные шуточки. А за стеной, в полной тишине и благолепии, под мраморными статуями скорбящих ангелов и ковром высаженных на могилах цветов, лежат останки усопших. За воротами этого кладбища дымит не крематорий, а стоит красивая церквушка с окнами-витражами. Когда в солнечный день заходишь в эту церковь, ступаешь не по коврам, а по разноцветным красно-золотым узорам, которыми солнце украшает пол, проникая внутрь сквозь разноцветные витражи. Церковь эта предназначена для отпевания, однако в ней нет ни тоски, ни страха, а запах упавших на пол лилий и гиацинтов, хоть и навеивает грустные мысли, не вызывает рвотных спазмов, как рядом с крематорием, где на конвейер поставлена утилизация человеческой плоти. Каждый божий день ко входу на кладбище приезжает на своем фургоне женщина. Соорудив небольшой навес, она выставляет под ним вазы со свежими цветами и растения в горшках, в том числе, и душистые травы. У нее есть друг, которого любят все посетители кладбища и базара – смешной и очень общительный песик. Булочная, что находится через дорогу, наполняет воздух когда запахом свежее испеченного хлеба, когда сливочного масла, когда корицы и ванили. И только одно портит атмосферу этого странного места – приезжающие и отъезжающие попы на дорогих автомобилях. Но ведь попы всегда все портят – и в жизни, и в смерти, потому что и там, и там они лишние.

В том месте в Кифисье, громогласную жизнь и тишину вечного покоя разделяет только одна стена. Живые и ушедшие. Еще вчера человек покупал цветы на этом базаре, а сегодня такие же цветы стоят в мраморных вазах на его могиле. «Хотела бы я быть похоронена на этом кладбище, за стеной которого каждую среду шумит базар? Да, хотела бы, - подумала Лиза. – Только место на таком кладбище стоит как небольшой дом или квартира в хорошем доме».

Так что же такое смерть?

Глава 34.

Три лика революции.

*«Побеждали лучшие и смелые. И эти лучшие были ужасны» - Михаил Булгаков
«Роковые яйца».*

После похорон своей мамы, Лиза нашла для Анны сиделку и почти каждый день приходила на Майдан.

В Киеве, на площади Независимости или на Майдане, собрались десятки тысяч протестующих, туда съехались представители всех регионов Украины, туда приходили политики и там они обращались к народу, получая в ответ одобрение или свист и улюлюканье.

Почему все большие протесты в Украине называют «Майдан»? «Майдан» переводится с украинского как «главная площадь», в данном случае, площадь Независимости, находящаяся в центре Киева. С другой стороны, Майдан –

территория негеографическая, это пространство, имеющее сакральный смысл. На майданах или площадях украинцы всегда устраивали свои Вече – собрания, где решали все вопросы гуртом или сообща. Это место, где люди возвращали себе права в период бесправия, навязанного им очередной антинародной властью. Поскольку все протесты и революции начинались и происходили на центральной площади Киева, они называются «Майданами».

Протестующие на Майдане самоорганизуются, доверяют друг другу, помогают друг другу, не пьют и избегают насилия. Таким образом, на Майдане создается особая атмосфера, там появляется и царит тот дух, что вдохновляет, спланирует и поднимает на борьбу всю нацию. Это дух единения, равенства и взаимопомощи. Тот дух, что мог бы царить в государствах при условии полного отсутствия политических партий, прекрасно знающих не только как обворовывать свои народы, но и как сеять ненависть, натравливая одних своих сограждан на других.

Лиза на Майдане рисовала. Пристраиваясь рядом с какой-нибудь палаткой, в которой, посменно дежурили протестующие, не покидавшие площадь даже в самые суровые морозы, она вынимала свой альбом и делала наброски. Молодые ребята и девушки, домохозяйки, рабочие, служащие, представители малого и среднего бизнеса, сбежавшие с уроков подростки, безработные и бездомные, примкнувшие к протесту из-за дармовой жратвы и чашки горячего кофе, редко, когда возражали. Все они с удовольствием позировали и разговаривали с Лизой, рассказывая ей свои истории, почему протестуют, говорили о справедливости и о своем будущем, которое были готовы защищать. Там, на Майдане, Джордж и даже фон Нарвиц, казались далекими и почти нереальными фигурами. Они были людьми из другой жизни, никак не связанной с этой площадью в центре Киева, с морозами, веселыми и энергичными людьми, со сценой, на которой выступали Юлия Тимошенко, вся в белом, и Виктор Ющенко с изуродованным лицом, призывавшие народ не уходить с Майдана, пока не восторжествует справедливость. Справедливость для кого? Нет, не о справедливости шла речь, на самом деле, и Ющенко, и Тимошенко хотели сказать «не уходите, пока мы не получим власть», но не отваживались.

Вдыхая морозный воздух, Лиза наблюдала за тем, как украинский народ бился за свое будущее. Впрочем, сам ли народ или его дергали за ниточки? Она хотела верить, что украинцы восстали по собственной инициативе, не захотев принять очевидный обман. Ведь фальсификация выборов – это обман нации, унижающий ее, отбирающий у нее достоинство. Кроме того, украинцы прекрасно понимали, что одна из кандидатур навязывается им из Кремля, и это их страшно раздражало. Да, Лиза хотела верить и верила в искренность и истинность всего происходящего, еще не подозревая о закулисных играх и о хитрых технологиях, позволявших поднять народы на святую борьбу за справедливость и, в то же время, использовать этот людской порыв в нужных для политических игроков целях.

Среди протестующих было много молодежи. Новое украинское поколение было другим, чем их отцы и деды. Молодые люди стали владельцами собственных компаний и предприятий, у всех были компьютеры, они зарабатывали неплохие деньги, покупали хорошие автомобили, водили девушек в рестораны и ночные клубы, отдыхали на лучших курортах за границей, заводили семьи и детей. Они очистились от вечной приниженности своих отцов, которые еле сводили концы с концами и ютились в двухкомнатных хрущевках. У этого нового поколения появилось чувство самосознания и достоинства.

На выходные главную улицу Киева, ту, что сейчас была занята палаточным городком протестующих, закрывали для проезда автомобилей, устанавливали там сцены, на которых по вечерам пели популярные певцы и группы. Вокруг этих сцен негде было яблоку упасть – молодежь отдыхала, веселилась, подпевала, обнималась, целовалась и танцевала. Образованные молодые люди уже не бежали из страны, им казалось странным искать счастья «за бугром», они не хотели где-то быть никем, если в Украине они уже состоялись. На Рождество и Новый Год хвост от очередей в большие супермаркеты тянулся на улицы. Деликатесы и украинскую горилку выносили ящиками – молодые семьи уже не считали каждую копейку. Дети впервые увидели бело-золотых ангелов, которыми можно украсить верхушку елки вместо красной звезды. На Пасху молодые женщины хорошо одевались, одевали своих детей и ночью, по весенним улицам, шли в монастыри и церкви на всенощную. Часто приезжали целыми семьями. В руках у женщин и детей были перевитые лентами корзинки с куличами и крашенными яйцами. Молодые хозяйки выудили из вороха старых бумажек рецепты своих бабушек, знавших, как к Светлому Воскресенью приготовить Королевскую пасху. Вспоминались традиции еще с дореволюционных времен и эти традиции сплывали семьи. Мужчинам нравилось зарабатывать деньги. Почувствовав самоуважение за то, что могут хорошо содержать свои семьи, они распрощались с пагубной привычкой своих отцов и дедов прикладываться к бутылке. У них была интересная, насыщенная жизнь и топить свою тоску и вине им было абсолютно незачем.

В Украине появились частные школы и больницы, хорошие адвокаты и дантисты. Люди обрастали разнообразными связями и знакомствами. Они работали друг для друга. Кто-то пек хлеб, кто-то учил детей, кто-то строил дома, кто-то предлагал поездки в дальние страны, кто-то вкусно кормил в своем ресторане, кто-то двигал вперед компьютерную науку. Все эти занятые люди или представители среднего класса, каждый день строили в Украине тот базис, на котором страна могла бы крепко стоять и не свалиться в пропасть. Однако над их головами постоянно шаталась и видоизменялась перевернутая острием вниз надстройка, состоявшая из олигархов и политиков, которые без устали тасовали свои интересы, симпатии и барыши. Эта надстройка своим острым концом была устремлена в базис, грозя уничтожить его. Поэтому большинство представителей среднего класса надеялись на то, что Виктор Ющенко сумеет не только добиться аннуляции результатов второго тура и противостоять ставленнику Кремля, но, главное, они надеялись, что ему удастся уничтожить олигархическую систему, которая не на шутку начала душить этот самый средний класс.

Увы, они ошибались не только в Ющенко, но и в самой сути того, что происходило на Майдане. Дело в том, что Оранжевый протест совсем не был революцией. Революция – это резкое, часто насильственное действие, приводящее к смене общественного строя, к открытому разрыву с предыдущим состоянием общества. Ничего подобного в Украине не случится – народ останется при своих интересах, а олигархи, напротив, неслыханно укрепятся.

На чьей же стороне, в момент протестов, оказались олигархи? Над чем они размышляли и что вынудило их предпочесть ту или иную сторону? Президент еще обладал практически неограниченной властью. До 2006 года, когда будут внесены изменения в Конституцию и власть президента будет урезана в пользу парламента, еще оставалось два года. Поэтому любое лицо, победившее на выборах 2004 года, унаследует практически абсолютную власть, а любой представитель политической партии, кого поддержит тот или иной олигархический клан, будет представлять угрозу для других кланов.

Несмотря на то, что Верховный Суд принял решение в пользу третьего срока для действующего президента, Кучма этим решением не воспользовался, поскольку понимал, что украинцы от него уже отвернулись.

Президент Кучма создал в Украине ее могильщика – олигархат. Укрепив себя в роли «крестного отца» олигархической системы, для верности, он взял в зятья одного из олигархов. Породнившись с Виктором Пинчуком, президент Леонид Кучма приобрел прозвище «Папа».

Олигархи стали полными хозяевами Украины, распределив ее по своим карманам. Чем олигарх отличается от бизнесмена, достигшего успеха и сколотившего капитал? Олигархи извлекают прибыль не только из своих предприятий, но и из политики, непосредственно влияя на нее и участвуя через нее в управлении государством на пользу своих корыстных интересов. Другими словами, они ставят государство на службу себе. Подкупая или покупая политиков разных мастей, а также, беря на свой баланс целые политические партии, олигархи превращают политиков, если пользоваться цивилизованным языком, в своих лоббистов. Если говорить по-простому, случайные люди, окрестившие себя политиками, за определенную плату идут в услужение к олигархам. Они обкрадывают народ, перекраивая бюджет страны в интересах своих хозяев. Иногда олигархи сами идут в политику, возглавляя свои собственные политические партии.

Укрепив олигархическую систему, президент Кучма благословил коррупцию. В 1996-1997 гг. его премьером был Павел Лазаренко, введший коррупцию в стандарт работы премьер-министра. Лазаренко завел тетрадку подарков и откатов, стал коллекционировать золотые часы и другие ценные побрякушки и, во время припадков собственного величия, заставлял взрослых, уважаемых людей ползти к нему по асфальту на коленях.

Через созданную им олигархическую систему, Леонид Кучма дискредитировал украинский парламент, подсадив его на денежную «иглу». С тех пор все, кто будет попадать в Раду, будут считать себя счастливыми. Кроме неслыханно щедрой оплаты своего труда и множества дополнительных выплат, которые «слуги народа» получают из кармана налогоплательщиков, они теперь с гораздо большим нетерпением ожидали того момента, когда им в конвертах принесут мзду от олигархов или из офиса президента за то, чтобы при голосовании они нажимали нужную кнопку или не нажимали ее вовсе.

Первый срок президента Кучмы стал также временем бандитских разборок. Когда дрались за алюминиевый бизнес, в месяц насчитывали по сорок трупов. Именно так, через захват и стрельбу, украинские предприятия получали своих собственников и выходили на мировой рынок, становясь субъектами глобальной торговли. Впрочем, надо отдать президенту Кучме должное – он разобрался с беспределом на улицах, уничтожив разгул криминалитета, державшего всю страну в страхе в 90-х годах. Несмотря на российский финансовый кризис, Леониду Кучме удалось не только удержать украинскую экономику на плаву, но и добиться того, что во время его второй каденции, с 2001 по 2004 год, рост ВВП составлял 12% годовых. И тогда же, в Украине снова появился средний класс.

В 1999 году Леонид Кучма был переизбран на второй срок. Выборы были сфальсифицированы, что следует из постановления Временной специальной комиссии ВР от 5 ноября 1999 года, но тогда украинцы не среагировали.

Второй срок стал для Леонида Кучмы приговором. Не надо было... Но от власти оторваться трудно.

В том же, 1999 году, был убит руководитель «Руха» Вячеслав Черновол. Идя на второй срок, Леонид Кучма, ради своей победы, сговорился с национал-

демократами, таким образом, расширив свое электоральное поле. Единственный, с кем он не смог договориться, был лидер нацдемов Вячеслав Черновол.

Смерти лидера «Руха» Черновола предшествовала смерть Вадима Гетьмана, которого наемный убийца застрелил в лифте его дома 22 апреля 1998 года. Гетьман был гуру экономики и банковской системы, он был одним из основателей национальной банковской системы и национальной валюты – гривны. Сосредоточив вокруг себя десятку лучших украинских банков, Гетьман имел не только влияние, но и власть, выраженную в финансовых возможностях. Это страшно не нравилось окружению Кучмы – в первую очередь Виктору Медведчуку, который видел в Гетьмане угрозу.

Настала пора сказать пару слов о самом Викторе Медведчуке - куме Путина и авторе схемы «попрыгунчики». Для Украины Медведчук был и остается фигурой зловещей, недаром его там зовут «Мертверчуком». Он был одним из основателей политической партии СДПУ, ставшей пристанищем крупных собственников и очень богатых людей, и выражавшей их интересы. Однако его звездный час настал, когда он возглавил администрацию президента Кучмы, став его «серым кардиналом». В 2003 году Медведчук открыто заявил, что будет главным лоббистом интересов России в Украине. В 2004 году отношения с Россией удалось оформить на полуофициальном уровне: дочку Медведчука в Казанском соборе Санкт-Петербурга крестили президент Путин и жена первого вице-премьера Дмитрия Медведева. За ширмой крестин своей дочери, лоббист российских интересов в Украине заручился поддержкой кремлевского босса. Виктор Медведчук будет не всегда активен на политической сцене Украины, но, когда он будет на ней появляться, он всегда будет приводить с собой далеко не дружественно настроенную Россию.

В сентябре 2000 года, при загадочных обстоятельствах, исчез известный оппозиционный журналист Георгий Гонгадзе. В ноябре того же года с парламентской трибуны была обнародована аудиозапись переговоров, которые, якобы, происходили между президентом Кучмой, тогдашним главой его администрации Владимиром Литвином и министром внутренних дел Юрием Кравченко. Эта аудиозапись, осуществленная майором Госохраны Украины Николаем Мельниченко, свидетельствовала о причастности этих чиновников к убийству журналиста и получила название «кассетный скандал». Дело в том, что президент Кучма стал неудобен России. Пытаясь оторвать Украину от России, он много говорил о намерениях Украины вступить в НАТО. Говорят, что майор Мельниченко, который записывал разговоры в кабинете Кучмы, был агентом ФСБ. Туда он и отправлял все пленки, дожидавшиеся там своего часа. После убийства журналиста Гонгадзе, пленки достали и выдвинули Кучме ультиматум – или он забывает о НАТО, или его размажут. Кучма не поддастся на шантаж, тогда закоренелый коммунист, ставший социалистом, Александр Мороз, в то время глава парламента, неожиданно, на одном из заседаний ВР, поставил пленку, где некто, голосом президента Кучмы, приказывает убить журналиста Гонгадзе, а некто, голосом министра МВД Кравченко, который позже дважды выстрелит себе в голову, соглашается это сделать.

Как и следовало ожидать, эта пленка взорвала страну. Начались акции «Украина без Кучмы». Требования были таковы: немедленная отставка президента Кучмы, отставка глав МВД, СБУ и генпрокурора. Все эти чиновники были выходцами из днепропетровских и лично преданы Кучме. Эта акция была организована в Москве и направлялась оттуда. Она была также первой пробой пера «гибридной войны», когда враг расшатывает обстановку внутри страны, чтобы снести легитимную власть и открыть себе путь для захвата.

На тех же кассетах, что были обнародованы майором Мельниченко, говорилось не только об убийстве журналиста Гонгадзе, но и о том, что при участии и с согласия второго президента Украины, Ираку были переданы станции радиотехнической разведки «Кольчуги», способные обнаруживать и распознавать самые современные американские самолеты. США, после терактов 2001 года, готовили вторжение в Ирак и были обеспокоены безопасностью американских и британских летчиков в небе над Ираком. Разразился скандал.

В конце концов, продажа «Кольчуг» в Ирак не состоялась. Украина отправила в Ирак свой военный контингент и в США закрыли тему.

Россия тоже не стояла в стороне. В 2003 году она устроила конфликт в Керченском проливе. В течение нескольких недель продолжался кризис, связанный со спорами о принадлежности острова Коса Тузла и, соответственно, о границе между Украиной и Россией в Керченском проливе. Тогда президенту Кучме удалось отстоять интересы Украины. Прозондировав почву на уровне военного конфликта, Россия ретировалась восвояси.

Во время второго термина пребывания на посту президента, Кучма разозлил американцев тем, что, якобы, был готов передать «Кольчуги» Ираку. Он разозлил Россию тем, что объявил о намерении Украины получить «дорожную карту» для вступления в НАТО и тем, что турнул из своего окружения кума Путина Виктора Медведчука. Он разозлил олигархов тем, что объявил им о том, что Украине нужна здоровая экономика, предупредив о легализации их доходов и дав им времени полгода. Олигархи, которых он создал и укрепил, должны будут, как обычные граждане платить налоги, наполняя бюджет государства.

В результате США начали готовить «цветную», на этот раз Оранжевую революцию в Украине, Россия продолжила раскалывать страну изнутри, предприняв попытку протолкнуть в президенты своего ставленника, главу донецкого клана, Виктора Януковича. Олигархи начали думать, кого им поддержать на следующих выборах и, подумав, отвернулись от Кучмы. Тогда растерявшийся Кучма и вернул Виктора Медведчука, который сказал:

- Я решу все твои вопросы.

Он обманул Кучму.

Что касается рядовых украинцев, не участвовавших в глобальных заговорах, они тоже отвернулись от Кучмы, потому что во время его пребывания у власти, произошло слишком много политических убийств. Убивали много, убивали не колеблясь, убивали зверски.

В 1996 году был убит бизнесмен Евгений Щербань, в 1997 году – журналист Борис Деревянко, в 1998 году – финансист Вадим Гетьман. Эти убийства были подготовкой почвы для дальнейших преступлений. В год выборов, в 1999 году, был убит Вячеслав Черновол. После того, как Кучма избрался на второй срок, в 2000 году, произошел ряд других убийств, известных всему миру: похищение и избиение общественного деятеля Алексея Подольского, похищений и убийство журналиста Георгия Гонгадзе, покушение на жизнь депутата Александра Ельяшкевича и, в 2001 году, убийство донецкого журналиста Игоря Александрова, пообещавшего обнародовать информацию о заказчиках и исполнителях уже совершенных, громких преступлений. И это, не считая смертей представителей правоохранительных органов, в том числе, и министра Внутренних Дел, Юрия Кравченко.

Всех этих убийств украинцы не могли простить своему президенту. Случись одно-единственное убийство и будь это убийство должным образом расследовано и виновные наказаны, можно было бы сказать, что президент продемонстрировал

свою принципиальность и добился справедливости. Но больше десятка и ни одно не раскрыто!?

Осенью 2004 года в Украине проходили президентские выборы и началась Оранжевая революция или первый Майдан. Страну охватили волнения. Кандидатами были прозападный политик Виктор Ющенко и ставленник Кремля Виктор Янукович.

Расскажем подробнее о трех главных героях драмы под названием «Оранжевая революция», фабула которой была придумана американскими сценаристами, постановка осуществлялась при участии России, Украины и ее олигархов, Соединенных Штатов и, частично, Европы, а массовой послужил украинский народ. Причем, народ играл искренне, веря в свою волю и надеясь на перемены.

Начнем с Виктора Ющенко – лидера оппозиции. Он сделал довольно впечатляющий карьерный рывок от помощника главного бухгалтера колхоза «40-летия Октября» в одном из сел в Западной Украине до главы правления НБУ. Этот рывок произошел в 1993 году, а в далеком 1977 году, Ющенко пополнил ряды членов КПСС. Он избавился от своего партбилета, как только Украина была объявлена независимым государством. Став премьером у президента Кучмы, он принял участие в его второй избирательной кампании. После убийства журналиста Гонгадзе, в Украине начались первые протесты в рамках движения «Украина без Кучмы». Ющенко, вместе с президентом Кучмой и председателем ВР Плющем, подписал «Обращение к украинскому народу», в котором назвал участников движения «Украина без Кучмы» «фашистами». В одном из интервью 2001 года, на вопрос как вы относитесь к президенту Кучме, Ющенко ответил, что «относится к нему как к отцу». Тем не менее, в 2001 году он был отправлен «папой», т.е. Кучмой, в отставку после того, как парламент проголосовал вотум недоверия правительству. Отправленный в отставку Виктор Ющенко, стал лидером оппозиции по отношению к «папе» и получил, как ни странно, поддержку людей, которых ранее назвал «фашистами».

Виктор Ющенко был неплохим главой Нацбанка, гораздо менее эффективным премьером, и совсем не впечатляющим лидером оппозиции. Но, возглавлять шаткую оппозицию – одно дело, а расколотив надвое страну – совсем другое. Ему не хватало энергии и харизмы. Все это было в избытке у его политической «союзницы» Юлии Тимошенко. Те, кто предрекал Виктору Ющенко поражение на выборах из-за подмоченной репутации некоторых из его соратников, имели в виду, прежде всего, ее. Кроме того, его здоровье было сильно подорвано недавним отравлением, а один из его близких соратников предупредил, что Ющенко попытаются отравить снова.

Он стал жертвой разновидности диоксина, входящего в состав так называемого «agent orange» - ядовитого вещества, применявшегося американцами для уничтожения джунглей во время войны во Вьетнаме.

Согласно исследованию, результаты которого были опубликованы в медицинском журнале «Lancet» от 5 августа 2009 года, высокая концентрация диоксина в организме украинского политика и его чистота свидетельствовала о том, что ядовитое вещество было изготовлено в лабораторных условиях. Однако точно установить, где именно был произведен яд, экспертам не удалось. В покушении на жизнь Ющенко зачастую обвиняют Россию, поскольку в президентской гонке 2004 года, Россия была заинтересована в победе своего кандидата. В пользу этой теории свидетельствует также тот факт, что Россия входит в узкий круг стран, производящих диоксин по той же формуле, что и вещество, обнаруженное в организме Ющенко. Российские правители вообще тяготеют к использованию ядов для устранения неугодных им людей. В Чечне, в

марте 2002 года, командиру повстанцев Хаттабу был вручен конверт, покрытый неизвестным отравляющим веществом. В июле 2003 года журналист-расследователь Юрий Щекочихин умер на борту самолета от внезапной болезни, покрывшись волдырями. В будущем Россия продолжит свой список отравлений...

6 сентября 2004 года, в связи с явным ухудшением здоровья, Ющенко был перевезен в одну из частных клиник Австрии, где специалисты заявили о том, что в организм пациента яд попал примерно за пять дней до госпитализации. Другими словами, Ющенко был отравлен или 30 августа или 1 сентября, а никак не 5 сентября, когда он «ужинал» несколько раз в компании разных людей. Нам известны их имена, блюда и напитки, которыми угощали Виктора Ющенко, но мы до сих пор не знаем, с кем он ужинал 1 сентября или 30 августа. Остается только гадать, поскольку никаких фактов правоохранительными органами предоставлено не было – все остается шито-крыто. Логично было бы предположить, что имя отравителя или группы отравителей зависит от того, какая перед ними стояла цель – убрать Ющенко, таким образом, расчистив дорогу на выборах «человеку» Путина, или сделать из него мученика, добавив ему очков. Его могли отравить как заклятые враги, так и его «любимые друзья».

Особенных грехов у лидера оппозиции не было. Он согрешил, и не раз, после того, как станет президентом. Он предаст все, за что украинский народ стоял на Майдане, он забудет все, что он обещал этому народу. Он вернет во власть Януковча, против которого восстали украинцы. Его рейтинг под конец его каденции не будет превышать 5 %. Президент Ющенко растеряет все доверие, полученное той морозной зимой, когда протестующие ради веры в свое будущее, не уходили с Майдана даже после того, как победа оппозиции была уже объявлена и была необратима.

Итак, в Киеве, на сцене Майдана, окруженной толпой восставших, чаще других политиков, появлялись Виктор Ющенко и Юлия Тимошенко, а в Донецке была уставлена своя большая сцена, на которой произносил корявые речи ставленник Кремля, дважды судимый Виктор Янукович. Кремль очень старался, напрягая свои СМИ на пропаганду и та без устали создавала образ врага, рассказывая о «фашистах» из Западной Украины и о том, насколько сильно ущемлены в Украине права русскоговорящих. Было вкинута понятия «Новороссия» и «особый путь», по которому должен пойти Восток Украины. Все это делалось для того, чтобы рядовой россиянин, повнимательней приглядевшись к Украине, разглядел в ней не суверенную державу, а часть России, потребовав, чтобы «блудная дочь» вернулась под чуждый ей кров. Цель у российских спецслужб была одна – создать предпосылки для гражданской войны в Украине и, после ее начала ввести войска на Юго-восток, защитив русскоговорящих «жертв» от «фашистов». Это сценарий будет разыгран как по нотам, но позже, ровно через одно десятилетие.

Ющенко на образ врага никак не тянул. Несмотря на то, что его жену окрестили «нацисткой», а его самого «агентом ЦРУ», он всячески противостоял российской пропаганде, успокаивая протестующих, напоминая им, что их акция – мирная. Поэтому для раскачки ситуации на Майдане была мобилизована Тимошенко, ставшая вторым ликом Оранжевой революции. В то время Юля носила необычную прическу, укладывая косу вокруг голову в виде венка.

Некоторое время Тимошенко держалась в стороне от протестных акций. Однако недолго – ее убедили принять в них участвовать, напомнив, что на нее в России открыто уголовное дело за воровство денег в сумме 450 млн. долларов у Министерства Обороны РФ. Юля все поняла и отправилась к протестующим, на

площади и улицы Украины. Пламенные речи ей давались легко. Оказалось, что она обладает талантом оратора и может заводит толпу с полуоборота.

Поскольку Юля зажигала толпу протестующих, настраивая их против существующей власти, Кучма уволил ее с поста вице-премьера и приказал ее арестовать. Теперь уже сама «газовая принцесса», а не отбывавший срок в американской тюрьме Павел Лазаренко, стала смертельным врагом президента Кучмы. Уволенная с поста вице-премьера, она яростно билась за «Украину без Кучмы», раскручивая скандал, связанный с убийством журналиста Гонгадзе. Она также создавала Форум Национального Спасения — прообраз «оранжевого» Майдана.

Однако в феврале 2001 года Юля, вслед за своим мужем, который был арестован годом раньше за дачу взяток Лазаренко на сумму в 4.6 млн. долларов, была взята под стражу. Уголовное дело против нее велось по двум статьям — «контрабанда» и «уклонение от уплаты налогов». По контрабанде Генпрокуратура насчитала более 1 млрд. долларов – астрономическая сумма для нищей Украины середины 1990-х.

Юля понимала, что на этот раз избежать срока ей не удастся. Со времен заключения ее в СИЗО в Запорожье, когда она впервые была задержана за контрабанду валюты, Юля боялась тюрьмы. Но теперь она поняла еще кое-что: путь из СИЗО во власть – самый короткий, потому что это путь мученицы. Она была уверена – в застенках она останется не долго, поскольку вытаскивать ее оттуда будет покровитель покрупнее Павла Лазаренко. Ее освободит украинский народ. Она не ошиблась.

Арестовав ее, Леонид Кучма совершил ошибку – одну из многих в то время. Посадить одного из лидеров протестов означает подлить масла в огонь. Для всей страны Юля превратилась в героиню, которую кинул за решетку коррумпированный президент, замешанный в убийстве известного журналиста. Протесты разгорелись с новой силой. Просидев в Лукьяновском СИЗО 42 дня, Тимошенко вышла на свободу и сразу легла в больницу. Не зря, потому что через неделю ее арестовали снова. Пришлось подкупить судей, это было дорого и заняло несколько месяцев, но того стоило – судьи освободили не только ее, но и ее мужа. Назовем имя судьи - Тимошенко спас председатель Верховного суда Виталий Бойко, который в 2006 году стал депутатом по списку блока Тимошенко.

На парламентские выборы 2002 года, наша героиня пошла чистая и белая, аки голубка, без преступных связей, порочащих ее, и без преступного прошлого. Потратившись на свою свободу и вытаскив из застенков своего супруга, Юля поняла, что денег на подготовку к выборам осталось не так уж много. В 2002 году она впервые зашла в парламент со своей собственной политической силой БЮТ («Батькивщина» Юлии Тимошенко). Отсутствие финансов сказалось на результатах – БЮТ набрала немногим более 7%. Президент Кучма со своей партией, хоть и провел в парламент 175 человек, потерял большинство. Юля, Ющенко и социалисты-коммунисты создали коалицию «Наша Украина».

В том же, 2002 году, премьером в Украине стал Виктор Янукович – лидер «Партии Регионов», глава донецкого клана и марионетка Кремля. Правительство Януковича получило от Путина режим наибольшего благоприятствования. Украина подписала с Россией «газ по пятьдесят», что помогло сдержать рост цен и инфляцию, а Янукович, в свою очередь, помогал российским «инвесторам» скупать Украину.

Прошло два года и Украина уже в четвертый раз выбирала своего президента. Единым кандидатом от оппозиции был выдвинут Виктор Ющенко, как лидер наибольшей политической силы «Наша Украина». Юля ничего не оставалось, как

поддержать его кандидатуру. Где-то в глубине души, она надеялась, что Москва предложит ее кандидатуру, но выбор Кремля предсказуемо пал на того, кто был ближе по духу президенту Путину и по самые уши в тяжелом компромате – на бандита. Его «вели» и пестовали давно. Путин таких персонажей понимал и ценил больше, чем непредсказуемую Юлю, на которую, впрочем, у него тоже был собран компромат и о которой он знал все, вплоть «расцветки ее нижнего белья». Владимир Путин придержит компромат на Юлю до 2009 года, когда, как раз перед очередными президентскими выборами, он заставит ее подписать кабальные для Украины газовые контракты.

Третий лик Оранжевой революции – ненавистный и безобразный – принадлежал второму кандидату в президентской кампании 2004 года – Виктору Януковичу. Россия изо всех сил протаскивала своего ставленника. В 2004 году Владимир Путин пять раз посещал Киев, чтобы лично поддержать Януковича, в том числе, и за неделю до выборов. Оба – Путин и Янукович – приняли участие в транслировавшейся на всю страну интерактивном ток-шоу и появились вместе на военном параде в Киеве. Ради победы Януковича, Володя дарил много и со вкусом. Украинскому бизнесу он преподнес отмену таможенных ограничений на экспорт товаров из Украины в Россию. Обыкновенным гражданам, кто часто ездил в Россию – а таких было не мало – 90 дней без регистрации. Не говоря уже о том, что цены на газ были почти что бросовыми.

Виктор Янукович, по кличке «Хам», родился в Енакиево, Донецкой области. Начал свою трудовую деятельность в пятнадцать лет, став членом организованной преступной группировки «Пивновка». Группировка специализировалась на воровстве шапок и наручных часов. В 1967 году был впервые арестован по обвинению в ограблении. Вину свою Витя-Хам признал полностью и был приговорен к трем годам заключения. В том же, 1967 году, был исключен из Енакиевского горного техникума за совершение преступления. Через два года был условно-досрочно освобожден в силу того, что сотрудничал с правоохранительными органами. После выхода на свободу, устроился электросварщиком на Енакиевский металлургический завод. Но, через несколько дней, 16 сентября 1969 года, совершил новое преступление – избил человека. За это будущий премьер-министр Украины был осужден на два года лишения свободы.

Выйдя на свободу, женился на племяннице председателя народного суда города Енакиево. Через два года, получив права на вождение автомобилем, выехал «по линии КГБ» в княжество Монако. Официально – как единственный представитель СССР для участия в ралли в Монте-Карло. Где-то там и надо искать его вербовку и начало тесных связей с Кремлем.

В 1974 году он поступил на заочное отделение Донецкого Политехнического Института. Через два года, будучи студентом, был назначен директором автобазы. В этот период Янукович также неоднократно привлекался к уголовной ответственности, в том числе, и за групповое изнасилование. Однако все дела закрывались на стадии предварительного следствия. Это означает, что у него уже была такая «крыша», как КГБ.

Имея криминальное даже не прошлое, а настоящее, Януковича, тем не менее, приняли в ряды КПСС и в 1980 году он пополнил партию «морально чистых строителей коммунизма». Став обладателем партийного билета, он очень быстро стал продвигаться по карьерной лестнице, возглавляя различные автотранспортные предприятия в Донецкой области, что, в свою очередь, не помешало ему стать членом преступной группировки под предводительством Толика Зуя, а в 1994 году он сумел «подняться» на уровень преступной

группировки «Люкс», базировавшейся в Донецке. Вырос наш член КПСС, надо отдать ему должное.

Разобравшись с местными бандитами и кланами, в 1997 году Янукович возглавил Донецкую областную администрацию, т.е. стал губернатором Донецкой области. На этом посту он пробыл два года. За это время за него написали 50 научных трудов, а его диссертацию на соискание научной степени доктора экономических наук, за него написали сотрудники Института экономико-правовых исследований Академии наук СССР. Во время защиты диссертации он перепутал заранее подготовленные ответы на заранее поставленные вопросы. Тем не менее, под звуки гомерического хохота членов комиссии, степень он получил.

Лиха беда – начало. Дальше все пошло, как по маслу. Янукович стал академиком Калифорнийской международной академии науки, образования, индустрии и искусств, но дело в том, что такой академии не существует! Он стал действительным членом Академии экономических наук Украины и членом-корреспондентом Транспортной Академии. Не имея юридического образования, он также присвоил себе степень магистра международного права и звание «почетный доктор юридических наук». Он имеет воинское звание «майор запаса», хотя данных о прохождении им воинской службы в Минобороны нет.

В 2002 году Виктор-Хам стал премьер-министром Украины. С этого поста он выдвинулся в кандидаты президента и даже одержал во втором туре победу, сфальсифицировав результаты выборов, однако не был допущен до власти украинским народом, поднявшимся на протест. Чуть больше года спустя, в 2006-ом году, с подачи президента Ющенко, он второй раз станет премьером. На этом посту Янукович отличится тем, что, по подсчетам экспертов, его правительство будет грабить страну со скоростью 60 долларов в секунду.

Тогда же в сознание украинцев стали внедрять миф о том, что Януковича-сиротку оболгали в юности, что никаким рецидивистом он не был. Для правдоподобности мифа, Апелляционным судом Донецкой области были изготовлены фальшивые постановления, согласно которым приговоры в отношении Януковича были пересмотрены, а сам он полностью реабилитирован.

Стоит делать выводы или и так все ясно? Люди стояли на улицах и площадях, протестуя против фальсификации выборов, а эти «три лика революции», каждый на своей сцене, призывали народ драться до победного конца. А что в конце? Победа для народа? Смеетесь? Победа для одного из них, обретение желанной власти, что даст возможность обогатиться и остаться при этом безнаказанным. Они ввали ради своей победы, раскалывая народ, вбивая клин вражды поглубже в его сердце. В 2004 году впервые донецкие или «бело-голубые», приехали в Киев, чтобы мочить «оранжевых», впервые было опасно ходить по улицам, впервые страна была так явно распорота на две части, что оцетинились одна против другой. В Кремле потирали руки – задача была выполнена. Задел на будущее был сделан.

Моральная деградация, двуличие, неприкрытая ложь, скандалы, а также, личные интересы власть предержащих, поставленные во главу угла – характерные черты современного политического класса. В начале нулевых, противоречия между народами и представителями политической касты, приняли вполне определенную форму – форму пропасти, где с одной стороны, кричат голодные народы, а, с другой, молчат их сытые элиты. Пропасти, глубина которой будет постоянно увеличиваться, а расстояние между двумя ее краями – расширяться. Пока, наконец, один край не исчезнет из виду. Какой из двух?

Глава 35.

Апельсины на снегу.

У каждой эпохи есть свой уклад, подобающая ей суровость и мягкость, своя красота и своя жестокость, какие-то страдания ей кажутся естественными, какое-то зло она терпеливо сносит».
Герман Гессе, «Степной волк».

Делая зарисовки на Майдане, Лиза, рядом со своими эскизами, записывала хронологию событий, происходивших там до и после ее приезда.

«21 ноября 2004 года – проходит второй тур президентских выборов. Сторонники лидера оппозиции Виктора Ющенко, установили палаточный городок на площади Независимости в Киеве. Если результаты выборов будут сфальсифицированы, они грозят затяжными и массовыми протестами».

«22 ноября 2004 года – наблюдатели от ОБСЕ заявили, что второй тур выборов не отвечает ряду норм демократического волеизъявления».

«23 ноября 2004 года – бессонную ночь на Майдане провели почти 50 тысяч сторонников Виктора Ющенко. В ту же ночь, для поддержки кремлевской марионетки Януковича, в Киев стали прибывать отряды «шахтеров» из Донбасса. Совершенно очевидно, что страна находится на грани гражданского конфликта».

«24 ноября 2004 года – ЦИК утвердил протокол по результатам второго тура выборов: Янукович победил с результатом 49,46%, Ющенко проиграл ему с результатом – 46,61%. Отказавшись признать победу Януковича, Ющенко объявил о создании «Комитета национального спасения». Он также призвал к общенациональной забастовке. Президент Кучма предложил оппонентам сесть за стол переговоров. В переговорах участвуют президент Польши Александр Квасневский, президент Литвы Валдас Адамкус, верховный представитель ЕС по вопросам внешней политики Хавьер Солана, кандидат в президенты Янукович, президент Кучма, кандидат в президенты от оппозиции Ющенко. Все в курсе того, что за Ющенко стоит народ, который не разойдется, пока не будет восстановлена справедливость. Кучма волнуется за свою безопасность. Адамкус казал корреспонденту журнала «Тайм», что безопасность гарантирована не только Кучме, но и всем «основным игрокам»».

«25 ноября 2004 года – Ющенко призвал армию и правоохранительные органы перейти на сторону оппозиции и заявил, что «не уйдет без победы». Во всю ширь Крещатика, со стороны площади Независимости, висит плакат «Спочатку дівчину, потім Донбас, а зараз Україну». Это касается Януковича, который сидел за насилие и разбой, а также, был обвинен в групповом изнасиловании. Протестующие намекают на то, что после дивчины, он «изнасиловал» Донбасс, а теперь пытается то же самое сделать со всей Украиной. Тем не менее, на юге и востоке прошли массовые митинги в поддержку Януковича. В Донецке говорят: «мы никогда не проголосуем за Ющенко, это не наш кандидат». На митинге в Донецке, выступила жена Януковича, Людмила – страшная, как сто грехов, косноязычная, недалекая и

необразованная женщина. С трибуны она уверяла сторонников своего мужа, что апельсины, ставшие символом Оранжевой революции, наколоты наркотиками и поэтому глаза у всех тех, кто стоит на Майдане, остекленевшие. -

- Люди, которые берут апельсины, становятся наркоманами, - прокричала она и пропела песенку про оранжевое солнце. Смотреть на нее было больно и жалко. В Донецк приехал московский мэр Лужков, один из вдохновителей и руководителей партии «Единая Россия», назвавший Оранжевую революцию «апельсиновым подкормленным шабашом». Если это не вмешательство во внутренние дела суверенного государства, то, что это?»

«В ночь на 27 ноября 2004 года, Ющенко, выступив на митинге, сказал, что единственным выходом из кризиса может быть третий тур выборов».

«3 декабря 2004 года – Верховный суд признал недействительными результаты второго тура президентских выборов и назначил третий тур на 26 декабря 2004 года. На площади Независимости выставлены большие экраны и, как только закончилась трансляция заседания Верховного Суда, протестующие взорвались криками радости. Салют расцвел на ночное небо, а крики «Ющенко» неслись по всему центру Киева. Молодые ребята и девушки стоят на замершей площади уже несколько недель, поклявшись не уходить оттуда, пока победа Януковича не будет денонсирована и воля народа не возобладает над закулисными договорняками. Один парень, стоявший рядом со мной, обнял меня и сказал: -

- Председатель ВС вынес решение, на которое мы даже не надеялись».

«Виктор Ющенко, имея стотысячную толпу протестующих за своей спиной, выдвинул следующие требования – роспуск правительства Януковича и отставка Центральной Избирательной комиссии».

«8 декабря 2004 года – бывший состав ЦИК по требованию оппозиции отправлен в отставку и Верховная Рада утвердила новый состав ЦИК».

«16 декабря 2004 года – президент Кучма неожиданно улетел в Москву, где встретился с Путиным и проинформировал его о том, что третий тур в Украине состоится. Зачем? Какое отношение властелин Кремля имеет к выборам в Украине? Путин ответил Кучме:

- Это означает, что у вас будет и третий, и четвертый, и двадцать пятый тур, пока одна сторона не получит результаты, которые хочет.

России, во что бы то ни стало, надо удержать Украину в сфере своего влияния. Балтийские республики ушли, став членами НАТО и ЕС. Грузия сбросила своего совкого президента и, в январе 2004 года, проголосовала за Михаила Саакашвили. Если Ющенко победит, он поведет Украину в сторону Запада, хотя, сможет ли он? Ведь Украина насквозь зацементирована российским бизнесом и сидит на российской газовой игле.

За несколько часов до того, как Верховный Суд Украины объявил о своем решении, «Эхо Москвы» - одна из самых популярных российских радиостанций – провела телефонный опрос своих слушателей: «Вы завидуете тому, что происходит в Киеве?» 66% опрошенных ответили – «да». Так стоит ли Путину волноваться из-за намерений Запада, если таковые имеются, или из-за настроений своих соотечественников? «Эхо Москвы» сказала, что украинцы борются на своих площадях не только за Украину, но и за свободу всех народов, по-прежнему живущих под авторитарными режимами».

«26 декабря 2004 года – сегодня проходит третий тур выборов. Открылись избирательные участки.

Янукович участвует в третьем туре как независимый кандидат. Его лишили поста премьер-министра, отправили в отставку и теперь у него нет административного ресурса. Пресс-секретарь его предвыборного штаба заявил, что Януковичем манипулировали, что он делал все неправильно, что теперь он будет сам по себе и никакая Россия ему не нужна, и никакой Кучма ему не нужен, и что он поведет теперь юго-восточные регионы к победе в одиночку. Флаг ему в руки...»

«Появившись перед протестующими накануне Нового Года, Ющенко сказал всем собравшимся на Майдане:

- Мы были независимыми 14 лет, но не были свободными. Сегодня мы независимы и свободны.

Бла-бла-бла. Демагогия».

«В зале гостиницы «Шератон» заседали российские политтехнологи и открыто говорили о том, что они будут принимать превентивные меры, чтобы зараза революции не распространилась на Россию. «Симпатизирующих будем сажать», – был их приговор.

Российский журналист и выходец из Украины Матвей Ганапольский, пригласил на свою «Российскую панораму» оппозиционера Немцова и политолога Белковского. Последний рассказал, что летом встречался со своими российскими коллегами и те, когда речь зашла о президентских выборах в Украине, разоткровенничались: «Старик, мы знаем, что делать – 15% на выборах мы всегда сможем сбросить, а, если не получится, то уберем кандидата». Другими словами, фальсификацию в 15% они брали на себя, а, если бы не справились, убрали бы Ющенко. С фальсификацией они справились, но не рассчитали, что украинцы – это не россияне, в Украине народ молчать не будет.

Борис Немцов приезжал в Киев и на митинге сказал, что «нам не нужны чекисты и рецидивисты», имея в виду Путина и Януковича».

«2 января 2005 года. Я все еще в Киеве. Кроме событий на Майдане, поступает непрерывный поток новостей из Юго-Восточной Азии, где число погибших от цунами достигло уже 160 тыс. человек.

Неделю назад произошло землетрясение в Индийском океане и огромная волна накрыла прибрежные районы сразу нескольких государств. Больше всех пострадали Шри-Ланка и Индонезия. Погибли тысячи европейских туристов на курортах Пхукета. Мир откликнулся и в пострадавшие районы постоянно поступает помощь. Сбрасывают грузы, кормят оставшихся без крова. Голодные люди дерутся за коробки, которые сбрасывают с вертолетов. Год назад, на следующий день после Рождества Христова, произошло землетрясение в Иране и вот теперь цунами, тоже на следующий день после Рождества. Нас постепенно удаляют с Земли. Те, кто это делают, абсолютно правы. Мы, люди, оказались недостойными обитателями голубой планеты. То, что мы натворили, разрушили, загадили, нарушили, истребили, разорили, отравили, не идет ни в какое сравнение с нашими достижениями».

«10 января 2005 года – ЦИК Украины объявил результаты третьего тура. Виктор Ющенко набрал 51,99% . За Виктора Януковича проголосовало 44,2%. 23 января состоится инаугурация нового президента Украины.

Протестующие решили остаться на Майдане до инаугурации».

В конце января, после инаугурации Виктора Ющенко, Лиза снова пришла на Майдан, чтобы посмотреть, как люди разбирают палаточный городок. Их было много, работали они дружно – на Крещатике уже возобновилось движение, к обочинам без конца подъезжали автофургоны, куда грузили коробки, флаги, транспаранты, палатки и мешки с мусором. В палатках осталось много еды, поэтому среди тех, кто сворачивал революцию, снова было много бомжей. Люди отдавали им целые коробки с консервами, печеньем, соками и водой. Лиза больше не рисовала, она смотрела на всю эту суету и думала о том, что наблюдает сейчас за окончанием долгого и изнурительного протеста, во время которого не было пролито ни капли крови. Несмотря на холод, эти три месяца на Майдане были праздником для людей – они были героями, они требовали, они демонстрировали свою волю и заставили власть предрешающих ей подчиниться. Что ж, именно так все и заканчивается – убирают комнаты после праздников, убирают площади после революций. Что впереди, никто не представляет. После новогодних долгих празднеств наступает похмелье и осознание того, что впереди целый год, нетронутый и незапятнанный, как чистый лист бумаги или как бескрайнее, покрытое снегом, поле. Что случится? Что произойдет? Хорошее или плохое? Никому не ведомо. Так и тут – что принесет с собой новая, на этот раз, уж точно народная власть? Осуществятся ли надежды народа, приведшего новые лица во власть? Лизе вдруг стало нестерпимо тоскливо. Борьба была окончена и ей, почему-то, показалось, что борьба эта была напрасной. Не случится ничего хорошего ни для людей, ни для страны в целом.

Она подумала о той женщине, которую часто видела на сцене Майдана. Юлия Тимошенко так пламенно говорила, так зажигала своими речами молодежь! Но ведь она, став невероятно богатой, более десяти лет воровала у этой самой молодежи. Неужели они этого не знали? Вокруг нее сверкал ореол мужества, ее окутывали мифы, передаваемые из уст в уста, в нее верили, ее боготворили. Но почему? Неужели люди настолько слепы? Неужели им все равно, кому верить, за кого биться, или она была просто меньшим злом по сравнению со ставленником Кремля? Но ведь она тоже из той же обоймы, что и он...

Лиза и Юля принадлежали одному поколению. Обе закончили Университеты – одна Киевский, другая – Днепропетровский. Обе вышли рано замуж, и обе за мажоров. Свекор Лизы занимал высокую должность в Киеве, свекор Юли – в Днепропетровске. У обоих в девятнадцать лет родились дети – у Лизы родился сын, у Юли – дочь. На этом сходство заканчивалось. Лиза всегда как можно дальше держалась от всяких партийных организаций. В старших классах ей пришлось вступить в ряды ВЛКСМ, потому что все старшеклассники должны были быть комсомольцами. Если бы она осмелилась на открытый протест, она подписала бы себе приговор. Скорей всего, ей выдали бы аттестат об окончании средней школы, но сопроводили бы этот аттестат такой характеристикой, с которой только улицы подметать. Дальнейшая учеба была бы для нее невозможна, ее не подпустили бы ни к одному высшему учебному заведению. Став комсомолкой, Лиза наотрез отказалась от вступления в партию, куда ее настойчиво сватали в КГБ. За те полтора года, что она проработала там, ее буквально вели на привязи в эту партию, ей угрожали, с ней проводили беседы, а она ни в какую! Так и ушла, не став членом этого сборища убийц, лгунов и карьеристов. А Юля все делала наоборот – используя крышу ВЛКСМ для своих первых деловых проектов, не имевших ничего общего с пропагандируемой моральной чистотой, но приносящих неплохие барыши, она была точно также активна и в партийной среде, со

временем став лидером собственной партии. Она всегда была там, где были люди с возможностями и капиталами. Никогда не брезгуя грязными деньгами, сомнительными и преступными связями, преданно служа своим интересам и интересам чужой державы – когда по собственной инициативе, когда под давлением. И, конечно, всегда следуя схеме любого профессионального политика – сначала обобрать народ, потом на его же деньги, провести свою предвыборную кампанию со множеством пустых обещаний, получить мандат и начать жрать из кормушки, которую исправно будет наполнять тот же народ.

Могла ли Лиза жить так, как ее знаменитая сверстница? Да, она могла бы стоять на сцене и вести честный разговор с протестующими. Вероятно, она могла бы служить своей стране и, возможно, предпочла бы смерть предательству. Но на сцене стояла не она, а та, что застолбила свое место в политике с помощью больших денег и связей, вовремя смекнув, что сейчас самое время попасть туда, на самую заветную вершину власти. Размышляя подобным образом, Лиза не знала, что но настоящая правда, которая откроется украинскому народу уже через полгода, после победы «оранжевой коалиции», будет еще страшнее и гораздо более омерзительной.

Ежась от холода, Лиза медленно шла по Крещатику в сторону Бессарабки. Вдруг она увидела высокого человека в длинном пальто нараспашку. Он о чем-то разговаривал с людьми, сворачивающими палатки. Лиза остановилась и присмотрелась. Да, ошибаться она не могла, это был Серж. Подняв руку, чтобы привлечь его внимание, она громко крикнула «Серж!», но тут кто-то заломил ей руки и стал волоочь к машине, припаркованной у обочины.

Пока ее тащили, а она отбивалась, опрокинули ящик с апельсинами и они рассыпались по грязному снегу. С отвращением посмотрев на полусгнившие оранжевые плоды, Лиза успела заметить лицо Сержа, обращенное к ней. Он увидел, что происходит, бросился к ней, но ее уже запихнули в машину, и та рванула с места.

Ее толкнули на заднее сидение и локтем, прижатым к ее горлу, вдавили в угол. Прежде, чем посмотреть на лицо мужчины, который одной рукой продолжал вжимать ее в угол, она уперлась взглядом в дуло пистолета, направленного ей прямо в лицо. Взяв себя в руки, Лиза медленно перевела взгляд на того, кто держал пушку. Перед ней маячило белобрысое лицо Борькина, а за рулем сидел Чмыхов. Господи, она уж думала, это был кто-то посерьезней, но нет, это был все тот же Иезуитов со своими шестерками. Интересно, почему он так долго ждал? Почему именно сегодня, сейчас? Ведь она уже больше месяца в Киеве и каждый день ездит в эту Тмутаракань, на эту богом забытую Троещину, где вечером на улицах ни души. Почему ее там не похитили?

Через десять минут ее вытолкали из машины и повели по дорожке в знакомый офис. Как хорошо она знала эту выложенную кирпичом дорожку, несколько ступенек, ведущих к двери, обитую кожей дверь и камеру над ней. Потом еще одна дверь, небольшой квадратный холл со стойкой для секретарши и, наконец, дверь в святая святых – комнату, где царил сам Иезуитов. Зло. Отвращение. Именно тот человек, которого Лиза боялась и не хотела снова увидеть.

Ее усадили на стул. Опустив голову так, что волосы закрыли ее лицо, она пыталась представить себе интерьер этой комнаты, знакомой ей до мелочей – ковры, синяя кожа, полированное красное дерево, маленькие, но тяжелые статуэтки а-ля Шемякин на книжных полках. Кто-то схватил ее за волосы и поднял ее голову. Напротив сидел Евгений Павлович, ставший не то меньше, не то худее. На нем была поношенная клетчатая рубашка и выдавший виды пиджак. Куда делся былой диоровский шик? Он давно не стригся, его серые жиденькие волосенки

неопрятно свисали, закрывая затылок. Его бесцветные глаза цепко держали Лизу в фокусе, как будто на прицеле.

- Ну, вот и свиделись, - сказал он.

- Лучше бы не видеться, - коротко ответила Лиза.

- Как это, лучше не видеться? А должок твой? Отдавать собираешься?

Лиза посмотрела на этого несчастного человека, с которым восемь лет тому назад ее свел Адам. Ее бывший муж, как магнитом, притягивал к себе подонков и мошенников. Говорят, на ловца и зверь бежит. Впрочем, об Адаме она думать не хотела. Препираться с Иезуитовым насчет того, что она ему ничего не должна, ей тоже не хотелось, поэтому она молчала. Борькин и Чмыхов сказали, что будут ждать в «предбаннике» и удалились.

- Молчишь? А я скучал. - Иезуитов зажег сигарету и на мгновение исчез в клубе дыма.

Лиза закашлялась.

- Может, воды? - в его голосе прозвучала насмешка. - Выглядишь уставшей выглядишь. Я знаю, что ты на Майдан почти каждый день приходила. Что-то там рисовала в своем альбоме. «Оранжевые» придурки вдохновляли? А я вот Россию выбрал себе в союзницы. Предлагаю работать вместе. Юлю Тимошенко знаешь? Должно быть, много раз видела ее на сцене. Хочешь быть, как она? Хочешь иметь столько же бабла, сколько она имеет? Так вот, ей всегда удавалось охмурить нужных людей - и Лазаренко, и Вяхирева, и даже окружение Могилевича. Поэтому и дела у нее шли хорошо, а сейчас не пойдут, а просто полетят. Ты мне нужна, будешь...

- Охмурять окружение Могилевича? - Лиза громко рассмеялась.

Вдруг за дверью послышались голоса. Потом голоса стихли, хлопнула входная дверь, а дверь в комнату, где находилась Лиза, распахнулась и в ней появилась женщина, которая едва держалась на ногах.

- Чему смеетесь? - поинтересовалась она.

Жена Иезуитова была одета в белую шубу нараспашку, под которой было нечто блестящее и очень минималистичное, прикрывавшее только самое необходимое. В руках она держала маленькую золотую сумочку на длинной цепочке. Ее крашенные волосы растрепались, помада была слегка размазана, а тушь оставила под глазами черные круги. Ее длинные ноги в туфлях на высоких каблуках, отказывались держать равновесие и Татьяна, несколько раз споткнувшись, сбросила туфли, швырнув под стол своего мужа.

- Твой муж решил сутенером стать, а мне предлагает шлюхой поработать. Для этого так упорно пытался меня вернуть. - Лиза с гадливостью посмотрела в рыбы глаза Иезуитова.

- Ну, если больше нечем заняться, потому что все тебя кинули, то остается только сутенером заделаться. А те десять лет, что мы женаты, кем, думаешь, он был? - Татьяна икнула и развернулась к своему мужу. - Сколько раз, ты, сволочь, меня под своих дружков и партнеров укладывал?

- Зачем ты здесь? - Иезуитов поднялся из-за стола.

- А почему бы мне не быть здесь? - привычным движением плеч Татьяна сбросила шубу, а сумочку запустила в дальнее кресло, но промазала.

- Что, своим подружкам-лесбиянкам ты уже не нужна? Кончились посиделки? Иди к детям, хотя в таком виде лучше бы ты к ним не совалась.

- В каком это виде? - Татьяна подошла к своему мужу и повисла у него на шее. - Вот решила прийти пораньше, забрать своего муженька из офиса, повести его в ресторан, покормить ужином. А то заработался мой ненаглядный.

Было очевидно, что Татьяна ерничает. В глазах ее ясно читались презрение и ненависть.

- Отстать от меня! Бесплезная тварь! – Иезуитов с силой оттолкнул ее и она почти упала, но удержалась за край стула, на котором сидела Лиза. Эта женщина семь лет тому назад была свидетельницей на ее свадьбе. Тогда она была ошеломляюще красива той искусственной красотой, что так любят рекламировать в глянцевах журналах и которой в природе не существует. Помогая Татьяне подняться, Лиза с удивлением заметила, что от нее совершенно не пахнет спиртным.

- Сидеть! – рявкнул Иезуитов и вернулся за свой стол. Отвернувшись, он взял стакан и начал наливать в него виски. Татьяна выпрямилась, подошла к полке позади него, взяла одну из статуэток и со всей силы ударила ею своего мужа в затылок. Тот обернулся, выронил стакан, как-то странно посмотрел на нее и упал на персидский ковер. Его кровь начала рисовать новые замысловатые узоры на прекрасном старинном ковре.

Лиза молчала. Татьяна тоже.

- Он что, мертв? – после долгого молчания Лиза нарушила тишину. – А где его клоуны? Они там, за дверью...

- Их там нет. Я дала им денег и сказала, чтобы проваливали. Что мы хотим тут заняться втроем интимными играми.

- Ты что, с ума сошла? Они, как пить дать, заложат нас. Ты – убийца, я – свидетель убийства.

- Послушай меня, – Татьяна подошла к столу, взяла ту самую бутылку, из которой ее, теперь уже покойный муж, наливал себе виски, и залпом выпила несколько глотков. – Я не пьяна. Я слышала разговор вчера вечером. Мой придурок-муж обсуждал со своими мокрушниками, как и где тебя похитить. Я специально пришла, но не ради тебя. Нет, вру, ради тебя тоже. Он бы не отстал от тебя, а так ты теперь свободна. Он мне поперек горла десять лет стоял, не могла я больше. Лиза, он просто подонок, мразь, не человек. Я не могла больше так жить.

- Я знаю, – тихо сказала Лиза. – Ты можешь до него дотронуться?

- Не знаю, а что?

- Потрогай пульс у него на шее, вдруг он еще жив?

- Сейчас. – Татьяна встала на колени и приложила два дрожащих пальца к его шее. – Он мертв.

Вдруг в дверь сначала позвонили, а потом начали громко стучать. Вскочив на ноги, Татьяна непроизвольно спряталась за шкаф.

- Я пойду, посмотрю, кто это, – тихо сказала Лиза, направляясь к двери.

- Не ходи. Вдруг эти ублюдки вернулись? Они нас прикончат.

- У твоего мужа есть пистолет?

- Есть.

- Где он? Ищи в ящиках. Номер сейфа знаешь?

- Нет, он его каждый день меняет.

- Черт! Ладно, надо узнать, кто там в дверь барабанит. Посмотри в ящиках, вдруг нам повезет.

Лиза открыла дверь и оказалась в холле, который Борьким и Чмыхов называли «предбанник». Она не могла не заметить, что стены были выкрашены в бледно-зеленые и голубые тона. «Успокаивает», – подумала она.

Она прекрасно понимала, что незаметно посмотреть в глазок не получится. Стоящий за дверью заметит движение, потому что этот долбаный глазок надо сначала открыть. Можно было бы подождать, пока тот, кто молотит в дверь, уйдет. Хотя, навряд ли – везде горит свет, и дураку понятно, что кто-то в офисе есть.

Тихо подкравшись к двери, Лиза, не дыша, приоткрыла глазок. В дверь колотил Серж.

Быстро открыв дверь, она схватила Сержа за пальто и втянула его в офис. После этого Лиза буквально повисла у него на шее.

- Ты жива? Извини, что задержался. Пока вычислили номер, пока нашли машину. Что тут происходит? – поверх Лизиного плеча Серж рассматривал босую растрепанную женщину, появившуюся в проеме двери, ведущий в комнату Иезуитова.

- Мы его убили, - прошептала Лиза.

- Кого убили? – Серж был абсолютно спокоен.

- Того, кто преследовал меня все эти годы и кто похитил меня сегодня.

- Моего мужа, - добавила Татьяна. – Лиза, это кто?

- Не волнуйся, ему можно доверять. Он – друг, он поможет.

- Посмотреть можно?

Серж прошел в комнату, нагнулся над трупом, проверил пульс, потом поднялся.

- Да, он мертв. Кто ударил его?

- Я, - ответила Татьяна. – Я возьму детей и сегодня же вечером вылечу в Вену. Там меня никто не достанет.

- Вы этого не сделаете, - твердо оборвал ее Серж. – Давайте присядем, дамы. Кому-то нужна вода или что покрепче? Потому что нам предстоит серьезный разговор.

Лиза и Татьяна сели в кресла, Серж поместился на стуле, на котором раньше сидела Лиза.

- Мне надо знать, кто такой этот жмурик. Его положение, над чем последнее время работал, его связи.

Татьяна, часто прерываясь, начала рассказывать о том, каким тузом Иезуитов был десять лет тому назад и как стал почти никем.

- Знаешь, Серж, не в нем сейчас дело, - Лиза раздраженно перебила ее. – Эти два уroda, что схватили меня на Крещатике, знают, что мы с Татьяной остались с ним здесь наедине. Когда они привезли меня, они не уехали, они остались ждать в предбаннике. Татьяна дала им денег и отправила их отсюда, сказав им чушь какую-то. Они нас заложат в два счета.

- Я понял. Кто такие? Серьезные люди?

- Нет, тупицы без пары хромосом, - Татьяна встала с кресла и пыталась найти свои туфли.

- Семьи у них есть?

- Один из них был женат, но жена свалила от него год назад.

- Оба сами по себе? – уточнил Серж.

- Да, и, к тому же, дурью балуются. – Эта фраза донеслась из-под массивного письменного стола, где Татьяна нашла, наконец, свои туфли.

- Чуть больше двух лет тому назад, - Лиза вспоминала нехотя, с раздражением, - они вдруг появились в Афинах и начали ломиться ко мне в квартиру. А потом гнались за мной по всему городу, пока мы не оказались перед полицейским Управлением. Там их повязали и выдворили из страны.

Серж внимательно посмотрел на Лизу, он не знал, что Иезуитов пытался достать ее в Греции.

- Ну что ж, приговор они себе подписали. Кто-то знает, где их найти? – в его тихом голосе угадывалась ярость.

- Я знаю номера их мобильных и где они, скорей всего, находятся сейчас. – Татьяна, сидя на ковре, не отрываясь, смотрела на труп своего мужа.

- Это намного упрощает задачу. – Серж встал со стула и помог Татьяне подняться с пола.

Обувшись, она сказала:

- Я сунула им тысячу баксов. Это для них целая гора бабла, мой муж им кидал буквально копейки, только чтобы с голоду не подошли. Сейчас они наверняка ширяются в одном из притонов. Их излюбленный на улице Оноре де Бальзака.

- Номер?

- Номер я не знаю. Просто слышала, когда они говорили.

- Ладно. Сейчас мы отсюда уйдем. Я с машиной. Развезу вас по домам. Сюда придут мои люди, уберут записи с камеры и почистят все отпечатки. Потом сделают так, чтобы все выглядело как ограбление. Вы знаете номер сейфа? – обратился он снова к Татьяне.

- Нет, он менял номер каждый день.

- Ладно, сейф они вскроют. Если там будут деньги, мы все вернем вам, до копейки. Вам нужны какие-то документы из сейфа?

- Да, там бумаги на недвижимость здесь и за рубежом.

- Хорошо. Никуда, ради бога, не уезжайте. Это вызовет подозрение. Наоборот, вы – безутешная вдова с двумя детьми. Лиза, тебе тоже придется какое-то время побыть здесь, в Киеве.

- У меня тут еще дел полно, так что я останусь.

Серж улыбнулся и направился к двери.

- Мы уходим, - сказал он. – Одевайтесь, я сделаю пару звонков и проверю улицу. Свидетели, кроме тех, которые исчезнут, нам не нужны.

Лиза подошла к Татьяне и обняла ее. Та прижалась щекой с рыжей гриве женщины, над головой которой, почти десятилетие тому назад, держала в церкви венец. Тогда весь Киев, как потревоженный улей, жужжал о венчании Лизы и Адама. А через полтора года, весь Киев так же жужжал о том, что Адам сбежал от своей жены. И тогда ее муж начал преследовать брошенную и испуганную Лизу и ее семью. Татьяна обо всем знала, но тогда она еще не дошла о ручки. Тогда она еще на что-то надеялась и боялась. Сейчас терять уже нечего, поэтому и страх прошел.

- Ну что, подружка, теперь мы обе свободны. Живи и радуйся, что одним подонком меньше стало, - сказала она.

- Если бы ты этого не сделала, это бы убила его сама. – Лиза посмотрела Татьяне в глаза и пошла к выходу.

После того, как Татьяну завезли домой и сдали на руки ее матери, Серж сказал:

- У нее сейчас адреналин в крови играет. Завтра утром проснется и поймет, что убила человека. Плохо ей будет.

- Хочешь знать, для чего Иезуитов меня выкрал? – тихо спросила Лиза. – Хочешь знать, какую роль я должна была играть в том совместном сотрудничестве, что этот подонек предложил мне? Я должна охмурять его деловых партнеров. Татьяна сказала, что все годы, пока они были женаты, он подкладывал ее под тех, с кем вел дела. Ее, свою жену и мать своих маленьких детей, он использовал в качестве подарка или взятки для своих бизнес-корешей. Что может быть омерзительнее?

- Почему же она не ушла от него? – спросил Серж.

- Ты лучше меня знаешь, чем на самом деле являются браки между богатыми мужчинами и смазливými молодыми женщинами. Женщин берут замуж точно так же, как трофей привозят с охоты – чтобы похвастаться. Но через год хвастаться надоедает. Красота тоже надоедает, тем более, что деньги позволяют купить десяток таких красавиц. Поэтому ту, что надоела, превращают в актив. На имя несчастной жены ее благоверный открывает счета и переводит туда «грязные»

деньги, на нее он также записывает свою недвижимость. С этого момента она становится заложницей. Если захочет уйти, муж ей объясняет, что, стоит ей рыпнуться, он ей голову свернет, потому что она для него все равно, что живой сейф или ходячий счет в банке. Если она умрет, все в порядке, ему, как ближайшему родственнику, вернутся все его деньги, но уже «отмытые». Если же она задумает развестись, то, через суды, сможет забрать практически все. Как он докажет, что суммы, находящиеся на ее счетах, ей не принадлежат? Поэтому такие мужья не допускают разводов, предпочитая «несчастные случаи». Когда до жены доходит, что ее ожидает, она замолкает, превращаясь в испуганное и бесправное существо. Такие, как Иезуитов, держат своих жен, как зверей в клетках, бросая им на карманные расходы и, время от времени, на походы по магазинам. И, конечно, своими трофеями эти подонки делятся со своими партнерами и друзьями. Все равно самому уже без надобности.

- Должен признаться, что я знал об этой, женской стороне дела. Мне приходилось улаживать вопросы с такими мужьями. Что есть, то есть – подонков среди них хоть отбавляй.

- Думаю, что, когда она завтра проснется, на ее лице будет сиять улыбка. Жалеть она ни о чем не будет. Если никто не может помочь, из клетки надо вырываться самостоятельно. Кроме того, с ней ее мать. Та еще тетка – защитит, успокоит и рядом встанет. Им еще двоих детей на ноги ставить.

Серж некоторое время молча вел машину.

- Голодная? – наконец спросил он.

- Вроде бы. С утра ничего не ела.

- Тогда поехали ужинать и ты мне поведаешь, какими судьбами ты оказался в наших краях, а, главное, почему мне не позвонила.

- Ладно. Только позвоню Игнату и Анне, а то они волноваться будут.

- Кто такая Анна?

- Моя бабушка.

Серж снова улыбнулся.

В ресторане было тепло и уютно. Сержа там знали и проводили за его столик за красивой резной перегородкой. Он заказал еды на двоих и коньяка для Лизы. Согревшись и немного успокоившись, она откинулась на спинку дивана.

- Я приехала в конце ноября. Моя мама несколько лет тяжело болела, у нее был рак. Она умерла в тот день, когда я прилетела. Никто не ожидал, врачи говорили, что она проживет еще какое-то время. После ее смерти, можешь представить, чем мне пришлось заниматься. Сейчас я продаю квартиру на Троещине, где они жили с бабулей. Анну надо перевезти в центр, в более удобное жилье поближе к Игнату. Сиделку я ей нашла, но квартира пока не продается.

- Да, невеселая у тебя поездка выдалась.

- Невеселая, но я почти каждый день бывала на Майдане. Целый альбом зарисовок сделала.

- Художница, что ли?

- Художница? Наверное. Раз у меня уже была выставка, значит, художница.

Принесли еду. Лиза посмотрела на аппетитный салат и куриное филе, поджаренное на гриле, и поняла, что не сможет проглотить ни кусочка.

- Почему ты не ешь? – спросил Серж.

- Не знаю, устала, наверное.

- А ты начни и, как говорят, аппетит придет во время еды. А то и, правда, выглядишь измученной.

Последнее, что Лиза помнила, было лицо Сержа, которое вдруг начало крутиться, а потом завертелась тарелка с салатом, потолок, и вся комната. Потом все пропало и опустилась крошечная темнота.

Глава 36.

Неловкое положение дел.

Лиза пришла в себя в больничной палате. Рядом, в кресле, дремал Серж. Она помнила, что в ресторане у нее закружилась голова. Больше ничего. Нет, что-то еще было – ее раздевали, совали в какую-то трубу. Все воспоминания бессвязные, как вспышки с последующими провалами. Очень хотелось пить. На тумбочке стоял кувшин с фильтром и стакан. Приподнявшись, она налила себе полный стакан воды и большими глотками выпила тепловатую жидкость. Опустившись на подушки, она вновь погрузилась в глубокий сон без сновидений.

На следующее утро кто-то несколько раз назвал ее имя. С трудом открыв глаза, она увидела Сержа. Слава богу, он здесь.

- Что со мной случилось? Где я? – Лиза с трудом двигала языком и губами.

- Что случилось, узнаем, когда врач придет. – Серж пересел с кресла на краешек ее кровати. – Ты в частной клинике моего друга. Не волнуйся. Здесь ты в безопасности. Мы тебя под другим именем зарегистрировали.

- А Игнат знает? А Анна?

- Игнат знает. Я ему позвонил. Воспользовался твоим телефоном, надеюсь, ты не возражаешь. Он расскажет все Анне. Навестить тебя он не сможет, поскольку вчера вечером отвез жену в роддом.

- Ох, - Лиза попыталась встать, - я же должна быть там, вместе с ним! Такое событие, а я тут валяюсь. Может, я оденусь и потихоньку поеду в роддом? Ты меня отвезешь?

- Никуда ты не поедешь, - суровым голосом отрезал Серж. – Сейчас позавтракаешь, потом доктор придет. Скажет, в чем дело. Тогда все вместе решим, что делать.

- Игнат мне этого не простит, - Лиза обреченно откинулась на подушки. – Я у него на свадьбе не была, а теперь и при рождении первенца присутствовать не буду. Не мать, а черт знает, что.

- Если твой сын настоящий мужик, то все поймет и простит. Надеюсь, его не надо за руку держать? Раз женился, значит, догадывался, что отцом станет.

У Лизы по щекам потекли слезы.

- Но хотя бы завтра мне разрешат уйти? – взмолилась она.

Серж с удивлением посмотрел на нее – из-за чего она так переживает?

Принесли завтрак. Для Сержа тоже. Лиза жевала тост с джемом и продолжала плакать. Что-то в ней надломилось и плотину прорвало. Она так долго держалась, впитывая в себя утрату матери и все нерадостные хлопоты, связанные с ней, эта революция, что оставила в душе предчувствие беды, и вот, вчера похищение и потом этот кошмар, что случился в офисе Иезуитова... Вероятно убийство ее заклятого врага, произошедшее у нее на глазах, оказалось последней каплей. Больше ее психика вынести не смогла. Слишком много всего, слишком много... А, главное, там Анна одна. Анна, ставшая теперь ее ребенком, которого невыносимо оставить одного.

Вся в слезах, захлебываясь и заикаясь, Лиза начала говорить. Слезы творили с ее большими серо-зелеными глазами небывалую метаморфозу – они становились изумрудными и прозрачными, позволяя заглянуть в самую их глубину.

- Я купаю ее, вытираю ей волосы полотенцем, высушиваю их и повязываю ей на голову чистую белую косынку. Я укладываю ее на постель и смазываю кремом ее сухую кожу. Она превратилась в моего ребенка. Я вспоминаю Измаил, наш дом и сад с флоксами. Тогда ребенком была я, и она купала меня, а, после бани, повязывала белую кружевную косыночку мне на голову. Я готовлю для нее и вечером ем вместе с ней. После ужина она всегда хитро смотрит на меня, потом выдвигает ящик в столе и достает оттуда шоколадку. Это один из самых приятных моментов каждого нашего дня. Она отламывает маленькие кусочки, с наслаждением держит их во рту, закрывает глаза, а потом глотает. Ей часто хочется сладкого. После ужина она идет спать, но не спит, потому что в другой комнате я смотрю телевизор. Она спрашивает, почему я не сплю и тоже не спит. Для нее дорога каждая минута со мной. Освободившись от гнетущего присутствия своей умирающей дочери, она немного воспрянула. Когда она узнала, что Александра умерла, она не плакала. Не знаю, почему. Возможно, тридцать пять лет, проведенных под одной крышей, где обе состарились, стирают грань между матерью и дочерью. Просто две пожилые женщины, которым некуда было деться. Анна столько лет готовила, убирала, стирала, ходила по магазинам, пока могла, обшивала, успокаивала, ободряла, ухаживала, приносила-уносила, выдерживала все капризы и угрозы – и все это без единого доброго слова от своей дочери. Такое для любой матери будет испытанием. Она сказала мне, что болеет, называя свою старость «болезнью». Анна очень слаба, сердце бьется не ритмично, ноги болят из-за плохого кровообращения, трясутся руки. Она исхудала и высохла, мне постоянно хочется ее обнять. Хочется прижать к себе и убаюкать. Ее душа хочет выпорхнуть на свободу. Она часто говорит, что хочет умереть и перестать мучиться своими старческими недугами. И, в то же время, она страшно боится смерти. Боится даже на время остаться одна, не отпускала меня на Майдан. Ей нужна поддержка, чья-то рука, свидетель, утешитель. Пришло время спросить у Господа. Душа Анны будет для него приобретением. Эта душа знала, как любить... Счастлив тот, кто умирает вовремя, но она не умрет. Да? Ведь не умрет? Господи, я не вынесу ее смерти. – Лизу душили ее слезы и все же, она продолжала. – Она ложится спать в восемь вечера, встает в 7:30 утра. Старики и, правда, напоминают детей. Она смотрит на меня и говорит: «Я тоже когда-то была такой молодой, как ты». Она собрала в отдельный конверт все фотографии своей молодости – свои и своего второго мужа – Никиты, которого очень любила. Она все помнит, дорожит этим временем и не хочет с ним расставаться. Этот период с тридцати пяти до пятидесяти лет, был самым лучшим в ее жизни. Никита был и остается ее жизнью. Она держит этот конверт рядом со своей подушкой. После смерти своего мужа, она была только матерью, бабушкой и прабабушкой, но больше никогда не была любимой женщиной. Она помнит свою любовь и любит его до сих пор. Помнит каждое его слово и его улыбку. Любит рассказывать, как Никита любил меня. Вот и говори после этого, что любовь в жизни женщины – не главное. И все же она понимает, что угасает. Скоро родится мой внук. Ниточка потянется с другого конца, он вырастит, у него появятся свои дети, а я состарюсь и стану Анной.

Серж держал Лизу за руки и плакал вместе с ней. Как раз в это время, в палату вошел врач.

- Эта совместная истерика что-то означает? – спросил он.

- Все нормально. Мы тут разговорились... – Серж поднялся с кровати и поспешно вытер слезы.

- Вам надо бы не слезы лить, а за женой лучше смотреть. – В голосе врача слышался укор. – Вероятно, в течение долгого времени, она переживала один стресс за другим, вот теперь мы имеем результаты. Ее организм не выдержал и отключился. Что вы с ней делали? Впрочем, никаких серьезных нарушений мы не нашли, ей нужен покой, хорошее питание и много радости и счастья, а то ребенка можете потерять.

В палате воцарилась тишина. Лиза не двигалась, слезы ее высохли. Серж, не отрываясь, смотрел на Лизу. Доктор был вынужден прервать молчание.

- Что, не знали? Да, семь недель уже. Аккуратной надо быть а, главное, счастливой, а не слезы лить. Подержим вас в клинике еще один день. Я понаблюдаю, выпишу что надо, а завтра можно домой.

Развернувшись, он ушел.

- Я не знаю, что сказать, потому что это не мое дело. Если захочешь, расскажешь сама.

Серж как-то неуверенно присел на край кресла, в котором дремал ночью.

- Ну, если уж так получилось... - Лиза встала, натянула больничный халат и подошла к нему. – Я не замужем. Отец ребенка отцом ему никогда не будет. Я воспитаю сына или дочь сама. А, знаешь, я рада. Я хотела этого ребенка пятнадцать лет.

Сержа как будто катапультировали с кресла.

- Только не говори мне, что отец тот хмырь, ради которого ты свое турагентство затеяла. Как ты там говорила, когда пришла к нам – «чтобы доказать ему и себе на что я способна»? Этот, что ли?

- Этот. Это моя месть ему за прошлое. – Лиза улыбалась, а глаза ее прямо таки смеялись.

- Ребенок – месть? – опешил Серж.

- Нет, не ребенок. Наша с ним совместная жизнь. Я тут тебе все выкладываю, как на духу, а спроси меня, зачем?

- Вероятно потому, что тебе надо с кем-то поговорить, а я умею хранить секреты.

- Не поэтому. Мне не надо с кем-то поговорить, я научилась быть молчаливой. Просто, Серж, я верю тебе. Впервые за многие годы я кому-то верю. Я устала не верить.

Серж молчал, а Лиза стала рассказывать:

- Я придумала месть для Джорджа. Кстати, его зовут Джордж. Когда я к вам пришла со своим турагентством, я очень любила его. До того, как с ним расстаться, мы вместе работали и изредка виделись. Он был прекрасным любовником. Наше знакомство мы начали с его заявления о том, что его брак мертв, но, чтобы быть вместе, нам надо заработать денег. И вот целых пять лет я старалась заработать эти самые деньги, сгорая от любви к нему. Он же ничего не делал. Почему? Боялся, что мы действительно заработаем денег, и тогда ему придется уйти от жены. Он ей изменял, но развода не хотел. У них там свой круг, друзья, она оплачивала расходы его офиса. Когда я оказалась в Афинах, ты помнишь я поехала искать Адама, тогда... , ах, давай опустим мое третье замужество за полусумасшедшим стариком, я, чтобы не потерять свой собственный рассудок, начала рисовать, а потом писать картины. Училась сама, как могла. Методом проб и ошибок. Все мои книги по искусству в Киеве остались. Кое-что помнила из того, что читала раньше. Мой отец был прекрасным художником, видимо, его дар передался мне по наследству. Так вот, когда Джордж увидел мои картины, у него голова пошла кругом и слюнки потекли. Он так разволновался, что предложил мне выйти за него замуж. – Лиза рассмеялась. – Если бы он отважился сделать мне предложение десять лет тому

назад, я бы от счастья летать начала. А теперь... Но своим предложением он натолкнул меня на мысль о мести. Видишь ли, два года назад, он вдруг оказался совсем не против заработанных мной денег. Они его больше не пугали. Вот я и подумала, почему бы ему не подарить все то, о чем мы мечтали десять лет тому назад? Почему бы не дать ему восхитительно беззаботную жизнь со мной, два незабываемых года, а потом все забрать, оставив его у разбитого корыта? Но, видно, не получится у меня отомстить.

- Ты что, хорошо зарабатываешь?

- Да, совсем неплохо.

- И, что, теперь будете вместе?

- Теперь, когда он узнает про ребенка, он уйдет сам.

- Он что, не в себе?! Уходить от такой женщины, как ты? Которая, к тому же, носит под сердцем его ребенка?

- У него уже есть дети и не только в Греции. Ему больше не надо.

- А как же ты? Уже решила, что будешь делать? – в голосе Сержа звучала надежда – а вдруг ей понадобится его помощь?

- Ничего особенного я делать не буду. Господь преподал мне очередной урок. Никогда и никому не надо мстить самой, Он это сделает за тебя. Джордж вернется домой и будет доживать свою тусклую старость со своей женой-картежницей. А я буду продолжать рисовать и воспитывать свою дочь. Деньги у меня есть, так что все хорошо.

- Вы, женщины, странные существа. Нашему брату понять вас не дано.

- Любите нас, тогда поймете. Думаешь, у Создателя комплектующие закончились и ему просто не из чего было слепить нас? Мы ж не случайно из вашего ребра сделаны, Он наверняка хотел этим что-то сказать...

- Что? – Серж выглядел вконец обалдевшим.

- Понятия не имею! – Лиза рассмеялась, и ее серебристый залиvistый смех разнесся по гулким коридорам частной клиники.

Серж подождал, пока ее смех смолкнет, и с серьезным видом сказал:

- Ты должна знать, что всегда сможешь опереться на меня. Если ребенку понадобится отец или дядя, я готов стать ему родней.

- Спасибо, Серж. Как насчет «крестного отца»? В буквальном и переносном смыслах?

Теперь рассмеялся Серж.

- Согласен. Твои друзья на крестинах не шарахнутся, когда увидят меня?

- С бритой головой, суровым лицом и перстнем на пальце? У меня в Греции есть только один друг, ты ему понравишься. Ручаюсь.

Лиза снова почувствовала усталость. Медсестра принесла какие-то таблетки и витамины. Она послушно их проглотила, повернулась на бок и уплыла в свои мечты, думая о том, что в конце августа у нее родится дочь Стефания.

Серж отлучился на пару часов. Ему надо было принять душ, переодеться, узнать, как его «чистильщики» справились с его ночными поручениями. Ему сказали, что у Борькина и Чмыхова случилась передоза, вызвали «Скорую», но спасти их не удалось. Заехав в специальный магазинчик на бульваре Леси Украинки, где продавали готовую еду, он накупил всяких вкусностей, прихватил на Бессарабке несколько букетиков фрезий и вернулся в клинику. Смеркалось. В палате горела настольная лампа. Медсестра поставила цветы в вазу, воздух стал наполняться весенним ароматом. Серж молча смотрел на спящую Лизу, прекрасно понимая, что через несколько дней она уедет, и с ним опять останутся лишь воспоминания. Впрочем, горевать не стоит, скоро он приедет на крестины ребенка, и дай бог, они станут видеться чаще. Тикали часы, минуты убегали, в палате

царили тишина и покой. Пришла медсестра, сказала, что скоро принесут ужин. Серж отказался, сказал, что все принес с собой. Пусть уставшая женщина еще поспит...

Когда Лиза проснулась, он уже накрыл небольшой столик, пододвинул к нему два стула и поставил рядом цветы. Умывшись под краном, как есть, без косметики, с волосами, забранными наверх с помощью карандаша, который нашелся у нее в сумке, Лиза села за стол.

- Отпразднуем событие? – предложил Серж.
- Мне теперь особенно праздновать нельзя.
- Поэтому я принес сок.

Когда оба наелись, Серж спросил, почему Лиза ходила на Майдан.

- Меня завораживали люди.
- Которые искренне верили, искренне боролись и победили?
- Да.
- Но ты же понимаешь, что протесты такого масштаба не появляются из ничего.

Представь себе тысячу или даже несколько тысяч людей, которые с чем-то не согласны и пришли на Майдан. И что? Что дальше? Кто их слушать будет? Откуда они возьмут сцену, большие экраны, палатки, медикаменты, еду, воду? Как их сразу может стать пятьдесят тысяч? Кроме того, на Майдане постоянно выходила своя газета.

- Кто-то финансировал? Американцы?
- Они тоже.
- Доказательства есть? – с интересом спросила Лиза.
- Есть – молодежная организация «Пора», члены которой всем заправляли на Майдане. Такие же молодые люди стояли на площадях в Тбилиси и в Белграде. Сербская студенческая организация «Отпор» присылала своих «тренеров» в Тбилиси и в Киев. Эти ребята сбросили в 2000 году Слободана Милошевича, а в Тбилиси в 2003 году, помогли отстранить от власти Эдуарда Шеварнадзе. Год назад, члены «Отпора» стали тренировать украинскую «Пору» - самое большое оппозиционное молодежное объединение в Украине. Имя координатора «Отпора» Синиса Сикман, так вот, он сказал, что студентов в Киеве обучали навыкам переговоров, тактике уличной борьбы и как правильно мониторить выборы, чтобы избежать фальсификаций. Он настаивает на том, что его «Отпор» не экспортирует революций, говорит, что у них просто есть некоторый опыт в сопротивлении автократам. Его финансирует правительство Соединенных Штатов, а также дюжина других частных доноров, в том числе, и не американских. И именно сербский «Отпор» стал той темой, что с большим воодушевлением раскручивала российская пропагандистская машина.

- Могу себе представить, – Лиза пересела на кровать и подложила под спину подушки. – Наверняка орали что-то вроде: «Американцы раскачивают ситуацию и провоцируют государственный переворот в соседней с Россией стране!»

- Угадала. Лидер украинской «Поры», Андрей Юсов, тоже от всего отпирается. Он заявил, что его объединение было создано с единственной целью – гарантировать честные выборы. Они также не признают свою связь с оппозицией, то есть с «Нашей Украиной» Ющенко и с «Батькивщиной» Тимошенко.

Настаивают, что сами по себе. Это вранье. Юсов клянется, что никогда не получал финансовой помощи из Америки и их 18 ребят, которые отправились в Сербию на «семинар», проходивший в городе Нови Сад, за все платили из своего кармана.

- Когда, ты говоришь, была создана «Пора»?
- 7 апреля 2004 года, когда в семнадцати регионах Украины состоялась акция под названием «Что такое кучмизм?» Сначала их тренировала грузинская «Кхмара», а

потом подключился и сербский «Отпор». Они активно собирали средства. Ты должна была сама сотни раз слышать на Майдане – «Пожертвуй гривну на борьбу с режимом, поддержи «Пору» сегодня, чтобы не пожалеть об утраченных возможностях после выборов». Прямо как в Сербии, где члены «Отпора» таскали огромное чучело сербского диктатора в тюремной робе и брали с людей, которые хотели пнуть это чучело, один динар.

- Они, конечно, отпираются, но я не верю, что между «Порой» и лидерами оппозиции не было никакой связи.

- Была, конечно, - согласился Серж. – Связным между «Порой» и «Батькивщиной» был Юрий Луценко, ты не раз его видела на сцене. «Пора» вообще-то тяготела к «Нашей Украине», но Ющенко с его либеральной, недисциплинированной и неконсолидированной партией просто не мог стать политическим тараном. Думаю, у «Поры» и «Батькивщины» были гораздо более тесные связи, чем они афишировали. Юля могла доверить членам «Поры» щекотливые поручения, которые совсем не вписывались в понятие «мирные протесты».

- Если они выполняли такие поручения, думаешь, только сербы и грузины их тренировали?

- И тут мы подошли к той исторической ране, что болит в Украине и никак не затянется – к ее расколу. Ребят начали тренировать гораздо раньше, с 2001 года. Назывались они поначалу боевыми отрядами для обороны и сопротивления. Их наставниками и тренерами были кадровые военные, прошедшие «горячие точки», а также инструкторы-националисты из УНА-УНСО. Их учили захватывать правительственные учреждения, отражать атаки и уничтожать противника. Тренировали их в удаленных местах, в основном, в лесах.

- Это не могло остаться незамеченным. Кто-то же об этом знал!

- Все эти сборы проходили под эгидой изучения истории украинского казачества.

- Но их надо было всех собрать и привезти на Майдан, - заметила Лиза.

- За несколько недель до первого тура, были закуплены билеты на поезд и автобусы для подвоза митингующих в столицу. По всему Киеву были сняты квартиры для участников протеста, а также заняты подконтрольные оппозиции муниципальные здания, как, например, Дом Писателей. Палатки, полевые кухни, медикаменты, флаги и транспортны были доставлены заранее. Их оплачивали доноры из-за рубежа и те украинские олигархи, кто решил поддержать Ющенко. Все, что могло понадобиться сверх этого, должен был обеспечить средний класс. Оранжевая революция была очень хорошо организована и очень хорошо оплачена. Держать постоянно на Майдане от пятидесяти до ста тысяч стоит не дешево.

- Я слышала, что даже Борис Березовский раскошелился. Он вложил большие деньги и в грузинскую Революцию Роз, и в нашу Оранжевую. Лишь бы ненавистному Путину икнулось. А россияне? Эти кремлевские «кудесники» ведь тоже не сидели, сложа руки.

- Не сидели. – Серж встал и подошел к окну. – Готовя предвыборную кампанию Януковича, они, с весны 2004 года, окопались в восточной Украине. Работали с людьми, промывали им мозги, раздавали деньги, выплачивали зарплаты и пенсии шахтерам. Вбухали в Донбасс, где находится электорат Януковича, 600 млн. долларов. Результат? Голодные шахтеры за 50-100 гривен отдали свои голоса за кремлевскую «шлюху».

Лизе страшно хотелось курить, вероятно, Сержу тоже, но оба они терпели. Она предложила ему выйти и выкурить сигарету в вестибюле, но он отказался.

- Мне кажется, - сказал он, - что в Украине создалось довольно неловкое положение дел, когда две державы решили померяться силами на территории

третьей страны. О какой независимости и самостоятельности Украины может идти речь? Я не понимаю одного: Украина настолько богатая страна, Бог наградила ее всем – от лучшей пахотной земли в Европе, до всей таблицы Менделеева в ее недрах, он также дал ей трудолюбивых людей с мозгами, и вот, через четырнадцать лет независимости, эта страна оказалась вдруг дурой. От третьего в мире ядерного потенциала отказалась, защитить себя сама не может – в ее доме идет дикий грабеж, скоро голой останется, и вот теперь еще пустила к себе двоих дебилов с мускулами и разрешила потасовку у себя устроить. Кто победит, тот ее и поимеет. Прости меня, но злость берет от всего этого.

- Хорошо еще, что до крови не дошло. – Лиза нашла достаточно веский довод, чтобы немного успокоить разволновавшегося Сержа.

- Да, до большой крови не дошло, - поправил ее Серж. – Если не устала, могу рассказать, как два ведомства бодались, пока одно из них не взяло вверх над другим.

- Не устала, давай, рассказывай. Я столько рисунков на Майдане сделала, а ты мне глаза открываешь на то, чего я не смогла увидеть.

Серж устроился в кресле и вытянул ноги, загородив ими половину палаты.

- А ты и не могла увидеть. 28 ноября прошлого года, через неделю после того, как начались массовые протесты, на загородных базах министерства Внутренних дел, в десять часов вечера, прозвучал сигнал тревоги. Более 10 тысяч военнослужащих кинулись к грузовикам. Большинство было в касках, с дубинками и щитами, многие – в черных балаклавах. Три тысячи были вооружены. Был роздан слезоточивый газ. Как ты понимаешь, людей на Майдане ожидало кровавое побоище, которое могло привести к началу гражданской войны. Но тут же, в недрах другого ведомства – СБУ – стали разворачиваться странные события.

Лиза сидела и слушала, затаив дыхание, как ребенок, которому рассказывают страшную историю.

- Когда на площади Независимости пошел первый мокрый снег, среди палаток появился человек в штатском. Это был полковник Службы Безопасности Украины. Он предупредил лидеров протестующих о готовящемся разгроме, а в самом здании СБУ высокопоставленные офицеры звонили по защищенным линиям генералам армии и главе МВД. Генералов они старались перетянуть на свою сторону, а командующего войсками МВД, генерал-лейтенанта Попкова, убеждали повернуть своих людей назад. «Вы же понимаете, что применение силы против мирных демонстрантов незаконно! – кричал в трубку Александр Галака, глава Службы военной разведки. – Если войска МВД войдут в Киев, армия и спецслужбы будут защищать мирных граждан».

- Господи, если бы начался открытый конфликт между МВД и СБУ, а потом гражданская война, это был бы конец Украины.

- За кулисами всеми этими событиями руководил глава СБУ Игорь Смешко, - продолжал Серж. – Слышала о таком? Я с ним знаком, он слишком умен для всех этих политиканов, которые рвутся к власти. Забегая наперед, скажу: в результате переговоров, генерал Попков отменил тревогу. Ты понимаешь, что произошло? Группа офицеров украинской разведки, не пожелавшая допустить, чтобы Кучма посадил в кресло президента кремлевскую марионетку Януковича, начала внутреннюю борьбу. Такого прецедента в бывших советских республиках, где спецслужбы были и остаются наиболее консервативными и безжалостными инструментами власти, никогда не было.

- Неужели Смешко не побоялся пойти против власти? – спросила Лиза.

- Представь, не побоялся, - с удовольствием ответил Серж. – Его офицеры, обеспечивая безопасность лидеров оппозиции, передавали им информацию и

посылали сигналы о своем нежелании выполнять приказы тех, кто был у власти. СБУ, когда тайно, когда публично, когда даже противозаконно, действовала, чтобы помешать мошенническому продвижению Януковича, которого ненавидят все думающие и образованные люди. Такие, как Игорь Смешко, не могли допустить, чтобы во главе Украины встал участник группового изнасилования и путинский протеже.

Лизу передернуло от одной только мысли, что дважды судимый зек мог стать президентом в ее стране. В то же время, она видела, что Серж восхищается Игорем Смешко и не скрывает этого.

- СБУ, преемник советского КГБ, где работают десятки тысяч сотрудников, испортила свою репутацию шантажом, торговлей оружием, связями с российскими спецслужбами и организованной преступностью. Кроме того, в СБУ есть разные группы, некоторые из которых остались верны своим кремлевским хозяевам. Предыдущего главу СБУ, Леонида Деркача, уволили, поскольку это он убеждал Кучму продать радиолокационные системы «Кольчуги» Ираку. Вот такая организация, отвечающая за безопасность Украины и полностью утратившая доверие внутри страны, досталась Смешко – кадровому офицеру военной разведки, известному своими прозападными взглядами. До того, как возглавить разведку, он работал в посольствах в Вашингтоне и в Цюрихе. По-моему, он говорит на четырех или пяти иностранных языках.

- Редкая для здешних мест порода.

- Ты иронизируешь, а напрасно. В этом человеке действительно чувствуется порода. Ему бы родиться сто лет назад и гетманом стать. Поверь, Украина сегодня была бы другой.

- Думаешь? – в голосе Лизы послышалось сомнение.

- Уверен, но давай вернемся к нашим событиям. 21 ноября, когда проходил второй тур, Смешко лично встретился с Януковичем. Этот человек вызвал в нем такое отвращение, что он подал заявление об отставке. Кучма не принял отставку, пригрозив, что назначит на его пост человека, верного Януковичу. Смешко пришлось остаться. В тот же день, стало ясно, что Янукович может одержать победу. В кабинете Игоря Петровича состоялось совещание. Сначала все, кто присутствовал на совещании, хотели подать в отставку, сделав это громко и демонстративно, но потом Смешко сказал: «Мы можем спасти нашу честь и лицо, а можем постараться спасти страну».

- А Кучма знал о сопротивлении внутри СБУ? – Лиза не пропускала ни одного слова из того, что рассказывал ей Серж.

- Скорей всего знал, в недрах СБУ, как я сказал, были разные группировки, в том числе и те, кто исправно служил Кремлю. Думаю, через них Кучма был в курсе, потому что 22 ноября Прокуратура выступила с заявлением, порицавшим действия оппозиции, организацию митингов и протестов, а под конец в заявлении говорилось, что «власти и СБУ решительно положат конец любому беззаконию».

- Ну, и как среагировал Смешко?

- Он пришел в ярость. Он позвонил прокурору и высказал ему все, что думал. СБУ сразу же ответила заявлением, в котором ясно говорилось, что это ведомство не согласно с заявлением Прокуратуры и что граждане имеют право на мирный политический протест. 24-го ноября, когда ЦИК собралась объявить о победе Януковича, весь Киев был блокирован. Даже Кучма не мог добраться до Банковой. Сам Янукович уже праздновал победу со своими приспешниками на одной из дач за городом. Там он заявил, что если толпа будет блокировать правительственные здания, ее должны разогнать внутренние войска. И тут генерал Смешко нанес клике Януковича непоправимый удар.

Лиза аж привстала со своих подушек.

- Как?!

- В то время, когда Избирательная Комиссия объявила о победе Януковича, новостной сайт «Украинская правда» обнародовал записи телефонных разговоров между двумя членами его штаба. Между прочим, «Украинская правда» - эта та газета, где работал Жора Гонгадзе – журналист, которого так зверски убили.

- Да, я знаю. О чем эти уроды говорили?

- Они обсуждали вброс дополнительных бюллетеней. Это разговор произошел ночью, после того, как избирательные участки закрылись. Разговаривали двое, один из них был политтехнолог Юрий Левенец, работавший сначала на Кучму, а потом на Януковича. Первый сказал, что они получили отрицательный результат, то есть, Янукович проиграл второй тур. Ющенко был почти на один процент впереди. Левенец ответил ему, что «мы договаривались о разнице в 3-3,5% в нашу пользу. Мы готовим таблицу. Вы получите ее по факсу». Януковичу нарисовали дополнительные 2,9% и объявили о его победе. СБУ прослушивала его штаб, но Смешко заявил, что официально СБУ не имела никакого отношения к слежке за сотрудниками штаба Януковича.

- Они рисковали не только карьерой, но и жизнью. – Лиза, зная традиции КГБ не понаслышке, была под впечатлением.

- Да, рисковали, однако на кону стояло будущее Украины. Ты дальше слушай! Ющенко отравили в конце августа или в начале сентября, но официальная версия настаивает на дате 5-го сентября, когда Ющенко дважды ужинал в компаниях разных людей. На более позднем ужине присутствовал Игорь Смешко. Почему-то Ющенко нигде, ни разу не обмолвился, что Смешко не причастен к его отравлению. Он просто молчит и Игорю Петровичу приходится постоянно ощущать на себе косые взгляды. Однако сейчас Ющенко позвал его к себе и попросил усилить охрану его штаба. Смешко предоставил ему восемь специалистов из антитеррористического подразделения «Альфа». По окончании встречи наш главный оппозиционер подарил главному шпиону одну из своих картин.

- Он что, художник? – с удивлением спросил Лиза.

- Нет, до художника ему далеко. Так, малюет помаленьку. В основном, пейзажи.

- И что?

- Главный оппозиционер и главный шпион обнялись.

- Трогательно. – Лиза была разочарована.

- После этой встречи Ющенко появился на сцене Майдана, окруженный пятью сотрудниками СБУ, которые сделали заявление. Они открыто поддержали оппозицию и призвали судей Верховного Суда к объективности. Затем, обратившись к офицерам и солдатам, они напомнили, что их долг служить народу, а не власти. «СБУ считает своей главной задачей защиту людей вне зависимости от источника угрозы. Будьте с нами!», - сказал один из них.

- СБУ встала на защиту людей? Невероятно...

- Их жены и дети были на площади среди восставших. На следующий день к митингующим присоединились курсанты Академии МВД. Они строем пришли на Майдан, некоторые держали в руках цветы.

- И, что, Смешко, поддержавшему народ, все сошло с рук?

- 27 ноября произошло совещание в правительственном поселке в пригороде Киева. Там были президент Кучма, преданный ему глава МВД, и Янукович. На это совещание был вызван также Смешко. Янукович напустился на Кучму, требовал назначить дату инаугурации и объявить чрезвычайное положение. «Вы слишком осмелели, Виктор Федорович, если говорите со мной таким тоном, - ответил ему

Кучма. – Вам стоило бы доказать свою храбрость на площади Независимости». Смешко вмешался, заявив, что мало кто из украинских военных будет воевать со своим народом. Затем он обратился к Януковичу: «Если вы готовы на чрезвычайное положение, вы можете отдать приказ. Вы – глава правительства. Вы также можете приказом силой разблокировать правительственные здания. Вы это сделаете?» Янукович молчал. «Вы ответили. – Сказал Смешко. – Вы этого не сделаете. Давайте не говорить чепухи. В применении силы нет смысла». После этого все могло бы успокоиться, но мир на Майдане не устраивал Россию. И вот тогда со сцены на Майдане прозвучал голос провокаторши, которая предупреждала восставших о возможной попытке со стороны власти разблокировать правительственные здания, и призвала не отдавать их, вступив в столкновение с силовиками. Это и послужило сигналом – на загородной базе МВД прозвучала тревога, с которой я начал свой рассказ. Агенты СБУ в центре связи МВД услышали сигнал и началось противостояние. Война нервов. Даже Госсекретарь Колин Пауэлл позвонил Кучме, но тот трубку не взял.

- На высоком уровне играли нервы, - заметила Лиза.

- А тем временем, в СБУ шла мобилизация. Несколько сот офицеров разведки уже находились среди протестующих. На крышах сидели снайперы. Антитеррористические группы прятались в грузовиках без номеров и в зданиях, расположенных вокруг площади Независимости. Несколько грузовиков колесили по городу, пытаясь определить направление движения войск.

- Тем, кто знал, что происходит, было, я думаю, не по себе.

- Нам всем было страшно, – признался Серж.

- «Нам всем»? – быстро переспросила Лиза. – Откуда ты все это знаешь? Откуда ты знаешь Игоря Смешко и как ты ко всему этому причастен? Уж очень много подробностей для постороннего наблюдателя.

Серж долго и внимательно смотрел на нее.

- Это долгая история. Не для сегодняшнего вечера, - наконец ответил он.

- Ладно, настаивать не буду. Видимся не в последний раз. Я надеюсь, - добавила она тихо.

- Ты же знаешь, что я... - Серж сел на ее кровать и взял ее руки в свои. – Ты же знаешь, что я к тебе не равнодушен.

- Я знаю, Серж, но эта история тоже не для сегодняшнего вечера.

- Ты права. Тогда давай закончим ту историю, что подходит для сегодняшнего вечера.

- Меня в ту ночь на Майдане не было. Я вообще только днем могла приходить, когда с Анной была сиделка.

- Можешь ли ты поверить, что, впервые в жизни, мне тоже было страшно? Не за свою шкуру, а за людей, стоявших на Майдане, которых могли просто начать убивать. Кто вспоминал Румынскую революцию, когда в толпу протестующих стали стрелять, кто – события на площади Тяньаньмэнь. Тот полковник, что постоянно был на Майдане и держал связь с протестующими, сказал мне, что с ужасом ожидает какой-нибудь провокации, первой капли крови, которая могла бы привести к настоящей бойне. Мы готовились сделать все, что в наших силах, чтобы предотвратить катастрофу. Ситуация переломилась, когда армия заявила, что не поддержит МВД. «Если войска МВД войдут в город, им придется иметь дело не только с безоружными людьми, но и с армией и спецназом разведывательных служб», - сказал начальник Штаба армии генерал-полковник Александр Петрюк. Тогда Попков пошел на попятный, начал оправдываться, что всего лишь выполнял приказы. Тогда и прозвучал отбой тревоги. Машины с войсками МВД остановились на шоссе на полпути к Киеву.

- Остается один вопрос – кто именно отдал приказ генералу Попкову об объявлении тревоги?
- Никто не знает. Такой приказ могли отдать только три человека – Кучма, Янукович и глава Администрации Президента Медведев.
- Разве глава Администрации может поднять внутренние войска по тревоге?
- В Украине все возможно.
- Было бы хорошо обо всем этом написать, – сказала Лиза, раздумывая над этой возможностью, – и напечатать в какой-нибудь западной газете. Чтобы люди знали правду.
- Ты думаешь, люди хотят знать правду? Им до нас нет дела. Многие из них даже не знают, где находится Украина.
- В самом центре Европы. И, если в этой самой большой европейской стране что-то случится, это коснется всей Европы, а, возможно, и мира. Украина, Серж, это чека на гранате. Если выдернуть, то разнесет всю Европу.
- И гранату эту держат двое, - подхватил Серж, - один пытается выдернуть, а другой не дает. Пока будут меряться силами, мир будет жить в относительном мире и покое. Как только та рука, что старается выдернуть чеку курок, станет сильнее, тогда всем придется не сладко.

На следующее утро Лиза уже сидела в коридоре другой частной клиники, рядом с родильным отделением, где у Лары уже несколько часов, как начались схватки. Игнат страшно волновался, на нем буквально лица не было.

- Не волнуйся так. – Крепко обняв своего сына, она сама еле сдерживала волнение. – Все будет хорошо. Сегодня вечером ты уже будешь папой. Представляешь?

- Нет, ничего я не представляю! – Игнат резко вырвался из ее объятий. – Мама, может, ты останешься у нас? Будем жить все вместе. Как раньше. Помнишь, когда я был маленький? Нам же хорошо было всем вместе? Все друг другу помогали.

Если она согласится на его предложение, это будет повторением той жизни коммуной, когда они впятером ютились в двухкомнатной смежной хрущевке. Она училась в Университете и работала в «Интуристе», Александра преподавала в школе, Алексей работал на заводе. Анна растила маленького Игната. По вечерам все собирались в маленькой кухне и, еле помещаясь за столом, ужинали. Потом Алексей в «большой комнате» смотрел телевизор, а она готовилась к сессии или заучивала наизусть очередную порцию фресок и мозаик. В другой комнате Александра писала конспекты своих уроков на завтра, а Анна гладила пеленки. Ближе к полуночи, Анна и Александра ложились спать в своей комнате, где, рядом с кроватью Анны, стояла детская кроватка Игната. Если Лиза не успевала со своими занятиями, она шла на кухню и продолжала учебу там. Алексей раздвигал диван в «большой» комнате, заваливался на него и засыпал мертвым сном. Когда Анне или Александре надо было в ванную или туалет, они проходили через комнату, где на раскладном диване спали Лиза и Алексей. Душ принять перед сном и мечтать было нечего, потому что воду надо было спускать часами, чтобы пошла хоть немного теплая. Развлечений не было, удовлетворение и радость приносили сданные на отлично экзамены и хорошо проведенные уроки. Иногда нравился какой-то фильм, показанный по телевизору, иногда ходили в кино и смотрели кинематографические шедевры Рязанова. Постоянно читали, в том числе, самиздат. Зачитывались иностранными авторами, которых печатали «Иностранной литературе». Вчитывались в каждую строчку и так сильно сопереживали героям, что переносились туда, на улицы Нью-Йорка или в пыльный и жаркий Техас, или на живописный американский юг, или в города

Европы, где полыхали войны или студенческие волнения. Как говорил Иосиф Бродский, мы все были гораздо более западными людьми, чем сами американцы или европейцы. Мы все пропускали через себя.

Так было прожито пять лет. И как было радостно, когда Лиза и Алексей получили свою собственную квартиру! Такое тесное сожительство друг у друга на голове, могла вытерпеть только молодость. «Повторить такое сейчас я бы не смогла. Я бы свихнулась. Мне нужно пространство и свой мир, который все больше требует одиночества. Рано мне еще быть приживалкой. Невозможно снова срубить меня под корень и заставить жить».

Вслух она сказала:

- Не волнуйся, родной мой. Нам не надо опять жить всем вместе. Ты был маленький, поэтому тебе было хорошо, когда каждый день рядом с тобой было четверо взрослых, которые любили и баловали тебя. Ты чувствовал себя в безопасности, но ты не помнишь, как было тяжело, нам всем, изо дня в день, находиться на тридцати квадратных метрах. Мы мешали другу, мы раздражали друг друга, иногда мы даже ненавидели друг друга. Хотелось убежать, куда глаза глядят! Людям нужно личное пространство, ты же это знаешь! В Греции – одна часть моей жизни, то, что я сделала и чего добилась. Здесь, в Киеве, все вы, моя семья – это другая моя половинка. У меня есть еще силы, я должна продолжать делать и добиваться, а семья будет видоизменяться, с одной стороны укорачиваться, с другой – расти. Это и есть жизнь. Мы будем часто видеться, а вы с Ларой здесь справитесь. Забот будет много, но вам не надо ходить каждое утро по звонку на работу. У вас своя фирма. Можно работать из дома. У Лары в Киеве – родители, они тоже помогут. Я дам тебе телефон Сержа, по мелочам его не беспокой, но, если нужна будет помощь, звони ему без колебаний.

В эту минуту из Родильного зала вышла врач и сказала, что Игнат стал отцом – у него родился сын. Кинувшись своей маме на шею, он расплакался.

- Ну, теперь настала твоя очередь растить сына. – Лиза, еще не понимая, что стала бабушкой, крепче прижала своего взрослого ребенка к себе.

Она не решилась сказать своему сыну, что сама тоже ждет ребенка. Она понимала, что новость эта не будет приятной для ее Игната, только что ставшего отцом. И потом, зачем омрачать или, лучше сказать, зачем красть его праздник?

В течение следующей недели Серж помог продать подобие жилья на Троещине и найти уютную и светлую квартиру для Анны в двух минутах ходьбы от Ботанического сада и от дома, где жил Игнат. Все было устроено.

Ранним утром, когда Игнат отвозил свою маму в аэропорт, мела метель. Вокруг ничего не было видно. Дороги были пустые, на Бориспольской трассе, что вела в аэропорт, не было ни одного автомобиля, только большие, похожие на жуков, снегоуборочные машины ползали по дороге, оставляя за собой темные полосы асфальта, которые тут же снова становились белыми. Киев спал, отдыхая от революции. Лиза смотрела на снежную стену впереди и на снежинки, разбивавшиеся о ветровое стекло, и думала о том, что самое время возвращаться туда, где ее ждала собственная жизнь и судьба.

Глава 37.

Большие планы Эдмунда фон Нарвица.

Был понедельник, 7 февраля 2005 года. Солнце уже садилось. Эдмунд фон Нарвиц сидел в своем кресле и смотрел на Руперта. Тот стоял на ковре, посреди рабочего кабинета своего работодателя, который уже давно стал для него родней любого члена его собственной семьи, и слушал, что тот ему говорил.

- Как бы я ни старался уйти с головой в работу, преумножая свое богатство, и как бы ты ни старался сделать наш дом и сад неким механизмом, который функционирует без сучка и задоринки, мы не в состоянии выкинуть ее из головы. Пора бы ей уже вернуться. Ты так не думаешь?

- Она вернется, когда закончит все свои дела, сэр, - сдержанно ответил Руперт.

- Все свои дела, говоришь? У нее умерла мать, ей нужно перевезти свою бабушку в более приемлемое жилье, у нее невестка на сносях и, к тому же, в этой стране идет революция. Скажи мне, кто все это вынесет?

- Она справится.

- Она уже больше недели не звонит, а, когда звонила в последний раз, сказала, что ходит на Майдан. Ты же знаешь, что это небезопасно. А теперь она пропала. Думаешь, пора мне наведаться в эту страну?

- Думаю, что стоит подождать.

- Ты что-то знаешь? - в голосе фон Нарвица прозвучало подозрение. - Как ты можешь быть таким спокойным?

Их диалог прервал звонок в дверь.

- Мы что, кого-то ждем?

- Нет, сэр, сегодня, как и вчера и позавчера, посетителей мы не ждем. Это странно, потому что никто не звонил у ворот. Пойду, посмотрю.

Руперт, оставив дверь в кабинет фон Нарвица открытой, пошел узнать, кто мог проникнуть незамеченным на территорию их собственности.

Открыв входную дверь, он улыбнулся. На пороге стояла Лиза.

- Кто там? - крикнул Нарвиц.

- Это она, - с трудом сдерживая радость, отозвался Руперт.

Нарвиц, быстро маневрируя механизмом своего кресла, появился у входной двери. Внимательно посмотрев на Лизу, он тут же понял, что она изменилась. Перед ним стояла не та, кого он знал - жившая воображением и умом, талантливая и красивая Лиза. Перед ним стояла сильная женщина, которую он не знал. Эта незнакомка подошла и обняла его. Потом она поздоровалась с Рупертом.

- Я приехала на такси. Код на входе я знаю, так что вошла через калитку самостоятельно. Вы же не возражаете? Но я оставила свои чемоданы у ворот. Не могла их дотащить. Руперт, ты не сможешь их принести?

Когда Руперт ушел, Нарвиц, еле сдерживая волнение, спросил, почему она целую неделю не звонила. Он волновался.

- Эдмунд, можно я побуду до пятницы у тебя? - Лиза предпочла не вдаваться сейчас в объяснения. - Я не могу поехать к себе домой. Мне надо собраться с мыслями и отоспаться. Можно?

- Почему ты спрашиваешь? Мы всегда тебе рады! С тех пор, как ты писала картины в моем саду, у тебя здесь есть своя комната.

- Ну, тогда, ладно. Я пойду, приму душ и...

- Ужин через час. Ты спустишься?

- Спущусь, но о серьезных вещах разговаривать мы не будем.

- Лиза, посмотри на меня, - в голосе Нарвица послышались стальные нотки. - Ты плохо себя чувствуешь? Я могу позвонить своему врачу, он будет здесь через полчаса.

- Не надо врача. У врача я была неделю назад. – Почувствовав страшную усталость, она стала подниматься наверх, в свою комнату.

Рупет принес чемоданы.

- С ней что-то случилось, - констатировал Нарвиц.

- Случаться может не только плохое, но и хорошее. – Держа в каждой руке по чемодану, Руперт направился к лестнице. На плече у него висела тяжелая папка с рисунками.

Нарвиц долго смотрел им вслед. Не хотел, не хотел он пускать женщину в свою жизнь и, вот, пустил. А теперь, черт подери, счастлив, потому что она вернулась, потому что жива и здорова, и пусть молчит, сколько хочет, лишь бы была. Сам факт ее существования был источником энергии для него.

Прошло два дня. Лиза почти не выходила из своей комнаты. Она ела в кровати, потом спала, потом опять ела и опять спала. Однако сон и еда не приносили ей ни успокоения, ни отдыха. Она постоянно видела сны и главной героиней ее снов была ее мать – Александра.

Вчера ей приснилось, что она ехала к морю на автобусе, полного незнакомых людей. Они были шумной и глупой компанией. Если всю следующую неделю ей придется провести среди этих людей, то никакое море ей не нужно! Лиза решила вернуться домой. Купив обратный билет на самолет, она пришла за своим чемоданом, который оставила в багажнике автобуса. Но его там не оказалось. После долгих поисков, ей объявили, что чемодан был отдан некой женщине и, прямо сейчас, она выбирает понравившиеся ей платья. Почему этот чемодан был так важен? Ведь можно было бы его бросить и спокойно улететь. Однако во сне Лизе зналось, что чемодан был невероятно важен для нее – в нем находилось не только то, что она собрала для поездки, но и все, что она вообще имела в жизни. Ей было страшно обидно, она старалась вырваться из капкана несправедливости и беспомощности, когда опять кто-то решал за нее, а она не могла повлиять на ход событий. Наконец, ей принесли чемодан, но он оказался пуст, за исключением одного белого костюма – он был испачкан сажей и покрыт кусками льда. Откуда он взялся в ее чемодане, ведь она не брала его в эту поездку? Она была в этом костюме в тот день, когда состоялась ее помолвка с Адамом. После исчезновения Адама, она от него избавилась.

Тут появилась Александра, прекрасно выглядевшая, причесанная, с румянцем на щеках, одетая в широченный коричневый балахон из бархата. Она сказала, что чемодан был у нее. Она присвоила все вещи своей дочери в отместку за то, что та выкинула ее одежду.

- Я сделала это, потому что ты умерла! Но как ты могла поступить так с моими вещами, ведь я еще жива?! – орала Лиза.

- Ну, поскольку ты избавилась от моей одежды, я буду носить твои платья и костюмы. Надо же мне в чем-то ходить.

Лиза была в ярости, ей казалось, что ее мать присвоила не только содержимое ее чемодана, но и ее жизнь, и теперь будет делать с ней все, что захочет.

- Впрочем, я тебе оставила один костюм, - сказала Александра.

- Мне не нужен этот костюм, его больше нет!

- Нужен. Скоро тебе предстоит снова встретиться со смертью.

- С чьей смертью? – Лизе очень надо было знать, кто именно умрет. Если Александра предсказывает кому-то смерть, этот человек наверняка ей дорог.

Ответа она не получила. Ее мать заговорила с проходившей мимо женщиной, как будто Лиза перестала существовать. Невыносимо было пережить во сне еще и эту привычку Александры, когда ее мать делала вид, что не замечает ее.

Лиза плохо переносила такие сны. Она не могла контролировать визиты своей покойной мамы в свои сновидения, а та посещала их гораздо чаще, чем хотелось бы. Каждый раз Александра или предавала свою дочь, или причиняла ей боль, или, как сейчас, вселяла в нее страх.

Почему же ей все-таки приснился этот сон? Чью смерть напророчила покойница и причем тут одежда из чемодана? Лиза взяла Дневник и написала следующее: «Мне снятся сны... Я обижаюсь на свои сны – мне кажется, что снятся они мне незаслуженно. Мне часто снится, что меня предают. Мне редко снятся хорошие сны.

Александра снится мне почти каждую ночь, изнуря меня кошмарами. Во снах ситуация представляется оголенной, не такой, как в жизни, когда она была скрашена необходимостью общения, дочерним долгом и ее неискренней, вымученной вежливостью.

...Твоя смерть касалась тебя, она не была моей виной, ко мне тоже придет смерть. Ты не была одной из немногих, так безжалостно и несправедливо наказанных. Мы все наказуемы и будем наказаны каждый в свой час.

Я знаю, ты никогда меня не любила, как не любила никого. Я была твоим единственным спасением, поскольку оплачивала твои лекарства, врачей и процедуры, а позже и женщин, которые убирали и готовили, и которых ты постоянно выгоняла. Извини, что я не разделила твоей смерти. Я сделала это сознательно.

Давай простим друг друга и разойдемся. Я не хочу, чтобы ты приходила ко мне во снах. Не мучай меня напоминанием о своей нелюбви. Будь там, где ты есть. Я хочу жить и буду жить. Без тебя. Без вины. Ты не сможешь отобрать у меня оставшиеся мне годы».

Отложив Дневник, Лиза вышла в сад и села в кресло у каменного стола. Приближалась середина февраля. Было одновременно тепло и зябко. Вся поляна вокруг стола была покрыта фиалками. Четыре года тому назад, она стояла здесь с мольбертом и рисовала эту фиалковую поляну. Предстояла выставка и ей хотелось добавить к своей коллекции что-то в стиле Моне. По вечерам, в гостиной, где пылал огонь в камине, она писала портрет Эдмунда. Сколько воды утекло с тех пор, сколько всего произошло и что ждет впереди? Знать бы... Лиза не боялась несчастий, слишком долго она прожила, барахтаясь в них и противостоя им. Счастье ее тоже не пугало, поскольку она знала, что счастье недолговечно и, рано или поздно, с ним придется распрощаться. Счастье не стоит принимать всерьез, так, насладиться моментом и, как ветреного любовника, без сожалений отпустить. Единственное, что страшило Лизу, это оказаться в плену обыденности.

Нарвиц наблюдал за ней из окна – видно, пришло время им поговорить. Из своего кабинета он проехал в своем кресле в лифт, оттуда – в холл, затем по настилу вниз по ступенькам и, последний отрезок – по дорожке, покрытой терракотовым кирпичом, к ней. Оказавшись рядом, он не торопился заговорить. Между ними не стояла любовная близость или рутина семейной жизни. Это означало, что между ними не было измен, обид, подозрений и недоговоренностей. Между ними также не было тайн. Их близость была духовной и, поэтому глубокой и несуетной. Они могли долго быть рядом и молчать. Неудобства это молчание не доставляло, поскольку оба умели думать вслух. Лиза прервала молчание первой.

- Я должна тебе кое-что сказать. Кое-что важное, но сначала давай поговорим о другом. Последние два года меня стало посещать странное чувство. Это чувство трудно описать. Я пыталась сформулировать мои ощущения по-английски, но *overwhelming sadness* не совсем то. По-русски «всепоглощающей тоски» тоже как-то маловато для того, что я чувствую. Чехов описывал нечто схожее: «это чувство

страшного одиночества, когда вам кажется, что во всей вселенной, темной и бесформенной, существуете только вы одни. Ощущение гордое, демоническое...» Это чувство больше меня самой, оно не происходит из ума, оно также не происходит из души, оно всегда появляется извне. Холодная, серая, невыразимая тоска до тошноты, обволакивающая как густой и липкий туман. Чувство, что все исчезает, что ничего не останется, ни людей, ни природы, ни солнца, ни тепла. Чувство бесповоротного конца, когда ничего уже нет, а себя видишь со стороны, причем всегда одинаково – сидящей на обрубке старого, высохшего, чудом уцелевшего ствола от уже не существующего дерева, посреди холодной и серой пустыни. Вокруг ничего и никого. Это чувство – всегда очень сильное эмоциональное потрясение. Непрошенной посетитель, нежеланный гость. Раньше ведь тоже были чувства – сильные и всепоглощающие. Чувство влюбленности, например. Теплое, искрящееся, счастливое, недолговечное. Как первых два глотка шампанского. Чувство ошеломляющее, как будто все тебе под силу. Я люблю, значит, могу поспорить с самим Богом! Но это совсем другое, оно тянет в бездну и поет заунывную песню.

- Ты познакомилась с ощущением смерти. – Спокойно ответил Нарвиц. – Она пришла и встала за твоим плечом, но не беспокойся. Она еще долго не тронет тебя, просто будет напоминать о себе.

- Когда умерла моя мать, я почувствовала облегчение. Свободу. Два зимних месяца в Киеве были наполнены слезами, горем, нерадостными хлопотами, но и освобождением. Мне казалось, что с моих рук и ног упали оковы. Больше не будет телефонных звонков с ее молчанием и укоряющими вздохами, но, главное, я избавилась от ее нелюбви ко мне. Эту нелюбовь собственной матери мне всегда трудно было выносить. Ты не против, если мы поговорим о смерти?

- Давай поговорим, – согласился фон Нарвиц. – Человек смертен, это аксиома. Беда в том, что иногда он внезапно смертен.

- Читал «Мастера и Маргариту»? – слегка улыбнулась Лиза.

- Читал. Еще одна попытка живописать смерть. Могу процитировать тебе Томаса Манна, который говорил, что, едва родившись, человек попадает в узилище, в тюрьму – везде оковы, стены! «Сквозь зарешетчатые окна своей индивидуальности человек безнадежно смотрит на крепостные валы внешних обстоятельств, куда смерть не призвет его к возвращению на родину, к свободе... А наш организм? Слепая, неосмысленная, жалкая вспышка борющейся воли. Лучше было бы этой воле свободно парить в ночи, не ограниченной пространством и временем, чем томиться в узилище, скудно освещенном мерцающим, дрожащим огоньком интеллекта»... Кажется, именно так он понимал смерть – как избавление.

- Отец рода человеческого, пославший на Землю сына своего, чтобы он пострадал за нас, в день Страшного Суда дарует всем праведникам, приползшим к его престолу, беспечную вечную жизнь...

- Все праведники восстанут из праха? Ты веришь в это? – Нарвиц с интересом воззрелся на Лизу.

- Это довольно сомнительная история, требующая не понимания, а слепой веры.

- Слишком много загадок угнетают людей во время их бранных жизней. Все, что человек не понимает, окутано для него тайной. Непонятное возбуждает. На этом зиждется вера.

- Но так ли это будет? – взволнованно спросила Лиза. – Возможно ли, чтобы душа сразу, после смерти, вознеслась на Небеса, тут же окунувшись в безбрежные воды Божьей любви? Или благодать снизойдет только с воскресением плоти? Тот первый, кто пустил в мир легенду об Иисусе Христе, имел в виду совсем не искупление грехов и муки, принятые за человечество, а воскресение плоти.

Христа использовали, сделали из него наглядное пособие для верующих – вот так будет и с вами, если вы придете в церковь к попам. Людям надо было пообещать, что они умирают не навсегда, а только до той поры, пока Отец небесный не придет на Землю своего сына во второй раз, решив, что настал подходящий момент для воскрешения праведников. Мы – в руках Господа и воля наша никакой роли не играет, но надежда, все же есть.

- Это образчик раннего популизма. В наше время все политики взяли ее на вооружение – пообещать и не сделать. Сказать, то, что хочет услышать народ, у которого множество проблем, забот и которого преследует страх смерти.

- Но, если верить в бессмертие души и в то, что она возносится куда-то там, - продолжала Лиза, - что она делает потом? Где-то складывается как использованный инвентарь или вселяется в другие тела, отработавшая свою карму, преодолевая свой путь к совершенству? Если душа побывала во многих телах, то о воскрешении какой именно плоти идет речь? Первой или последней? Если же она в другие тела не вселяется и послушно ждет часа X, чтобы впорхнуть в свою единственную плоть, то где именно она ждет, в какой форме или в каком состоянии? Кто сотворяет души?

Пока Лиза все это говорила, Нарвиц от души смеялся.

- Да, твоя очередная попытка упорядочить свое отношение с вечностью опять не увенчалась успехом, - заметил он, все еще смеясь.

- Как можно не бояться смерти и верить в жизнь после смерти или в перерождение, если не помнишь себя прежнюю, не помнишь, что жила? Что уже была? – настаивала Лиза. – Почему высшие силы, сами бессмертные, лишают нас возможности помнить о себе прежних? И в новом облики, хотя бы прийти и погоревать на могилке своего использованного и уже истлевшего тела. Раз это была когда-то я, я бы принесла цветы, поставила свечку или что там еще полагается... Если бы мы могли помнить себя в прошлых жизнях, нам было бы легче пережить смерть. Она бы представлялась нам не бесповоротным финалом, а была бы всего лишь переселением в другую плоть. Но нет, мы ничего не помним, ни о чем не догадываемся, ничего не знаем – истина остается для нас сокрытой. А сама жизнь-то как коротка – кто это сказал? – только познакомишься с самим собой и уже пора. Мы пытаемся успокоить себя мифами о загробной жизни, но они как-то не успокаивают.

- После смерти душа очищается до полного забвения, превращаясь в переформатированный диск со стертой информацией. Позади и впереди нашей короткой жизни, похожей на вспышку, тьма, бездонная тьма и колоссальный, не поддающийся восстановлению, провал памяти. – Нарвиц немного помолчал. – Мы не знаем, куда мы уходим и откуда приходим вновь. Это незнание делает нас, людей, беспомощными и несовершенными.

- Что же тогда от нас хотят? – почти закричала Лиза, не выносившая несправедливости. – Если бы мы могли аккумулировать опыт прежних своих жизней, мы жили бы осознанней, более продуктивно, менее грешно и более ответственно.

- Аминь. Почему ты так боишься смерти? – спросил Нарвиц.

- Я же тебе говорю – страшно, что душа расстанется с телом. Столько лет были одним целым. Тело сгниет, что будет с душой – неизвестно. Смерть их разделит, тебя самого этим уничтожит. Разум, не желающий угасать, тоже умрет. Страшно то, что со смертью, ты, как человек с определенным характером, привязанностями, мыслями, знаниями, любовью или любовями, семьей и своей жизнью, которую ты сделал и за которую страдал, исчезаешь навсегда. А разве ты не боишься смерти?

- Я боюсь смерти по другой причине, - Нарвиц впервые был готов открыть свою душу другому человеку. – Что за важность, если я исчезну? Кем я был? Мне страшно потерять любовь. Или, правильнее сказать, променять людскую любовь на божью... Когда мы умираем, мы вдруг видим свет и чувствуем небывалую радость, поскольку, как нас уверяют, мы наполняемся божьей любовью. И тут наступает момент, когда наша душа отрывается от любви земной, забывая единственно любимых родителей, супругов и детей. За что такая жестокость? Как одна любовь, невиданная нами и незнакомая нам, пусть превышающая по силе в сотни раз нашу земную, может, вдруг, лишит душу памяти, привязанностей и той любви, за которую на Земле мы порой готовы отдать нашу жизнь? Я не готов променять наш земной рай и ад, тех, кого люблю, то, чем живу, мои страсти и мои страдания на незнакомое мне небесное блаженство. Вот почему я боюсь умирать.

- Зачем нам дано осознание того, что с каждым прошедшим днем, мы приближаемся к смерти? Чтобы лучше использовать отпущенное нам время или чтобы бояться? Является ли наказанием смерть близкого и любимого человека? А если умирает ребенок?

- Тот факт, что с началом пробуждения в нас разума, мы каждый день преодолеваем в себе страх смерти, есть Ад. Это несомненно. Но вот что – мы же разумные существа, которые каждый день вокруг себя видят смерти других. Нам никто не вкладывал понятие конечности нашей жизни. Вероятно, первый разумный человек не знал, что умрет, но когда увидел, как умер тот, кто делил с ним пещеру, до него дошло, что он тоже умрет. Мы знаем, что умрем, потому что видим, как умирают другие. Животные не знают, что их ждет смерть, ибо их мозг не настолько развит, однако даже они предчувствуют смерть – свою и чужую. Смерть родного человека, и, особенно ребенка – большое горе, но не наказание. Это испытание и очищение. После такого горя становишься лучше. Горе очищает, смывает с тебя всю спесь и всю суету.

- Толстой, у которого дети умирали, в таких случаях говорил: «Господь посетил». Но тебе не кажется, что смерть ребенка слишком большая плата за чье-то очищение?

- Согласен, но я не знаю, как еще объяснить бессмысленные смерти детей. Зачем умирают дети? Их досрочно изымают, чтобы спасти из земного Ада? Причины мне неизвестны. Другое дело – когда уходят родители. Мы горюем, нам очень жаль, только вот кого жалко – их или себя? Эгоистично жалко себя. Мы плачем, вспоминая их, отстрадавших и отрадовавшихся. На самом деле, мы не их жалеем, мы жалеем себя, оставшихся без опеки, без любви, а, главное, без того барьера, что в виде старшего поколения высится стеной между нами и смертью. Их самих мы не знали, мы не жили их жизнями, мы знали всего лишь факты из их жизней, но мы вспоминаем себя рядом с ними и жалеем, прежде всего, себя.

Оба замолчали. Их разговор был не чем иным, как попыткой осмыслить смерть и объяснить высшую жестокость и высшую несправедливость, а именно: смерти детей и такой короткий срок человеческой жизни на Земле.

- Жизнь должна длиться дольше, тогда хорошие люди успеют сделать больше хороших дел.

Лиза встала и пошла на поляну с фиалками. Встав на колени, она вдруг распласталась на земле лицом вниз, как католические священники распластываются перед крестом. Отвернувшись от неба, она припала к земле. Спрятав лицо в зарослях фиалок, она полной грудью вдохнула запах весенней земли. Как хорошо пахнет земля! Чуть свежеспеченным хлебом, чуть свежестью – есть ли у свежести запах? – чуть горьковатым соком корней.

- Плохие тоже не упустят своего шанса. Ты не хочешь позвонить Джорджу? – вдруг спросил Нарвиц.

- Нет. – Ее голос прозвучал неясно и приглушенно.

- Он не будет волноваться?

- Не будет, - поднявшись и сев посреди фиалок, Лиза начала аккуратно срывать цветки и листья. – Джордж никогда не волнуется. Он просто ждет. Рано или поздно ожидание прерывается хорошими или плохими новостями. Тогда он их принимает, по-разному реагируя на них. Волноваться заранее бессмысленно.

- Тоже философия, но, когда волнуешься, как ты говоришь, заранее, можно повлиять на ситуацию и предотвратить плохое. Ты мне обещала сказать что-то важное.

- Сейчас, только с духом соберусь. – Лиза положила букетик сорванных фиалок на стол. – Я жду ребенка.

Нарвиц сделал странное движение – он попытался встать с кресла. Непроизвольный порыв, который, в момент эмоционального напряжения, он не мог контролировать.

Немного успокоившись, еле сдерживая радостную дрожь в голосе, он сказал:

- Прежде, чем мы перейдем к деталям, хочу задать тебе один-единственный вопрос: ты рада или это нежеланный ребенок?

- Я очень рада, - ответила Лиза.

- Господи, а как я рад! Ты представить не можешь... Ну, ладно. Нет, я не верю, не могу поверить, что такое счастье случилось с нами. – Тыльной стороной ладони Эдмунд неуклюже смахнул несколько появившихся слезинок.

- Еще не случилось. Случится в конце августа.

- Ну да, ну да... Нет, уже случилось. – В голове у Нарвица приятно затеплились мысли. – Ладно, какая разница, когда я тебе это скажу, сейчас очень даже подходящий момент.

Эдмунд некоторое время помолчал, желая скрыть свое замешательство.

- Ты знаешь, что у меня нет ни семьи, ни детей. Что будет, когда я умру? Мои далекие родственники, которые не хотели меня знать после того, как со мной случилось несчастье, выстроятся в длинную очередь за наследством. Они, как шакалы, набросятся на мою империю и издерут ее в клочья. Потом все профукают. То, что я создал, нельзя делить. Все, как есть, должно достаться одному человеку. Я решил – тебе.

Лиза могла бы задать банальный, но очень уместный вопрос – «а меня ты спросил?», но делать этого не стала. Напротив, когда она заговорила, в ее голосе звучала любовь.

- Пять лет я безуспешно занималась бизнесом с Джорджем. Потом я решила что-то предпринять самостоятельно и добилась успеха, однако, на самом взлете, Бог послал мне Адама, который разметал все в прах. Затем Господь привел меня сюда, в Грецию, и, сохраняя мой рассудок, заставил взять в руки сначала карандаш, а потом кисть. Ты умный человек, Эдмунд, скажи, что мне не стоит опять перечить своему Богу. Тому, кто ведет меня избранной им дорогой, надеюсь, что я, наконец, поняла, в чем мое призвание. Я счастлива, когда рисую и думаю. Я не хочу заниматься бизнесом, а, тем более, возглавлять созданного тобой «монстра». Ты преуспел, ты молодец, это было и есть твоим призванием, но не моим. Я же не предлагаю тебя писать картины. Тебе был послан талант делать дела и зарабатывать деньги, у меня дар другого рода. Ты ведь понимаешь...

- Тебе ничего не надо будет делать. Мои директора и юристы будут все контролировать. – Нарвиц напрягся и замкнулся.

- А мне надо будет контролировать всю эту армию директоров и юристов, как ты это делаешь сейчас. Нет, Эдмунд, можешь обижаться, но против Бога я не больше не пойду. Я уже не мадам Бовари, которой я была раньше. Я больше не добиваюсь от жизни того, что она не может мне дать. Я больше не бросаю вызовов богам. Мне больше не нужно бежать в дальние края, спасая свою жизнь, как не нужно искать любовь. Я познала жизнь и опьянение страстями, теперь я хочу просто жить. Мое воображение занято картинами, оно больше не заставляет меня преодолевать новые вершины. Я наслаждаюсь сложившейся вокруг меня действительностью. Знаешь, не хотеть большего – огромный компромисс с моим изобретательным духом и я его достигла.

- В таком случае, все унаследует твой ребенок. – Не сдавался фон Нарвиц.

- Стефания? – улыбнулась Лиза и произвольно положила руку на свой живот.

- Стефания? Откуда ты знаешь, что будет девочка? А, если мальчик?

- У меня родится девочка.

- Ну что ж, она родится наследницей.

Лиза смотрела на фон Нарвица, глаза ее смеялись.

- Тогда, Эдмунд, тебе придется сосредоточиться и продержаться еще, как минимум, четверть века. Кто, кроме тебя, ее воспитает и обучит? Самое время начать переговоры с той дамой, что стоит у тебя за левым плечом.

- Будем жить, Елизавета! Есть цель, есть радость, есть любовь, есть средства, что еще надо? Сегодня вечером будем праздновать. Руперт!

Лиза ушла в свою комнату, чтобы привести себя в порядок к ужину, а Руперт помогал фон Нарвицу одеваться в его спальне.

- Руперт, дорогой, огромная и счастливая новость! У нас будет ребенок! – радостно возвестил фон Нарвиц.

- У всех сразу? – Руперт выбирал запонки к рубашке своего хозяина.

- Да, у всех сразу! В конце августа у Елизаветы родится девочка. Она уже придумала имя. Ее будут звать Стефания и она станет моей наследницей.

- Сэр, не делайте девочку несчастной, – Руперт помог фон Нарвицу просунуть руки в рукава пиджака.

- Руперт, в нашем измененном мире счастливое замужество не является больше приоритетом. Самое главное не замуж выскочить, а спасти планету и немного простых людей на ней. Тузы, что правят миром, сами спасутся и свой выродок спасут. А нам другое надо. Мы сразимся с этими тузами во имя человечества. Это главное, этим Стефания и займется.

- Был сын Божий, теперь дочь? – Руперт позволил себе улыбнуться.

- В сказки, Руперт, я не верю, – строго сказал фон Нарвиц. – Чтобы сбылось то, что мы задумали, надо жить и работать. А сейчас вези меня праздновать!

Глава 38.

Последнее воскресенье февраля.

*Что случилось? «Ничего не случилось, — жизнь случилась»
Марина Цветаева в письме Никодиму Плуцер-Сарна, 1918 год.*

Вернувшись под одну крышу с Джорджем, Лиза никак не могла решить – говорить ему или нет? Как только она скажет ему, что ждет ребенка, они расстанутся. А как же ее месть? Прошло больше двух лет, настало время решать, что делать дальше? Бросить его в один прекрасный день, не предупредив заранее, просто исчезнуть, заставив его испытать такие же страдания, какие испытывала она, когда любила его – этот план трещал по швам. И, прежде всего, потому, что Джордж страдать не будет. Было так, теперь будет иначе, было хорошо, теперь будет по-другому. Он вернется к своей жене, с которой благоразумно не развелся, без потерь перейдет свой Рубикон, ступив на тот отрезок жизни, откуда нет возврата. Где нет также будущего, одни только разочарования, присосавшиеся к сознанию, как холестеринные бляшки к стенкам кровеносных сосудов. Итак, сказать ему или не говорить? Какая разница, если месть все равно растворилась в ненужности? Впрочем, сказать нужно – Джорджу стоит знать, что под сердцем она носит его дитя.

В подобных размышлениях прошли две недели, которые не только изничтожили ее некогда твердую решимость отомстить, но и поселили ее душе сначала беспокойство, а потом неистовую тягу к переменам.

Она знала, что рано или поздно, житель ее внутренних чертогов опять заявит о себе и заставит ее содрать с себя кожу. Еще утром все было хорошо. Проснувшись с улыбкой от поцелуев Джорджа, она перечислила все плюсы своего теперешнего бытия. Прошлое за ней больше не гналось, над ее головой была крыша, в холодильнике – еда, а в ее душе и руках – недюжинный талант. В полчасе езды от их дома живет ее Учитель и друг – за ним она как за каменной спиной. Анна, если и не совсем здорова, крепится и живет. Игнат стал отцом и растит сына. У нее самой есть все, что нужно для того, чтобы работать и получать удовольствие от жизни. Шкуру менять еще рано, вернее, ее вообще не больше не надо менять, потому что и эта хороша, уютна и тепла. И хватит. От добра, добра не ищут.

После завтрака Джордж уехал в офис. Лиза сидела за столом на своей большой кухне и пила кофе. Обычно в сказках тут приходит старуха, просит воды и благодарит за заботу смертью, скрытой в налитом соком яблоке. Лиза зачем-то перевела взгляд на вазу с фруктами. Среди апельсинов лежала пара зеленых яблок. Не отрываясь, она смотрела на них, а на ухо ей уже кто-то шептал, что ее союз с Джорджем закончится так же, как и все предыдущие. Не помогут ни деньги, ни уют, ни безопасность, ни остатки любви, что тлеют в ее сердце, согревая ее тело, ни доводы здравого смысла. Все это совсем скоро превратится в свинью на столе.

Один небольшой рассказ, который она давным-давно прочла в каком-то журнале, занозой засел у нее в мозгу. Каждый раз, когда распахивались двери той клетки, где обитал ее ненасытный монстр, она вспоминала про свинью на столе. Итак, одна молодая женщина из бывшего соцлагеря жила со своей семьей в деревне. По утрам она вставала ни свет, ни заря, чтобы покормить свиней. Жизнь ее текла тоскливо и однообразно. Ее отец выкармливал свиней, осенью резал их, она и ее мать отправлялись в город, где продавали мясо на базаре. После этого отоваривались в городских магазинах нужными и ненужными вещами, а, вернувшись в деревню, закатывали пир. Это ежегодное разнообразие никак не меняло их жизнь к лучшему, дни продолжали течь своим чередом, грязно и как-то по-скотски. Женщина мечтала о любви. Ей было уже за тридцать, она засиделась в старых девах и свою нерастраченную любовь хотела отдать достойному человеку. Она мечтала увидеть другие страны, побывать в самых красивых местах и очень хотела вырваться из этого круговорота со свиньями, грязным хлевом и послеобеденными часами, когда, после сытного обеда, клонит ко сну. Иногда пробудишься после такого сна и хочется пойти и повеситься в сарае.

Однажды она познакомилась с одним пожилым немцем. Не то через бюро знакомств, не то через другую оказию, Лиза уже не помнила. У немца был дом, хозяйство и взрослые дети, но умерла жена и ему приспичило снова обзавестись хозяйкой. Дело сладилось и наша героиня переехала в чистый и пригожий пригород, в большой дом с землей, садом и красивой лужайкой перед домом. На этой лужайке стоял столик и несколько садовых кресел. Когда ее муж ввел свою молодую жену в дом и, заодно, в курс дел, она поняла, что завтра ей нужно будет встать в пять утра, чтобы покормить свиней. В воскресенье к ним приехали гости. Обед был сытный и всех потянуло вздремнуть. Женщина вышла из большого дома на лужайку, посмотрела на белый столик и увидела там довольно большую безделушку из глины. Это была свинья. Мораль? Порой, как ни рвись из «своей» реальности, она будет за тобой следовать и будет повсюду наступать тебе. Эта деревенская «мадам Бовари» оказалась там же, откуда ее гнало воображение и желание любить.

Лиза боялась монотонности счастливых дней. Боялась, что лицо ее оплывет, утратив признаки ума и выражение постоянной обеспокоенности. Ведь именно обеспокоенность не дает нам преждевременно состариться и умереть. Обеспокоенность за детей, за любимого, за родителей, за друзей, за животных, за цветок на веранде, который стал чахнуть, за все то, что творится вокруг. Она боялась, что ее тело округлится и потеряет тот эмоциональный надрыв, который так хорошо удавалось передать Микеланджело. Лица некоторых его моделей не видно, достаточно тела, чтобы понять всю сложную гамму чувств и страданий, переживаемых людьми на его фресках. Не только лицо, но и тело может радоваться и горевать, может быть равнодушным или злым, тело может быть счастливым или, разрывая путы, может рваться на свободу. Тело, способное жить чувствами, выглядит и двигается по-другому.

Сейчас ей надо бы прервать свои размышления, взять собаку и пойти с ней на прогулку. Наполнить легкие холодным воздухом и проветрить мозги, оставив пробудившегося в ней монстра дома, однако Лиза уже была в его власти. Ее воображение услужливо нарисовало ей тело со вздутыми жилами, рвущееся на свободу.

Она прекрасно понимала, что ей надо учиться жить спокойно. Не надо страшиться размеренной жизни, тикающей как отменно отлаженный часовой механизм. Тикающей к смерти. Надо принять то, что ей предлагает жизнь: дни, наполненные радостью и грустью, потерями и приобретениями, рассветами и закатами. Что там она намедни проповедовала фон Нарвицу про компромисс со своим изобретательным духом? Кого она пыталась обмануть? Себя или его?

Почему ей не достаточно картин, ведь каждый раз, когда она берет кисти, она проживает другую жизнь, полную творческих метаний и свершений...

Но в том-то и дело, что ей не свершений хотелось, ей нужна была борьба. За что же бороться, Лиза? Ведь ты счастлива...

- За другое счастье, - вслух сказала она.

Возможно все дело в том, что целыми днями она была предоставлена самой себе и своим раздумьям? Настанет весна, она вынесет свой мольберт в сад, и будет писать розы, как когда-то Василий писал розы в их Измаильском саду. Ее фантазия улетит далеко-далеко, но потом обязательно вернется с новыми историями, ее тело оживет и подтянется от пережитых ее духом приключений. И все, что она увидит, ляжет аллегориями на холст.

Все это весной, а сейчас зима – серая и дождливая. Уютное гнездо душит, а теплое и мягкое тело болит тоской. Жизнь стала душной, как комната без окон.

Нет, нет, нет! Она должна измениться и только после этого снова посмотреть на жизнь уже другими, новыми глазами. Если монстр внутри ее проснулся, ей надо приказывать ему исчезнуть, снова загнав его в клетку. Она должна быть той, что говорит мягко и вкрадчиво, той, что бесконечно благодарна за все подарки, полученные от судьбы. Она должна оставаться женщиной исключительного такта, деликатной, осторожной и чуткой. В конце концов, то, что у нее сейчас есть – это сама жизнь, а ведь еще совсем недавно она не была уверена даже в том, что сумеет сохранить свою жизнь. И теперь, когда все наладилось, разве можно разбрасываться тем, что есть? Ведь завтра смерть будет на один день ближе.

Почему те обеды с Джорджем шесть лет тому назад, были такими нужными? Она их ждала, они ее возбуждали, она к ним готовилась. Каждое слово имело смысл, не сказать его было невозможно, чувства были оголены, реагируя остро и глубоко на все происходящее. Их встречи будили разум, который потом долго не мог заснуть. Почему же сейчас многие слова кажутся ненужными? Почему необычное лицо Джорджа уже не кажется красивым и одухотворенным, а его замечания стали поверхностными и неумными? Потому что тогда он и Бог действовали сообща – один разговаривал с ней, а другой заставил ее рисовать. Раз в неделю она, рискуя всем, убегала из опостылевшей квартиры, где обитал Мимис, к Джорджу. Тогда он был ее спасителем и со своей ролью справлялся. Сейчас он не спасает, сейчас он топит ее в созданном ими уюте.

Он так долго ждал... Ждал, когда его лошадка придет первой к финишу. Настал счастливый миг и он получил свой приз и взял лошадку под уздцы. Приз отяжелел ему руку, а гордость согрела ему душу. Он не хотел лошадку без приза, была ему не нужна. Она принесла ему обещанное и ожидаемое, только теперь лошадка вот-вот взбрыкнется и убежит от него.

- Я так долго хотела иметь все, что имею сейчас, что мне это больше не нужно! До мельчайших подробностей я видела все это тысячи раз в своих мечтах. Я ведь знала, что именно нужно мне и чего хочет он. И вот, настал финал сказки: герои долго боролись, страдали и преодолевали и, наконец, получили то, что хотели. Разве счастливый финал не наказание?

После счастливого конца происходит обычно или катастрофа или метаморфоза. Сначала она услышит шепоток монстра, потом она родит из себя ту часть жизни, которая закончилась, после чего она начнет существовать отдельно от нее. Если подумать, то целые отрезки ее жизни носили имена мужчин – Алексей, Мимис, Джордж, Адам... Освободившись и почувствовав внутри себя пустоту, она облегченно вздохнет. Эту пустоту можно заполнить новой, другой жизнью. Вокруг нее будут в очередной раз лежать руины, кто-то неминуемо пострадает, ей самой тоже будет не легко. Она сорвет с себя кожу, причинив себе боль, но эта боль вернет ее к жизни. Как раз то, что ей нужно. Перемены, перемены – неизбежные и освежающие. Снова строить планы, надеяться, смеяться, обниматься и обустраивать новый дом, даже, если он окажется продуваемым всеми ветрами маленьким домиком на острове.

Лиза знала, что была эгоисткой и лицедейкой. Она упрямо сопротивлялась тому, что от нее ждали и просили – пожертвовать собой, положив свою жизнь на алтарь чужих судеб. Александра даже не просила, а требовала этого от нее! Она же хотела прожить свою жизнь, просто никого не обижая. Если это невозможно, в чем ее вина? Сколько непонимания, злости и зависти люди выплеснули ей в душу! Она справилась и они справятся. Да, она умела манипулировать людьми, иногда приманивая и приголубивая их, иногда бросая в их сторону золотую пыль, приручая их очарованием своих хорошо продуманных планов.

Взглянув снова на вазу с фруктами, Лиза поняла, что никто ее уже не остановит. Кто посмеет? У кого хватит воображения и упрямства превратить эту изумительную особь женского пола, временами такую непонятную и даже непостижимую, в обыкновенную женщину?

На следующий день Лиза проснулась рано. Приоткрыв глаза, она вспомнила, что было воскресенье и что вчера, в субботу, у них с Джорджем состоялся разговор.

Повернув голову, она увидела, что рядом с ней никого нет. Джордж проснулся раньше ее и, скорей всего, пошел гулять с собакой. Когда он вернется, они будут завтракать и решать, как проведут день. Как они могут его провести, если вчера ни один из них не захотел продолжать совместную жизнь так, как видел ее другой? Вчера вечером она просто сказала ему:

- Я жду ребенка.

Она не задерживала дыхания, как полагается в таких случаях, ожидая удивления, радости и объятий. Впрочем, она не ждала и такого категорического неприятия. Джордж некоторое время смотрел на нее молча, сверля ее тяжелым взглядом снизу вверх из-под своих широких бровей, разлетающихся к вискам, как крылья у птицы.

- И? – наконец произнес он.

- Разве должно быть «и»? Я предвидела твою реакцию, потому что прекрасно знаю, что ты по этому поводу думаешь. Судя по всему, ты не изменил своего отношения, а я не изменила своего. Поэтому, что бы ты ни сказал сейчас, ребенка я оставлю.

Лицо Джорджа превратилось в кусок камня.

- Ну, скажи мне, - примирительно заговорила она снова, - почему любовь не может быть настолько большой, чтобы заставить человека забыть все его дурацкие принципы, доводы и опасения? Почему не принять ребенка как господний дар даже в этом возрасте? Чего ты так боишься? Что над тобой будут смеяться?

- Решение иметь или не иметь ребенка, оставить его или нет, мы должны были принять вдвоем.

- Вот мы и приняли его вдвоем. Только наши с тобой решения – разные.

- Лиза, ты же понимаешь, что когда нашему ребенку придет время выпускаться из колледжа, меня, возможно, уже в живых не будет. Я не смогу помочь ему или ей встать на ноги. Нашему ребенку придется хоронить меня.

- Все дети хоронят своих родителей. Ты не исключение. – Лиза подумала, что не хочет хоронить Джорджа. Ей хватило похорон Мимиса, а сюда слетятся все бывшие любовницы и внебрачные дети. Она вздрогнула. – Во-первых, ты можешь оказаться долгожителем. Дети, между прочим, продлевают жизнь, - она ласково дотронулась до его плеча. – Во-вторых, я еще не буду старой. Да и тебе будет всего лишь немногим более семидесяти. Это не возраст, Джордж. Ты просто не хочешь менять свою жизнь. У тебя все это уже было.

- У тебя тоже все это уже было. У тебя есть Игнат.

- Игнат... Да, у меня есть Игнат, но, если у меня есть Игнат, почему у меня не может быть еще и Стефании? Что это за правила такие?

Узкие губы Джорджа искривились в горькой усмешке – если она так настаивает и радуется своей беременности, не выбрала ли она уже наставника своему чаду? Нарвиц наверняка уже в курсе и, небось, радуется, представляя кем-то вроде отца. Он научит ребенка всему, чему надо, вложит в него частичку своей гребанной мудрости. Сам он прекрасно знает, как хорошо провести время, но с мудростью не дружит. Через двадцать лет он точно также будет знать, где можно вкусно пообедать и выпить хорошего вина, но не будет знать, как ответить на трудные вопросы. А еще ему придется согласиться с тем, что образование их ребенок

получит на деньги Лизы. Его заработка на очередного отпрыска просто не хватит. Джордж молчал.

- Давай не будем больше об этом говорить, - предложила Лиза. - Этот разговор не о ребенке. Этот разговор о нас с тобой, а о нас с тобой мы поговорим завтра.

То есть сегодня. Все еще лежа в постели, она вспомнила, как много лет назад, в свою бытность переводчицей, она повезла одного из своих туристов в Ботанический сад. Когда это было? Лет шестнадцать тому назад? Его звали Павлос, он предложил помочь ей уехать из Союза, они разговорились о жизни и она сказала ему, что хочет родить второго ребенка в самом лучшем роддоме, чтобы рядом были родные люди, чтобы было полно игрушек-погремушек, и чтобы за руку ее держал любимый мужчина. Видно, на этот раз опять рожать придется одной.

Гуляя с собакой, Джордж размышлял о вчерашнем разговоре. Он знал, что временами Лиза может быть ужасно упрямой и неуправляемой. Иногда ему казалось, что некоторые ее решения даже не были ее собственными, а были навязаны ей извне, однако эти решения так быстро и глубоко пускали корни в ее сознании, что их ничем нельзя было выкорчевать оттуда. Доводы не помогали. Логика была бессильна. Она не просто доверяла себе, но и любила себя. В конце концов, после всех своих несчастных любовий, она научилась любить себя и свой талант. Это была уже не та Лиза, что без ума любила его и с таким упоением постигала науку в его школе любви. Сейчас она стала другой – умной, уверенной, сильной, состоявшейся. Период ее становления прошел и был завершён фон Нарвицем. Если бы она не встретила Эдмунда, она, возможно, осталась бы прежней Лизой – любящей, преданной, теплой, улыбчивой, восприимчивой, обидчивой и немного трусихой. Нарвиц превратил ее в человека, уверенного в себе. Он одел ее в панцирь, он ответил на все ее вопросы. Она часто говорила Джорджу, что ей нужен Учитель. Сам он для этой роли не годился. Не задумываясь над вечными вопросами, он не искал истины. Джордж хотел разделить с ней ее скромную известность в ограниченных кругах знатоков и любителей искусства – на большее он не замахивался. Балую ее маленькими удовольствиями, он участвовал в их общей хорошей жизни, однако ее предпочтения изменились. Размышления и свершения стали ее удовольствиями. Секс становился все менее важным.

Она теперешняя ему не по зубам. Но, обучив ее любви, разве он не стал тоже ее Учителем, только его наука дает уладу телу, а не разуму. Однако тело дряхлеет и будет все чаще подводить, кроме того, ученица уже давно превзошла учителя. Если бы только в ее жизни не было Нарвица... Но он был, ее ненавязчивая, но очень могущественная опора.

В ее теперешнем характере было много неприятного для Джорджа. Он уже не был ее идолом и самым любимым мужчиной. Он был... А кем он был для нее? Она продает свои картины, ее друг фон Нарвиц, который подчеркнуто холодно относится к Джорджу, помогает ей продавать ее холсты и получать новые заказы. Не так давно она закончила два больших прекрасных панно, на которых были изображены арабские скакуны. Этот заказ пришел из Дубая, где недавно открылась еще одна роскошная гостиница. Ее панно будут висеть в холле, где каждый сможет полюбоваться ими и оценить ее талант. Зачем он ей нужен? Неужели она до сих пор любит его? Так почему бы ему не уступить? Если она так хочет этого ребенка, почему не сделать ее счастливой, почему не подарить ей радость в обмен на ее любовь и ее деньги?

Нет, он не мог. Когда он был мальчишкой, его отец был уже стар. Или тогда ему казалось, что он был стар. Ему было стыдно, что его отец не играл с ним, не возил

его к морю, не ходил с ним в горы, не приходил в школу на встречу с учителями. Он вообще не принимал никакого участия в его воспитании. Джордж мечтал о молодом и энергичном отце, который стал бы его другом, которому можно было бы доверить проблемы, тайны и первые любовные победы, с которым можно было бы сыграть в футбол или в волейбол на пляже. Но для этого же есть друзья! Возможно, ему совсем не этого хотелось от отца. Он был не до конца честен с самим собой. На самом деле, ему хотелось, чтобы его отец был жив, когда он вставал на ноги. Ему хотелось знать, что рядом есть опора, стена, в тени которой всегда можно спрятаться и передохнуть от усилий и напряжения, связанных с возмужанием. Ему нужна была поддержка, ему надо было знать, что отец поможет не только советом, но и деньгами, как это было в семьях его товарищей. Он был лишен такой поддержки. Его поддерживала мать, но этого было недостаточно. И вот теперь Лиза предлагает ему повторить все то, что он уже прожил. У его сына или дочери не будет отца, чтобы поддержать его и ободрить, но будет мать – сильная и волевая. Нет, он не хотел быть глубоким стариком, когда его ребенку исполнится двадцать. Он не хотел умереть, прежде, чем тот перестанет нуждаться в нем...

Когда они встретились, она была в него влюблена, да и он отвечал ей взаимностью. Искренняя любовь этого простодушного создания была ему внове. Такая любовь была непривычна для него, льстила его самолюбию и будила в нем чувственность. Не желая потерять ее, он лгал ей, обещая жизнь вдвоем. Тогда он не мог бросить своих дочерей, которые были подростками и нуждались в отце. Во всяком случае, он думал, что был им нужен. Он кормил ее пустыми обещаниями, саботировал все ее начинания, не давая заработать копейку. Он обрубал все ее мечты и потуги достичь успеха. Пришло время и она все поняла. Можно ли его после такого любить?

Полноте, разве она любит его? Джордж не верил в ее любовь и в этом неверии крылась настоящая причина его нежелания иметь ребенка. Но, если бы он сказал «да», она была бы ему благодарна и его старость прошла бы рядом с ней, рядом с их общим ребенком, без забот и волнений. Комфортно и счастливо. Почему же он отказывается? Потому, что женщина не может быть более значимой, чем он. В молодости его баловали богатые женщины, потом он основал фирму на деньги своей жены. Тогда он был молод и не брезговал подачками, сейчас – другое дело. В этом году ему стукнет пятьдесят пять, а он собирается подвязаться на вторых ролях. Он должен быть главным в доме или не быть вообще. Ее придатком он не будет, а рвать жилы для новых свершений уже поздно. Да и что он может противопоставить ее таланту? Талант продавать томатную пасту и оливковое масло?

Он ругал себя за то, что согласился на совместную жизнь с ней, недооценив Нарвица и его влияние на нее. Единственным оправданием ему служило заблуждение, что он уходил к той Лизе, которую знал и которую возил в отдаленные таверны от глаз подальше, где она выплакивала ему свою душу, будучи замужем за Мимисом. Ему казалось, что ее картины – это так, хобби, которое иногда будет приносить пару дополнительных монет в их общую домашнюю копилку. Она же стала по-настоящему знаменитой. Впрочем, даже не это его пугает. Его пугает она сама. Она знает себе цену и больше ему не ровня. Его Лизы больше нет. Нет, она не хвастается, не дерет нос, не выпендривается и не капризничает. Она просто знает, чего хочет, а он все больше выглядит ее содержанкой.

Они прожили вместе больше двух лет. Под одной крышей с ней было потрясюще хорошо. Когда у нее получалось и она выходила из мастерской

счастливая и возбужденная, они занимались любовью, потом она готовила потрясающие ужины и, поглощая одну бутылку вина за другой, они могли сидеть за столом и болтать до самого утра. А прогулки с собакой? А дальние поездки? Лиза так и не научилась хорошо водить машину, но страшно любила, когда вел он. Они забирались в самые дальние уголки материковой Греции. На острова планировали поездки заранее и, каждый раз, это было все самое лучшее, что могло только быть.

Вернувшись домой, Джордж пошел сразу на кухню – надо было покормить пса. Лиза заваривала кофе и делала тосты. Она стояла к нему спиной, она еще не обернулась и не улыбнулась ему, еще не притворилась, что все хорошо и что все осталось по-прежнему, а он уже знал, что это их последний завтрак вдвоем. Чуда за прошедшую ночь не случилось, ничего не изменилось в нем и ничего не изменилось в ней. Она хочет жить дальше, а он не хочет повторять свою, уже прожитую жизнь.

Это было последнее воскресенье февраля. Холодное небо над серым морем. Зеленые островки сосен слегка оживляли пейзаж, но не изменяли его. Отсутствие красок предвещало отсутствие будущего. Это февральское утро подводило итог и убивало надежды.

В камине на кухне горел огонь, Джордж предусмотрительно развел его перед тем, как выгулять собаку. На большом блюде лежали апельсины и зеленые яблоки, в стеклянной вазочке стояли белые анемоны с синими серединками. Чашки, стаканы, тарелки, миски, ложки-поварешки, корзинки, разделочные доски – вся кухонная утварь была выбрана ими с большим вкусом и любовью. Еще один дом, который не состоялся. Еще одно гнездо, которое пришло время покинуть. Лиза повернулась и погладила пса. Его шерсть была холодной. Она поцеловала Джорджа. Его поцелуй был тоже холодным. Она почувствовала, что к ее горлу подкатывает тошнота.

- Так чем же мы займемся сегодня? – спросил Джордж. Отвернувшись, он насыпал собаке корм. – Там довольно холодно, но мы можем тепло одеться и поехать к морю. Найдем уютную таверну с камином и наедемся рыбы.

- Нет, я даже думать про рыбу не могу. – На самом деле, Лиза не могла думать о море. Ей будет нестерпимо больно вдыхать соленый воздух и думать о расставании. Сколько прекрасных дней и ночей было поведено у моря с бутылкой узо, разговорами, смехом и поцелуями.

Они пили кофе в полном молчании. Тишину нарушали громкий хруст сухого корма на зубах у собаки.

Джордж наблюдал за Лизой. Эта неповторимая женщина, что сидела напротив него в их уютной и теплой кухне, могла разговаривать глазами. И сейчас в них бушевал шторм. Ей было больно. Джордж понял, что она приняла решение и оно бесповоротно. Он поднялся, взял со стола газету и журналы, которые купил в киоске по дороге домой, и ушел в свой кабинет.

Лиза тоже поднялась и стала мыть чашки. Это проклятое последнее воскресенье февраля – как ворота между жизнью прошлой и жизнью будущей. Она поняла, что не хочет причинять боль Джорджу. Она уйдет, но он уже знает об этом. Он вернется к своей жене, она его примет и будет всем рассказывать как ее муж настрадался с этой шлюхой, которой в самый раз полы мыть, а она с своими картинами носится и нос дерет. Ну что ж, Ариадна заслужила уйти на покой, теперь она займется салатами для своего потрепанного в боях Джорджа, ради этого и терпела. Теперь он будет принадлежать ей и только ей. По ночам он будет лежать рядом со своей женой и вспоминать свои былые любовные приключения...

Ничего, Лиза переживет торжество Ариадны и ее товарок, разминающих старческие пальцы карточной игрой, а вот переживет ли свое возвращение блудный Джордж? И какова будет его реакция, когда он узнает, что его дочь – наследница одного из самых больших состояний?

Она поднялась вверх и посмотрела на себя в зеркало в ванной комнате. Ее лицо было бледным, рыжие волосы поникли и потускнели, глаза были цвета серого холодного неба. Когда Адам исчез и она приехала в Афины искать его, ей хотелось пойти в первый попавшийся бар, выпить и сказать первому встречному о том, что у нее нет дома. Ей почему-то казалось это важным. Сейчас у нее опять не было дома.

«Зачем мне нужен этот ребенок? – подумала Лиза. – Чтобы скрасить вторую половину жизни? Но ребенок не понравившаяся вещица, что может украсить интерьер. Я надеюсь, что ребенок наполнит мою жизнь смыслом? А что, в ней мало смысла? Разве Игнат уже перестал быть смыслом? Или мои картины? Нет, смысл в моей жизни остался, в ней мало любви. Господи, я сошла с ума! У меня есть так много, но мне снова хочется любить. У меня прекрасная жизнь, что же мне нейдет?! Разве я не задыхаюсь от счастья? А еще тебе нужно, дура? Драмы, трагедии? Я уйду от мужчины, к которому до сих пор небезразлична. Но, если одна мысль о нашем совместном ребенке, делает его несчастным, тогда пусть катится. Ему всегда что-то не так. То время еще не пришло быть вместе, то время уже ушло иметь ребенка. Подонок... А вдруг его останавливает нечто совсем другое? Что, если он боится? Вдруг я умру во время родов? Что, если я выгляжу в его глазах безответственной женщиной, которая, ради своего каприза, готова разрушить налаженную и счастливую жизнь?»

Лиза протянула руку и дотронулась в зеркале до кончика своего носа. Вслух она сказала своему отражению:

- Помнишь ту девочку, когда-то на Камчатке, что брела по берегу океана из школы домой? Она боялась прилива и орала от страха песни. Если я умру, так тому и быть, но ребенка этого я никому не отдам. Но я не умру, я сильная.

Приободрившись своими умозаключениями, Лиза припудрила лицо, подкрасила глаза и губы, и готова была ехать обедать. Ей хотелось вырваться из этого уютного дома, который вдруг стал невыносимым местом. Она натянула джинсы, белый свитер и черные ботинки на толстой подошве. У нее даже появилось настроение сесть в машину и поехать куда-нибудь далеко, чтобы по пути проголодаться. Ей нужно было увидеть людей, ощутив их присутствие рядом с собой.

Джордж вел машину быстро – как раз то, что нужно. Не сомневаясь в его навыках, она полностью доверяла ему. Он поставил диск с Андреа Бочелли. Ей бы хотелось послушать что-нибудь менее утомительное для души, что-нибудь не такое страстное и пронзающее тебя насквозь, но она промолчала – пусть слушает, что хочет. Дорога вилась вокруг холма. Пейзаж был ей хорошо знаком, а серая и холодная гармония февральского дня успокаивала.

Она знала, что, когда они перешагнут порог таверны, все повернется в их сторону. Некоторые будут еще жевать, другие оборвут разговор на полуслове, но все они будут гадать, как эти двое нашли друг друга. Такая подходящая пара, такая законченная, красивая. Как такие люди могут долго любить друг друга, как могут уживаться друг с другом, не ревнуя друг к другу и не соперничая своими тщеславиями? В такой паре есть что-то неестественное. Такое совершенство не долговечно. Природа, переименованная людьми, предполагает, что один из двоих должен быть проще и податливее, тогда у пары есть шанс выжить. Но эти двое слишком красивы и слишком не просты. Самоубийцы...

К ним тут же подбежал хозяин таверны, кириос Василис, и повел их к свободному столику. Они были знакомы с ним с тех пор, как Лиза и Джордж уединялись в его таверне, когда Лиза мучилась в вынужденном браке с Мимисом Загкосом. Он помнил эту женщину, которая ела его знаменитые бараньи отбивные, а из глаз у нее капали слезы. Он помнил, как она кормила его собаку на парковке, как потом целовала Джорджа и как тот увозил ее на своей машине, чтобы через пару дней опять появиться с ней в его таверне. С тех пор они часто приезжали к нему. Ему было известно, что уже какое-то время они живут вместе, что она пишет картины и что они нашли свое счастье. Кириос Василис радовался за них, однако сегодня они были другими – от них веяло расставанием. Зачем? Что людям надо?

Джордж обменялся с ним ничего не значащими фразами – как дела, как жизнь протекает? Лизе всегда нравились эти громкие и теплые приветствия – как будто ты попадал за один стол с членами своей семьи. Тебя долго не было, они соскучились и теперь рады тебя видеть. Это было всегда приятно. Их столик стоял рядом с камином. Они заказали бараньи отбивные, зеленый салат, конвертики с сыром и большой кувшин красного домашнего вина.

Лиза стала рассматривать посетителей. Ее взгляд остановился на одной пожилой паре, которая уже отобедала. Он, кажется, задремал, а она нежно смотрела на него, терпеливо ожидая, когда он проснется. Что будет, когда он проснется? Вот он зашевелился, она что-то тихо сказала ему. Теперь они разговаривали, дотрагиваясь друг до друга, как бы заверяя друг друга в том, что все хорошо и они еще живы. Она гладила его по руке. «Прикосновение – самое лучшее, что придумали люди», – подумала Лиза и дотронулась до руки Джорджа. Что бы ни случилось завтра, они проведут сегодняшний день как близкие друзья, которым нечего скрывать и не за что извиняться.

- Ты боишься умереть? – вдруг спросила Лиза. Сегодня, как никогда, ей думалось о смерти. – Ну, скажи, разве ты еще не все испытал? Ты многое видел, многое пережил. Ты часто и страстно любил. Ты был любим красивыми женщинами. Ты отец троих дочерей. Больше детей ты не хочешь. Ты научился любить и ценить себя. Ты ел вкусную еду и пил превосходное вино. Зачем тебе нужно завтра? Что такого случится завтра, чего не было вчера? Зачем снова открывать утром глаза? Чего ждать от жизни?

Иногда Лиза была как ребенок, ожидающий от взрослых ответы на заданные им вопросы. Но у Джорджа была одна отличительная черта, которая бесила Лизу – он никогда не давал полных и исчерпывающих ответов на ее вопросы. Он вообще редко давал ответы на поставленные ею вопросы. Ответы не оставляли загадки, они были как смерть, за ними уже ничего не было. Не надо было искать, копать, включать воображение, догадываться. Исчерпывающие ответы убивали любопытство в собеседнике, а Джордж никогда не упускал возможности подогреть интерес к своей персоне.

- Увидеть новый день всегда хорошо, – сказал он. – Разве нет? Совершенно не обязательно испытывать сильные чувства каждый день и искать новые приключения. Совершенно не обязательно переворачивать свою жизнь вверх ногами. Можно жить воспоминаниями или ожиданиями.

- Я спросила, боишься ли ты смерти.
- Возможно, пару лет назад боялся, а сейчас нет, не боюсь.
- Почему? – не отставала Лиза.
- Пару лет назад, я не знал, как это – жить вместе с тобой. Я не хотел умереть, не испытал этого, – Джордж льстил и лгал ей.
- Ну и как? Жизнь со мной?

- Это были самые лучшие три года в моей жизни, - Джордж продолжал говорить банальности.

Лиза долго молча смотрела на него. Он сказал «были».

- Значит, ты знаешь, ну, ты понимаешь, что мы... ты не возражаешь, если мы...
- Расстанемся? – помог ей Джордж.
- Страшное слово.
- Нет, я все еще хочу жить с тобой. Вдвоем, но не втроем.

Лизе вдруг стало скучно. Она тоже все это уже проходила. Его бесконечные условия ей осточертели. Вино вдруг стало кислым, а на остывших отбивных застыл жир. Ей нужно было вернуться домой. Эта поездка ничего не принесла, тем более, облегчения. Она закроется в своей студии и перебудет там до утра. А завтра, в понедельник, она уедет. Он пойдет в свой офис, а она соберется и уедет. Крадучись, как вор, даже не попрощавшись? Зачем говорить неискренние слова, зачем лгать? Правда – бессмысленная и жестокая – им обоим известна. Будут ли они жалеть, что последние слова не были сказаны? Нет, не будут, ведь они навряд ли когда-нибудь встретятся вновь.

Куда же она поедет? Конечно, на Эгину. На маленькую дачу в Сувале, которую оставил ей Мимис. На ту дачу, где во дворе стоит колодец и цветут красные герании. Туда, где впервые она увидела яхту с огоньками и на следующий день поплыла к ней, чтобы просить о помощи и где впервые увидела Джорджа. Она уедет туда, где впервые увидела его, завершив их совместный путь длиной в пятнадцать лет, там же, где он начался. Спрятавшись на острове, она подождет, пока он не исчезнет из ее жизни. Он сойдет с карусели Лжи и куда-нибудь уйдет. Уйдет далеко и никогда не вернется.

Когда они сели в машину, начал накрапывать дождь. Джордж предложил сократить путь и объехать возвышенность, отделяющую их от дома, с другой стороны. Музыка никто не включил, они ехали в полной тишине. Лиза убеждала себя в том, что Джордж просто умер и его надо похоронить. Первые несколько дней будут невыносимыми, но потом время загладит раны. Сосредоточившись на своих мыслях, она не сразу поняла, что видит какой-то странный пейзаж. Как будто оказалась на другой планете. Поверхность холма была обнажена, на ней не росло ни одной живой былинки и только невысокие обгорелые пни, оставшиеся от стволов деревьев, торчали, то здесь, то там, как обрубленные пальцы. Она непроизвольно вздрогнула.

- Тут все сгорело во время пожара прошлым летом. Помнишь, мы еще боялись, что огонь доберется до нашего дома? – Джордж заметил, что Лиза вся дрожит. Он включил обогреватель на полную.

Лиза посмотрела на Джорджа только потому, что с его стороны раздавался звук его голоса. Вместо него она увидела сотни мертвецов, со всех сторон спускавшихся по холму к дороге. Они были похожи друг на друга, как две капли воды – у всех были пустые глазницы и одеты они были в серые потрепанные шинели до пят. Ей казалось, что мертвецы окружают их машину и она начала задыхаться. Вдруг она увидела, как навстречу им из-за поворота, на всей скорости выскочил автомобиль. Не было ни малейшего шанса разминуться с ним. Они находились на внешней стороне дороги, где, за обочиной, начинался обрыв. Джордж вывернул руль вправо, не думая о том, как далеко в сторону обрыва может занести машину. Лишь бы не столкнуться лоб в лоб! Они остановились, когда передние колеса их машины уперлись в груды камней, наваленных на краю обрыва. Вероятно, эти камни валялись после пожара на дороге и их сложили в кучу прямо здесь, недалеко от поворота.

Поняв, что чудом остались живы, Лиза и Джордж избегали смотреть друг на друга. Зачем им было послано это испытание? Чтобы они зря не болтали о смерти? Особенно она, задававшая ему дурацкие вопросы – страшно ли ему умереть? С другой стороны, умереть вот так, внезапно, в одной машине вдвоем, разве это не самая лучшая смерть? Смерть разлучила бы их и не нужно было спорить и принимать решения. Смерть взяла бы на себя ответственность за их расставание, умертвив ребенка в ее утробе.

Что-то заставило ее перевести взгляд на холм с обугленными стволами. На одном из обгорелых обрубков она увидела ястреба. Серая птица смотрела своими круглыми желтыми глазами прямо на нее. Эта птица была послана им как знак – их время еще не пришло, они должны найти в себе мужество жить дальше. Неважно как – вместе или порознь, но кто-то оставил их в живых.

Джордж завел мотор и очень медленно тронул машину с места. Выскочивший из-за поворота автомобиль даже не остановился. Номера они, конечно, не запомнили. Они просто на него не смотрели. Скоро они были дома.

Как только Джордж открыл дверь, Лиза обняла его и без единого слова исчезла в своей мастерской. Она знала, что Джордж начнет сейчас пить, но напиться не сможет. На рассвете, когда она юркнет под одеяло, он овладеет ею, наполнит ее своей любовью и, несмотря на чудесное спасение, своей тоской и сожалением. Он будет любить ее, как никогда раньше. Он молча будет умолять ее остаться. Он постарается околдовать ее, парализовать ее и согласиться на его условия.

Заперев дверь своей мастерской на ключ, Лиза налила себе пол стакана виски и села на пол. Бог снова уберег ее от смерти и она была благодарна за дарованное им продолжение. У нее были готовы несколько заранее загрунтованных холстов. Оставив стакан с виски на полу, она начала смешивать краски. Вдыхая знакомые запахи льняного масла и растворителя, она уже знала, что нарисует. Ей надо было нанести на холст то, что с ними произошло на дороге. Писатели не могут не писать, им обязательно надо избавиться от мыслей и фраз, которые не дают им покоя. Они берут дневник или обрывок бумажки, или даже иногда на салфетке пишут о том, что их мучает. Если они не вынут эти слова из себя, им не будет покоя. То, что рождается в их мозгу, должно оказаться извне, тогда ненадолго они обретут покой. Точно так же дело обстояло с Лизой. Она должна была избавиться от пережитого. Видения заполняли ее мозг и ее воображение, не давая дышать и сосредоточиться. Она должна не просто освободиться, она должна очиститься от сегодняшнего дня.

Она начала рисовать холодный зимний день, скалистый холм, черные обрубки сгоревших деревьев и на ближайшем из них ястреба с желтыми глазами. Однажды она прочитала книгу, где герой говорил о том, что не стоит ставить себя на первое место в жизни. Первое место всегда занято. Кем? Как для кого – кто это место отдает Богу, кто смерти. Второе место это всегда смирение. Нужно ли оно нам? Да, нужно, тем более, если первое место ты отдал не Богу, а смерти. Единственно верному попутчику, тому, кто ни за что не предаст и не забудет тебя. Кто с тобой с самого рождения каждую минуту твоего бытия. Смерть подруга умная, она может дать много дельных советов. Главное, уважать ее каждодневное присутствие и слушать, тогда можно услышать. Только смерть может посоветовать, как жить. Как будто это твой последний день – планируй, используй свои мозги, трать свою энергию и любовь. Отдавай тем, кому твои деяния нужны, кто твоей любви достоин. Завтра может не наступить. И, если ты услышишь, она, смерть, позволит тебе достичь целей и осуществить мечты. Вот для этого и нужно смирение. Признать, что смерть обладает гораздо большей властью, чем жизнь, что она

гораздо больше твоего рождения, когда в тебя вдохнули душу, потому что в любой момент она может разрушить твое тело – сосуд, в котором хранится твоя душа.

Было шесть часов утра, когда Лиза закончила картину. Усталости не было, опустошенности тоже. Мертвецы с пустыми глазницами маршировали на ее полотне вверх по холму, исчезая за его горбом. Жизнь продолжалась, а ястреб, посланник смерти, ее оберегал.

Глава 39.

Жизнь – это сейчас.

Джордж мог бы и не ходить в свой офис, но он собрался и ушел, предоставив Лизе свободу. Оба знали, что он вернется в пустой дом, его будет ждать только золотой ретривер. Это была собака Джорджа, он купил ее полтора года назад. Он не хотел иметь ребенка, но хотел иметь собаку, вот пусть и живет теперь с ней. С ней и своей женой. Она его пустит, примет и простит.

Лиза собрала самое необходимое – свои вещи, краски и холсты. Запаковала в коробки кухонную утварь и постельное белье, которые потом заберет перевозчик, и посадила двух своих котов – Джозефину в Амадеуса – в переносные домики. Они спали у нее в мастерской, а дни проводили в зарослях сада, как то уживаясь с собакой Джорджа. Что ж, приходится покинуть еще одно гнездо, где счастье не сумело выжить и окрепнуть. Их время для счастья пришло пятнадцать лет тому назад, но тогда Джордж был не готов, а теперь время не готово, оно ушло. Безвозвратно.

Размышляя о том, стоит ли звонить Нарвицу, Лиза вызвала такси. Нет, звонить она не будет, иначе он уговорит ее остаться и жить в его доме. Не желая лишиться его радости, она согласится, а ей надо сейчас побыть одной. Причем, не день или два, а несколько месяцев, пока не пройдет боль. Ведь она похоронила Джорджа. Похоронила для себя и воскресила для его жены.

Эгина, снова ее любимая Эгина... Спрятаться, зализать раны, ожидая рождения дочери. Вчера ночью, проведя восемь часов со смертью в одной комнате, разговаривая с ней и слушая ее, Лиза думала о том, что носит под сердцем ребенка. Эта радость, если не скрашивала, то отвлекала от похорон, которые она устроила в своем воображении для единственного мужчины, которого некогда любила преданно и страстно.

Паром, направлявшийся на Эгину, был почти пуст. Она вышла на открытую палубу и подставила лицо ветру. С тех пор, как, в феврале 1989 года, она стояла на палубе парома, который впервые вез ее на Эгину, прошла целая вечность. Мимис дремал внизу, а она, подставив лицо ветру, вдруг почувствовала, что за спиной у нее вырастают крылья. Тогда она по-настоящему ощутила свободу. Жившая внутри нее, свобода-узница, о существовании которой в советской империи никто не должен был подозревать, вырвалась, наконец, наружу. Теперь она опять освободилась, на этот раз, от своей старой, прокисшей любви, от Джорджа и его бесконечных условий. Он не мог быть мужем, он не знал как. Он был прекрасным любовником, но как долго он мог им быть?

Впервые судьба свела ее и Джорджа на Эгине. Оказавшись волей судьбы пленниками Мимиса, Лиза и Игнат жили под его присмотром на даче. Пригласив

их обоих провести пару летних месяцев на острове, он держал их без копейки денег. Он совершенно справедливо полагал, что, имея деньги, они удержат, к тому же, Мимис не мог совладать со своей манией контролировать каждую копейку и людей через деньги. Однажды, увидев яхту в гавани Сувалы и, улучив момент, когда Мимис был в городе, она поплыла к этой яхте, в надежде получить помощь. Ей нужны были деньги, чтобы выбраться с острова и вернуться домой, в Киев. На яхте, сгорая от стыда, она рассказала компании мужчин, решивших провести выходные без своих жен и подружек, грустную и бесконечно банальную историю о том, как поверила Димитрису Загкосу, предложившему ей работу в частной школе английского языка, владельцем которой он являлся, а он обманул ее. На яхте был Джордж. Именно он ей выписал чек, посочувствовав ее положению. Не желая того, Лиза с первого взгляда влюбилась в лицо Джорджа и, особенно, в его глаза, в глубине которых ей почудился властелин и укротитель. Вернувшись домой, она не могла забыть эти раскосые рысьи глаза. Из-за этих глаз она проморгала уже почти устроившийся переезд в Канаду, эти глаза ей снились по ночам, она мечтала снова увидеть их, пусть только один раз в жизни. Спустя два года, когда Лиза вернула Мимису обручальное кольцо и они стали деловыми партнерами, так совпало, что он привез Джорджа в Киев, представив его как главу большой и успешной фирмы. Неожиданно увидев «того человека с яхты», она посчитала это подарком судьбы. Следующие пять лет она любила Джорджа, устраивая для него встречи, подготавливая подписание контрактов, каждый день ожидая его звонка и радостной вести о том, что он приезжает. Но ведь любовь – это состояние, когда человек чувствует свою абсолютную незаменимость. Ни она сама, ни ее титанические усилия, ни ее вера и упорство, ни ее надежды его тогда не интересовали. Нет, он, конечно, любил ее – ее невозможно было не любить, но она была для него гарниром, без которого можно иногда обойтись. У него на тарелке было главное блюдо – его семья.

И вот, наконец, они соединились и прожили без малого три года вместе, однако ее беременность стала камнем раздора и карточный домик их мечты, что осуществилась слишком поздно, развалился.

Облокотившись на перила и наблюдая, как вода бурлит за уходящим к Эгине паромом, она вспомнила их последнюю ночь любви. Это было вчера, не прошло еще и суток. Любя друг друга, они расставались навсегда. Вместо прощальных слов, таких искренних и неловких, они предпочли повергнуть друг друга в молчаливую бездну страсти. Как много лет назад, на той же Эгине, когда ей показалось, что ее душа, изнемогавшая от блаженства, оторвалась от тела и, воспарив в высоту, стала танцевать среди звезд. Она во сто крат вознаградила его за все, что он ей дал. Вчера... Вчера было прощание. Он знал, как целиком завладеть ею, а она, всем своим существом отдалась безудержному порыву горькой страсти, которая уже никогда не повторится. Слезы и наслаждение переполняли ее, ей хотелось кричать от тоски, терзавшей душу, и от сладких мук, терзавших ее тело. Она хотела вырваться, но он продолжал любить ее, доставляя ей страдания мимолетными ласками, обещавшими скорую награду, скорую развязку, которая, тем не менее, не наступала, ибо Джордж, наслаждаясь близостью с нею, не позволял ей выбраться из водоворота скорби и наслаждения.

Десятью часами раньше они, по дороге домой, чуть не погибли, потом она провела всю ночь в своей мастерской, разговаривая со смертью и рисуя жизнь, а потом пришла к нему прощаться. Он ни о чем не спрашивал, ничего не говорил, он любил ее так, как однажды любил на Эгине, в самом начале их романа, когда любовь была еще свежа и пьянила от одного только прикосновения, разбрасывая вокруг себя яркие брызги фантазий и надежд.

Мужчина и женщина воспринимают физическую близость по-разному. Женщина в последний миг развязки чувствует удовлетворение и радость: для нее свершилось чудо, при желании она может зачать от любимого мужчины, что для нее является продолжением акта любви. Мужчина же в последний миг испытывает муку оттого, что к нему пришло опустошение. Блаженство иссякло, его не вернуть, продолжения для него не будет. Он будет искать новых встреч и любить других женщин, и каждый раз, испытав наслаждение, будет лишен его продолжения. Вечный странник, обреченный всегда отдавать.

В порту Лиза взяла такси и, нагруженная чемоданами, мольбертом и котами, поехала к себе домой. Живя в этом домике, она впервые увидела того, кого полюбила. Она сбежала оттуда от того, кого ненавидела. С тем, кого любила, она только что рассталась, а тот, кого она ненавидела, уже пять лет как лежит в могиле...

Оставив свои вещи, Лиза снова отправилась в порт. Ей надо было купить продукты, моющие средства и корм для котов. Вернувшись, она начнет наводить порядок. Мыть окна, стирать занавески. Вероятно, придется заказать кое-какую дополнительную мебель и несколько обогревателей – ведь она собирается провести в этом летнем домике остаток зимы. Ей надо было совсем немного, чтобы окружающая обстановка показалась ей уютной. Она легко обживала каждый свой дом. Ничего, она обустроит свое гнездо, где через семь месяцев появится на свет ее малыш. Да, в конце августа она будет рожать и смотреть из окна на грозди винограда, полные сладкого сока и солнечного цвета.

Покупая продукты, Лиза задумалась – а чего это вдруг она решила рожать в этом домике? Почему не в больнице? Кто будет роды принимать? Она что, совсем рехнулась?! В прошлый раз, когда она рожала Игната, они оба чуть Богу души не отдали. Если бы не старая еврейка, которая ассистировала врачу, их бы сейчас на свете не было. На что же она рассчитывает сейчас? И все-таки, мысль о том, что рожать она будет здесь, на острове, ее не отпускала.

В ее жизни иногда случалось такое – она знала, что и как произойдет в будущем. Она знала, что во время венчания с Адамом, пойдет снег и снежинки будут падать на ее обнаженные плечи. Она сказала ему об этом еще летом. Она знала, что их соседка, жившая на той же лестничной площадке, умрет, и та через неделю попала под машину. Она знала, знала... Вот и сейчас она знает, что рожать будет здесь, потому что ее дочь должна появиться на свет именно здесь, в этом белом домике с синими ставнями.

Мы подошли к той главе, которая многим покажется странной. Реальность в ней будет переплетаться со сверхъестественным. Впрочем, для кого как – для некоторых самые простые вещи кажутся невероятными, а для некоторых самое невероятное – это привычные ощущение и будничное существование. Задумайтесь над словом – «сверхъестественный», не означает ли оно нечто, что лежит за пределами или, иными словами, сверх естественного? Кто тот законник, что определил рамки естественного, причем, не для всех, а для каждого из нас? И существуют ли вообще какие-то рамки? Что сегодня сверхъестественное, завтра вполне может стать естественным для самого широкого круга людей. Вспомните великих мыслителей, ученых-практиков и писателей-фантастов. Они раздвинули для нас рамки естественного и привычного. После недолгого привыкания, мы чувствуем себя в новой реальности вполне естественно. Если, конечно, эта реальность не уничтожает нас самих.

Обустроив свой домик, Лиза серьезно думала о том, что ее ожидает. В смысле того, будет ли рядом с ней тот, кто спас ее жизнь и жизнь ее сына в том советском роддоме с лагерными порядками. Если бы не Он и его посланница, та

которые накануне напекла Анна. Она с удовольствием сорвалась с места и побежала к пароходу. Взобравшись на него по широкому деревянному трапу, она свернула не в ту сторону и открыла не ту дверь. Хотя, кто знает, возможно, это было любопытство – только одним глазком посмотреть – что же там, за той дверью, куда входить было нельзя. Открыв дверь, Лиза не ожидала, что прямо за ней, во-первых, будет темно, а, во-вторых, не будет палубы, а только узкий металлический трап, почти отвесно спускавшийся в бывшее машинное отделение, где теперь хранились продукты и ровными рядами стояли цистерны с питьевой водой. Даже сейчас, она помнила первые секунды, когда начала падать вниз, как больно было ее телу стукаться о металлические ступеньки узкого трапа, но потом все померкло.

Несколько раз она приходила в себя в поезде, когда ее пустой желудок сжимался рвотными спазмами, а потом снова проваливалась в темноту. Она не могла понять или вспомнить – почему они возвращались домой не на своей «Победе», на которой приехали, а на поезде?

Следующее, что она помнила, была большая гостиная, где все окна были закрыты глухими ставнями без просветов. В их доме ставни были не снаружи окон, как в большинстве домов, а с внутренней стороны. Взрослые вынесли ее кровать в эту комнату посреди дома, по очереди дежурили рядом с ней, и так же, по очереди, уходили вздремнуть в свои спальни. Лиза не приходила в себя пять дней. У нее не было переломов, только ушибы и сильное сотрясение мозга.

Были и другие случаи чудесного спасения. Годом позже, в шестилетнем возрасте, она заболела воспалением легких. Что-то пошло не так, инфекция не поддавалась, маленькая Лиза постоянно горела и, после недели болезни, начала задыхаться. Через некоторое время она исчезла в небытии. В сознание она не приходила, даже, когда ее приподнимали, пытаясь напоить и дать лекарство. Позже Анна ей рассказала, что Никита как будто ума решился. Тогда он снова вынес ее кровать в большую гостиную, закрыл все двери и разрешил только Анне приносить ему воду и крепкий кофе в маленьких чашечках. Родителей Лизы он не пускал, тогда все были уверены, что ей осталось недолго. В последний момент Никита разыскал старого врача, получавшего свой диплом еще в царской России. Тот пришел, посмотрел, отменил все, ставшие бесполезными лекарства, в том числе, и антибиотик, и сказал следующее:

- Даю ей время до завтрашнего утра. Если сердце выдержит, она выкарабкается, если нет, к утру угаснет.

Василий ушел в свою мастерскую в дальнем углу сада и заперся там, Анна принялась драить кухонную утварь, только чтобы руки были заняты, Александра сидела в своей спальне, а Никита у кровати умирающей Лизы разговаривал с Богом. Он торговался с ним, предлагая себя взамен. Он предлагал свою жизнь взамен жизни маленькой девочки, которая ему не была даже родной. Повзрослев, Лиза часто думала о том, не является ли такая ранняя смерть Никиты платой за ее жизнь?

То, что Никита не ее родной дед, она узнала гораздо позже. Ей рассказали, что был такой Яков, погибший в августе 1941 года, родной отец Александры и ее родной дед. Она приняла этот факт к сведению, но продолжала горячо и преданно любить своего спасителя и защитника Никиту. Его смерть забрала часть ее самой, точно так же, как смерть Якова изменила Александру, превратив ее в женщину с маленьким сердцем, в котором умещались только воспоминания о ее отце и любовь к самой себе.

На следующее утро Лиза открыла глаза и, глубоко вздохнув, посмотрела на своего деда. Оказалось, что убивал ее антибиотик, вызывавший у нее аллергию.

Перестав его принимать, она начала поправляться. С воспалением легких ее организм постепенно справился сам. Никита схватил ее, прижал к себе и долго плакал от радости. Позволив себе провести несколько минут наедине со своей внучкой и ее Спасителем, он стал звать всех и, прежде всего, Анну. Божья работа или нет, но спасение было чудесным.

А потом Лиза головой ударилась об угол камня, огораживавшего одну из клумб в их саду. Она сильно раскачалась на качели, привязанной к нижней ветви ореха, веревка не выдержала и, с разлету, она спикировала головой прямо на острие камня. Ей обрили голову, зашили рану, сказали, что повезло. Камень скользнул по черепу, разодрал кожу, но черепную кость не пробил. Опять все переполошились, но тот, кто берег ее, постоянно был начеку.

В предновогодний день, когда Лизе уже исполнилось семь лет и она закончила первое полугодие в своем первом классе, произошло нечто другое, однако тоже связанное с болезнью. В их классе свирепствовала ветрянка. Не обошла она стороной и Лизу. Нарядили елку в гостиной, Анна и Никита планировали отпраздновать Новый Год вдвоем, посидеть, выпить шампанского, а Александра с Василием собрались в Дом Офицеров, где намечался большой праздник с концертом, буфетом и танцами. К вечеру у Лизы поднялась высокая температура, но в постель ее было не уложить. Возбужденная от жара, она хотела наблюдать за сборами Александры, как та делала себе прическу, какое платье одевала, какие туфли на высоких каблуках доставала из шкафа. Целое представление для маленькой Лизы! И вот, наконец, сборы были позади, Василий красовался в темном костюме, Александра кружилась посреди комнаты, демонстрируя пышную длинную юбку своего вечернего платья. И вдруг все изменилось. Лизе показалось, что ее мама не должна была уходить. Она должна была остаться с ней, уложить ее в кровать, напоить чаем с медом и рассказать ей историю. А потом положить свою прохладную ладонь ей на лоб и прогнать болезнь, которая заставляет все тело болеть и быть таким горячим.

Лиза как-то странно посмотрела на Александру, которая ничего не поняла и не почувствовала. Как только родители ушли, Анна уложила ее в постель, стоящую в углу их с Никитой спальни, принесла ей чаю, положила на лоб холодный компресс и уже не отходила от нее. Когда часы пробили двенадцать, Никита откупорил бутылку шампанского, принес бокал Анне, они пригубили искрящее вино, пожелав друг другу и маленькой Лизе счастливого Нового года. Подарки пообещали принести ей в кроватку утром и, отвлекшись приятным ожиданием, она заснула зыбким сном, вздрагивая не то от жара, не то от тревожных сновидений. Ее разбудил голос Александры. Уже светало, в комнату стал проникать жидкий свет первого январского дня. Ее мать стояла посреди спальни и громко рассказывала, что с ними приключилось. Выглядела она как дранная кошка. Платье было разорвано и покрыто сажей, волосы растрепаны, а на лице были черные полосы от гари. В самый разгар веселья огромная елка, стоявшая посреди танцевальной залы, вспыхнула и загорелась. Начался переполох, все бросились врассыпную, организовалась давка и она, Александра, потеряла одну туфлю. Прямо как Золушка...

Не стоило ее матери бросать больную дочь и уходить веселиться. Александра была наказана, но кем? Анна тогда подошла к кровати своей внучки и долго смотрела на нее, гадая, вспыхнул ли тот пожар так уж случайно? Ведь совпадений не бывает, все одно с другим связано...

А роды? Разве не Он спас ее и ее сына? И потом, когда врачиха бросила Лизу одну в родильном зале, отправившись пить чай, разве не Он, как только взошло солнце, успокаивал и ласкал ее теплыми лучами? А тот случай, когда она и Игнат

решили покреститься? Был такой пасмурный зимний день и, когда священник завел их в крещальню, Лиза посмотрела в высокое, узкое окно за узорной кованной решеткой и подумала: «Если Ты есть, пусть выйдет солнце». Буквально в следующую минуту, солнце пробило плотные серые тучи и улыбнулось ей в окне. Лиза оторопела и никому об этом не рассказала. Ведь такое не может случиться на самом деле, не правда ли?

Все эти случаи останутся ее секретом, ее тайной связью с Ним, которая теперь нужна ей, как никогда. Только эта связь – воображаемая или реальная – ее и поддерживает, потому что она совершенно одна на этом острове. Ей страшно и мучительно, и, если не Он, ей придется туго. Она уже знала, предчувствовала, что роды легкими не будут.

Присутствие Бога в ее жизни означало еще кое-что. Помощь в отпущении. Этот кто-то позволял ей задумывать месть, но не давал ей самой участвовать в акте отпущения. Просто обстоятельства самым чудесным образом складывались так, что месть все же совершалась, но не ею. Не только с Мимисом, который получил то, чего так страстно желал, но и с Джорджем, который тоже поучил то, что хотел, а потом потерял или упустил. Одним словом, не удержал.

Нарвиц звонил, умолял ее приехать рожать в Афины, в лучшую клинику, к лучшим врачам. Но упрямая Лиза раз за разом отказывалась. Ей нужно было одиночество, как оно нужно готовящейся к родам волчице. Когда она рожала Игната, ей хотелось, чтобы все были рядом, она обижалась на Александру, которая уехала отдыхать в то время, когда ее дочь рожала первенца. Девятнадцатилетняя Лиза была очень молода и беспомощна, она верила родным ей людям и ожидала от них помощи. Тогда она еще не поверила Ему, тогда одиночество еще не стало ее самым естественным и желанным образом жизни, тогда она еще не понимала своей силы. Желая испытать свою связь с Богом, ослепленная своим высокомерием, упрямством и страхом перед родами, она не хотела понять того, что Господь уже проявил себя снова. Он помог ей, послав Эдмунда фон Нарвица, человека, на все готового ради нее. Того, кто так похож на ее любимого деда Никиту, который ждет ее и страдает оттого, что она его отталкивает.

Все эти месяцы на Эгине, Лиза пребывала в странном состоянии: она страшилась и радовалась предстоящему испытанию, она тяготилась своим одиночеством, но, в то же время, не потерпела бы никого рядом. Чувствуя связь с Богом, она не была уверена, что Он ей поможет, оставив в живых ее и ее малютку. Она играла со своей судьбой в рулетку, ощущая одновременно свою силу и свою беспомощность. С удовольствием предвкушая будущее, она горевала по прошлому. Джордж оставил за собой длинную дорожку серой тоски. Она не страдала из-за того, что больше его не увидит, она жалела его. Он никогда не увидит свою дочь, которая будет похожа на него. Он много потерял, боясь еще раз обрадоваться жизни. Джордж просто спасовал перед будущим. Ладно, его выбор, его жизнь, его смерть.

Себе же она сделает только одну уступку – когда старая повитуха, принявшая роды не у одного поколения рыбацких жен, придет к ней, она даст ей записку с номером телефона фон Нарвица. Если уж что-то пойдет совсем плохо, повитуха должна позвонить ему.

Вот и все приготовления. Никаких пеленок, колясок, кроваток, сосок и игрушек Лиза заранее покупать не стала из суеверия. Итак, она приговорила себя к тому, что испытание ей придется встретить и пережить одной. В ожидании избавления и надеясь на спасение, она старалась о будущем не думать и заставляла себя жить только сегодняшним днем.

Весной Лиза много ходила пешком. Каждый день она спускалась к морю и смотрела на волны. Возвращаясь, она рисовала. Иногда копалась в саду. Купила несколько луковиц фрезий и тюльпанов и посадила рядом с кустами герани. Ей очень хотелось заняться переделкой дома – здесь столько можно было изменить к лучшему! Дом был странный – с одной стороны в нем было два этажа, а, с другой, там, где была входная дверь – один. Две комнаты на первом этаже выходили в нижний сад. В них находился садовый инвентарь, инструменты и разный хлам. Из этих комнат можно было бы сделать просторную кухню и большую ванную комнату, но тогда надо было соединить два этажа внутренней лестницей. На втором этаже комнаты тоже были распланированы кем-то без царя в голове. Самой большой комнатой была спальня, которая, еще в бытность Мимиса, была ее комнатой. Вторая спальня была совсем крошечной, но зато к ней примыкал огромный холл, в котором абсолютно не было никакой необходимости. Спальню можно было бы расширить за счет холла. Гостиную тоже можно сделать шире и светлей, убрав кухню и ванную со второго этажа. Одним словом, этот домик мог стать жемчужиной, но это означало ремонт, наем рабочих, получение лицензий, покупку стройматериалов. У нее не было на это сил и она, хоть и думала, как усовершенствовать свое жилище, ограничилась незначительным улучшением интерьера. Заменяла оконные рамы, поскольку прежние были сделаны из железа, поржавели и теперь не закрывались. Из покинутого ею дома в Экали, она привезла тяжелые портьеры и повесила их на окна. Коврами застелила пол. Перекрасила старую кухонную мебель в белый цвет и освежила синие ставни на окнах. Пока все это делала, настал июнь и последний триместр ее беременности.

Началась жара – плохое время для Лизы, не любящей зноя и однообразных солнечных дней. К морю ей ходить уже не хотелось. На пляже стали появляться первые туристы и пожилые пары с детьми. У работающих родителей отпуск будет только в августе, поэтому сейчас их отпрысков вывезли к морю бабушки и дедушки. Суета, визг и смех резал Лизе слух. Спрятавшись от жары и от раздражающей внешней жизни за закрытыми ставнями своего домика, она стала ждать. Чем больше она ждала, тем беспокойнее становилась. Ненавистное ожидание делало ее растерянной, мысли ее были в таком смятении, что работать с она уже не могла.

Она читала книгу о кроликах, которую захватила из покинутого дома в Экали. Это не было документальным повествованием об их жизни и повадках, это был кроличий роман, где зверьки говорили, путешествовали, сражались, любили и страдали. Так вот, кролики, как и люди, обладают потрясающей способностью переносить тяготы и невзгоды. Перестрадав, они снова окунаются в бурный поток жизни, оставляя потери и страхи позади. Они, оказывается, понимают, что *жизнь это сейчас*. Читая эту толстую и поучительную книгу, Лиза сама чуть не превратилась в кролика или, вернее, в крольчиху, ожидавшую потомство.

Ее живот рос, руки и ноги отекали, ее тело перестало быть привлекательным. Ее все чаще накрывала тоска, а, вместе с ней, приходил страх. Ведь она совсем одна на острове! Не с кем словом перекинуться, некому пожаловаться на плохое самочувствие. Правда, каждую неделю она разговаривала с Игнатом и Анной, но так и не решилась сказать им о своей беременности. Ей казалось, что ребенок, который должен скоро родиться, не имеет к ним никакого отношения, что он только ее и ей самой надо выносить его и родить. К врачам она не ходила, ела фрукты, овощи, рыбу. Теперь, когда ей самой стало тяжело таскать пакеты с продуктами, консервами и песком для своих кошек, она договорилась с хозяевами лавок и те доставляли ей на дом все, в чем она нуждалась. Деньги могли купить все, в том числе, чужую заботу и симпатию. Кстати, здесь, на Эгине, как и на всех

остальных греческих островах, продукты были ощутимо дороже, чем на материке. Деньги быстро исчезали, но сейчас было не время экономить.

Промелькнули июнь и июль, наступил август – самый жаркий месяц. Иногда Лизе не хотелось вставать с постели, не хотелось готовить завтрак, не хотелось стирать белье и мыть полы. Делала она все это через силу и злилась на свое тело, которое ныло и тянуло ее вниз. Разница была огромная – прошлый раз она рожала, когда ей было девятнадцать, сейчас ей исполнился сорок один год. Тело бунтует, мозг постоянно раздражен телесными болями, радость от скорого появления Стефании на свет куда-то испарилась. Лишь бы поскорей родить! Единственными приятными часами были ночные часы, когда она выходила в нижний сад, садилась под навесом беседки и, наслаждаясь ночной прохладой, просто сидела и думала. Когда начинало светать, она поднималась к себе и, подложив несколько подушек под спину, на несколько часов засыпала. Так время подбиралось к концу августа.

С повитухой они решили, что роды должны начаться числа 28-го, в воскресенье, и Лиза считала дни до своего избавления.

Жара стояла просто невыносимая. Дождей не было с весны. Природа томилась, земля в саду превратилась в сплошную твердую корку. Лиза все реже спускалась в сад, чтобы из шланга полить герани. Ей было их жаль, но что же делать, если она не может?!

В среду, двадцать четвертого, на небе появились тучи, которые иногда закрывали солнце. Те несколько мгновений, во время которых палящее солнце пряталось за набежавшими тучами, были облегчением. Лиза лежала на кровати, рядом с ней стояла миска с водой, в которой плавал лед, она мочила маленькое полотенце в холодной воде и прикладывала его к лицу. Постепенно тяжелые и плотные тучи обволокли все небо. Было около пяти часов пополудни. Не было ни ветерка и что-то давило, буквально прижимало к земле. Воздух был наэлектризован до такой степени, что казалось, чиркни спичкой и он загорится. Духота не давала дышать. Лиза с трудом встала и подошла к окну. Ей было так плохо, что хотелось плакать. И вдруг она почувствовала боль в пояснице. Неясную, несильную, но очень знакомую. Эта боль пробежала по ее спине и пропала, дав, однако, понять, что начались схватки и надо готовиться к родам.

Бросившись к телефону, она стала вызванивать повитуху. Та жила в Агии Марине, в сорока минутах езды от Сувалы. Судя по всему, она застала повитуху врасплох. Машины у нее не было, а ее племянник, который обычно возил ее на запланированные визиты к роженицам, весь день занят на работе. После настоятельных просьб и обещаний оплатить такси, она пообещала приехать максимум через час.

Подойдя снова к окну, Лиза увидела, что тучи уплотнились, став у краев серыми, а посередине черными. Первая молния прорезала горизонт. Надвигалась гроза. Джозефина и Амадеус жались к ее ногам. Рак замороженная, она смотрела на небо, где разворачивалась драма уставшей от зноя природы. Следующая молния ударилась в землю гораздо ближе к дому и, через несколько секунд, послышались негромкие раскаты грома. И вдруг, воздух прорезали сразу несколько молний, как будто разозленный Бог требовал начала дождя, а тот все не начинался. Громыкнули оглушительные раскаты грома. Коты стремглав кинулись на Лизину кровать и спрятались под простыней. После недолгого затишья, когда ни одна былинка, ни один листик в саду не посмели шевельнуться, упали первые крупные капли дождя, а потом начался потоп. То, что творилось за окном, не было дождем или ливнем, это не было сильной грозой или ураганом, это был потоп. Отвесная стена воды падала с неба, застилая собой деревья, сад, ограду и море. Лиза ничего

не могла разглядеть, но именно в это мгновение она вскрикнула и согнулась от первой настоящей схватки.

Подождав, когда боль отпустит, она, согнувшись в три погибели, кое-как добралась до кровати, подвинула Джозефину и Амадеуса к краю, и откинулась на подушки. По ее лицу струился пот. Ничего, через полчаса приедет эта старая женщина, ее спасительница, и все будет хорошо. Надо продержаться только полчаса – каких-нибудь тридцать минут! На столике рядом с кроватью стояли часы и Лиза стала следить за минутной стрелкой. Как медленно она двигалась! Боли участились и стали почти непереносимы. Прошло полчаса, потом прошел час, а повитухи все не было. Гроза не прекращалась. Если такси не приехало, если машина застряла на лесной грунтовой дороге по дороге в Сувалу, что она будет делать?! Лиза громко стонала, стесняться было некого. Через два часа она увидела, что на простынях появились пятна крови. Она также заметила, что в нескольких местах стала протекать крыша. Поклявшись себе подождать еще полчаса, а потом позвонить Нарвицу, она немного успокоилась. Напрасно, поскольку ей стоило задать себе вопрос – а что Эдмунд сможет сделать в такой ситуации? Как доберется до острова? И где же ее Бог, который спасал ее столько раз? Неужели отвернулся от нее, устав от того, что она постоянно требовала от него доказательств его существования?

От нестерпимой боли мысли путались. Бороться со схватками, заставляя себя растворяться в нестерпимой боли, больше не было сил. Надо было как-то там часто и прерывисто дышать, но сил на это дурацкое упражнение тоже не было. Она лежала и готовилась к смерти. Видно, на этот раз жизнь ей не продлят. Умирать по-прежнему страшно, да, и не хочется, но, чтобы избавиться от этих болей, даже смерть подойдет. Жалко ребенка, который просится наружу, а она его не может родить. Ну, давай, давай, ощути покорность судьбе и твою душу охватит покой.

Во время длинных периодов, когда они с Джорджем не виделись, ей хотелось, чтобы случилось что-нибудь гадкое и страшное. Пусть бы она заболела, оказалась на грани смерти, тогда он бы приехал, пожалел о своем невнимании к ней, перечеркнул бы свое прошлое, обрушил бы все, что в нем было нагромождено, уничтожил бы всех, кто в нем присутствовал, и остался бы с ней одной. Да, было и такое.

Вдруг Лиза вздрогнула от громкого звука. Кто-то ногой вышиб дверь. Господи, сейчас только воров не хватает! Повернув голову набок, она с ужасом ждала, когда чужая рука откроет дверь в ее спальню. Наблюдая за дверной ручкой, она вцепилась в простыни. Под рукой у нее не было ничего подходящего, чтобы защитит себя. Разве что Амадеуса бросить в лицо тому, кто сейчас появится в проеме двери. Но тут снова ее тело скорчилось от болей. Она уже не смотрела на дверь, она смотрела в потолок и орала. Когда боли отступили, она увидела лицо Руперта, склонившегося над ней. С ним были еще двое, один поставил на пол чемоданчик и натягивал хирургические перчатки, другой устанавливал капельницу. Потом появился третий. Он толкал тумбочку на колесиках, на которой был установлен какой-то аппарат.

- Все в порядке. Мы здесь. Не волнуйтесь, Елизавета. Это доктор и его ассистенты. – Проговорив все это скороговоркой, Руперт отошел в сторону, дав доктору подойти к Лизе. Тот уже успел надеть маску.

- Ну, что, будем рожать? – по этой фразе Лиза сразу же узнала в нем акушера. Почему они все говорят – «мы будет рожать» или «у нас родился здоровый малыш»?

Врач приподнял простыни и осмотрел Лизу. Она не сопротивлялась. Руперт вышел в гостиную.

- Сейчас мы сделаем вам наркоз и вы ничего не почувствуете. Проснетесь – и все уже будет позади.

- Никакого наркоза! – заорала Лиза. – Не смейте делать мне общий наркоз!

Руперт вбежал назад в спальню.

- У вас какие-то противопоказания? – доктор с беспокойством глянул на Лизу.

- Если что-то пойдет не так и я умру, будучи под наркозом, я не смогу предотвратить свою смерть. Общий наркоз означает отдать себя в руки чужих людей. Я не могу доверять вам свою жизнь и жизнь своего ребенка. Я вас не знаю, поэтому я должна участвовать. Мне надо контролировать ситуацию.

- Но мне придется делать вам кесарево. Я не могу сделать такую операцию без наркоза.

- Зачем мне делать кесарево?

- У ребенка головка большая. Вам самой не родить. Он может задохнуться.

Времени нет.

- Почему нельзя просто разрезать промежность? – простонала Лиза, изнемогая от боли.

- Вы что, врач? – оторопел молодой акушер.

- Нет, но я уже рожала.

- Когда?

- Двадцать два года назад.

- Большой срок. Сейчас вам было бы гораздо лучше сделать кесарево.

- Тогда делайте под местным наркозом, - не сдавалась Лиза.

Врач смотрел на нее и не верил тому, что слышал. А она вспомнила, как ей два часа вырезали аппендицит в военно-морском госпитале в Баку. Ей было пятнадцать лет, во время операции случились осложнения, и никакого общего наркоза там просто не было. Обезболивающие ей вкалывали прямо в живот, медсестра поглаживала ее лоб и глаза, а молодой хирург пытался что-то найти у нее в животе. Точно так же, в советском роддоме ей зашивали промежность без общего наркоза. Вообще без всякого наркоза. Шили, что называется, по живому. Так что она выдержит.

- Хорошо, попробуем обойтись без кесарева сечения. Но предупреждаю, будет больно.

- Больнее, чем схватки не будет, - Лиза закрыла лицо руками, чтобы не орать при всех этих людях. Она впилась зубами себе в ладонь.

Врач позвал Руперта и сказал ему, что надо подписать бумагу, снимающую с него, в случае непредвиденных обстоятельств, всякую ответственность. Он предлагал операцию, от которой пациентка отказалась. С этого момента она берет на себя ответственность за свою жизнь и за жизнь своего ребенка. Руперт позвонил Нарвицу, тот сказал, пусть делают так, как она хочет. Не надо ее ни к чему принуждать, но обе – и мать, и дочь – должны остаться в живых. Быстро набросали документ, Лиза его подписала.

Ей помогли правильно лечь, после чего начались команды тужиться и разные подбадривания. Несколько раз врач слушал сердцебиение ребенка. Из капельницы что-то поступало в вену роженицы. Потом он взял скальпель и разрезал промежность. Показалась головка. Через час Лиза, наконец, родила Стефанию. Еще через час ее зашили. Гроза закончилась. Ее подняли, положили на носилки и понесли к машине. Два джипа ждали у ее дома, а вертолет ждал на площадке. Она держала свою малышку рядом, слушала, как бьется ее сердечко, и думала, что кролики делают все правильно. Перестрадав, преодолев страх и пережив

испытания, они снова окунаются в жизнь. Так и она... Жизнь – это сейчас, и ее жизнью стала Стефания, которая сопит у нее под подбородком. Через час с

небольшим она, ее новорожденная дочь, а также Джозефина и Амадеус, прибыли в дом фон Нарвица. Оказавшись под спасительным кровом, Лиза осознала, что родила дочь и бояться ей больше нечего. Громкое ликование билось в ее затуманенном разуме. Она не заметила, что ее комната преобразилась, в ней недавно сделали ремонт и заменили всю мебель. Не заметила маленькой кроватки, что стояла у стены. Лиза не заметила, что Эдмунд фон Нарвиц ждал их и готовился к их приезду. Она уплыла в горячечный туман, спровоцированный сильнейшим стрессом и физическими мучениями. Той ночью она часто повторяла: «А повитуха так и не приехала...».

Она будет гореть и бредить десять дней и только потом, слабая, бледная, с синяками под глазами и почти прозрачными глазами, она впервые возьмет свою дочь на руки и выйдет с ней в сад.

Глава 40.

Время обмана и тревог.

В середине сентября в саду цвели настурции. Прошли дожди, жара спала, растения встрепенулись от летней знойной комы и зацвели снова. Ползающая живность выбралась на влажную поверхность земли, пчелы жужжали вновь, а редкие бабочки, немного потанцевав и покрасовавшись в прозрачном воздухе ранней осени, садились на оранжевые цветки настурции и там замирали. Такая осень обнимала и нежно целовала...

Держа на руках свою дочь, Лиза сидела у стола из желтого песчаника. Она была еще очень слаба. Ее глаза цвета травы смотрели на сад, вбирая в себя многообразие его красок. Иногда она переводила взгляд на своего ребенка. У девочки были черные волосики и глаза цвета фиалок. Интересно, останутся ли такими или изменят свой цвет? Склонив голову над маленькой Стефанией, ее мать пыталась пробудить в себе те же чувства, ту же радость и даже эйфорию, что она испытала после рождения Игната. Тогда ей казалось, что случилось чудо, сейчас ей кажется, что произошла ошибка. Так долго желая иметь этого ребенка, сейчас она не чувствовала любви к нему. Может, прав был Джордж, когда говорил, что у нее это уже было, был и есть Игнат, так зачем же хотеть еще одного ребенка? Да, зачем? Чтобы жизнь наполнилась смыслом и любовью? А, если она не наполняется? Что, если смысл исчезает, а любовь не рождается?

Придя в ужас от своих мыслей, Лиза, как затравленный зверь, стала озираться по сторонам. Что с ней не так? Что произошло с тех пор, как Стефания появилась на свет? Почему ее душа закрылась, а в сердце нет любви? Возможно, она больна? Ох, как похожа эта загнанность и это безразличие на ту депрессию, которой она однажды уже болела. Нет, только не это! Только не падать в глубокий колодец, не смотреть на мир, который отслаивается от тебя, из глубины темной ямы. Не становиться лишней, не лететь сначала куда-то вниз, потом вверх, а потом валиться без сил. Она не должна себе позволить снова провалиться в пучину болезни. На этот раз никто ее оттуда не вытащит. Сейчас с ней рядом нет той женщины, Светланы Суховой, что вылечила ее от клинической депрессии. Она

должна сама, во имя ребенка, которого она держит на руках и которого должна каждые три часа кормить и постоянно обнимать. Иначе он умрет.

Лиза подняла глаза и посмотрела на небо. Молилась ли она и, если да, то о чем? Чтобы ее Бог послал ей любовь к дочери, чтобы не запаздывал с этой любовью, чтобы не испытывал ее, чтобы дал любить ту, которую она выносила и родила. Если этого не случится, она сдастся, она проиграет, она больше не сможет.

Пришел Руперт, сказал, что настало время чаепития и фон Нарвиц приглашает ее присоединиться к нему. Лиза не могла сдвинуться с места. Она как будто окаменела со своей ношей на руках.

- А тут нельзя накрыть чай? – тихо спросила она. – Погода ведь теплая.

Когда появился Эдмунд, нянечка забрала ребенка у Лизы, напомнив ей о следующем кормлении, и они остались вдвоем.

- Ты медленно поправляешься, - заметил Эдмунд. – Ты пала духом. Это из-за плохого самочувствия или есть еще причины?

- Я хотела тебя спросить, - тихо проговорила Лиза, - как Руперт очутился на Эгине? Откуда он узнал, что я рожаю?

Нарвиц молча смотрел на Лизу. Он знал, если он скажет правду, ее реакция будет непредсказуемой. Однако ничего, кроме правды, у него не было.

- Руперт жил на Эгине с начала августа. В твоей спальне и в саду были установлены прослушивающие устройства. Мы знали, что с тобой происходит.

Лиза с трудом поставила чашку на блюдце. Руки ее дрожали. Вот так отбирают свободу. Она силилась понять, кто перед ней сидит – ее друг, ее защитник, ее Учитель или человек, увидевший перед собой цель, которая изменила его сознание? Отведя взгляд в сторону, только чтобы не смотреть на него, она попыталась заставить себя мыслить здраво – если бы не Эдмунд, она и Стефания были бы мертвы. Так чего же она хочет? Почему не обнять его и не сказать ему «спасибо» за все, что он для них сделал? Неужели она лишилась рассудка? Но что-то настойчиво возвращало ее в ту пору, когда она работала в КГБ и слушала голоса других людей. Не только их разговоры, а все, что происходило с ними и вокруг них. Ее тогда тошнило, у нее пропал аппетит, она не могла спать по ночам. Пытаясь вырваться из цепких лап той бездушной машины, что затащила ее в свое нутро, она боролась не на жизнь, а на смерть. Если бы не подоспевшая кончина тогдашнего генсека Леонида Брежнева и не чистки, начавшиеся с приходом Андропова, ей бы не видать свободы. Проработай она там до пенсии, этот, лязгающий своими челюстями механизм, эта система в системе, которой опасались даже высокопоставленные члены Политбюро, выплюнула бы ее психически неполноценной старухой, хотя, до старости Лиза там навряд ли дотянула бы. Эта машина избавилась бы от нее гораздо раньше, заменив для нее комнату в подвале, где постоянно крутились бобины на магнитофонах, на палату в каком-нибудь дурдоме. Скорей всего в том, что расположен бок о бок с Кирилловской церковью, где Михаил Врубель расписал стены и для которой нарисовал иконы. Когда она привозила туда туристов полюбоваться фресками и четырьмя большими иконами великого мастера, до них доносился вой и отрывистый смех, похожий на собачий лай. Это сумасшедшие гуляли в саду... Несмотря на то, что Лиза боготворила Врубеля, который, кстати, тоже сошел с ума, она старалась как можно реже бывать в этой церкви, над которой висело черное облако беспомощности, мук и издевательств, расплывшееся из соседней дурки. Роспись и иконы для этой церкви были первым заказом, оказавшимся также проклятием для Врубеля. С того момента и потянулась ниточка его судьбы, разорвавшая полотно его жизни несчастной любовью, смертью его единственного сына, психическим расстройством и, наконец, слепотой.

Сейчас ее снова посадили под колпак. За ней наблюдают, каждый ее шаг контролируют. Нет, не со зла и не потому, что хотят от нее что-то получить, как хотел Мимис, удерживавший ее и Игната узниками на своей даче. Нет, сейчас все по-другому, и все же, она не может покинуть этот пленительный сад и колдовской дом с прекрасной библиотекой, без ведома его обитателей. Все, клетка захлопнулась. Этой фразы было достаточно, чтобы захлопнулся ее разум.

Дабы удостовериться, что все еще может руководить собой, ощущать и различать предметы, Лиза снова взяла чашку. Отпив несколько глотков, она сказала:

- Когда я окрепну, я с дочерью уйду отсюда. Я сниму квартиру. Ничего не говори. Твои слова ничего не изменят.

- Тем не менее, я скажу, - в голосе Нарвица явно слышалось раздражение. - Ты хотела одиночества, я не хотел его нарушать. Было бы гораздо лучше, если бы с тобой кто-то жил и заботился о тебе, пока ты ждала Стефанию, но ты наотрез отказалась. Вы, талантливые люди, не только ощущаете свою связь с Богом, но и, как ни странно, верите в нее. Я могу это понять, но разве это серьезно?! Я должен был как-то предотвратить самое плохое, не беспокоя тебя. Речь шла не только о твоей жизни, но и о жизни твоего ребенка. Я выбрал незаметный способ это сделать.

- Ты выбрал ужасный способ.

- Предпочитаешь быть мертвой?

- Предпочитаю быть свободной. Я слишком долго жила в той стране, где контролировали и направляли наши мысли, поступки и чувства. Нам разрешали ползать только по нарисованному для нас квадрату, стоило покинуть его периметр, нас ждала психушка или лагерь. Наша формальная свобода была очень условной и означала одно – лояльность к вождям и системе. Нам разрешали создавать семьи, сношаться и размножаться. Мы ходили на работу, в театры и музеи. Мы читали между строк и видели больше, чем нам показывали, но мы были обязаны молчать и подчиняться. За нас решали, чего мы хотим, кто враг, кто друг, что нам носить и как мыслить. Что же ты делаешь со мной? Устанавливаешь для меня красные флажки?

- А тебе не приходило в голову, что твой Бог послал тебе человека, который любит тебя, готов заботиться о тебе и защищать тебя? – во взгляде фон Нарвица застыла мука непонятого человека. – Неужели благое деяние может быть уничтожено тем, каким способом оно было сделано? У меня не было выбора. Ты мне его не оставила. Я не мог допустить ваших смертей.

- Почему повитуха не приехала? – Лиза в упор посмотрела на фон Нарвица.

- Потому что ей нечего было делать рядом с тобой. Чем бы она помогла в твоей ситуации? Положила бы топор под кровать?

Эдмунд фон Нарвиц был прав во всем, но Лиза его не слушала. Скорей всего, у нее начиналась послеродовая депрессия. Чувствуя приближение этой напасти, она решила противостоять ей по-своему. Ей нужен был стресс – переезд, лишения, и особенно, ясное понимание того, что она одна и надеяться ей не на кого. Борьба за существование выведет ее из транса, мобилизует ее силы и психику. В этом же доме, где ей все приносят и уносят, она пропадет. Она не может спать, усталость не дает ей подняться со стула, ей ничего не доставляет удовольствия – дошло до того, что запах красок вызывает в ней отвращение. Ей нужно отсюда бежать и как можно скорее!

Будет ли Нарвиц насильно удерживать ее в своем доме? Ради ее же блага и благополучия ее малютки? Нет, он отпустит Лизу на все четыре стороны, ведь с самого начала он знал – посмей он впустить женщину в свой дом и в свое сердце,

добром для него это не кончится. Он предложил ей все, что имел, кроме страсти и ее воплощения – плотской любви. Этого он дать ей не мог. Взамен он столько ей рассказал о великолепии немеркнувшей духовной любви, когда два разума сливаются воедино, понимая один другого с полуслова, а, то, и совсем без слов, но она его не услышала. Если бы она смогла его полюбить, его дом не казался бы ей клеткой. Но она не смогла...

Лиза ушла, сняла маленькую квартиру в Агии Параскеви, в которой прожила четыре года. Чем она занималась? Растила свою дочь, перебивалась случайными заработками. Иногда она расписывала стены в детских садиках. Таскала Стефанию в супермаркеты, сажала ее в тележку, потом на стойку рядом с кассиром, затем ловила такси и приезжала домой. Оставляла пакеты с покупками внизу, поднимала на лифте сначала Стефанию, потом загружала туда пакеты, потом затаскивала их в квартиру. Коты окружали покупки и с вопрошающим любопытством смотрели на нее – когда начнем доставать съестное из пакетов? Может, там затерялся лакомый кусочек для нас? Пока Лиза переводила дух, Стефания уже бежала на кухню и открывала холодильник. Коты мчались за ней, и начинался второй акт – разложить что в холодильник, что на полки, что Стефании и котам в рот. Эта процедура повторялась раз в неделю. Если твоими сожителями являются коты и маленький ребенок, сколько ни покупай, все тут же исчезает.

День за днем, месяц за месяцем Лиза растила дочь, учила ее читать и рисовать, кормила ее, убирала за ней, разговаривала с ней, смотрела с ней мультфильмы, читала ей книжки и рассказывала сказки. Никаких нянек, никаких вечеров, проведенных без своей дочери, никаких развлечений. Что это было? Монастырь, где добровольно принимают кару за неприглядные деяния? Но за что себя наказывать? Нет, она не думала о наказании, соглашаясь со своей маловыразительной жизнью без сожалений. Однообразные дни пролетали быстро, складываясь в месяцы и годы. Она никого ни в чем не винила. Ее выбор, ее жизнь.

Почти каждый день Лиза старалась гулять со Стефанией на небольшой, обсаженной кустами, круглой площадке с неказистым фонтаном посередине. С одной стороны площадки находились булочная и кондитерская, а, с трех других, это место окружали бары и кафе, где всегда было полно народу.

Раз в неделю они ходили на главную улицу Агии Параскеви, потому что там находился супермаркет Василопулос. Они, не торопясь, шли пешком и глазели по сторонам на сияющие витрины магазинов с одеждой, обувью и ювелирными изделиями, на отделения банков, на закусовые и кафе. Лизу буквально завораживало постоянное движение дверей. Будь то обыкновенные двери, приводящие в действие колокольчики внутри магазинов, или вертящиеся стеклянные двери, что постоянно крутились, слепя прохожих отраженными солнечными бликами. Их движение означало жизнь.

Однако постепенно что-то стало меняться и ее внимательный взгляд тут же уловил перемены. Сначала в барах и кафе стало меньше людей, потом они и вовсе опустели, затем закрылись магазины с одеждой и ювелирными изделиями, в супермаркетах стало меньше народу, а около банка каждый день стояли длинные очереди злых и отчаявшихся греков. Пенсии и зарплаты урезали, а на улицах появились безработные. На дворе была поздняя осень 2009 года. Финансово-экономический кризис, разразившийся сначала в Соединенных Штатах, охватил Европу и поставил на колени Грецию.

Став свидетелем катастрофических перемен, затронувших жизнь каждого грека, Лиза часто вспоминала Грецию, какой она была в конце 80-х. Тогда она работала с англоязычными делегациями в советском «Интуристе», однако греческих туристов было так много, что англоговорящих переводчиков иногда

«кидали» на работу с греческими группами. «Грутас», «Манос», «Левтурс» и другие туроператоры из Греции заказывали для своих групп целые самолеты – чартеры, приземлявшиеся в киевском международном аэропорту Борисполь два раза в неделю. Работа с греками, людьми шумными, радостными, эмоциональными, щедрыми, была для Лизы большим удовольствием. Среди обычных туристов бывало много греческих священников в рясах, привозивших своим православным «коллегам» целые сумки греческого коньяка, оливок и сладостей.

Сколько тогда было разговоров о том, что в 1981 году Греция присоединилась к ЕЭС! Путь Греции в объединенную Европу не был ни простым, ни быстрым. Он начался с подписания в 1961 году Афинского соглашения: ЕЭС тогда состоял из шести стран и впервые подписал со страной, желавшей присоединиться к экономическому Союзу, «дорожную карту». Переходный период, в течение которого Греция доказывала свою «профпригодность», длился двадцать два года. Был и «глухой период», когда к власти, в апреле 1967 года, пришли «черные полковники». Через семь лет, в 1974, военная хунта была сброшена, и на декабрьском референдуме, проведенном в том же году, все, без исключения, политические партии поддержали демократический выбор страны. Однако не все партии поддерживали вхождение Греции к ЕЭС – против были коммунисты и социалисты. И, тем не менее, основатель и лидер партии «Новая демократия», Константинос Караманлис, сумел добиться своего – Греция стала членом Европейского Экономического Союза. Главный результат? Греция перестала быть развивающейся страной. Это было не только экономическое, но и политическое достижение. В то время Греция не была отягощена долгами. Это был «серебряный век» древней Эллады.

Наслушавшись разных ярких историй и раззнакомившись с гостеприимными греками, Лиза, в качестве своей первой самостоятельной поездки за рубеж, выбрала, конечно, Грецию. Тем более, что был предлог – ее пригласили, ее ждали, ей пообещали показать страну. Тот, кто обещал, преследовал другие цели, но даже имя такого негодяя, как Димитрис Загкос, всплывшее сейчас в ее памяти, не могло перечеркнуть первых впечатлений о прекрасной Элладе.

Итак, ее первый приезд в Грецию состоялся зимой 1989 года, шестнадцать лет тому назад. Какой она тогда увидела эту страну? Землей обетованной. То, что бросилось сразу в глаза – в тавернах и кафе ни одного свободного столика, центральные улицы – не протолкнешься, магазины полны покупателей, открываются новые, повсюду видны строительные площадки, экономика развивается, торговля идет полным ходом, рынки полны овощей, фруктов, рыбы, цветов и голосистых продавцов. Между прочим, тогда в греческих тавернах и ресторанах готовили очень вкусно, по-домашнему. А драхма! Такая своя, родная, почти волшебная денежная единица – сколько ни покупай, она никогда не кончалась! Цены были доступные, а, лучше сказать, разумные. Они устраивали всех – и производителей, и потребителей. Все были довольны. Это чувствовалось.

В 1996 году партию «Новая демократия» сменили социалисты из ПАСОК и всем стало еще лучше, т.е. несказанно хорошо. Так хорошо, как в жизни не бывает.

Десять лет спустя, когда Лиза отправилась на поиски Адама и вынуждена была обосноваться в Афинах надолго, у нее появилась возможность лучше узнать страну и людей. Она стала приглядываться внимательнее и замечать больше.

Оказалось, что места в государственных учреждениях очень часто использовались политиками в виде взятки. Победившая на выборах партия, благодарил своих избирателей за лояльность именно таким образом – непомерно раздувая госсектор. Первые в списке победившей партии, ставшие депутатами, министрами или их помощниками, раздавали чиновничьи места своим

родственникам и землякам из деревень и провинций. Все эти «доходные места» ложились неподъемным грузом на госбюджет, потому что постоянно растущая армия госслужащих ничего не производила.

Лизу тогда поразило одно, незнакомое ей дотоле, явление. Как только наступали праздники, которых в Греции, слава богу, немало (именно «слава богу», потому что большая часть из них – религиозные), половина жителей столицы снималась со своих мест и кто на своих машинах, кто на паромах, кто на поездах, отправлялись в провинцию – назад, к корням, к своим семьям и сородичам. За два дня до праздников начинался массовый исход работающих в государственных учреждениях из Афин, а через два дня после праздников – такое же массовое возвращение назад, в Афины. Эти массовые исходы и возвращения были чреватые не только катастрофами на дорогах и немалым количеством жертв, но и, вместо одного или двух выходных дней, целой нерабочей неделей, в течение которой никого нельзя было застать на местах и дела, срочные и не очень, буквально повисали в воздухе.

Хотя... одной рукой давали, а другой ласково забирали. Живущих в свое удовольствие греков, заставляли тратить свои деньги. Реклама по телевидению забирала от пятнадцати до двадцати пяти минут на каждый час трансляции передач. Принуждая, реклама соблазняла. Людям навязывали то, без чего они могли обойтись, не говоря уже об откровенной лжи, когда с помощью чудодейственных средств, сидящих перед телевизором обывателей, обещали превратить в стройных красоток и сексуальных мачо. Больше всех старались многочисленные банки, настоятельно советовавшие брать, брать и еще раз брать у них кредиты. Проценты были выше, чем в остальных странах Европы, но греки брали, брали и брали, покупая квартиры и дома, по две машины на семью, телевизоры и ковры в каждую комнату. Если сейчас хорошо, то впереди будет еще лучше, не так ли? Винить себя не стоит – в нормальных условиях мозг среднестатистического человека всегда выстраивает весьма оптимистическую модель мира. Если уж люди живут с сознанием того, что жизнь их быстротечна и конечна, почему бы им не получить удовольствие во время их кратковременного пребывания в этом мире?

Удовольствия или нет, но именно сытые 90-е ознаменовали для Греции начало конца. Находящиеся у власти политики уже начали заимствовать крупные кредиты в американских банках. Ничего не подозревающее и довольное население греческих политиков вполне устраивало, ведь им никто не мешал богатеть и продолжать воровать, навешивая на сытых граждан и их потомство огромный долг.

В конце 90-х все заговорили о создании единой валюты и общей для стран-членов Евросоюза Конституции. Все так радовались, что никто всерьез не просчитал долгосрочных перспектив, неизбежных неудач и потерь, а также, вполне возможного обмана со стороны тех стран, которых на бал-то пригласили, а тем поехать было не в чем. Вот им и пришлось, как Портосу у Дюма, перевязь только спереди золотом расшить.

Грецию тоже позвали и она сказала, конечно, «да». Интересно, что в 1999 году в Греции правила партия социалистов ПАСОК, выступавшая в 1981 году против присоединения к ЕЭС. Ну, это было тогда, а сейчас политическая конъюнктура изменилась, поэтому принципы и убеждения можно в очередной раз оставить в прошлом. Страшно приятно, когда о тебе хорошо думают, когда льстят в глаза, намекая на то, что ты лучше, чем есть на самом деле. В компанию, готовую войти в еврозону, Греция никак не вписывалась, но уж очень ей хотелось туда попасть. Для того, чтобы попасть, нужна была «золотая перевязь», вот и пришлось обратиться к

американскому «дядюшке» по имени Goldman Sachs. Тот палочкой махнул и на определенные счета Греции потекли миллиарды, данные добрым «дядюшкой» под грабительские проценты.

История с кредитами, взятыми под высокий процент, не совсем точной бюджетной ведомостью и статистической отчетностью, выплыла наружу в 2009 году, когда лидер той же ПАСОК, премьер-министр Йоргос Папандреу, забравшись на самый отдаленный остров Греции, объявил оттуда о банкротстве своей страны.

Спустя почти два десятилетия после введения евро в качестве единой валюты, в интервью газете «Bild» Жан Клод Юнкер признается, что совесть не дает ему спать. «Греция вступила в еврозону, подделав в 2001 году, нужные для этого документы», - скажет он. Речь идет о подделке статистических данных, и Юнкер покается в том, что не доглядел. В то время он был против того, чтобы независимые европейские статистические ведомства оценивали данные, предоставляемые государствами. То, что он принимал на веру все, что ему подсовывали, лишний раз подтверждает тот факт, что еврозона создавалась на политическом тщеславии отдельных членов ЕС, на их желании обладать еще большей властью и приобрести для себя неслыханные выгоды.

До того, как еврозона стала реальностью, некоторые экономисты предупреждали о том, что обязательно появятся противоречия между нуждами евро, как объединенной валюты, с одной стороны, и потребностями каждой из отдельных европейских держав, с другой. Дело в том, что в начале 2000-х, объединенная финансовая политика была довольно либеральной: бюджетный дефицит не должен быть превышать 3% НВП, а государственный долг – не более 60%. Одиннадцать стран, отказавшиеся от своих национальных валют и передавшие контроль над своей монетарной политикой ЕЦБ, оставили себе, тем не менее, право взимания налогов, расходную статью и осуществление заемов. Другими словами, одиннадцать стран решили пользоваться единой денежной единицей сообща, и, в то же время, брать на свое усмотрение кредиты и расходовать свои финансы. В такой постановке вопроса был заложен часовой механизм, который рано или поздно обязательно сработает.

А кредиты? Одни народы не хотят, чтобы их правительства давали кредиты проштрафившимся соседям, другие народы не хотят, чтобы их правительства эти кредиты брали, потому как новые займы поступают с обязательным приложением – списком новых мер по усилению строжайшей экономии, требующих от простых граждан затянуть пояса еще туже. Кроме всего прочего, европейские нации уже начинают чувствовать антагонизм по отношению друг к другу. За обвинениями в некомпетентности и мошенничестве правительств, все громче слышны выпады в сторону лично греков, итальянцев, португальцев, ирландцев и особенностей их национальных характеров. Когда Греция, в 1981-ом году, присоединилась к экономическому союзу европейских стран, это было понятно и оправдано, когда же Греция стала членом еврозоны, как только евро заменил драхму, цены внутри страны взлетели в десятки раз. Грекам это не понравилось, но Греция, как член ЕС, продолжала брать льготные кредиты и ее граждане продолжали под самую завязку кредитоваться у банков. Что произошло потом, мы знаем: пришел тот день, когда кредиты стало нечем отдавать – сначала державе, а потом и ее гражданам.

Еще один инструмент или, лучше сказать, махинация, разоряющая страны и народы – облигации государственного займа. Когда государство выпускает облигации и продает их частным лицам, это все равно, что закладывать за гроши целую страну заимодавцу или ростовщику, которые ожидают возвращения не только своих грошей, но, и это главное, высоких процентов на эти гроши.

Политическое руководство Греции, при полном согласии президента и Национального банка, стало выпускать ОГЗ и, через очень короткое время, проценты на эти облигации были взвинчены международными финансовыми спекулянтами до небывалых размеров, однако правительство продолжало эти облигации продавать.

В 2009 году государственный долг страны, который пересчитали по методологии Евростата, был увеличен с 269,3 млрд. евро до 299,7 млрд. Что делать? Несмотря на сопротивление Германии, Европа решила не бросать свою товарку в беде и помочь ей. В 2011 году часть греческого долга частным банкам будет списана – эта часть составит 100 млрд. евро. Евросоюз и МВФ, ссудят Грецию деньгами, опять-таки под небывало высокий процент. Германия будет контролировать каждый цент этой помощи, а денежные транши, большая часть которых уйдет на оплату процентов по уже существующим долгам и на поддержку банков, увеличат долг греческого народа.

Вместе с финансовой помощью, Греции будет предложена «кабала», которую необходимо будет подписать, иначе ни-ни, никаких денег, сброшенных с Евроолимпа или полученных от международных финансовых спекулянтов. Эта «кабала», под названием «Мнимонио», на самом деле, будет объемистым томом, где будут перечислены меры жесточайшей экономии и обязательств со стороны уже не совсем суверенного греческого правительства. Первый круг наказаний будет включать значительное урезание зарплат и пенсий, четырехкратное повышение налогов, сокращение рабочих мест, сокращение числа больниц и учебных заведений. Рынок замрет от такой шоковой терапии, а потом испустит дух. В Греции прекратят существование более 200 тыс. предприятий, уровень безработицы достигнет 25%, а среди молодежи – 50%. Что означает такой уровень безработицы среди молодежи? Что в ближайшие десять-пятнадцать лет страна не будет развиваться.

При каждом новом ожидаемом транше, греческое правительство будут вынуждать подписывать новые дополнения к первоначальной «кабале» – в прошлый раз были повышены налоги, а на этот раз должны быть повышены тарифы и т.д. Если условия не будут приняты, транша не будет. И греческое правительство будет снова и снова пригибать свой народ к земле, выдаивая из него последние гроши.

Более, чем на целое десятилетие, Греция попадет под диктат так называемой «тройки», состоящей из представителей МВФ, Еврогруппы и ЕЦБ. Они будут приезжать, руководить и контролировать. Они будут бояться появиться на улице, потому что повсюду их будут поджидать разозленные греки, выкрикивающие им проклятия.

Говорят, что ошибка имеет подчас гораздо более серьезные последствия, чем совершенное преступление. Иногда ошибку и преступление трудно различить. Ошибки чиновников из Брюсселя и нечистоплотность греческих политиков имели цену преступления, результатом которого стали полное или частичное разорение семей, потеря рабочих мест и, что очень часто стало случаться в Греции – самоубийства.

Наблюдая за тем, что происходит вокруг нее, Лиза записал в своем Дневнике следующее:

«12 ноября, 2009 года.

Сегодня греки невесело шутят: «Мы знаем, когда демократия родилась в Греции, но мы не знаем, когда она умерла». О какой уж тут демократии может идти речь, если в то время, как мерами строжайшей экономии продолжают душить греческий

народ, доходы греческих политических лидеров и членов парламента не уменьшились ни на один цент, и никто из греческих политиков не понес наказание за свои преступления, доведшие Грецию до края? Ни одна драконовская мера экономии, спущенная с Евроолимпа, их не коснулась. Было время, представители политических партий покупали голоса избирателей за рабочие места в госсекторе. Теперь они же выгоняют людей на улицы. Делают это не другие или новые представители той или иной партии, а буквально люди с теми же лицами, именами и фамилиями!

На прошлой неделе я разговорилась с греческим таксистом, подвозившим нас со Стефанией в супермаркет. Он жаловался на то, что простым людям понизили зарплаты и пенсии, в то время, как ни один член парламента или правительства даже не задумался о том, чтобы добровольно урезать свою астрономическую зарплату.

- Сколько же получают члены греческого парламента? – спросила я.

- Зарплата в 5-6 тысяч евро – это просто так, приди и получи. Заработал, не заработал – не важно. Потом начинаются «плюсы».

- Что за «плюсы»?

- Что за «плюсы»? Первый плюс – вознаграждение за участие в различных комиссиях и комитетах, потом бесплатный проезд во всех видах транспорта, включая бизнес-класс в самолете по маршруту «куда душа пожелает», еще один плюс – два полисмена, круглосуточно обеспечивающие безопасность, плюс квартира в Афинах, плюс все коммунальные расходы, которые оплачены, плюс политический офис в столице, плюс служебная машина каждому члену Парламента с водителем, плюс расходы на свой пиар. Когда наступают выборы, каждый член парламента получает на свою предвыборную компанию десятки тысяч евро из государственного бюджета, т.е. из наших карманов, а каждой политической партии, в зависимости от мест в парламенте, государство выплачивает миллионы евро. А что такое государство?

- Ну, государство – это институты, свод законов и верховенство права, - сказала я.

- Нет, это не так! – таксист уже почти не смотрел на дорогу. – В наши дни государство – это рожи тех, кто нас обманул. Они считают себя государством, а государства больше нет. Он полностью подчинили себе государство! А мы, простые граждане этого государства, продолжаем им платим за то, чтобы они нас обманывали и обирали! Вынимаем из своего кармана и платим им за обман! А мой сын, проходящий срочную службу в армии, каждый раз, когда получает увольнительную, добирается домой на свои гроши. Все эти бездельники, - все больше горячился таксист, - которые заседают в парламенте, должны сначала пожить так, как простой люд живет, и только потом лезть туда, наверх! Но куда там! Большинство «слуг народа» - выходцы из семей, где политикой занимаются из поколения в поколение. Эти «потомственные политики» нигде ни дня не работали и жизни нашей не знают. Дождутся своего теплого местечка и жируют на наши гроши.

Я подумала о том, что, когда начинается война, политики возносят мольбы Богу и своим солдатам. Когда война заканчивается, политики отворачиваются от Бога и солдат. А, тем более, кого из них интересует житье-бытье сына таксиста, который пойдет защищать Грецию, если, не приведи Господь, у ее границ появится враг? И еще я подумала вот о чем: пропасть между «элитой» или «потомственными политиками», как их назвал таксист, и простым людом только расширяется.

Сейчас, когда страна провалилась в глубочайшую яму, воду мутят все те же политики. Нет, чтобы посыпать голову пеплом – в лучших греческих традициях – и удалиться с политической и всякой другой арены подальше с людских глаз. Или

еще лучше – пойти и заявить на себя прокурору и сесть надолго в тюрьму. Генрик Сенкевич, лауреат Нобелевской премии, в своем «Потопе» говорил про таких, как они: «Нет у них ни совести, ни порядка, ни одной из тех доблестей, на которых зиждутся державы и народы».

«17 ноября, 2009 года.

Не нужно быть философом, чтобы понять простейшую истину – можно взять только оттуда, где есть, что брать. Если народу урезать зарплаты и пенсии, если сокращать рабочие места, если постоянно поднимать цены на продукты питания и коммунальные услуги, если в счета по оплате электричества включать, уже обложенные налогом, квадратные метры жилья, если двенадцать раз повышать налоги, если заставлять людей мерзнуть зимой, потому что отопление больше им не по карману, то с такого народа ничего, кроме ярости и сопротивления не возьмешь.

Поголовное отчаяние и страх порождают в Греции ненависть и насилие. Страна стоит на грани катастрофы. Что же дальше?»

«20 ноября, 2009 года.

Хочу написать о той Греции, какой я ее вижу сейчас, через двадцать лет после моего первого приезда в страну, которая тогда мне показалась Землей Обетованной.

- я иду по улицам торгового центра. Двери магазинов, где раньше шумели веселые голоса и толпились люди, заперты. На меня пялятся голые и грязные стекла витрин, на которых наклеены объявления «сдается в наем».

- в супермаркетах, где цены постоянно растут, я увидела старушку. Она долго стояла перед полками, на которых лежали упаковки с куриными тушками и кусками свежего мяса. В замешательстве она брала с полки то одну, то другую тушку и смотрела на цены. Наконец, она положила одну небольшую курицу в свою корзинку, где была только буханка хлеба. Глядя на нее, я вспомнила Carrefour в 2000-ом году. Народу – не протолкнуться, приезжали целыми семьями, нагружали покупки по три тележки. Потом шли в бистро на том же этаже, где кормили потрясающими пиццами, лазаньей, говяжьими отбивными и бараньими котлетами. Там никогда не было сводного столика. Уставшие потребители, проведенные на территории огромного супермаркета несколько часов, брали бутылочку вина, лазанью и десерт, наполняли большую тарелку разными салатами и, отвалившись на спинки стульев, с удовольствием все это поглощали. Потом спускались вниз, на парковку, загружали багажники своих автомобилей целлофановыми пакетами с нужным и ненужным, и отъезжали. На следующую неделю покупки были сделаны. А сейчас пустой супермаркет и старушка, в глазах которой читается только один вопрос – может ли она позволить себе курицу на обед? Кто виноват? Кто довел ее до этого? Как правительство и государство позаботилось о ней? Когда политическая элита жирела, воруя из кредитов, разве она думала о таких вот старушках?

- ко всем другим бедам и лишениям, вдруг взлетели цены на лекарства, став обычным людям не по карману. Подсуетившиеся фармацевтические компании изобрели для малообеспеченных так называемые «заменители» - более дешевые, но не эффективные препараты. Почему заменители предлагают грекам, а не французам или немцам? Вопрос, ответ на который очевиден.

- в больницах не хватает медикаментов, перевязочных материалов, инструментов, кроватей и медсестер.

- я боюсь ездить в центр Афин. Когда я все же выбираюсь туда, я прижимаю сумку, в которой совсем немного денег, к груди. Я знаю, что в центре я почти не встречу греков, но на меня плотоядно будут таращатся афганцы, пакистанцы, иракцы и другие несчастные, приехавшие из тех стран, в которых супердержавы ведут войны за свои интересы.

- я иду по улицам, и вижу наркоманов и бездомных, сидящих прямо на тротуарах. Привалившись спиной к расписанными граффити грязным стенам обветшалых зданий, они просят дать им хоть что-то на спасительную дозу.

- в Афинах появились кухни, где, в очереди за бесплатной едой, вместе с бездомными, стоят бывшие «белые воротнички». Я подошла к одному из них и мы разговорились. Раньше он работал в престижной фирме, теперь он безработный. У него двое детей. Они с женой экономят на еде, поскольку им надо платить за аренду жилья. Денег на аренду хватает только на два месяца, потом они окажутся на улице. Он мне сказал, что принесет спагетти домой и незаметно переложит их из пластиковой коробки в кастрюлю, как будто эта еда была приготовлена дома их мамой. «Мы не можем признаться собственным детям в том, что у их родителей нет ни работы, ни денег». Я тоже взяла две коробки спагетти и два апельсина. Сегодня у нас со Стефанией будет пир.

- я теперь стараюсь наглухо закрывать окна, а дверь постоянно держать на замке. В сегодняшней в Греции каждый день убивают и грабят.

- я больше не смотрю новости, потому что не могу видеть говорящие рты политиков, из которых вылетает очередная ложь. Я также боюсь услышать об очередном греке, который покончил жизнь самоубийством – количество самоубийств за последние месяцы возросло на 40%. Один пенсионер, прежде, чем покончить счеты с жизнью, написал в записке следующее: «Не хочу доставлять им удовольствие видеть меня в парке, просящим милостыню».

«24 ноября, 2009 года.

Во время своей жизни человеку редко когда удастся избежать испытаний и кризисов. Однако кто или что провоцирует кризис, что несет с собой испытания и несчастья? Природная стихия, любимый человек, которому ты верила, непредвиденная тяжелая болезнь или группа безответственных людей, сознательно приведшие народ к краю пропасти? Если такая группа людей существует и явилась причиной массовой нищеты, безработицы, потери гражданами их жилья, а также, самоубийств, разве они не террористы? «Терроризм - многообъектное преступление, главной целью которого является общественная безопасность, равно как посягательства на жизнь и здоровье граждан». Разве греческие политики не посягнули на жизнь и здоровье своих граждан? Что и говорить, народ мой – враг мой. Из Греции, из Земли Обетованной, ушла радость, ушла гордость, ушла щедрость, ушло гостеприимство. Сейчас эта озлобленная страна полна страхом.

Греческий народ, как мне кажется, до сих пор не понимает, что происходит с ним и с его страной. Греки не понимают, что с ними уже воюют, только политические лидеры их страны на этот раз не на стороне своего народа.

Недавно я прочитала статью одного журналиста из «New York Times». Он поразил меня сценарием в духе Хаксли и Оруэлла одновременно. То, что он написал – фантастика, но разве самые невероятные вымыслы писателей-фантастов постепенно не становятся реальностью? Итак, давайте представим, что через Греция захотела вернуться к своей национальной валюте – драхме. В один из воскресных вечеров, греческий премьер-министр (кем бы он ни был в тот

исторический момент), объявляет о том, что с завтрашнего дня в Греции прекращает хождение евро и вводится драхма. Допустим, стоимость драхмы будет равняться 60% от стоимости евро. Греки начинают штурмовать банки, пытаются забрать свои сбережения. Начинаются беспорядки. Местная полиция, естественно, не справляется. Тогда на помощь приходят войска НАТО. Прежде, чем Греция решает вернуть себе свою денежную единицу и покинуть дружную семью европейских народов, Объединенная группировка войск НАТО оккупирует страну и закрывает ее границы. Военные восстанавливают порядок на улицах. Зачем они были присланы? Для обеспечения гарантий того, что международная ростовщическая братия вернет себе одолженные ею капиталы и барыши. Вот такой сценарий.

Надеюсь, что до этого не дойдет. Корень в греческом слове «кризис» означает «решение». В трудную минуту надо принять решение, которое превратит опасность в возможность. Правда, если от тебя еще что-то зависит. А, если нет? Если страна и мир продолжают находится в руках террористов?»

Глава 41.

Возвращение под спасительный кров.

Лиза отложила свой Дневник в сторону и задумалась. Она покинула, нет, она сбежала из дома фон Нарвица осенью 2005 года. С тех пор прошло более четырех лет года. Многое изменилось и сейчас ситуация критическая. Деньги на исходе. Недели две ей еще хватит, чтобы покупать продукты, но потом все, не останется ни гроша. За аренду их маленькой квартирки в Агии Параскеви платить будет нечем. Она прекрасно понимала, что, обратиться она к Эдмунду фон Нарвицу, он ее примет без всяких условий и оговорок. Он не напомнит ей о том, что она ушла после того, как он спас им жизни – ей самой и ее дочери. Он не будет попрекать ее, назвав неблагодарной. Это он, а как будет выглядеть она, если надумает вернуться? Что она скажет?

- Сейчас мне трудно, деньги закончились, моя свобода мне больше не нужна?

Оправдывая свое бегство, она крепко держалась за свою свободу, на которую, как ей казалось, покусился ее спаситель. Что же она делала со своей свободой на протяжении последних четырех лет, как употребила ее? Что-то совершила, что-то создала? Нет, эти четыре года прошли, как в тумане. Она не притронулась к кистям, за исключением того времени, когда расписывала стены в детском садике. Кое-что рисовала для Стефании, так, чепуху, картинки к сказкам, которые ей рассказывала. Больше ничего. Чем же она занималась эти четыре года? И, главное, зачем лишила Стефанию прекрасного детства в большом доме с садом? Как она посмела?!

Лиза встала из-за кухонного стола, за которым сидела, делая записи в своем Дневнике, и пошла в комнату. На кровати спала Стефания, у нее в ногах, растянувшись во весь рост, спали Амадеус и Джозефина – единственные друзья ее дочери. Ее мама долго смотрела на свою спящую девочку, не подозревавшую о том, что ее детство могло быть совсем другим. Ее мать, погнавшись за призрачной свободой, все решила за нее.

Зачем же Лиза обрекла себя и свою дочь на эти невероятно трудные и одинокие годы в маленькой квартирке на третьем этаже старого дома в Агии Параскеви?

Осознавая свою вину, она надеялась, что сделала все правильно. Четыре года тому назад, она сбежала из прекрасного дома фон Нарвица, где у нее была своя комната, а для Стефании была оборудована детская, полная игрушек, не только из-за начавшейся депрессии. Не только потому, что ей было необходимо спасти себя, она уводила своего ребенка из роскоши. Стефания не должна была начать свою жизнь, окруженная слугами и всеобщей любовью. Она бы выросла избалованной и капризной. Тогда она уехала, еще не осознавая, что делает, но кто-то уже руководил ее мыслями и действиями.

Да, она поступила правильно. Когда Игнат только родился, она и ее тогдашний муж Алексей, могли остаться в большой квартире его родителей, однако она предпочла переехать в маленькую хрущевку к Анне и Александре. Вернуться там было негде, но она знала, что Анна воспитает ее сына так, что потом никто и ничто не сможет его испортить. Анна заложила в маленького Игната то зерно, что дало всходы, став его внутренним стержнем. Его уже ничего не сломает и не согнет. У Игната нет ничего общего с мужчинами, бывшими с ним одной крови. Он абсолютно не был похож на своего деда Василия, на которого никогда нельзя было положиться, как не был он похож и на своего кровного прадеда Якова, не сумевшего оценить дар, что был даден ему Богом. Яков был талантлив, но недалеко, поэтому и не смог рассмотреть свою судьбу через дебри жизни. Игнат также не был похож и на своего отца – красивого, но бесполезного и жалкого мужчину, испугавшегося перемен и не нашедшего себя после развала советской империи. Анна воспитала своего правнука подобием того, кого любила. Ставя на ноги Игната, закладывая в него азы добра и помогая ему сформировать самые первые мысли, она держала перед глазами образ Никиты, своего второго мужа, которого встретила после войны. Человека чистого, любящего, готового отдать свою жизнь за любого члена своей семьи, которая, на самом деле, была ему не родной. Александра не была его дочерью, как не была родной внучкой и Лиза. И, тем не менее, этот человек, без памяти любя Анну, стал залогом семейного благополучия, их опорой и кормильцем. Никита никогда не врал и не предавал, напротив, он был той глыбой, на которую оперлась вся семья и, как только его не стало, семья распалась. После восемнадцати прекрасных лет, проведенных вдвоем, Анна не могла принять его безвременной кончины. Она долго горевала, но с появлением правнука успокоилась. Ее Никита возродился в этом крепком мальшке, который рвался из своего манежа на свободу и крушил все на своем пути. Она читала Игнату книжки, она рассказала ему о жизни и каким она мечтает его видеть. Игнат слушал и все понимал. Как только ее правнуку минуло три года, Анна научила его читать.

Сейчас ее повзрослевший сын, в другой стране, заботится о своей жене и маленьком сыне, став той опорой, на которой будет построен фундамент его семьи.

На глаза навернулись слезы. Как давно она не виделась со своим взрослым сыном! Вытянув конец одеяла из-под котов, она теплее укутала свою спящую дочь. Был конец ноября, а отопление было им не по карману, так что в комнате было холодно. Вернувшись на кухню и убирая тарелки в шкаф, Лиза, уже в который раз, думала о прошедших четырех годах, взвешивая правильность своего поступка.

Первые два года она была нянькой. Кормила, купала, убаюкивала, вскакивала по ночам, носила на руках, уговаривала, выносила на прогулки, затаскивала снова вверх, берегла от болезней. Это были безумные годы, потому что, если даже ее дочь и понимала, что ей говорили, она не могла ничего ответить. Эти безответные монологи доводили Лизу до отупения. Она была запрограммированным роботом, который выполнял механические функции, доводя своего ребенка до нужной

стадии развития вне материнской утробы. Кто сказал, что беременность невеселая вещь? А первые два года?

Последующие два года были более осмысленными. Стефания уже могла разговаривать. Иногда трещала без умолку, что было хорошо, но она так же бегала, открывала ящики и залазила на стулья, подвергая себя постоянной опасности. В этом возрасте дети не связывают свои действия с опасностью. Страх им может внушить только кто-то другой. В эти два года Лиза была спокойна, только когда ее дочь спала. Сумасшествие продолжалось, однако Лиза решила не сдаваться. Игнат – плод воспитания Анны, а Стефания станет плодом ее воспитания. Жалко ли на это потратить четыре года своей жизни? А, что, есть лучший вариант? Например, всучить ребенку электронную игрушку с забавами для дебилов, продолжив свою жизнь и карьеру как ни в чем ни бывало. Или пригласить няню – чужого человека, абсолютно безразличного к тому, что именно вырастит из твоего ребенка. Разве труднейшая и порой невыносимая миссия зачать своего ребенка сызнова, но уже не в утробе, а в реальной жизни, зачать его характер, вложить в его мозг и закрепить в его душе понятия добра и зла – не самая важная? Если уж этот ребенок появился а свет... Далеко не все родители отваживаются на такие жертвы, а надо бы.

У Стефании не было никаких электронных игрушек. Изредка вдвоем с Лизой они смотрели телевизор. Она росла в окружении умных книг, хорошей музыки и двух котов. В супермаркетах она не орала и не канючила купить то, что попало ей на глаза. В еде она не привыкла к излишествам и не была привязана к одному-единственному любимому лакомству. Иногда приходилось есть хлеб и запивать его молоком. Стефания не возражала. Она умела читать, старалась думать и с большим удовольствием делила свое личное пространство с котами. Лиза пыталась ей объяснить, что Джозефина и Амадеус всего лишь животные, они не члены семьи, а любимые домашние питомцы, однако Стефания отвергла эту точку зрения, заявив, что коты являются членами их семьи, просто выглядят по-другому. Лиза ее не переубеждала – если ребенок относится к животному не просто как к одушевленной игрушке, а как к равному члену семьи, такой ребенок никогда не сделает животному больно. У Стефании были обязанности: она помогала своей маме вытирать тарелки, складывала поглаженные полотенца и наволочки, убирала свои игрушки и кормила котов. Поскольку ее мама постоянно с ней разговаривала, рассказывая ей разные истории, объясняя поступки тех или иных людей или обсуждая случившееся за день, Стефания умела участвовать в разговоре. Она знала, как общаться, в том числе и со взрослыми людьми, и имела свое мнение. Она не пугалась, когда с ней заговаривали, не бычилась и не начинала реветь. Она отвечала, причем, не односложно, как это делает большинство детей, а продолжала разговор, со своей стороны задавая вопросы и делясь своими впечатлениями. Потратив четыре года своей жизни, Лиза вложила в свою дочь то зерно, что, со временем развившись в ней, не даст ни лишениям, ни деньгам, ни роскоши, ни пустым и подлым людям развратить или уничтожить ее.

Она также объяснила своей дочери кое-что про любовь.

В детстве она сама предпочитала компанию взрослых. В их окружении Лиза чувствовала себя маленьким человеком, наделенным исключительной важностью. Их уважение к ней, слегка преувеличенная демонстрация того, что они признают ее авторитет, готовило ее к тому, что, повзрослев, она должна была знать себе цену и добиться успеха. Скажем больше – их отношение к Лизе и обстановка, в которой она выросла, убеждали ее в том, что она не такая, как все. Ее семья – ни дед, ни отец, ни Анна, ни Александра никогда не были толпой. Ее дед никогда не

маршировал в строю большевиков. Ее отец, будучи военным, как мог, избегал военных парадов.

Они жили лучше, у них было больше возможностей, в то время, как другие дети были этим обделены. Лизе даже казалось, что на ее долю выпало гораздо больше любви, чем на долю других детей – их так сильно не любили! В то же время, она не была избалована. За любовь и внимание к своей персоне она всегда платила тем, что постоянно их развлекала. Давала представления в большой гостиной, несколько раз отрепетировав то, что собиралась играть. Отрывки из разных балетов она исполняла на крыльце дома. Однажды это плачевно закончилось – упав, она сильно ушиблась, но вскоре забыла об этом. Стихи она читала под рождественской елкой. Кукольные театры она устраивала за высокими спинками двух сдвинутых больших кресел. Ее ум постоянно работал, создавая и творя для тех, кто ее любил. Другими словами, она платила за любовь.

Ей хотелось, чтобы взрослые лишней раз улыбнулись и восхитились ее придумками. Она догадывалась, что иногда их похвалы были не совсем ею залужены, но ведь она была их единственным ребенком, которому казалось, что за любовь надо благодарить. Им бы обнять ее и сказать: «Не старайся так, мы тебя и так любим», но они этого не делали. Просто продолжали любить, пока судьба не подкинула им проблемы, которые надо было решать, и потери, над которыми надо было горевать.

Когда Лиза выходила в «большой мир», т.е. за пределы большого дома и оболочки семьи, что ее защищала, она сталкивалась с противоположным – в «большом мире» она никогда не была лучшей. Всегда кто-то другой был лучше ее. Она не могла понять – почему? Старалась изо всех сил, но всегда кто-то другой лучше учился, лучше танцевал, лучше играл на пианино... В детские компании ее принимали неохотно. Дети знали, что должность и авторитет ее деда Никиты, делает эту семью особенной и привилегированной. Они понимали, что их отцы являются подчиненными деда этой девочки, и что благополучие их семей в большой степени зависит от отношения ее деда к их родителям. Однако ее сверстники не старались с ней подружиться, а, наоборот, изгоняли ее из своего детского общества. Они радовались ее провалам во время школьных спектаклей и тому, что она была недостаточно грациозна для занятия балетом. Поэтому Лиза избегала детей и предпочитала взрослых. С ними было спокойнее и намного интересней.

Она росла, пребывая в постоянном внутреннем противоречии – лучшая, не такая, как все, во внутреннем мире своей семьи, и самая обыкновенная и, даже посредственная, во внешнем мире чужих людей. Настало время, и привилегированный и устроенный мир ее семьи исчез, поскольку семья распалась. Оставшись лицом к лицу с внешним миром, она испугалась. У нее не было уверенности, что она выиграет состязание с жизнью, что ей повезет стать кем-то, проявив ту личность, в существовании которой ее так часто уверяли любившие ее взрослые. И, хотя, благодаря своему характеру, упорству и бесстрашию, она преодолевала барьеры, встававшие на ее пути, ее часто преследовали неудачи. Впрочем, это обычная история человека, приобретающего жизненный опыт. Именно в это время, как долго оно бы ни длилось, особенно остро ощущается трагический разрыв между волшебным миром детства и миром реальной действительности.

Ей хотелось, чтобы Стефания выросла без этого внутреннего противоречия, чтобы ее детство не определяло ее жизнь, чтобы не тянуло ее назад и не будило в ней желания спрятаться там, потому что вся последующая жизнь вдруг окажется, по сравнению с детством, непредвиденным кошмаром. Ее дочь должна также

понять, что никогда не стоит благодарить за то, что ее любят. Любовь, направленная на нее, не ее чувство, это чувство принадлежит другому человеку. Если бы он не чувствовал любви, он бы не любил. Любящий человек и так вознагражден, ведь в его сердце теперь знает, что значит любить. Если в ней самой ответная любовь не родилась, заставлять себя любить из чувства благодарности не надо. Лучше сказать правду, чем обманывать кого-то своим неискренним чувством. Все, что надо по возможности сделать, это не причинять любящему тебя человеку боли.

Лиза подошла к балконной двери и уставилась на белый дом, что высился напротив. Некоторые веранды были заставлены горшками с растениями и иногда, в одном или в нескольких цветочных горшках, на влажной и теплой земле дремали коты. Крыша на этом доме, как и на большинстве других домов, насчитывающих три или четыре этажа, была плоская. На таких крышах стоят кадки с растениями и небольшими деревцами, туда же, по праздничным дням, выносят мангалы, где на горячих углях готовят баранину или рыбу. Иногда на таких крышах, в будках живут псы. Зачем? Чтобы воры не залезли через крышу? Но псы ночи напролет лают, не то от скуки, не то от тоски, не то от злости на своих дурных хозяев. Если дома стоят рядом, псы видят друг друга с соседних крыш, и временами устраивают оглушающие междусобойчики, длящиеся часов до пяти утра. Лиза всегда удивлялась, как хозяева могут спать под этот гам, проявляя удивительную нечувствительность и демонстрируя наплевательское отношение не только к покою своих соседей, но и к участи бедного животного, вынужденного сносить палящую жару летом, а зимой – дождь и холод.

Что же делать сейчас? Работы нет, денег тоже. Сев на кухонный стул, она обхватила голову руками. Что делать?! Пойти к Нарвицу она не может. Не может...

Вдруг она вздрогнула. В дверь кто-то позвонил. К ним никто никогда не приходил. Кто это может быть? Может не открывать? Кому взбредет в голову прийти в четыре часа пополудни?

Поколебавшись, Лиза пошла открывать. На лестничной площадке стоял Руперт. Дорогой Руперт! Ей хотелось броситься к нему на шею, но тот смотрел на нее холодно. Покинув дом фон Нарвица, она обидела не только его хозяина и друга, но и его самого. Она лишила их обоих радости. Она забрала у них Стефанию и ушла сама, оставив их, без вины виноватых, с вырванными сердцами. Руперт такого не мог простить.

Лиза смешалась и отступила назад.

- Зайдете, Руперт? – спросила она.

- Нет. Я с поручением от господина. На ваше имя пришло письмо. Вам надо заехать и забрать его.

- От кого письмо? – Лиза совсем сникла от его враждебного тона.

- Я не знаю. Было бы удобнее, если бы вы сообщили день и час, когда зайдете за письмом.

- Да в любое время. Могу завтра. В одиннадцать утра.

Руперт развернулся и стал спускаться по ступенькам. Застыв в проеме открытой двери, Лиза стояла и слушала, как ботинки Руперта отсчитывают ступеньки на лестничных пролетах между этажами.

На следующий день они со Стефанией стояли перед воротами, за которыми простиралась владения фон Нарвица. Стефания уже задала несколько десятков вопросов о том, к кому они идут, поэтому сейчас молчала. Притихнув, она смотрела на высокий белый забор. «Знала бы она, - думала Лиза, - что все это принадлежит ей. Разве что Эдмунд передумал и все переиначил». Она надеялась на его прощение только по одной только причине – он не передал письма с

Рупертом, значит, хочет ее видеть. Она ему объяснит, почему ушла четыре года тому назад. Он поймет, не может не понять.

Ворота открылись и две женщины – маленькая и большая – пошли по дорожке к дому. Фон Нарвиц наблюдал за ними из окна. Он уже знал, что они вернулись.

Почти десять лет тому назад, когда Нарвиц впервые увидел Лизу, она стояла перед ним на ковре, ее пушистые ресницы были мокрыми от слез, потому что по дороге к нему она вспомнила свою собаку, которую не уберегла от страшной гибели. Она подошла к нему и назвала его Учителем. Что же сейчас? Перед ним стояла мать, четыре года проведшая в своем логове вместе со своим детенышем. И вот, детеныш подрос и окреп, в его глазах светится, если еще не разум, то любопытство и жажда знать. Мать детеныша была похожа на волчицу, вымученную тем, что сразу несколько волчат всю зиму сосали ее молоко. Сама она охотилась редко, рацион ее был мал и не ахти какой, и вот, пришла весна, волчата выжили и играют на согретой солнцем поляне, а она, худая, со свалывшейся шерстью, лежит рядом с норой, и нет у нее сил даже пошевелиться. Исхудавшая Лиза стояла перед фон Нарвицем в старых джинсах и потертом свитере, на ее плечи падали пряди потускневших, неухоженных волос, а под глазами появились первые морщинки. И все же, в ее глазах Эдмунд увидел гордость и радость, потому что рядом с ней стояла ее Стефания, плод тяжелых лет, проведенных в затворничестве, ее мужества, терпения и любви.

Сам он не то, чтобы постарел, он пал духом. Глаза его больше не светились огромным, светлым разумом, вобравшим в себя столько опыта, знаний, раздумий и мук. В его глазах, победив разум, застыла боль – физическая и душевная. Будучи инвалидом и мужчиной, который любил ее, он всегда радовался любому проявлению доброты с ее стороны. Он не ждал ответного чувства, как не ждал и благодарности, но доброты – да, он ждал и хотел. И тот ее поступок, когда она ушла сама и увезла из его дома новорожденную Стефанию, сломал его. Это был злой поступок. Если сейчас она начнет умолять его о прощении, просить денег или крышу над головой, он ее выгонит. Вместе с дочерью. Поступит с ней также жестоко, как она поступила с ним четыре года тому назад. Фон Нарвиц молчал. Он с ужасом смотрел на Лизу и ждал ее слов.

- Она готова. - В голосе Лизы не было ни уничижительных ни просительных ноток, только гордость. – Я сделала свое дело. Я вырастила и воспитала ее. Теперь очередь за тобой. Ты должен дать ей знания.

Она стояла и улыбалась.

Так она знала, что делала? Какая женщина отказалась бы от всего того, что предложил ей он? Кто бы отказался от роскоши, спокойной и радостной жизни без забот? Кто нашел бы в себе силы уйти и прожить годы лишений в маленькой квартирке в старом доме? В это трудно поверить, но она не такая, как все. В этом все дело.

- Так вы вернулись? – на глазах Нарвица блеснули слезы.

- Да, вернулись.

- Навсегда?

- Если не выгонишь, то навсегда.

Нарвиц опять сделал то же неосознанное движение, что сделал, когда узнал, что Лиза ждет ребенка – схватившись за подлокотники своего кресла, он попытался встать с него. Стефания подбежала к нему и обняла его. Лиза села рядом с ними на ковер. Стоять она устала.

- От кого письмо? Руперт сказал, что на твой адрес пришло какое-то письмо для меня.

Отпустив Стефанию, которую он все это время прижимал к себе, Нарвиц позвал Руперта и попросил его принести письмо.

- Оно не подписано. Его отправили на адрес картинной галереи, где мы тебе когда-то устраивали выставку. Оттуда его переслали сюда. Я удивлен, что они сохранили адрес, да и вообще еще существуют.

Руперт принес письмо и протянул его Лизе. Его лицо было непроницаемо. Он так и не простил ее.

Лиза взяла конверт и, узнав почерк, обомлела. Она не хотела открывать и читать это письмо. Положив конверт рядом с собой на ковер, она отвернулась от него. Этот белый потрепанный конверт означал очень болезненные воспоминания и ненужные ей новые испытания. Она успела заметить обратный адрес, вернее, страну и город, но названия улицы и имени на конверте не было. Болгария, София... Почему София?

- Мне надо съездить на нашу квартиру и забрать оттуда пару вещей, - быстро поднявшись с ковра, Лиза направилась к двери. - Пусть Стефания остается с тобой. Я быстрее справлюсь одна. Мне бы хотелось, чтобы Руперт помог мне.

По дороге в Агию Параскеви Руперт молчал. Когда поднимались по ступенькам на третий этаж, Руперт молчал. Когда они очутились в комнате, Лиза посмотрела не него в упор и попросила присесть на стул.

- Руперт, мне понятно то, что вы чувствуете и думаете. Я – неблагодарная, я обидела вас и ранила Эдмунда. Я сбежала, скрылась и четыре года молчала. Не буду извиняться, потому что мне не за что извиняться. У меня на руках была новорожденная дочь, которую я должна была вынянчить и воспитать. Я сама. Не все вместе, не в роскоши, а я сама и в трудных или, лучше сказать, в обыкновенных условиях. Я это сделала, теперь она справится. Если вы хотите меня за это упрекнуть или не можете понять, мне придется ваше враждебное отношение ко мне принять и больше никогда об этом не упоминать. Но мне очень хотелось бы, чтобы вы меня поняли и больше не осуждали.

Руперт сидел, как провинившийся ученик перед ней. С ним говорила женщина, лишившая себя четырех лет беззаботной жизни, мать, понимавшая свой долг вырастить и воспитать свое дитя буквально, то есть, вырастить и воспитать, пожертвовав собой. Что он мог сказать?

- И что же теперь? – коротко спросил Руперт, избегая разговора.

- А теперь мы заберем котов, любимые книги Стефании, кое-какие рисунки и больше никогда сюда не вернемся.

Вечером, в большой зале был накрыт ужин. Горел свет, играла музыка. Все переоделись и прихорошились. Впрочем, им и не надо было. Их глаза и улыбки были настолько полны радостью и предвкушением счастья, что можно было бы сидеть и в рубище, а комната все равно бы сияла. Когда ужин подходил к концу, Лиза заговорила о том, что ее беспокоило.

- Эдмунд, мне придется уехать на некоторое время. Письмо, что ты мне дал, от Адама. Он был моим мужем. Мы прожили вместе около двух лет, а потом он исчез при очень странных обстоятельствах. Это было в 1999 году в Киеве. После его бегства, меня чуть не растерзали, моя семья тоже пострадала. Я приехала в Афины, чтобы разыскать его. Как ты знаешь, мне это не удалось. С тех пор я видела его всего один раз, на следующий день после открытия моей выставки. Я заехала в галерею, чтобы забрать две картины, которые не были проданы. На одной из них был нарисован садовник с ножом, помнишь? Это портрет Адама. Когда я обернулась, он смотрел на свой портрет, прижавшись лицом к огромному окну у входа. Тогда шел сильный дождь. Я выбежала, догнала его, но он меня оттолкнул и

скрылся. И вот он пишет, что живет в Софии, что очень болен, вероятно, скоро умрет и, поэтому, хочет меня видеть.

- Ты поедешь? – напряженно спросил Нарвиц. Опять счастье улетучивается, испаряется, исчезает.

- Я поеду, но скоро вернусь. Мне надо поехать. Адам – это та ниточка в моей жизни, что болтается. На ней надо завязать узелок. Если я этого не сделаю, я буду постоянно думать об этом.

Опять ниточка и узелок, как когда-то с Джорджем. Как только она заикнется про ниточку и узелок по поводу их отношений, это будет приговор. Эдмунд помолчал немного и, взяв себя в руки, спросил:

- Не понимаю, зачем тебе ехать самой? Это небезопасно. Можно послать человека, он разыщет этого Адама, посмотрит, что с ним происходит и чем можно ему помочь.

- Нет, я поеду сама, - твердо ответила Лиза. – И потом, я не уверена, что хочу ему помогать. Ничего со мной не случится. Обещаю звонить каждый день, а то и несколько раз на день. Справишься со Стефанией? Она будет занята – ей предстоит исследовать дом и сад. Попроси кого-нибудь приглядывать за ней, чтобы ничего не случилось. А так, думаю, хлопот с ней не будет. Если ей что-нибудь понадобится, она тебе об этом скажет. В еде она не привередлива. Когда я приеду, мы покрестим ее.

- Я думал, ты попов не приемлешь, - Нарвиц успокоился. Лиза оставляет свою дочь здесь, значит, обязательно вернется.

- Попов по-прежнему не признаю, поэтому совершим обряд в этом доме. Без попов. Тот Бог, что сам созидает и побуждает людей созидать, живет в наших душах. Зачем же нам люди в рясах? Но традицию надо соблюсти. Как ты думаешь?

- Если ты хочешь, что-нибудь придумаем, - с готовностью ответил фон Нарвиц. – Бог ее и так видит, но, как ты говоришь, соблюсти традицию не помешает. Пусть наша Стефания будет крещенной. А крестные родители?

- Крестной матери не будет, - ответила Лиза. – Мать у Стефании одна, другой ей не надо. Крестный отец приедет из Киева. Это мой друг. Он отвез меня в ту больницу, где мне сказали, что я жду ребенка и провел с мной там два дня. Он также помог мне, когда меня похитили с Майдана и привезли в офис Иезуитова, где его жена убила его у меня на глазах. Он тогда здорово выручил меня. Я обещала позвать его на крестины.

Нарвиц опять было насупился. Ему казалось, что он сам должен был стать крестным отцом. Разве не заслуживает? Однако, слушая то, что ему говорила Лиза, он забыл об огорчении и пришел в замешательство. Если она попадает в такие переделки, как можно отпускать ее одну в Софию? Да и кто этот Адам, что сбежал, накликав на ее семью столько бед?!

- Повтори еще раз все, что ты только что сказала, но медленнее. Кто кого где убил? – Нарвиц отложил нож и вилку и посмотрел на Лизу пристальным и долгим взглядом.

Она, тем временем, заметила и его огорчение, и его замешательство.

- Подробнее я тебе потом расскажу. А сейчас у меня к тебе еще одна просьба. Подготовь, пожалуйста, документы к моему возвращению на удочерение. Как же она станет твоей наследницей, если не будет твоей дочерью? Лучшего отца для нее не найти.

Она услышала, как за ее спиной, упав на пол, разбилась тарелка. Ну что ж, вот и Руперт ее простил.

Теперь этот дом стал для нее родным, потому что в нем появились родные ей люди.

Глава 42.

Хроника одного преступления.

Вообще-то Адам не заслуживал ни сострадания, ни помощи. Лиза не должна была лететь к нему в Софию, она должна была забыть о нем, оставив все свои вопросы без ответов. Это тоже своего рода свобода – не искать ответы. Когда Адам исчез, ей очень хотелось спрятаться и, если уж на то пошло, тоже исчезнуть из того равнодушного мира, что не дрогнул от такого предательства по отношению к ней.

Касаться воспоминаний было по-прежнему невыносимо больно, но нужно было пересилить себя. Если она не поедет, если сдрейфит, если пойдет на попятную, забыть она все равно не сможет. Каждый раз будет спрашивать себя, что произошло тогда, накануне Пасхи 1999 года, когда ее муж не вернулся домой? Что его так напугало, что такого могло случиться, что позволило ему так жестоко обойтись с ней и с ее семьей? Что все эти годы служило оправданием его бесчеловечного поступка?

Лиза испугалась его исчезновения так, как не пугалась еще никогда в жизни. Она не знала, что существует такой черный, бесконечный, холодный страх, что страшнее смерти. Ей казалось, что она, живая, очутилась в гробу с захлопнутой крышкой. Ясно осознавая свою обреченность и всю безвыходность положения, она кричала, но ее крик растворялся в замкнутом безвоздушном пространстве гроба. Такой крик иногда снится в ночных кошмарах – ты кричишь и понимаешь, что никто твоего крика не слышит. По прошествии некоторого времени, ее ощущения изменились. Ложась в постель, в которой еще совсем недавно рядом с ней спал Адам, она представляла, что плывет по реке. Река была черная, берегов у нее не было, поскольку по обеим ее сторонам и над ней смыкались каменные своды. Река была прохладная, воды ее успокаивали и тихо куда-то несли. Лизе было все равно, куда, и вернется ли она, и что это было – сон или видение. Кто окунал ее в эти прохладные воды и кто возвращал ее назад, она тоже не знала. Отдаваясь на волю своих видений, она не особенно надеясь на возвращение. Да, Адам чуть не убил ее тогда.

Вот что она писала в своем Дневнике сразу, после его исчезновения и потом, когда отправилась на его поиски в Афины.

«07.04.1999. Киев.

«Ад – это другие люди».

Адам, за которого я вышла замуж всего полтора года тому назад, внезапно исчез. Прошло чуть больше месяца с тех пор, как он пропал при загадочных обстоятельствах, оставив место для сумасшествия в моем мозгу и не утихающую боль в душе. Можно выбирать из трех глаголов – пропал, исчез, сбежал. Я ждала его все это время. Теперь, наконец, до меня дошло – он не вернется. Внутри меня образовалась пустота, которую просто необходимо заполнить. Чем угодно, лишь бы эта прорва перестала визжать и стенать внутри меня. Если не надеждами, то, тогда, фактом его смерти. Могила была бы лучше. Я бы пошла, присела рядом и поплакала. Поговорила бы с ним. Любила бы его, мертвого. Это лучше, чем ненавидеть живого.

Говорят, он в Афинах. Я не могу с ним связаться. Он молчит и прячется.

Не вини своего мужчину в слабости,
Ты выбрала его сама.
Вознесла высоко, сделала королем.
Наигралась, разочаровалась и
Сбросила с пьедестала,
Сказав ему, что никакой он не король.
Просто глупый мальчишка.
Твоя ошибка.
Он обиделся и убежал,
Оставив тебя наедине с твоей жестокостью.

Другими словами, я недостаточно любила того, кто оказался ни на что не способным. Тех чувств, что я испытывала к моему сбежавшему мужу, не хватило на то, чтобы его не презирать. Но не я была причиной его исчезновения. Или, все же, я?

Не надо жалеть о случившемся. Пройдет страх и все уляжется. Жизнь продолжится».

«15.05.1999.

Вчера я подумала, что ни один мужчина не любил меня так, как мне бы этого хотелось. Так, как люблю я – вся, без остатка. Эту привычку любить сильно и преданно, я не хочу брать с собой в мои следующие сорок лет. Любить надо отстранено, капризно, чуть-чуть. Но, тогда и не жить вовсе. Значит, надо учиться.

Любить всем своим естеством можно только ребенка. Или Бога. У некоторых получается, у меня нет. С Богом у меня по-семейному близкие отношения, без пиетета. Время от времени я выхожу из повиновения, бросая Ему вызов. Он за это подпаливает мне крылья и бросает лицом в грязь. Совсем Он меня не убивает. Дает силы встать и продолжить. В этот раз, преподнесенный мне урок был беспощадным.

За несколько недель до исчезновения Адама мне приснился сон. Я одеваюсь в комнате, где разбросаны дорогие вещи. Собираюсь замуж и одеваюсь во все белое. Мне помогает мама (кто еще?). Спустившись вниз, мы садимся в черную машину и едем к белому зданию. Это не церковь, но там нас будут венчать. И тут я вдруг замечаю, что стою в одной туфле, вторая отсутствует. Пока я гадаю, куда она делась, мой жених берет меня за руку. Красавец. Приказывает своим людям съездить за моей потерявшейся туфлей. Ожидая их возвращения, мы гуляем босиком по зеленой траве. Вдруг я понимаю, что не знаю имени своего будущего супруга. Спрашиваю, как его звать? «Дьявол», - отвечает он и мы оба смеемся. Привозят мою туфлю и нас венчают. Вечером нас ожидает трапеза, а пока, чтобы скоротать время, все садятся за карты.

Вскоре случилось то, что случилось. Почувствовав, что я готова продать душу дьяволу, Господь очистил меня от всего – от мужа, который лгал все больше, а я пыталась лучше и понадежнее спрятаться у него за спиной; от грешных мыслей; от неправильных отношений с людьми; от себялюбия и тщеславия, от жизни суетной, показной, не по средствам и не по совести. Он заставил меня испугаться, но дал силы и людей в помощь. Дал благодарность за то, что выжила, более или менее здорова, могу думать, и гораздо яснее, чем прежде. Одно только не изменилось – я по-прежнему нетерпелива. Как у Достоевского: осталась со всем

своим «женским истеричным нетерпением». Уже хочется, чтобы жизнь снова наладилась, чтобы появился тот, кто поможет зализать раны и отвлечет от страха.

Говорят, чем тяжелее страдание, тем больше награда. Я страдала так, как только можно было страдать. По своей наивности я тут же решила, что награда последует незамедлительно за страданием и раскаянием. Боюсь задать Ему вопрос – сколько нужно ждать? Сколько времени мне предстоит провести в монастыре раскаяния? Немного, много или всю оставшуюся жизнь?»

«13.06.1999.

Моя жизнь в двадцатом веке была слишком бурной. Один раз я страстно любила, два раза обручалась, три раза была замужем. Мой второй брак состоялся в старинной церкви и был освящен Богом. Меня предавали. Тот, с кем я венчалась, сбежал. Обет, данный Всевышнему, его не остановил.

Сколько мужчин в жизни женщины – это много? Часто женщина меняет партнеров и поклонников не из-за того, что ей не терпится удовлетворить чувство физического влечения к новому мужчине, а потому, что она никак не может найти того, с кем бы ей захотелось создать семью, завести потомство и состариться. В одном мужчине невозможно найти все – прекрасный любовник редко бывает хорошим мужем. Бывает, что тот, кто стал отцом твоих детей и тот, с кем ты будешь коротать свою старость, не один и тот же человек. Тем не менее, женщина вряд ли будет хвастаться количеством мужчин, которых ей пришлось узнать, потому что ей не хочется, чтобы о ней говорили «невезучая».

«17. 07. 1999.

Я не люблю солнца. Я – ночной человек. Утреннее солнце не вдохновляет меня и не заряжает бодростью. Я просыпаюсь и боюсь, что сегодня передо мной вынырнет новый день со своими сюрпризами, а я не люблю сюрпризов. После исчезновения моего второго мужа, имя которого было не Дьявол, а как ни странно, Адам, каждый день для меня – пытка. С каждым рассветом я ожидаю новых угроз, повесток и ареста. Каждый день меня с головой накрывают цунами из ненависти, шельмования и клеветы. Каждый день я выживаю под нападками злых людей, у которых Адам брал деньги.

Жизнь – это неоправданный риск, который тебе навязали другие. Родился, значит, обязан рискнуть прожить жизнь, где каждый день может что-то случиться. Тебя никто не спросил, хочешь ли ты поучаствовать в этом хаосе, являющимся одновременно и раем, и адом. Да и с картой твоей судьбы никто тебя заранее не ознакомил. Так, все вслепую. Оптимисты говорят – скорей бы завтра, новый день, как интересно его прожить! Конечно, интересно, если он не окажется твоим последним днем.

Каждый день похож на целую жизнь – утро, день, вечер, ночь; детство, молодость, зрелость, старость. По вечерам день уже позади, бояться нечего, тебе позволили его прожить без катастроф и неприятных сюрпризов. Солнце ласковое, предзакатное, в его золотом свете размыто мерцают завтрашние тайны. Неясное и неопасное беспокойство немного холодит сердце, но впереди ночь, когда никто непрошенный не придет и не позвонит.

Адам тут натворил всяких страшных дел, которые повисли на мне, но теперь меня уже не арестуют. Мимис прислал денег. Я откупилась».

«23.08.1999.

Сегодня лечу в Афины через Франкфурт. Ожидая своего рейса в секторе А, я вдруг поняла, что точно так же улетал в тот черный мартовский день Адам. Вероятно, он сидел в этом же секторе, думая о чем? Что бросил жену? Стыдился? Страдал? Я ждала его дома, ждала, пока не разверзлась пропасть. Спустя два дня мне сказали в полиции:

- Ваш муж бросил вас. Он улетел во Франкфурт.
- Почему вы говорите, что он бросил меня? Откуда вы знаете? – спросила я.
- Молите бога, чтобы он бросил вас, – последовал ответ.

Смысл этой загадочной фразы до меня доходит постепенно. Все, что он успел натворить за мой спиной, каждый раз вливается в мое сознание отравленной дозой, вгоняя меня в столбняк. Речь идет о больших деньгах и расписках в их получении, о документах, украденных у людей, и о странной бумаге, которую я нашла в кармане его пиджака после его исчезновения. В найденном мною документе говорится о том, что всю свою недвижимость в Греции Адам обязуется отдать моему партнеру Иезуитову. Интересный документ, ведь моему мужу ничего из семейной недвижимости не принадлежит.

Я могла бы поверить в то, что его шантажировали и ему угрожали. Я могла бы поверить, что его отъезд был действительно вынужденным и, поэтому, настолько внезапным. Но, не поверю. Адам готовился к отъезду заранее. Уходя из дому в то утро, он знал, что больше сюда не вернется. Он также посвятил в свои планы одну из моих сотрудниц, сказав ей, что оставляет меня, потому что я сошла с ума.

Итак, тот же самый маршрут, но пять месяцев спустя. По следам преступления моего сбежавшего мужа.

Ждать посадки осталось три часа. Я купила бутылку виски в Caviar House. Настало мое время. Я заслужила. В секторе А, в ожидании рейса на Афины, собирается толпа. В основном, греки. Выглядят они очень провинциально. Сижу и думаю: «Сейчас открою бутылку и сделаю несколько глотков прямо из горлышка у всех на виду. Осудят, конечно. Но кто они такие, чтобы судить меня?! Все они одинаковые. На нашей свадьбе с Адамом целовали меня, обнимали, приговаривая, ах какая девочка, ах, какая красавица! А как сбежал, никто не позвонил, не спросил, что стало с девочкой-красавицей после того, как их гаденыш чуть не перекусил ей глотку».

В нашем секторе появилась молодая пара. Он свеж и красив, как все молодые греки, она – хрупкая, молодая, с пепельными крашеными волосами, в деловом сером костюмчике. На гречанку она не похожа. Я понятия не имею, кто они – муж и жена, любовники, босс и его секретарша, но смотрятся они как одно привлекательное целое. Иногда совершенно чужие люди, которых обстоятельства свели ненадолго вместе, могут смотреться именно так – как одно целое. Бывает, что судьба, забавляясь, сводит нас ненадолго с нашими настоящими половинками, однако сводит поздно, мы уже повязаны с теми неправильными, кого нашли, к кому прилепились, преломив с ними, вместо хлеба, компромисс. Было одиноко в жизни, вот и убедили себя, что лучше с кем-то, чем в одиночестве...

Я всегда любила путешествовать. Последним, запомнившимся мне путешествием, оказалась моя медовая неделя на Кипре. Помню, мы возвращались в Киев, я сидела рядом с Адамом в зале ожидания, остро ощущая чувство принадлежности этому мужчине среди толпы незнакомых и ненужных мне людей. Мы были красивой и счастливой парой. Как он смог?!

Сейчас я опять путешествую и лечу к Мимису – чудовищу, который, после исчезновения Адама, спас меня».

«26.08.1999. Афины.

Сейчас десять часов утра. Мимис уехал в банк. Кто такой Мимис? О, это человек по имени Димитрис Загкос, недавно ставший моим третьим мужем. Мы знакомы целую вечность. Я много раз клялась себе никогда к нему не возвращаться, однако судьба меня снова и снова толкала к нему. Как будто я ему что-то задолжала в прошлой жизни и никак не рассчитаюсь.

За неделю до исчезновения Адама он вдруг позвонил. До этого года два мы с ним не разговаривали. Я знала, что он тяжело болен, но, после того, как он обокрал меня, оставив мою семью без куска хлеба, я вычеркнула его из своей жизни навсегда. И вдруг этот звонок, этот знакомый и ненавистный голос, который ни с того ни с сего приглашает меня в Грецию. Отдохнуть на его даче. На целое лето. Он ведь прекрасно знал, что я замужем. Прямо как стервятник, почуявший добычу. Я тогда рассмеялась и попросила его больше никогда мне не звонить, но уже через неделю позвонила ему сама. Мне нужна была помощь и я напомнила ему о той сумме, что он украл с нашего общего счета.

Уладив в Киеве дела, я прилетела в Афины, потому что мне надо найти Адама. Я не могу оставить его исчезновение необъясненным. Я не могу забыть, оставив все позади или, как сейчас модно говорить, «отпустить». Живу я у Мимиса, деньги на поиски Адама возьму тоже у него. Остается решить только одну непосильную для меня задачу – как на этот раз вынести рядом того, кто вынужденно стал моим мужем? Несколько раз за прошедшее десятилетие я пыталась и не смогла. Однажды мы были обручены, но я вернула ему кольцо. Рядом с ним я всегда становилась бескрайне несчастной. Он убивал меня, разлагал меня, выворачивал наизнанку. Мне было мучительно, но вместо спазмов в желудке, я ощущала рвотные спазмы в своем мозгу. Вот кто такой Димитрис Загкос. Мой палач и спаситель.

Стараюсь от тоски не сойти с ума. «Бескрайняя, жгучая, злая тоска по тому, что есть». (Хуан Рамон Хименес, «Юг»).

«29.08.1999.

В Афинах у меня нет друзей. Из дня в день, я вижу одно-единственное лицо перед собой – изуродованный идиотизмом и похотью лик Мимиса Загкоса. Слушаю всякий бред, в основном, о его сексуальных желаниях. По ночам я закрываю дверь в свою спальню и принадлежу себе. Думаю, молюсь, плачу, читаю, фантазирую. Гадаю, произойдет ли со мной еще что-то хорошее или уже только плохое?

Перестала заглядывать в проезжающие мимо машины в надежде увидеть Адама. Однажды я попросила Мимиса отвезти меня в дом, где живет моя бывшая свекровь.

Было часов восемь вечера. Стоит ли описывать мое состояние? Я ехала туда, где два года тому назад были вынесены в большой зал все столы, застелены скатертями и уставлены яствами. Праздновали нашу с Адамом помолвку. Гости приходили целый день, ели, пили, танцевали, целовали. Были взгляды искренние, были взгляды недоумевающие.

- Как так? Ваш сын женится на той, что из этих бедных стран? Тех, кого держали за Железным Занавесом? Вы не боитесь? Кто знает, что у них там творится сейчас...

Разве он не мог найти гречанку – молодую и пригожую, которая родила бы вам много внуков?

Ох, уж эти слегка испуганные и любопытствующие взгляды... Приглашенные родственники из низов и друзья из верхов делали скидку на мою красоту, но оставались при своем мнении.

- Ну, раз она так красива да, еще, говорят, успешна в бизнесе, может быть, все к лучшему. Ваш Адам всегда был чудаком и фантазером. Чего только стоил его побег за границу! Мог бы и в Афинах при таком влиятельном отце выучиться, пошел бы по его стопам. Неужели ради какой-то новомодной науки надо было ехать в какую-то Бельгию? Нет, мы не осуждаем. Пусть у молодых все сложится, пусть ваш Адам как сыр в масле катается. Только с этими иностранками надо держать ухо остро, беды от них не оберешься.

Да, я помню эту помолвку, за которой уже тогда скрывалась тайна. Свое существование тайна обнаружила, но мне пока не удалось ее разгадать. Придет время, я ее разгадаю.

Как только Мимис вырулил свой темно-зеленый Мерседес из-за угла и затормозил у дома, я увидела, как из калитки выбежал мужчина и прыгнул в машину, припаркованную у входа, и скрылся.

- Это что, твой Адам? – спросил Мимис.

Я не ответила, поскольку не успела рассмотреть этого человека. Я волновалась, была слегка растеряна и сбита с толку, не ожидая, что кто-то вдруг выскочит из дома и так поспешно скроется.

На порог вышла его мать. Отец Адама давно умер. В тот же год рядом с ней появился «друг», который взялся помогать несчастной, еще не старой и очень обеспеченной вдове, блюдя, прежде всего, свои интересы, а также интересы своей законной супруги. «Несчастливая» вдова с радостью делила с ним ложе и очень приличную пенсию, доставшуюся ей от мужа, оставаясь при этом близкой подругой его жены. В тот вечер, как всегда, «друг семьи» был рядом с ней, подпирая ее плечо, формируя ее взгляды и влияя на ее мнения.

Разговор не заладился. Моя свекровь была настроена враждебно. Я спросила ее, знает ли она, почему ее сын сбежал?

- Тебе лучше знать, почему твоему мужу пришлось уехать, - отрезала она.

Кто знает, что ей наплел ее сынок?

Скорей всего, он ей соврал... За те месяцы, что прошли с его исчезновения, я уже начала понимать, что Адам не мог жить без вранья. Хочу понять причину, заставившую его лгать мне. Лгать по-крупному, лгать с отягчающими обстоятельствами для меня и моей семьи. Такое просто так не делают. В основе его жизни лежит ложь. Вот только какая?

Нас пригласили войти и я увидела темную комнату, где были убраны ковры и пахло пылью. Неужели когда-то здесь горели огни и мы праздновали нашу помолвку? Сейчас все выглядело провинциально и убого. Со стены на меня смотрел отец Адама. Я помнила этот странный портрет. Художник ограничился лишь передачей внешнего сходства. На холсте были запечатлены лицо, половина торса, руки и край письменного стола. Глаза позировавшего получились безжизненными, а в лице невозможно было угадать ни настроения, ни характера. Даже два главных цвета – синий и черный – были плоскими, в них не было ни глубины, ни оттенков.

Сидя напротив своей свекрови, я подумала о том, что не ожидала такой открытой демонстрации неприязни. Как можно так холодно и враждебно смотреть на ту, с кем ее сын стоял перед алтарем? В ее карих, близко посаженных глазках, слишком понятно читался только один вопрос: «Что тебе от нас надо?» Она могла

бы спросить, что случилось, но она не захотела знать правду. Адам часто попадал в неприятные истории, стоившие ей больших денег. Ее задачей было выжить рядом с ним, сохранив семейную недвижимость и остатки семейной репутации. Она была женщиной недалекой, поэтому моя невиновность ее не интересовала.

Перед уходом, мне пришлось сказать следующее:

- Раз Адам не хочет меня видеть, хоть я и не понимаю причины, нам, вероятно, стоит развестись. Скажите ему, что с ним свяжется мой адвокат.

В машине по дороге домой (домой?), у меня тряслись руки. В моей душе остатки любви или приязни к моему мужу, которые я так сильно старалась сохранить, оправдывая на все лады его побег из Киева, переплавлялись в ненависть. Мне было очень больно. Боль рождала обиду на то, что от меня избавились за ненадобностью. Как будто я была нужна в определенное время, а потом нужда во мне отпала. Я чувствовала себя использованной и выброшенной».

«8.09.1999.

Вчера, во вторник, в Афинах произошло страшное землетрясение. Эпицентр был в окрестностях горы Парниты, в двадцати минутах езды от нас. Иногда мы ездим туда ужинать. Погибло несколько десятков человек, сотни раненых. После вчерашнего толчка каждые два часа продолжает трясти. Я страшно испугалась, это было мое первое землетрясение-потрясение. Черт, не хочется умереть под обломками железобетонных перекрытий и грудой кирпичей.

Вечером мы пошли в таверну, потому что оставаться дома было боязно. Столики вынесли на открытое место, под сосны. Все они были заняты испуганными родителями с детьми, которые, как и мы, хотели скоротать вечер и часть ночи вне своих домов. После ужина я потянула Мимиса в бар. После трех «Маргарит» без льда, без дураков, обжигających горло, я была ошеломлена, но по-прежнему, мертва. Мимис пил Драмбуйи.

Ночью, ожидая новых толчков, не могла заснуть от страха. Натянула джинсы и пошла спать в машину. Засыпая, думала о том, что Мимис, сразу же после землетрясения, позвонил сыновьям. Семья. Все рядом. Игнат смог дозвониться только к вечеру. Если бы я погибла под завалами многоэтажного дома, в котором мы живем, я бы погибла одна, на чужбине, не увидев перед смертью ни одного родного и любимого лица. Это страшно и очень одиноко.

Джордж тоже не позвонил, не полюбопытствовал.

Зачем мы любим? Женская глупость зашла так далеко, что произвела на свет жертвенную любовь. Говорят: «Она пожертвовала собой ради любви». Почти никогда не говорят: «Он пожертвовал собой ради любви», - мужчины проявляют завидное стремление к самосохранению. А женщина без раздумий бросается на жернова любви, и вот ее кости уже раздроблены, плоть растерзана, мозги выплунуты, а душа скукожилась от боли. После этих самых жерновов ей почти никогда не удастся стать прежней. Все ее естество обезображено бесчисленными шрамами. А кто ее просил? Когда мы говорим, что женщина пожертвовала всем ради любви, мы имеем в виду, конечно, что она пожертвовала всем ради мужчины. Родиться на свет, чтобы принести себя в жертву мужчине?! Анна Каренина бросилась под поезд. Мне до сих пор не понятно, принесла ли она себя в жертву из любви к Вронскому, стала жертвой тогдашних нравов и порядков, или решила покончить счеты с жизнью из-за желания отомстить любимому, который начинал тяготиться ею? Другими словами, заставить его почувствовать вину за то, что ее любовь не стала его жизнью.

Для женщины любовь – это влечение, возникшее потому что... Почему? Довольно часто женщина отвергает любовь достойных мужчин, предлагающих ей беззаботную жизнь, но ее легко притягивают ленивые, бесполезные, безнадежные, но загадочные оборванцы. Женщина может влюбиться в губы или в глаза абсолютно отрицательного персонажа, принимая его дурной характер за индивидуальность. Тогда ошибки буквально вырастают из любви. Так случилось и со мной и Адамом. Я ведь влюбилась в его губы».

«1.10.1999.

Начала рисовать. Заметила, что у меня дрожат руки. От злости. От гнева. От ярости. От «мерзейшей и самой фантастической тоски». (Достоевский: «Вечный муж»). Закрываюсь по вечерам на кухне, пью вино и рисую. Писать красками еще не решаюсь. Читаю о Микеланджело, знавшего человеческое тело как некоторые знают душу. Ломая и содрогая тело в муках, он передавал не только движения, но и чувства. Мне приходит на память распятая фигура библейского злодея Хамана на потолке Сикстинской капеллы. Лица Хамана не видно, но смотрящий, видя его искривленное тело, его распятые руки, его шею с вздутыми жилами, потрясен его страданиями. Его тело буквально вопит страданиями и болью!

Гений Микеланджело складывался не только из таланта, с которым он родился, но и из титанического труда. Он без конца изучал человеческое тело, которое для него было тем же, чем слова являются для писателя – способом выражения. У Микеланджело была одна черта, так понятная мне: он ненавидел все, что не было прекрасным. Привычку любить и создавать прекрасное он превратил в черту своего характера, которую невозможно было преступить, начав любить безобразие жизни. Я не могу заставить себя испытывать к уродливому телом и душой Мимису ничего, кроме самого ядовитого отвращения. Почему? Потому что он не в состоянии родить ни одной мысли, обремененной смыслом. Впрочем, сейчас – время коротких мыслей, не приносящих плодов. Это очень удобно, поскольку за короткими мыслями можно скрыть пустоту. Короткие мысли – верный путь к гибели. Все очень просто: если Господь наградил нас функцией мышления, этой функцией надо пользоваться, иначе она захиреет. Ее утрата – одна из главных опасностей, подстерегающих человека, наравне с недостатком питьевой воды и пищи. Отупевшие люди быстро превращаются в легкую добычу для разного рода манипуляторов, а, затем, в опасную толпу. Они превращаются в инструмент, для которого всегда найдется чья-то рука».

«26.10.1999

Мне хочется завести собаку или кошку, чтобы рядом появилась родная душа. Но, наверное, не надо. Я еще не осела, моя жизнь опять изменится. А так хочется осесть, осесть надолго! Обзавестись любовью, семьей, покоем и животными. Почему Господь мне этого не дает?»

«15.12.1999.

Мимис вернулся после незначительной операции из госпиталя, и сегодня утром я несколько раз выходила из дому, чтобы купить все необходимое. Сначала к мяснику, потом за овощами, потом к булочнику. Когда шла через площадь, заметила припаркованную машину. За рулем сидел парень, на плече у него,

зацепившись за толстый свитер, уютно устроился маленький черный котенок. Окно было открыто. Парень улыбнулся, я улыбнулась в ответ. На обратном пути машина все еще стояла у тротуара, и парень заговорил со мной. Я подошла, погладила котенка, но ему ничего не ответила. Получаю удовольствие от таких вот уличных случайных встреч, но от знакомства с их участниками воздерживаюсь».

«17.12.1999.

«Наступила зима. Рано темнеет. Стала писать красками. Потратилась в пух и прах на холсты, кисти и растворители. Мой мольберт и краски Игнат прислал из Киева с оказией. Подумала, что с Адамом мы не прожили вместе и двух лет. Написала его портрет. Испуганные глаза, а в руках садовый нож.

Я как кошка, прирастаю душой к дому. Сколько домов я создала и обжила, а с людьми не сложилось! В то же время, последние двадцать лет я всегда спала в супружеской кровати. Одна, не одна, не важно, кровать была мягкая и широкая. Здесь я сплю в своей комнате на узкой кровати, над которой висит икона Богоматери, на стене одна из киевских акварелей, на сундуке – книги, найденные у Мимиса в чулане. Моя комната очень похожа на келью в женском монастыре. «Для человека, у которого есть воля, всюду монастырь. Настоящий монастырь – это уважение к себе. Здесь не нужны ни решетки, ни замки, ни исповедальни, ни священнослужители». Кажется, именно так уговаривал Дюма-сын Эму Декле не ходить в монастырь. И я смирилась. Только, Господи, не надо больше трагедий и страха в моей жизни».

«31.12.1999.

До Нового года осталась три часа. Возвращаясь сегодня днем со свидания с Джорджем, увидела срезанные ветви мимозы, сваленные в кучу на тротуаре. Отломила пару цветущих веточек. Теперь у меня в спальне новогодняя елка с пушистыми, желтыми цветами.

Мужчины – странные существа. Иногда они дарят радость, иногда позволяют гордиться ими, иногда делают счастливой. Временами разочаровывают, часто раздражают. Самое неприятное в мужиках – их двуликость: предсказуемость и непредсказуемость, которые уживаются в одном сознании. Не могу постичь, как им удается совмещать в себе и то, и другое? То, что они скажут в следующую минуту или как ответят на твой вопрос, секретом не является. Тут они вполне предсказуемы. Меня еще ни разу ни один мужчина не удивил оригинальностью своих слов или мыслей. Их привычки тоже никогда не меняются: разбросанные вещи, неубранная посуда, стол, заваленный бумагами, окурки в пепельницах, грязные носки под кроватью и мокрые полотенца на полу в ванной. А их забывчивость? Их забывчивость эпохальна... Однако мы, женщины, никогда не знаем, что ожидать от мужчины в следующую минуту. Что он сделает? Предаст, поцелует, обидит, сбежит, изменит, принесет цветов, ударит, избалует, унизит, обеспечит или разорит? Их выходки невозможно предсказать. Они отказывают нам, женщинам, в логике. А сами?! Что или кто управляет их мозгами, откуда они черпают вдохновение, диктующее им поступать так, а не иначе? Накануне нового тысячелетия, в тихом ужасе, я пою вам, мужчины, многие лета!

Сейчас 22:30. Через пару часов начнется новое столетие. Скорей бы выпить шампанского и уйти в свою комнату. Мимис как смертельная болезнь, как опухоль в мозгу, о которой ты знаешь. С ним я могу только напиваться».

«15.02.2000.

Сегодня я снова разволновалась. Меня мучают сны и жизнь. Мне нейдет. Мне кажется, я становлюсь чудовищем и мысли мои кусками сползают по стенам и приклеиваются к предметам, на которых застревает мой взгляд – неподвижный и мертвый».

«19.03.2000.

Почему так нестерпимо хочется разрушить стены в доме, в котором живешь? Пусть взору откроется все, что угодно, кроме этих опостылевших стен! Пусть это будет обнаженный и холодный простор без людей и предметов. Даже смерть не пугает и не является слишком большой платой за то, чтобы изменить мое бытие. Смерть – ведь это тоже перемена. Хочется уйти из этого «гнезда любви» и никогда больше сюда не возвращаться. Но знаешь, что никуда не денешься, что не сделаешь этого, что снова подавишь внутренний вопль, расплющив его о стенки мозга. Если тошнит от мужа, от его запаха, от его вывернутого наизнанку лица, выпей таблетку и часы одиночества проползут в полудреме. До того момента, до того дня, когда произойдет неизбежное.

Мой мозг порос мхом, через который ничего не может пробиться. Мое воображение больше не порождает образов. Я не реагирую на умные фразы, я не могу рисовать.

Когда я смотрю на Димитриса Загкоса, я задаю себе вопрос о божественном происхождении человека. Потом я снижаю планку и спрашиваю себя просто о человечности человека. Но у меня и на этот вопрос ответа нет. Все, что мне приходит в голову, сводится к тому, что человек – это слепое и безвольное существо, находящееся во власти своих же низменных инстинктов. Некоторые особи просто не могут справиться со своей физиологией. Их мозг недостаточно для этого развит.

Стараюсь быть осторожной с ненавистью. Но, почему бы не дать ему то, чего он так настойчиво хочет?»

Мимис умер на следующий день после этой записи, сделанной Лизой в ее Дневнике. Скончался он в военном госпитале от удара. Лиза прожила с ним немногим более полугода, но этих месяцев было достаточно, чтобы она испытала весь ужас сожительства с этим существом, зверевшим от своего желания обладать женщиной, которой ему не дано было обладать, от того, что она была рядом, но для него недостижима. Будучи живым свидетелем его преступления, она служила ему укором. Когда-то, в приступе ревности, он присвоил ее деньги с их совместного счета. Денег было много, он знал, что оставил ее и ее семью без гроша. Тогда он еще мог оправдать свой поступок тем фактом, что «его» Лиза полюбила другого, однако сейчас, когда смерть была близка, он хотел и не мог найти мира с собой. Тем более, что та, кого он наказал, теперь была его женой и каждый божий день он стыдился перед ней и за это ненавидел ее еще больше. Скандалом не было конца, Лиза мучилась, но ей нужна была крыша над головой и деньги на поиски Адама, поэтому она терпела.

Полгода, прожитые бок о бок с Димитрисом Загкосом, она также записала на счет Адама. Если бы не его побег, ей бы не пришлось мучиться с больным, скучным и полусумасшедшим стариком. Адам задолжал ей по-крупному. Вот она и летит сейчас к нему, чтобы взыскать с него ответы на все свои вопросы. Летит из Афин в Софию, как десять лет тому назад, в поисках своего попавшего мужа, летела из Киева в Афины. Разница лишь в том, что тогда он не хотел ее видеть, а сейчас позвал ее сам.

Глава 43.

Сверкающий образ.

«Что для других фантастика, для меня суть реализма».
Федор Достоевский.

Вот Лиза и в Софии, где не так давно фон Нарвиц открыл свой офис и, через своих людей, арендовал для нее квартиру в центре города. Можно было бы остановиться в гостинице, но она настояла на квартире. Будучи индивидуалисткой, она не выносила замкнутого пространства гостиничных номеров и завтраков в обществе незнакомых людей. Она любила обживать пустые квартиры, как любила старые вещи, ощущая в них живую душу, историю и тайну. Квартира была снята для нее на месяц, хотя ее возвращения ждали уже через пару дней. Туда, в свою незнакомую обитель, на улицу Раковского, она сейчас и ехала.

Декабрь только начался, а болгарская земля, от края до края, уже покрыта коркой грязного пористого снега. Однако дороги, построенные немцами и турками, чистые и добротные. В пригородах Софии тут и там строятся новые дома – невысокие частные виллы с бассейнами и более скромное жилье в многоквартирных зданиях по пять-шесть этажей. На чем богатели страна? Ведь нет ни нефти, ни газа, ни алмазов. В начале нулевых Болгария хорошо поднялась на едином для всех, горизонтальном налоге. Все платили, никто не укрывался и не увиливал, поскольку налог составлял всего лишь десять процентов. Именно этот налог привлек не только инвестиции, но и самих иностранных предпринимателей, переводивших свои предприятия в Болгарию из других европейских стран. Греки, находившиеся поблизости, оказались в первых рядах. В то время, в начале 2000-х, задолго до того, как Болгария стала членом ЕС, почти вся деловая Греция, убегая от многочисленных налогов у себя дома, с радостью и облегчением устремилась в соседнюю страну. Тогда все шутили, что Греция вознамерилась колонизировать Болгарию. Греческие бизнесмены средней руки регистрировали здесь свои предприятия, а промышленники покрупнее покупали землю под свои заводы и фабрики. Налог единый и небольшой, рабочая сила дешевая – что еще надо? UBB – Национальный банк Болгарии – несколько раз проводил встречи исключительно для греческих банкиров. Впрочем, Греция не стала колонизатором, а Болгария ее колонией и, слава богу!

Немалым источником дохода служил также массовый переезд в Болгарию иностранцев-пенсионеров. Климат здесь лучше, чем в Великобритании или в Германии, да и жизнь гораздо дешевле. Налог, опять-таки, всего один и вполне подъемный. Их английских или немецких пенсий, переведенных в левы, с лихвой

хватало на хорошую жизнь. Они покупали неплохие, двухэтажные дома, переделывали их на свой вкус и лад и вот, уже в садах зеленеют лужайки, ухоженные клумбы с цветами радуют глаз, а на окнах, в подвесных ящиках, цветут красные герани и белые левкои. И, наконец, был еще один фактор, поспособствовавший оживлению болгаркой экономики. Мафия с ее контрабандой, проституцией и наркотиками, внесла свой вклад в расцвет местной экономики. Как ни странно, болгарская организованная преступность тоже платила налоги и создавала рабочие места. Открывались магазины, кафе, рестораны, загородные клубы с бассейнами и конюшнями, закладывались поля для гольфа. В половине этих заведений отмывались огромные теневые суммы, но стоило ли обращать на это внимание, если эти суммы толкали экономику вперед?

Постепенно Болгарская республика забывала о десятилетиях советской оккупации. Она настолько забылась, что в 2001 году избрала своим премьером царя Симеона или, как его называют в Болгарии, Симеона Борисова Сакскобургготски. Хорошо то, что болгарский народ не подверг обструкции своего последнего царя. Одним из видов деятельности царской семьи было и остается производство прекрасных вин. Болгария – тихая страна. В Софии много книжных магазинов и просто книжных раскладок на широких тротуарах. Однако зима в Софии такая же, как и в Киеве. Зимой видна бедность, обнажается нищета, лица прохожих угрюмы.

Такси остановилось около шестиэтажного углового дома. Лиза всегда предпочитала центр – если случится что-то непредвиденное, обезопасят, прежде всего, центр города. Опять-таки, в центре находится все необходимое и все рядом, так что можно выйти за покупками и вернуться домой пешком. Открыв тяжелую дверь, она оказалась в просторном подъезде. Навстречу ей выбежала маленькая, пухлая, неопрятная женщина – привратница. Кое-как на смеси русского, украинского и болгарского объяснились. Привратница оказалась татаркой, ее муж – болгарин по-национальности, вышел следом за ней и помог с чемоданами. Он также предложил свою помощь на будущее – если что понадобится, подлатать или починить, он всегда к услугам жильцов. Поднявшись на лифте на четвертый этаж, Лиза переступила порог незнакомой квартиры. Четыре огромных комнаты, маленькая кухонька, к которой примыкает небольшая комната с двумя большими окнами и стеклянной дверью, ведущей на балкон, предназначенная, вероятно, для завтраков. В одной из комнат – камин. Из одного окна виден собор Святого Александра Невского, из другого – Оперный театр, третье окно смотрит прямо на лепную красоту какого-то банка. Если не обращать внимания на видневшиеся вдалеке печальные стены довоенных жилых зданий с облупившейся штукатуркой, вид – замечательный. Мебели в квартире почти нет. В спальне – большая кровать со спинкой, обтянутой кремовым велюром, а в комнате с камином – белый удобный диван и журнальный столик из светлого дерева. Кухонька оборудована всем необходимым. На окнах висят тяжелые портьеры, а с высоких потолков свисают люстры в стиле советского ампира. Такие люстры украшали кабинеты партийных бонз в эпоху расцвета совкового социализма.

Осмотревшись, Лиза решила выйти и купить кое-что из продуктов. Прежде, чем поймать такси и поехать в первый попавшийся супермаркет, она немного прошлась вокруг дома. Если свернуть направо – Посольство Великобритании и парк с царским дворцом, если пройти еще немного – Парламент, а напротив кафе «Музей», где можно совсем неплохо покушать и выпить большой бокал настоящей «Маргариты». Действительно безопасный район. Фон Нарвиц постарался, поселив ее на улице с многочисленными камерами, без усталости наблюдавшими за всем, что движется, двадцать четыре часа в сутки.

На следующий день к Лизе заглянула неожиданная гостья. Хозяйкой ее квартиры оказалась девяностолетняя баба Петра, во всяком случае, она так представилась. Войдя в квартиру и устроившись на диване, баба Петра оглянулась. Заметив на столике бутылку виски, она попросила налить ей немного. Лиза принесла стаканы, налила обеим немного виски, положила поленья в камин, купленные вчера на заправке, разожгла огонь и, поскольку нежданная гостья молчала, взяла апельсин и стала его чистить. Увидев как сок капает на тарелку, Баба Петра попросила выжать три апельсиновых дольки в ее стакан с виски. Пригубив свой коктейль, она разговорилась, начав рассказывать историю своей жизни. Ее второй муж был профессором-микробиологом. Детей у них не было, зато почти весь этот многоквартирный дом принадлежал им. Она путешествовала из Парижа в Афины, из Вены в Прагу. Вскоре, после того, как умер ее муж, началась война, потом Болгария стала народной республикой. Ей пришлось продать ковры, мебель, драгоценности. У нее также отобрали недвижимость, принадлежавшую ей и ее покойному мужу, оставив только эту квартиру и угол этажом ниже, состоявший из кухни, ванной комнаты и одной спальни. Там она и живет в полном одиночестве. Одетая она была в узкие брючки и белую кофточку, в разрезе которой блестела нитка хоть и пожелтевшего, но настоящего жемчуга. Хорошо проведя время в гостях у Лизы, согрившись и раскрасневшись, баба Петра ушла, не забыв спросить о цели приезда своей новой квартирантки в Софию.

- Человек, которого я когда-то знала, и который был мне дорог, серьезно болен. Он меня позвал и я приехала. – Лиза была немногословна.

Больше баба Петра не расспрашивала. Лиза не любила непрошенных гостей, однако этот визит оказался короткой, но приятной увертюрой к тому неопишному ужасу, с которым ей придется столкнуться в самое ближайшее время.

Имея не только адрес Адама, но и его телефон, она не спешила ему звонить. Как будто что-то ей подсказывало не торопиться, пожить еще один день нормальной жизнью, не думать, не предполагать, не страшиться. Ей хотелось бродить из комнаты в комнату, смотреть в окна на заснеженные крыши домов и радоваться своему одиночеству в абсолютно чужом городе.

Она пошла в спальню и легла на кровать. Садилось солнце. Его жидкие лучи упали на паркетный пол и на край кровати. Лиза подвинулась так, чтобы лучи попадали прямо на нее – в спальне было холодно и ей хотелось немного согреться. Не отрываясь, она смотрела, как меняется цвет неба, как высокое раскидистое дерево постепенно сереет и становится черным, как башенка на соседнем доме превращается у из светло-лиловой в угольно-черную. Она смотрела на небо, потому что предчувствовала приближение беды.

Когда ты засыпаешь в холодном и незнакомом тебе городе, стены квартиры раздвигаются и исчезают, и ты чувствуешь себя среди огромного, безбрежного, безграничного пространства, ничем не прикрытой, ни к чему не привязанной... «Надо опять думать и все придумывать. А как хочется распластаться на постели и разрешить мозгам стечь и впитаться в чистые простыни в грязной квартире...» - кто это сказал? Она не помнила.

Лиза думала о своей жизни. Гадала, что ее ожидает. Спрашивала себя и богов. Боги не ответят, скроют от нее грядущие испытания. Самой же ей догадаться было не под силу. Она могла лишь предполагать...

Взять хотя бы силу обстоятельств. Люди давным-давно выдумали все нужные им слова и выражения. Теперь они пользуются ими, обозначая действия, предметы, чувства и явления. «Сила обстоятельств» долгое время оставалась для нее всего лишь фразой, существовавшей вне ее и независимо от нее. Она верила,

что обстоятельства для того и существуют, чтобы их преодолевать, поскольку они ни в коем случае не сильнее человека. И вот теперь она поняла, что же такое «сила обстоятельств» на самом деле. Как порой обстоятельства появляются, выстраиваются и формируют вокруг человека непробиваемую и непреодолимую стену, которая становится частью его или ее жизни. Ты ничего не можешь поделать, кроме того, чтобы ждать, когда что-то изменится и стена рухнет сама. Главное сохранить здравый смысл и оптимизм, не разрешив обстоятельствам закупорить тебя в банке чужой воли. Жизнь всегда должна оставаться твоей и только твоей, даже, если в данное время, она изуродована стеной из обстоятельств.

В конце 80-х она хотела вырваться из Украины, где рушились устои и люди были растеряны. Она тяготилась своим первым мужем Алексеем, чей разум был поражен годами, проведенными в клетке за Железным Занавесом, а воля была парализована страхом перед непонятным и пугающим будущим. Разведясь с ним, она долго принуждала себя выйти замуж за Димитриса Загкоса, потому что ей казалось, что там, в Европе, ей будет легче дышать. Ей казалось, что мужчины там не только свободны и независимы, но и порядочны. Однако вместо них, ей встретился закрепощенный условностями Мимис с умом маленьким, и неопрятным. Сбежав от него, Лиза полюбила Джорджа Альягаса, однако соединить с ним свою судьбу ей было не дано. Пять лет он и она существовали параллельно, изредка пересекаясь, чтобы любить друг друга и лгать друг другу. Оставив Джорджа, она стала строить свою жизнь самостоятельно и вот, когда ей удалось добиться немалого успеха, черт ее попутал или Господь надоумил связать свою судьбу с Адамом.

Адама приняли все – особенно Игнат и Анна. Ни собственному отцу, ни Мимису, ни Джорджу не удалось стать друзьями ее сыну. Игнат редко кого подпускал близко и только Адаму удалось сблизиться с ним. Возможно, это случилось потому, что он сам не особенно отличался от подростка. Он казался романтиком, был легким на подъем и относился к жизни абсолютно безответственно. Адам не был сильной личностью, мужчиной, авторитет которого подавляет, заставляя его уважать, но не любить. Адам хотел нравиться, помогать и угождать. Не располагая деньгами или связями, он всегда готов был прийти на помощь. Удивительное состояло в том, что, в результате, все делалось и устраивалось другими людьми, но лавры доставались Адаму или ему так казалось. Словом, симпатия, возникшая между Игнатом и Адамом, была взаимная и привела к тому, что Игнат согласился повести свою мать к алтарю и вручить ее Адаму, таким образом, продемонстрировав свое полное к нему доверие.

Александра, которая всегда думала исключительно о себе самой и той выгоде, что можно получить от связи ее дочери с тем или иным мужчиной, осталась к Адаму холодна. С первого взгляда смекнув, что с этой овцы ей не получить заветного куска шерсти, переубеждать свою дочь она не стала, ведь всегда есть надежда на «авось»... Да, и потом, она бы все равно ее не послушала.

Анна же отнеслась к Адаму совершенно по-другому. Она последовала за симпатией, что родилась в сердце Игната – самого главного человека в ее жизни. Воспитав его, она доверяла его инстинктам. Адам сделал все, чтобы отправить Игната продолжить учебу во Франции, именно он смог утрясти все бюрократические проволочки в Консульстве и отыскал в Париже своих старых знакомых, которые помогли Игнату обосноваться в чужой стране. Он посылал ему деньги на карманные расходы и оплачивал учебу. Правду сказать, денег у Адама не было, деньги зарабатывал Лизин офис, что позволяло ей оплачивать учебу своего сына за границей. Однако, водрузив своего мужа на высокий постамент, ей приходилось постоянно этот постамент чем-то подпирает. Зная, как много для

Анны значит тот факт, что мужчина, ставший мужем ее внучки, с такой трогательной заботой относится к ее правнуку, Лиза не уточняла, кто именно платит за обучение Игната. Анне, всегда немного стыдившейся своих четырех классов начальной школы, всегда хотелось, чтобы ее дети и внуки получили самое лучшее образование. Она была благодарна Адаму за заботу о ее единственном и безгранично любимом правнуке.

Она обнимала Адама своими несильными бледными руками, она целовала его и заглядывала ему в глаза, видя там добрую душу. Она улыбалась и на ее старческие глаза цвета незабудок, набегали счастливые слезы. Как красива она была в такие минуты! Ее кожа была гладкая, мягкая и белая, на щеках, как всегда в минуты радости, появлялся румянец, ее губы сохранившие форму и естественный цвет, улыбались, а ее коротко подстриженные серебристые волосы, ложась мягкими волнами, красиво обрамляли голову. В свои восемьдесят пять Анна была при полном и здоровом уме, у нее хватало энергии готовить, печь свои знаменитые пироги, выносить ежедневные стоны и капризы своей дочери, а также быть в курсе всего, что случалось на любовном фронте у ее внучки и правнука. Да, она легко полюбила Адама и была этим счастлива.

Причина, побудившая Адама сбежать, до сих пор оставалась для Лизы загадкой. Она хотела знать, почему он это сделал, но, в то же время, была твердо уверена в том, что не было, нет и не может быть оправдания причиненным Анне страданиям. Ее саму никакие угрозы и никакой вселенский страх не могли бы заставить причинить боль Анне! Со всем можно справиться, со всеми можно договориться. Бегство – это трусость, предательство!

Сейчас она ехала к Адаму прежде всего для того, чтобы узнать ту невероятную причину, что позволила ему заставить страдать любившую его Анну. После его исчезновения, она долго не могла прийти в себя. Что-то нарушилось в сосудах ее головного мозга, у нее часто кружилась голова. Ей стали слышаться голоса, среди которых выделялся один мужской голос, который изводил ее ариями из опер. Она исхудала, лицо ее потеряло свою былую свежесть, посерело и покрылось морщинами. Особенно тяжело Анна перенесла возвращение своего правнука из Франции. Несмотря на то, что Игнат хотел вернуться и даже настаивал на своем возвращении, поскольку хотел быть рядом со своей мамой, все прекрасно понимали, что ему пришлось прервать учебу из-за денег, которых больше не было. Анна оправилась от удара, который нанес ей Адам, только через два года. Ее любимый Никита никогда не предавал ее при жизни, он предал ее только раз, проиграв битву со смертью. Он не дожил с ней до старости, не долюбил ее... Рождение Игната спасло ее от горя и тоски, появление Адама в их семье добавило ей радости, заставив поверить в то, что у ее правнука появился друг и наставник, всегда готовый встать на его защиту. И вот, этот милый друг, не пощадив ее, нанес ей удар в самое сердце.

Так что же это за причина, которую невозможно вообразить? Он написал, что серьезно болен и даже что-то там о близкой смерти. Хочет исповедаться? Чтобы не угодить прямиком в Ад? Пребывание ему там обеспечено, но, поскольку ей необходимо было знать, что произошло, она пойдет к нему и спросит. Адам напоминал ей собаку. Когда они жили всей семьей в Баку, Александра и Василий решили развестись как раз в то время, когда их дочь сдавала выпускные экзамены в средней школе. На следующий день после сдачи последнего экзамена, Александра настояла на том, что они уехали. Собаку пришлось пристроить к подруге, а через некоторое время Лиза узнала, что ее нашли зверски убитой, с глубокими ножевыми ранами, брошенную под забором их бывшей дачи. Ее смерти Лиза себе так не простила. Этого бы не случилось, если бы не безразличие

Александры и не ее собственная беспомощность. Ей пришлось тогда расстаться с парнем, в которого она была влюблена, так что расставание с собакой, хоть и печалило ее, было на втором плане. Поэтому она ехала сейчас к Адаму, чтобы потом не винить себя в его смерти. Если сможет, она поможет ему и, если узнает правду, возможно, даже простит.

Да, полноте! Разве она едет к нему с открытым сердцем, готовая выслушать и простить? Разве она не едет к нему с мечом, готовым разить? Когда она вспоминает ту первую одинокую ночь и себя, просидевшую до утра на подоконнике, в надежде увидеть своего мужа, идущего к подъезду их дома, разве та ночь не стоит того, чтобы его навеки проклясть?

Или те страшные первые семь дней после его исчезновения, когда полиция несколько раз обыскивала ее дом, когда Игнат вернулся из Франции и Иезуитов грозился сдать его военному, а потом уведомил ее о том, что, за сделанные Адамом долги, заберет их квартиры, и старые женщины, а также она сама с сыном, окажутся на улице – разве те дни не стоят того, чтобы проклясть Адама не просто на смерть, что было бы слишком гуманным избавлением для него, а на вечные муки?

А первые тридцать дней, когда у нее забрали паспорта, когда она срочно продавала свои свадебные украшения и звонила Димитрису Загкосу, умоляя его о помощи? Разве можно простить тот страх и стыд, что она пережила?!

На протяжении трех месяцев после исчезновения Адама, ей казалось, что у нее вот-вот случится сердечный приступ. Подобно организму дикого животного, который в экстремальных условиях начинает функционировать по другому, ее организм тоже перестроился, приготовив себя к атаке и к быстрому бегу. С нее слетело пятнадцать килограммов, а ее сердце стало биться быстрее. Однако она не спасалась бегством, а приняла бой и, постоянно отражая атаки, защищала свое логово и своего детеныша. Игнат не должен был видеть растерянность и бессилие своей мамы, поэтому она не могла позволить себе чисто по-женски выплеснуть свои эмоции, поэтому ее организм работал вхолостую, приводя ее в еще больший трепет и шок. Она перестала спать по ночам, прислушиваясь к любому шороху за дверью и к любому звуку на улице. Перестав пользоваться лифтом, она всегда пускалась по ступенькам, а, когда выходила на улицу, не шла, а кралась по теневой стороне. Она справилась, сумела вернуть себе паспорта, уберечь Игната от армии и посылки его на чеченскую бойню, сохранить обе квартиры и разрулить весь тот бардак, что оставил после себя Адам.

Не имея возможности открыто выразить горе, страх, гнев, отчаяние или стыд, ей удалось, каким-то чудом, сохранить ясность мысли. Лишали рассудка хорошие воспоминания, например такие, как первое Рождество с Адамом. Они ходили по магазинам, выбирая новые украшения для елки, лампочки, мишуру, тащили огромную елку. Все нормальное и человеческое никак не сочеталось с его преступлением. Адам настоял, чтобы они купили маленький красивый итальянский столик с инкрустацией и поставили на него все семейные фотографии, в том числе, и их большую свадебную фотографию. Они перетянули новым шелком диван и стулья, купили синий мягкий ковер на пол. Они таскали все в свой дом, как две птицы, которые, боясь не успеть, неистово вьют свое гнездо. Дело в том, что ни у Адама, ни у Лизы, с тех пор, как ей пришлось покинуть Измаильский дом, не было уютного угла. Лиза жила в хрущевках, обставленных не ахти какой мебелью, а Адам жил на втором этаже в доме своей матери, где вообще не было никакой мебели, если не считать старого дырявого дивана в большой комнате и матраса на голом полу в спальне. Изголодавшиеся по уюту, живя много лет без отцов, Лиза и Адам как будто доказывали друг другу, как хорошо иметь

семью, встречать Рождество вместе, ждать Игната из Франции на Рождественские каникулы и приглашать Анну и Александру отпраздновать вместе Новый год, приготовив им самые лучшие подарки. Адам сидел во главе стола, резал мясо и произносил тосты.

Это было красивое Рождество и такой же красивый Новый год, но Лиза уже чувствовала, что над ними нависает нечто такое, от чего они не спасутся. Уже несколько дней, как у нее появилось чувство опасности. Ничего определенного, но что-то неслышно касалось кончиков ее нервов и края ее сознания. Флюиды опасности... Зверь, который еще никого или ничего не видит, но уже чувствует опасность всем своим существом, всей своей шкурой. Ей казалось, что этот новый, 1999 год, предвещал какой-то конец, что это их последний совместный праздник. И это после полутора лет брака! Она ощущала не просто одиночество, а какую-то вселенскую тоску, как будто ее от всего отсекли и подвесили в пустоте.

Ее опасения сбудутся – технический дефолт, объявленный Россией в августе 1998 года, догонит и Украину. Ее турагентство останется без туристов, а ее Адам погрязнет в долгах и лжи так глубоко, что уже не выберется. Через три месяца после Рождества, Адам исчезнет. Он даже не попытается исправить свои ошибки, он просто самоустранился, предоставив другим разгребать кучи его дерьма.

Кризис или катастрофа – это всегда горячая смесь неожиданности и неконтролируемости. Катастрофа накрывает неожиданно – еще вчера все было хорошо, Лиза и Адам гуляли в парке, было холодно, по дороге домой они зашли в магазин купить бутылку белого вина. Вечером пили вино, разговаривали о проблемах, пытались найти решения. Ей казалось, она знала, что надо делать и рассказывала Адаму, как лучше поступить, ведь тогда ее офисом руководил уже он, а она сидела дома. Предлагая ему варианты и давая советы, она понятия не имела о настоящем положении дел. Ей было невозможно предположить или на минуту поверить в то, что Адам давно ей лжет, подвергая ее и ее семью серьезной опасности. Ей надо бы пойти в офис и разобраться со всем, но она упорно оставалась дома и верила ему, верила, верила, потому что хотела верить точно так же, как Анна верила Никите.

Второй отличительной чертой кризиса является его неконтролируемость. Поскольку кризис сваливается, как снежный ком на голову, первое время он не поддается осмыслению и, следовательно, контролю. Нечто подобное могло случиться с другими, но не с тобой, поэтому твой мозг отвергает реальность, путая ее с дурным сном. Если человек, которого ты перед Богом назвала мужем, долгое время тебя сознательно обманывает, скрывая свои намерения, ты не можешь предвидеть последствий этой лжи, потому что не подозреваешь о самой лжи. Следовательно, ты не способна контролировать приближение катастрофы. Бурю посеял тот, кого ты любила, посеял осознанно, не оставив тебе никаких шансов на спасение.

Адам готовился к побегу, ничем себя не выдав. Ни словом, ни взглядом, ни жестом. Сидя с Лизой накануне вечером за бокалом вина, он уже знал, что завтра, через Франкфурт, улетит в Афины. Он смотрел ей в глаза, они говорили о работе, в это же самое время, Анна смотрела телевизор в своей квартире на Троещине, Александра перебирала свои рецепты, Игнат в Париже готовился к лекциям. Никто из них не подозревал, что буквально через несколько часов, все изменится. Один-единственный человек, которому они поверили, разобьет их жизни вдребезги. Адам исчезнет, оставив все свои вещи нетронутыми, и только спустя некоторое время, Лиза обнаружит пропажу кольца, которым он очень дорожил. Это было кольцо его отца, оно лежало у нее в шкатулке и, однажды открыв ее, она обнаружила, что его там нет. Тогда до нее дойдет, что ничего случайного в

исчезновении ее мужа не было, он планировал свой отъезд, прихватив с собой кольцо, вероятно, подумав, что исчезновение такой мелочи никто сразу не заметит. Не до того будет...

Всего полтора года тому назад, он приехал в Киев просить ее руки с пустым чемоданом. У него не было ни одежды, ни костюмов, ни достаточно нижнего белья. У него вообще ничего не было. Лиза одела его, покупая ему одежду и обувь в лучших магазинах Киева. Теперь все его куртки, пальто, свитера, рубашки, костюмы, джинсы лежали на полках и одиноко висели на плечиках, брошенные их хозяином. Адам не посмел ничего взять, чтобы не возбудить ее подозрений. Он удрал втихаря, не дав ей хоть как-то повлиять на его решение, исправить ситуацию и убедить его не делать опрометчивого поступка. Всегда есть выход, совсем не обязательно причинять боль другим, можно все решить по-человечески. Он не дал ей такой возможности, разрубив запутанный им же узел неожиданно и до крайности жестоко.

Зачем она так неосмотрительно связала свою судьбу с тем, кого не знала? Затем, что став успешной деловой женщиной, ей захотелось большего. Она начертала план и стала создавать свой «glittering image» – «сверкающий образ». Погрузившись в суету, в официальные приемы и презентации, в закрытые вечеринки для избранных и фото сессии для глянцевого журналов, где печатали о ней статьи, она очень остро ощутила свое одиночество, вернее, даже не одиночество, а зияющую пустоту рядом. Эта пустота могла быть заполнена престижным партнером и его статусом. Воображение рисовало ей не просто спутника, но кого-то гораздо более неординарного, чем она сама, личность многообещающую, кто выгодно оттенял бы ее саму, придавая ее персоне еще больше значимости. В то же время, этот кто-то должен был заслонить ее от любых превратностей, связанных с бизнесом, успехом и суетой. И, вместо того, чтобы присмотреться, выждать и найти для себя подходящую партию, она выскочила за первого встречного, покорившего ее своей детской улыбкой и заставившего ее рассмеяться. Она так спешила, что этого ей показалось вполне достаточно. В таких случаях говорят: «Он встретился ей нечаянно, попал ошибкой».

Лиза встала с кровати и вернулась к угасающему камину. Солнце село, большие комнаты с высокими потолками погрузились в сумрак. Положив еще дров в камин, она села на диван, ожидая, когда разгорится огонь. Свет включать ей не хотелось. Днем еще так сян, но голые стены чужого дома при свете тусклых электрических лампочек нагоняли на нее тоску. Сидя на диване и, не отрываясь, глядя на огонь, она продолжала думать об абсолютно ненужном и ею самой проклятом «сверкающем образе», который создавала с таким остервенением.

«Почему мне был послан именно Адам, я знаю, - думала она. - Что-то толкало меня к нему, я настояла на том, чтобы мы были вместе. Тогда я совершила ошибку. Мы вместе стали создавать наш «сверкающий образ», пытаюсь добиться всеобщего признания. Эта погоня за миражом привела нас прямехонько к Иезуитову. Я сопротивлялась, не хотела работать с ним, но Адам был непреклонен. Создание glittering image требовало денег. Мы занимали в надежде перекрыть долги из будущих прибылей. Но грянул «черный» август 1998 года, и ни о каких прибылях речь уже не шла. С туризмом было покончено, самое малое, года на два. Когда люди по какой-то причине теряют деньги они, прежде всего, перестают путешествовать. Отказавшись от отдыха и других необязательных поездок, они, экономя каждую копейку, затаиваются до лучших времен. Туризм был и остается одним из самых рискованных и чувствительных деловых предприятий, но тогда я об этом не знала. Мой «сверкающий образ» померк, а Адам сбежал. Тогда даже смерть не была для меня непрошенной гостьей, страх и позор были сильнее мысли

о небытии. Мой ненадолго сверкнувший образ был заплеван и покрыт толстым слоем грязи. Временами я физически ощущала на себе толстую корку засохшей грязи. Господь мне тогда преподавал урок – толкнув меня к Адаму, он заставил меня понять, что *glittering image* – это обман, мираж, иллюзия. Проведя меня через страх и позор, Он заставил меня вернуться к своему «я». Неважно, что происходит вокруг, важно, какая пена из ложных ценностей бурлит у тебя перед глазами, важно, какие руины лежат у тебя под ногами, я должна оставаться самой собой. Я должна идти за своей мечтой, цenia и лелея то, что называется божьими дарами, среди которых талант, красота и, в конце концов, сама жизнь. Оказалось, что за этим *glittering image* всегда пряталась та девочка, что любила разговаривать со взрослыми умными людьми, которая не любила и избегала толпы, которая любила фантазировать и рисовать. С тех пор, как Адам исчез и мне пришлось покинуть Киев, я никогда не испытывала нужды в «сверкающем образе». Познавая давно существующие истины, я радуюсь тому, что созвучно моему духу и разуму».

Впервые она увидела Адама в офисе Джорджа Альягаса. Их представили, он показался ей неуклюжим, неумным и преувеличено подобострастным. Нет, он выслуживался не передо нею, а перед Джорджем. Вернувшись в Киев, Лиза забыла о нем. Второй раз они увиделись через несколько месяцев. Приехав снова по делам в Афины, в один из дней она оказалась предоставленной самой себе, поскольку Джордж был занят. И тут появился Адам – вечный мальчик на побегушках, его прислали, чтобы ее развлечь – он и не скрывал этого. Поехали к Акрополю, бродили где-то в его окрестностях, ели мороженное. Ей было с ним легко и непринужденно, потому что рядом был неженатый мужчина, с которым не надо было думать о будущем или прощать ему прошлое. Рядом с ней шагал белый лист бумаги, на котором можно было начать рисовать все, что вздумается. Он о чем-то болтал, заставляя Лизу смеяться. День прошел приятно и незаметно. Вечером заехал освободившийся Джордж, погрузив ее в знакомое болото страстных заверений в любви и пустых обещаний.

Мало зная об Адаме, не догадываясь, что он не особенно умен, беспутен и безнравственен, она открыла ему свои объятия и распахнула двери в свой успех. Ему, прекрасно сознававшему собственное ничтожество, пришлось выдумать себя для нее, как он выдумывал себя для других, создав историю, в которой был не только главным, но очень привлекательным героем. Придумав для этой сильной и волевой женщины историю своей жизни, он предстал непонятым и обиженным несчастливцем, которому люди, в том числе, его мать, а потом уже и другие женщины, причинили много боли. Ранее у него не было возможности продемонстрировать, на что он способен, но перед ней он раскроет все свои таланты и удивит свершениями, ведь она единственная его поняла и пожалела! Она станет той единственной, кто разрушит адские чары, превратив его столько из чудовища в принца, сколько из ничего во что-то. Он выдумал себе титул и соорудил подмости, на которых играл исключительно для нее, правда, между актами, он ускользал за кулисы, где становился самим собой. По мере того, как проходили недели и месяцы их совместной жизни, эти уходы становились все более продолжительными, а игра на сцене все более вялой и скучной. Все его силы уходили на то, чтобы выдумать причины для все более частных и продолжительных антрактов. Так длилось до тех пор, пока он не устал лгать. Его естество возобладало над добрыми намерениями, он все бросил и сбежал, вымостив для той, ради которой старался, дорожку напрямиком в ад.

Лизу передернуло.

- Бедная моя, бедная женщина! – обратилась она к себе самой, представляя себя своей мудрой матерью или старшей сестрой. У нее не было сестры, а ее мать была

мертва. Хотя, будь она живой, она никогда не сказала бы таких слов своей дочери. Эти слова ей мог бы сказать Учитель, но он был далеко и, поэтому, она говорила их себе сама. – Сколько было до тебя женщин, которые погубили себя, вообразив точно так же, что они и только они могли спасти заблудшую овцу, превратив неудачника в кого-то стоящего. Вот оно, страшное воздействие мужской беззащитности на воображение сильной женщины.

В том, что произошло, была ее вина. Не надо было спешить ставить галочки, выполняя свой план. В этой жизни никому не дано иметь все. Добившись успеха в делах, ей надо было успокоиться и переждать. Прислушаться к себе, обезопасить себя и свою семью на случай непредвиденных обстоятельств. Не имея понятия об экономических и финансовых кризисах, поскольку в советской империи таковых, как и секса, просто не было, она спешила извять свой *glittering image* из того, что было в наличии – из денег, престижа и суеты.

Лиза поднялась с дивана и подошла к окну. Сумерки раннего вечера рассеивались неярким светом от уличных фонарей. Пошел снег. Провожая взглядом падающие снежинки, она вспомнила, насколько Адам был хорош собой:

«В его очертаниях было что-то удивительно милое, - думала она, - я бы даже сказала, ангельское. Большие нежные глаза, мягкие губы, необычайно выразительное лицо, от которого нельзя было отвести глаз, очаровывало, завораживало. Фигура его была слеплена безупречно – он был высок, худощав и пропорционален, однако в его грации не было ничего женственного, наоборот, его широкие плечи и узкие бедра убеждали в том, что передо мной был просто красивый мужчина. Если бы Микеланджело нарисовал его тело, оно бы пело, танцевало, увлекало и звало за собой. Такое тело могло бы плескаться в воде рядом с дельфинами или нестись по лесу наперегонки с оленями. Оно не пугало своей неуклюжей силой или жгутами натренированных мускулов, оно не подавляло, но прельщало, обещая много радостей. Тело Адама было телом романтика и прирожденного любовника.

Что же касается его внутреннего содержания, то поражал в нем не ум, а подкупающая доброта. Не любящая, умная доброта человека, который слов на ветер не бросает и знает, как помочь, а беззаботная доброта. Адам казался добрым до глупости. Доверчивость и порывистость, готовность раскрыть объятия каждому, кто удостоит его малейшего внимания, вызывали улыбку. Взрослые люди понимают, что, если их попросят о чем-либо, что они не могут сделать, они тут же должны отказаться наотрез, не внушая ложных надежд. Адам этого не понимал. На любую просьбу он радостно откликался, не задумываясь о том, сможет ли выполнить свое только что данное обещание. Эта простодушная готовность на все не только выглядела глупо, выдавая в нем незрелого человека, но часто ранила его самого, поскольку люди возвращали ему свое разочарование сторицей, обвиняя его в пустых обещаниях или бросая обвинения во лжи. Столкнувшись с людской злобой, он пасовал, у него не хватало смелости и находчивости тут же возразить, поставить человека на место, послать своего обидчика на все четыре стороны, поскольку он был виновен, он обещал и не выполнил. Чтобы себя не винить, Адам предпочитал переживать все свои обиды легко, делая вид, что не понимает или не замечает их. Его желания редко материализовывались, но, зарождаясь в его мечтах, они приводили его в восторг, становясь гарантией его счастья. Он был также на удивление снисходителен к собственным страстям. Поскольку ни для желаний, ни для страстей у него не было достаточно энергии и воли, он оставался мечтателем.

А его чувства? Они были не развиты. У Адама были порывы, а не чувства».

Не успев хорошо узнать своего будущего супруга, Лиза всего этого в нем не рассмотрела. Она не знала, что он понятия не имел, что такое достоинство, ответственность и настоящая, до седьмого пота, работа. Она не догадывалась, что, в конце концов, его собственная персона окажется гораздо важнее для него, чем люди, которых он назовет своей семьей, и их судьбы. Ей еще не доводилось встречать людей, которые не живут, а играют себя. Застигнутые врасплох, они готовы пойти на все, лишь бы выжить. Их лучшая сторона в минуты страха молчит, но зато работают их инстинкты и дар к импровизации. Рассмотрев в Адаме трогательную душу, она не догадывалась о том, что в нем живет не только его проклятие, но и ее тоже.

Глава 44.

Отголосок Божьей любви.

*«Сбывшаяся душа приводит в движение душу оформляющуюся...»
Иосиф Бродский.*

Вернувшись на диван, освещенный и согретый разгоревшимися поленьями, Лиза налила себе немного виски, бутылку которого так предусмотрительно купила вчера. Она же могла все тогда понять, ведь были же знаки, которые просто невозможно было прочесть двояко, а она не то ослепла, не то намеренно отвергала все, что не вписывалось в ее погоню за сверкающим образом. Взять хотя бы их первую близость в ту ночь, когда по дороге на Мадейру, она задержалась в Афинах и впервые остановилась у Адама.

- Пришла та весна, когда я решила бросить Джорджа и заняться своим делом. - Большие темные комнаты наполнились призраками и, чтобы не бояться, она негромко рассказывала самой себе о своем первом настоящем свидании с Адамом. - Осенью я открыла свое турагентство, а зимой мне предстояла поездка на Мадейру. Прямого рейса не было, пришлось лететь через Афины. Рейс из Киева задержали, Адам несколько часов ждал меня в Афинском аэропорту. Подъехали к дому, он отворил калитку и мы поднялись на второй этаж. В большой комнате еще стояла елка. Он сказал, что сохранил ее, чтобы порадовать меня. Тогда мне это показалось трогательным. Я до сих пор помню ту нашу первую ночь. Он целовал меня, не мог оторваться, но в спальню не повел. Сказал, что не хочет, чтобы его мать, которая живет внизу, услышала шум. Разве это не было странным, неужели его мать думала, что ее сорокалетний сын – девственник?

Впрочем, стоило ли задаваться такими вопросами, когда в большой комнате пылал огонь в камине, на елке мерцали золотые шарики, а губы Адама были такими нетерпеливыми и, в то же время, нежными? Он не заставлял, не настаивал, не принуждал меня. Ковер перед камином превратился в наше любовное ложе. Когда все было кончено, я себя спросила – а было ли что-то? У меня было такое впечатление, что я занималась любовью с неловким и осторожным юношей, который впервые обнимал женщину. Я знала, что это невозможно, потому что Адам был дважды помолвлен.

Именно тогда, в ту ночь, он рассказал мне о своих помолвках. Первая сорвалась, потому что, делая ремонт на втором этаже дома, там, где мы сейчас находились, он, желая впечатлить свою невесту, растратил все деньги своей фирмы. Растратил под чистую огромную сумму, на которую выдавал своим

подрядчикам фальшивые чеки. Ему с трудом удалось избежать тюрьмы, невеста же от него ушла. Я огляделась по сторонам – где же тот ремонт, на который было потрачено столько денег? Надо было бы его спросить, но я промолчала.

Второй раз он обручился со старшей дочерью Джорджа Альягаса. Когда я это услышала, я рассмеялась. Передо мной разворачивались бесконечные эпизоды бразильского сериала, в котором я была одной из главных героинь. Сам Джордж никогда мне не рассказывал о помолвке своей дочери. Теперь я знаю – почему. Постоянно отодвигая наше время вдвоем, он твердил мне о том, что его дочери еще не выросли и нуждаются в отце, то есть в нем. А тут одна из них оказалась достаточно взрослой, чтобы быть помолвленной с Адамом, забеременеть, сделать аборт и сбежать от него. С другой стороны, это было даже забавно. Я бросила Джорджа, его дочь – Адама. Разве это не объединяло нас? Я смеялась от души. То, что я познакомилась с Адамом в офисе у Джорджа, это правда, но я никогда не могла предположить, что этот, не совсем молодой человек, который с первого взгляда ничем особенным меня не впечатлил, однажды был женихом его дочери.

Если бы я хотела знать правду, я бы обязательно заметила закономерность в его невезении, но мне было недосуг.

Почему же он был так робок в постели? Ни страсти, ни свободы, ни порывов, ни фантазии, ни забвения. Он казался незаинтересованным любовником. Если Джордж каждое мгновение близости думал только о женщине, которой дарил наслаждение, доводя ее до экстаза, то Адам, казалось, вообще не знал женщин. Мне привиделось, что меня только что любил ангел. Вместо страсти робкая близость и сказка, рассказанная в конце. Неужели так тоже можно любить? Как будто собираешь фиалки в весеннем лесу. Почти целомудренный акт. После пяти лет с Джорджем, когда физическая любовь окрыляла и освобождала, близость с Адамом показалась проявлением самых тонких и сложных чувств. Как будто касаешься друг друга, боясь разбить и расплескать. Как будто оба сделаны из тончайшего фарфора и надо быть настолько знатоком, чтобы суметь доставить мимолетное удовольствие через едва уловимое касание.

- Надеюсь, мама ничего не услышала, - сказала он в конце.

Ах, вот, в чем дело...

На следующий день поздно вечером я улетаю в Рим, а затем, через Лиссабон, в Фуншал. Весь день перед отлетом мы провели в городе, я заплатила за наш обед и ужин. У него не было ни копейки. Он спал в ботинках и, чтобы раздобыть деньги на карманные расходы, побирался у матери и друзей. Вечером, когда мне надо было ехать в аэропорт, у него почему-то не завелась машина. Мне пришлось взять такси. Все это были детали, на которые стоило обратить внимание, но я не обращала. Его большие карие глаза ласкали меня, он рассказывал шутки, над которыми я смеялась. Кого он тогда развлекал? Женщину, в которую влюбился или женщину, которую увел у своего бывшего босса и почти тестя, отомстив ему за то, что его дочь сделала аборт и сбежала, когда он был командировке? Или он видел перед собой ту, что была директором и совладелицей одной из самых успешных турфирм? Женщину, которая сможет содержать его? Кто знает... Я видела его доброту, мне казалось, что весь мир был несправедлив к нему, а вот мне удастся построить с ним семью и свить гнездо. Я была одна, мне было тоскливо, он был мне симпатичен. Подошло время и надо было определяться. Не хотелось повторять одинокий путь Александры с вечными болячками и монотонным бытием. Хотелось красивой свадьбы и еще одного ребенка, которого я могла бы родить не в советском роддоме. Все эти мечты не были ни мешанством, ни планами практичной женщины. Они были искренними мечтами, а, главное, они были моими мечтами.

Когда я, наконец, добралась до Мадейры и ехала в машине в гостиницу, ко мне, вдруг, пришла любовь. Это было какое-то неземное чувство. Думая об Адаме, я вдруг ощутила, что по моему телу разлилось умиротворяющее тепло, а душа наполнилась таким блаженством и такой светлой радостью, какую мне привелось испытать только раз в жизни, когда я родила сына. Возможно, это был отголосок той божественной любви, которая, якобы, существует и о которой нам постоянно твердят. Когда на тебя опускается такая мешанина счастливейших переживаний, ты чувствуешь себя не просто необыкновенно счастливой, но избранной. Это многогранное чувство не тутошнее, оно дается свыше и в нем полно смысла. Я расценила его как благословение, и больше не сопротивлялась и не присматривалась. Мне казалось, что меня касается Бог, что Он ведет и даже толкает меня на определенную дорогу. Как будто меня кто-то об этом просит, обещая награду в будущем, причем, такую награду, на которую соглашаются, не раздумывая. Как это было связано с Адамом, с которым я провела одну-единственную ночь, я понять не могла.

Ну, а потом, начались звонки в гостиницы, где я останавливалась, и милые, полные любви, записочки, которые мне передавали портье, когда Адам не заставал меня в номере. Поскольку мой обратный путь также предусматривал стыковку в Афинах, через две недели я опять остановилась у него. На этот раз его дом был полон – у него жил какой-то подросток, у которого, якобы, не было крыши над головой, и только что прилетевший друг из Австралии. Приняв душ и поспав несколько часов после трех перелетов с Мадейры, я улетела в Киев. Следующая наша встреча была помолвкой.

Я до сих пор гадаю, кто наслал на меня то восхитительное чувство тепла, покоя и любви – Бог или дьявол? Я до сих пор не могу разгадать, зачем кто-то так настойчиво подталкивал меня к Адаму? Дьявол услужливо подсовывал мне то, чего я так сильно желала, или Бог толкал меня на стезю страданий, чтобы я прозрела? Чтобы моя жизнь распалась, а потом вновь слепилась, но уже в другом виде? Чтобы я, бросив бизнес и суету, прозрела насчет моего истинного призвания? Адам был тем инструментом, что использовал Бог, дабы вернуть меня на путь истинный, именно он был избран для моего наказания и прозрения. После связи с женатым мужчиной и фальшивой суеты деловой жизни, что затягивала меня все глубже, неужели я думала, что смогу избежать наказания?

Сейчас я знаю немного больше – Адам послужил орудием расправы не только для меня. Мы, бывало, смеялись, когда говорили о том, что он обладает поразительной способностью притягивать к себе мошенников и подонков. Когда Адам появлялся в их окружении, их дела тут же расстраивались, рассыпаясь в пух и прах. Начать, хотя бы, с того же Иезуитова, у которого дела шли в гору до появления Адама. Тот не делал ничего специально, не стремился навредить, наоборот, он хотел помочь Иезуитову получить кредиты на строительство его гостиницы, а вышло так, что оба остались у разбитого корыта. Потом начались угрозы и в, результате, один сбежал, а другой разорился окончательно.

Не надо было удерживать несчастного Адама рядом и страдать вместе с ним. Надо было отпустить этого полоумного в мир, где он собирал бы свою жатву, разоряя мошенников и злодеев.

Мне же хотелось видеть в нем мужа и почти полтора года мы мучили друг друга.

Лиза замолчала, но, через некоторое время, по-прежнему сидя на диване в полупустой чужой квартире, она продолжила вспоминать свое недолгое замужество. «Каждый раз, когда я бывала замужем, - думала она, - мне хотелось быть женой кого-нибудь другого, не того, кто был моим законным супругом.

Хорошо о таких браках сказал Роббер Андрэ в своем «Взгляде египтянки»: «Да что там говорить, их союз был сплошным недоразумением. Раньше его часто подмывало с этим недоразумением покончить. Но, несмотря на все бури и ураганы, недоразумение устояло...» Наше недоразумение не устояло.

Я всегда выбирала мужчин сама. Я влюбляла их в себя, загоняла их на свою территорию и там расправлялась с ними. Нет, не в буквальном смысле слова. В переносном. Через некоторое время они мне просто надоедали. Никто из моих избранников не становился в браке со мной родным или по-настоящему близким мне человеком. Мне быстро приедался шаблон одинаковых мыслей и поступков, и я начинала мечтать о ком-то другом. Довольствоваться доступным было неинтересно, мне нужны были новые, неожиданные мысли, мне нужно было удивиться тому, как незнакомец думает и говорит. Как целует... Через пару месяцев или, даже, недель, мне уже хотелось вырваться из капкана замужества или отношений, отдохнуть от заданности каждого дня и от предсказуемости.

Выйдя замуж за Адама, я спросила себя – что плохого в предсказуемости? Ах, хватит гнаться за добычей и расправляться с ней, еще раз найду, еще раз влюблюсь, еще раз уйду. Вечное движение, разрушительные бунты... Разве они мне не надоели? Неужто я не устала быть ненасытным потребителем эмоций?

Решив осесть и больше не бунтовать, я захотела осчастливить Адама. Затолкав его на свою территорию, я свалили к его ногам разные дары, на что он мне сказал: «Не меть каждый угол». Я не понимала, чего он хочет? Он на моей территории, да, помеченной, но просторной. Есть, где развернуться, создавая империи и замки. А ему нужен был угол, где не было бы меня, угол, не помеченный мной. Он искал место, где мог бы спрятаться от меня, мне же хотелось резвиться, меряться силами, любить и создавать.

Есть два больших разочарования в жизни - одно состоит в том, что ты не получаешь того, что хочешь, а другое в том, что получаешь. А ведь была возможность, если не отменить, то, хотя бы, отложить нашу свадьбу. Мы планировали венчание в церкви и большую свадьбу. Вернее, я планировала. У Адама не было денег на такую свадьбу. У него вообще ничего не было. Он надеялся занять денег у матери, но она ему отказала. Тогда встал вопрос о том, можем ли мы позволить себе свадьбу вообще. И надо было отказаться, повременить, но мое упрямство и желание устроить праздник, о котором я мечтала, пересилили здравый смысл. Как и в случае с Алексеем, я опять продала душу дьяволу за то, чтобы на один день стать королевой бала. Мое тщеславие еще не угасло, я еще не потеряла вкус к блеску, а вызовы, что я бросала судьбе, служили мне развлечением. Деньги на свадьбу были найдены. Они были просто заняты, причем часть суммы была занята у мафии.

Я вышла замуж за Адама не из-за него, а из-за себя. Вот в чем состояла моя огромная ошибка. Я вышла замуж за него, чтобы заполнить так пугавшую меня пустоту любой ценой. Уединение время от времени радует, но постоянное одиночество угнетает. Одиночество порождает страх, но я не знала, что рядом с Адамом я буду бояться гораздо больше.

Помню, когда я выходила с ним за покупками или просто прогуляться, я, случайно замечая свое отражение в витринах магазинов, не узнавала себя. Что-то во мне кричало – это не я, это не я! Мне хотелось спрятаться. Мне казалось, что люди удивляются, когда видят нас – высокого, худощавого, начавшего сесть мужчину с детскими чертами, и меня, повывавшую виды женщину с одутловатым лицом и испуганными глазами. Во мне не светилась любовь, во мне билось отчаяние. Мне очень хотелось возродить в себе ту молодую, очаровательную, свежую женщину, которой я была до замужества, но я уже стала другой – лицом

хуже, душой злее, умом мудрее. Я уже не загоралась и не вдохновлялась легко, не радовалась и очень редко смеялась. Я стала часто бояться. Иногда хотелось лечь, закрыть глаза и ни о чем не думать. Это состояние «не думать» постепенно превратилось в мою повседневную привычку. Страх все более парализовывал мой разум.

Что-то не ладилось между нами. Мы как будто затаились, боялись дотронуться друг до друга, не узнавали друг друга. Мы становились чужими, а разве мы когда-то были родными? Возможно, виновата была долгая киевская зима – не привычная для него и тоскливая для меня. Я всегда была волевой и сильной, а в любви – страстной, временные трудности я легко переживала, превращая неудобства в благоустроенность и уют. Я умела работать руками, выполняя мужскую работу – в детстве этому меня научил отец. Адам, напротив, оказался ни к чему не способным и ко всему очень чувствительным. В его чувствительности и состояло его обаяние. Во всяком случае, для меня. Со временем я поняла, что его чувствительность не была результатом тонкой и сложно организованной натуры, а была чувствительностью ребенка, которому постоянно хочется плакать от хорошего и от плохого. А потом я стала подозревать, что, несмотря на внешнюю теплоту и заботу, внутри этот человек был подл и холоден. Через несколько месяцев после свадьбы, он сказал мне, что не является любителем секса.

- Зачем же ты тогда женился? – спросила я.

- Я люблю тебя по-своему, - последовал ответ.

- По-своему? Что это значит? Неизвестный вид любви? Но, даже, если так, дай мне почувствовать твою любовь! – орала я. – Поделись ею со мной, тогда я буду знать, что ты любишь меня! Может быть, ты принимаешь свой собственный комфорт за любовь ко мне? Тебе приятно и удобно быть рядом со мной. Я все умею и ты с удовольствием берешь то, что я даю, то есть мою любовь. Где же твоя любовь?

Не стоило говорить о любви. Адам не умел любить.

Помню, как раз в то время, я читала о французской писательнице Маргерит Дюрас. В пожилом возрасте она стала жить с молодым человеком, который вдохновил ее на то, чтобы вернуться к писательству, которое она забросила на целых десять лет. Жанна Моро сказала о Маргерит следующее: «Она была женщиной до мозга костей. Любила деньги, любила секс, любила выпить. И что непостижимо – любила отчаяние. Тут уж она доходила до самых глубин. Но это не было депрессией. Такое стремительное погружение в пучину захватывает...»

С Адамом я тоже часто погружалась в пучину отчаяния – глубоко и надолго, потому что была настоящей женщиной, но без денег, без секса и без любви. На меня никогда не хватало денег, не хватало любви. Как можно вообще жить, не будучи влюбленной, не чувствуя себя желанной?!

Настал день и Адам объявил мне, что его физическое влечение ко мне исчезло, его желания угасли, другими словами, я стала нежеланной. Вот так, взял и просто сказал. Несмотря на то, что Адам казался добрым и сентиментальным, иногда он мог быть чудовищно жесток.

Живя с ним, я часто думала о ребенке. Проводила над собой работу, чтобы не захотеть его еще больше. Чтобы это желание не стало вызовом, чтобы я не стала осуществлять его во что бы то ни стало. Я уговаривала себя, что увидеть своего мужа, целующего мой большой живот, в котором зреет плод нашей любви, не так уж важно. Магазины, где продают одежду для малышей, мебель и игрушки, тоже можно обойти стороной. Опять не сложилось... Помню, как сразу, после нашей помолвки, он и его мать планировали вместе со мной появление на свет малыша. Она обещала любую материальную поддержку и оплату всех врачей и процедур. Я

так хотела иметь второго ребенка, родить и вырастить его в других условиях, не при социализме, с достатком и восторгом, что готова была пройти все круги ада. Но их обещания оказались пустым звуком. Они мне лгали. Я сожалела, что мне не суждено было иметь еще одного ребенка, я прятала свои чувства, потому что знала – муж у меня не тот, с кем стоит заводить детей. С ним я даже собаку не решалась завести, только кошку, которая признавала только меня.

Я постоянно прислушивалась к его словам, пытаюсь распознать в них ложь, и, в то же время, продолжала надеяться, что прозвучит какое-то слово или будет совершен некий поступок, который вернет мое уважение к нему. Но нет, все оставалось по-прежнему. Он приносил деньги, цветы и делился выдуманными новостями с работы. Он пытался меня обнять, а у меня что-то щемило внутри и хотелось плакать. Все больше казалось, что я приближаюсь к краю пропасти, а место для разбега, чтобы суметь ее перепрыгнуть и приземлиться на другой стороне, становилось все короче.

Каждое утро он с ненавистью смотрел на меня. Я была свидетелем его бесконечных неудач и ему приходилось постоянно напрягать свой умишко, чтобы придумать очередную ложь для меня. Я тоже с ненавистью смотрела на его лицо, потому что это было лицо самой неудачи. Мы хотели избавиться друг от друга и не знали, как. Ненависть – очень живое и сильное чувство. Угнездившись в моем разуме, она будоражила его своими темными крыльями. Ненависть требовала решительных действий, но моя жалость всегда брала вверх над ненавистью. Его душа была тому причиной. Его ум – дрянь, его просто не существовало, однако его душа все еще трепыхалась, изредка стремясь к добру. Невозможно было отвернуться от него окончательно. Я должна была бы уже понять, что он был добр просто потому, что не был зол и что, любя всех, он не любил никого.

Он стал приглашать по утрам своего водителя. Теперь он ждал моего мужа не в машине, как раньше, а устроившись на нашем диване. Чего Адам так боялся? После того, как он признался, что я ему стала нежеланна, остаться со мной наедине?

Он говорил, что я бичую его словами. Кто виноват, что любые слова, наполненные смыслом и призывающие к ответственности, приносили ему боль? Он их не понимал, они были невыносимы для него, он их страшился. Взрослые разговоры, были все равно, что плети для него. Он боялся их и, поэтому, его разум отторгал их. Вкладывать в него больше, чем я уже вложила, стараясь образумить его, достучаться до его сознания со взрослыми истинами, было абсолютно бесполезным занятием. Адам оказался сентиментальным, трусливым мальчиком, который забыл повзрослеть.

Он меня упрекал в том, что я несколько раз повторяю одно и то же. Но ведь наша жизнь – это сплошные кругляшки и колбочки!

- Я не хочу возвращаться к одному и тому же в наших разговорах. Ты говоришь об одном и том же разными словами и ходишь по кругу. Это меня раздражает, - обычно говорил он.

- А разве наша жизнь не скопление маленьких кружочков, соединенных колбочками? – отвечала ему я. – Сделав что-то, разве ты не знаешь, что завтра, а, может быть, уже через час, тебе придется повторить то же движение, сказать то же самое слово или пройти тот же круг мыслей? Бритье, пережевывание пищи, то, как ты берешь зубами, а не губами, еду с вилки, твой отход ко сну, то, как ты ложишься в постель и храпишь, как встаешь, бредешь на автомате в кухню за чашкой кофе, чистишь зубы, как сетуешь на погоду – разве это не повторение одного и то же? Все это жизнь по кружочкам. Но иногда мы делаем что-то важное, что представляется нам неповторимым моментом. Это колбочка, что соединяет одинаковые кружочки нашего бытия.

Он этого не понимал. Он боялся любых разговоров, в которых не выглядел героем.

Адам часто повторял присказку о том, что мысли материальны, имеют свойство претворяться в жизнь и, поэтому, надо мыслить позитивно. Где он это услышал? Неважно, где. Интересно то, что он запомнил эту чушь, потому что она полностью его устраивала. Если у него опять ничего не получилось, он всегда мог сказать – я же тебе говорил мыслить позитивно, а ты не мыслила. Он всегда искал виноватых вокруг – ему опять не повезло и кто-то, а не он, был виноват вместо него.

- Сколько человек, великих людей имели несчастье прожить тяжелые, даже трагические судьбы, сгорая как свечи? – спрашивала я его. – По-твоему, они так мучились, потому что не мыслили позитивно? Если бы мыслили, все было бы по-другому у Моцарта, Ахматовой, Ван Гога? Все было бы по-другому у сотен тысяч узников концлагерей? Начни они мыслить позитивно, створки печей просто не отворились бы для них?

Я безошибочно поняла, когда у Адама на работе начались первые проблемы. Не то, чтобы я не знала его недостатков, породивших эти проблемы. Он был не способен объять ситуацию одним взглядом и быстро оценить ее. Он не мог выстроить в голове четкий план и придерживаться его. Поэтому он был так плох с людьми в офисе, ожидавшими от него руководства и свершений. Его мягкость и панибратские отношения с подчиненными приводили сначала в недоумение, а потом в отчаяние. Он не умел и не хотел быть начальником, он сам хотел быть подчиненным. Демонстрируя всем, включая своих, сбитых с толку сотрудников, свой щенячий энтузиазм, он обрушивал на них свою непрошенную любовь. Даже, если кто-то поначалу и принимал извращенный порыв своего босса за чистую монету, то очень скоро разочаровывался, потому как Адам уже переключался со своей любовью на другого. Так у его подчиненных не только пропадала всякая симпатия к нему, они начинали его ненавидеть и строить против него козни. Но самое неприятное состояло в том, что он выбирал кого-нибудь из офиса, приближал к себе и начинал изливать свою душу. Это касалось не только работы, но и его семейной жизни, рассказанной в деталях и приукрашенной его выдумками».

Лиза прервала свои размышления и заплакала. Будучи его женой, она не подозревала, что Адам был до такой степени откровенен с незнакомыми ему людьми. Обычно это были женщины, старше его по возрасту. Когда он исчез и она пришла в офис, на нее смотрели, как на прокаженную. А одна подошла к ней и сказала: «Так с вами все в порядке? Ваш сбежавший муж рассказывал нам, что вы сошли с ума». Это было несправедливо и жестоко.

Лиза долго сидела, затихая и снова принимаясь плакать. Слезы лились от обиды – вместо любви, ее оговорили и бросили! Немного успокоившись, она вспомнила, как Адам много раз говорил:

- Все, теперь я буду другим. С завтрашнего дня люди начнут уважать меня.

- Теперь поздно, - устало отвечала она. – Надо было быть другим с самого начала. Если ты полтора года был у них на побегушках, таскал им бутерброды, умолял провести выходные на природе, был их водителем, когда кому-то надо было съездить по делам, не имевшим никакого отношения к работе, если ты выворачивал перед ними свою душу, если ты советовался с ними по поводу того, что сказать тому или иному инвестору, если был их нянькой в духе гребанного скаута, то теперь уже поздно. Нужно нанимать новых людей, а прежних выгнать, но эти прежние разнесут по всему городу, что ты идиот и серьезные люди к нам не придут. Все это будет напрасно, потому что ты никогда не изменишься. Это будет

еще один круг, повторение уже прожитого и испорченного тобой. Те круги и повторы, которые ты так не любишь.

- Я хочу, чтобы люди меня любили, - настаивал он, - тогда они будут лучше работать для меня.

- Да зачем им любить тебя?! Им есть, кого любить! Зачем ты навязываешься им? Разве ты не понимаешь, как жалко выглядишь?

«Он не понимал, - Лиза продолжала вспоминать. - Его постоянные уверения в том, что он станет другим, не исчерпывали его обещаний. Адам любил обещать хорошую жизнь. Например - следующей осенью все будет хорошо, у нас появятся деньги. Если осенью не получилось, тогда к Рождеству, а, если нет, тогда к следующей весне. Ужасно то, что я этим обещаниям верила. Уверовав в них, я начинала вмешиваться в его работу, пытаюсь работать за него и сдерживать его обещания. Ничего не получалось. Почему? Потому что он принимал желаемое за действительное. Люди говорили ему одно, но он их даже не слушал, боясь услышать то, что ему не понравится, что нарушит ту сказку, что он создал у себя в голове. Он врал не только мне и окружающим, он врал самому себе. Поэтому никогда ничего не получалось - ни к осени, ни к Рождеству, ни к весне. Мы оба злились, я обзывала его, ненавидела его и себя, ненавидела нашу жизнь, проходившую в мыльном пузыре иллюзорных надежд от осени до Рождества и от Рождества до весны, а, в более мелком измерении времени, от понедельника до пятницы и от пятницы до следующего понедельника. Angry impatience.

Ему хотелось, чтобы я постоянно забывала прошлое. Я должна была забыть прошедший год, потому что он оказался плохим, и поверить, что следующий будет хорошим. Он хотел, чтобы я забыла, что было вчера или в прошлом месяце, но это была наша жизнь, моя жизнь, дни и месяцы моей жизни! Я же не была виновата, что он делал их такими плохими, что их требовалось забыть. Мне иногда казалось, что он был сумасшедшим.

Сам он просыпался каждое утро с сознанием того, что увидел мир впервые. Ничего не помнил - ни вчера, ни позавчера. Ни событий, ни имен, ни людей, ни что им говорил, ни о чем договаривался. А, главное, не помнил, что жил и должен был приобрести определенный жизненный опыт к своим сорока годам. Каждое утро - рождение заново, невинность, которая умилила бы в ребенке, но так раздражает во взрослом человеке. Мой ум бунтовал против такой недоразвитости.

Он часто мне говорил:

- Верь мне.

- Но ты же не Иисус Христос, чтобы слепо и безоговорочно верить в тебя и в то, что ты говоришь! - отвечала я ему сквозь слезы. - Господь не дал тебе мозгов. Он дал тебе душу, которую я в тебе рассмотрела, заставив тебя, вопреки здравому смыслу, жениться на мне. Твою душу я люблю до сих пор, но я не знала, что у тебя до такой степени нет мозгов! Я, конечно, могу продолжать любить твою душу, но я не могу уважать тебя как мужа и мужчину. Тем более, ты не мужчина. Ты говоришь, что боишься меня, вот я и спрашиваю, как мне жить с человеком, в котором надо любить только пугливую душу и больше ничего?

Однажды в комнате был включен телевизор, я проходила мимо и мое внимание привлек рассказ о женском монастыре. Замерев на мгновение, я вдруг поняла, что женский монастырь - это мой запасной выход, замазанный грязью, как в норах у лис. Когда понадобится, я этот выход откопаю. Если с Адамом что-нибудь случится и у меня не будет достаточно средств на достойное существование, я уйду в монастырь. У Анны и Александры ничего нет, поэтому ждать наследства мне не приходится. Мать Адама столько раз вписывала и выписывала его из своего завещания, что там сам черт ногу сломит. Да и замуж за него я выходила не из-за

недвижимости его семьи, а совсем по другой причине. Игнату придется научиться обеспечивать себя самому. Я, конечно, не стану монашкой, а останусь послушницей. Надо будет вставать рано, идти на молитвы, выполнять определенную работу, но я не боюсь никакой работы. Все, что мне нужно, это келья с кроватью и еда. И чтобы никто не трогал. Этот план засел тогда у меня в голове и я даже начала узнавать, как этот план можно осуществить».

Опустив голову на подушки дивана, Лиза вперилась взглядом в черный потолок. Вокруг нее собралась целая толпа призраков, потревоженных ее воспоминаниями. Ей надо было встать и немного размяться. Огонь в камине догорал, в комнате становилось прохладно. Подложив еще дров, она взяла телефон и набрала домашний номер фон Нарвица. Она соскучилась за Стефанией – пусть ее веселый голосок распугает всех этих призраков из прошлого ее мамы. Да, и потом, она обещала Эдмунду звонить каждый день. Поговорив со своей семьей, а они – и маленькая Стефания и Эдмунд – были ее семьей, она пошла на кухню. Что-то надо проглотить, на голодный желудок она заснуть не сможет. Найдя пиццу в морозильнике, Лиза включила духовку и сунула туда кусок теста, покрытого тонким слоем томатного соуса и сыра. Ах, все равно, лишь бы чем-нибудь утолить голод! Пока пицца подрумянивалась, она принесла и поставила на столик перед камином стакан. Выложив пиццу на блюдо, принесла и ее. Жуя резиновый кусок теста, она вернулась к своим воспоминаниям.

«Пришло время, когда я стала ощущать опасность за своей спиной. Адам стал часто ездить в командировки с молодыми людьми, своими подчиненными. Однажды я целый день ждала его звонка и, в конце концов, решила позвонить сама. Было около двух часов ночи, а ужин у них там еще продолжался. Я слышала в трубке веселые голоса, шум и смех. Адам был полон сил и энергии, а здесь он еле ноги волочил от усталости. Что происходило? Он мне изменял? И кто платил за все эти ужины?

Когда супруги ссорятся или у них возникают разногласия, они запивают и закусывают эти разногласия близостью. Они находят общий язык хотя бы в постели, у нас все это было исключено. Адам все чаще уезжал по делам в Афины, а когда возвращался, сидел с виноватым видом на диване и не мог заставить себя поцеловать меня после разлуки. Мне стало казаться, что он жил на два дома – там любовница, тут – жена, к которой, приличия ради, все еще нужно возвращаться, потому что только в ее офисе еще можно разжиться кое-какими деньгами.

«Она хотела, чтобы нынешняя стадия ее жизни – неважно какая по счету – поскорее завершилась». Как и героине Дорис Лессинг, мне тоже хотелось вон из моего опостылевшего брака. Когда по утрам я наблюдала, как он прихорашивается перед зеркалом, я спрашивала себя – для кого он это делает? Надо признать, что он все еще был хорош собой. Око видит, да зуб неймет. Беспольный мужчина. Нас уже ничего не удерживало друг подле друга. Физической близости давным-давно не было, а духовная так и не появилась. Нам просто в какой-то момент было хорошо вдвоем. Тогда я поняла, почему Джордж, который страстно сжимал меня в объятиях и плакал у меня на груди, будучи знатоком женщин и самого себя, не позволил моим желаниям одержать вверх. Он понимал, что общий кров убьет нашу любовь, а он хотел сохранить ее. Он даже разрешил мне бросить себя, пожертвовав своим самолюбием, но сохранив мое.

Помню, перед тем, как Адам сбежал, мне приснились два странных сна. В этих снах, он, будучи моим мужем, в какой-то момент превращался в неприятную женщину, которая продолжала быть моим мужем.

В первом сне Адам злился, схватил стул и швырнул его не то в окно, не то в витрину. Разбилось стекло, и в этот момент он стал женщиной. Сумасшедшей

женщиной. Я пыталась ее успокоить, но она отвергала мои попытки и била меня по рукам. Все это происходило на улице. Когда мы вернулись в нашу квартиру, она прыгнула на подоконник и стояла там, грозясь выброситься из окна. Я отговаривала ее, в то же время, тайно желая, чтобы она это сделала. Я даже подошла поближе к ней и хотела подтолкнуть ее. Но она обернулась, спрыгнула с подоконника и сказала, что передумала и что теперь все будет хорошо.

Второй сон мне приснился буквально через несколько дней. Мы с Адамом жили в какой-то деревянной развалюхе вместе с его матерью. Сидели за столом и пили чай с черным хлебом. Разговаривали о его работе и вдруг мы поняли, что он не только потерял работу, но что его выгнали со скандалом. В этот момент он превратился в женщину, которая стала ходить по комнате и кричать, что все это несправедливо и очень обидно для нее. Я опять бросилась со своими увещеваниями, но женщина не слушала меня. Она свернула какое-то тонкое шерстяное одеяло и заявила о своем решении уйти. Я стояла у калитки, а она протискивалась в нее со своим одеялом.

Я хотела и одновременно боялась его ухода. Моя тогдашняя жизнь унижала меня. Будучи, как мне казалось, не в состоянии ее переиначить, я теряла от бессилия рассудок. Моя жизнь превратилась в «маленький частный сумасшедший дом, откуда нет выхода».

Было уже далеко за полночь. Лиза устала вспоминать. Завтра ей предстояло встретиться лицом к лицу с тем, кто заставил ее много страдать. После многолетней разлуки она увидит того, кого, несмотря на свою ненависть и презрение, продолжала жалеть и любить. По-своему. Сейчас ей надо бы немного поспать. В спальне было холодно. Юркнув под одеяло, она закрыла глаза и стала думать о своих детях и котах. Это всегда приятно, душа оттаивает, наполняясь теплом и радостью. Через некоторое время она заснула. Ей приснился кролик.

Она убирала в комнате незнакомого дома и разжигала огонь в камине. Вдруг на коврик перед камином она увидела освежеванную и замороженную тушку кролика. Таких продают в супермаркетах в мясных отделах, только этот голый кролик, свернувшись в позе зародыша, дышал. Вдруг в комнате появилась покойная Александра. Она собиралась сварить из этого кролика суп. Лиза сказала ей, чтобы не прикасалась к кролику. Пододвинув кролика ближе к огню, она ушла, а, когда вернулась, увидела, что кролик ожил и сидит на коврик перед камином, свесив свои длинные уши. Его белая пушистая шерстка уже почти обсохла и была мокрой только с одной стороны.

Проснувшись утром, когда квадрат окна уже серел очередным зимним днем, Лиза сказала себе: «Этот оживший кролик – моя единственная надежда».

Глава 45.

Любить прокаженного.

На следующий день Лиза отправилась по тому адресу, что Адам указал в своем письме. Она не стала звонить и предупреждать его о своем приходе. Он когда-то неожиданно исчез из ее жизни, а она сейчас неожиданно появится. Так лучше – он не передумает и не сможет подготовиться.

Нужная улица находилась недалеко от ее дома. Отпустив такси, она окинула взглядом старый, явно довоенный дом. Вошла в единственный подъезд, оказавшись в утробе старого, дышащего на ладан, строения. Зияющие дыры в стенах выдавали причину такой ветхости: дом был деревянный и давно отслужил свой срок. Старая лестница с выщербленными ступенями вела на верхние этажи. Лифт выглядел настолько ветхим и расхлябанным, что Лиза не решилась им воспользоваться. Ей пришлось подняться на третий этаж по лестнице, переступая одну, а то, и две ступеньки зараз, лишь бы ее ботинок не застрял в какой-нибудь дыре с острыми краями. Наконец, она дошла до обитой рваным дерматином двери с нужным ей номером. Потянулась к звонку и вдруг поняла, что дверь не заперта. Заглянула в узкую щель и, не увидев там ничего, кроме темноты, толкнула дверь вовнутрь. Черный узкий коридор заканчивался светлым прямоугольником. Вероятно, это была открытая дверь в комнату. Боясь обо что-либо споткнуться, Лиза медленно направилась по этому туннелю к свету. Сердце ее колотилось. Дойдя, наконец, до открытой двери в комнату, она встала перед ней. Стоит сделать еще один шаг, переступив черту, разделявшую коридор и комнату, дороги назад не будет. Может, повернуться и уйти? Нет, убежать. Без оглядки!

Пока ее мозг взвешивал варианты и оценивал риски, нащупывая правильные решения, сначала одна, а потом и ее вторая нога, перешагнули через порог комнаты.

Увидев то, что открылось ее взору, Лиза от неожиданности вскрикнула. На голых окнах с грязными стеклами не было занавесок, пол, покрытый грязью и окурками, был завален остатками пищи, одноразовыми стаканами, пустыми коробками из-под пиццы и банками из-под Кока-колы. Горы мусора окружали матрас, брошенный на пол посреди комнаты. На невообразимо грязных простынях, опираясь на такие же грязные подушки, полулежал Адам. Она стояла у двери, боясь двинуться с места. Ее взгляд был прикован к мужчине, которого она когда-то знала. Возможно ли, чтобы это был тот же самый человек, кто, держа ее за руку, три раза обошел с ней аналой в старинной церкви?

Перед ее глазами появилась другая картинка – зажженная люстра, свисавшая с низкого потолка храма, и горящие свечи перед всеми образами. Резьба на иконостасе и на иконных окладах, покрытая позолотой, мягко сияет. Серебро подсвечников и паникадил им вторит, отбрасывая блики на стены без штукатурки и на кованые плиты на полу, начищенные до блеска. Тогда эта старинная церквушка, находящаяся в Михайловском монастыре, впервые открыла свои двери для торжественного обряда после долгого забвения – именно их венчание стало для нее новым началом после долгого перерыва. Толпа, пришедшая на венчание графа и его красавицы невесты, не умещалась в храме и многие стояли в притворе, а некоторые даже на ступеньках перед входом в церковь. У всех в руках были огромные букеты цветов. Приглашенные горели желанием перещеголять друг друга, ведь об этом событии говорил весь Киев. Фотографы, присланные глянцевыми журналами, щелкали фотоаппаратами, ослепляя приглашенных вспышками. На Лизе было длинное белое платье, вышитое бисером и пайетками, мерцавшими теплым золотистым светом, отраженным от многочисленных свечей. Пахло цветами, тонким ароматом дорогих духов и сладким благовонием горящих свеч. Адам стоял рядом с ней – высокий, в прекрасной темно-серой паре, сшитой на заказ. В вырезе его пиджака виднелся шелковый жилет цвета перламутра и такой же шарф, искусно повязанный вокруг его шеи, был заколот золотой булавкой с жемчужиной. По окончании церемонии, он вывел ее на порог церкви, снял с ее ноги белую атласную туфельку, наполнил ее шампанским и выпил одним махом все, до последней капли. Удивленные гости смеялись и аплодировали.

Водители складывали в лимузины охапки цветов. Проходившее мимо ворот, останавливались и глазели на красивую пару, стоявшую посреди разряженной толпы. Обхватив одной рукой свою невесту за талию и крепко прижав ее к себе, жених припал к ее губам долгим поцелуем, в то время как снежинки, начавшие падать с неба, таяли на ее оголенных плечах.

Вдруг Лиза ясно услышала несколько строк из песенки: «Мы были на бале, на бале, на бале, а с бала нас прогнали, прогнали, прогнали...»

Она вздрогнула и видение тут же исчезло. Как всегда, ее разум подросел на выручку, стараясь облегчить ее теперешнее потрясение небольшим экскурсом в счастливый миг ее прошлого. Пока прежний Адам ее обнимал и целовал, подобие Адама, что лежало на матрасе, пошевелилось, открыло глаза и пустым взглядом обвело комнату. Наконец он увидел Лизу – понимал ли он, что перед ним стоит его венчанная жена, которую он бросил, а теперь позвал?

Сделав два неуверенных шага по направлению к матрасу, она остановилась. Теперь она могла лучше рассмотреть Адама. Лицо его распухло, один глаз был как будто в мешке с прозрачной жидкостью, сочившейся по его щеке. Кожа головы с поредевшими, длинными седыми волосами, была покрыта струпьями. Узнав, наконец, женщину, что стояла перед ним, Адам рывком приподнялся на одной руке. Он взглянул на нее таким умоляющим, таким истерзанным и испуганным взглядом, что у нее душа перевернулась. Все еще не решаясь приблизиться к нему, она поняла, что останется и поможет ему.

Приблизившись, она опустилась рядом с ним на матрас. Адам, которого она знала и помнила, был из мяса, костей и мышц, он состоял из настроений, ошибок и неудач. Он был осязаем – она могла толкнуть его, обнять его, поругаться с ним, посмеяться над ним и поплакать из-за его дурости. Сейчас же ей казалось, что, если она дотронется до него, он рассыплется в прах.

- Не бойся, - тихо сказала она, - я рядом. Тебе повезло.

- Мне не страшно умереть, мне страшен процесс. Я боюсь мучений, которые не смогу вынести. – Его губы едва шевелились, его рука с прекрасными длинными пальцами двинулась, потом застыла, потом снова двинулась и коснулась ее руки. Лиза, не зная, чем он болен, свою руку, нем не менее, не отдернула. Ладонь Адама была сухой и горячей.

- Не думай о смерти, - она с трудом выдавливала из себя малозначимые слова. – Это ни к чему. Может быть, Господь даст тебе прожить еще долгие годы, а ты изводишь себя сейчас. О смерти и о ее сроках никому не дано знать. Ты тоже не знаешь, когда смерть придет за тобой. Не беспокойся, с тобой все будет хорошо.

Адам закрыл глаза и провалился в тяжелую дрему.

Поднявшись с матраса, Лиза подошла к окну. Зачем она пообещала ему, что все будет хорошо? Откуда она знает? Она обманула его. Ах, неважно... Что же ей делать? Оставлять его тут нельзя. Она перевезет его к себе на квартиру. Его надо искупать – кто это сделает? Она не может ни сдвинуть, ни поднять его. Ей нужна помощь. И еще одна кровать. Сначала она позвонит в «Скорую», даст санитарам на лапу, пусть перевезут его к ней, искупают его и приведут в порядок. Потом она позвонит в магазин, который находится недалеко от ее дома, немного ниже по улице, и купит какую-нибудь кровать. И пусть привезут ее сегодня же! Постельное белье есть, баба Петра оставила несколько смен в строенном шкафу в спальне. Полотенца тоже есть, но завтра она купит еще. Когда она его устроит в той комнате, что имеет смежную широкую дверь с гостиной, где постоянно будет гореть огонь в камине, она займется его здоровьем. Не забыть также сказать мужу привратницы чтобы посмотрел, что не так с батареями, почему они чуть теплые.

Выстроив в голове четкий план, она стала претворять его в жизнь. Теперь, когда она знала, что будет делать, к ней вернулись силы и решимость горы свернуть. Вечером того же дня, вымытый и причесанный Адам лежал на чистых простынях и с трудом ел суп, неуверенно поднося ложку ко рту.

- Ты знаешь, чем ты болен? – спросила Лиза, убирая его тарелку.

- Нет, не знаю. У меня уже несколько недель высокая температура. Это выматывает меня. Я не могу думать, мысли путаются. Дни проходят как в тумане и слабость страшная.

- Ты где-то работаешь?

- Работал.

- А сейчас? На что же ты живешь?

- Ни на что. Я уже несколько дней не ел. Везде должен, так что занять не у кого.

- А твоя мать? – Лиза начала раздражаться. – Она знает, что ты болен? Почему ее нет здесь, рядом с тобой?

- Я ей ничего не сказал. Не хотел волновать ее.

- Ты ее единственный ребенок, так почему бы ей не поволноваться?

Чтобы не наговорить лишнего, она вернулась на кухню, нашла в аптечке градусник и дала Адаму, чтобы тот измерил температуру. Через несколько минут на градуснике было 39,5С.

На следующее утро приехал врач, сказал, что, возможно, какой-то вирус. Назначил антибиотики. Через пару дней он обещал прийти снова.

Все последующие дни, борясь с его высокой температурой, которая не спадала, Лиза наблюдала за Адамом. Он был испуган, бледен, почти прозрачен, невнимателен, порой груб и часто замыкался в себе. Он мычал какие-то детские песенки или церковные псалмы, которые мальчиком пел в церковном хоре. В его лице и глазах появилось нечто потустороннее.

Когда он приходил в себя, они разговаривали. Лиза рассказала ему о чудесах, которые случались с ней.

- Ты помнишь, я рассказывала тебе, что однажды я заболела? Левая сторона моего лица оказалась парализованной. Но в один из дней я получила открытку, где сообщалось о том, что некто, в кого я была тогда влюблена, через несколько дней приезжает в Киев. Я так обрадовалась, что произошло чудо. Не помню, спала ли я в ту ночь или бредила в забытьи, но я видела слишком реальные сны и могу поклясться, что чувствовала, как сухие жаркие ветры исцеляли меня. Утром я проснулась и посмотрела на себя в зеркало – левая сторона моего лица больше не была отвисшей, глаз, щека и рот были на своих местах. Чудо свершилось. Приезжал мой любимый и мое неистовое, всепоглощающее желание предстать перед ним не изуродованной, а прежней, какой он знал и любил меня, дали мне решимости и сил достучаться до кого-то там наверху, до того единственного, кому по силам совершать чудеса. Я хочу научить тебя верить в то, что ты выздоровеешь и будешь жить. Я должна научить тебя бороться.

Адам рассказал ей, что, после того, как сбежал из Киева, ходил к священнику, чтобы снять проклятие.

- Святой отец дал мне свечу. Сказал: «Держи, а я буду читать. Когда увидишь, что черная копоть больше не поднимается от пламени, скажи». Читать пришлось долго, свеча коптила черным, но, в конце концов, пламя стало чистым. «Теперь иди и ни о чем не волнуйся, - сказал он. – Я вызвал ангела и он теперь всегда будет рядом с тобой, будет охранять тебя. Ты теперь не один. А с жизнью своей не борись, отдайся на ее волю и плыви по течению. Она вынесет тебя туда, куда надобно. Что касается работы, соглашайся на то, что идет тебе в руки сейчас, не добивайся большего. Со временем все получится, лучшее само тебя найдет. Теперь

же тебе надобно успокоиться. Пойди и успокой свою жену. Ваша жизнь будет кристально чистой».

- Почему же ты не сказал ему, что жену свою ты бросил, сбежав от нее? Ты ведь против Бога пошел. – Как прежде, Лиза принуждала Адама к правде, хотя уже знала, что, он, как всегда, предпочтет верить в свое вранье. Каждый раз его неразвитый ум соглашается принять ложь за правду практически без сопротивления и, как только это случается, Адам перестает мучиться угрызениями совести. Он никогда не раскаивался в содеянном, никогда не сожалел о своих маленьких преступлениях и, поэтому, совершал их снова и снова.

В один из дней Адам рассказал ей про свой сон. Некто, кого он не знал, но кого раньше уже дважды видел в своих снах, пришел к нему снова. Первый раз этот некто приснился ему, когда умирала его бабушка, а второй, когда умирал его отец. Сейчас этот редкий гость сновидений заставил его испытать странные ощущения – сначала ему казалось, что он поднимался, а потом плавно опускался. Этот некто также сказал, что Адам, скоро умрет. Спросил, боится ли он смерти? Адам ответил ему, что нет, не боится, после чего попросил объяснить, что это за такое незнакомое ощущение невесомости, как будто он лишен веса и больше не чувствует притяжения? Некто ответил, что это ощущение было ему явлено во сне, чтобы он знал, что почувствует во время смерти, и не боялся.

После таких рассказов у Лизы начиналось колотиться сердце и долго потом не могло успокоиться. С каждым днем состояние Адама ухудшалось. Он уже не мог есть сам и Лиза вынуждена была его кормить. После нескольких ложек, что она заставляла его проглотить, у него начинались рвотные спазмы. Он все меньше откликался на то, что она ему говорила.

На пятый день он открыл глаза и довольно внятно произнес:

- Позвони Петросу Маносу. В детстве мы ходили в одну школу и были друзьями. Сейчас он живет и работает здесь, в Софии. Мы несколько раз виделись. Он поможет. Его телефон найдешь в моем мобильнике.

Лизе меньше всего хотелось кому-то звонить и с кем-то знакомиться.

Однажды ночью Адам поднялся с кровати и, оказавшись в коридоре, пошел прямо на стену, с силой ударился об нее, упал на облицованный плиткой пол и рассек подбородок. Весь в крови, он сидел на кафельном полу и ревел как раненное животное, не понимая, что с ним происходит. Выскочив из своей спальни, Лиза заклеила пластырем рану на его подбородке, проводила его в туалет, уложила в кровать и, когда он успокоился, вымыла кровь на полу. Она по-прежнему не догадывалась, чем Адам болен, но уже поняла, что он теряет рассудок.

На следующий день утром она позвонила врачу, который уже приходил, и настояла на том, чтобы Адаму провели обследование головного мозга. Получив к полудню направление на МРТ (магнитно-резонансная томография), она начала его одевать. Кое-как справившись, она посадила его на стул, а сама, присев на корточки, стала завязывать шнурки на его ботинках. Он нагнулся к ней и, заглянув ей в глаза, стал приговаривать:

- Ты сошла с ума. Куда ты везешь меня? Какой врач? Нет никакого врача. Ты сумасшедшая.

Очень ласково и терпеливо он убеждал ее в том, что она безумна. Всякий раз, когда она пыталась растормошить и покормить его, он говорил ей, что она потеряла рассудок. Свое сумасшествие он приписывал ей. Изо дня в день находясь подле угасающего человека, она часто спрашивала себя – что она делает? Почему она не поехала к своей матери, когда та умирала? Почему тянула до последнего, пока не оказалось слишком поздно? Почему же с Адамом, предавшим ее, испугавшим ее, нанесшим вред не только ей, но и ее семье, она готова на любые жертвы? Кто

удерживал ее тогда и кто распахнул ее душу навстречу испытаниям сейчас, дав ей сил и мужества поддерживать ту искру, что еще теплилась в этом негодяе? Может, Адам прав и она сошла с ума?

Поддерживая его, как могла, она спустилась с ним на лифте, втиснула его в такси и довезла до больницы. После того, как его забрали на сканирование, она осталась ждать в смежной комнатке. Вдруг дверь открылась и вышла медсестра, зажимая рот ладонью не то от удивления, не то от ужаса. Избегая смотреть на Лизу, она быстро пошла по коридору прочь. В тишине гулко раздавались ее шаги. Через несколько минут вышел врач и попросил Лизу помочь ее мужу подняться и сесть на стул. Отведя ее в сторону, достаточно далеко, чтобы Адам не услышал, он, колеблясь и сострадав ей, поделился с ней неутешительной новостью.

- У вашего мужа опухоль в мозгу величиной с апельсин.

Что она могла ответить? Что Адам ей не муж? Кому это было интересно?

Поскольку Лиза молчала, врач уточнил:

- Такие опухоли не операбельны.

Вернувшись с Адамом домой, Лиза взяла телефон и набрала номер Петроса. Договорились через полчаса встретиться в кафе напротив.

Тот декабрьский день выдался солнечным. Одежды у Лизы было мало, ведь она не собиралась надолго задерживаться в Софии. Натянув розовый кашемировый свитер и черные брюки, которые носила каждый день, смахнув пыль с черных сапожек, она набросила замшевую куртку с мехом и отправилась в кафе, что называлось «Венское». Внутри было тепло, пахло свежемолотым кофе, горячими булочками, медом и маслом. Лиза втянула в себя этот аромат и на мгновение задержала дыхание. Небольшая зала с красивыми французскими окнами, была заставлена круглыми столиками, покрытыми белыми крахмальными скатертями. Свободных мест не было, это привело ее в замешательство – как она узнает незнакомого ей человека и где они смогут поговорить, если все занято? Вдруг из-за столика у окна поднялся гигант и улыбнулся ей. Сделав несколько шагов ей навстречу, он протянул ей руку.

- Это вы мне звонили? – спросил он.

- Вы Петрос? – Лиза вложила свою ладонь в его огромную пятерню.

- Ну, вот и познакомились. Что вы делаете в Софии? Приехали в гости к Адаму?

Большой и высокий мужчина, что проводил ее к столику, выглядел очень непринужденно, очень располагающе, дышал здоровьем и внушал доверие. В то же время, в нем было что-то суровое и непоколебимое. У него были рыжеватые волосы, такая же короткая борода и светлые глаза. Ей показалось, что именно таким был апостол Петр, ставший камнем в основании Христовой церкви. Усадив Лизу напротив себя, Петрос внимательно смотрел на нее, изучая эту диковинную женщину.

- Откуда вы такая взялись? – наконец спросил он.

- Из ада. – Поднеся ко рту чашку с дымящимся чаем, она подумала о том, что не сможет вынести заигрывания. Последняя неделя изъела из обихода ее души все чувства, кроме горя и страха.

- Я что-то не так сказал? Извините. – Петрос заметил ее раздражение.

- Нет, это вы меня простите. Я сорвалась, потому что и, правда, живу в аду. Адам при смерти.

- Как?! Что случилось? – Петрос был в полной растерянности. – Я ничего не знал. Почему он не позвонил? Он что, долго чем-то болел?

- Он написал мне. Попросил, чтобы приехала.

- Вы как-то связаны с ним?

- Я была его женой. Через полтора года после нашей свадьбы, он сбежал. Эту историю я сейчас рассказывать не буду. Я его искала, но безуспешно. Через десять лет он объявился. На смертном одре.

- Вы разведены?

- Да, мы разведены. Давно.

- А где его мать? Почему она не приехала? Ей кто-то сообщил? – Петрос продолжал сыпать вопросам.

- Я его спрашивала об этом. Он ответил, что не хочет ее беспокоить.

- Что за вздор!

Петрос заказал несколько бутербродов для себя и пирожные для Лизы, но ни он, ни она к еде не притронулись.

- Какая нужна помощь? – было ясно, что он не просто так спрашивает, он действительно готов помочь.

- Да пока никакая, – ответила Лиза. – Я хотела познакомиться с вами. Мало ли что. Я здесь одна. Город незнакомый, друзей нет.

- Давайте перейдем на «ты», думаю, что соблюдать формальности нам ни к чему.

- Давай, – согласилась Лиза, поднимаясь из-за стола. – Я пойду. Его нельзя оставлять надолго одного. Рада была с тобой познакомиться.

Когда, поднявшись на лифте на свой этаж, она открывала ключом дверь, лифт опустился на этаж ниже, а потом снова оказался на ее этаже. Дверь открылась и из нее появилась маленькая и сухонькая баба Петра.

- Мне стало известно, что вы перевезли вашего больного друга в мою квартиру. Надеюсь, он не умрет. Нам не нужны проблемы.

- Он не умрет, – коротко ответила Лиза и захлопнула за собой дверь.

Проверив Адама, она пошла на кухню. Как бы там ни было, а кушать что-то надо – и ей, и ему.

Вечером раздался телефонный звонок. Лиза как раз кормила Адама, пытаясь заставить его проглотить немного пюре.

Телефон стоял в ее комнате. Сняв трубку, она услышала голос знакомого врача.

- Я ознакомился с результатами МРТ, – сказал он. – Новости плохие. Я очень сожалею. Вы уже знаете, что такая опухоль не операбельна.

- Знаю, мне сказали, – Лиза все еще держала в одной руке тарелку с пюре.

- Тогда вы понимаете, что везти его в больницу не имеет смысла. Дайте ему спокойно умереть дома. Ему осталось дня два, не больше.

Все еще держа в одной руке тарелку с пюре, а в другой телефонную трубку, она устала в стену. Жить Адаму осталось два дня, потом он умрет. Поставив тарелку на кровать, она положила трубку на телефонный аппарат и подошла к двери. Ей вдруг стало страшно выйти из своей комнаты и пойти к нему. Что она ему скажет, что он сумеет прочесть в ее глазах? Нет, к нему она не пойдет. Подойдя вплотную к стене, она прислонилась лбом к ее прохладной поверхности и уперлась в нее сжатыми до боли кулаками. Почему ее Бог, спасавший столько раз ее саму, молчит? Неужели жизнь Адама не стоит того, чтобы о ней побеспокоиться? На нем слишком много грехов? Он никчемный, ненужный, неспособный?

- Мне-то зачем его жизнь? – простонала она и, захлебываясь слезами, сползла на пол. Оказавшись на коленях, она по-прежнему упиралась лбом в холодную стену. Просить, умолять спасти его? Ее душа рвалась наружу, как будто сейчас выпорхнет. Откуда эта боль, откуда отчаяние, откуда невыносимое чувство утраты? Он же ей почти никто! Подонок, причинивший ей невыносимую боль! Адам – это тот негодяй, что заставил ее стыдиться и бояться. Разве она забыла? Что же с ней происходит? Почему он должен жить?

И тут в ее мозг ударились ясная мысль, которую она не столько поняла, сколько прочувствовала. Мысль смешная, глупая. Мысль, которая была не ко двору и не ко времени. Если бы она кому-нибудь сказала, ее бы засмеяли. И все же, мысль не отступала.

Его пинали, обманывали, над ним смеялись, а он продолжал их любить. Любить не заслуживающих любви, людей. Он отверг ее как женщину, но даже она чувствовала его любовь, от которой душа наполнялась теплотой и покоем. Любовь наивного Адама, любовь лжеца и неудачника, пробивалась через людское непонимание, насмешки, издевательства и ненависть. Через ее страх и ненависть тоже...

Поднявшись с колен, вся в слезах, Лиза выпрямилась. Были или не были услышаны ее мольбы, неважно. Завтра она позвонит в Посольство. Он греческий гражданин, пусть что-то делают. Здесь тоже есть больницы для всяких «слуг народа». Она добьется, она покажет его другим врачам, она не допустит его смерти.

Тихонько войдя в комнату Адама, она увидела, что тот лежал в забытьи. Его лоб был покрыт крупными каплями пота. Оставив настольную лампу включенной, она ушла к себе. Когда ей удалось задремать, ей приснилось, что одетый в тряпье Адам толкал перед собой тележку, груженную их пожитками. Лишившись рассудка, он не знал, куда именно он толкал тележку. Вокруг него летали бабочки.

Проснувшись, когда за окном ее спальни начало сереть очередное зимнее утро, Лиза поняла, что дрожит. Ее бил озноб. В комнате было тепло, муж привратницы что-то там починил и батареи теперь хорошо грели. Она дрожала, потому что ее психика больше не могла принимать и переваривать горе. Вся дрожа, она встала, накинула теплый халат и подумала – а что, если бы она была его женой? Что, если бы они жили здесь, у них не было бы ни копейки денег, и на руках у нее был бы умирающий муж? Вот был бы кошмар... Слава богу, ей нечего бояться, у нее есть надежный тыл, у нее есть семья. А раз бояться нечего, ей надо заняться делом и постараться спасти человека.

Заварив себе кофе, Лиза пошла в комнату Адама. Он лежал на боку, его тело сотрясали конвульсии, а на его губах выступила белая пена.

Найдя телефон, она позвонила Петросу.

- Приходи. Я больше не могу одна.

Через час он пришел и, став глыбой подле нее, больше не покидал ее.

Пока Петрос добирался, она несколько раз успела поговорить с Посольством. Там сначала не понимали, кто такой Адам Эратинос, потом никак не могли поверить, что он настолько серьезно болен, потом посоветовали отвезти его домой, в Афины. Где же ответственность за своего гражданина, попавшего в беду? Лизе надоели все эти отговорки и она твердым голосом их известила о том, что, если через полчаса у нее не будет адреса больницы, готовой принять и оказать помощь гражданину Греции, она привезет этого бесчувственного гражданина и оставит его на пороге Посольства. Вот будет праздник для журналистов!

Когда приехал Петрос, у нее на руках уже был адрес клиники для местных и иностранных шишек.

- Я смотрю, ты не из робкого десятка, - он поставил свой портфель на стул и стал снимать пальто.

- Ему осталось жить два дня. Давай попытаемся его спасти. – Войдя в комнату Адама, она увидела, что он лежал неподвижно, конвульсии больше не заставляли его тело плясать и выгибаться. Она вытерла пену вокруг его губ. Адам не среагировал, он был без сознания. Петрос помог ей одеть его, вдвоем справились быстрее. Взяв Адама себе на плечо, он донес его до своего джипа. С этого

момента начались их мытарства во имя спасения не близкого и не дорогого им человека.

Клиника была за городом. Одноэтажное красивое здание, окруженное ухоженным садом. Дорожки, ведущие ко входу, были не просто очищены от снега, они были вылизаны. Внутри – тихие коридоры, большие палаты, цветы на подоконниках. После недолгого обследования, был вынесен вердикт – мы помочь не можем. У нас нет ни надлежащего оборудования, ни нужных вам специалистов. Однако есть институт нейрохирургии, если хотите, мы позвоним и порекомендуем. Нам не откажут.

Хотела ли Лиза, чтобы они позвонили? Да, она хотела, потому что Адаму осталось жить полтора дня.

Приехали к многоэтажному зданию, перед которым простиралась гуляк площадь, выложенная бетонными плитами. Нигде не было ни души. Вышел санитар, уложил Адама на каталку. Сказал сопровождающим следовать за ним. На грузовом лифте спустились в подвал, где стояли носилки, каталки и какие-то зачехленные аппараты. Пришел человек, представился бухгалтером, спросил, как будет производиться оплата – наличными или перечислением. Лиза к этому не была готова, достаточной суммы при ней не оказалось. Петрос предложил заплатить всю сумму. Выскочил, нашел банкомат, снял деньги и отдал бухгалтеру, заполнявшему какие-то бумаги.

- Будет ли ваш родственник питаться? - уточнил дотошный человечек в очках.
- Спросите у него. – Лиза начинала терять терпение.
- Но он же без сознания!
- Вот вам и ответ, будет ли он питаться. Сначала ему надо выжить.

После того, как денежный вопрос был утрясен, Адама поместили в отдельную палату на четвертом этаже. Его быстро переодели и забрали на обследование. Петрос ушел, сказал, что нужно хоть ненадолго появиться на работе. Будет на связи. Лиза осталась в палате одна. Подойдя к окну, она смотрела на погружавшуюся в сумерки Софию. Привезли Адама, через некоторое время пришел врач. Холеный высокий мужчина в белоснежном халате нараспашку, под которым виднелся свитер из тончайшего кашемира с треугольным вырезом. На шее у него болтались сазу три золотых цепи с какими-то образами и кулонами. Палата наполнилась ароматом дорогих духов. Было очевидно, что в этом медицинском учреждении крутятся большие деньги. Родственники больных продают машины и закладывают дома, чтобы оплатить услуги таких хирургов, как тот, что стоял перед ней. Прооперировать, поставить на ноги, вернуть здоровье – все возможно, если только у вас есть много хрустящих банкнот. Прообраз медицины будущего.

- Опухоль в мозгу вашего мужа подтвердилась, - сказал мужчина. – Ночь он проведет здесь. Мне надо посоветоваться с коллегами, сможем ли мы эту опухоль удалить. Обещать ничего не буду. Думаю, что завтра, ближе к вечеру, мы будем готовы с ответом. Если мы решимся на операцию, она будет стоить немало. Деньги есть?

- Деньги будут. – ответила Лиза и перевела взгляд на Адама. Он по-прежнему был без сознания. – Если вы сочтете операцию возможной, когда она состоится?

- Завтра вечером и состоится. Прооперируем сразу, ждать нельзя. К тому же, я ночной человек, по ночам у меня все выходит хорошо.

Бросив плотоядный взгляд на Лизу, он ушел. Через полчаса пришла медсестра. Сказала, что заступила на дежурство, что Лиза может идти домой. Утром Адаму нужно принести пижаму и смену белья.

Шагая по гулкой площади в сторону города, Лиза подумала, что впервые за последнюю неделю, она вернется в пустую квартиру. В ней не будет Адама. Вздохнув с облегчением, она стала ловить такси. Во всяком случае, в больнице о нем позаботятся, там он под присмотром. Пробуждаясь каждое утро ни свет, ни заря, после нескольких часов тяжелого сна, она собиралась с духом, прежде, чем зайти в его комнату – а вдруг он там уже не дышит?

Дома она зажгла свет во всех комнатах, налила себе полстакана виски, растворила в чашке суп из пакета, взяла кусок хлеба и забралась с ногами на диван. Она пила виски, потом обжигала губы и язык горячим супом, потом снова пила. Этот сладковатый запах, что пропитал стены и вещи в той комнате, где он спал... Он рассказывал ей, какими буквами сделать надпись на его могильной плите – латинскими или кириллицей. Ему продолжали сниться сны о смерти. Целую неделю она находилась рядом со смертью, и сейчас у нее не было сил ни о чем думать.

Завтра утром она пойдет туда, к нему, и будет ждать приговора. Если операции не будет, через сутки он умрет. Спасти его она не сможет. Надо бы позвонить его матери, но разговаривать с ней Лиза не хотела. Завтра узнает новости, тогда и позвонит или, лучше, попросит Петроса с ней поговорить.

Рано утром она была в больнице. Адам в себя не приходил. Сестра, смазав его губы водой, сказала, что сейчас уходит, вечером заступит другая сестричка. Сидя подле бесчувственного Адама, Лиза читала какой-то журнал, но сосредоточиться не могла. Петрос приедет вечером, когда хирурги примут решение. Начало смеркаться. Было около пяти часов вечера. Вдруг, в комнату ворвалась медсестра и попросила Лизу срочно идти за ней. Она шла по коридорам быстрым шагом, не оборачиваясь на ту, что старалась поспеть за ней. Широко открыв одну из дверей, она головой показала, чтобы Лиза вошла внутрь. Очутившись в большой комнате, посреди которой стоял длинный стол со стульями, а в дальнем углу был прикреплен к стене большой экран, она замерла, сразу же ощутив враждебную атмосферу. Это было у нее с детства – она чувствовала людей и их настроения. Что случилось? Что могло произойти за одни сутки?

- Вы в курсе, чем ваш муж болен? – спросил хирург в золотых цепях.
- Я не его жена, - сказала Лиза. – Нет, я не знаю, чем он болен.
- Почему вы тогда вместе с ним? Кто вы такая? Дайте ваши документы. – Этот допрос устроил другой, коротышка в белом халате со сверлящим взглядом.

Лиза протянула свой украинский паспорт.

- А, ну все понятно, - промычал коротышка. – Украинская шлюха.
- Что здесь происходит? – еле выговорила она.
- У вашего, кем он вам там приходится, СПИД, от него он и умирает. Вчера мы взяли у него анализ крови. Ошибка исключена.

У Лизы потемнело перед глазами. Пошатнувшись, она оперлась рукой о стол.

- Не стоит так бледнеть. Вы наверняка знали. Чтоб вашего духа здесь не было через полчаса, иначе полицию вызовем. Пошла вон!

Выскочив из этой огромной, ярко освещенной комнаты, Лиза шла по коридору и соображала, что ей делать. Бежать отсюда, поехать на квартиру, собрать вещи и первым рейсом вылететь в Афины. У него есть семья, пусть разбираются. Но она шла не к выходу, а в палату, где лежал «прокаженный» Адам, от которого отвернулись даже врачи. Она позвонила Петросу и все рассказала. Тот заверил ее, что скоро будет. Пока Лиза разговаривала, дверь в палату распахнулась, два санитары в перчатках и масках подняли Адама с кровати и, в чем был, положили на голую каталку и повезли его к лифту. Схватив сумку и куртку, она побежала за ними. Теперь они оказались в другом цокольном помещении, где находился,

продуваемый всеми ветрами, гараж. По наклонному настилу сюда въезжали и отсюда выезжали «Скорые». Бросив каталку на сквозняке, санитары зашли в освещенную комнату, дверь в которую была открыта. Там курили водители, в той же комнате было несколько пожилых женщин – не то уборщиц, не то нянечек. Санитары что-то им сказали и все взгляды сразу же устремились на Лизу. В гараже было очень холодно, она пыталась накрыть Адама своей курткой, которую выхватила в последний момент из шкафа. Вдруг она услышала прямо под своим ухом:

- Б...ь! Подстилка гребанная! Понаехали сюда, заразное отребье, чтоб вам в аду гореть.

Старая карга вцепилась в Лизину руку и плюнула в нее. С плевком она промахнулась, но продолжала цепко удерживать ее руку. Отвернувшись, Лиза старалась совладать с собой, потому что красный занавес уже колыхался перед ее глазами. Этот занавес опускался всегда, когда ее захлестывала ярость и она переставала контролировать себя. Развернувшись, она вырвала свою руку и, схватив этой рукой грязную и тупую ведьму за грудки, занесла над ее злобной рожой другую руку с дрожащими от напряжения пальцами. Еще секунда, и от ее лица осталось бы кровавое месиво, но тут появился Петрос.

- Что ты делаешь?! – крикнул он.

- Сейчас прикончу ее, - прошептала Лиза.

Из дежурки стали выходить водители, молча образуя круг вокруг Лизы и Петроса.

- А вот еще один хахаль пришел, - взвизгнула старая болгарка.

Петрос, сообразив, что происходит, взвалил Адама себе на плечо и быстро пошел прочь.

- Иди за мной и не оглядывайся, - бросил он Лизе через плечо.

Вдогонку им неслась грязная брань. Если бы у этих злых и темных людей были камни, они забили бы их камнями. А, еще лучше, автоматы.

Добежав со своей ношей до джипа, Петрос положил Адама на заднее сиденье. Лиза села рядом и положила его голову себе на колени. Он все еще дышал.

- Что будем делать? – Петрос завел машину и обернулся к ней.

- Понятия не имею, - выдохнула Лиза.

- Есть только один выход. Везти его в городскую инфекционку. Там ужасно. Грязь, вонь и наркоманы. Может, отвезем его к тебе и пусть природа возьмет свое?

Лиза молчала. Проиграла? Почему она воспринимает его смерть как личный проигрыш? Она никому ничего не должна. Она попыталась, но обстоятельства оказались сильнее ее.

- Поехали в инфекционку, - сказала она.

Через час джип въехал в ворота и затормозил перед какой-то развалюхой. Петрос вышел и постучал в дверь. Спустя некоторое время дверь отворилась. В щели показалось лицо молодой женщины.

- Чего надо? – спросила она.

- Мы больного привезли.

- Что с ним такое?

- СПИД. Он при смерти.

- Так зачем его привезли? – в недоумении переспросила женщина.

- Вы кто? – Петрос перешел на повешенный тон. – Врач здесь есть?

- Сейчас позову. – Смекнув, что перед ней иностранец, она решила не брать на себя ответственность.

Дверь открылась и на порог вышел доктор. Средних лет мужчина с уставшим взглядом, в потрепанном костюме, на который был наброшен белый халат не первой свежести.

Снега было по колено, но он подошел к машине, посмотрел сначала на измученную женщину, у которой на коленях покоилась голова не осознающего реальности человека.

- Несите его в палату, - приказал он санитарам.

Сразу за входной дверью были холодные сени с ведрами и швабрами. По бревенчатым стенам расползся белый иней. Потом еще одна дверь и короткий теплый коридор. Палат было всего три. Все они располагались по одну сторону коридора, по другую сторону находился кабинет врача и комната для медсестер.

Палата на две койки была свободна. На кровать, что изголовьем упиралась в окно, положили Адама, другая стояла у стены, ближе к умывальнику. Врач подошел к Адаму, поднял ему веки, осмотрел лимфоузлы и ушел к себе в кабинет.

Он куда-то звонил, с кем-то разговаривал. Петрос рассказал ему, из какой именно больницы его только что выбросили на улицу. Через некоторое время врач вернулся в палату.

- Не хочу вас пугать, но навряд ли он доживет до утра. Мы ничего не можем сделать. Поставим ему капельницу с нужными медикаментами, но это так, чтобы совесть была чиста. Я уйду домой, так что кто-то из вас должен с ним остаться. У нас тут за пациентами ухаживают их родные.

- Я не... - начала, было, Лиза, но быстро замолчала, оборвав себя на полуслове. Если она ему не жена, так что же? Какая разница, если кто-то должен остаться? Ведь кто-то должен... Петрос побыл с ней немного и уехал. Завтра утром ему надо быть на работе. Врач тоже ушел. В каморке напротив осталась дежурная медсестра. Положив сумку на стол, Лиза осмотрелась.

В этой мерзкой, грязной избе, что величалась отделением для инфекционных больных, ее вдруг охватило такое чувство, словно она была в храме, стены которого надежно защищали ее от всех бед и угроз. Она села на свободную кровать, все еще в джинсах и в черном свитере, голодная и испуганная, и посмотрела на стену напротив. Дверь в палату осталась приоткрытой, в отделении царил тишина. За окном была поздняя ночь. Все звуки поглощал глубокий снег и только изредка с улицы доносился тихий и протяжный скрип. Это скрипели скованные морозом стволы пирамидальных тополей, потревоженные ветром. Они росли перед окном и стояли там, как взвод солдат на карауле.

Лиза прилегла на кровать. Усталость давала себя знать, ее глаза закрывались сами собой. Она подумала, почему ей так покойно здесь? Потому что тут все свои. Для людей, что работают здесь, СПИД – это не проклятие, это болезнь. Они не спрашивают, не судят, они по возможности спасают жизни. Здесь ее никто не обзовет «сухой» или «подстилкой».

И вдруг, на белых кафельных плитах, которыми была облицована стена напротив кровати, где она лежала, появилось красочное и яркое видение. Богородица, сидевшая на троне, держала в руках покрывало. Подумав, что от усталости и переживаний, у нее начались галлюцинации, она поднялась и села так, чтобы хорошо видеть стену. Богородица не исчезала, она смотрела своими большими серыми глазами на Лизу и что-то тихо говорила. Душа Лизы стала наполняться диковинной мешаниной чувств, состоявшей из покоя, светлой радости, благодати и умиротворения. Она помнила, что испытала нечто подобное, когда прилетела поздно вечером в Фуншал и, после того, как водитель проводил ее к автомобилю, она, отстранившись от мира в темноте заднего сиденья, вдруг ощутила эту самую мешанину из сильнейших, явно неземных чувств. Тогда она

приняла это за влюбленность в Адама. Но ведь она и раньше влюблялась и любила, но ничего подобного не испытывала. Это были даже не чувства, а физическое ощущение чьей-то любви, направленной на нее и рождавшей в ней предчувствия счастья. Любовь эта не просто несказанно радовала, а вселяла уверенность, давая ощущение превосходства и силы, но, в то же время, и потрясающего смирения.

Вся, сверху до низу, от макушки до кончиков пальцев, Лиза наполнилась покоем. Нет, ей не было все равно, это умиротворение не было безразличием, вызванным, в том числе, и усталостью. Оно было уверенностью, знанием того, что Адам будет жить. Ей подарили, доверили знание наперед – это было настоящим чудом.

- Все будет хорошо? – спросила Лиза. По ее щекам текли слезы. – Ты пришла, чтобы успокоить? Теперь я спокойна...

Не окончив предложения, она положила голову на подушку и, хотя в палате горел свет, тут же заснула. Ей приснился сон. Их было четверо женщин. Трех своих спутниц Лиза не знала. Они были в каком-то городе с прямыми и широкими улицами. В городе, где все было торжественно и красиво. Подойдя к площади, они увидели, что все вокруг, задрав головы, куда-то смотрят. Воздух поверх людских голов двигался и слегка серебрился. Иногда такие приемы используют в спецэффектах, когда фигура человека или его лицо, предмет или какое-то фантастическое животное угадываются только по вибрациям воздуха вокруг них.

- Это ангел, - сказала одна из женщин.

«Нет, это голубка», - подумала Лиза.

Женщина, стоявшая рядом с ней, подняла руку и белая голубка, которая сразу же стала видимой, оказалась у нее в ладони. Одно крыло у нее было повреждено и из него торчком торчали перья.

- Надо помочь ей, - сказала Лиза.

Женщина, державшая голубку, дотронулась до поврежденного крыла и вдруг оно выпало и из раны потекла кровь. Она дотронулась до второго крыла, но и оно осталось у нее в руке, и из новой раны тоже потекла кровь. Растерянная женщина опустила голубку на землю, и та стала метаться, крича и стелая короткими и пронзительными воплями. Лиза в ужасе смотрела на эту белую птицу без крыльев, слушала ее пронзительные крики и думала о том, что лучше бы ее убить. Нельзя, чтобы она так мучилась. Однако в следующую минуту голубка уже лежала мертвая на земле. Ее белая круглая головка, покрытая мягкими перьями, ее вытянутое, удлинившееся бескрылое тело лежало на площади красивого и торжественного города. Города, где много власти и где умерла душа.

Глава 46.

Возвращение проклятой жизни.

Ее разбудили крики и запах крови. Рывком сев на кровати, она увидела Адама, шагавшего прямо на нее. Его глаза были открыты, но они были безумны и невидящи. Из его вены, поврежденной вырванной иглой, хлестала кровь. Штатив для капельницы, на котором были закреплены сразу три пластиковые емкости с лекарствами, валялся на полу. Лиза не могла пошевелиться. Правильно говорят «восстал из мертвых» – сознание еще отсутствует, но тело уже содрогается, выпрямляется и двигается, возвращаясь к жизни. Но почему он орет?

- Что тут творится? – в палату ворвалась не совсем проснувшаяся медсестра.

На мгновение и она встала, как вкопанная. Придя в себя и быстро натянув перчатки, она схватила Адама и уложила его на кровать. Он вырывался, кровь теперь уже хлестала на простыни – ему хотелось встать и куда-то шагнуть.

- Держите его, я принесу успокоительное. Сделаем ему укол.

Сев на ноги Адама, Лиза прижала его руки к кровати, он же продолжал смотреть поверх ее головы и громко мычать. После укола он затих. Подняв штатив с пола и закрепив на нем емкости, сестричка ввела иглу в вену размякшего Адама пониже его запястья. Закрепила иглу чем-то, что напоминало бабочку.

- Ну, вот, теперь у него бабочка на руке, - сказала она и улыбнулась.

Посмотрела на пол, потом на Лизу.

- В сенях найдешь ведро и швабру. В комнате для персонала на столе коробка с перчатками. Вода в туалете. К сожалению, только холодная. Давай, начинай убирать весь этот срач.

Без колебаний выполнив в точности все то, что было ей сказано, Лиза терла залитый кровью пол. Те места, где крови больше не было, медсестра поливала какой-то жидкостью из бутылки. Воняло хлоркой и еще чем-то едким. Наконец, пол засиял чистотой. Вероятно, никто раньше его не мыл с таким усердием.

- Простыни поменяем, когда остальные придут, - сказала медсестра. – Сейчас шесть часов утра, уже не заснем. Пошли к нам в комнату кофе пить. У меня конфеты есть. Угощаю.

Устроившись на стуле рядом с горячей батареей, Лиза пила дымящийся кофе, сжимая горячую кружку в своих ладонях. Пальцев она не чувствовала. Ей несколько раз пришлось менять ледяную воду в ведре.

- Меня зовут Цвета, - сказала медсестра. Она сняла белую шапочку, на ее плечи упали густые русые волосы. Ее серые глаза лучились улыбкой. Она была очень привлекательной молодой женщиной.

- Я – Лиза.

- Кем ты ему приходишься, Лиза, что так с ним носишься?

- Была жена, сейчас никто.

- Так зачем же?

- Сама не знаю. Он разыскал меня, попросил приехать. Мне нужно было получить от него ответы на некоторые вопросы, которые мучили меня с того дня, как он сбежал.

- Он сбежал? Откуда? – любопытствовала Цвета.

- От меня. Через полтора года после венчания.

- Ты вроде нормальный человек. Чего ему не хватало?

- Это я и хотела у него спросить. Думала, пробуду здесь дня два, помогу, чем смогу, и вернусь домой. А вышло совсем по-другому. Когда увидела, в каком он состоянии, не смогла уйти, оставив его подыхать на матрасе в его грязной квартире.

- Отчаянная ты! – Цвета откусывала кусочки конфеты и запивала их сладким кофе. – Не каждая на такое решилась бы. Мы тут многое повидали. Девушки, невесты, жены – как только узнают, разворачиваются и исчезают.

- Их можно понять. – Лиза посмотрела на свои пальцы. Они согрелись и стали красными и толстыми. – Я хочу попросить тебя кое о чем. Сама видишь, после такой ночи мне надо хоть душ принять и переодеться. Кто-то из вас может подежурить рядом с ним? Я заплачу.

- Нет вопросов. Только тебе не со мной надо договариваться. В восемь придет старшая сестра. Ее зовут Маги. С ней договоришься. Намекни ей, что я не против. Мне деньги нужны. У меня сынишка подрастает. У тебя дети есть?

- Двое. Взрослый сын и четырехлетняя дочь.

- От него?
- Нет, не от него.
- Ну, и, слава Богу.

Скоро начали приходить медсестры, приехал посыльный из лаборатории и оставил результаты анализов. К девяти утра пришел врач. Лиза познакомилась с Маги – короткой, почти квадратной женщиной в годах, которая сразу же взялась составлять расписание – кто и когда будет дежурить подле Адама. Врач заглянул к медсестрам, увидел Лизу.

- Как он там? – спросил он. – Жив еще?
- Ночью вставал.

- Что?! Вставал? Как вставал? Сам, что ли? Ладно, пойдем, посмотрим, что там с ним происходит. Кстати, меня зовут Василь Еленков.

Врач открыл дверь, за его спиной стояли Лиза и Маги. На кровати сидел Адам – он икал и всем улыбался. Врач закрыл дверь, потом посмотрел на Лизу и открыл дверь снова. Адам все еще сидел на кровати и смотрел на врача ясным осознанным взглядом.

- Этого не может быть, - тихо произнес Еленков.

Зашли в палату. Врач подошел к Адаму, посмотрел на засохшие пятна крови на его простынях. За его спиной нарисовалась Цвета и рассказала о ночном происшествии.

- Поменяйте постельное белье. А вы зайдите ко мне, - сказал он, обращаясь к Лизе.

Когда оба сидели в его кабинете, Еленков долго не решался заговорить.

- Даже не знаю, что вам сказать. То, что с ним произошло, просто не могло произойти. Разве что чудо помогло, но я в чудеса не верю. Не буду обнадеживать ни вас, ни себя. Если его организм так быстро среагировал на лекарства, вполне возможно, что точно также, он вернется ко вчерашнему состоянию, причем, на этот раз, бесповоротно. С медицинской точки зрения я не могу объяснить его чудесное исцеление, с того света не возвращаются, поэтому считаю, что он все еще находится в зоне риска.

- А как же его опухоль в голове? Сегодня утром он кажется вполне нормальным.

- Это не злокачественная опухоль. Это воспаление в мозгу. Со временем, при правильном лечении, воспаление исчезнет, останутся лишь отметины в его мозгу. Это одно из проявлений СПИДа. Сегодня возьмем анализы, посмотрим, что с его кровью происходит.

- Я договорилась с Маги, - сказала Лиза. – Она сказала, что кто-то подежурит рядом с ним. Мне надо съездить домой и переодеться. Принести ему что-нибудь из еды?

- Да, конечно. Здесь не кормят. Если он и, правда, пойдет на поправку, ему надо много есть. Кстати, как его зовут?

- Адам Эратинос, - Лиза встала и подошла к двери.

- И, впрямь, Адам. Первый человек, что так воскрес.

С той чудесной ночи, когда произошло воскрешение Адама из мертвых, удивившее весь персонал отделения, потянулись будничные дни. Каждое утро Лиза приходила в эту избу, нагруженная сумками, в которых были еда для Адама, коробки с пирожными или тортиком для медсестер. Вся инфекционка встречала ее как родную. С ней стали делиться новостями и семейными проблемами. Она знала, у кого были дети, сколько им было лет и какие хлопоты они доставляли. Она мыла Адама, кормила его, убирала за ним. В середине дня сама перекусывала с медсестрами. Ближе к вечеру приходил Петрос. Он сидел несколько часов, ожидая,

пока Лиза не накормит Адама ужином, потом забирал ее и подвозил на своем джипе или в супермаркет за продуктами, или сразу домой.

Медсестры решили, что Лиза и Петрос – прекрасная пара и их надо поженить. Цвета и Маги превратились в свах и, когда приходил Петрос, пока он стращивал снег с ботинок в сенях, одна из них заглядывала в палату и подмигивала Лизе – мол, пришел твой великан. Она улыбалась и хмурилась одновременно. Когда они собирались уходить и Петрос помогал ей надеть куртку, все медсестры выходили из своей комнатки, вздыхали и нарочито громко приговаривали:

- Какая красивая пара!
- И оба рыжие!
- Прямо созданы друг для друга.

И, правда, эти двое сблизилась. Их сблизилась болезнь Адама. Познакомившись, они бросились спасать Адама, как будто хотели что-то друг другу доказать. Как будто спасали не его, а себя. В то время, как оба беззаветно жертвовали собой, между ними возникла симпатия. Они восхищались и любовались друг другом. Когда Петрос подвозил ее домой, он долго не отпускал ее, занимая разговорами. Они сидели в его джипе, разговаривая о пустяках, потом он целовал ей руки, крепко обнимал, прижимая к себе, и только тогда говорил «до свиданья». Лизе было приятно такое проявление чувств. Ей надо было знать, что кто-то ценит то, что она делает, жалеет ее и симпатизирует ей. Ей самой часто хотелось обнять этого доброго и большого мужчину, который каждый день приходил в это чистилище, чтобы побыть нет, не рядом с Адамом, а рядом с ней, наблюдая, как она его кормит, как разговаривает, как смеется, как прихорашивается перед зеркалом, прежде, чем ехать домой. Петрос был юристом и возглавлял в Болгарии представительство одной из французских косметических фирм. Он часто приносил медсестрам целые пакеты каких-то флакончиков, тюбиков и коробочек, за что они боготворили его.

На третий день, когда стало бесповоротно ясно, что Адам будет жить, Лиза попросила Петроса позвонить его матери. Тот набрал ее номер и долго рассказывал ей, что приключилось с ее сыном. Молча выслушав друга детства своего сына, которого она смутно помнила, мать коротко ответила:

- Я приготовлю траурное одеяние. Уведомите меня, когда его надеть.

Зажав в руке внезапно замолчавший телефон, Петрос сидел, как молнией пораженный. Он избегал смотреть на Адама, не зная, что ему сказать. Во время разговора тот смотрел на Петроса большими детскими глазами, в которых были вопросы и надежда.

- Связь была очень плохая, - покраснев, выговорил Петрос. – Она плохо слышала, что я ей говорил. Ничего не поняла. Завтра попробуем позвонить ей снова. – Было очевидно, что Петрос лгал. Адам понял, что его друг не может сказать ему правду. Он ушел в себя, повернулся спиной и до конца вечера ни с кем не разговаривал.

Однажды вечером, по дороге домой, Петрос казался молчаливым.

- Почему ты такой грустный сегодня? – спросила Лиза. – Что-то не так?
- Тебе надо сделать анализ на СПИД, - сказал Петрос, не отрывая взгляда от дороги.

- Зачем? Если ты о нашем с Адамом совместном прошлом, то я с тех пор родила дочь, у меня двадцать раз брали анализы крови.

- Я не про тогда, я про сейчас. Ты уже почти месяц ухаживаешь за ним и только неделю назад узнала, чем он болен. Всякое могло случиться. Сделай, я прошу тебя.

Зная, что он прав, она колебалась, каждый день оттягивая процедуру, потому что боялась. А, что, если она заразилась? СПИД теперь уже не приговор, но все же...

Еленков тоже настаивал на том, чтобы она сделала анализ и вот, пришел тот день, когда Маги взяла у нее кровь. Пока все отделение ждало результатов, Лиза вспомнила, что тем врачам, что выгнали их из нейрохирургической клиники, как-то уж очень быстро удалось получить результаты, за одни сутки. А ей приходится ждать несколько дней.

Когда привезли из лаборатории результаты, Маги позвала Лизу к себе. Адам знал, что она проверяется на СПИД и, конечно, волнуется, но не проронил ни слова – ни ободрил, ни успокоил. Он вообще принимал ее заботу как должное. Он хорошо и много ел, у него появились пижамы и халаты, которых у него раньше не было, хорошее постельное белье и полотенца. Он ни разу не спросил, не надо ли ей уезжать, ждет ли ее кто-то, сколько еще времени она сможет пробыть рядом с ним, откуда у нее деньги и как он сможет с ней расплатиться?

Лиза долго стояла перед дверью в комнату медсестер, не решаясь войти, пока Цвета, проходящая мимо, просто не впихнула ее вовнутрь. Маги сидела за столом и держала в руках запечатанный конверт.

- Давай откроем вместе. Не хотела без тебя.

Разорвав конверт, она развернула лист бумаги со словами и цифрами, и стала его просматривать. Лиза стояла, не отрывая от нее взгляда. Она думала: «Если я стала свидетелем чуда, так зачем же мне бояться сейчас? Спасение Адама произошло отнюдь не благодаря врачам или медикаментам. Тем вечером в палате мы были втроем – недвижимый Адам, я, зная, что до утра он не доживет, и Она. Появилась и исчезла, оставив весть о том, что чудо свершится, что он выживет. Зачем же мне требовать иных доказательств? Все будет хорошо».

- Ты здорова, поздравляю! – Маги поднялась со своего стула.

Не выдержав, Лиза бросилась ей на шею.

- Со мной все в порядке, - крикнула она, вбежав в палату к Адаму. Тот никак не среагировал.

- Ты знал, что был болен, когда женился на мне? – она не спрашивала его раньше, но сейчас хотела знать.

Адам молчал.

- Отвечай! Со мной все в порядке и было все в порядке. У меня четыре года тому назад дочь родилась, так что тогда ты меня не заразил. Но ты знал?!

- Знал. – Еле слышно ответил Адам.

- Почему же мне не сказал? А, если бы ты заразил меня? Ты не подумал, что, подвергая мое здоровье риску, ты должен был сказать мне правду? Не ты, а я должна была решать.

Адам молчал. Он был потрясающим человеком. Он не хотел представлять, что бы было, если бы она заразилась. Он никогда не мучился, испытывая угрызения совести от совершенного им преступления. Если нет угрызений, значит, не было и преступления. Для него прошлое – это то, что прошло и умерло, прошлое никак не связано с настоящим. Вчера не повторится сегодня и, следовательно, о том, что было, надо забыть и понапрасну не казнить. Адам никогда не извлекал уроков из прошлого, поэтому зло постоянно следовало за ним и все эти «вчера» повторялись снова и снова. Он относился к жизни точно так же, как ел яблоки – обгрызая только поверхность плода, никогда не вонзая зубы в сладкую и сочную мякоть ближе к середине. Живя своей странной жизнью, которую сам не понимал, он вел примитивное, незрелое существование на авось.

- Знаешь, кто ты? Инфузория туфелька. – Лиза знала, что его не переделаешь и злиться бесполезно. Равнодушие – ценнейший дар, она как шапка-невидимка, можно натянуть на себя и все, ты спрятал от людей себя и все свои злодеяния. От такого, как Адам, надо просто держаться подальше.

И вдруг один вопрос возник у нее в голове. Поначалу она предпочла не обращать на него внимания, потому что ответа на этот вопрос у нее не было. Однако вопрос никуда не девался: «Зачем же ты спасла ему жизнь? Чтобы другие страдали или чтобы он страдал? Ведь ты могла не звонить Петросу, могла не звонить в Консульство, ты могла оставить его умирать, как тебе советовали и через два дня он был бы для всех безопасно мертв». Лиза предпочла от вопроса отмахнуться, но кто-то заставлял ее думать дальше: «Почему его оставили жить? Что он должен выполнить и никак не выполняет? Возможно, дело не в нем, а во мне? Мне дали тяжелый крест и меня опять испытали». Она вспомнила присказку, как два грешника несли свои кресты. Один все время жаловался на тяжесть своего креста и трудную дорогу. Каждый раз после его жалоб, Христос уменьшал размеры его креста и делал дорогу удобней. Второй грешник без всяких жалоб, молча нес свой тяжелый и большой крест. И вот они подошли к пропасти. Тот, у кого крест был большой и тяжелый, перекинул его через пропасть и перебрался на другую сторону, а тот, другой... Вот и она перекинула свой крест через пропасть, перенесла через нее Адама.

Признавшись, что скрыл от нее свою болезнь, Адам не расстроился и не раскаялся. Ему страшно понравилось его новое прозвище, он целый день его повторял, рассказывая всем подряд, что он инфузория туфелька.

Зная, что Петрос ждет ее звонка, Лиза взяла телефон и вышла в коридор.

- Только что пришли анализы из лаборатории. Со мной все в порядке.

Услышав, что результат отрицательный, он заплакал.

Вечером, подвозя ее домой, он предложил где-нибудь поужинать, отпраздновать хорошие новости.

Сидя в уютном кафе с двумя дымящимися пиццами между ними и несколькими бутылками холодного пива, они не смогли забыть все, что произошло за последнюю неделю. Настроение было дрянное, но лучше такое, чем вообще никакого.

- Почему ты так спокойно отнесся к новости о том, что он болен СПИДом? – спросила Лиза.

- А что, по-твоему, я должен был делать? – Петрос положил на ее тарелку большой кусок пиццы. – Когда мы, мужики, слетаем с катушек, мы или влюбляемся до потери пульса, или морду бьем, потому что друга обидели. Если несчастье случается с близкими нам людьми, мы прячем наше горе. Сейчас мы с Адамом не близки, мы дружили в детстве. Ходили в одну школу и жили на одной улице – дружить было естественно. С тех пор, мы четверть века не виделись и ничего не знали друг о друге, пока не встретились здесь, в Софии. Он постоянно искал работу, просил меня замолвить за него словечко. Я порекомендовал его нескольким людям, но, когда они проверили его прошлую профессиональную деятельность, взять на работу наотрез отказались.

- Что же это была за деятельность? – Лиза жевала кусок пиццы и уже догадывалась, каким именно будет ответ.

- Фирмы, что брали Адама на работу, всегда, после его появления, сталкивались с недостатком денег. Клиенты платили, а их деньги исчезали, так и не появившись на счетах фирмы. Как выяснилось, Адам их убалтывал на наличку, и клал эту наличку себе в карман. Потом, чтобы избежать разоблачения, подделывал платежки. Одним словом, дурная слава за ним тянется.

- Кто бы мог подумать? – в голосе Лизе прозвучала горькая ирония. – Как видно, Адам не изменился. Одно время он работал в моем офисе, занимался кредитами. Я не контролировала его, потому что душой была, мне хотелось ему верить. Когда он сбежал, ситуация была один в один – деньги и документы клиентов пропали,

работа не была выполнена. Кроме того, он умудрился занять большие суммы денег. Мне до сих пор не понятно, почему ему всегда нужны были деньги? Что он с ними делал? На что тратил?

Петрос не ответил на ее вопрос. Ей показалось, что он что-то скрывает.

- Хочу тебя тоже кое о чем спросить, - сказал он, меняя тему разговора, - как получилось, что ты вышла за него замуж? Вы же абсолютно разные люди.

- Трудный вопрос, - Лиза задумалась. - Я познакомилась с ним в офисе человека, которого долго и сильно любила. Наш роман длился пять лет. В конце концов, я его оставила. Страшно переживала, много работала, добилась успеха, не хотела быть одна, но, в то же время, не хотела снова погружаться в пучину сильных чувств. Мне нужен был кто-то легкий, добрый и ненавязчивый. И тут возник Адам на моем пути. Надо было пройти мимо, но кто-то меня как будто толкнул к нему. Я вышла за него замуж, причем, настояла на замужестве я. Что мне было известно о нем? Только то, что он рассказал, а рассказал он, как выясняется, очень мало.

- Ты знаешь историю их семьи? - Петрос откупорил вторую бутылку пива.

- Знаю только то, что его отец родился в Измаиле. В том городе, где родилась и я пол века спустя. У его деда, имевшего суда и торговавшего зерном, был в Измаиле прекрасный дом. В мою бытность этот дом стал школой и, поскольку, эта школа была рядом с нашим домом, я пошла туда учиться.

- Общее и необычное прошлое. Прямо мистика. Она толкнула тебя к нему?

- Нет, не она, - ответила Лиза. - Расскажи мне про его семью. Я несколько раз видела его мать. Не приведи Господь иметь такую мамашу. Я с трудом выдерживала несколько минут в одной комнате с ней.

- Да, уж... Его отец был неординарной личностью, известным на всю страну хирургом. Светилом в медицине. Ты наверное слышала, что он родился с физическим недостатком. Его руки-ноги были как у нормального человека, а туловище - коротким. Он родился с горбом, почти все детство провел в больницах. Может, поэтому он решил стать врачом.

- Говорят, дети платят за грехи своих отцов. Дед, тот, что был судовладельцем, проигрался в карты в пух и прах. За карточные долги пришлось отдать два дома - в Измаиле и в Одессе. После этого им пришлось вернуться в Грецию.

- Тем не менее, - продолжал Петрос, - этот инвалид выучился на хирурга, говорил на нескольких иностранных языках, читал в подлинниках французских, немецких и английских авторов и ... оперировал, стоя на скамеечке. Ему бы остаться холостяком или жениться на женщине его круга и его уровня, которая смогла бы оценить его ум и его нестигаемый характер, однако он не решался подойти к таким женщинам. Вероятно, потому, что страдал низкой самооценкой. И все же он женился. Его выбор изуродовал не одну судьбу.

- Мать Адама? - догадалась Лиза.

- Да, его мать. Их сосватали. Мать невесты подсуетилась. Жениху было за сорок - завидная партия, если не считать его физического уродства. Дом, деньги, положение. Ей было шестнадцать, она выросла в семье, в которой считали каждую копейку. Только что окончила школу. Читать-писать умела, но в остальном абсолютный ноль. Что могло их связывать? Разве она способна была полюбить того, кто годился ей в отцы, горбатого, с длинными руками и ногами, да и вообще внешне не привлекательного? За исключением его глаз. Незабываемые глаза. Один раз увидишь, никогда не забудешь.

- Каким он был? Мне не довелось его узнать.

- Свихнувшись, - с раздражением в голосе ответил Петрос. - Как только увидел эту малолетку, так и свихнулся. Свет померк для него. Она стала для него его раем и его преисподней, ничто и никто, кроме нее, больше не существовало. Все для

нее, лишь бы она была довольна, лишь бы не отталкивала его. Когда родился сын, он оказался помехой, на него не хватало ни времени, ни отцовской любви. И вот тут-то на сцену вышла она, мать.

Лизу передернуло.

- Когда ее сосватали, она была девчонкой, причем, недалекой девчонкой. Из таких, кому матери говорят, чтобы выбирали блюдо подороже, если их ухажер пригласил их на ужин. Насколько я знаю, она была влюблена в соседского парня, но у ее матери были на нее другие планы. Ее разлучили с ее парнем и вручили «чудовищу». Она его не любила, как можно? Она его не понимала, не разделяла его интересов, не могла быть отзывчивым и внимательным собеседником, когда ему хотелось поделиться своими проблемами или тем, как прошел его рабочий день. Она не говорила на иностранных языках, не читала книг, его круг друзей ей был чужд. Тем не менее, за ее спиной сговорились и назначили свадьбу. А теперь представь первую брачную ночь этой наивной девчонки, девственницы к тому же, и все то, что творилось у нее в душе. У тебя бы крыша не поехала? Вот тогда ее и превратили в то, чем она стала потом. Неприязнь к своему мужу-уроду, потрясение, боль, отвращение, которое она должна была скрывать. И это только часть ее переживаний. Между прочим, люди неразвитые очень остро реагируют на принуждение и унижение.

- Ты так думаешь? Казалось бы, должно быть наоборот, таким легче перенести унижение.

- Ошибаешься, - возразил Петрос. - Они страдают больше, потому что не способны противостоять своему мучителю. Ты бы не позволила себя унижить, ты бы боролась и, в конце концов, освободилась. А они, как животные, которых посадили на цепь - их пинают, а они не могут даже огрызнуться. Так и живут в будках, пока судьба сама их не освободит. Но, когда они вырываются на волю, они сами становятся мучителями. Так вот, интимная жизнь с нелюбимым мужем была только частью ее кошмара. Вторая часть касалась ее социального унижения, ведь она стала хозяйкой богатого дома. Прислуга, наряды, друзья мужа... Ей захотелось званых вечеров и веселья. И вот тут ей указали ее место. Ее супруг не возражал против ее безвкусных нарядов и ее прочей никчемности, но против вечеров для званых гостей восстал, ведь он же понимал, что она дура, которая сначала опростоволосится сама, а потом и его в краску вгонит. Она не знала, что сказать, как поддержать беседу, как быть радушной хозяйкой. Однажды мои родители пригласили их в гости. Когда появились блюда с закусками на столе, она понеслась туда первая, чтобы ухватить самый лакомый кусочек и потом спешила с полными тарелками к своему мужу, который не знал, куда деться от стыда. Поэтому званым вечерам он предпочел посиделки для ее неотесанной родни. Приходила толпа ее двоюродных сестриц с мужьями и своим выводком. Жрали, веселились, хохотали над скабрёзными шуточками, разевая полные рты, оставались ночевать. Он все это выдерживал, лишь бы она выпустила пар, повеселившись в кругу себе подобных, и была ему за это благодарна. Если ей хорошо, то и ему потом будет с ней хорошо.

- А потом она поняла, - продолжила Лиза, - что муж сделает для нее все, что она захочет.

- Кроме званых вечеров, - уточнил Петрос.

- И постепенно превратилась в манипуляторшу, которую задабривал и чьи ласки покупал ее собственный муж. Эти двое так заигрались, что не обратили внимание на то, что у них подрастал сын, которого надо было любить и воспитывать.

- Знаешь, - голос Петроса дрогнул, - Адам был бесконечно одиноким ребенком.

Оба замолчали. Петрос пил пиво, Лиза смотрела в окно на прохожих.

- Помню, после уроков, он часто напрашивался к нам в гости. Ко мне, к другим мальчишкам, не важно. Мы его приглашали. Ему страшно нравилось, как наши мамы нас встречали и обнимали, как ставили на стол наши любимые блюда, которые они приготовили специально для нас. После обеда он не хотел уходить, не хотел возвращаться к себе домой. Кто знает, что там творилось?

- Невнимательный и холодный отец, для которого сексуальные утехы стали смыслом жизни, и мать, которая дорого ценила свое участие в них?

- В таких людях, как его мать, нет ни искренности, ни доброты, ни чувствительности, ни радости, а только злость и лицемерие, подобострастное преклонение перед такими же, как она сама. Они окружают себя теми, кому они сделали одолжение, кому помогли материально. Бесконечные родственники, в том числе, и дальние, всякие кузены, племянницы, дочери троюродных дядей и теток, чьи-то сыновья, которые всегда лучше и родней собственного сына. Эта паутина из жаждущих получить подачку от состоятельной вдовы, постоянно расширяется и крепнет. Они звонят ей каждый день, не забывают поздравить с днем ангела и другими праздниками не потому, что любят свою богатую родственницу, а потому, что надеются развести ее на очередную подачку. Вдова же уверила себя в том, что весь этот сонм лицемеров принимает в ней искреннее участие. Ее ли в этом вина? Она не привыкла пользоваться собственным умом, поскольку в юности жила умом своей матери, потом – умом своего мужа, который был на тридцать лет старше ее, и вот теперь живет умом своего женатого друга. Как можно быть такой нечувствительной стервой, ведь ее сын так тяжело переболел, теперь поправляется, а она, вместо того, чтобы радоваться, попросила уведомить ее, когда ее единственный сын умрет, чтобы вовремя в траур одеться.

У Петроса выступили слезы на глазах.

- Что ты хочешь? – спросила Лиза. - Точно так же, как муж покупал ее благосклонность, она, после его смерти, стала покупать привязанность всей своей родни. Всегда за счет своего сына, отбирая у него, лишая его помощи, а, вместе с ней, и достоинства. Не понимаю, зачем она это делает? Чтобы на ее похороны пришло побольше народу? Так ведь она этого не увидит.

- Мать Адама решила отыграть за свою нерадостную жизнь на своем маленьком сыне, – было видно, что Петросу больно за того мальчика, который давным-давно был его школьным другом. – Если когда-то ее чувства не приняли в расчет, если обошлись с ней как с товаром, уничтожив все зачатки любви в ее сердце, так откуда ей было взять любовь к сыну? Она научилась обменивать свои ласки на шубы и кольца, но не научилась любить. Она не умела готовить, создавать уют в доме и жить своим умом. Адаму катастрофически не доставало родительской любви и теплого дома, полного игрушек и зверушек, где бы его ждали со школы. Равнодушие к своему сыну со стороны отца еще не самое большое преступление. Преступление совершила его мать – она ругала и била его за любую погрешность, за любой проступок, даже совершенный по незнанию. Ребенок растет и познает, он не может не ошибаться! Все в детстве совершают что-то неподобающее. Нормальная мать объяснит своему малышу, что к чему, обнимет его и скажет, что любит его. А та била его, лишала обедов и ужинов, запирала одного в темной комнате, на язык перец сыпала. Знаешь, во что вылилось такое воспитание? Адам стал врать. Ему было легче соврать, чем сказать правду и быть наказанным за правду. Его мамаша самоутверждалась, а он превратился в боязливого патологического врунишку.

- Это правда, - согласилась Лиза. – Он врал даже тогда, когда врать было совсем не обязательно.

- Еще в школе он стал убежать от реальности в свой воображаемый мир. Это осталось с ним на всю жизнь. Он фантазировал о замке, о просторных угодьях вокруг, где он скачет во весь опор на лошади. Вместо этого, когда мы подросли, у него появилась потрепанная малолитражка из тех, что начинают пыть и дымиться после небольшого пробега по гладкой дороге. К тому времени его отец умер. Мать завела себе друга, на которого тратила свою более, чем приличную пенсию, доставшуюся ей после кончины мужа. Ее друг как в масле катался, сыну же не доставалось ничего. Адам смотрел на этот союз и, глотая слезы, начал пресмыкаться не только перед своей матерью, но и перед ее женатым любовником. Тот решал, заслужил ли сегодня единственный сын опекаемый им вдовы, гроши на карманные расходы или нет.

- Это все равно, что кто-то насилует твоего ребенка, а ты стоишь и смотришь. – Теперь у Лизы на глазах появились слезы. После бесконечно трудного месяца, этот разговор набухал той каплей, что готова была переполнить стакан ее эмоциональных переживаний.

- Именно так. Адам делал вид, что ему все равно, на чем он ездит и что в его развалине обшивка свисала с потолка. Это его как будто не трогало. Он вообразил себе, что все итак уважают его за то, кем был его отец и никакая развалина на колесах, потрепанные джинсы или порванные ботинки не умалят его достоинства. Он не понимал, что должен кем-то стать сам, должен сам заработать уважение, тогда его примут в круг его сверстников. У него сейчас нет друзей, потому что все те мальчишки, что учились с ним в привилегированной школе, уже давно чего-то добились, обзавелись семьями, купили дома. Он пару раз тыкнулся к ним по старой памяти, но они его отшили. О чем было с ними говорить? Ни общих интересов, ни общих достижений, ни общих забот. Он примирился с этим, сказав мне, что все те, с кем мы учились, стали просто несговорчивыми плебеями. Они – плебеи, а он – аристократ. Его жизнь настолько неудавшаяся, мелкая и безрезультатная, что ему ничего не остается, как обманывать, выдавая за правду свой другой, созданный им самим, образ успешного делового человека со связями или слишком чувствительного для тяжелой работы аристократа. Господь послал ему много хороших людей. Некоторые ему достались в наследство от его отца. Имея такие связи, можно было бы многого добиться. Он же говорил людям не то, что было на самом деле, а то, что, как ему казалось, они хотели слышать. Весь ужас состоял в том, что каждый раз он не угадывал и выглядел полным идиотом.

Теперь по щекам Лизы текли слезы. Господи, что за судьба...

- А две его помолвки? – спросила она, взглянув на Петроса мокрыми глазами. – Он мне рассказывал, женщины были вполне на уровне.

- Да, были. Он пытался создать семью, но мать не подпускала к нему тех женщин, что могли бы сделать его счастливым. Не знаю, какого монстра хотела найти для него, чтобы изуродовать ему жизнь точно так же, как изуродовали ее жизнь. Поэтому для меня остается загадкой, каким образом ты вдруг стала его женой? Если она на это пошла, значит, что-то там было не так и ей было необходимо его женить.

- Да, наводит на мысли. Значит, наш Адам вечный мальчик?

- Вечный мальчик? – переспросил Петрос.

- Есть такие вечные мальчики, которые не считают нужным чего-либо добиваться в жизни. Их предки уже всего добились и оставили им в наследство если не деньги, то постоянно растущую в цене недвижимость. Они одеваются как бомжи и ездят на развалинах, годных разве что на металлолом. Ни то, ни другое не ущемляет их достоинства. Они не считают необходимым никому ничего доказывать или подтверждать свой статус какими-либо внешними атрибутами.

Однако под этой бравадой скрывается абсолютная неспособность повзрослеть и стать мужчинами. Над ними довлеют тени властных отцов и жестоких матерей. Или матерей еще здравствующих, единолично держащих мертвой хваткой все, что оставили их мужья. Их сыновья взрослеют и стареют, а их мамы не позволяют им даже приблизиться к наследству их отцов. Такие матери живут на широкую ногу, удовлетворяя, прежде всего, собственные прихоти, с лихвой награждая себя за все те годы, что они отстрадали в браке. Эти несчастные женщины постоянно испытывают потребность унижать ради самоутверждения. Ведь их тоже унижали, когда они были молоды и хотели совсем другой для себя судьбы. Кастрированные своими матерями вечные мальчики встречают женщин и, конечно, ухаживают за ними, но, когда речь заходит о серьезных намерениях, встает вопрос о том, кто кого будет содержать? Как только ответ становится очевидным, женщины обычно уходят. Те, кто остаются, совершают большую ошибку. Они надеются на то, что их женихи без приданного, эти вечные мальчики, встанут рядом и начнут работать, участвуя в достижении целей и содержании семьи. Напрасные надежды! Их мамы уже сделали из своих сыновей ни на что не годных и ни на что не способных иждивенцев. Они знают, как жить на подачки, но не знают и не хотят знать, что значит самим заработать на хорошую жизнь. Хотя, им много не надо. Дом, семья, дети, карьера – это ответственность, а потрепанная машина и пару евро на сигареты и пиццу – это свобода. Они могут так прожить до седин или до того времени, когда их мамы отойдут в мир иной. В этот момент им достается наследство, к которому их так долго не подпускали. И что? Они спускают его в мгновение ока и опять остаются ни с чем. Эти вечные подростки – трогательные и душевно израненные люди, однако в жизни с ними лучше не пересекаться. Если такие мальчики все-таки женятся, они для своих жен тоже со временем становятся сыновьями.

Лиза вспомнила свою последнюю встречу с матерью Адама. Приехав в Афины на поиски Адама, она навестила свою свекровь. Тогда ее что-то поразило во внешности этой женщины. Что же это было? Ах, да, ее пальцы.

Когда она смотрела на мать Адама, стоящую на крыльце со скрещенными на животе руками, ее, как художника, поразило одно несоответствие. Лицо и тело ее бывшей свекрови никак не сочетались и даже противоречило ее рукам. Как будто ее тело и ее руки принадлежали разным людям. Природа слепила ее тело для простой жизни и физической работы, ее широкий зад был предназначен для рождения целого выводка детей, а тут судьба, раз, и выкинула фортель. И вот она становится мужней женой с положением, хозяйкой большого дома. Осознав свой статус буквально, она нанимает прислугу и больше никогда ничего в жизни не делает. На работу не ходит, детей не нянчит, разносолами не угощает, не стирает, не гладит и полы не моет. С годами тело так и осталось приземистым и неказистым, разве что раздалось вширь, утратив упругость и гибкость. Лицо же исказилось гримасой тупости и злобы. Ни тело, ни лицо не среагировали на фортель судьбы, но вот пальцы – совсем другое дело. Они изменились, превратившись в наглядный результат ничегонеделания и одного-единственного развлечения. Привыкшие постоянно двигаться, они стали тонкими и чувствительными. Ноготки на пальчиках – отполированные и наманикюрные, потому что тоже всегда на виду. Беззаботная жизнь при обеспеченном муже украсила ее пальчики дорогими кольцами, а постоянная игра в карты со своими подружками, такими же вдовами, сделала их проворными и цепкими. Ее пальцы сразу бросались в глаза тем, кто замечал детали и был способен охватить весь образ в совокупности.

- Ладно, - прервал ее раздумья Петрос, - хватит о нем и о его мамаше. Каждый проживает свою судьбу.

- Иногда матери, - Лиза очнулась от своих раздумий, - становятся не просто женщинами, родившими ребенка, они становятся проклятой судьбой для того, кого родили. Моя мать пыталась стать моей судьбой, но я ей не позволила. А твоя мама? Ты любишь ее?

- Люблю, конечно! – Петрос широко и очень по-доброму улыбнулся. – Она англичанка. Здравый смысл, прекрасное чувство юмора, боготворит меня и мою сестру. Мой отец часто ей изменял и, словно наказывая ее за ум и выдержку, ничего ей не оставил в своем завещании. Так что мы с сестрой ее оберегаем и поддерживаем. Она живет в моей квартире в Афинах, занимается переводами, у нее все хорошо. Через пару дней еду к ней праздновать Рождество. Поедешь со мной?

- Петрос, ты обалденный мужик, но у меня тоже есть семья. Вернее, у меня две половинки семьи. Одна в Киеве, другая – в Афинах. В Киеве взрослый сын, у него жена и четырехлетний сынишка. А в Афинах меня ждет дочь Стефания.

- С кем же она сейчас? – спросил Петрос.

- Со своим приемным отцом. Все сложно. Но, если ты будешь в Афинах, заходи в любое время. Я буду рада. Стефания тоже.

- Спасибо. Зайду, познакомлюсь с твоей Стефанией.

Петрос немного замялся, но потом сказал.

- Я тебе не всю правду про Адама сказал. Это его секрет, поэтому я не в праве был его разглашать. Поговори с ним. После всего, что ты сделала для него, ты имеешь право знать всю правду.

Лиза с испугом посмотрела на него. Еще секреты?

- Да, и вот еще что – я нашел врачей для Адама в Греции. – Петрос вынул бумажник и расплатился за их ужин. – Они готовы взяться за его лечение, оно будет абсолютно бесплатным, как и лекарства. Но они предупредили меня, что он им нужен без температуры. Поговори с врачами, пора Адаму возвращаться домой.

Когда они вышли из кафе, Петрос поцеловал Лизу. Впервые за время их знакомства. Это был их первый и последний поцелуй. Оба это знали и немного сожалели о том, что поздно встретились. Уже прожита половина жизни и слишком много в этой половине привязанностей, привычек и обязательств. Рушить и переиначивать уже созданное ради теплого чувства к незнакомцу, оказавшегося хорошим человеком, не стоит. Петрос будет звонить, говорить, что скучает и что Лиза ему часто снится. Она тоже будет часто думать о нем, потому что в ее сердце появилась не то влюбленность, не то благодарность, похожая на влюбленность. Самые черные дни он провел рядом с ней, а ничего не сближает так сильно, как горе и испытания.

На следующий день, 21 декабря, Петрос улетел в Афины, а Лиза, как всегда, пришла к Адаму в больницу. Еленков позвал ее в свой кабинет.

- Главврач запретил продолжать лечение, - сказал он, - несмотря на то, что Адам имеет официальное разрешение на пребывание в Болгарии, как инфицированный СПИДом иностранец, он должен покинуть страну, причем, незамедлительно. Мне трудно понять, почему человеку, который живет и работает в Софии, нельзя предоставить лечение, однако таковы правила. Мне жаль, но я против них бессилён. Сейчас самое время перевести его на медикаментозный коктейль, но лекарства, что входят в его состав, очень дорогие. Нам их выдают под расписку. Мы притушили воспаление и сбили температуру. Думаю, он хорошо перенесет короткий перелет до Афин. Не беспокойтесь, вы вернули его с того света. Дважды не умирают.

- Я вам благодарна за то, что не выкинули нас на улицу, - сказала Лиза. - Мне бы хотелось выразить свою признательность и оставить определенную сумму денег для всех, кто работает в вашем отделении.

- Щедрый жест с вашей стороны, но мы не можем принять благодарность. Только пожертвования.

- Тогда давайте оформим мою благодарность как пожертвование. Но мне бы хотелось, чтобы этим пожертвованием воспользовался не главврач, а вы и ваши медсестры, которые так много сделали для Адама. Да, и для меня тоже. Вы все просто потрясающие люди...

Оформили бумагу, которую Лиза подписала. Нарвиц снабжал ее деньгами, регулярно пополняя ее счет. Она была уверена, он не будет возражать, когда узнает, что хорошие люди получили заслуженную благодарность от других хороших людей.

Глава 47.

Исповедь поневоле.

Ищи то, что есть, а не то, что ты хочешь, и тогда ты узнаешь правду.

Вернувшись в палату, Лиза уже собралась сообщить Адаму, что завтра утром его выпишут, а послезавтра они будут в Афинах, как в приоткрытую дверь заглянула Цвета и сказала, что ее спрашивает какой-то молодой человек. Петрос улетел, больше никого она здесь не знала, кто ее может спрашивать? Выйдя в коридор, она увидела жеманного парнишку с крашеными волосами и вылинявшими глазами, одетого с претензией на моду, но демонстрировавшего плохой вкус.

- Я хотел видеть Адама, - сказал он. - Я приходил несколько раз, но меня к нему не пустили. Вы постоянно находитесь рядом с ним, я не знаю, кто вы, но решил поговорить с вами. Положение у меня безвыходное. - Молодой человек, переступавший с ноги на ногу, как-то странно мяукал. Одной рукой он все время поправлял свои крашенные волосы, а другую протягивал вперед, как будто желая дотронуться до нее.

- Вы кто? - спросила Лиза, отступив от своего собеседника на шаг.

- Я... я... как бы это сказать? Я живу с Адамом.

- Снимаете квартиру вместе? - переспросила Лиза. - Но, когда я приходила к нему, я вас там не видела.

- Нет, вы не поняли, мы живем вместе, - повторил юноша. Его взгляд был как светофор - в нем читалось подбострастие, но через секунду уже вспыхивала спесь. - Мы любовники.

В сенях воцарилась тишина.

- Вот как? - слегка опешив, Лиза не сразу сумела взять себя в руки. - И как долго вы любите друг друга?

- Мы вместе два года. - Паренек самодовольно улыбнулся.

- Как вас зовут?

- Вандо.

- Вандо, - с трудом находя слова, Лиза говорила тихо, медленно и отчетливо, - Адам был очень серьезно болен и несколько дней находился при смерти. Где же вы были? Почему не вызвали врачей, почему не помогли ему? Ведь ваш любимый мог умереть.

- Я, ну, я... Это он любил меня. Я так, не очень... Короче, когда он почувствовал себя плохо, он переехал на свою квартиру. Я был занят, дел было по горло.
- Значит, времени для любящего вас человека не нашлось. А сейчас что вам надо?
- Деньги мне нужны. Конец месяца, да и праздники на носу. Адам платил аренду за мою квартиру, покупал мне одежду и продукты. А сейчас он тут и я...
- Он не будет больше платить ни за вашу квартиру, ни за ваши продукты. Он завтра улетает в Афины. Сюда больше не вернется.

Лиза смотрела, как расширяются от ужаса глаза молодого человека, привыкшего жить за чужой счет. Вдруг эта содержанка в мужском обличье схватила ее за руку и истерично закричала:

- А как же я? На что я жить буду?!

- Устроиться на работу не думали? – Лиза смотрела на него с сожалением. В этом юном паразите поражала явная умственная недоразвитость. Не успев созреть и осмотреться, он уже выбрал стезю, решив, что его жизнь не может и не должна быть другой. В нем поражала несамостоятельность, понукавшая его быть рабом очередного «благодетеля» и ожидать, что за него заплатят, что его накормят, оденут и обуят. И, конечно, в нем поражала глубочайшая испорченность, служившая оправданием не то его профессии, не то жизненной стези, не то его назначению сексуальной игрушкой, которой, за определенную плату, кто-то всегда пользуется.

- Нет, дайте мне денег, пока я не найду кого-нибудь другого. Не бросайте меня так! Я учусь!

- Я тоже училась и работала. Как видишь, выжила. Впрочем, варианты есть. Ты забираешь Адама из больницы, устраиваешь на работу, становишься его нянькой или нанимаешь сиделку, платишь за аренду вашего жилья, обуваешь и одеваешь его, а также наполняешь продуктами холодильник, потому что ему надо хорошо питаться. Подходит такой вариант? А, Вандо?

Поскольку парнишка молчал, Лиза повернулась и пошла по коридору в направлении палаты. Вдогонку ей раздались два громких слова:

- Сука ё...ая.

У медсестер, только что вышедших из кабинета Еленкова, перехватило дыхание. Посмотрев вопросительно на Лизу, они были готовы встать на ее защиту, но та им улыбнулась и исчезла за дверью в палату. Она знала, что, если бы она вернулась в сени, она бы эту крашенную шлюху размазала по стене, но неприятности ей сейчас ни к чему. Ей надо тихо уехать из этой страны и больше никогда не вспоминать, сколько раз ей неслось здесь вдогонку слово «сука».

Избегая смотреть на Адама, она подошла к умывальнику и уставилась в раковину. Вот все и сошлось. Вот тот секрет, о котором говорил Петрос. Вот все и открылось. Она услышала голос Адама.

- Я тут думал над тем, почему я тебе не сказал, что болен.

- И почему же? – Лиза посмотрела на него потемневшими от обиды и боли глазами.

- Христос попросил Иуду совершить предательство, потому что любил его больше других своих учеников. Иуда тоже согласился из-за любви.

- А не из-за тридцати серебряников? – не удержалась Лиза. – Если из-за любви предавал, зачем тогда деньги взял? Что же касается Христа, то он поступил как последний эгоист. Нельзя требовать от других принести себя в жертву во имя твоей славы. Сам-то Христос смерти избежал, а вот Иуда, не зная, как дальше жить с позором, повесился.

- Он повесился, но веревка оборвалась.

- Повесился, Адам, он повесился. А еще говорят, что он купил на свои грязные деньги поле, упал там и голову себе расшиб. Выбирай любую сказку. Суть не в вариациях на тему, а в том, что Христос толкнул человека, которого, якобы, любил больше других, на предательство, позор и смерть.

- Не важно. – Адам нахмурился. Ему страшно не нравилось, когда его перебивали, потому что тогда он терял нить разговора. – Так вот, я не сказал, ладно, но я потом уехал, предал тебя, потому что любил. Не хотел, чтобы ты видела мои мучения, когда я заболею. Я спас тебя от всего этого кошмара, предав тебя тогда.

Лиза не сразу нашлась, что на такое сказать.

- А потом зачем же позвал? – спросила Лиза.

- Потому что никто, кроме тебя, не приехал бы.

- А как же насчет моих мучений? Ты просто отложил их на десять лет?

Адам молчал. Лиза тоже. Однако в следующую минуту она уже взорвалась. Она больше не могла выносить его полоумные галлюцинации, видоизменяющие реальность до такой степени, что впору самой лишиться рассудка.

- Что ты несешь?! – закричала она. – Я только что познакомилась с твоим любовником. Вандо зовут. Он приходил денег просить.

- Ты ему дала денег? – в голосе Адама прозвучала надежда.

- Предлагаешь мне твоих любовников содержать?

Адам закрыл лицо руками. Лиза подошла к его кровати и присела на самый край.

- Сейчас ты мне расскажешь всю правду, - твердо сказала она. – Я ее заслужила. Почему ты женился на мне? Если будешь опять врать, оставлю тебя здесь подыхать, и твоя любовь Вандо будет за тобой ухаживать. Если ты попросишь его принести тебе стакан воды, ты вряд ли дождешься. Ведь он ничего для тебя бесплатно не делает, не так ли? Как тебе такой ад?

В палате воцарилась тишина.

- Хорошо, - тихо сказал Адам, - но ты меня возненавидишь.

- О моих чувствах не беспокойся. Они не имеют для тебя абсолютно никакого значения и, как видно, не имели никогда.

- Мы уже были с тобой знакомы, когда случился скандал. Один парень, с которым мы были очень дружны и который был намного младше меня...

- Дружны, это как? – перебила его Лиза.

- Мы некоторое время были близки. Так вот, я узнал, что болен и вынужден был расстаться с ним, не называя причины. Он это плохо принял, звонил мне, угрожал, потом пришел к нашему дому и стал орать под окнами, что я совратил его, а потом бросил. Он был несовершеннолетним. Это был скандал. Вся улица слышала то, что он кричал.

- Да уж... И что потом?

- Моя мать не знала, куда деваться от позора. В семье знаменитого хирурга, такого случиться не могло. Что скажут знакомые и соседи? Она очень переживала. Ее родня и так поговаривала, что со мной что-то не так. Дважды расстраивались помолвки, сорок лет, а еще не женат. Сама понимаешь, положение было довольно щекотливым, а тут еще такой скандал. Она мне сказала, что надо исправлять положение. Спросила, перезваниваемся ли мы с тобой и какие вообще между нами отношения. Я ответил, что мы друзья. Она перекрестилась и ответила, что тебя сам бог нам послал. Она мне сказала: «Сделай ей предложение. Уедешь отсюда на некоторое время, все забудется. Ее не жалко. Женись, а там бросишь ее. Скажем, что не сошлись, обвиним ее во всех грехах, кто там разбираться будет? Я хорошо сыграю свою роль – на свадьбу приеду, подарки привезу».

- Другими словами, я послужила для вас разменной монетой?

Она смотрела на Адама и ей очень хотелось думать, что он ее разыгрывает. Люди не могут до такой степени олицетворять зло, что-то должно быть в них и от Бога. Но, видно, это был не тот случай, Бог обошел их стороной. Их души были отражением не величия, а самой, что ни на есть низкой человеческой мерзости.

- И через полтора года, выполняя указания своей мамочки, ты слинял. И любящий Иуда тут ни при чем.

- Я любил тебя, - прошептал Адам.

- Хватит! – крикнула Лиза. – Хватит! Я не буду спрашивать тебя, почему ты постоянно нуждался в деньгах. Этот вопрос сейчас лишний, потому что ответ на него я только что получила.

- Наша семья нуждалась в деньгах. – Адам зачем то продолжал лгать.

- Когда мы были вместе, я ни разу не потратила больше, чем мы зарабатывали. Именно поэтому у меня ничего не было. Я записывала расходы и сэкономила каждую копейку. Я никогда не просила у тебя лишних денег. Деньги нужны были тебе.

- Да, да! Каюсь! – Адам тоже перешел на крик. – Каждый раз, когда я прилетал в Афины, я останавливался не в доме своей матери, а в дорогих гостиницах. Ты этого не знала. Мне надо было... выпустить пар.

- Итак, все твои командировки были отдушиной для удовлетворения твоей похоти. Ну и дерьмо же ты! Ты снимал всех этих проституток мужского пола в Афинах или привозил с собой? Хотя, какое мне до этого дело? Но ты же два раза был помолвлен? Хотел сыграть с ними ту же шутку, что и со мной? Чтобы замылить родне глаза?

- Нет, я хотел любить, хотел иметь семью.

- Так кто же ты тогда – гомосексуалист или нет?

- Я хотел иметь все. – Адам выпрямился и с вызовом посмотрел на Лизу.

- Что значит, «хотел иметь все»? Люди гораздо выше и значительнее тебя не могли иметь все. Никому не дано иметь в этом мире все, а, тем более, такому, как ты. Перед человеком всегда стоит выбор. Так кто же ты, Адам?

- Я не знаю! – отвернувшись к окну, он в голос зарыдал. Слезы ручьем текли по его щекам, они капали на ему на руки и на колени, он громко всхлипывал, затихал на мгновение, но потом новые рыдания опять сотрясали его тело.

В палату вошел Еленков и вопросительно воззрился на Лизу.

- Я сказала Адаму, что он завтра выписывается и что все у него будет хорошо, вот он и расчувствовался. – Лиза открыла сумку и стала собирать вещи Адама.

- У людей, вернувшихся с того света, такое бывает, их эмоции зашкаливают. Но, все-таки, ему надо воздержаться от стрессов, даже, если они и вызваны положительными переживаниями. Успокоительное дать?

- Не надо, сам справится. – Когда Еленков ушел, Лиза спросила, - а что же Иезуитов? Я почему-то думала, что это он виноват в твоём исчезновении. Мне казалось, он угрожал тебе. Я хотела думать, что причиной твоего бегства был он, но, как видно, причиной были твои сексуальные позывы.

- Он тоже! – Адам ухватился за спасительную соломинку. – Он мне угрожал, требовал, чтобы я расплатился с ним за долги твоего турагенства.

- У моего турагенства не было долгов. Иезуитов, которого ты мне навязал в партнеры, уже через несколько месяцев стал требовать возврата своей доли инвестиций. Ты же это прекрасно знаешь! Ну, и что ты сделал?

- Пообещал ему. Даже расписку подписал. У него в офисе трое чеченцев сидели. Иезуитов пригрозил мне, что, если я не подпишу бумагу, они меня прикончат.

- Я знаю, я нашла эту расписку в кармане твоего пальто. Написана, между прочим, твоей рукой.

- Это копия, оригинал остался у него.
- И что дальше?
- Он купил мне билет до Афин и сказал, чтобы в течение месяца я продал семейную недвижимость и расплатился с ним.
- И ты поехал продавать недвижимость, не сказав ни слова жене?
- У меня выхода не было. – Адам вытер слезы и осмелился посмотреть на Лизу.
- Выхода не было или ты уцепился за эту возможность, чтобы бросить всех нас и вернуться к своей «нормальной» жизни? Рассказать тебе, что моя семья вынесла после твоего исчезновения? Как Иезуитов угрожал, что отправит Игната на войну в Чечню, что отберет наши квартиры, как приходили люди, угрожали расправиться со мной и требовали больших сумм, которые были отданы тебе. Что ты со всеми теми деньгами сделал?
- Приехал сюда и расплатился с долгами.
- Ну, конечно, поскольку тебе не принадлежит ни одного кирпича из семейной недвижимости, за свои любовные утехы ты решил расплатился украденными деньгами и, заодно, подставить меня.

Адам молчал.

- Мать знает? – спросила Лиза.
- Что знает?
- Про твои сексуальные предпочтения?
- Знает. Она не возражает. Она возражала против женщин.
- Против порядочных, умных и образованных женщин, рядом с которыми она выглядела бы полным ничтожеством? Но, понимая, что тебе надо удовлетворять твои сексуальные потребности, она не возражала против мужчин?

Ей еще никогда не приходилось заглядывать так глубоко в ужас людской мерзости.

Да, судьба рисует свои узоры...

Лиза ничего не имела против гомосексуализма. Она была взрослой и умной женщиной. Христос, влюбленный одновременно в Магдалену и в юного красавца Иоанна. Цезарь, Александр и пятнадцать римских Пап имели мужских фаворитов вопреки законам и совершали святотатства, если целомудрие священного сана все еще можно вообще принимать всерьез. Сам Зевс, как сказал Адам, имел все, вернее, всех. Да, ради Бога.

Сам по себе гомосексуализм не является одной из характерных черт нашей затухающей цивилизации, поскольку присутствовал во всех предыдущих цивилизациях. Однако в наше время его подняли на щит два института – церковь и политики. Они его практикуют, поддерживают и рекламируют. В результате христианская Европа опрокинулась в отрицательную рождаемость, в то время, как представители ислама исправно плодятся и тихо оккупируют Европу. Гомосексуализм из частного явления превратился в социальное и глобально-политическое. Кто-то в данном случае перепутал глубоко чтимую личную свободу, никому не приносящую вреда, с основополагающими принципами, которые лежат в основе развития наций и формируют их будущее. К слову сказать, жертвами сексуального домогательства и сексуального насилия со стороны католических священников за последние 50 лет стали 300 тысяч человек, в том числе, и дети. Что касается политиков, то, в погоне за голосами избирателей, они уже давно сегментировали общество. До определенного времени, люди нетрадиционной ориентации были ими не охвачены и вот, кому-то пришла в голову идея их объединить в сплоченную группу единомышленников, требующих себе равных прав. Тогда и появились все эти парады-карнавалы, во время которых люди в перьях и затянутых в кожу гениталиями, обнимаются целуются и имитируют

половой акт на глазах у прохожих и зевак. Говорят, они требуют равных для себя прав, но ведь никто их этих прав не лишал...

Лиза, как и любой обыватель, редко задумывалась над последствиями тех явлений, на которые не могла повлиять и которые не были частью ее жизни. Теперь же гомосексуализм стал частью ее жизни, однако коснулся ее не той привлекательной стороной, что показывают в фильмах, когда харизматичный гей становится преданным другом женщины, а совсем другой своей стороной, когда гомосексуалисты, стараясь скрыть свои предпочтения от своей «традиционной» родни, вступают в брак с женщинами, которых не любят и которых используют.

- Если ты гей, - сказала она, обращаясь к Адаму, - чувствуй себя свободным, тебя никто не будет осуждать. Только не надо использовать нас, женщин, когда не достает мужества признаться, кто ты есть на самом деле. Не надо использовать нас как ширму, за которой можно спрятаться от возможных осуждающих или непонимающих взглядов. В таком браке женщина не только одинока, но и предана. Ей лгут и ей изменяют. И не стоит оправдываться тем, что измены с мужчинами не так болезненны и оскорбительны для нее, как измены с представительницами слабого пола. Это то же самое! И то, и другое – полноценная измена. Будь свободным, Адам, но никогда, слышишь, никогда не вреди женщине, не пользуйся свободой за счет ее рабства! Подумай, что ты сделал со мной! Не знаю, почему ты последовал совету своей матери и скрыл от меня правду. Разве ты не понимал, что твоя ложь была угрозой для моего благополучия, моего здоровья и моей жизни?! Твоя ложь растоптала мое достоинство! Ты меня использовал. Ты просто вытер об меня ноги.

Адам, как раньше его любовник, в ужасе смотрел на Лизу, умоляя взглядом не бросать его на произвол судьбы. О, нет, она не бросит его, она доведет дело до конца.

- Ты выписываешься не завтра, а сейчас, - быстро сказала она. – Завтра мне некогда. Надо купить билеты, собрать вещи и расплатиться за квартиру. Послезавтра будем в Афинах. Петрос договорился с врачами. Я оставлю тебе телефон и адрес клиники. Лечение бесплатно. Тебе также положено пособие. Если хочешь, можешь первое время пожить у моего знакомого, потом найдешь небольшую квартиру и будешь свободен. Будешь жить, как и с кем захочешь. Я пойду, скажу Еленкову, что ты освобождаешь койку сегодня. Пока меня не будет, ты подумай.

Вернувшись, она вопросительно посмотрела на него.

- Отвези меня к матери, - сказал Адам и спрятал глаза.

Лиза ничего не ответила. Запихивая его вещи в сумку, она размышляла о том, сказать ли этому несчастному, что его мать его не ждет? Она ожидает вести о его кончине, чтобы вовремя облачиться в траур, спровоцировав всю армию своей прикормленной родни на неискреннее сочувствие. Нет, этого она ему не скажет. Это уже не ее дело.

В самолете Лиза и Адам говорили мало. Все уже было сказано. В аэропорту Лизу встречал Рупет. Позвонив ему накануне вечером, она попросила его не брать с собой Стефанию, поскольку она будет не одна, с ней будет еще один человек.

Сначала отвезли Адама. Его мать вышла на крыльцо. Как всегда, ее плечо подпирали друг, располневший на дармовых обильных харчах. Руперт остался в машине. Адам прошел в калитку и остановился у подножья крыльца. Вслед за ним вошла Лиза и остановилась чуть позади него.

- Я думала, ты при смерти, - сказала мать. Она не бросилась сыну на шею, не обняла его, не поцеловала.

- Был при смерти. Мне лучше теперь. – Адам стоял и смотрел в землю, абсолютно беспомощный, не самостоятельный мальчик. Точно ребенок, которого каждый

день били и который теперь не знает, как вести себя, чтобы на его голову снова не посыпались наказания.

- Чем же ты был так болен? – поинтересовался друг.

Лиза открыла было рот, чтобы ответить, но промолчала. Рано или поздно, этот друг, что так пристально следит за всем, что происходит в их семье, узнает правду. Адам будет ходить к врачам, принимать лекарства, теперь его тайна ненадолго останется тайной. А, когда друг все узнает, жизнь той, что родила этого несчастного, несостоявшегося, седого, больного и неприкаянного ребенка, изменится. Ее друг растрезвонит по всем знакомым, а те пустят молву по родственникам, чем именно Адам болен. К его матери никто больше не придет и никто не позовет ее к себе. Звонить ей тоже перестанут. Паутина из родни – близкой и дальней, ожидавшей ее подачек, разорвется и исчезнет. Сообразив свое будущее, она с ненавистью уставилась на Лизу. Такого поворота событий она не ожидала. Она ждала смерти своего непутевого сына, чтобы похоронить его и забыть о нем, спокойно доживая отпущенный ей срок на пару со своим «милым другом». А тут эта выскочка не только спасла его, но и привезла его прямо ей на порог!

Лиза стояла и спокойно смотрела на нее. Вот и отмщение. Нет, не Адаму, а ей. За то, что изуродовала жизнь своему сыну, за то, что десять лет тому назад сказала своему сыну: «Сделай ей предложение. Ее не жалко». Теперь это «ее не жалко» вернется к ней. Что такое отмщение? Баланс, восстановление гармонии, когда ты платишь своему обидчику той же монетой. Ни одна мать никогда не будет счастливее своего несчастного ребенка. Пусть теперь живет с тем, что сотворила своими руками. Одно хорошо – теперь ее деньги будут не востребованы, и она сможет их потратить на сына, но, вероятно, не сделает этого.

Адам поднялся по ступенькам и хотел войти в дом, но мать остановила его.

- Куда? Иди на второй этаж. Будешь там жить.

Лиза знала, что второй этаж дома был нежилой и неотапливаемый. Две комнаты и кухня использовались как склад, куда отправляли все старье, что было жалко выбросить. Теперь он будет жить среди этого хлама и старья. У него никогда не будет хорошего и уютного дома, семьи, успехов, радости и удовлетворения. А ведь жизнь только тогда жизнь, когда она похожа на жизнь.

И все же, даже сейчас, после того, что она узнала правду, она предложила ему свободу, он же снова выбрал тюрьму. Несчастный идиот, такому лучше умереть, чем жить, а она вернула ему жизнь. Жизнь, которая снова до краев наполнится ошибками и страхом. Он станет мальчиком на побегушках у своей матери, будет воровать у нее мелочь на еду и сигареты. Он будет опять пресмыкаться перед ней. Иногда, когда ему нужно будет удовлетворить свои сексуальные потребности, он будет воровать ее золотые украшения. К нему будет приходиться всякое отребье, готовое продать себя за гроши. Он никогда не сможет любить и его никто никогда не полюбит. Более жестоко он не мог себя наказать.

Лиза повернулась и пошла к машине.

- Поехали домой, - сказала она Руперту, садясь на заднее сиденье и мягко закрывая за собой дверцу.

По дороге домой она думала о том, как же они похожи с Адамом! Она всю жизнь ищет ту большую любовь, которую познала в детстве от родных людей, окружавших ее в большом измаильском доме, а он ищет ту любовь, которой его лишили в детстве. Она разочаровывается, потому что знает, что такое любовь, а он покупает мимолетную и неискреннюю привязанность своих сексуальных партнеров, потому что не знает, что значит, когда тебя любят. Она хотела научить его любви, но научить любви нельзя.

Глава 48.

Приезд крестного отца.

После бурной встречи со Стефанией, Лиза пошла в кабинет к фон Нарвицу и нежно обняла его.

- Ты, наконец, приехала? – в его голосе прозвучало нескрываемое раздражение. – Спасла недостойного?

- Спасла его от смерти, но не смогла спасти от самого себя. Ты чем-то не доволен?

Нарвиц внимательно посмотрел на нее. Этот взгляд не был, как раньше, полон любви и обожания. Он был тяжелым и колючим.

- Эдмунд, скажи мне, что происходит, – настаивала Лиза. – Я не хочу чувствовать себя виноватой в том, о чем я даже не подозреваю.

- Тебе не кажется, что ты слишком надолго оставила свою дочь?

- Это была наша первая разлука. Их будет много, пусть привыкает. И, потом, я оставила ее с тобой, думаю, она не скучала. Она плохо вела себя? Сердила тебя своими капризами?

- Нет, она была великолепна. Маленький взрослый человек, который все понимает. Ей понравился сад.

- Так в чем же дело? – теперь в голосе Лизы прозвучало раздражение.

- Ты сказала, будет еще много разлук. Можно спросить, куда ты опять собираешься?

- Никуда, просто к слову пришлось. Но ты же сам понимаешь, что матери и дочери жить постоянно бок о бок невозможно и не нужно? Мы будем расставаться – это неизбежно.

- Значит, поживешь здесь какое-то время? Сколько? Пару недель? – Нарвиц старался казаться как можно более равнодушным.

- Я не поживу здесь, я буду жить здесь и буду снова рисовать. Надо наверстывать упущенное за четыре года. Хочу тебя попросить кое о чем.

- Что же на этот раз? – опять это раздражение, вместо любви и готовности сделать для нее все, что угодно.

Лиза смешалась. Может, перенести этот разговор? И, все же, не чувствуя за собой никакой вины, она решилась.

- Как ты думаешь, если соорудить в саду что-то вроде мастерской, которую я могла бы использовать как студию, это будет очень обременительно для тебя?

Наступило молчание. Нарвиц смотрел куда-то мимо нее. Он вспомнил ту Лизу, что стояла у него в саду перед своим мольбертом и рисовала фиалки. Она была полна вдохновением и мечтами, она состояла из радости и прекрасных мыслей. Она смеялась, пикировалась с ним, не разрешая ему взять вверх. Однажды она пригласила его на танец и рыжие пряди ее волос коснулись его лица. Тогда у него еще была надежда, которая постепенно угасла. Сколько он ей ни говори про слияние двух разумов, приносящее не меньшее удовлетворение, чем слияние двух тел, она не купится на эту уловку. Она давно никого не любила и тоскует по любви. Вот и этот ее Серж приезжает. Что за фрукт?

- Для меня мало, что обременительно, ты это знаешь. Но, давай договоримся – с этой минуты, если я и буду что-то делать, то исключительно для тебя и Стефании.

Все призраки из твоего прошлого должны быть похоронены. Надеюсь, эта софийская эпопея была последней.

Лиза не выносила, когда ей навязывали правила ее жизни, которым она должна была следовать. Условия, продиктованные чужой волей, а тем более, волей, от которой она зависела, становились прутьями в клетке. Тем не менее, ей пришлось согласиться с тем, что Эдмунд был прав – она с самого начала искала повода не задерживаться надолго подле него. Он выдержал все – и ее поездку в Киев, когда умерла Александра и ей пришлось пробыть там три месяца, и ее жизнь с Джорджем, и ее побег на Эгину, и ее четырехлетнее добровольное заточение в маленькой квартирке в Агии Параскеви. Ее поездка в Софию, которая должна была продлиться пару дней, а продлилась целый месяц, стала последней каплей. Но что он ждет от нее? Она же никогда ничего ему не обещала. Почему он хочет ее контролировать?

- Эдмунд, - сказала она. - С тех пор, как мы познакомились, я жила своей жизнью. Что ты от меня хочешь? Я не твоя жена и, тем более, не твоя любовница, которая тебе изменила и теперь должна каяться, заглаживая свою вину. Я не навязывала тебе Стефанию. Ты сам захотел сделать ее своей наследницей и удочерил ее. Возможно, это было ошибкой, я не знаю. Почему ты так изменился?

- Прости меня. - Нарвиц понял, что перегнул палку. Она была права. У нее нет абсолютно никаких обязательств по отношению к нему. Она мать его приемной дочери. Он получил ее согласие на удочерение, но она не подписывалась на то, чтобы стать его женой. Да, он хотел этого, он мечтал об этом, пока она была в Софии. Ему почему-то казалось, что, вернувшись, она сама предложит ему добавить последнее, недостающее звено, в их теперь уже семейные узы. Он ошибся.

- Я старею, Лиза. Мои боли сводят меня с ума. Я устал. В моей жизни прибавилось радости, но я боюсь, что я не справлюсь с этой радостью. Это не твоя вина. Это мои страхи и мучения.

- Я буду рядом, Эдмунд. Больше никаких призраков из моего прошлого. Обещаю. Мы справимся. Моя жизнь теперь в настоящем и ты, Стефания, Игнат и Анна – моя семья, которую я бесконечно люблю. Всех вместе и каждого по отдельности.

Подойдя к нему, она крепко обняла его. Эдмунд фон Нарвиц почувствовал, как сильно бьется ее сердце.

- Как там Игнат? - спросил он.

- Я пригласила его с семьей на Новый год. Ты не возражаешь? Пора познакомить брата с его младшей сестрой.

- Почему я должен возражать? Этот дом такой же твой, как и мой. Нет, я не возражаю. Я очень рад. Строительство твоей студии мы начнем после Нового года.

- Нарвиц взял ее ладони в свои. - Сейчас ни архитектора, ни рабочих не найдешь.

В большой зале стояла еще не наряженная елка. На 24 декабря были назначены крестины Стефании. Поскольку Лиза и фон Нарвиц верили в своих богов-созидателей, а Руперт был атеистом, никто из них не мог совершить обряд крещения. Пришлось пригласить православного священника со всеми его причиндалами, в том числе, и купелью. Возражений не последовало, поскольку его церкви была пожертвована неприлично большая сумма. Итак, завтра, в канун Рождества, Стефания избавится от своего первородного греха, очистившись в купели со святой водой. Надо бы ей объяснить, что к чему, но Лиза сама не понимала, кто выдумал такую глупость, как первородный грех? Почему зачатие такого прекрасного и невинного создания, как ребенок, происходит, согласно церкви, в грехе? А, если в любви? Так почему же любовь вдруг превратилась в грех? И какой может быть грех у невинной и чистой души, что пришла в этот мир? Разве

может она сравниться с греховными душами попов, берущих мзду за крещение? Одним словом, она объяснила Стефании, что придет бородатый дядя, прочтает молитвы, окунет ее в воду и помажет ее лоб и щечки маслом. Это игра такая. Будет весело. Его крестный отец привезет ей подарки по случаю ее крестин.

- Кто такой крестный отец? – спросила Стефания.
- Очень хороший человек, которого выбирают родители. Если с ними что-то случится, забота о ребенке переходит к крестным родителям.
- Значит, у меня будет вторая мама? – быстро сообразила Стефания.
- Нет, второй мамы у тебя не будет. Буду только я.
- А, если с тобой что-нибудь случится?
- Не случится. Мы будем всегда вместе. – Лиза боялась давать подобные обещания, однако ей очень хотелось успокоить свою маленькую дочь, только что пережившую первую разлуку с ней.
- Если мы будем всегда вместе, мне крестный отец не нужен, потому что у меня есть настоящий папа, с которым тоже никогда ничего не случится.

Лиза поняла, что Нарвиц рассказал Стефании, что стал ее отцом. Она обрадовалась? Как же ей объяснить приезд Сержа?

- Ты рада, что у тебя теперь есть папа? – спросила Лиза.
- Рада, только он не умеет ходить.
- Это не его вина. Когда он был молодым, случилось землетрясение. На твоего папу обрушился потолок и бревна повредили ему позвоночник. С тех пор он не может ходить, но это же не проблема, не так ли? Когда ты подрастешь, окрепнешь и выучишься, ты сможешь помогать ему.
- Буду катать его кресло?
- И это тоже, но, главное, ты будешь помогать ему в его делах. Это страшно интересно. Если захочешь, конечно.

Стефания задумалась.

- Думаю, что захочу, - наконец сказала она.
- А насчет твоего крестного отца, пусть он будет просто твоим другом. Его зовут Серж, он прилетает сегодня вечером. Вы познакомитесь и станете друзьями. Согласна?
- Согласна. Ты сказала, он подарки привезет?
- Привезет, но ты же его не за подарки полюбишь?
- Нет, не за подарки, - Стефания хитро улыбнулась. – За подарки я его люблю только чуть-чуть.

К вечеру приехал Серж. Суматоха, последние приготовления к завтрашнему дню, быстрый ужин и Эдмунд со Стефанией, пожелав всем спокойно ночи, поднялись в свои спальни. Лиза и Серж остались наряжать елку. Часы, проведенные за этим занятием, успокоили ее, заставив забыть обо всех тех ужасах, что пришлось пережить в Софии. И все же она спрашивала себя, а что сейчас, в канун Рождества, делает Адам в своей квартире на втором этаже дома, среди холодных стен и поломанных пыльных вещей? Вешая на ветки игрушки, которые ей подавал Серж, она гнала от себя эти мысли, не разрешая своему сердцу разорваться от горя. Адам представлялся ей не человеком, который может постоять за себя, а бессловесным животным, которому нужна постоянная помощь и защита. Серж, чувствуя ее обеспокоенность, спрятанную за улыбку, не надоедал ей разговорами и расспросами. Завтра – новый день, у них будет время поговорить.

Крестины прошли без неприятных эксцессов. Стефания была на высоте – ни капли страха, только любопытство. Она задавала вопросы священнику, тот ей, как мог, отвечал. Пригласили святого отца к обеду, после чего он распрощался и ушел.

Вечером собрались за праздничным столом. Стефания, возбужденная приездом незнакомого ей человека и довольно долгой процедурой крестин, осталась в своей комнате и распаковывала огромный кукольный домик, который ей привез ее крестный отец. Лиза, Серж и фон Нарвиц сидели вокруг большого круглого стола.

- Чем вы занимаетесь? – спросил фон Нарвиц, обращаясь к Сержу.

- В основном, решением проблем.

- Политических или экономических?

- И тех, и других. В Украине экономика зависит не от рынка или инвестиций, а от тех, кто при власти. От того, сколько средств украдут их бюджета, сколько денег не заплатят в виде налогов, сколько выведут из страны, спрятав их в оффшорах. Благополучие или нищета украинского народа зависит исключительно от этих факторов.

- И, что же, вы разруливаете проблемы в пользу народа? – фон Нарвиц был полон нескрываемой иронии.

- Это невозможно, - просто и открыто ответил Серж. – Однако возможно другое. Этим я и занимаюсь.

- Чем же это? – заинтригованный Нарвиц не сдавался.

- Поскольку я варюсь в этом дерьме, уж извините меня за слово, я ищу тех, кто смог бы объединиться, сплотиться, создать команду единомышленников, написать совместную программу действий, направленную на улучшение жизни простых людей, и сразиться с системой.

- И как успехи? – насмешливо спросил Нарвиц.

- Откровенно говоря, похвастаться пока нечем, а времени в обрез.

- В чем основная проблема? Подходящих людей нет?

- Нам нужны умные и порядочные, а, главное, беспартийные профессионалы, - сказал Серж. – Слава богу, такие есть. Но – огромное «но» - они не желают объединяться. Знаете, как говорят в Украине? Каждый сам себе гетман. Каждый из них думает, что по одиночке ему будет лучше, а результат всегда один и тот же. Сколотив себе партию на быструю руку, они выстраиваются на выборах в хвост системным кандидатам и обязательно проигрывают им, таким образом, только укрепляя систему.

- О какой же системе идет речь? – поинтересовался Нарвиц.

- О той, что сложилась в Украине после распада советской империи. Обретя независимость, Украина скатилась в феодализм. Олигархи поделили Украину по территориально-промышленному признаку. Они захватили определенные отрасли промышленности, добычу сырья, банки и СМИ, монополизировав свои отрасли. Они диктуют цены, заключают договора и держат за горло правительство. Тот регион, в котором находится большая часть их интересов, они облюбовали как свой и сели там феодалами. Нанимают людей на работу, решают, кого казнить, кого миловать, раздают своим холопам подачки и всегда побеждают в своих регионах на выборах. Сами или через своих подставных политических шлюх, что у них на содержании.

- Значит, олигархи в Украине по-прежнему правят бал?

- Хочу развеять одно заблуждение, - Серж смаковал Шато Марго. Великое Бордо остается самым прекрасным напитком в мире. – Везде только и говорят, что о российских олигархах, а, между тем, в России олигархов нет. Если мы будем придерживаться формулировки о том, что олигархия – это режим, при котором политическая власть принадлежит узкой группе наиболее богатых лиц, то таковых в России нет. Участие богатых россиян в политической жизни России закончилось 25 сентября 2003 года. В тот день, когда арестовали Ходорковского, хотевшего создать политическую конкуренцию Путину. Олигархи тут же поняли послание

президента и сдались на его милость, став всего лишь его кошельками. С тех пор Путин в России правит единолично.

- Другими словами, царствует.

- Именно. В Украине же олигархи, хоть и не могут тягаться с российскими богатеями размерами своих капиталов, сохранили свое влияние на политику. Они без зазрения совести участвуют в политической жизни и полностью формируют ее повестку.

Поскольку в разговоре возникла пауза, Лиза попросила Сержа рассказать, какие изменения произошли в Украине с тех пор, как они встретились на Майдане.

- Как там поживает «оранжевая коалиция», которую народ привел к власти? – спросила она.

Нарвиц наблюдал за этими двумя. Серж – высокий, здоровый, как видно, далеко не бедный человек, к тому же, умный мужчина, прекрасно владеющий английским, осознающий свою силу и власть - ведь он тоже призрак из ее прошлого, причем из того прошлого, что объединяет его и ее. Такому помогать не надо. С ним она носиться не будет, не будет ему мстить, не будет спасать его от бед. Что же она будет делать? Любить его? Такого вполне возможно полюбить, потому что у него есть всё – и ум, и деньги, и молодость, и ноги, чтобы ходить. К тому же, он по уши влюблен в нее – это сразу видно. Нарвиц кивнул Руперту, чтобы тот долил вина в бокалы.

- С чего начать? – Серж откинулся на спинку стула. – Будут ли подробности политической жизни Украины интересны всем за этим столом? Мы с тобой можем поговорить отдельно, не позволяя нашему гостеприимному хозяину заскучать в канун Рождества.

Эта витиеватая речь заставила Лизу улыбнуться, а Нарвиц насторожился. Это когда они собираются уединиться и поговорить наедине? Что за вздор?

- Мне ничуть не скучно, вы обяжете меня, если расскажете, - чуть поспешно заверил он своего собеседника.

Руперт как раз принес дымящееся блюдо с кусочками говядины и кореньями, что четыре часа томилась в духовке в красном вине.

- Что ж, тогда слушайте, - Серж положил несколько кусочков себе на тарелку. – Виктор Ющенко, что стал президентом в результате победы Оранжевой революции, был приведен к власти отнюдь не народом. Майдан был постановкой, он был нужен для легитимизации внутреннего заговора. Ющенко привела во власть группа олигархов. Они сговорились между собой и согласовали его кандидатуру с Западом. Другая часть олигархов, что ориентируется на Россию, была против, однако с ними тоже договорились.

- Когда договариваются, что-то обязательно должно стать приманкой для несговорчивых, – заметил Нарвиц.

- Именно так, - подтвердил Серж. – Виктору Ющенко пришлось расплатиться за лояльность, как вы говорите, несговорчивых. «Несговорчивые» – это Янукович и вся его донецкая клика. После Оранжевой Революции, начавшейся из-за фальсификации результатов выборов в пользу ставленника Кремля – Януковича, он не только не сошел с политической сцены, но многократно укрепился. Во время Оранжевой революции Виктор Медведчук – украинский политик и, в то же время, кум Путина, заверял своего кремлевского кума, что отстоит результаты голосования в пользу Януковича, но не сложилось. Зато он сделал кое-что другое. Кстати, - сказал Серж, обращаясь к Лизе, - запомни это имя, Медведчук – зловещая фигура для Украины. Так вот, он стал автором изменений в Конституции, касавшихся ограничений власти президента. В 2004 году эти изменения были внесены в Конституцию, а в 2006 году полномочия президента резко сократились

уже де-факто. Все, препятствие в виде сильного президента было устранено, олигархов уже никто и ничто не сдерживало от захвата больших кусков собственности, что дало им возможность еще больше усилить свое влияние на политику. Одним словом, олигархи счастливо дерибанят страну во имя победившего на Майдане народа. Сокращение полномочий президента было первой ошибкой Ющенко. Второй его ошибкой стало назначение на пост премьера Юлию Тимошенко. На самом деле, он обещал пост премьера двум другим своим соратникам – Петру Порошенко, который, несмотря на известную всем скупость, не хило вложился в его кампанию, и Анатолию Гриценко, руководившему его штабом. Однако Тимошенко была настолько популярной фигурой, что ему пришлось отдать пост премьера ей. Что после этого произошло? Все трое стали врагами Ющенко.

- Почему же Юля стала его врагом? – спросила Лиза. – Она же получила пост премьера.

- Да потому, что, желая подсластить пилюлю для Петра Порошенко, Ющенко не только назначил его главой СНБО, создав, таким образом, альтернативный кабмин, но изменил функции СНБО, наделив Порошенко полномочиями «приглядывать» за премьером Тимошенко.

- То есть, контролировать ее? – уточнил Нарвиц.

- Совершенно верно и, в какой-то момент конфликт между Порошенко и Тимошенко превратился в склоку, за которой наблюдала вся страна. Вы думаете, они скрестили копья за интересы народа? Ничуть. Сражались за интересы двух олигархов, которые занесли им очень большие взятки. Став премьером, Юля устроила публичный аукцион и продала большое металлургическое предприятие, что находилось в государственной собственности, за 24 миллиарда гривен одному индусу – владельцу Mittal Steel, - продолжал Серж. – К слову сказать, в аукционе участвовал один из донецких - председатель совета директоров «Индустриального союза» Тарута. Он проиграл. Донецким предприятие не досталось. При этом было очень громко заявлено, что эта продажа принесла в бюджет Украина на 20% больше средств, чем вся предыдущая приватизация. Олигархи всё сразу смекнули – ведь они скупали госпредприятия за бесценок и, что, теперь их отбирать начнут? У одного из них нервы сразу сдали. Зять президента Кучмы, Виктор Пинчук, стал срочно избавляться от своего пакета акций Никопольского завода ферросплавов, составлявшего 76%. Ранее он купил этот завод на шару, обойдя «Приват» Коломойского. И вот, он вдруг решил продать свои акции не Коломойскому, у которого были остальные 24% акций, а российскому олигарху. И тут наша Юля всем продемонстрировала, насколько ей, на самом деле, плевать на интересы народа и на интересы страны. Коломойскому не понравилось, что Пинчук его бортанул и он пошел к Тимошенко с хорошей взяткой и с просьбой заблокировать продажу. Российскому олигарху Вексельбергу, это тоже не понравилось, поэтому он тоже взял хорошую взятку и пошел к Петру Порошенко. Говорят, он занес секретарю СНБО пятьдесят миллионов долларов, попросив Порошенко заблокировать действия Тимошенко. Вот тут и нашла коса на камень. Тимошенко лоббировала интересы олигарха Коломойского из днепропетровского клана, а Порошенко – интересы российского олигарха. Эта драчка сопровождалась мощной волной взаимных обвинений и черного компромата. Кстати, Коломойский выиграл, подав на Вексельберга в суд, но не в Украине, а в Америке.

- Ну и цирк... - Нарвиц попросил Руперта принести следующее блюдо. – Когда политики проворачивают такие гешефты, они лишают свой народ достоинства.

- После таких наездов, Тимошенко, естественно, стала неужодна олигархам. Но она также была неудобным премьером для президента Ющенко. Он сражался с

«газовой принцессой» за контроль над прибыльными отраслями экономики, в том числе, и за рынок газа. Летом 2005 года Кремль, желая отомстить Украине за Майдан и за проигрыш своего ставленника Януковича, денонсировал договор «газ по пятьдесят». Если Украина хочет покупать газ, она должна платить европейскую цену в 160 долларов за тысячу кубов. Спасителем ситуации явился Ющенко, который, после переговоров с «Газпромом», явил украинцам компанию «РосУкрЭнерго». Еще до своей победы на президентских выборах, он близко сошелся с украинским олигархом Дмитрием Фирташем. Говорят, личный самолет Фирташа доставил Кэтрин Ющенко из США на инаугурацию ее мужа в Киев. Фирташ также сменил Тимошенко на должности эmissара мафиозного авторитета Семена Могилевича в Украине. Могилевич был связан с «Газпромом», через него толкали «левый» газ. Так вот, российский газ стал заходить через «прокладку», созданную Ющенко, по 95 долларов за тысячу кубов. Как вы думаете, кто получил лицензию на реэкспорт этого газа и разрешение от «Газпрома» на перепродажу этого газа в Европу?

Лиза и фон Нарвиц молча воззрились на Сержа.

- Брат нашего горячо любимого президента Ющенко! Он зарегистрировал фирму и стал перепродавать этот газ в Словакию по 160 долларов за тысячу кубов. Юля, при всех своих талантах, накручивала в свое время по 2 доллара на тысячу кубов, а эти ребята срубали по 65! Тимошенко была в бешенстве. – Серж горько усмехнулся. – Она настропала своего соратника по партии, главу СБУ Турчинова, выйти и во всеуслышание заявить о связи «РосУкрЭнерго» с международным мафиозным авторитетом Семеном Могилевичем. Тот узнал об этом и очень удивился. Позвонил Юле. Одного его звонка было достаточно, чтобы досье на Могилевича исчезло. Одним словом, противоречия между президентом и премьером нарастали.

- Я слышала, что Тимошенко убрали с поста премьера. – Лиза знала, что Ющенко не первый раз увольняет Юлю с высоких постов.

- Да, убрали. Юля орала на каждом углу, что Ющенко предал ее трижды, и что она собирается организовать продолжение Оранжевой революции. Она даже решилась на переворот и собрала ночью на даче СБУ нескольких влиятельных людей, обиженных Ющенко. Среди них был и Анатолий Гриценко, которому Ющенко обещал пост премьера. Обсуждали отстранение действующего президента от власти. Договорились до того, что Гриценко в четыре часа утра позвонил послу США и спросил его, как он смотрит на смену власти в Украине. Ответ был отрицательным, а без поддержки США заговор не имел смысла. Короче говоря, Юлю уволили, Порошенко, правда, тоже уволили.

- А Порошенко за что? – удивилась Лиза.

- За неслыханную коррупцию. В сентябре 2005 года, бывший глава секретариата президента Зинченко, обвинил Петра Порошенко и нескольких его соратников в том, что они создали собственное клановое Ltd. и стали реализовывать свой план максимального обогащения во время нахождения во власти. Чтобы себя обезопасить, Порошенко настоял на незаконной передаче под контроль СНБО судебной власти, он также предпринял попытку подчинить себе силовые органы. Зинченко также обвинил олигарха Порошенко в том, что, когда тот докладывал президенту Ющенко о положении дел, то намеренно перекручивал факты.

- Неужели дезинформировать президента так легко? Ведь рядом с ним находятся разные люди. – Фон Нарвиц начал проявлять искренний интерес к разговору.

- Люди-то разные, но проблема в том, кому из них президент подставит свое ушко. Знаете, как говорят? – Серж отодвинул от себя тарелку, – «президентская должность – это перчатка, которая принимает форму руки того, кто ее надевает».

Вероятно, вы слышали, что Ющенко, во время избирательной кампании, отравили. Три месяца после вступления в должность, он лечился за границей, а по возвращении, начал бегать от политики. Он никогда не приходил на работу раньше одиннадцати. Олигархи привыкли к тому, что предшественник Ющенко, Леонид Кучма, всегда разруливал их проблемы и споры, был арбитром и, несмотря на то, что его считают отцом олигархата, держал олигархов в узде. Впрочем, я не согласен с утверждением об «отцовстве». У украинского олигархата нет «отца», однако у него есть «мать». Его породила советская империя, семь десятков лет авторитарного режима и уравниловки. Когда завеса пала, все увидели, что никакого равенства, на самом деле, не было. В СССР тоже были олигархи, только назывались они номенклатурой. Так вот, при Ющенко олигархи укрепились еще больше. Дав им полную власть, сам он хотел от них немного: чтобы давали деньги на его музей в Батурине, чтобы давали денег на его супругу-американку, и чтобы давали денег на его комфортную жизнь. Он рисовал картины, разводил пчел и покупал книги. К слову, упомяну его третью ошибку. Он окружил себя так называемыми «любимыми друзьями», среди которых были и олигархи. Во время Оранжевой революции все эти «друзья» поддержали Ющенко, потому что, приведя его во власть, они гарантировали себе место у кормушки. Как только он стал президентом, все они выстроились в очередь – кто хотел руду, кто газ, кто СМИ, кто министерские кресла.

- Так чем же была на самом деле Оранжевая революция? – Лиза растеряно смотрела на Сержа.

- Оранжевая революция была бунтом одних миллионеров против других, – ответил ей Серж. – Одни миллионеры хлебали из корыта, а другие только смотрели. Устав ждать своей очереди, они подняли народ на революцию и, с помощью народа, сменили зад на золотом унитаза. Народ, поверивший в искренность тех, кто с высокой трибуны призывал к победе демократии, на самом деле, привел к власти нужного определенной группе олигархов человека. Народ от этой смены ничего не поимел, а «любимые друзья» получили все. Даже иностранные спонсоры вложились в победу Оранжевой революции, но, как и украинский народ, получили пшик.

- Ты имеешь в виду Бориса Березовского? – спросила Лиза. – Не думаю, что он настолько глуп, что поверил в перемены. Он отвалил какую-то несусветную сумму на Майдан, чтобы насолить Путину. Все, что угодно, только бы путинский ставленник Янукович проиграл.

- Ты знаешь, что «оранжевая» команда деньги у Березовского взяла, но в Киев его не пустила? – спросил Серж. – Они испугались, что он начнет свои многочисленные идеи в жизнь претворять и поломает им всю малину. Через год, в 2006 году, подоспели очередные Парламентские выборы, и тут началось самое интересное. Но, прежде, чем продолжить, хочу пояснить, что следует понимать под термином «политическая партия» в Украине. – Было очевидно, что Серж обращался, прежде всего, к фон Нарвицу. – Это временный союз людей, которые идут в политику, а, следовательно, во власть, преследуя две цели – отбить то, что было потрачено на избирательную кампанию, и заработать сверх того. Кто покруче, начинает дерибанить бюджет, активы и ресурсы страны, кто помельче, становятся лоббистами олигархов или просто «кнопочками».

- «Кнопочками»? – переспросил Нарвиц, не будучи уверенным, что правильно понял.

- Да, молчаливой армией, что нажимает кнопки в парламенте во время голосования в пользу того или иного закона. За каждое голосование им платят.

- Политика стала очень дорогой профессией, – заметила Лиза, – не каждому по карману.

Глава 49.

Прошлое – это всего лишь пролог к будущему.

Руперт принес большой поднос с маленькими пирожными и чай. Лиза встала и стала разливать душистый чай по чашкам из тончайшего фарфора.

- Правильнее сказать, не каждый может позволить себе стать «службой народа». Какое противоречие! Какая гнусность! – Серж не на шутку разволновался. – В Украине путь народу в политику, увы, заказан. Узурпировавшие власть уничтожили не только верховенство права, коррумпировав суды, они также коррумпировали правоохранительные органы, что сделало их самих практически неприкасаемыми. Они не только заполнили своими лоббистами парламенты разных уровней, они уничтожили социальные лифты, на которых простые люди должны были бы подниматься вверх, вырастая до уровня представителей народа и государственных деятелей. Интересы народа представляют сами феодалы и рать, что их обслуживает. Нам талдычат о том, что интересы народа представляют его избранные. Но это же чушь! Об интересах народа уже давным-давно никто не вспоминает! Те, кто достаточно богат, чтобы стать президентом или депутатом, представляют исключительно свои собственные интересы или интересы своих хозяев, предпочитающих оставаться в тени. Люди и их голоса нужны им, чтобы придать выборам законный вид. Просто пока духу не хватает совсем обойтись без народа. Демократия все-таки, хоть и показушная... А, на самом деле, все места заранее распределены и кандидатуры согласованы.

- А с кем согласовывают кандидатуры? – поинтересовался Нарвиц.

- В Украине согласование всегда идет по трем направлениям – местные олигархи, Запад и Россия.

- Как же так? Ведь Запад вроде бы не дружен с Москвой?

- Ой, ли? – слегка прищурившись, Серж посмотрел на фон Нарвица. – Они гораздо более дружны, чем кажется. Гарантией дружбы служат интересы. Европа заинтересована в российских энергоносителях, тем более, что объединенная Европа стадом следует за Германией, которая верой и правдой служит России. Германия, как и Россия, опять мечтает стать великой империей. Немецкие технологии, объединенные с российскими ресурсами – вот конечная цель совместной мечты.

- А США, какой у них резон им договариваться с Россией?

- Я выскажу свое мнение, уж не обессудьте. – Серж встал и прошелся по комнате. – Здесь курят?

- Курите, я тоже с вами за компанию выкурю сигару. Подождите, Руперт принесет мои из кабинета. Хочу вас угостить.

Когда комната наполнилась сизым дымом и приятным ароматом дорогих сигар, Серж продолжал:

- Принято считать, что Соединенные Штаты травмированы террористическим актом, что произошел там восемь лет назад. Тогда Америка объявила войну терроризму. Ну и что? Есть результаты? Не будем разбираться сейчас, кто на самом деле организовал 9/11 и кто на самом деле убил Кеннеди. Эти два

преступления могут иметь один и тот же мотив. Дело не в этом. Дело в том что, что Соединенные Штаты слабеют. Долг просто астрономический. Только что Америка пережила жесточайший финансово-экономический кризис. Две политические партии уже не могут обеспечить демократические выборы, поскольку стали закрытыми клубами для политических династий и их спонсоров. Притока свежей крови нет. Скоро это приведет к огромному политическому кризису в стране и, возможно, даже к гражданской войне. Штаты ищут союзника. Россия становится опасным противником, а сил сразиться с ней все меньше. Поэтому Путина сажают за стол переговоров по любому поводу и без, пытаются рассмотреть в его глазах душу. Пытаются сделать из России партнера в решении того или иного кризиса. Это, ей богу, смешно!

- Думаю, что соглашусь с вами, - заметил Нарвиц. – Я сам не имею дел с Россией, но этот монстр, который встал с колен в своем старом агрессивном обличье, неприятное для всех нас явление. Хочу только сказать два слова, так, наблюдения с моей стороны. В этом десятилетии поднялась Индия, но вершины не достигла. В следующем десятилетии поднимется Китай. Боюсь, что Китай, а не Россия станет «черным лебедем» для Штатов, ведь войны бывают не только «горячими» или «холодными», но еще экономическими. Но мы отвлеклись. Вы говорили про выборы.

- Украине интересно, чтобы Китай стал угрозой, прежде всего, для России, - возразил Серж.

- Наверяд ли. Два авторитарных режима скорее объединяться, чем будут враждовать.

- Все будет зависеть от рынков сбыта.

- Время покажет, - фон Нарвиц не хотел ввязываться в дискуссию.

- Ну, так вот, возвращаясь к выборам. Первые парламентские выборы после Оранжевой революции были также первыми выборами, которые проходили по партийным спискам. Эти списки оказались еще той аферой! Главы партий тут же стали торговать местами в своих списках. Каждый мог купить себе место в той или иной партии, ведь никто не знает, кто в этих партийных списках спрятан, знают имена, максимум, первых десяти, так называемой «витрины». Тимошенко намеревалась взять много голосов, поэтому начала продажу загодя. Сначала места в ее списке шли по 100-200 тысяч долларов, перед самыми выборами она торговала местами в своих списках уже по миллиону. Небедные люди платили...

- За что же платили? – спросил обескураженный Нарвиц.

- Как за что? Прежде всего, за неприкосновенность, тогда в Юлину партию зашло много разных «темных лошадок», в том числе, и тех, на ком уже висели уголовные преступления. Ну, и потом, за возможность лоббировать в парламенте свои интересы или интересы своих хозяев, которые купили для них места. Но вот сюрприз! На выборах победила «Партия Регионов» Януковича. Донецкие взяли реванш.

- Что ж тут удивительного? После революции всегда наступает реакция.

- Как вы понимаете, после этой победы, назначение Януковича премьером было делом решенным. Интересно то, что люди, покупавшие места в списках Юлиной партии, были очень разочарованы. Они же выкладывали такие бабки не за то, чтобы быть в оппозиции, а за то, чтобы быть во власти! И вот они начали бросать мандаты и переходить в партию Януковича. Тогда-то Ющенко аукнулись его договорняки и компромиссы. Сразу после Оранжевой революции, в угоду Януковичу и его донецкому клану, он согласился ограничить власть президента. Теперь огромная власть была сосредоточена в руках у премьера, а премьером стал Янукович. То, что Ющенко это допустил, было предательством. Мы когда-нибудь

узнаем, сколько донецкие заплатили ему за возврат этой кремлевской марионетки в кресло премьера. Янукович уволил всех министров, назначенных по квоте президента и начал продавливать через парламент нужные ему законы. Ющенко стал ветировать его законы, и тогда Партия Регионов, чтобы иметь конституционное большинство, стала открыто покупать депутатов из фракции самого Ющенко. Они почти достигли цели. Суммы, которые тогда ходили по парламенту, превышали бюджет всей страны. Весна 2007 года выдалась бурной. Столкновения между силовиками президента и силовиками, что подчинялись премьеру, удалось избежать только чудом. Ющенко четыре раза издавал указ о роспуске парламента, но парламент распускаться не пожелал – у партии Януковича уже было 270 голосов. Наконец, были назначены внеочередные выборы на сентябрь 2007 года, которые снова выиграла Партия Регионов. Однако на этот раз премьером стала опять Тимошенко.

- Как же ей это удалось?! – воскликнула Лиза.

- Ей удалось сколотить коалицию. Под светлое будущее. – В голосе Сержа послышалась издевка, почти ненависть.

Руперт разливал по пузатым бокалам коньяк. Серж обхватил бокал своей широкой ладонью, немного подержал его и, когда янтарная жидкость согрелась, поднес бокал к губам. Вдохнув полный грудью аромат и задержав дыхание, он закрыл глаза. Фон Нарвиц внимательно наблюдал за ним. Отпив большой глоток, Серж продолжил свой рассказ:

- Открытый дрейф Тимошенко в сторону Кремля начался в 2008 году, когда Россия развязала войну против Грузии. Янукович и его партия попросили Юлию не голосовать за резолюцию о признании России агрессором и она согласилась. Между прочим, эта российская вылазка против Грузии была лакмусовой бумажкой не только для Тимошенко, но и для всего мира.

- Прежде всего, для Европы, – уточнил Нарвиц. – Проглотила Европа агрессию.

- Очередной передел Европы состоялся после развала СССР, который Запад интерпретировал как собственную победу в «холодной» войне, – после первого большого глотка, Серж медленно смаковал коньяк. – Запад забрал то, что отдал Сталину под оккупацию после победы во Второй мировой. Думаю, что именно тогда, в начале 90-х, Запад на словах пообещал не распространять зону своего влияния на бывшие союзные республики, заложив, таким образом, фундамент для будущей войны.

- Что ты имеешь в виду? – спросила Лиза.

- Ну, как же? Россия объявила себя наследницей СССР, значит, рано или поздно захочет вернуть свое – потерянное и утраченное.

- То есть Запад признал интересы и сферы влияния России? – вмешался фон Нарвиц.

- Судя по всему, признал, опять же, на словах. Поскольку раздел сфер влияния не сопровождался никаким официальным документом, Россия перестраховалась – чтобы наверняка оставить некоторые республики под своим влиянием, Кремль применил особую гибридную технологию. Найти или внедрить в бывшую союзную республику сепаратистов и затем, с их помощью, оторвать кусок территории теперь уже независимой державы. Так поступили с Молдовой и с Грузией. Теперь их не возьмут ни в НАТО, ни в ЕС, поскольку обе страны имеют оккупированные территории. Кстати, Европа не просто, как вы говорите, проглотила агрессию. Эксперты ЕС определились с виновным в развязывании военного конфликта в Грузии – в докладе международной комиссии под руководством Хайди Тальявини, вина за российское вторжение возлагается на Тбилиси и президента Саакашвили. Россия, естественно, приветствовала такое заключение комиссии.

- Услуга за услугу – треть европейского газа поступает из России, не говоря уже о сотнях миллионов российских денег, осевших в европейских банках. В Украине есть сепаратисты? – поинтересовался Нарвиц.

- Увы, есть. Если Путин вынашивает подобный план в отношении Украины, то он нацелится, прежде всего, на Крым и Донбасс.

- Значит, ждать войны? – спросила Лиза.

- Если в следующем году к власти придет Янукович, то, да, война неизбежна. И, потом, ты же слышала речь Путина в Мюнхене? Он же там во всеуслышание заявил, что соглашаться с «однополярностью» мира больше не намерен. По сути, это было объявлением новой «холодной» войны, но Запад предпочел не понять, о чем говорил Путин.

В комнате воцарилась тишина. Лиза не сомневалась, что Путин не отпустит Украину и сейчас просто выжидает подходящего момента. И, конечно, его ставленник Янукович этот момент организует. Будущее рисовалось очень беспокойным.

- Давайте я доскажу вам про Тимошенко, так, чтобы картина была полной. – Серж вопросительно посмотрел на своих собеседников – не возражают ли? Поскольку они промолчали, он продолжал. – В 2008-2009 годах, после грузинской войны, разразился газовый конфликт между Россией и Украиной. Украина поддержала Грузию в ее борьбе против захватчика-соседа, громко заявив о своей позиции. Президентом в России тогда был Медведев, которому доверили на один срок погреть своей задницей кресло для вечного Путина. Так вот, после того, как Украина безоговорочно поддержала Грузию, Медведев вдруг объявил, что для Украины газ становится дороже ровно в два раза. Кроме того, прокладка, созданная Ющенко – «РосУкрЭнерго», якобы, задолжала Газпрому более 2 млрд. долларов. Ющенко платить отказался. Тогда Россия стала давить на Украину через Европу. С 1 января 2009 года Газпром прекратил поставки газа для Украины, а с 5 января значительно уменьшил поставки для Европы. Президент Ющенко пытался уговорить европейских лидеров подождать еще немного, получая газ из украинских хранилищ. Он надеялся, что Европа вместе с Украиной выстоит, не позволив России заниматься шантажом, превратив газ в оружие против непослушных и несогласных, и, следовательно, ей негодных.

- И как же поступила Европа? – спросила Лиза.

- Не Европа, а Германия, действовавшая от лица Европы. Меркель играла на два фронта: с одной стороны, она, вроде бы, поддерживала Ющенко, обещая «дожать» Россию, а, с другой, посоветовала Тимошенко поехать к Путину на переговоры. Юлия поехала в Москву и подписала с Путиным новые газовые контракты. Она тогда «не дала Европе замерзнуть» и подыграла Путину, открыто кинув Украину. Тимошенко подписала не только самую высокую цену на газ в Европе – 415 долларов за тысячу кубов, но и разорвала корреляцию цены на газ и цены на транзит, установленную во время Кучмы – чем дороже газ для Украины, тем дороже транзит. Разорвав эту зависимость, Тимошенко подписала два разных контракта – цена на газ стала самой высокой, а цена на транзит – самой низкой за все существование трубы. Кроме того, Украина была обязана брать 52 млрд. кубов газа в год и, если ей не нужны были такие объемы, она все равно должна была оплачивать 52 млрд. кубов. Эта кабала делала невозможным разработки собственных месторождений, поскольку все деньги уходили на покупку российского газа. Специалисты подсчитали, что за следующие десять лет Украина понесет невозвратных убытков на сумму 32, 1 млрд. долларов. Многие тогда говорили, что за такое предательство государственных интересов Тимошенко надо было расстрелять.

- А она баллотируется на пост президента в следующем году. – Лиза не могла постигнуть, как можно только что ограбленный тобой народ совращать мыслью о том, что ты хочешь стать его лидером? Что это – цинизм, скотство, полное отсутствие не то, что совести, а элементарной порядочности?

- Юлия надеется на канцлера Меркель, – сказал Серж. – Она не скрывает своей уверенности в том, что, подписав газовые соглашения в ущерб Украине, выйдет сухой из воды. Ведь она сделала добро Европе, которая мерзла, поэтому Европа поддержит ее. Меркель дала Юле гарантии личной безопасности – чтобы она ни подписала, ее никто не тронет. Однако на выборах в следующем году Тимошенко проиграет.

- Откуда ты знаешь? – спросила Лиза.

- Без сомнения. Этими газовыми контрактами Путин выбил ее из седла, очистив дорогу своему протеже Януковичу. Вот так в Кремле использовали одного своего агента во благо другого.

- Господи, как же народ все это терпит?! – не выдержала Лиза.

- Не торопись, нашему народу еще один сюрприз приготовили. У меня есть информация, что, в самое ближайшее время, «оранжевая» Юлия, которую революция вынесла на самый верх политического Олимпа, и осмеянный и навсегда проклятый той же революцией Янукович, образуют в парламенте широкую коалицию на 300 голосов, расписав на 25 лет вперед, кто будет президентом, кто – премьером. Вся Украина будет поделена на электоральные секторы, в которых 14 миллионов голосов отойдет Януковичу, а 13 миллионов – Тимошенко, а, на следующих выборах, будет все наоборот. Должности распределены вплоть до сельских школ – от кого директор, а от кого – завуч. Наброски этого сотрудничества уже сделаны при посредничестве Путина. Ему, видно, захотелось подсластить пилюлю, которую в следующем году проглотит Тимошенко, когда проиграет президентские выборы. Она будет премьером, а потом, Янукович станет премьером, а она – президентом. Архитекторами этого договорняка являются Ахметов и Медведчук – тот, что кум Путина. Уже подготовлен новый текст Конституции, соавтором которого выступает тот же Медведчук. Ты понимаешь, – Серж обратился к Лизе, – Тимошенко и Янукович – оба ставленники Кремля и добром, как ты понимаешь, следующие выборы для Украины не закончатся.

- «Есть ли необходимость в Аде, разве недостаточно самой жизни?», – докуривая сигару, Эдмунд фон Нарвиц очень к месту вспомнил слова де Виньи.

- Наш мир сжирают три вещи: абсолютная и неконтролируемая власть, политические преступления и большие, грязные деньги, – добавил Серж, подводя итог всему разговору.

- Двадцатый век положил начало откровенной жажды власти. В двадцать первом веке жажда власти превратилась в эрос власти. Сначала добиться власти во что бы то ни стало, а потом использовать власть для удовлетворения своего непомерно раздутого эго, которое требует, с одной стороны, роскоши и удовольствий, а с другой – подавления, унижения и жестокости. Власть развращает. – Нарвиц объехал на своем кресле стол и подъехал к камину. Руперт хотел набросить ему на плечи плед, но он отказался.

Ему понравилось, что этот мужчина так близко к сердцу принимает положение обманутого народа, осознавая, что преступления и ложь стали основными компонентам современной политики. И не только в Украине, практически везде одно и то же.

Лиза смотрела куда-то в глубину комнаты, как будто пытаясь рассмотреть там будущее Украины. В Украине родились ее предки, там родилась она сама, там

родился ее сын Игнат и там, в Украине, родился ее внук. Что ему готовит будущее? Мир или войну? Выборы 2004 года, когда Путин пытался протолкнуть на пост президента Украины своего ставленника Януковича, были одной из попыток Кремля бескровно оккупировать Украину. Тогда Путин потерпел поражение. Попытается ли он снова? Он уже пытается, он никогда не оставлял своих попыток. Ему нужна Украина. Два года тому назад, в Мюнхене он заявил о своих имперских амбициях. Россия снова должна стать империей, а без Украины это невозможно. Если в следующем году президентом станет Янукович, то война неизбежна. Ради порочной идеи, заблуждения или сумасшествия одного человека, обладающего абсолютной властью, одни будут посланы убивать других. Но разве можно себе представить, чтобы россияне стали убивать украинцев? Неужели это возможно?! Господи, кто защитит Украину? Все те же политические персонажи, разными способами, методами и технологиями, продолжат уничтожать Украину изнутри. Серж только что нарисовал удручающую картину последних пяти лет, прошедших с тех пор, как началась Оранжевая революция. Обещания украинских президентов, которым народ верил и которых приводил к власти, так и остались обещаниями. Да, что там говорить, интересы народа никто из них никогда не брал не то, что близко к сердцу, но даже во внимание! Они лгали, лгали и лгали... Они громко орали про то, что Украина идет в Европу, а сами исподтишка лизали Путину руки. Они продадут Украину еще раз, а Путин расколется ее окончательно и отберет у нее земли. Да, война начнется и военные преступления против украинского народа будут совершены, но тогда, в канун Рождества 2009 года, до войны еще оставалось время...

* * *

На следующее утро все встали поздно. Собрались в большой зале, там, где стояла высокая елка, сверкавшая огоньками. В камине пылал огонь, а на столе, рядом с камином, был накрыт поздний завтрак. Стефания попросила Сержа помочь ей принести кукольный домик из ее комнаты и закрепить на нем второй этаж. Серж сидел на ковре, Стефания помогала ему, подавая части стен, пола и перегородок, на которые он указывал. Лиза, расположившись в углу дивана с чашкой кофе, смотрела, как у нее перед глазами вырастал игрушечный домик. Фон Нарвиц сидел в своем кресле у окна и смотрел на сад.

Лиза думала о том, что ее теперешняя жизнь напоминает обитание в кукольном домике. Прекрасный дом со всем необходимым и сад, в котором скоро появится ее мастерская. Она специально называла эту будущую постройку «мастерская», а не «студия», потому что так свой неказистый белый домик в Измаильском саду называл Василий. Там он держал свои кисти, холсты и столярные инструменты. Там он уединялся, чтобы творить или чтобы напиваться.

Что ей делать? Ведь желать больше нечего. Будущее Стефании предопределено и обеспечено, сама она тоже чувствует себя в полной безопасности. Неужели чувство защищенности стало главным и единственным смыслом ее жизни? А любовь, а преодоление трудностей по дороге к самым невероятным целям и мечтам? А свершения? Если ее не свалит какая-нибудь болезнь, ей осталось еще лет сорок осознанной жизни. Что же, она проведет их здесь, в тишине и покое, под сенью кукольного домика?

Она поднялась, прошла через комнату, на ходу улыбнувшись Стефании, корпящей над сооружением своего домика, и вышла в сад. Она шагала по дорожке к столу из желтого песчаника, на котором стоял огромный букет. Вчера утром она поставила в большую вазу срезанные с ели нижние ветки, добавив к ним поздние

розы, что еще цвели в саду, и пару желтых хризантем на длинных ножках. Как будто принесла букет на могилу своих давних и приятных воспоминаний. Теперь она остановилась, любуясь своим произведением. Ей бы хотелось, чтобы сейчас из дома вышел человек, которого она любила бы, в руках у него была бы бутылка шампанского и два бокала. Они бы сели за этот стол с букетом из еловых ветвей и, смеясь и целуясь, стали бы праздновать. Только они, только вдвоем.

«Мне нужен тот, кто уже не спешит, кто уже свершился, узнав себе цену, заставив людей уважать себя и подчинив себе обстоятельства. Неужели мне его так и не встретить?» - подумала она.

Услышав шаги, она обернулась. По тропинке к столу шагал Серж. Вместо шампанского, в его руке была ее шаль.

- Я вечером уезжаю. Хочешь поговорить? – спросил он, укутывая ее плечи.

- Я буду скучать, - ответила Лиза. – Что ты хочешь услышать? Что я одинока, что я давно никого не любила?

- Эдмунд любит тебя и ревнует.

- Я знаю, но быть любимой и любить не одно и то же.

- Я тоже люблю тебя. – Серж подошел к ней, обнял ее, наклонился к ее лицу и поцеловал ее. Сначала, желая отстраниться, она сделала произвольное движение плечами, но потом обмякла, обвив сначала одной рукой, потом другой крепкий затылок Сержа. Поцелуй все длился и длился, как будто ей надо было напиться живой воды из источника чужой любви.

Фон Нарвиц сидел у окна и наблюдал за тем, что происходило у того самого стола, где девять лет тому назад, он и она пили Шардоне, закусывая прекрасное вино виноградом и сыром. Жизнь тогда ему улыбнулась, намекнув на счастье. А сейчас он смотрит, как другой целует женщину, которую он любит. Он смотрит на этот поцелуй и прекрасно понимает, что он эту женщину не удержит. Стефания будет расти, учиться, набираться премудрости. Возможно, он доживет до того времени, когда она встанет у руля его империи. Но вот ее мать... Эту ищущую любовь душу, вечную странницу, беспокойный и сильный дух, что не терпит оков, эту рыжую талантливую женщину ему не удержать. Она проживет какое-то время здесь, а потом будет приезжать и уезжать. Эта непокорная женская особь еще не устала бороться с судьбой и доказывать Богу, что она достойна не людской любви, со всей ее ложью, продажностью, скукой и компромиссами, а божественной любви. Она не найдет ее на Земле, но будет продолжать ее искать.

Вечером Серж улетел обратно в Киев. Стефания спала, Нарвиц и Лиза поужинали в одиночестве. О поцелуе он не обмолвился ни словом. Она тоже промолчала.

На следующее утро, сойдя вниз, она увидела в холле несколько чемоданов, стоявших в ряд. Руперт спускался по лестнице, в руках у него было еще два чемодана.

- Кто уезжает? – спросила Лиза.

- Господин и я, - коротко ответил Руперт.

- Но почему? Куда вы едите? Почему мне ничего не сказали? – во всех этих вопросах звучала растерянность и обида.

В это время двери лифта открылись и оттуда появился фон Нарвиц в своем кресле. Он был одет в строгий костюм, а на коленях у него лежало свернутое пальто.

- Ты уезжаешь? – спросила Лиза.

- Да, дорогая, я уезжаю. – Эдмунд посмотрел на нее с сожалением.

- Ты планировал эту поездку? Почему же мне ничего не сказал? Это как-то связано со мной? Что-то не так?

Нарвиц хотел ей сказать правду: «Да, это связано с тобой. Ты слишком часто и подолгу отсутствовала. Теперь уезжаю я», - но вместо этого солгал:

- Мне пора нанести визит в своей лондонский офис и показаться моему врачу. Наше виртуальное общение с ним слишком затянулось. Я неважно себя чувствую, думаю, мне пора подлечиться.

- Почему же ты меня не предупредил? Ты скрыл эту поездку и теперь выходит, как будто ты меня за что-то наказываешь. – Лиза с трудом сдерживала слезы.

- Что ж, не моя вина, если ты так думаешь. Разубеждать тебя я не буду.

Фон Нарвиц развернул свое кресло и направился к двери. Руперт последовал за ним. Вскоре заурчал автомобиль и послышался шорох гравия под его колесами. Лиза стояла посреди холла, как громом пораженная. Она прошла на кухню, где повар возился с обедом.

- Не надо, - сказала Лиза. – Я сама приготовлю. До возвращения Эдмунда фон Нарвица вы свободны.

После обеда она ждала приезда Игната. Ее сын позвонил, сказал, что самолет приземлился и они на такси едут к ней. Несколько раз она подходила к окну, потом снова возвращалась к Стефании. Ей было неуютно в этом огромном доме. Она нервничала, причин для ее беспокойства было две – отъезд Нарвица и приезд Игната.

Услышав звонок, раздавшийся у ворот, она побежала по дорожке открывать. Толкнув калитку, она увидела, что Игнат расплачивается с таксистом. Как только он обернулся к ней, она бросилась к нему, крепко его обняла и долго не отпускала. Разжав объятия, она увидела мальчика, с любопытством разглядывавшего большой дом.

- Алекс, неужели это ты? – Лиза нагнулась и обняла своего внука. «Наша порода, - подумала она, - пшеничные волосы, черные брови и крепкий подбородок». – А где Лара? Почему она не приехала? Я ждала ее.

- Она неважно себя чувствует. – Вид Игната и тот тон, которым он это сообщил, никак не соответствовали новости о плохом самочувствии. – Она ждет ребенка. Мы решили, будет лучше, если она останется дома и отпразднует Новый год со своими родителями. Врачи сказали, ей нужен покой, во всяком случае, до конца первого триместра.

- Поздравляю, родной! Будет девочка, вот посмотришь!

Обняв одной рукой сына, а другой внука, Лиза повела их к дому. И вдруг, когда они были на полпути, дверь дома распахнулась и на крыльце появилась Стефания. Сорвавшись с места, она, во весь опор, понеслась им навстречу. Не понимая, куда несется эта девочка с гривой черных кудрявых волос, Игнат, на всякий случай, присел и протянул ей навстречу руки. Со всего разбегу она плюхнулась в его объятия. Он подхватил ее, высоко поднял и спросил:

- Ты кто такая?

- Это твоя сестра, - сказала Лиза. – Ее зовут Стефания.

Игнат опустил Стефанию на землю. Не выпуская рук Игната из своих, Стефания смотрела на него своими умными искрящимися глазами.

- Знаешь, что? – обращаясь к Игнату, Стефания начала доверительно делиться с ним своими соображениями. – У меня есть папа, есть крестный отец, с которым мы друзья и который привез мне кукольный домик, и теперь у меня есть брат.

- Видишь, сколько вокруг тебя мужиков, Стефания? Везет же тебе! – рассмеялась Лиза.

- Почему мне везет? – спросила Стефания.

- Потому что они все любят тебя. Разве это не здорово?

- Посмотрим, как это будет, - ответила Стефания, пытавшаяся выглядеть взрослой. Подойдя к Алексу, она самостоятельно познакомилась с ним, назвав свое имя и спросив, как его зовут. Взяв его за руку, она повела его по дорожке к дому.

Поскольку Игнат молчал, Лиза решила, что сейчас самое подходящее время вкратце обо всем ему рассказать.

- Когда я была в Киеве, помнишь, я потеряла сознание, и мне пришлось провести день в больнице? Тогда я узнала, что жду ребенка. Я не могла сказать тебе, потому что Лара в тот день рожала вашего первенца. Я не хотела портить тебе праздник. Ты так волновался, что я не посмела огорошить тебя новостью про свою беременность. Стефания дочь Джорджа. Когда я вернулась сюда, мы с ним расстались. Он не хотел ребенка. Я уехала на Эгину и там родила дочь. Потом сняла небольшую квартирку в Агии Параскеви и прожила с ней там четыре года, растя и воспитывая ее. И опять не могла тебе ни сказать, ни написать. Я не специально тебе не говорила, просто не знала, как сказать. Прости меня.

Игнат немного помедлил, потом нежно обнял свою маму.

- Ну и новость... Неожиданная, но я рад. Господи, я очень рад! У меня есть сестра. Это же прекрасно!

- Спасибо, - Лиза оперлась на его руку и они медленно зашагали по направлению к дому. - Как там Анна? Я звоню ей, но наши разговоры становятся все более короткими. Она стала плохо слышать, видно, надо опять переходить на письма.

- Держится наша бабуля. Ей в следующем году девяносто стукнет, что ты хочешь? Она не только плохо слышит, но теперь часто путает Алекса со мной, когда я был в его возрасте. Называет его Игнатом.

- Так он и есть ты.

- Нет, мама. Он не я и он проживет свою жизнь.

- Он, конечно, проживет свою жизнь, но, если бы не было тебя, не было бы и его. Если бы не было меня, не появился бы на свет ты. Наши дети - это часть нас самих. В этом и есть бессмертие наших душ. Поэтому, идя на войну, мужчины идут защищать, прежде всего, свои семьи. Тогда им не страшно умирать.

- Что это тебя потянуло на грустное? Ты мне лучше скажи, чей это дом?

Поднявшись с Игнатом по ступенькам, Лиза открыла дверь, пропуская внутрь своего сына.

- Проходи, я тебе сейчас все расскажу о том замечательном человеке, которому принадлежит этот дом. Давай, проходи...

Закрывая дверь, она посмотрела на сад и подумала: «Ну вот, одни уехали, другие приехали. Моя большая семья... Анна еще жива, а мой сын скоро снова станет отцом. Плохо, что Эдмунд уехал, а мне так хотелось собрать всех за праздничным новогодним столом! Ничего, он вернется, ведь здесь его дочь. А меня, женщину, желавшую любить, он поймет и простит. Не знаю, что за будущее Господь и судьба приготовили для нас всех, но, что бы ни случилось, мы справимся. А сейчас, дети будут играть, а мы с Игнатом пойдём на кухню и займемся стиркой».

Продолжение следует.